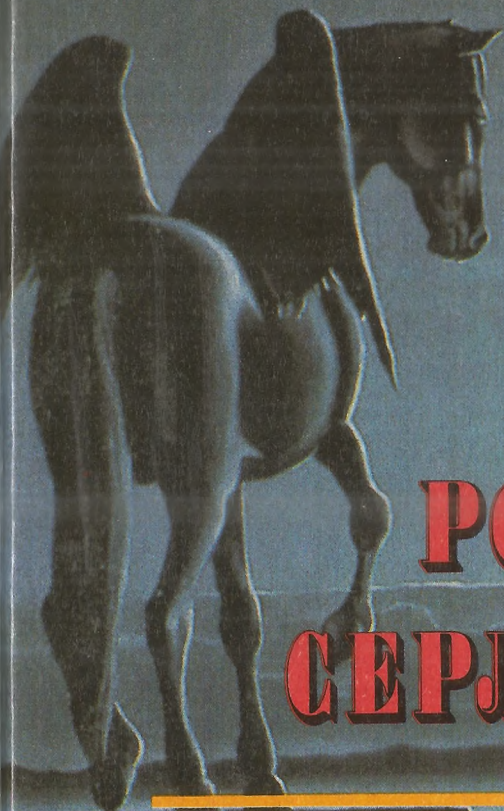

ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Р. СЕРЛИНГ

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

РОД
СЕРЛИНГ

ПОЛУНОЧНОЕ
СОЛНЦЕ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

РОД
СЕРПЕНТИНГ

ПОЛУНОЧНОЕ
СОЛНЦЕ

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ГИПП «Нижполиграф»
1993

ББК 84.7 США
С 27

Художник Владимир Ан

На обложке использованы
работы Габриэлы Берндт (ФРГ)
Воспроизводятся с любезного разрешения
автора

Серлинг Род

С 27 Полночное солнце. Фантастические рассказы / Состави-
тель С. Барсов. Пер. с англ. Г. Барановской, А. Молокина,
Г. Сугробовой. — Нижний Новгород: ГИПП «Нижеполиграф»,
1993. — 400 с.: ил.

ISBN 5-7628-0015-6

Произведения популярного американского фантаста, лауреата премии
«Хьюго», еще мало известны российскому читателю. В сборник вошли как
научно-фантастические, так и мистические рассказы о загадочной «сумереч-
ной зоне» бытия.

С 4703040100-005
93 без объявл.

ББК 84.7 США

ISBN 5-7628-0015-6

© Составление, перевод, оформление. Издательство «Флокс», 1993
© ГИПП «Нижеполиграф», 1993

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

Они были отличной командой, так помнил их Боб Эмбри с той последней ночи, которую они провели вместе. Как и сам Эмбри, каждый был неотъемлемой частью своего самолета «Кинг Найн», так назывался их «бойнг», который принадлежал Двенадцатому полку воздушных сил США, базировавшемуся в Тунисе. На следующий день они собирались на выгодное дело — бомбардировку южного побережья Италии, что они делали и раньше, во время этой напряженной кампании 1943 года.

Будучи капитаном, Эмбри старался подбодрить своих товарищей не только ответственными формулировками, но и шутками.

— Это как обычная рыбалка, ребята, — говорил он. — Около Лонг-Айленда, когда нерестится макрель или селедка. Ребята, хотелось бы мне встретиться с таким косяком рыбы! Но вы должны приготовиться к этой встрече. Вы много потеряете, если ваши снасти слишком засветятся.

Билл Клайн, носивший нашивки технического сержанта, высказался.

— Командир, ты говоришь об этом так, словно рыбалка — действительно жаркое дело.

— Так и есть, — заверил Эмбри. — Лодки выходят в море, как и

мы. Все, что есть впереди тебя — это море и небо, пока не долетишь до цели. Потом закидываются удочки так же, как и мы сбрасываем бомбы с «Кинга». Когда ваша миссия завершена, вы едете домой.

— Но есть разница, командир. Те коробки обязательно вернутся назад.

— Не всегда. Флотилию может разбросать шторм, и я был в числе тех, которым повезло и они дотащились до порта. Но на ловле мне всегда везло, поэтому повезет и завтра. Когда-нибудь я всех вас возьму на рыбалку, в одно из таких рыбных мест, как Фермы или «Семнадцать фатомов»*.

Голос Эмбри затих; он сжал голову руками. Команда знала, что у командира приступ возвратной лихорадки. Клайн в надежде снять приступ отпустил острогу.

— А если подумать, командир, всю свою жизнь я прожил в Бронксе, и пока ты нам этого не сказал, я бы никогда не узнал, что кто-нибудь рыбачит у Лонг-Айленда.

— Да ты и о Лонг-Айленде не слышал, — вставил Джерри Блейк, второй пилот. — О'кей, ковбой из Бронкса, проваливай вместе со своими приятелями, а мы с командиром обсудим здесь детали полета.

Как только все вышли, Блейк позволил себе дать совет:

— Тебе лучше обратиться к врачу, Боб, и еще найти то лекарство, что помогало тебе раньше. Все ребята с тобой. Вот почему им очень важно, чтобы завтра ты был вместе с ними.

— Хорошо, Джерри. — Эмбри неуверенно поднялся. — Я иду к врачу. И когда-нибудь, Джерри, мы отправимся вместе на рыбалку, как я сказал. Ничто не отвлекает от забот так, как рыбалка.

Не то, чтобы Роберт Эмбри беспокоился. Во время тренировочных полетов в Амарилио он показал свое хладнокровие. В Рэндолфе он освоил сложные двигатели. Потом он отправился в Англию, а затем — в Африку. Теперь, в возрасте двадцати четырех лет, он отправлялся на тридцать восьмой вылет. Но когда «Кинг Найн» взлетел, это стало всего лишь очередной рыбалкой для Эмбри и его команды.

Было жаркое североафриканское утро, когда бомбардировщики вылетели на задание. Их продвижение отмечалось в диспетчерских комнатах ВВС Великобритании, где внимательные глаза следили за искусными руками, передвигавшими разноцветные фишки вперед и назад по столу, напоминавшему гигантскую шахматную доску. Доносились обрывки докладов руководящих этой серьезной игрой. Один из офицеров снял трубку с дребезжащего телефона, коротко ответил, а затем объявил:

— Янки докладывают о сильном воздушном налете на Бари. Последний пролетел над Ромади и направился в пустыню. У нас там в воздухе группа «москитов». Пусть держат ухо востро.

---

* Фатом — морская сажень = 6 футам.

— Какой тип самолета? — спросил человек за столом.

— «Боинг-25. Митчел», — ответил офицер. — Название — «Кинг Найн».

Он проследил, как человек у стола передвинул соответствующую фишку. Затем проговорил в трубку:

— Мы позвоним вам, если что-нибудь услышим, сэр. Конечно, если они попробуют пересечь пустыню, у этих бедняг не слишком большой шанс.

Единственным человеком, который был согласен с этим мнением, был Боб Эмбри. Командир «боинга» часто летал над пустыней и хорошо представлял губительную жару тех бесконечных песков внизу. Теперь он чувствовал ее сам, такую ужасную жару, что сначала принял ее за приступ возвратной лихорадки. Потом он нашел, что никогда, даже в самые трудные минуты, его не сражало такое палящее чувство.

Лежа лицом вниз, Эмбри чувствовал, что его душит песок. Он не был мягким, скорее, жестким, впивался в его лицо, руки, даже в униформу.

Медленно, как во сне, он поднялся, чувствуя, что жаркий песок все еще цепляется за его одежду. Когда он провел рукой по лбу и лицу, то почувствовал еще больше пота и масляное пятно. Он открыл глаза и увидел неровный белый песок и ничего больше, пока полоска темноты на ближайшей дюне не посулила облегчение.

Когда Эмбри приблизился, прикрывая глаза, темнота шевелилась и вздыхала, завершалось все металлическим скрежетом. Эмбри озадаченно взглянул вверх и увидел «Кинга», почти целого, но наполовину похороненного песком. Чернота была его тенью; вздохи — пустынными ветрами, скрежет же издавала ослабленная часть фюзеляжа, хлопавшая на капризном ветру.

Эмбри мог несвязно вспомнить трудности обратного полета: как был прострелен боковой бензобак, как «Кинг» терял горючее на всем обратном пути, как они отстали и сбились с курса. Эмбри не сомневался, что они садились на брюхо, и неожиданно понял, что основывается на том, что видит. Но, разумеется, это не объясняло, как он сам очутился на животе в нескольких сотнях футов от бомбардировщика.

Странно, насколько глубоко самолет зарылся в песок. Никакой ураган не мог принести такое его количество, поскольку в противном случае самолет был бы засыпан целиком. Скорее, это походило на результат длительного накопления, но и это было очень неправдоподобно. Самым логичным было предположить, что «Кинг Найн» зарылся в песок, выполняя вынужденную посадку. Это мог прояснить экипаж, но где же они?

— Приказывал ли я им прыгать с парашютом? — громко спросил Эмбри, словно ожидая ответа от «боинга». — Нет, не приказывал. Мы все летели в самолете, все до одного.

Он помолчал, затем огласил список, который знал так хорошо.

— Я, Роберт Эмбри, командир. Блейк, второй пилот. Крэнски, радист и стрелок. Джиминез, штурман. Коннерз, хвостовой стрелок. Клайн, верхний башенный стрелок. Дайте подумать, кто еще?

Слова подхватил и повторял горячий ветер пустыни: «Кто еще? — Кто еще? — Кто еще?» — пока он лихорадочно не осознал, что это вся команда. Что еще хуже, на эти имена некому было отозваться, кроме самого командира. Он был один-одинешенек в великой белой тишине обширной Ливийской пустыни, он и помятый бомбардировщик «Кинг Найн».

Возможно, сам «бойнг» мог ответить на загадку? Воодушевленный этой мыслью, он добрался до дверцы верхней башни и упал вниз.

Добрался до мест, которые занимали он и Блейк. Оба сиденья были пусты, поэтому он нашел свое место, осмотрел приборную доску, потрогал тумблеры, надеясь, что прикосновение к ним прояснит его сознание. На рычаге висела офицерская фуражка, но не его. Внутри он прочел: «Блейк, Джеральд С., Первый лейт., ВС США». Эмбри повернулся в хвост самолета и позвал: «Блейк!»

Ответом был стон ветра через разбитое окно, затем потрескивание наушников, свободно свисающих над сиденьем радиста. Тогда Эмбри воскликнул: «Крэнски!», но ответа опять не было, он медленно пошел вдоль всего самолета, называя имена остальных:

— Джиминез! Коннерз! Клайн!

Все напрасно.

Наконец Эмбри увидел их парашюты, которые нетронутыми висели на местах. Это было доказательством того, что самолет сел на брюхо, что его выбросило и он долго пролежал без сознания.

Но экипаж не прыгал с парашютами, да и внутри не было мертвых товарищей, значит, они оставили его и куда-то пошли. Если так, почему они не взяли его с собой?

Пока он думал над этим, ему послышался звук дальнего радиосигнала. Он вскочил на место радиста, схватил наушники и вслушался, переключая тумблеры, и наконец схватил ручной микрофон. Напряженно, но профессионально он сказал:

— Мэйдей*! Мэйдей! Это «Кинг Найн». Вызываю Светляка... «Кинг Найн» вызывает Светляка... застряли в пустыне... Один час тридцать минут с последней поверки... температура — 90 градусов... местность плоская и песчаная. Низкие холмы к северу. Никаких других заметных деталей. Никаких следов экипажа. Мэйдей! Мэйдей! «Кинг Найн» — Светляку. Пожалуйста, отзовитесь.

Нет ответа. Радио молчало. Возможно, это слабое потрескивание было только в его сознании. Но ответственность за команду была реальной. Он по-прежнему был командиром экипажа, и его долгом

---

* Сигнал бедствия, аналогичный телеграфному сигналу «SOS».

было позаботиться о безопасности экипажа, если сначала ему удастся его отыскать.

Эмбри выбрался из самолета и влез на бархан, прикрывая глаза от палящего солнца, чтобы осмотреть неровный горизонт. Никого и ничего не было в поле зрения, поэтому Эмбри вернулся к самолету, по пути споткнувшись о какой-то предмет. Он поднял и встряхнул фляжку с водой. На ней значилось имя сержанта Клайна. Эмбри услышал свой громкий смех, в котором не было ни следа радости.

— Клайн, ты полный идиот! Ты потерял здесь свою фляжку. Ты — чокнутый ковбой из Бронкса! Ты же в пустыне! Тебе понадобится вода!

Теперь во что бы то ни стало нужно было отыскать Клайна и других, где бы они ни были. Эмбри почти бесцельно начал брести через дюны, держа в руке флягу Клайна и бессвязно, но громко разговаривая.

— Ну и команда у меня. Какое-то сборище придурков. Бегают вокруг и разбрасывают фляжки, полные воды.

Двигаясь дальше, Эмбри поднял голос до крика.

— Эй, команда! Вы где? Я в ответе за вас, ребята, или вы не знаете? Это нечестно с вашей стороны!

Потом он молча побрел через обширную тишину бесконечной пустыни. Ему хотелось выпить из фляги, но он берег воду для Клайна, который нуждался в ней больше него. Это вернуло его мысли в прежнее русло. Он снова закричал:

— Экипаж «Кинг Найна»! Здесь ваш командир! Вернитесь к своему папочке! Я должен присматривать за вами, ребятки. Куда вы ушли? Пожалуйста, парни, где вы? Хватит играть в прятки. Я в ответе...

Эмбри замолчал, поскольку раздался металлический звон — другой, громче, чем хлопанье фюзеляжа, оставшегося далеко-далеко позади. Звук был впереди, прямо перед ним, из-за этого Эмбри неожиданно застыл на месте. Это был шлем, свисающий с прямого куска металла и звеневший на ветру. На импровизированной доске были написаны простые слова:

Техн. серж. В.Ф.Клайн

Покойся с миром

— Клайн, прости, — потрясенно сказал Эмбри. — Ты, должно быть, не выдержал такой посадки. Только команда могла похоронить тебя здесь. Спи с миром, малыш.

Сверху раздался звук, резче, чем пустынный ветер, выше и громче, пока он не наполнил все небо. Эмбри посмотрел вверх и был обеспокоен видом трех самолетов с крыльями, сдвинутыми назад. Оставляя белые хвосты, они устремились к горизонту.

— Что это за тип самолета? — спросил самого себя Эмбри. — Я никогда раньше не видел самолетов такого типа. Мне не встречался ни один реактив... — Он не договорил этого слова, изумившись. —

Реактивный самолет! — повторил он. — Откуда я знаю о реактивных самолетах, здесь, в Африке, в 1943 году? Эти самолеты еще не созданы. Но я знаю о них. Это Ф-106, Ф-105 и Б-58. Но откуда они? Что они делают на второй мировой войне?

Эмбри опустил голову, и у него перехватило дух. Он был не один, его окружали лица, здесь, на могиле Клайна. Эти лица он знал, это была его потерявшаяся команда. Он называл их в таком порядке, в каком увидел, повернув голову.

— Крэнски — Коннерз — Блейк — Джиминез.

Все молча изучали Эмбри взволнованно, как фигуры из грез. Потом на фоне песка Эмбри увидел еще одно лицо с кровоточащей раной через весь лоб. Он прокричал последнее имя:

— Клайн!

Эмбри стоял на ногах, хватая фигуру призрака. Крепкие руки схватили его, и он увидел вокруг себя лица, но они не имели ничего общего с его командой. Потом Эмбри неожиданно упал, но не на рыхлый песок. Он ударился о крепкий настил. Когда он успокоился, он впал в бредовое состояние.

Произошло это много часов спустя в больнице, расположенной на Южном побережье Лонг-Айленда.

Оператор, сидевший на коммутаторе, позвонил в кабинет главного врача и сказал:

— Доктор Грэнтлэнд, вас вызывает Вашингтон.

Доктор, пожилой, методичный человек, с интересом выслушал детальное сообщение прямо из Пентагона. Он вышел в коридор и заговорил с человеком средних лет, чье загорелое лицо выражало крайнюю заинтересованность.

— Вы — мистер Мортон, тот самый парень, который привез сюда Эмбри?

— Именно так, доктор. — Дон Мортон кивнул. — Но я был знаком с ним только несколько месяцев. Мы встретились на рыбацкой лодке у Монтаука и с тех пор постоянно совершали поездки вместе. Как и все, кто увлекается рыбалкой, мы мало разговариваем. Хотя, придя на берег, он всегда говорил: «Голубое небо и белый песок», словно это было у него на уме.

— Сегодня он это говорил? Когда вы пришли на борт?

— Да, но никто не обратил на это внимания. Потом по радио говорили о новостях, в частности, о том, что найден бомбардировщик, который пропал в Африке около двадцати лет назад. Тогда Эмбри дико закричал. Мы его почти успокоили, когда над нами пролетели три реактивных самолета, и у него все началось снова. Он звал своих друзей, называя их по именам.

— Можете вы вспомнить некоторые из них?

— Да, меня он назвал Коннерзом, другого парня — Блейком.

— И Джиминезом, и Крэнски, и Клайном...

— Да, все эти имена. Клайн был последним. Называя это имя, он уже не смотрел на нас. Он показывал в воздух над бортом, словно видел его лицо.

— Вы очень помогли нам, мистер Мортон, — сказал доктор Грэнтлэнд, — и еще больше вашему другу Эмбри. В новостях не были названы эти имена, но Эмбри был командиром этого «боинга», а эти ребята были его экипажем.

— Но как он мог отправиться с ними в тот полет?

— Тогда он с ними не полетел. Накануне его свалила лихорадка. Они все пропали в пустыне, пытаюсь спастись, кроме Клайна, чью могилу в пустыне нашли.

Доктор пошел взглянуть на Эмбри, оставив Дона Мортон в приемной. Пациенту полегчало, и он сел в кровати. Когда он заговорил, в его голосе был вызов.

— Не говорите, что я там не был, доктор. Я видел «Кинг Найн».

— Я знаю, что вы видели свой самолет в пустыне.

— И еще кое-что я нашел там.

— Я знаю, что вы нашли: могилу Клайна.

Эмбри взглянул на него с довольным видом. Он нашел кого-то, кто верит ему. Напряженное выражение на его лице ослабело, когда он признался:

— Год за годом, доктор, я верил, что был в том полете — или заставлял себя верить. Мне хотелось думать, что я был там. Вдруг я услышал, что самолет нашли. Тогда я оказался возле него, как вы говорите, кроме того, что я действительно не принимал участия в этом полете. Но сегодня я и в самом деле вернулся туда, я в этом уверен.

— Да, вы мысленно посетили прошлое. Теперь вы знаете, что произошло и что вас ни в чем нельзя винить. Они сделали все, что могли, так, как если бы вы отдавали им приказы. Вы скоро поправитесь, поэтому вам лучше немного поспать.

Эмбри вытянулся, закрыл глаза и откровенно сказал:

— Я говорил ребятам, что когда-нибудь возьму их на рыбалку. Именно этим я и был занят, когда по радио читали новости. Я рыбачил и старался забыть, что меня там не было. Потом я побывал там, лежа на том песке, борясь с ним, как они, пока не нашел могилу Клайна. Потом я увидел их лица, и когда лицо Клайна присоединилось к ним, я понял, что все они умерли. Мне было бы легче, если бы не те реактивные самолеты. Во время войны их еще не было, поэтому меня слишком быстро вышибло из прошлого.

Голос Эмбри сонно затих. Доктор Грэнтлэнд покинул его и обратился к Дону Мортону, который ожидал в приемной и слышал весь разговор.

— В течение двадцати лет Эмбри страдал от странного порока, — сказал он. — И все из-за неуверенности в том, что же произошло на

самом деле. Теперь с этим покончено. Он скоро снова отправится с вами на рыбалку.

По коридору шла медсестра, держа одежду Эмбри для рыбалки, которая осталась в смотровом кабинете. Доктор указал на скамью.

— Положите вещи здесь, сестра, — велел он. — Я не хочу, чтобы пациента беспокоили. Я часто захожу к нему, чтобы проверить, спит ли он, и занесу одежду сам.

Ботинки Эмбри лежали поверх всей кучи и перевесили, когда сестра положила ворох одежды на узкую скамью. Когда она ловко подхватила вещи, из каждой складки и каждого кармана посыпался песок; а когда девушка похлопала ботинками, из них высыпалось еще больше песка, образуя большую белую кучу на полу. Доктор Грэтленд спросил Мортон:

— Как вы перенесли Эмбри через пляж? Волоком?

— Мы не приближались ни к какому пляжу, — ответил тот со страхом в голосе. — Мы отчалили от причала и пристали там же, когда вернулись. Оттуда мы отнесли его прямо в мою машину. Я не знаю, откуда взялся этот белый песок.

— Я тоже, — ответил доктор. — До встречи, мистер Мортон.

Но, судя по теплоте их прощального рукопожатия и белизне этого песка, Дон Мортон как-то почувствовал, что оба — и он, и доктор Грэтленд — думали об одном месте — Ливийской пустыне.

МАСКАРАД СМЕРТИ

В старые добрые времена в Новом Орлеане почти все знали «Мироу». Это был маленький магазин; из его окна, расположенного под балконом, смотрели лица. Стоял этот магазин недалеко от Королевской улицы. Лица, лица — их было огромное количество! Некоторые из них менялись каждый день, и окно, большинству людей казавшееся неизменным, на самом деле всегда было разным.

Каждый год наступало время, когда лица начинали исчезать из окна магазина Мироу, пока в окне не оставалось ничего. Но все же их можно было увидеть — все до одного! — на ярко освещенных улицах и в привычных общественных заведениях Нового Орлеана. И там лица из магазинчика стали бы смеяться над вами, бросать хитрые взгляды или взирать на вас торжественно и загадочно, в зависимости от собственного настроения или от состояния души их создателя, Мироу.

Ведь именно он, Мироу, сделал все эти маски и выставил в окне своего магазина, где продавались карнавальные костюмы. Именно здесь люди покупали или брали напрокат костюмы для большого ежегодного масленичного карнавала в Новом Орлеане, для знаменитого Марди Гра. Когда Мироу заканчивал новые маски, он выставлял

их вместо старых, и окно, таким образом, постоянно менялось. Оно пустело ближе к карнавалу, когда маски покупали одну за другой до самого Дня Жирного Вторника, который был венцом праздника, в этот день окно пустело. Маски надевали участники маскарада, сельчаки, заполнявшие весь Новый Орлеан.

Мироу знал своих покупателей, как любой торговец. Он был популярен продавцу газет, доставлявшему людям «Ежедневный Пустыак», или прачке, встречавшей своих посетителей раз в неделю, или парикмахеру, стригшему лишь раз в месяц. Но клиенты Мироу приходили только один раз в год. Именно поэтому он знал их намного лучше, чем все остальные торговцы. Просто у него было больше времени думать о них, кроме того, при посещении его магазина люди не торопились.

Разумеется, Мироу время от времени занимался и другим бизнесом. У него были немногочисленные клиенты, которым он продавал лотерейные билеты, талисманы на счастье и даже колдовские порошки, если в них была необходимость. Но подобная деятельность оставляла его равнодушным, подобно тому, как оборванцы, приходящие покупать грошовые булочки в магазине, не трогали сердца кондитера Броуларда, который поставлял огромные торты из мороженого для многочисленных приемов в честь Дня Жирного Вторника.

Среди клиентов Мироу было одно достопримечательное исключение. Его являл собой Пол Гарню. Он каждый день приходил в магазинчик и всегда что-нибудь покупал. Пол изучал законы, но бросил эту затею, поскольку учеба мешала его общественной деятельности. Ему нравилось смотреть, как Мироу делает маски, поскольку последние отражали настроение мастера. Кроме того, когда приближался праздник, Полу было интересно наблюдать, как посетители примеряют костюмы и позируют перед Мироу.

Он заметил, что после ухода каждого клиента старик делал короткую запись в маленькой черной книжке. После некоторых уговоров Мироу все же показал ее Полу, взяв с него клятву строжайшей секретности. В ней за определенными именами была аккуратно нарисована мертвая голова, и в каждом случае посетитель умирал в течение следующего года. Иными словами, Мироу знал, когда ежегодный посетитель к нему больше не придет, и объяснил Полу, в чем дело:

— Большинство масок веселые, потому что Mardi Gras* — весел сам по себе, и я пытаюсь уловить этот настрой. Но, если я печален, зол или крайне расстроен, это настроение передается маске, которую я делаю, а некоторые, тем не менее, выбирают именно эти маски.

— Вы имеете ввиду тех, кто собрался умереть?

— В некотором роде, но не всегда. Я ничего не знаю до того, как посетитель наденет маску. Тогда за его спиной появляется костистая

---

* Жирный Вторник (фр.).

фигура Неумолимой Жницы, готовая взять дань, которую она в конце концов получает. Вот, возьми мою Черную Книгу. Сравни ее с некрологами в «Ежедневном Пустяке»!

Пол сделал это и убедился, что Мироу прав на все сто. После этого он зачастил в «Мироу», ведь приближался Mardi Gras. Когда Мироу одобрял костюм кивком, казавшимся слегка печальным, Пол знал, что имя покупателя будет занесено в черную книжку.

Полу Гарнию пришла в голову идея. Он неплохо использует странный дар Мироу. Поэтому Пол начал убеждать свою подругу Шарлотту Энгард в том, что у нее есть второе зрение. Когда они ужинали в «Дизарде» или потягивали кофе на Старом Французском Рынке, Пол говаривал приглушенным голосом:

— Человек вон за тем столиком... разве ты не видишь Смерть, стоящую за его спиной, готовую схватить его своими костистыми руками? Честное слово, это же наш друг мистер Тусон, который открыл новый ювелирный магазин на Авеню Сент-Чарльз! Да, это он, но ни слова о скелете, который ты видела.

Бедная Шарлотта вскоре действительно начала видеть подобные вещи, поскольку она в них верила; причиной же этого была точность предсказаний Пола, которые он так ловко выдавал за ее собственные, хотя на самом деле они принадлежали Мироу. Через три или четыре года подобной игры Пол был готов к своему великому ходу, к победе в Луизианской Лотерее.

Луизианская Лотерея была признана незаконной несколькими годами раньше, но в нее все еще играли, правда, полулегально, хотя ее большой приз в 10000 долларов был лишь пустяком по сравнению со старыми годами. Самое главное — никто не мог выиграть в этой лотерее, потому что она была жульнической. Но лотерейные билеты в большом количестве продавались торговцами вроде Мироу, и Полу не стоило большого труда узнать, что за всем этим стоял Ноэл Дизард, чей ресторан был одним из лучших в городе.

Конечно же, Дизард всегда покупал маскарадный костюм у Мироу, а Пол находился там, когда представительный, вечно улыбающийся ресторатор пришел выбирать костюм. Дизард узнал Пола как своего завсегдатая; тот, в свою очередь, показал Дизарду самые лучшие костюмы. Последний почти равнодушно выбрал маску, изображавшую неподвижное лицо ацтека, и Мироу, поколебавшись сделал отметку в черной книжке.

— Я видел лик смерти, — сказал он Полу — ведь настроение маски выражает смерть. Но я не слишком уверен, что она подходит к этому лицу.

— Это потому, что лицо Дизарда — само по себе — маска, — ответил Пол. — Надеюсь, что на этот раз вы ошибаетесь. Мне нравится Дизард.

Любопытно, что Ноэл Дизард действительно нравился Полу, ведь

некоторые из блюд, подававшихся в его ресторане, были просто превосходны. Однако Пол не мог позволить никаким чувствам испортить дело, поэтому он настойчиво уверял Шарлотту в том, что она видит фигуру Смерти за Дизардом, когда они обедали в его заведении. Тем временем Пол продолжал покупать лотерейные билеты вместе с талисманами на счастье, что практически гарантировало победу в лотерее.

В тот карнавал Пол надел костюм, изображавший Смеющегося Кавалера. В этом виде он зашел в ресторан Дизарда, чтобы закусить, в тот самый вечер, когда должны были объявить победителя лотереи. Пол знал дорогу в личный кабинет Дизарда и, когда путь был свободен, проскользнул внутрь. Дизард только что вернулся с большого бала, устроенного организаторами карнавала, и на нем все еще был костюм ацтека. Смеющийся Кавалер сел у стола и посмотрел на Короля Ацтеков. Затем, прежде чем Дизард успел спросить о цели визитера, Пол выложил на стол свои карты в виде лотерейных билетов, стоивших многие сотни долларов.

— Один из этих билетов должен выиграть главный приз, — сказал Пол. Его голос глухо звучал из-под маски. — Так заплати мне и избавь нас обоих от неприятностей.

Смех, похожий на рев, был ответом ресторатора.

— А что будет, если каждый попросит дать ему из расчета сто к одному?

— Каждый не попросит. Они не знают, что лотерея жульническая. Я только требую справедливости, Дизард, и объявления действительного победителя. Кроме того, я вижу фигуру Смерти, крадущуюся за твоей спиной. Этими колдовскими порошками, особым способом приготовленными Мироеу, я могу спугнуть ее. — Он бросил на стол несколько пакетиков.

Разозленный Дизард смел со стола билеты и порошки и проревел:

— Убирайся вон отсюда!

— Я вижу приближающуюся смерть. — Из-под маски раздавался зловещий настойчивый голос. — Я вижу костлявые руки у тебя на горле, Дизард.

Инстинктивно Дизард поднял одну руку к горлу, а другой дотянулся до ящика стола. Пол ринулся через стол.

— Позволь мне помочь тебе, Дизард! Смерть уже держит тебя мертвой хваткой! Дай мне убрать эти руки прочь!

Великолепный актер, Пол Гарню делал вид, что пытается разжать пальцы Смерти. Но Дизард, который тоже пытался ухватить руки смерти, душившие его, почувствовал на своем горле лишь руки Пола. Постепенно борьба закончилась. Дизард упал с мертвого.

— Очень плохо, — задумчиво и торжественно проговорил Пол. — У меня мало силенок, чтобы тягаться с самой Смертью.

В ящике стола он нашел револьвер, к которому тянулся Дизард. Он также нашел 53000 долларов наличными. Это был доход убитого

от лотереи. Пол, будучи честным человеком, взял для себя лишь 10000. Потом отпер заднюю дверь кабинета и поспешно спустился по черной лестнице в проходной двор, который вел на Улицу Дофина.

Тело убитого было найдено час спустя, вместе с лотерейными билетами и колдовскими порошками. Из-за того, что в столе остались деньги, сначала никто не поверил в версию ограбления. Но потом детектив Генри Блэнк из Новоорлеанской полиции в первые же недели сузил круг подозреваемых до одного человека, носившего костюм Смеющегося Кавалера.

В магазине Мироу Блэнк узнал, что такой костюм покупал Пол Гарнью, кроме того, здесь же он покупал лотерейные билеты и колдовские порошки. Одновременно с этим он просадил так много денег, играя в азартные игры, что, вероятней всего, они были взяты из стола Дизарда, поскольку ему больше нигде было их получить. Таким образом, Пол был арестован должным порядком, обвинен в убийстве Дизарда и предстал перед судом.

Как адвокат Пол решил защищать себя сам. Ставки в кругах местных игроков возросли до двадцати к одному против него, поскольку государство представлял Марк Земан, самый способный прокурор Луизианы. Используя улики, представленные детективом Блэнком, обвинитель проследил каждое действие Смеющегося Кавалера с того времени, как тот вышел из магазина «Мироу», до того, как он вошел в кабинет ресторатора.

Земан был крупным мужчиной, с широким, тяжелым и решительным лицом, всегда сохранявшим одно и то же сердитое выражение, когда он повелительно возвышал голос. Он был в ударе, когда обратился к Полу как к свидетелю и потребовал ответа на вопрос:

— Можете ли вы, Пол Гарнью, отрицать, что вы были последним, кто видел в живых Дизарда?

Пол не только не отрицал этого, наоборот, он это признал, что вызвало вздох в зале суда. Затем он тихо поведal следующее:

— Когда я вошел к Дизарду, у него уже кто-то был — причудливая и нелепая фигура Смерти, обхватившая сзади его горло. Я подумал, что нападавший — какой-то сумасшедший участник Маскарада, и я попытался оторвать его от Дизарда. Затем он неожиданно скрылся, и передо мной оказался замертво рухнувший Дизард, распростертый на столе. Я решил, что убийца ушел через боковую дверь, которая была открыта, и начал преследование. Но к тому времени, когда я вышел на улицу Дофина, он исчез. Тогда я понял, что сама Смерть взяла моего доброго друга Дизарда, и возвращаться было бесполезно.

— Весьма фантастическая история, — презрительно улыбнулся Земан. — Очень плохо для вас, что вы не можете призвать свидетелей, чтобы подтвердить столь необычное показание.

— Но я могу, — заверил его Пол. — Сначала я вызову Шарлотту Энгард.

Шарлотта заняла свидетельское место и искренне подтвердила, что она часто видела фигуру Смерти, кружившую около Дизарда, равно как это было и с другими людьми, неожиданно умершими. Земан презрительно заметил, что ее непроверенные показания не подойдут. И Пол вызвал следующего свидетеля, старого Мироу. Изготовитель масок вкрадчиво сообщил, как он видел Неумолимую Жницу, стоявшую позади Дизарда, как и за другими людьми. Под перекрестным допросом Мироу был вынужден представить черную книгу. Когда читались имена из этой книги, присяжные испытывали священный трепет, но Земан обратился к ним:

— Все показания подстроены! Все построено на слухах, все — уловка! Эту книгу написали специально, чтобы предъявить на суде! Давайте все проверим по-настоящему!

Он обратился к Мироу, который безмятежно сидел на месте свидетелей.

— Если уж вы так хорошо видите Смерть, так скажите суду, за кем она стоит сейчас!

Эта уловка была не новой, и Пол ожидал, что Земан к ней прибегнет. Пол надеялся, что ответ Мироу произведет впечатление на присяжных, однако тот покачал головой.

— Я сужу по маскам, — сказал Мироу, — поскольку их черты неизменны. Я не могу судить по людям, ведь черты их лица всегда движутся. Конечно, есть люди, чьи лица можно назвать масками из-за их неподвижности.

— И вы видите подобные лица сейчас в зале, не так ли?

— Несколько, но они не могут служить примерами, все, кроме ВАШЕГО.

Судьи успокоили рябь нервного смеха в зале суда. Пол Гарнью внимательно вытянул шею, когда Марк Земан неожиданно потребовал:

— Тогда скажите, Мироу, видите ли вы фигуру Смерти позади меня?

Мироу смотрел на Земана тем же взглядом, которым он изучал своих посетителей, как неоднократно замечал Пол. Затем Мироу медленно закивал.

— Если вас интересует мое мнение, то я ее вижу. Она подходит все ближе, ближе. — Мироу обратился к Шарлотте, которая приросла к своему стулу: — Ты тоже видишь ее? — Когда Шарлотта заколебалась, почти готовая кивнуть, Мироу взглянул на Земана и добавил: — Ее пальцы сейчас сжимаются!

Земан презрительно повернулся к судьям, оглядел их с обычным своим сердитым выражением и поднял руки к горлу. Он прогремел зычным голосом:

— Итак, эти свидетели видят меня в руках Смерти, как и Гарнью, который утверждает то же самое о Дизарде. Они хотят заставить нас

поверить в то, что Дизард так же поднял руки и боролся против костлявых рук, которые так или иначе были невидимыми. А вы случайно не видите еще чьих-нибудь рук, кроме моих, уважаемые судьи? Можете вы видеть костлявые пальцы Смерти?

Произнеся это, Земан неожиданно пошатнулся. Гортанный вопль вырвался из его горла. Его тело выпрямилось во весь рост и наклонилось назад, словно схваченное невидимыми руками. Потом невидимая хватка, очевидно, ослабла, поскольку Земан упал вперед, ударившись при этом о край стола, за которым сидели присяжные, и неуклюже растянулся на нем, не двигаясь, в то время как за ним наблюдали испуганные присяжные и посетители суда приходили в себя.

Судья ударил молотком и объявил перерыв. Он затянулся надолго. Марк Земан был мертв. И умер он именно таким способом, который высмеивал как нечто невозможное. Он умер от невидимых рук Смерти, сжавших его горло.

Доктора пришли к выводу, что он умер от остановки сердца, и заседание суда было возобновлено, причем обвинение представлял один из помощников Земана. Но присяжные уже не рисковали, после того как увидели, что может сделать Смерть, которая для большинства остается невидимой. Они единогласно оправдали Пола Гарню.

Пол неплохо выкрутился, поскольку он поспорил на свой последний доллар, что его оправдают. Он повсюду ходил с видом оскорбленной невинности, просяживая все больше денег.

Старик Мироу оставил свой бизнес и засел за работу над костюмом и маской, которые должны были стать шедевром. Затем, сообразив, что все начинается сначала, он забросил эту работу и помалкивал. Полу это было известно, поскольку он внимательно наблюдал за Мироу. Детектив Блэнк, в свою очередь, не спускал глаз с Пола. Он сообщил это своим начальникам:

— Я все еще думаю, что Гарню убил Дизарда, поскольку он нуждался в деньгах. Если они опять ему понадобятся, он попытается снова совершить убийство.

Но, несмотря на безрассудную игру, у Пола деньги не кончались. Во время своего непродолжительного богатства он завел нового друга, Стива Лукаса, который принял его за состоятельного человека и одалживал ему деньги, когда тот в них нуждался. Прошел год, и снова приближался карнавал. У Стива накопилось много расписок Пола, почти на 10000 долларов.

Хуже всего было то, что Полу в последнее время везло и у него была почти вся эта сумма. Но Пол не мог ее отдать, он скорее дал бы голову на отсечение, чем вернул бы свой долг. Вместо этого он поступил очень умно. Во-первых, он начал убеждать Шарлотту в том, что она видит фигуру Смерти, кружащую возле Стива, и она поверила в это, как и в случае с Дизардом. Если бы даже Шарлотта не была

убеждена, Пол ничуть не беспокоился. На этот раз все было хорошо продумано.

У Мироу Пол узнал, что старик по-прежнему видел Неумолимую Жницу, но перестал вести систематические записи. Это было тоже ему на руку. В этом году Пол намеренно купил костюм Командира Пиратов, но он не надевал его у Мироу. Он просто взял его и сообщил об этом Шарлотте и своим друзьям. Он сделал так специально, чтобы во время карнавала все знали, что он будет Командиром Пиратов, как в прошлом году он хвастал, что будет Смеющимся Кавалером. Все это дошло до детектива Блэнка.

Потом, в конце Дня Жирного Вторника, когда магазинчик Мироу был почти пустым, Пол зашел к нему и сказал:

— У меня есть друг, которому нужен особый костюм. Я знаю, что у вас есть подобный костюм, но вы его не продавали. Я уверен, что он хорошо вам заплатит. Согласитесь ли вы?

Наконец они договорились, и Мироу назначил цену. Пол заплатил.

— Мой друг дожидается на улице, — сообщил он Мироу, — я разыщу его и пошлю сюда. Он не хочет быть узнанным, поэтому не уделяйте ему много внимания. И не говорите об этом никому. Вы меня понимаете?

Мироу все понял. Пол вышел, и вскоре в магазинчик зашел его друг, сутулый, неуклюжий мужчина, чье лицо скрывал поднятый воротник. Он прошел в самый темный угол магазина. Там человек выпрямился и стал Полом Гарнью. Он нашел особый костюм и надел его. Когда он приготовился, то снова сделал неуклюжей свою походку и остановился, чтобы спросить хозяина чужим, неузнаваемым из-под маски голосом:

— Ну, как я выгляжу, мистер Мироу?

Мироу бросил оценивающий взгляд, наклонил голову назад и начал хихикать. Хихиканье перешло в смех, потом в хохот. Он продолжал и продолжал смеяться таким смехом, который Пол никогда не слышал. Это, разумеется, было добрым знаком, поскольку старик становился печальным, когда видел невдалеке фигуру Смерти.

Пол вышел из магазина. Пройдя квартал, он позвонил Шарлотте и сказал ей:

— Нас ждет у себя Стив Лукас, поскольку я обещал, что мы зайдем за ним, когда отправимся ужинать. Бедный парень, мы должны позаботиться о том, чтобы он хорошенько повеселился, прежде чем за ними придет Смерть. Значит, встречаемся у него, прямо сейчас.

Было время Карнавала, Стив Лукас не запирал дверей. Когда Шарлотта вошла к нему, Стив, маленький человечек, стоял в гостиной в костюме печального клоуна. Он как раз приветствовал Шарлотту, когда створки стеклянной двери, выходившей на веранду, отворились и фигура Смерти скользнула в комнату.

Никогда, даже в самых ярких фантазиях, Шарлотта не видела эту фигуру столь впечатляющей, да и Жница никогда не являла свою власть столь могущественно. Смерть схватила Стива сзади своими костлявыми руками и трясла его, как терьер треплет крысу. Маска Клоуна упала с лица Стива, и Шарлотта видела, как у него вылезают глаза и синее лицо. Поняв, насколько смертельна хватка Жницы, Шарлотта выбежала на улицу и стала звать на помощь. На пороге она налетела на человека в костюме Командира Пиратов и обрадовалась другу:

— Скорее, Пол! Там Стив — но его схватила Смерть... может быть, уже слишком поздно, — задыхаясь, говорила она.

Но было еще не слишком поздно. Стив задыхался, когда Командир Пиратов добежал до гостиной и выхватил из-за пояса старинный пистолет. Он прицелился в Смерть, и, к удивлению Шарлотты, Неумолимая Жница, которая не должна ничего бояться, сделала странную вещь. Она отбросила Стива и, вместо того чтобы исчезнуть, устремилась на Пирата, пытаясь отнять у него пистолет.

Во время этой схватки пистолет выстрелил. Пуля досталась именно Смерти, поскольку та свалилась на пол. Когда зажгли свет, Шарлотта увидела, что в действительности это не был скелет. Просто костюм был сшит из черного бархата, на котором белой краской были изображены ребра и кости. Череп тоже был нарисованным, он откатился, как отвязанный шлем, открывая лицо, скрывавшееся под ним.

Человек, нарядившийся Смертью, был ни кто иной, как Пол Гарнье! Удивившись, Шарлотта повернулась к Командиру Пиратов, которым должен был нарядиться Пол. Тот снял маску и оказался детективом Генри Блэнком.

Загадка объяснилась, когда Стив пришел в себя и смог заговорить. Он достал бумажник, в котором были расписки Пола.

— Пол велел их приготовить, чтобы он мог их оплатить, — рассказал Стив. — Вместо этого он решил убить меня, чтобы выкрасть. Никто не смог бы лучше придумать!

— И он надел этот костюм, чтобы на этот раз я была уверена, что видела Неумолимую Жницу, взявшую дань! — воскликнула Шарлотта.

— Я знал, что Пол к чему-то готовится, — произнес детектив Блэнк. — И я вел наблюдение за его квартирой. Я слышал, как он звонит мистеру Лукасу и договаривается о встрече. Когда я направился вслед за ним, выяснилось, что вместо этого он пошел к Миру. Я понял, что он хочет надеть другой костюм, вернулся к нему домой и надел костюм Капитана Пиратов, не для того, чтобы удивить его при встрече, а чтобы лишить алиби, если он вернется и захочет нарядиться в этот костюм. Но мне и в голову не приходило, что он оденется Смертью!

Позднее детектив Блэнк поговорил с Мироу и узнал, что старый мастер решил изготовить костюм Смерти, чтобы избавить свое сознание от ее образа. Но это не помогло, и он убрал костюм по-дальше. Пол Гарнью ловко его разыскал, слишком ловко, как выяснилось.

— Случилось нечто странное, — объяснил Мироу. — Я понял, что «другом», которому вдруг понадобился костюм, был сам Пол. Когда он спросил меня, как он выглядит, он хотел выяснить, не вижу ли я Смерть за его спиной. И я действительно ее увидел, да так близко от него, что она могла положить руку ему на плечо.

Обычно это меня удручает, и я не скрываю печали. Пол знал это и хотел увидеть мой предупреждающий кивок. Но когда я увидел Смерть — хе-хе! Я увидел Смерть, кладущую руку на плечо Смерти — хе-хе-хе! — мистическую Смерть, обрекающую человека, одетого Смертью, — Мироу пронзительно хихикнул. — Это было так забавно, что я хохотал и хохотал, — и старик заразительно засмеялся.

ДУХ ТИКОНДЕРОГИ

Дональд Кэмпбелл, владетель Инверо, остановил коня на крутом холме, осматривая окрестности. Узкое горное урочище лежало перед неровной дорогой, там серебряный ручей каскадами срывался с камней, чтобы слиться с мутной рекой, выходящей через хорошо возделанную долину. Над ней возвышался еще один холм. Как и тот, на котором остановился Инверо, он был густо усеян огромными причудливого вида камнями, тут и там на нем виднелись островки пурпурного вереска.

Сквозь брешь над долиной Инверо мог видеть горы, поднимавшиеся гигантскими уступами к вершинам Бен Круахана, которые на фоне неба возвышались подобно двум исполинам-часовым. Далеко впереди дневной свет, пробиваясь сквозь мглу, отражался в голубизне таящегося в горах стиснутого скалами озера Шотландского Хайленда.

Все это уже не было собственностью Инверо. Ему принадлежала лишь извилистая долина, ее склоны и окружающие холмы, да и тут его права не превышали прав землевладельца. Но его дух стремился много выше, к тем таинственным, вечно манящим высокогорьям, где прошлое и будущее переплетались в беспредельном настоящем и дикая свобода Шотландии казалась вечной.

Вопрос был в том, придется ли Инверо снова увидеть эти края, поскольку стояло лето 1755 года, и Соединенное Королевство Англии и Шотландии вело войну с Францией. Уже поступили доклады о жес-

токих сражениях на передовых постах в Америке. Они отбрасывали тень над Европой, и Инверо, как офицера Королевских Горцев, могли призвать на войну. Вот почему он с сожалением оторвал взор от далеких гор, чьи облака казались какими-то зловещими, и возобновил спуск в долину. В тот миг, когда он поднял глаза, чтобы бросить прощальный взгляд, заметил поблизости какое-то движение.

Странная оборванная фигура бежала вниз по склону холма, останавливаясь то у одного, то у другого камня, словно желая укрыться от чего-то вверху, поскольку человек постоянно бросал взгляды назад на уступ. Инверо остановил коня для того, чтобы понаблюдать за человеком, тот продолжил свои панические перебежки, даже не догадываясь, что снизу кто-то за ним следит, до тех пор, пока не оказался на дороге. Беглец остановился, явно напуганный при виде всадника, преградившего ему дорогу. Казалось, он ищет сомнительного убежища в зарослях вереска, но отчаяние подсказало ему неожиданное решение. Он бросился вперед и поднял дрожащие руки в страстной мольбе.

— Помогите мне! — крикнул он, задыхаясь. — Спасите меня до того, как они меня схватят! Моя жизнь поставлена на карту!

— Кто ты? — Инверо ответил вопросом на вопрос. — Беглый преступник? Или грабитель?

— Ни то, ни другое. Все началось из-за ссоры в таверне. Потом случилась драка, и я убил человека. Но это был честный поединок. Клянусь вам, слово Мак-Нивена!

— Так ты говоришь, честный бой? — усомнился Инверо. — Тогда почему ты не сдашься в руки закона?

— Потому что за мной бегут кровожадные мстители! — хрипло настаивал Мак-Нивен. — Они убьют меня, как только увидят! В этом я не сомневаюсь.

Инверо тоже в этом не сомневался.

Он верил, что Мак-Нивен побывал в переделке. Лицо парня было в синяках, а одежда пропиталась кровью из ран, куда более серьезных, чем царапины от веток ежевики, разорвавших его одежду. Драки в тавернах случались часто, и в деревнях почти по всей округе. Если кто-то бывал ранен, его товарищи могли жестоко отомстить. Почти десять лет, после последней попытки Карла Эдуарда, Стюарта-Претендента, вновь обрести британский трон, занятый Георгом II, всю Шотландию мutilовали горячие головы и оппозиционеры.

Инверо тоже участвовал в этой борьбе, но на стороне короля Георга. В Куллодене ему пришлось сражаться против некоторых лично уважаемых им кланов. А впоследствии он тайно укрывал и защищал некоторых из тех самых повстанцев, вместо того чтобы отдать их в руки мстительных англичан. Вот почему в данный момент мольбы Мак-Нивена достигли сочувствующих ушей.

— Вы должны спасти меня! — умолял Мак-Нивен. — Я сдаюсь на вашу милость. Вы не можете им позволить убить меня, как собаку!

Инверо взвесил просьбу, затем принял решение.

— Я могу спрятать тебя на несколько дней, достаточно для того, чтобы добиться честного суда над тобой.

— Но здесь не может быть такого суда.

— В таком случае, я просто отпущу тебя на все четыре стороны.

— Вы поклянетесь в этом?

— Да, даю слово Инверо, о котором никто не может сказать, что он обманул друга или врага.

Обещание Инверо взбодрило Мак-Нивена, который понял, что встретил хозяина этой местности. Инверо, мужчина средних лет с внушительной внешностью, был похож на человека, держащего свое слово. Но теперь испуганные взгляды, которые бросал Мак-Нивен, выдавали, что он ждет появления преследователей на уступе в любую минуту. Он снова принялся умолять Инверо:

— Вы должны поскорей меня спрятать, Инверо. Но где?

— Внизу, вон в той долине, — ответил Инверо. — Скорей туда, пока я подожду преследователей и направлю их на ложный след, если потребуется.

— Но они будут рыскать в долине и найдут меня.

— Только не там, где я собираюсь тебя укрыть. Иди вниз и жди меня.

Мак-Нивен со всех ног припустил вниз по дороге. Инверо дождался, пока он достиг долины. Затем, поскольку преследователи не появились, помещик спустился в долину и присоединился к беглецу. Инверо привязал лошадь и пешком проводил Мак-Нивена вверх по склону, где был ручей. Великая тишина лежала под ветвями пихты, которые останавливали солнечные лучи и давали причудливый сумрак к ужасу Мак-Нивена, но Инверо был слишком занят, чтобы замечать это. Около высокой скалы он нашел крошечный ручей, падавший с крутой насыпи, и приказал:

— Иди за мной вдоль ручейка и не отставай.

Мак-Нивен карабкался вслед за своим проводником, не отставая, и правильно сделал, поскольку, поднявшись, Инверо резко повернул и был поглощен чащей вечнозеленых деревьев. Мак-Нивен последовал за ним и нашел Инверо возле низкого, нависающего уступа.

— Под ним, — сказал помещик, — ты найдешь надежное укрытие. Ближе к сумеркам я принесу тебе еду. Так лезь туда поскорее.

Мак-Нивен наклонился, чтобы заглянуть под уступ.

— Да ведь тут места не больше, чем в лисьей норе! — воскликнул он. — Как я там умещусь?

— Один раз тут прятались даже двое, — ответил Инверо. — Одно-го звали Вильям Уоллес, а вторым был Роберт Брюс. Но это было четыреста лет назад, и тайна этого места передавалась от одного вла-

дельца Инверо к другому до наших дней. Вот почему в настоящее время только мне известно об этой норе.

— Но если другие ее найдут, они превратят лисью нору в западню, — возразил Мак-Нивен. — Я ведь не Уоллес, не Брюс...

— Это мне известно, — вставил Инверо с ноткой сарказма в голосе. — Они были смелыми шотландцами; возможно, таких больше нет. Но мои предки давали убежище тем, кто в этом нуждался, а они, в свою очередь, хранили об этом молчание. Я предлагаю тебе безопасность на тех же условиях.

Поскольку Мак-Нивен все еще колебался, Инверо наклонился и первым просунул ногу в нору, выходящую под скалами. Он целиком пропал из вида, затем из глубины раздался его голос: «Спускайся следом за мной!»

Осмелев, Мак-Нивен полез в нору и нашел Инверо в пещере с высоким потолком, находящейся под крутым склоном долины. Оттуда Инверо повел Мак-Нивена во внутренние пещеры, где со скал стекали капли чистой воды.

— Здесь ты найдешь воду для питья, — сказал помещик беглецу. — Еду я принесу позже, как обещал.

Инверо протиснул свое полное тело через отверстие и отправился вниз, к тропе. Когда он оглянулся, то увидел бледное, нервное лицо Мак-Нивена, выглядывающего из норы, но тот мгновенно пропал из виду, поскольку оба услышали отдаленные крики людей и приглушенный лай собак, указывавшие, что преследователи приближались к долине. Однако они прошли мимо, когда Инверо вернулся к терпеливо дожидавшейся его лошади. Он въехал на гору и повернул к следующему холму, за которым было его поместье, окруженное фермами.

Там Инверо встретил местного крестьянина по имени Драммонд, ожидавшего хозяина. Тот мял в руках свою шапку, затем начал:

— Мы преследуем убийцу, господин, пока остальные его ловят, я ждал вас здесь, чтобы сказать. Ваш кузен, Ян Кемпбелл, — ну, господин, дело было так...

Инверо понимающе улыбнулся. Его кузен Ян был на несколько лет моложе, но они были как родные братья. Ян, смелый, стремительный, готовый принять любой вызов, был как раз тем человеком, кто способен возглавить охоту на убийцу. Инверо понимал теперь, почему преследователи шли за Мак-Нивеном по пятам, если их вел Ян.

— Ты должен передать мне что-нибудь от Яна?

— В некотором роде, но не совсем так, — Драммонд остановился, беспокойно скручивая шапку. — Мое поручение касается вашего кузена. Его убили, причем хладнокровно, сэр! Поскольку убийца отправился по этой дороге, мы решили предупредить вас об опасности...

Драммонд замолчал. Краска сбегала с лица Инверо, а его тело качнулось, как от неожиданного приступа головокружения. Драм-

монд, ничего не зная о встрече Инверо с убийцей, приписал его ошеломленное молчание единственно известно о смерти Яна. Извинившись, крестьянин поторопился присоединиться к преследователям, оставив Инверо перед входной дверью. Прошли долгие минуты; затем Инверо, как в трансе, вошел в дом и молча прошел на кухню. Слуги, как и члены его семьи, до которых весть уже дошла, не беспокоили своего хозяина, понимая, что господину захочется побыть наедине со своим горем. Инверо действительно этого хотелось, но сначала он должен был выполнить свой долг. В кухне он отрезал куски от холодной говядины, толстые ломти сыра и завернул их в плоские круглые лепешки. Покончив с этим, он отвел в стойло лошадь и, прихватив фонарь и узел с едой, пошел назад сквозь сгущавшийся мрак над уже темной долиной.

Там он зажег фонарь и пошел к норе, где позвал Мак-Нивена. Беглец узнал голос помещика и подошел к выходу из пещеры, чтобы получить еду. Мрак в пещере был не по душе Мак-Нивену, и его голос звучал как хныканье.

— Вы не можете оставить меня одного — здесь страшно.

— Так и должно быть, — холодно отозвался Инверо, — для человека, чьи руки в крови. Я обещал тебе убежище и ничего больше.

— Но как я узнаю, что путь свободен?

— Завтра я опять принесу еду и скажу тебе, если поиски закончатся. Тогда будет лучше, чтобы ты ушел до того, как я пожалею о своем обещании.

В мрачном настроении Инверо возвращался домой, потушив фонарь, когда попал в полосу лунного света. За его спиной шепот потревоженных ветром пихт, журчание ручья звучали как странные, насмешливые голоса. На пути в свое поместье у него возникло чувство, что за ним кто-то идет; через определенные промежутки он быстро оглядывался, желая увидеть Мак-Нивена, убийцу, который поддался подозрительности и до того обнаглел, что крадется за ним от пещеры.

Но в лунном свете виднелись только переплетения ветвей, недвижные очертания холмов, фантастические силуэты. Вскоре, словно встречая хозяина, проступили белые стены ферм, затем сам каменный дом с темными окнами. Инверо вошел и сразу направился в свою комнату. Там он пытался уснуть, ворочаясь в кровати, однако события минувшего дня растревожили его.

Встреча с Мак-Нивеном, клятва, которую он невольно дал, то, что его кузен Ян был жертвой этого убийцы, — все это несло на себе отпечаток судьбы и взбудоражило воображение горца. Почти вслух Инверо пробормотал: «Интересно, бывало ли такое с кем-нибудь раньше?» Затем, желая выяснить это, он зажег пару свечей на стоявшем рядом столе и выбрал книгу с полки над ним. Том содержал пророчества Койннича Одгара, знаменитого ясновидящего, способного предсказать события на сто лет, причем многие из этих предсказаний сбылись в предыдущие годы.

Когда Инверо листал истлевшие страницы, странное явление вызвало у него сначала раздражение, потом замешательство. Это было повторяющееся дрожание языков пламени свечей. Оно не могло быть вызвано сквозняком, поскольку дверь в коридор была плотно закрыта. Окно было открыто, но снаружи не было ни дуновения, это было видно по листьям, которые были недвижны, словно замороженные серебристым светом луны. И все же язычки пламени продолжали дрожать. С их колебаниями Инверо охватило сверхъестественное чувство, изменившее ритм его сердцебиения. Затем, когда он попытался избавиться от этого ощущения и вернуться к книге, чья-то тень медленно пересекла страницу.

Инверо поднял взгляд, и леденящий страх исчез, поскольку его сердце наполнилось неожиданной радостью. Около кровати стоял его кузен, Ян Кэмпбелл, изучая его остановившимся, мрачным взором. Ян здесь — все-таки жив! Слова радости сорвались с его губ только для того, чтобы так же быстро стихнуть. В дрожащем свете лицо Яна было блее воска свечей, только кровь из-под слипшихся светлых волос струилась по его щекам и подбородку к открытому воротнику разорванной куртки. Там Инверо увидел огромные глубокие раны на горле и груди. Любой из них было достаточно, чтобы вызвать его смерть, поскольку куртка тоже была окровавлена.

Губы Яна едва двигались, когда он проговорил глухим голосом:

— Не укрывай убийцу, Инверо! Кровь должна пролиться за кровь!

Инверо недоверчиво прищурился. В то же мгновение образ Яна пропал. Это не могло быть сном, Инверо бодрствовал. И все, что он видел теперь, были белые стены, закрытая дверь, растворенное окно и деревья под ним; все было таким же, как и прежде. Потрясенный, он задул свечи и попытался заснуть.

Утром Инверо был угрюм. Члены его семьи не говорили о смерти Яна, и он, в свою очередь, хранил молчание. Охота на Мак-Нивена возобновилась; говорили, что в последний раз его видели на дороге, ведущей к холму, поэтому решили, что он находится где-то поблизости. Инверо выехал на лошади и встретил Драммонда с группой одетых в мундиры солдат из соседней деревни.

— Будьте осторожны при встрече с Мак-Нивеном, господин. Он не остановится перед новым убийством, раз его руки в крови. Он в отчаянии — поэтому опасен! — предупредил Драммонд.

В отчаянии Мак-Нивен пребывать мог, но опасным он не был, скорее испуганным. Инверо осторожно осведомился:

— Это драка в таверне между Яном и Мак-Нивеном, была она честной или нет?

— Ну, можно и так сказать, — с некоторой натяжкой согласился Драммонд, — но только потому, что Ян быстро повернулся, прежде

чем Мак-Нивен сумел ударить его в спину, а он бы с радостью это сделал. Мак-Нивен победил, потому что его нож был длиннее, хотя боролся он достаточно честно, когда Ян его к этому принудил. Но когда мы его разыщем, мы не будем принимать это во внимание. Собаке — собачья смерть!

Они приближались к долине, чтобы, как и опасался Мак-Нивен, обыскать ее. Позже Инверо присоединился к поискам, не расставаясь с ранцем. Он знал, что никто не найдет тайную пещеру, и, когда наконец все ушли, вскарабкался туда и тихо позвал Мак-Нивена, который осторожно вылез из лисьей норы.

— Я снова принес еду, — объявил Инверо, — но я не могу тебя больше скрывать. Они обыскали долину, поэтому ты можешь спокойно сбегать отсюда.

— Но что, если они где-то рядом?

— Это уже твое дело. Я еще раз приду сюда завтра. Если ты к тому времени уйдешь, считай, тебе повезло. Если же нет, то будем считать, что ты злоупотребил моим гостеприимством и тебя ждут неприятности.

Инверо покинул долину и возвратился домой уверенный, что он выполнил свой долг и по отношению к непрошенному гостю, Мак-Нивену, и по отношению к неожиданному духу его кузена Яна. За ужином он почти пришел в себя. Его семья, включая несовершеннолетнего сына, почувствовала облегчение от того, как он перенес смерть Яна. Но с приближением вечера направление мыслей Инверо изменилось. Правильно ли он сделал, предоставив и сегодня убежище Мак-Нивену? Или ему следовало послушаться приказа духа кузена? Раздираемый между клятвой и долгом, Инверо решил, что утром он узнает ответ. Он лег в постель, но, прежде чем потушить свечи, снова взял книгу прорицаний, удивляясь, какую власть над ним она имела. Когда он просматривал страницы, пламя задрожало, как прежде, и через раскрытый том вновь скользнула тень.

Инверо медленно взглянул вверх. И снова он увидел фигуру своего кузена Яна, и снова с этих медленно двигавшихся губ сорвалось тихое обвинение: «Не укрывай убийцу, Инверо. Кровь должна пролиться за кровь!»

— Но я говорил сегодня с Мак-Нивеном, — тихо прошептал Инверо, — я больше его не укрываю. А ты по-прежнему требуешь: «Кровь должна пролиться за кровь»!

Собственные слова Инверо отразились от стен, словно Ян повторил: «Кровь должна пролиться за кровь!» Но этого быть не могло, поскольку дух исчез, и помещик, прищурившись, в свете свечей смотрел на книгу в своих крепко сжатых руках.

Утром Инверо завтракал с семьей. Затем, намеренно осторожно, направился в долину. Сегодня он не взял с собой ни телятины, ни сыра, ни лепешек. Под его мундиром был кинжал, самый длинный из его коллекции трофеев — завоеванных на полях сражений. Клятва или

не клятва, но если Мак-Нивен все еще будет там, он намеревался похоронить это оружие в трепещущей плоти убийцы, именно этой мести хотел Ян.

Но пещера была пуста. Убийца скрылся — вместе с ним исчезли и неприятности Инверо. Снова вернувшись домой, помещик тихо слушал разговоры своих домашних о погребении Яна, которое должно было состояться на следующий день в церкви на холме. В ту ночь Инверо приготовился заснуть спокойно. Он чувствовал, что с уходом убийцы дух Яна обязан успокоиться. И тогда, чтобы и самому обрести покой, он решил дочитать отрывок из предсказаний Койннича Одгара, горского ясновидца. Он нашел нужную страницу и прочитал:

«Один раз прорицатель проезжал Мильбурн, где он обратил внимание на старую мельницу очень примитивной постройки, крытую дерном. Обращаясь к мельнице, он сказал: «Придет день, когда твое колесо три дня подряд будет вращаться водой, красной от крови, из-за того, что на берегу пруда произойдет жестокая битва, в которой прольется много крови». Это прорицание ждет своего часа».

Инверо прекратил чтение и громко воскликнул:

— Но оно уже сбылось, после того как была написана книга! Я знаю эту мельницу, ведь она рядом с Куллоденом, где герцог Камберленд разметал армию Претендента. Да, много крови было там пролито — много крови...

Инверо говорил все медленнее, поскольку пламя задрожало и тень легла через страницу. Инверо поднял глаза, чтобы увидеть дух Яна Кэмпбелла, лицо которого оставалось таким же бледным, а тело по-прежнему было окровавлено. С уст духа сорвалось пророчество:

— Да, много еще крови прольется! Теперь по-другому и быть не может. Я говорил тебе, Инверо, не укрывай убийцу. Кровь прольется за кровь!

— Но я его не укрываю, — возразил Инверо. — Он ушел своей дорогой по моему приказу.

— Но кровь осталась на его руках! — последовал неумолимый ответ. — Эта кровь когда-нибудь будет отомщена. Я дважды предупредил тебя, но ты не прислушался ко мне. А теперь ты расплатишься собственной кровью. Инверо, мы еще раз встретимся, когда ты будешь платить.

— Но где?..

— Мы снова увидимся в Тикондероге. Запомни, Инверо. Тикондерога...

Слова звучали несмотря на то, что фигура исчезла. Инверо, не зная, бояться ему или чувствовать облегчение, стал повторять странное название, произнесенное духом его кузена:

— Тикондерога, Тикондерога...

Утром Инверо и его семья отправились в деревню, где тело Яна Кэмпбелла, несчастной жертвы убийцы Мак-Нивена, ускользнувшего каким-то чудом от мстительных кланов, было выставлено для про-

щения. Инверо, стойко переносившего присутствие мертвецов, охватили дурные предчувствия, когда он увидел тело своего кузена. Лицо Яна можно было узнать, но оно было бледнее мела; волосы были все еще спекшимися от ран на голове, на щеках виднелись следы крови. Выше воротника были видны раны, нанесенные убийцей. Значит, это действительно был дух Яна Кэмпбелла, трижды появлявшийся в его спальне для того, чтобы произнести зловещее предсказание, которое сводилось к одному слову: «Тикондерога».

После похорон Инверо нашел время спросить у Драммонда и остальных, наблюдавших роковую схватку, не доводилось ли им слышать, чтобы Ян произносил это слово. Они покачали головами. Вернувшись домой, помещик продолжал повторять слово «Тикондерога» на все лады, пока не заметил, что домашние и друзья изучают его испуганными взглядами. Тогда, однажды, в неожиданном порыве он рассказал свою историю тем, кому доверял больше всего: жене, старшему сыну и старому слуге, которого он знал с детства, а также соседу — помещику, знавшему Яна.

Все согласились, что Инверо поступил, как подобает. Что до духа Яна, они намекнули, что он был следствием потрясения, полученного Инверо при известии о смерти Яна, и его собственного воспаленного воображения. Однако они лишь прозрачно намекнули на это, ведь, как у всех Инверо, традиции их родины прочно засели в их крови.

Дух — настоящий или нет — не мог появиться трижды без определенной миссии. Постепенно они перестали принимать всерьез слова привидения, поскольку им не доводилось слышать название «Тикондерога», да и, возможно, никто его не услышит. Так они сказали Инверо, надеясь, что тот перестанет думать об этом.

Но Дональд Кэмпбелл размышлял об этом все больше и больше. Осенью он ездил по холмам, останавливаясь, чтобы увидеть горный туман над усеянной пихтами долиной, теперь казавшейся такой враждебной. Долгими зимними вечерами сидел он молчаливо перед потрескивавшим огнем. С приближением весны те, кто знали его секрет, гадали, что произойдет, когда он будет бродить по своим владениям и снова вспомнит трагические события прошлого года.

Затем пришло везение, по крайней мере, для Инверо. Война с Францией действительно вспыхнула. Полк Инверо, номер сорок два, был мобилизован. Помещик Инверо оставил свои вересковые пустоши, и майор Дональд Кэмпбелл со своими товарищами отправился в Америку, где в начале лета высадился в Нью-Йорке. Оттуда полк направили в Олбани, где Британия собирала силы для предстоящего вторжения во французскую Канаду.

Последовало разочарование, но оно не коснулось Инверо. Пока французы и индейцы атаковали поселения, малодушные британские командующие продолжали вызывать подкрепления, опасаясь, что их сила слишком малочисленна, чтобы ответить ударом на удар, хотя в

действительности они значительно превосходили силы противника. Так для отряда шотландцев, тоскующих по родине и по решительным действиям, миновало два года.

Инверо тоже хотел действовать, но и в бездействии он предпочитал Америку Шотландии. Он знал, что возвращение в Шотландию поразит его угрызениями совести столь же смертельно, как кинжал Мак-Нивена убил Яна. Под его мрачной, властной наружностью скрывалось глубокое чувство к кузену, чья смерть не была отомщена. В его сознании все еще звучали слова духа: «Инверо, мы встретимся в Тикондероге. Кровь прольется за кровь».

Рассказы об избиении индейцев, о предательстве ими и французов и англичан, ужасы и страдания незащитных американских поселенцев — все это оставляло Инверо равнодушным. Он был готов вынести любые трудности и мучения, лишь бы забыть о клятве, связавшей его руки, когда они должны были осуществить месть, которой требовали узы крови.

Его понимал лишь один человек. Это был его сын, присоединившийся к полку в Америке в качестве младшего офицера. Частенько, когда они беседовали с офицерами в Олбани и рассказывали о битвах с индейцами, Инверо выходил из задумчивости и внимательно прислушивался к названиям мест, когда их упоминали. Среди них было Освего, что значит «выливаться из воды», и Онеонта, «каменное место». Встречались и другие, например, Новадага, «где обитают черепахи», или Канайохари, «кувшин, омывающий себя», это название относилось к выбоине в речном заторе.

Все эти названия и многие другие были созвучны, слову, постоянно крутившемуся в памяти Инверо, но ни разу им не слышанному: «Тикондерога». Он тоже его не упоминал, хотя очень часто мрачнел, впадая в задумчивость.

Наконец, летом 1758 года, войско было готово для вторжения в Канаду. Под командованием генерала Аберкромби собралась двадцатитысячная армия, самая большая за всю историю Америки. Горцев направили в Форт Эдуарда около верхнего края озера Джорджа. Офицеры собрались в кафе «Тонтин» в Олбани. Наряду с шотландскими названиями звучали индейские.

Это сочетание в высшей степени взбудоражило память Инверо.

— Слышал ли кто-нибудь из вас о месте под названием Тикондерога? — спросил он неожиданно.

Это название шотландские офицеры слышали впервые. Все покачали головами.

— Вот уже два года, — начал Инверо, — я надеюсь попасть туда, но никто не знает об этом месте. Я решил, что встречу его по дороге в Канаду.

— На этом пути, майор, вы не найдете никакой Тикондероги, — обратился к нему полковник Грант, командир полка. — Мы тронемся

в путь из Форта Эдуарда, оттуда — к озеру Георга, названному в честь нашего короля, спаси его бог. Оттуда мы тридцать миль проедем на север в лодках к подножию озера. Там французы укрепили ручей, текущий из озера Георга в озеро Шамплейн.

— Вы знаете, как французы называют это озеро, полковник?

— Они зовут его Форт Кариллон, — ответил Грант. — По донесениям наших разведчиков, они дали озеру такое название, поскольку оно расположен недалеко от водопада, чье звучание напоминает колокольный звон.

— А за Фортом Кариллон? — спросил Инверо. — Что находится дальше?

— А дальше мы достигнем озера Шамплейн, совершив длинный, но прямой переход к реке Ришелье, по ней мы направимся к самому сердцу Канады.

— Опять мне не встретится Тикондерога.

Отсутствующий, рассеянный тон Инверо заставил полковника Гранта присмотреться к нему. Другие офицеры почувствовали что-то странное и внимательно прислушались к вопросу Гранта:

— Где вы слышали название «Тикондерога», майор? И от кого?

Инверо, обедая взглядом лица товарищей, сидящих за столиками вокруг него, почувствовал сильное желание все им рассказать.

— Я услышал это название в Шотландии от призрака человека, никогда не покидавшего родину, — начал он.

Мерцающие свечи на стенах, грубо обработанные перекладки и потемневшие панели напоминали о драме, когда Инверо погрузился в рассказ, объяснивший его внутренний настрой за последние два года. Он поведал, как встретил Мак-Нивена, о клятве, данной убийце, о том обвинении, которое произнес дух его кузена, и о пророчестве, предвещавшем встречу в Тикондероге.

Старшие офицеры сидели в молчании, когда Инверо закончил, молодые же были слегка удивлены и думали обратить всю историю в шутку, но, взглянув на сына Инверо, увидели, что тот делает предупредительные знаки. Полковник Грант тоже их увидел и разрядил атмосферу. С надлежащей торжественностью он поднял свой стакан:

— Давайте выпьем за Тикондерогу, если такое место существует, — предложил он, — если же нет — то выпьем за нас с вами, за успех нашего дела.

На следующий день горцы отправились в Форт Эдуарда. Оттуда они продолжили путь к озеру Георга и соединились с армией, грузившейся на сотни плоскодонных гребных шлюпок, тащивших на буксире плоты. Армия состояла из английских гренадеров в красных мундирах, колониальной милиции в разнообразных униформах и разведчиков, носивших зеленое. Они формировали авангард, изучали тропинки, выбирали места высадки вдоль тридцатимильного побережья озера.

Когда горцы разобрали лодки, полковника Гранта вызвали на совет в штаб генерала Аберкромби. Вместе с собой он захватил молодого лейтенанта, чтобы сделать необходимые записи. Приказания были относительно расположения разных отрядов, когда все достигнут нижнего конца озера Георга, но, поскольку это зависело от позиций, удерживаемых французами, всем было дано подробное описание территории до озера Шамплейн.

Среди разведчиков, делавших доклад, был индеец из дружеского племени могауков, его речь переводил предложение за предложением один солдат.

— Враги выступили из укрепления, — переводил солдат, — которое находится в том месте, где сливаются воды. Они ожидают подкрепления из Канады, поэтому, если мы не атакуем их сейчас, нам никогда не выбить их из форта между озерами.

Пока индеец говорил, Гранту показалось, что он уловил какое-то знакомое слово. Когда переводчик уходил, полковник Грант спросил его:

— Можешь ли ты повторить то, что сказал индеец?

— Конечно, могу. Он сказал, что враги выступили...

— Нет, нет. Я имею ввиду, можешь ли ты повторить слова индейца на его родном языке?

Солдат задумался, затем заговорил на индейском языке. Когда он закончил, полковник заметил:

— Ты дважды произнес слово «Тикондерога». Что оно значит?

— Это или «там, где встречаются воды», или «между озерами» — объяснил разведчик. — Так индейцы называют место, где французы построили Форт Кариллон. Тикондерога.

Полковник Грант повернулся к молодому лейтенанту, сопровождавшему его.

— Ничего не говорите майору Кэмпбеллу, — предупредил он. — Да и никому другому, ради той же цели. После рассказа, слышанного нами в Олбани, это лишит их уверенности. Даже самые смелые становятся суеверными накануне битвы.

В тот день полк горцев погрузился в лодки и присоединился к флотилии, растянувшейся почти в половину всей длины озера. Инверо, сидевший на носу вельбота, был заморожен зрелищем. Узкая, длинная поверхность озера Георга блестела подобно озеру в Шотландии, укрытому среди лесов и гор. На других шотландцев озеро произвело такое же впечатление, но только один Инверо почувствовал угрызения совести, когда его мысли возвратились к родным горам.

Остальные, глядя на Инверо, поняли, о чем он думает, но ни один ничего не сказал, особенно полковник Грант. Когда отряд в тот вечер встал лагерем на мысе, выступающем на западном берегу, Инверо сидел один, погруженный в свои мысли, в то время как

другие переговаривались и пели песни родины. Полковник Грант даже не подходил к Инверо понимая, что случайная фраза или даже взгляд могут напомнить тому о Тикондероге. В таком случае, уверен был полковник, его лицо выдаст тайну, которую он узнал.

Утром над озером поднялся туман. Он постепенно рассеивался, пока лодки плыли по гладкой голубой воде, и новые великолепные пейзажи открылись их взору. В отдалении Инверо увидел высокие горы, некоторые из них скалистыми утесами напоминали ему два пика горы Бен Круахан, мрачное напоминание о том пейзаже, который он хотел забыть. Печаль о кузене Яне проступила сильнее, чем обычно, пока звук ружейных выстрелов не вернул его к действительности, когда они приблизились к другому концу озера.

Высадившись, шотландцы узнали, что передовые силы англичан отбросили французов назад, вступив с ними в оживленную перестрелку, при этом они почти не понесли потерь. В ту ночь в лесах были выставлены дозоры, а на следующий день британцы начали крупное наступление, вынуждая французов вернуться в их укрепления на склоне, ведущем к Фарту Кариллон.

На третий день генерал Аберкромби решил выбить французов из укреплений, чтобы можно было Форт Кариллон и не дать французскому главнокомандующему Монкальму получить подкрепление. И вместо того, чтобы перенести пушки с плотов на озере Георга, Аберкромби приказал начать штурм английским гренадерам и Королевскому Американскому полку, в то время как отряды Гранта остались в резерве. Это было не по душе храбрым шотландцам. Некоторые из этих ветеранов в черных килтах принадлежали к сорок второму полку, когда он был известен как Черный Страж и был знаменит боевыми качествами. Поэтому генерал Грант посоветовался с разными офицерами, как сдерживать своих людей, если они потеряют терпение. Но он не вызывал майора Кэмпбелла ни на одно из этих совещаний. Из всех офицеров Инверо лучше всех соблюдал дисциплину, что делало подобные указания ненужными.

Атака на французские укрепления кончилась неудачно. Полки регулярной армии и Колониальной милиции неожиданно наткнулись на завалы из деревьев с острыми сучьями всего на расстоянии выстрела от французских траншей. Пока они преодолевали это препятствие, их косил пушечный и мушкетный огонь. Вид такой кровавой резни обуздал бы любой резерв, но только не шотландцев. Это, наоборот, побудило их к действию.

Не дожидаясь приказов, они устремились вперед, и офицеры не могли остановить их никакими средствами. Среди тех, кто первым бросился вверх по склону, была видна фигура Инверо, бежавшего рядом со своими людьми. Слишком поздно полковник Грант понял, что доблесть, вдохновлявшая майора Кэмпбелла, была лишена осторожности.

Завалы ничего не значили для атакующих горцев. Когда они достигли острых веток завала, то отбросили ружья и прорубили путь старинными шотландскими палашами, огромными обоюдоострыми мечами с двойными эфесами. Некоторым удалось добраться до французских траншей, но они были слишком малочисленны, чтобы удерживать их, поскольку к тому времени большинство их товарищей пали под шквалом опустошающего огня.

Среди них был и майор Инверо. Офицерский мундир сделал его главной мишенью французских стрелков. Он неуклюже рухнул недалеко от завала, сраженный несколькими пулями. Несмотря на боль, он откатился под прикрытие маленького холмика, откуда наблюдал за волной атаки, достигшей гребня и остановившейся под завесой сизого дыма безжалостных французских ружей.

Инверо жестом приказал остальным спрятаться в укрытие, как это сделал он. Они подчинились, все до одного, собираясь присоединиться к следующей волне атакующих, не зная, что сам Инверо уже никогда не поведет их. Но Инверо думал только о своих солдатах и, когда он бегло осматривал склон, удивился, увидев фигуру, стоящую подле него, бесстрастно глядя вниз, во весь рост, со сложенными руками, наполовину прикрытую вьющимся дымом.

Опершись на плечо, Инверо хлопнул рукой по дерну и прохрипел:

— Ложись, человек, — или ты умрешь!

Затем он замолчал, поскольку человек, стоящий здесь, уже был мертвым. Несмотря на то, что глаза Инверо жег дым и его зрение ослабело, он узнал это лицо.

Даже губы были бледными, как мел, на лице призрака Яна Кэмпбелла.

— Мы снова встретились, Инверо. — В этих словах не было обвинения, хотя его тон был торжественным, как погребальная музыка. — Мы снова встретились, как я обещал, в Тикондероге.

Со сжатых губ Инверо сорвался стон: «Тикондерога».

— Да, — подтвердил гость. — Ты заплатил за сокрытие убийцы, кровь пролилась за кровь!

Раздался новый звук. Это было ровное гудение волюнок, за ним последовали резкие ноты, побуждавшие основную часть полка к следующей атаке. Инверо поглядел вниз и увидел фигуры в килтах «Черного Стража», устремившиеся вверх по склону; среди них были волынщики; к атакующим по всему пути присоединялись все новые люди, чтобы броситься на неприступные французские траншеи!

Гудение волюнок потонуло в реве оружейных выстрелов, сопровождавшихся вспышками пламени по всей линии обороны французов. Инверо взглянул вверх на сгущающийся дым, который теперь опускался к подножию, и увидел фигуру Яна, все еще стоявшего там,

смутную, как в тумане. Свистящие пули не причиняли призраку вреда, и его губы произнесли:

— Прощай, Инверо!

Затем горцы пробились наверх к тому изгибу, где прежде был Ян, а теперь было пусто, и только дым от ружейных выстрелов стлался по склону. Пули брали свою дань; Инверо видел, как падали атакующие по двое и больше, натыкаясь на ураганный огонь из французских окопов.

И снова были атаки, но все они потерпели поражение. В промежутках между ними французы перезаряжали и готовили оружие для предстоящих атак. Во время этих передышек вверх по холму ползли люди, подбирали раненых товарищей и относили их вниз, в безопасное место. Затем эти же самые спасатели присоединялись к следующей волне нападающих только для того, чтобы их скопил огонь. Это продолжалось четыре часа, пока генерал Аберкромби наконец не дал приказ об отступлении, но он был менее упрямым, чем атакующие шотландцы. Команду пришлось повторить три раза, прежде чем они оставили склон, где царил резня.

Среди тех, кого отнесли к лодкам, был Инверо. Полковник Грант нашел его там, страдающим от смертельных ран. Прежде, чем полковник смог заговорить, Инверо понял, что лежало за его ошеломленным взглядом. Глаза Инверо сверкнули, когда он сказал:

— Это — Тикондерога. Вы каким-то образом узнали это, полковник. Вот почему вы избегали меня.

— Так и есть, — согласился Грант. — Но откуда это узнали вы?

— Потому что я снова увидел его, призрак моего убитого кузена Яна. Он сказал мне, что мы встретимся в Тикондероге — и мы встретились.

В той битве было убито более трехсот солдат шотландского полка, среди них был и сын Инверо. Сам же он умер от ран несколько дней спустя, как и предсказывал ему дух. Кто-то услышал, что перед самой смертью он сказал: «Кровь должна пролиться за кровь!»

Такова история призрака-прорицателя, трижды появлявшегося в Шотландии. Она сохранилась сквозь годы, подтвержденная семьей и друзьями Инверо. В то время, когда он рассказывал им о посещениях духа, случившихся в его доме в Шотландии и упомянул странное слово «Тикондерога», французы еще даже не начали строить Форт Кариллон в месте, чье настоящее название знали только индейцы.

Что до последней встречи с духом на поле боя, то отчет о нем был записан Джеймсом Грантом, полковником, командовавшим сорок вторым полком горцев, услышавшим эту историю из уст умирающего.

Но это было еще не все.

В тот самый день, когда в Тикондероге состоялась битва, выдающийся датский врач, Уильям Харт, прогуливался вместе со своим английским другом в окрестностях замка Инверо в Шотландии. На мрачном, покрытом тучами небе они увидели странный мираж. Это были люди в шотландской форме, в жестокой схватке. Доктор и его друг позвали слугу — шотландца. Тот в изумлении смотрел на гигантских солдат в небе, причем он узнал многие лица и называл их по именам, со стоном глядя, как они падают.

То же самое удивительное видение описала одна молодая шотландская леди и ее сестра; когда они переходили мост через реку Эрей по пути в Инверо, одна из них случайно взглянула на небо. Они тоже узнали много друзей среди воюющих, в том числе Инверо и его сына. Оба они упали, пока удивленные женщины смотрели фантастическую картину, которая разворачивалась сама по себе.

Другие люди тоже говорили о странной картине в небе. Собранные вместе, они называли удивительно большое количество тех знакомых, которые были убиты. Недели спустя из Америки прибыли сообщения, в точности подтверждающие трагедию Тикондероги. Возможно, объединенные умы умирающих жертв перенесли этот прощальный привет в их родину Шотландию, чтобы подбодрить родных к тому ужасному сообщению, которое им предстояло получить. Как бы там ни было, но если вы в это не верите, не говорите об этом в шотландских горах. Там до сих пор есть люди, которые верят в духа Тикондероги и видения над Инверо. Больше того, они и вас смогут убедить в этом.

ТАМ, В ПРОШЛОМ

Сильный апрельский дождь превратился в проливной, когда такси дотащило до краснокирпичного дома на тихой вашингтонской улице. Таксист осмотрел двойную белую дверь, рядом с которой виднелась потускневшая бронзовая доска.

— Кажется, это здесь, мистер, — сказал таксист. — Я вижу доску, но прочитать не могу. Если же вы попытаетесь прочесть ее под таким дождем, то промокнете насквозь.

Питер Корриган сунул деньги в руку водителя.

— Я попробую прочесть надпись, — сказал он. — Не уезжайте, пока я не буду уверен, что это то самое место. Если мы ошиблись, я вскочу в машину, и мы попытаемся продолжить поиски.

Корриган был без шляпы, поэтому он натянул ворот пальто на голову и захватил свой дипломат, вылезая из автомобиля. Он устре-

мился подкрытие маленького портика над двойной дверью. Вытерев капли дождя с лица, он прочитал бронзовую доску. На ней значилось:

КЛУБ «ПОТОМАК»

основан в 1858 г.

Корриган дал водителю знак, что отпускает его, и ударил в дверь большим латунным молотком. На стук никто не вышел; таксист уже уехал, в то время как дождь продолжал молотить под острым углом в промокшего Корригана. Затем, когда он уже стал искать более надежное укрытие, дверь была открыта важным сутулым служителем в вылинявшей голубой униформе. На его воротнике была потускневшая золотая вышивка.

— Сожалею, что не слышал вашего звонка, сэр, — извинился служитель. — Я был занят во внутренних комнатах. Вы, должно быть, мистер Корриган.

Затем, когда Корриган кивнул, служитель добавил:

— Я не думал, что дождь пошел так сильно. Сэр, да вы промокли насквозь! Позвольте мне предложить вам что-нибудь взамен, пока ваша одежда будет сушиться и гладиться.

Ворча, он проводил Корригана по короткому пролесту мраморных ступенек; они пересекли отделанное кафелем фойе, и, оглянувшись назад, Корриган увидел, что входная дверь скрылась из вида, поскольку лестница заворачивала. Не было ничего удивительного в том, что служитель не знал о дожде.

Корриган чувствовал себя так, словно здесь, в огромном с высоким потолком фойе клуба «Потомак», где даже шаги становились неслышными, он попал в другой мир. Он скорее назвал бы это потеряннным миром, поскольку чувствовал, что погружен в пространство вне времени. Все здесь было старым, от антикварных подсвечников, отбрасывавших слабый свет на резные дубовые панели стен, до портретов в украшавших их золоченых рамах. Даже нарисованные лица принадлежали прошлому, как было видно по их суровому выражению и старинным костюмам. И все же они походили на галерею живых людей — когда служитель проводил Корригана мимо них, они бросали на него взгляды, полные осуждения. Когда Корриган проходил мимо гардероба, он оглянулся, и у него возникло невольное чувство, что он поймал прощальные взгляды последних портретов в ряду.

Молодой человек неожиданно задрожал в ознобе. Он не был уверен, был ли озноб вызван взглядами глаз на портретах или промокшей одеждой. Корриган оказался в маленькой гардеробной, где служитель отпер огромный шкаф, набитый старинными костюмами.

— Уверен, сэр, что вы найдете нужный вам размер, — сказал

служитель Корригану, — если вы, конечно, не против походить какое-то время в одном из этих костюмов. Мы держим их для официальных приемов, посвященных основателям нашего клуба. Поэтому вы не будете чувствовать себя не в своей тарелке...

Из гардероба раздался голос, перебивший его:

— Уильям, вас ждут в холле!

Поклонившись, служитель пообещал:

— Я скоро вернусь, сэр.

Корриган примерил голубой костюм, пиджак от которого имел длинные фалды и широкие лацканы. Ему пришлось по душе гофрированная короткая передняя часть костюма и тонкий, как шнурок, галстук. Причесывая волосы, Корриган осмотрел результат в длинном зеркале и улыбнулся. Безусловно, это был самый лучший способ акклиматизации к этим старинным стенам.

Блестящий молодой астрофизик, Корриган был недавно принят в клуб «Потомак», в котором особенно ценились ученые. Его поручители находились здесь, ожидая приезда Корригана из Нью-Йорка для первого посещения клуба. Корриган все еще хихикал над их возможной реакцией по поводу его вида, когда вернулся Уильям.

В мягком свете гардеробной лицо служителя неожиданно показалось молодым. В одно мгновение его плечи выпрямились, а униформа утратила свой лицепалый вид. Почему-то у Корригана возникло ощущение, что он уже где-то видел это лицо, словно оно принадлежало старому другу. Затем он решил, что это из-за искренней доброжелательности Уильяма, который одобрительно кивнул, увидев Корригана. Затем из-за того, что Уильям взял костюм левой рукой и повесил его на правую, он снова стал сутулым, и его лицо опять постарело.

Уильям повел Корригана через фойе, где портреты теперь не казались столь строгими. По выражению их лиц он понял, что теперь они одобряют его в этом наряде, и он по-прежнему не мог избавиться от ощущения, что его провожает взгляд живых глаз. По крайней мере, теперь он чувствовал себя полноправным членом клуба, несмотря на то, что был в слишком тесной одежде. Голос Уильяма вывел его из задумчивости. Взмахом левой руки он указал Корригану на дверной проем и проговорил:

— Ваши друзья ждут вас в Мемориальной комнате, сэр.

Когда Корриган вошел, на него взглянули трое. Это были Рой Миллард, известный исследователь в области парапсихологии; Льюис Виттакер, знаменитый биохимик; а также Захария Джексон, глава американских историков. Миллард и Виттакер были профессорами средних лет, серьезно относящимися к своей работе и всячески это демонстрировавшими. Они смотрели на Корригана в легком раздражении, пока доктор Джексон, пожилой и со сверкающими глазами, не захихикал из глубины своей седой бороды и не прокомментировал:

— Мы гадали, когда вы доберетесь сюда, мистер Корриган. Согласно теории Милларда, мы ожидали, что вы примчитесь на машине времени. Вместо этого вы явились из прошлого. — Он указал на старый портрет, висевший над большим каменным камином. — О, да вы — копия Бушрода Чичестера, основавшего наш клуб.

Корриган улыбнулся и сказал, что его такси попало под ливень по пути из аэропорта и что Уильям одолжил ему этот старинный костюм. Это объяснение, казалось, удовлетворило профессора Милларда, сразу же вернувшегося к своей излюбленной теме.

— В вашей работе, мистер Корриган, вы говорите о разрыве звукового барьера. Я пытаюсь изучить временной барьер. Если только это можно сделать через изучение моментальной относительности.

— А что такое моментальная относительность? — вставил Виттакер.

— Вам следует это знать, — отозвался Миллард. — Когда-то вы сняли рост растения так, словно оно растет на глазах, несмотря на то, что в действительности ему требовалось несколько месяцев. Вы также делали замедленные съемки падения лепестков розы, которые, казалось, едва падали. Что, если снять их в одном синхронном фильме?

— Это выглядело бы так, словно растение росло, в то время как роза роняла лепестки, — вставил Виттакер, — или наоборот, если вам угодно.

— Давайте поговорим о людях вместо растений, — предложил Джексон. — Согласно вашей теории, Миллард, наша понятливость уменьшается и возрастает, поэтому временами вещи движутся так быстро, что вызывают очаг возбуждения в мозгу человека, в то время как другие так болезненно медленно, точно мы находимся в состоянии сна.

— Именно так, — кивнул Миллард. — Это и есть моментальная относительность.

— И вы верите в то, что люди могут переноситься в другое время, как физически, так и мысленно? — настаивал Джексон.

— Да, верю. Когда они достигают совершенной физической и умственной инерции, вызванной окружающими условиями, они преодолевают временной барьер, ввергая себя в другую сферу, из которой они могут — или не могут — вернуться.

Это показалось Корригану знакомым, поскольку он начал чувствовать себя не в своей тарелке. С того момента, когда он вошел в клуб «Потомак», ему казалось, что он стал участником какой-то старинной драмы, становившейся все более насыщенной. Прямо сейчас он принял участие в научной дискуссии с ультрасовременной группой ученых, в то же время чувствуя себя так, словно сам он принадлежал прошедшему. Ценой умственного усилия Корриган заставил себя вернуться в настоящее.

— Предположим, что вы попали в прошлое в день накануне великого краха на бирже 28 октября 1929 года, — сказал он Милларду. — С вашим знанием того, что должно случиться, разве вы не смогли бы распродать все акции до того, как упадут цены?

— Разумеется, я смог бы, — ответил Миллард. — И многие люди так и поступили. Очевидно, это и послужило причиной краха.

— Вы имеете в виду, что они так поступили по совету кого-нибудь, прибывшего из будущего и поэтому сумевшего их предупредить.

— Они могли так сделать. Я проверил именно этот случай. Имеются документальные свидетельства, показывающие, что огромное количество людей последовало совету астролога, чьи гороскопы предсказывают крах Уолл-Стрит с точностью до дня. Гороскоп был напечатан еще в начале 1929 года, и в нем говорилось, что крах будет вызван неблагоприятными планетарными условиями. Он советовал людям продать акции до этого времени.

— Так, значит, крах был вызван жуликом, притворяющимся, что он знает будущее.

— Не тем, кто притворялся, что знает, а тем, кто действительно знал.

— И вы думаете, что астролог получил информацию от человека, перенесшегося в прошлое из будущего и рассказавшего ему все?

— А как еще он мог это узнать? Я не верю в астрологию еще больше, чем вы, мистер Корриган. Никто не может предсказать будущее. Поэтому единственный путь узнать его — от того, кто пережил его.

— Но прошлое неизменно. Это опровергает вашу теорию, профессор Миллард. Вся логика против этого.

— Мы выше оков логики, — ответил Миллард. — Возьмите ваш собственный случай, мистер Корриган. Будучи астрофизиком, вы планируете переносить людей на Луну и другие планеты. А ведь когда-то это считалось невозможным и, следовательно, нелогичным.

Миллард обратился к Виттакеру.

— Как биохимик вы постоянно сталкиваетесь с нелогичным, например, с формами жизни растений, химическими элементами или с животными, которые развились необъяснимо. И в ваших исследованиях, Джексон, — Миллард повернулся к пожилому историку, — вы встречались с такими случаями, когда люди исчезают так странно, что их наверняка поглотило время, а не пространство.

— Такие случаи бывали, — подтвердил Джексон, — поэтому я могу принять вашу теорию, не опираясь на более реальные доказательства или свидетельства.

— Но скажите, доктор Джексон, — настаивал Корриган, — не сможет ли перенос личности во времени изменить историю, какой мы ее знаем?

— Не обязательно, — ответил Джексон. — Перенесенная личность может стать участником определенного исторического события. Она может помочь, таким образом, в его подготовке, но изменить его она не в состоянии. У меня есть собственная теория на этот счет.

Джексон глянул поверх очков на Милларда и Виттакера, которые начали частный спор. Джексон взял Корригана под руку и предложил:

— Пойдемте, я покажу вам наш клуб как новому его члену, а заодно выскажу свои собственные соображения.

Сначала они подошли к камину, где глухой треск горящих бревен и выющийся серый дым, казалось, смешались с воспоминаниями старого историка.

— Это портрет нашего основателя, Бушрода Чичестера. Он был помещен здесь в день основания нашего клуба в 1858 году, — начал доктор Джексон. — То же относится и к другим картинам. — Он указал на два полотна на противоположной стене, каждое из которых представляло лесные сцены древней Греции. — И к этой хрустальной люстре.

Джексон показал на потолок, где в гранях хрусталя играли блики, отражавшиеся от электрических огней, которыми заменили газовые рожки.

— Их перевезли из игорного заведения Пендлтона на Пенсильвания-авеню, — объяснил Джексон. — Он умер в тот год, когда был основан клуб. Многие столы и стулья были приобретены на аукцион-распродаже из «Дворца Фортуны» Пендлтона. Мне часто кажется, что я слышу звук вращающейся рулетки и голоса игроков в фараон.

Корриган почти слышал их сам, но считал их треском горящих поленьев и голосами Милларда и Виттакера.

Затем Джексон повел Корригана в холл, где показал ему старинные вещи из прежней вашингтонской резиденции, изящные предметы восточного искусства, привезенные командором Перри из Японии, и сувениры, собранные президентом Бухананом перед гражданской войной. Доктор Джексон подвел итог:

— Все в клубе «Потомак» осталось таким же, как и сто или более лет назад. Это захватывает, и, когда я ухожу, то чувствую себя так, словно я в прошлом. Вот почему я в какой-то степени соглашаюсь с теорией Милларда.

— Мне тоже следует с ним согласиться, — Корриган усмехнулся, взглянув на свой наряд, — принимая во внимание то, что я одет подобающим образом.

Когда они достигли фойе, доктор Джексон указал на картинную галерею.

— Это были наши основатели, — провозгласил он. — Смотрите, как эти глаза передают вам дух времени! Эти глаза видели события

гражданской войны. Эти глаза видели самого Линкольна, видели его убийство. Они зовут вас в прошлое, обещая рассказать многое. Если бы мы только могли встретить этих людей и спросить их...

— Прошу прощения, сэр, — перебил Корриган. — Вон идет Уильям. Я должен спросить его, готов ли мой костюм.

— Конечно, — кивнул доктор Джексон. — Я вернусь вместе с остальными.

Уильям был уже около мраморных ступенек, когда Корриган нагнал его. Мраморный пол фойе был сырым, но Корриган не заметил этого. Умственное замешательство вызвало физическую неустойчивость. Ноги Корригана взлетели вверх, и он полетел вниз по ступенькам. Ему удалось ухватиться за деревянные перила, наполовину развернуться и благополучно завершить падение, но этого было недостаточно, чтобы избежать оглушающего удара, поскольку его затылок опустился на последнюю стойку перил.

Корриган мельком уловил взгляд Уильяма, в ужасе смотрящего на него. Это видение сменилось мириадами искр перед глазами, которые тут же потухли. Затем Корриган снова пришел в сознание и, открыв глаза, увидел Уильяма.

— Вы сильно ударились, сэр, — сказал он, когда Корриган потирал затылок. — Я не смог поймать вас. С вами все в порядке?

Корриган не был уверен в этом. Во-первых, Уильям при ближайшем рассмотрении выглядел моложе. Его лицо было гладким: униформа и золотого на ней стали ярче. Он к тому же стал сильнее, поскольку поднял Корригана с помощью одной левой руки и поставил на ноги.

— Думаю, что все в порядке, — согласился Корриган, пытаясь вспомнить то, что произошло с ним до падения. — Интересно, дождь окончился?

— Дождь? — удивился Уильям. — Нет, сэр, дождя нет.

— Очевидно, он уже окончился, — согласился он. — Думаю, мне стоит прогуляться. Немного свежего воздуха мне не повредит.

Корриган медленно спустился по ступенькам, поддерживаемый Уильямом. Служитель опередил его, чтобы открыть дверь левой рукой, наполовину загородив ему путь. Корриган кивком головы поблагодарил его и вышел в зной апрельской улицы.

Уильям был прав. Дождь прекратился. У тротуара стоял открытый экипаж. Кучер в униформе, сидящий на козлах, коснулся своего цилиндра. Все еще плохо себя чувствуя, Корриган решил проехаться, вместо того чтобы идти пешком. Он уселся на заднее сиденье и откинулся назад.

— Так у вас теперь есть такие же наемные экипажи, как и в Центральном парке? — заметил он.

— В Центральном парке? — спросил кучер. — А где это?

— В Нью-Йорке.

— О, — кучер кивнул. — Что бы вы ни имели у себя в Нью-Йорке, мы заводим это у себя в Вашингтоне.

— Все, кроме метро.

— Метро? — кучер озадаченно покачал головой. — Куда прикажете ехать, сэр? В «Виллард»?

Название показалось Корригану знакомым.

— Хорошо, пусть будет «Виллард».

Кучер прищелкнул языком и откинулся назад, когда лошадь рванула с места. Он доверительно сообщил:

— Вы же знаете, сэр, какими бывают эти боковые улочки. Может, будет лучше, если мы поедem по Авеню, несмотря на то, что это будет немного длиннее.

— Не возражаю против Авеню.

Наполовину прикрыв глаза, Корриган размышлял о том, не было ли все это частью посвящения его в члены клуба «Потомак». Возможно, Уильяму была дана инструкция одеть его в старинное платье. Тот разговор о путешествии во времени, замечание Джексона о старинной атмосфере в комнатах клуба, этот старинный экипаж, ожидающий у входа, казались слишком кстати. Корриган решил расспросить кучера.

— Скажи мне, — начал он, — когда прекратился дождь?

— Дождь? Сегодня не упало ни капли. Весь день было душно, как вы сами видите. — Кучер ткнул хлыстом в пасмурное свинцовое небо. — Но не упало ни капли дождя.

Корриган посмотрел на узкий тротуар из красного кирпича и увидел, что тот был абсолютно сухим. Что касается немоощной улицы, вдоль которой они проезжали, то она была такая же сухая. К своему удивлению, он увидел несколько свиней, перебежавших дорогу их экипажу, недовольно хрюкая по поводу того, что им негде было поваляться. Еще более удивительным было то, что кучер приостановил лошадь, чтобы пропустить стаю гусей, ковыляющих мимо в поисках воды.

— Вы можете видеть, как у нас сухо, — продолжал кучер. — В начале недели прошел небольшой дождь, но он был непродолжительным.

— А когда в этом году зацвели вишни?

— Вишни? — Кучер был действительно озадачен. — Я никогда не слышал, чтобы у нас в Вашингтоне росли вишни.

Это уже слишком, подумал Корриган, хотя он действительно начал думать, что попал в прошлое, когда покинул клуб «Потомак». Затем, когда экипаж выехал на Пенсильвания-авеню, он неожиданно полностью в этом убедился.

Несомненно, это был Вашингтон, но город значительно отличался от того Вашингтона, который ученый видел в последний раз. Капитолий возвышался в нескольких кварталах к юго-востоку, но его

купол был совсем новым и сиял, в то время как окружающее пространство было странно не заполнено никакими строениями. А там, где на Пенсильвания-авеню был парк, по обеим сторонам улицы были построены дома, причем у каждого дома стояли экипажи и повозки.

Не подалось ни одного автомобиля, ни одного троллейбуса, только мужевой транспорт. Все это напоминало старинную фотографию. Когда экипаж Корригана слился с движением и покатил по булыжникам, удаляясь от Капитолия, он занялся изучением вывесок на фасадах зданий. Здесь были длинные полосатые шесты парикмахеров, одни из них красно-белые, а другие — более патриотичные, в сине-бело-красном исполнении. Над мастерской ювелира висели часы в виде лица; оружейный мастер перешеголял соседа, повесив над своей мастерской деревянное ружье еще большего размера. Из дверей табачной лавки выглядывали деревянные индейцы, выполненные в натуральную величину.

На правой стороне улицы стояли две большие, но приземистые гостиницы. На одной была вывеска «Националь». Другая, «Метрополитен», была меньше, но внушительней из-за отделанного мраморного фасада. Но когда экипаж проехал, Корриган был поражен контрастным видом слева. Ряд полуразвалившихся зданий уступал место сборищу неприглядных лачуг, невдалеке от которых располагались свиные загоны.

— Центральный рынок, — сообщил кучер. — Суетливое место с самого начала гражданской войны. Мы называем его Болотным рынком из-за болот, что его окружают.

Очевидно, он имел в виду топкий участок, занимавший пространство до мутного ручья, походившего на старинный канал. Затем вид изменился к лучшему. Чуть в стороне от Авеню на опрятной площадке стояла группа зданий из красного кирпича с башнями старинной формы, в которых Корриган узнал институт Смитсона. В нем ему довелось побывать во время научных исследований.

Но этот институт отличался от того института, который знал Корриган — не по прошлому, а по будущему. Вид, открывавшийся дальше, тоже был другим, поскольку Корриган увидел грузное строение из красного кирпича.

Удивленный, он спросил:

— Не здесь ли строится Белый Дом?

— Здесь, но это за углом от Сокровищницы, — последовал ответ. — А вы смотрите на старую конюшню, построенную Старым Щеголем, еще когда он был президентом.

Взгляд Корригана устремился налево. Он прищурился, увидев развалину квадратной формы высотой более ста футов.

— А это что такое? Заброшенная дымовая труба?

— Ну что вы, сэр, это же Вашингтонский монумент, — гордо провозгласил кучер. — Потребовалось более пятнадцати лет, чтобы

поднять его на такую высоту. Но чтобы закончить его, потребуется ровно столько же.

Теперь мышление Питера сфокусировалось. Случилось невозможное, но все это не было лишено определенного смысла. Должно быть, он попал в Вашингтон во время последних дней войны, поскольку, изучая прохожих, он видел солдат в ярко-синих мундирах. Среди них попадались и другие, в рваной вылинявшей одежде. Это были конфедераты, либо перебежавшие на другую сторону, либо попавшие в окружение и предавшие присягу. Вот почему они были так дружелюбны с солдатами в синей форме.

Корриган начал испытывать удовольствие от своего путешествия, когда кучер затормозил возле другого большого, беспорядочно выстроенного отеля и объявил:

— А вот и «Виллард», сэр.

И тут Питер впервые задумался о деньгах. Он сунул руку в карман одолженного пиджака и, к своему удивлению, нашел там пачку бумажных денег. Он выбрал странную купюру, на которой, по крайней мере, была знакомая цифра «5», встряхнул ее и вручил кучеру. Более уверенный в себе, Корриган вошел на территорию отеля, которую он знал не хуже, чем институт Смитсона или сам Капитолий.

Только этот отель «Виллард» не был ему знаком. Знаменитая гостиница времен гражданской войны совсем не походила на саму себя век спустя. Холл, полностью заставленный толстыми коврами, оканчивался просторным залом, заполненным посетителями. Они заказывали обильный ужин, несмотря на то, что вечер еще не начался. Джентльмены в таких же голубых костюмах, как у него — он еще раз убедился, что костюм по-прежнему на нем — кланялись дамам в кринолинах, спускавшимся по широкой лестнице. Офицеры, носившие высокие чины, торжественно прогуливались в холле. Корриган отошел в сторону, чтобы полюбоваться зрелищем.

В это время его локоть задел пачку тонких газет, лежавших на стенде. Он увидел название: «Вашингтонская Вечерняя Газета» — и приобрел ее за несколько крупных медных монет, найденных им в кармане. Прежде чем просмотреть заголовки, он нашел число:

«Пятница, 14 апреля, 1865 год».

Корриган был ошеломлен. Этому дню было суждено стать самым печальным днем в истории Америки, поскольку сегодняшним вечером политическое убийство президента Линкольна должно было потрясти страну и весь мир. Если у кого-нибудь и был шанс изменить ход истории, то только у Корригана!

Ученый лихорадочно просмотрел газету в поисках театральных новостей. Он нашел объявление о том, что президент и миссис Линкольн, а также генерал Грант купили ложу в театре Форда, чтобы посмотреть в этот вечер последнее выступление мисс Лауры в «Нашем американском кузене».

Для Корригана этого было достаточно. Он выбежал в сгущавшуюся темноту с одной-единственной мыслью: как можно скорее добраться до театра и сделать все возможное, чтобы предотвратить преступление. Поблизости стоял наемный экипаж, и Корриган приказал кучеру побыстрее отвезти его в театр Форда. Ему не потребовалось называть адрес: Десятая Авеню, между блоками И и Ф. Кучер прекрасно знал этот театр.

По прибытии к театру, Корриган перепрыгнул через доски, служащие мостом через глубокую канаву, расположенную между тротуаром и проезжей частью. Он ворвался в холл и увидел, что касса еще закрыта. После того, как он несколько раз постучал в окошечко, стекло поползло вверх, и на ученого уставился юноша с глупым лицом.

— Не спешите, — сказал юноша. — Мы как раз открываемся, и давка еще не началась. За сколько вы хотите купить билет?

— Я хочу видеть директора.

— Он не появится здесь до ужина. Все, что я могу сделать для вас, — это продать вам билет. Они стоят двадцать пять, пятьдесят и семьдесят пять центов.

Корриган разыскал в кармане купюры достоинством не дороже доллара, особенно популярные в годы гражданской войны. Отсчитав нужное их количество, он просунул их в окно кассы:

— Вот семьдесят пять центов.

Получив билет, Корриган положил его в нагрудный карман пиджака. Затем резко повторил:

— Мне нужен директор.

— Может быть, вы найдете его в баре в следующей комнате? — предложил молодой человек. — Если его там нет, попытайтесь найти его за кулисами. Спросите мистера Форда.

В заведении, находящемся в соседней комнате, он спросил мистера Форда. Ему ответили вопросом на вопрос: «Какой из них вас интересует?» Когда он ответил: «Любой мистер Форд», — ему сообщили, что ни один из них не был в театре. Несколько посетителей заведения выказали чрезмерный интерес к вопросам Корригана, поэтому, чтобы не вступать с ними в контакты, он немедленно покинул бар. За углом он попал в темную аллею, прошел по ней мимо конюшни, в которой, завидев его, вороная лошадь приветливо заржала. Корриган выразительно колотил в боковой вход театра, пока приземистый рабочий в спецодежде не спросил его, что ему угодно.

— Я хочу видеть господина Форда, директора.

— По какому делу?

— Насчет сегодняшнего визита президента. Он в опасности. Его собираются убить, он должен знать об этом.

— Здесь вы не найдете директора.

— Может, мне лучше самому посмотреть?

Когда Питер протолкался мимо, низенький человечек сделал тяжелый и широкий замах кулаком. Ожидая этого, Питер неожиданно ответил резким ударом. Шатаясь, человек позвал на помощь, и по его зову явились трое других мужчин. Пока Корриган боролся с ними, первый покинул товарищей и побежал по аллее. Он вернулся с двумя людьми в синих сюртуках и круглых соломенных шляпах. Те с двух сторон схватили Корригана, надели на него наручники и потащили к ожидающему фургону.

Там Корриган выяснил, что он угодил в муниципальную полицию. Всю дорогу по пути в участок ученый повторял:

— Отпустите меня, дурачье! Неужели вы не понимаете, что президент в опасности? Это я и собирался рассказать там, в театре!

— Тогда расскажите это сержанту, он вас выслушает, — ответил один патрульный.

Но сержант его не выслушал.

— Пока вы, идиоты, держите меня, — говорил Корриган, — человек по имени Бут застрелит президента Линкольна сегодня вечером во время представления в театре.

— Это, случайно, не актер по имени Бут? Уилки Бут? — спросил сержант.

— Именно он, — заверил Корриган. — Джон Уилки Бут.

Сержант взял со стола театральную программку и снисходительно улыбнулся.

— Вот программка к сегодняшнему спектаклю, — начал он. — Никакой Бут здесь не упоминается. Он даже не участвует в представлении.

— Но он будет околачиваться возле театра, ожидая своего шанса, — настаивал Корриган.

Сержант обратился к двум полицейским:

— Вы видели кого-нибудь невдалеке от театра Форда?

— Только этот человек, — ответил патрульный, указывая на Питера Корригана. — Нас вызвал туда рабочий сцены Нед Спренглер.

— Спренглер! — Это имя, словно колокол, зазвенело в ушах задержанного. — Это один из участников заговора!

— Какого заговора? — спросил сержант.

— Я говорю о тех, кто задумал убить президента!

Сержант показал рукой в сторону камер и приказал:

— Уведите его. Он либо пьян, либо сумасшедший.

Попав за решетку, Корриган рассвирепел еще больше и кричал так громко, чтобы сержант мог его услышать:

— Пьян или сошел с ума! Вы скоро убедитесь в обратном! Говорю же вам, что знаю о замысле актера Бута убить президента Линкольна. Не спрашивайте меня, почему и откуда мне это известно. Я просто знаю — и я собираюсь предотвратить убийство, даже если мне придется разнести эти решетки!

Сидя за столом, сержант глянул в направлении камеры, куда поместили Корригана. Затем обратился к своим людям:

— Кто-нибудь из вас может утихомирить этого кретина?

Молодой полицейский сказал:

— Я знаю, как его успокоить, сержант.

— Что, по-твоему, нам следует сделать, Фрескет?

— Прислушаться к тому, что он говорит. Может быть, ему действительно что-нибудь известно.

— Ты что, тоже свихнулся, Фрескет?

— Навряд ли, сержант. Я просто вижу, что он уверен в том, что говорит. Человек, действительно что-то узнавший, обычно так и ведет себя.

Услышав это, ученый успокоился, тем самым прибавив весу словам Фрескета. Но сержант все еще не был убежден.

— Чего вы хотите от меня? — вопрошал он. — Отправить всех свободных людей к театру Форда по совету какого-то ненормального?

— Это не повредит, — настаивал патрульный Фрескет, — если мы поместим в ложу президента охрану.

— Но у президента уже есть охрана — я говорю о регулярной охране. Если ему нужно больше телохранителей, он сам их вызовет. Кто мы такие, чтобы указывать президенту, что ему делать? Кроме того, в его распоряжении вся армия, если это потребуется. Не забывай, что в театре с ним будет генерал Грант.

Сержант дал всем возможность оценить эти слова, затем добавил:

— Послушайте, Фрескет, вы не высоко подниметесь в этом отделении, если не научитесь более разумно оценивать подобные случаи.

Это было не по душе Корригану, который возобновил шум в своей камере, надеясь вынудить Фрескета к дальнейшим действиям. Нахмурившись, он собрался вновь привести какие-то доводы, но его опередил хорошо одетый человек, вошедший в участок. Человек посмотрел на камеру, в которой находился Корриган, затем обратился к полицейскому:

— Сержант, — начал вновь прибывший, — не этот ли человек был причиной беспорядков в театре Форда?

— Да. Его зовут Корриган. Что вас интересует?

— Я хочу, чтобы вы освободили его под мою опеку.

— А кто вы такой, собственно говоря?

Посетитель достал визитную карточку и вручил ее сержанту. Тот медленно прочитал: «Бертрам Дж. Уиллингтон».

— Так вы — доктор?

— Специалист по умственным заболеваниям. Правительством поручает мне случаи вроде этого. Мы собрали уже около дюжины человек, которые говорили о политических убийствах и других заговорах. Это приобретает характер эпидемии.

— Не удивительно. Как вы поступаете в подобных случаях?

— Мы изучаем их, стараясь выявить причину болезни, если это возможно. Хорошее обращение, надлежащий отдых, внимательное отношение к их рассказам всегда дают хороший результат. В их поведении нет ничего противозаконного.

— Но иногда они нападают на кого-нибудь, доктор Уиллингтон. Так же, как этот Корриган мутузил Спренглера.

— Спренглера? А кто он такой, сержант?

— Нед Спренглер, рабочий сцены в «Форде», — объяснил сержант. — Это он заявил в полицию.

— А мне рассказали, что они все напали на Корригана. Вот почему это дело попало в наш отдел. — Уиллингтон устремился в сторону камеры, где сидел ученый. Он изучал его с дружеской улыбкой. Затем, повернувшись к сержанту, сказал:

— Думаю, что смогу увести его с собой, если только он согласится.

— Что вы об этом думаете, Корриган?

Из-за решетки раздалось:

— Согласен.

Когда сержант отпирал дверь камеры, прибыл полицейский и вручил ему записку. Корриган подошел к столу и произнес:

— Позвольте мне сказать вам одну вещь, сержант. Сейчас президент находится в еще большей опасности, чем вы думаете. Генерала Гранта не будет в театре сегодня вечером...

Сержант бросил на него быстрый резкий взгляд.

— Откуда вам это известно?

— Я узнал это совсем случайно — дело в том, что... — просто я догадался.

— Вы правильно угадали. В этом послании говорится, что генерал Грант уехал сегодня поездом в Филадельфию и его не будет в театре.

В глазах сержанта теперь появилось настоящее подозрение, совсем не то, чего хотел Корриган. Будет намного лучше пойти с доктором Уиллингтоном, интеллигентным человеком, готовым прислушаться к его словам. Доктор сам спас ситуацию. С широкой улыбкой на симпатичном лице он сказал:

— Вы видите, как человек в таком состоянии хватается за любую соломинку? Поверьте мне, сержант, это работа нашего отдела — выяснять, откуда эти люди знают подобное и кто они такие. Нам всегда удастся ПРОАНАЛИЗИРОВАТЬ факты. Вскоре я узнаю всю историю этого Корригана.

Корриган был готов поклясться, что это ему не удастся, но он промолчал. Лучше было сотрудничать с врачом. Сержант махнул рукой, и Корриган вместе с новым другом очутился на улице. Сзади он услышал голос патрульного Фрескета, говорившего:

— Я все еще думаю, что относительно заговора что-то есть, сержант.

— Вам лучше вернуться к своим обязанностям, Фрескет, или расстаться со своей работой навсегда.

— А как насчет того, чтобы прекратить работу прямо сейчас?

— Прежде чем вы закончили вечернее патрулирование, когда нам так не хватает людей? Только попробуй сыграть эту шутку, и я упрячу тебя за решетку!

Голоса стихли, когда Корриган и его спутник вышли на воздух. Было все еще душно, но повеяло прохладой. Уиллингтон проигнорировал это.

— Мы совершим всего лишь небольшую прогулку до гостиницы «Националь», — сказал он. — Я там остановился, и там нам будет удобнее поговорить.

— Но Президент Линкольн находится в опасности...

Корриган прервался, поскольку из-за возбужденного его вида доктор Уиллингтон мог принять его за психически больного. Он тихо спросил:

— Сколько времени, доктор?

Уиллингтон посмотрел на большие золотые часы.

— Ровно полседьмого.

— Значит, представление не начнется в ближайшие два часа, — проговорил Питер, значительно успокоившись. — У нас есть много времени.

К удивлению Уиллингтона, Корриган оставил эту тему и заинтересовался проходящими людьми, которых он рассматривал по дороге в гостиницу. Оказавшись в гостинице, Уиллингтон провел его по холлу, такому же помпезному, как и в «Вилларде», а потом они прошли в отдаленную комнату на третьем этаже. Там они присели, и доктор расспросил Корригана. Тот сообщил полное имя, возраст, адрес, род занятий. Начав произносить слово «астрофизик», он быстро заменил его на «ученый».

— Ученый, — повторил Уиллингтон. — Вы знакомы с кем-нибудь из персонала института Смитсона?

— Не с нынешним персоналом, — быстро ответил Корриган.

— Что навело вас на мысль, что Президента собираются убить?

— Я узнал случайно, — начал Корриган. — Можете назвать это предчувствием. В конце концов, вы должны понимать такие вещи. Вы же психиатр.

— Простите, кто я?

Корриган быстро поправил себя, сообразив, что использовал еще не существующее слово.

— То есть, я хотел сказать, что вы тоже ученый, — заявил он. — Возможно, это не было предчувствием. Может быть, я слышал много разговоров.

— Так почему же вы не сказали этого раньше? — Уиллингтон пристально посмотрел на Корригана. — С чего у вас все началось? С вами произошел несчастный случай?

— О, нет. Не совсем так.

Корриган бессознательно приложил руку к затылку. Уиллингтон поднялся, включил свет и внимательно осмотрел затылок. Он тихонько надавил на ушибленное место, и Корриган вздрогнул.

— Сильная контузия, — вынес Уиллингтон профессиональное заключение. — Когда и как это произошло?

— Около часа назад, — ответил Корриган. — Я поскользнулся на ступеньках и ушиб голову.

— Это и объясняет ваши галлюцинации. — Доктор выпрямился и закрыл окно, чтобы в комнату не проникали звуки музыки, исполняемой оркестром, идущим на парад. — Вы нуждаетесь в отдыхе и тишине. Сначала я займусь этим ушибом.

Из ящика стола врач достал носовой платок и намочил его жидкостью, по запаху напоминавшей ведро орех. Он перевязал голову Корригана, затем достал бутылку вина и стакан.

— Немного бренди вам не повредит, — сказал он. — Этого удара было вполне достаточно, чтобы вызвать сотрясение мозга.

— Нет, я обычно не пью вина...

— Значит, считайте это медицинским предписанием. Возможно, это поможет вам расслабиться и вспомнить то, что вы забыли.

Предложение пришлось по душе Корригану. Потягивая вино, он начал думать над тем, как завоевать полное доверие Уиллингтона.

— Если бы вы могли добраться до ближайшего окружения Президента, — предположил Корриган, — я уверен, что смогу вспомнить многое, чтобы полностью предотвратить заговор. Но у нас нет времени.

— Я понимаю это, — ответил Уиллингтон. — Прилягте и отдохните немного, а я пошлю кого-нибудь прямо в контору военного коменданта. Там нас немедленно выслушают.

Корриган закрыл глаза. Он услышал легкий стук закрываемой двери. И долгий царапающий звук, напоминающий повороты ключа в замке. Он открыл глаза и попытался подняться, но его руки и ноги были словно прикованы. Наконец ему удалось сдвинуться с места, но он упал возле двери, которая оказалась закрытой, как он и опасался. Его мозг лихорадочно работал, в то время как тело было парализовано. Решив, что такое состояние вызвано жидкостью, которой пропитан платок, он с трудом развязал повязку на голове.

Уже стемнело, но в свете огней, светивших на улице, Корриган увидел в углу платка инициалы «Дж.У.Б.». Его органы речи сковал паралич, когда он, задыхаясь, шептал:

— Бертрам Дж. Уиллингтон... Б. — Дж. — У... Б. — Дж. — Он с трудом сделал вдох. — Дж. — У. — Еще один вдох. — Дж. — У. — Б... Дж. — У. — Б. — Его мозг обратил инициалы в имя: — Джон Уилки Бут!

Ужас переполнил Корригана, когда он понял, как был одурочен сатаной конспирации. Бут наверняка был среди людей в баре на Десятой

Авеню. От Спренглера он узнал, как какой-то человек хотел проникнуть за кулисы через боковой вход. Будучи актером, Буту было не трудно сыграть роль врача, чтобы увести Корригана из отделения, где его крики несомненно достигли бы ушей человека, готового прислушаться к нему. От этой мысли у Корригана все поплыло перед глазами. Он потерял сознание и пробыл в этом состоянии до тех пор, пока его не привел в себя звук негромкого медленного постукивания. Звук шел от двери. Раздался голос: «Здесь есть кто-нибудь?» Корриган услышал собственный голос: «Да». Ключ повернулся, дверь открыл человек, чуть не наступивший на него. Во мраке Корриган узнал фигуру Фрескета в синем мундире и соломенной шляпе. Блеск глаз Корригана, белых, широко раскрытых, с увеличенными зрачками, рассказал полицейскому намного больше, чем понимал сам пленник.

— Наркотик! — воскликнул патрульный. — Вот что Бут дал вам! Мне следовало бы об этом догадаться.

Поставленный на ноги, Корриган проговорил:

— Который час?

— Десять часов, — ответил Фрескет. — Никто не стал меня слушать. Мне нужно было разыскать вас, чтобы выяснить, что вам известно.

— Я знаю. Мы должны добраться до театра Форда как можно скорее!

Корриган все еще двигался с трудом, когда Фрескет тащил его вниз через холл, на улицу. Среди свободных экипажей он увидел тот, который привез его из клуба «Потомак». Ему удалось дать кучеру знак, и экипаж подкатил к ним. Фрескет впихнул его на сиденье и приказал кучеру:

— К театру Форда, и побыстрей!

Пока они мчались сломя голову вдоль Авеню, Фрескет рассказал ему все, что случилось за последние несколько часов.

— Пока я совершал патрулирование, — начал он, — мой друг кое-что для меня проверил. Он, в частности, сообщил, что доктора Уиллингтона не существует, так же как и отдела умственных заболеваний. Но зато описание доктора, данное мной, полностью совпадает с внешностью актера Бута. Когда я узнал, что актер проживает в «Национале», мое дежурство как раз закончилось и я отправился прямо туда. Что мы можем сделать сейчас?

— Многие, — ответил Питер, двигая руками и ногами, чтобы убедиться в их подвижности. — В театре мы можем пойти прямо в ложу Президента и увести его оттуда. Даже если мы вызовем волнение и испортим игру Бута. Он ударится в панику, поскольку боялся идти в театр, пока не услышал в полиции, что генерала Гранта там не будет.

— Но как вам удалось узнать так много о заговоре, Корриган?

— Я объясню это позже. Мне нет дела до того, что кто-то может усомниться в моих словах. Только бы нам успеть в театр!

На Пенсильвания-авеню многие солдаты и прохожие пытались остановить несущийся экипаж, думая, что это побег. В то время как кучер хлестал лошадь и натягивал поводья, Фрескет поднялся во весь рост и демонстрировал синий мундир. Он стогнал людей, маша соломенной шляпой, показывая им, что в такой езде есть необходимость. Корриган вцепился в сиденье, когда они завернули за последний угол.

По прибытии в театр Фрескет выскочил из экипажа. Корриган ухитрился сделать то же самое. Но им не суждено было добраться до холла. Когда они перебирались через мостки, из театра выбежали обезумевшие люди; они кричали: «Президента застрелили! Президента застрелили!»

— Это сделал Уилки Бут! — крикнул Корриган, пытаясь пробиться сквозь толпу. — Сейчас он на своей лошади скачет в Мэриленд!

Какой-то человек схватил Корригана за лацканы, оттолкнул его назад к экипажу и проревел:

— Да, это сделал Бут. Но откуда это тебе известно? Ты ведь был снаружи, а не в театре.

— И если ты знаешь, что Бут поскачет в Мэриленд, то почему ты не помешал ему? — крикнул другой человек.

— А я вам скажу; почему он этого не сделал, — заявил первый. — Он — сообщник Бута — вот почему!

— Вздернем его, — крикнул кто-то, — за предательство!

Толпой правил закон Линча. С ревом она потащила Корригана к ближайшему фонарному столбу. Совсем ослабев, избитый до покорности, он пытался все объяснить, но его протесты потонули в реве толпы. И тут патрульный Фрескет бросился на толпу и остановил ее с помощью дубинки. Он лично посадил Корригана в экипаж и приказал кучеру:

— Вывези его отсюда и не останавливайся!

Лошадь помчалась вперед, а Фрескету пришлось отбить парочку человек, мешавших залезть в экипаж. Ошеломленный, Питер уселся на заднее сиденье и слушал гул толпы, стихавший в отдалении. Потом было лишь цоканье копыт; когда они завернули за угол, экипаж съехал в уединенную, тускло освещенную улицу.

— Вот и приехали, сэр.

Кучер привез Корригана назад, не в отель «Националь», а в начальный пункт. В свете газовых фонарей, освещавших улицу, Питер узнал белые двери и портик над ними. Он вышел на тротуар, выгреб все банкноты из кармана и с большой признательностью вручил их благодарному кучеру.

К тому моменту, когда дверь отворилась на стук Корригана, экипаж скрылся из вида. Ему открыл озадаченный Уильям. Лицо его было растерянным.

— Я не знал, куда вы ушли, мистер Корриган, — сказал он. — Ваш костюм уже готов, и вас ожидают для ужина в ресторане.

— Для ужина? В такой час?

— Я знаю, что сейчас всего только шесть часов, но они сказали, что, возможно, вы собираетесь вылететь вечерним самолетом, поэтому было решено поужинать раньше.

Настала очередь Корригана удивляться. Переодеваясь в свою одежду, он думал о том, что пережил путешествие в прошлое, которое длилось весь вечер, а между тем он вернулся в настоящее не позже, чем через час после начала своего пути!

Корриган определенно был готов поверить в теорию Милларда с преодолением временного барьера. С чувством сожаления он согласился и с теорией Джексона. Действительно, если человек переносится в прошлое, он может помочь сформировать историю, но изменить ее он не в силах.

Приближаясь к столу в ресторане, он думал, стоит ли рассказывать о своих приключениях. Его приятели по клубу могли не поверить в его рассказ, считая, что он сочиняет байки, чтобы удивить их. Да и сам Корриган начал сомневаться в этом. Поэтому он решил хранить молчание.

Профессор Виттакер уже ушел, а к группе присоединился еще один человек, который теперь разговаривал с Миллардом.

Доктор Джексон указал Корригану на стул и обратился к вошедшему:

— Позвольте мне представить вам еще одного члена нашего клуба, мистер Корриган. Это мистер Рей Фрескет.

Корриган обнаружил, что тупо жмет руку человеку, чье лицо было точной копией лица патрульного, посадившего ученого в экипаж сто лет назад. Было видно, что этот Фрескет двадцатого века не узнал Корригана.

— Мистер Фрескет как раз и начал рассказывать необычную историю, — провозгласил доктор Джексон. — Уверен, что вам это будет интересно, мистер Корриган.

— Этот рассказ о моем прапрадедушке, — начал Фрескет. — Он был патрульным в тот вечер, когда произошло покушение на Президента Линкольна. Каким-то образом он узнал о заговоре и хотел предупредить людей. Но никто не стал его слушать, даже старший полицейский офицер. Он как раз был в тот день в театре Форда.

— В конце концов он нашел какого-то сумасшедшего, уверявшего, что знает о заговоре, и отправился с ним в театр, чтобы убедиться в его правоте. Но они пришли слишком поздно. Впоследствии начальник полиции решил наградить моего прапрадедушку, поскольку тот сбежал с патрулирования, чтобы спасти Президента. К тому времени он стал героем полиции. Позднее он стал начальником полиции, членом муниципального совета и, наконец, архитектором. Он вступил в клуб «Потомак», и с тех пор все его потомки были членами этого клуба.

— А что случилось с другим человеком? — поинтересовался Кор-

риган. — С тем чокнутым, которого ваш прапрадед привел с собой в театр?

— Толпа хотела схватить его, думая, что тот соучастник Бута, — ответил Фрескет, — но мой прапрадедущка посадил его в коляску, и с тех пор никто его не видел.

Официант принес меню, и разговор перешел на игру в бридж, которая должна была состояться после ужина. Корриган умолчал о путешествии во времени. Он размышлял, не удар ли головой приоткрыл перед ним дверь в путаницу прошлого, настоящего и будущего. В продолжение вечера он понял, что дело именно в этом, поскольку боль в голове утихла.

Уильям все еще дежурил у дверей, когда Корриган отправился в аэропорт. Ожидая такси, вызванное швейцаром, Корриган поинтересовался:

— Кстати, Уильям, у вас не было прапрадеда, который служил в клубе «Потомак» — или все-таки был?

— Нет, сэр. Не прапрадед, а прапрадядя. Его тоже звали Уильям, и он сражался в армии Севера. Его тяжело ранили в правую руку, поэтому он устроился сюда в качестве привратника. Несколько человек спрашивали меня, не работал ли здесь много лет назад другой Уильям. Я даже не знаю, почему. — На его морщинистом лице появилась улыбка. — Но когда вы ближе познакомитесь с клубом, вы поймете, как он захватывает. Кое-кто поговаривает, что у нас тут живут привидения, но я так не думаю. Просто я считаю, что это место, где остановилось время.

Такси подъехало и остановилось перед клубом. Теперь это была хорошо освещенная улица, и Корриган безуспешно пытался разыскать фонарный столб, возле которого остановился экипаж, примчавшийся сюда из Театра Форда. Когда Корриган сел в машину, Уильям вручил ему какую-то карточку:

— Это было в кармане того старинного костюма, который вы сдавали, поэтому я решил, что это принадлежит вам. Спокойной ночи, мистер Корриган.

Вскоре такси мчалось по гладкой улице, представлявшей деловую часть города. Вот показался Вашингтонский Монумент, теперь уже достроенный и освещенный во всю длину, а далеко впереди виднелись величественные колонны памятника Линкольну. Затем, когда они подъехали к мосту, ведущему в аэропорт, Корриган вынул карточку, полученную от Вильяма. Он намеренно порвал карточку напополам, затем еще и еще. На середине моста он выбросил клочки в окно машины. Подхваченные ветром, они перелетели через перила и полетели вниз, в широкое русло реки Потомак.

Эти летящие по ветру обрывки, уникальные для коллекционера, были единственным неиспользованным билетом на заключительное представление театра Форда 14 апреля 1865 года.

ТОЛЬКО ПРАВДА

О Гарвее Хенникате можно было сказать определенно — это был исключительный лжец. Когда он продавал очередной подержанный автомобиль, его вранье было самозабвенным, полным выдумки и не лишенным определенного шарма.

В автомобильном ряду о нем говорили, что он может продать все, что имеет, хотя бы два колеса, одну фару, одно целое стекло и видимость двигателя, причем на всю сделку ему потребуется не больше десяти минут.

Большинство из его знаменитых сделок вне всякого сомнения недостоверны, но часть из них подлинна, поскольку я помню их лично.

Как-то раз он выудил старый танк «шерман». Купил его за двадцать пять долларов у торговца металлоломом. Гарвей установил его на большой деревянной платформе перед своими машинами и подал под соусом «Новинка недели». Теперь вы, возможно, спросите, кому в здравом уме придет в голову купить танк весом в пятьдесят три тонны, с пушкой в придачу? Все зубоскалы автомобильного ряда задавались тем же вопросом. Однако колымага была выставлена на продажу в четверг, а в 9.12 на следующее утро Гарвей толкнул ее за триста восемьдесят шесть долларов!

В то утро я случайно был поблизости, поэтому слышал часть торга.

— Видел ли ты когда-нибудь подобный клоповоз? Ну-ка, выведи эту малютку на шоссе и увидишь, как учтиво к тебе отнесутся! Ни одному придурку не придет в голову шалить с такой машиной! Амортизация? Да к черту! У меня есть четыре знакомых офицера в Объединенном комитете начальников штабов и приятель в ЦРУ, который перегоняет такие штучки в Пентагон и обратно. Модели-то не меняются, поэтому эта игрушечка никогда не устареет, да и двигатель очень мощный. Пушка? Да это самый надежный сигнал поворота. Тот водитель, который будет ехать следом, должен быть слепым или мертвым уже три дня, чтобы не заметить его! Какого черта, снег, лед, дождь, грязь, дождь со снегом или град — этот драндулет может ездить в любую погоду. Посмотри, как он сработал! У какой другой машины имеется шесть с половиной дюймов пуленепробиваемой брони? Видимость? Ты говоришь об этой щели прямо напротив водителя? Да благодаря ей ты всегда будешь смотреть на дорогу. Ты ничего не теряешь — увидишь и дорожные знаки, и пейзаж, и симпатичных баб в спортивных автомобилях, или что там еще. Ведь все, что ты видишь, это часть дороги прямо перед тобой! Какого черта! Да если бы мне удалось откопать десять таких крошек во время сухого закона, давно бы ушел на пенсию!

Покупателем был тихий маленький почтальон, который зашел занести два циркуляра и одно письмо от тетюшки Гарвея. Он уехал на танке «шерман», слегка обескураженный всем происходящим, а Гар-

вей Хенникат наблюдал, как тот тащится на этой развалюхе, и стоял, отдавая честь, пока механизм не прогрохотал мимо.

Гарвей не был обманщиком от природы. Он врал не потому, что был хитрым ублюдком. Просто весь смысл жизни заключался для него в слове «бизнес». Он покупал, потом продавал, и торговаться для него было так же естественно, как для других дышать.

Это были не последние шестьдесят пять долларов, которые он вытягивал из беззащитного клиента, а просто речь шла о принципе. Согласно этому принципу, он припирает покупателя к стене и затем подавлял его волю, пока та полностью не растворялась в его собственной. Я знал Гарвея в двадцатые годы, и уже тогда он врал гениально. Все его истории были яркими, складными и, как любая ложь, достаточно простыми. Это относится и к той истории, которую он рассказывал мне при нашей последней встрече.

Большинство его рассказов можно оставить без внимания, но только не этот. Хенникат, поймавший меня в тот мрачный ноябрьский день возле своих машин, был совсем другим человеком и совсем другим рассказчиком. Даже яркий, кричащий спортивный пиджак в линиях фиолетовую клетку, бывший его любимой одеждой, цветастый галстук с разводами и шляпа, сдвинутая на затылок, не могли скрыть мрачного, испуганного выражения его лица. Вот что я услышал:

Дело было в сентябре. Стояло бабье лето. Яркое солнце сияло сквозь слегка полинявшие флажки, окружавшие рынок подержанных автомобилей. Оно освещало вывеску: «Подержанные машины Гарвея Хенниката — ни одной подделки!» Тут стояли, вернее, лежали его автомобили. Ведь все, что имел в запасе Гарвей, было бросовым товаром, едва способным доехать до его склада и выкатиться оттуда, причем так было всегда. Облокотившись на машину, Гарвей чистил ногти и наблюдал за молодой парой в дальнем конце гаража, ходившей вокруг «бьюика» двадцать восьмого года выпуска.

Надо видеть лицо Гарвея, чтобы поверить ему в подобной ситуации. Это был психиатр, изучающий пациента. Тут он нацепил самую заразительную улыбку и понес ее на другой конец своего загона к старому «бьюику».

Молодому человеку было, видимо, не по себе, он занервничал:

— Мы только смотрели...

— Этого мы и хотим! — воскликнул Гарвей. — Разумеется, это нам и нужно. Здесь вас никто не торопит. Да, парень, здесь ты можешь расслабиться, помедлить, проверить и перепроверить, обдумать, внимательно посмотреть, поразмыслить, выбрать, обсудить и углубиться. — Он сделал широкий жест по направлению к ряду машин. — Будьте как дома, друзья мои!

Молодожены заморгали, когда водопад слов ударил по их перепонкам и привел в замешательство.

— Да мы... — неуверенно начал юноша. — Мы тут думали... знаете, нам хотелось бы приобрести автомобиль с четырьмя дверцами. Самую последнюю модель, которую только можно найти, но не дороже пятисот долларов.

Гарвей закрыл глаза и покачал головой. На его лице было выражение боли и отчаяния.

— Вы меня убиваете, вам это понятно? — Он посмотрел на девушку. — Вам ясно, что ваш муж меня шокировал?

Губы девушки округлились и закрылись. Гарвей похлопал по крылу старой машины.

— Знаете ли вы, почему я в шоке? — поинтересовался он. — Так знаете? Сейчас я объясню вам это. Вы поддались пропаганде каких-то олухов в наших рядах, у которых цемент вместо мозгов. Пропанга, говорю я вам! — Он ткнул в машину пальцем и оставил вмятину, которую торопливо прикрыл локтем. — Это они внушают вам, чтоб вы покупали последние модели, не так ли? Ведь правда, внушают?

Захваченные врасплох, молодые люди одновременно кивнули.

— А знаете ли вы, почему они дают вам такие советы? — продолжал Гарвей. — Вы думаете, они поступают так потому, что являются честными, законопослушными, морально устойчивыми прихожанами? — Он покачал головой, но на этот раз, как пастор, неожиданно увидевший, что в церкви идет игра на деньги. — Позволь мне раскрыть тебе глаза, парень. — Тут он помахал пальцем у парня перед глазами. — Они толкают последние модели, поскольку это дает им прибыль! Они попытаются запихнуть тебе в глотку последние модели пятьдесят четвертого года, ведь им доллар дороже друга! Они ищут выгоды, а не добрых отношений!

Забывшись, он снова похлопал по крылу, раздался скрежет металла, и крыло отделилось от корпуса. Гарвей скрыл это разрушение, намеренно встав перед крылом.

— Им выгодней набить свои бумажники наличными, чем наполнить свои сердца дружескими чувствами к людям! — продолжал он.

Молодой человек принял все за чистую монету и слотнул наживку.

— Просто нам нужна машина для поездок, поэтому мы решили, что чем новее машина...

Гарвей всплеснул руками, перебивая его.

— Вот тут-то вы и совершили ошибку. Именно поэтому вы пошли по неверному пути. Именно здесь вы устремились в тупик! Вам не нужна новая машина. Вам не нужна привлекательная безделка на колесах, которые штампуют на конвейере, покрывают блестящим хромом, с хвостовым стабилизатором и идиотским названием, причем такого качества, что и наперстка не наполнишь. Я знаю, что вам нужно! — Тут он снова ткнул пальцем в лицо юноши. — Вы ищете мастерство, приходящее лишь с возрастом! Надежность, которая

приходит с испытанной технологией! Преимущество традиционных средств передвижения!

Он подался назад, словно приоткрывая бриллиант Надежды, и показал машину за своей спиной.

— Вот то, что вы ищете. «Шевроле» 1938 года с четырьмя дверцами. На нем вы доберетесь куда захотите и вернетесь домой.

Голос Гарвея не смолкал ни на секунду. Его речь длилась четыре или пять минут. И хотя сделка казалась случайной, она была давно устоявшейся процедурой. Гарвей делил ее на три стадии. Первой был резкий удар, «припирание к стене», имевшее целью начальные контакты. Вторая — в нее он как раз входил — была тихой, довольно благотворной и терпимой. Позже наступала часть третья — заключительная.

А в данный момент он мило улыбался двум молодоженам, подмигнул девушке, словно говоря: «У меня самого дома полным-полно таких крошек, как ты», — затем более мягко указал на «шеви».

— Смотрите. Я не собираюсь обдирать вас как липку. Я этим не занимаюсь. Я люблю получать радость от своего дела. Я знаю, как вы должны поступить. Проведите какое-то время возле этой машины. Осмотрите ее. Насладитесь ее роскошью. Проверьте и посмотрите, как делали автомобили, когда их делали на совесть. Вперед, друзья мои! — говорил он, подпихивая юношу к передней дверце, и затем поспешно повернулся и вцепился в девуцу.

— Посидите в машине. Устраивайтесь на сиденье и сидите в свое удовольствие. Что вам действительно необходимо, так это бутылочка хорошего вина и свеча. У машины просто масса достоинств!

До Гарвея долетел звук автомобиля, тащившегося к дальним воротам. Он захлопнул дверцу, оглушив молодоженов, подняв при этом столб пыли и вызвав враждебный стон протестующего металла, улыбнулся своим жертвам сквозь пыльное стекло и поспешил к северным воротам, где его ждала еще одна сделка.

В данном случае речь шла о первой модели «форда», которую вел седой старичок, похожий на Санта Клауса, со счастливыми и простодушными глазами. Гарвей подметил, что обычно такие глаза сулят быструю и относительно легкую сделку. Он прошел еще несколько футов рядом с «фордом». Автомобиль пытел, урчал, и, прежде чем он наконец остановился, в нем дважды что-то взорвалось. Старик вышел из него и улыбнулся Гарвею.

— Как поживаете?

Язык Гарвея очертил круг во рту.

— Смотря что иметь в виду, дедуля. Если вы здесь хотите припарковаться, цена обычная. Но если эту машину вы собираетесь продать, то дайте мне три минуты, чтобы немного посмеяться.

С этими словами он отступил назад и стал осматривать автомобиль, наклоняя голову во все стороны, обходя его несколько раз, не

забывая при этом следить за стариком. В конце концов он остановился, испустил глубокий вздох, заложил руки за спину и на мгновение прикрыл глаза.

— Ну как? — тихо спросил старик.

— Я могу дать вам пятнадцать долларов. Если захотите сдать машину в металлолом, то получите двенадцать, а Смитсоновский институт обойдет нас на два доллара.

Старик мягко улыбнулся.

— Это замечательная старая машина; думаю, в прежние времена их делали лучше...

Гарвей вытаращил глаза и затряс головой так, словно запасался сверхчеловеческим терпением.

— Дорогой дедушка, — сказал он, безнадежно всплеснув руками, — старо предание. Это ведь просто поговорка. На рынке все, кому не лень, ей пользуются. — Он с жаром передразнил: — В старые времена автомобили строили лучше! Да это сфабрикованная ложь, сэр, в нее трудно поверить! Господи, да еще десять лет назад люди понятия не имели о том, как строить автомобили. Хорошо расходятся только новые машины! Только новые машины в цене. Только в них виден гений разума, мышц и сборочного конвейера!

Он очень снисходительно, с видом сверхсекретности потянулся к старику.

— Мне нравится ваше лицо. Знаете, что я сделаю? — Он заключил старика в объятия. — Вы мне напомнили моего дедушку, упокой Господи его душу! Он всегда был порядочным человеком с младенческого возраста и до того рокового дня, когда погиб, спасая людей с перевернувшейся лодки на Ист-Ривер! — Он благоговейно опустил глаза и сразу же возвел их горе. — Я дам вам за эту машину двадцать пять долларов. Видимо, мне придется разобрать его и продавать колесо за колесом, винтик за винтиком любому сборщику металлолома, который забредет сюда. Но двадцать пять долларов вы получите!

— Двадцать пять? — Старик с грустью смотрел на «форд». — Я... я в затруднительном положении. — Он посмотрел на Гарвея. — Вы не могли бы дать мне тридцать?

Гарвей вставил между зубами потухшую сигарету и посмотрел в сторону.

— Вы испытываете мое терпение, мой пожилой друг, — мрачно сказал он. — Вы просто пытаетесь докопаться до самых глубин моего терпения!

Старик продолжал смотреть на Гарвея.

— Вы хотите сказать, что... — начал он.

Гарвей улыбался ему сверху с тем же адским терпением.

— Это значит, что двадцать пять долларов уходят, уходят, уходят... двадцать пять долларов ушли!

Одним движением он достал бумажник из внутреннего кармана,

вынул из отделения для денег три купюры и вручил их старику. Затем он развернул его и показал ему на будку в центре машин.

— Идите прямо в ту маленькую контору, — сказал он, — и отдайте там документы на автомобиль. — Он посмотрел на модель А. — Я сказал «автомобиль»? Я хотел сказать... — Он начал крутить пальцами, словно желая подобрать слово. — Ах, да, колымага, вот что это такое. Надо будет не забыть это слово для возможного покупателя. Но за это ручаться нельзя, мой очаровательный пожилой друг, есть определенные ограничения.

С этими словами он резко повернулся и пошел к молодой паре, все еще занятой «шевроле» тридцать восьмого года.

Он посмотрел на них сквозь окно, поиграл пальцами, улыбнулся, подмигнул, очертил языком круг и уставился в небо, подавляя нетерпение. В процессе ожидания он оперся ногой на задний бампер, и тот не замедлил с грохотом свалиться на землю. Гарвей поднял его на место, укрепил с помощью пинка и пошел прогуляться до конторы.

Когда он вошел, старик уже закончил с регистрационными документами. Он улыбнулся Гарвею:

— Подпись, печать и доставка мистеру, — он выглянул в окно, чтобы прочесть огромную вывеску, — мистеру Хенникату. А вот и ключи. — С этими словами он положил на стол ключ зажигания и задумчиво посмотрел на них. Потом с легкой извиняющейся улыбкой посмотрел на Гарвея.

— У этой машины есть одна особенность, о которой я обязан сказать.

Гарвей просматривал документы и едва взглянул вверх.

— Да, да, говорите, — сказал он.

— Машина заколдована.

Гарвей быстро взглянул на него и улыбнулся с видом «видите, на что я вынужден идти?»

— Это правда?

— О, да, — ответил старик. — Бесспорно. Машина заколдована. Стого дня, когда сошла с конвейера, это может подтвердить любой из прежних владельцев.

Гарвей продолжал улыбаться, обходя вокруг стола, чтобы сесть. Он моргнул, собрал губы в трубку и потыкал языком в щеку.

— Не думаю, что вы захотите сообщить мне, каким образом машина заколдована и как от этого можно избавиться.

— О, скоро вы сами все узнаете, — ответил старик. Он встал и отправился к двери. — Насчет того, как расколдовать машину — вам лучше ее продать. Счастливого дня, мистер Хенникат. Было очень приятно иметь с вами дело.

Гарвей оставался сидеть на стуле.

— О, возможно... возможно, — сказал он.

Старик задержался в дверях и повернулся к нему.

— Думаю, что вы поймете, что совершили самую лучшую сделку, — сказал он.

Гарвей соединил пальцы на затылке.

— Мой пожилой друг, — заявил он обиженным тоном, — вы поступаете крайне несправедливо по отношению ко мне. Эта маленькая сделка, с колдовством или без него, является моим сегодняшним актом благотворительности. Вы ведь будете жить на эти деньги, не так ли? Идите себе и живите.

Старик поджал губы.

— Нет, нет, нет, мистер Хенникат. Это *вы* живете на мои деньги. И я склонен думать, что будете.

Затем он засмеялся и вышел из конторы.

Гарвей опустил глаза на документы на столе и небрежно сунул их в корзину, уже обдумывая, как он представит модель А: «Неприкосновенно!» А может, выдать ее за машину, на которой Элиот Несе ловил Фейса Флойда. Он прострелит в заднем крыле пару дырок 22 калибра и будет уверять, что они получены во время необычной погони. За автомобиль с такой историей, с традициями закона и порядка не жалко 300 долларов. Голоса молодоженов, идущих в контору, прервали его мечты. Он встал, выглянул в окно и смотрел, как они приближались. Он мгновенно сменил обычное выражение алчности на «деловое» для третьей фазы — смесь родительской привязанности и обостренной, почти болезненной честности. Таким его видели всегда.

Молодой человек показал на «остин» 1934 года.

— Сколько стоит та машина? — спросил он.

Простак, подумал Гарвей. Законченный, настоящий, честный, простатейный, благоуханный простак. Этот автомобиль принадлежал Гарвею вот уже двенадцать лет. Это был первый и последний автомобиль, на котором Гарвей потерял деньги. Он откашлялся.

— Вы говорите об этом коллекционном экземпляре? Это... это... — Гарвей наблюдал за юношей.

По какой-то дурацкой причине слова не могли вырваться наружу. Он складывал слова, уплотнял их, как снежки, и пытался выбросить их, но ничего не выходило!

Через секунду он что-то произнес. Голос был его собственный, слова были его, но он не мог поручиться, что говорил их осознанно.

— Это не продается, — произнес его голос.

Парень переглянулся со своей женой и указал на машину, в которой они сидели.

— Как насчет «шевроле»?

И вновь Гарвей почувствовал, как его рот раскрылся, и услышал свой голос.

— Эта машина не для продажи.

— Не для продажи? — Юноша странно посмотрел на него. — Но ведь вы именно ее нам продавали.

— Да, я хотел толкнуть ее вам, — сказал голос Гарвея — и на этот раз он был уверен, что говорит он сам, — но сейчас я ее не продам. Да это же груда лома! Развалюха. У нее нет звонка. В ней отсутствуют цилиндры. В ней нет ничего. Блок разбитый, а бензин она жрет так, словно владеет всеми нефтяными скважинами Техаса.

Гарвей смотрел остекленевшими глазами и делал усиленные попытки закрыть рот, но слова все еще вылетали из него:

— Покрышки стерлись, рама помялась, и если я говорил, что она ходит, то имел в виду, что она прошла одну милю и остановилась. Вам же обойдется в два раза дороже, когда вы захотите ее отремонтировать, а вам придется это делать каждый третий четверг месяца.

Молодые люди вопросительно смотрели на Гарвея, а он, в свою очередь, уставился на них. Ему казалось, что вместо языка у него во рту раскаленная кочерга. Он одиноко стоял, размышляя, когда же кончится это сумасшествие.

Молодожены снова переглянулись, потом парень неуверенно спросил:

— Ну хорошо, что у вас еще есть?

Слова вылетали, несмотря на то, что Гарвей хотел их остановить.

— У меня нет ничего, что стоило бы вашего внимания, — заявил он. — Все, что здесь находится, давно пора списать. Здесь у меня больше лимонов* на квадратный сантиметр, чем производит компания «Юнайтед Фрут». Поэтому мой вам совет, детки, бегите отсюда, пока вы не встретите достойного уважения торговца. У него вы найдете то, за что вы платите и получаете удовольствие. А сюда ни за что не приходите, потому что я вас ограблю по-черному!

Юноша собирался что-то ответить, но девица резко толкнула его локтем, кивнула в сторону выхода, и они ушли.

Гарвей стоял, абсолютно неподвижный. Неожиданно его внимание привлекла модель А, стоявшая на площадке, простая, почти изысканная и бездомная. Гарвей моргнул, покачался, как большая фигура Святого Бернарда, затем намеренным усилием воли заставил себя сесть.

Он просидел в конторе несколько часов, сотни раз спрашивая себя, что с ним происходит. Все происходило так, словно какой-то демон вселился в него, прицепился к гортани и заставляет говорить. Это было ненормальное, идиотское чувство. Однако несколько часов спустя оно пропало.

«Какого черта! — думал Гарвей. — Какого черта! Да по этим ребятам сразу видно, что они уже на следующее утро вернулись бы за своими деньгами».

---

* Лемон (англ.) — 1) лимон, 2) негодный товар.

Тут он в двадцатый раз отыскал глазами модель А. «Старик сказал, что она заколдована. Заколдована! Чтоб ты провалился, Гарвей Хенникат, все продолжаешь вести дела с психами!»

Спустя несколько минут в контору вошел помощник Гарвея. Его звали Ирвинг Проксмиер. Лицо у него было болезненное. Ирвинг был недоделанной копией Гарвея и находился под влиянием такого же спортивного пиджака, носил разрисованный галстук (на нем под заходящим гавайским солнцем был изображен танцор хулы) и тоже сдвигал шляпу на затылок. Копия, разумеется, была более низкого качества, чем оригинал. Все это было потугами, просто жалкими потугами.

— Извините за опоздание, босс, — проговорил Ирвинг и, точно так, как это делал его шеф, засунул сигару меж зубов. — Я искал в ломе колесные диски для «шевроле» тридцать четвертого года. Нашел два. — Он оглянулся назад и глянул в открытую дверь. — Что за сделка?

Гарвей прищурился.

— Так себе. — Затем, освобождаясь от глубоких размышлений, показал в окно. — Ирв, я хочу, чтобы ты толкнул «эссекс» тридцать пятого года.

— Давно пора. На нем стало невозможно ездить.

Гарвей прикурив сигару.

— Ставим до пятидесяти пяти долларов. Говори всем, что это музейный экспонат. Последний в своем роде. — Гарвей встал и выглянул в окно. Капот «эссекса» был приоткрыт.

— Придурок, — мрачно сказал он, — ты должен закрыть капот, болван. — Он повернулся к Ирвингу. — Сколько раз я должен говорить тебе это? Когда весь двигатель покрыт ржавчиной, лучше всего поиграть в прятки. Ты ведь не собираешься объяснять, что продаешь машину, на которой французские солдаты ехали на первую битву на Марне.

В этот момент лицо Гарвея неожиданно побелело. Его челюсть отвисла. В глазах появилось странное выражение. Он повернулся и направился к столу.

— Ирв... — сказал он с усилием. — Ирв...

— Что случилось? — спросил тот. — Вам плохо, босс?

Гарвей чувствовал, как слова клокотали внутри и вырывались наружу. Он показал в окно.

— Установи на «эссексе» табличку. Пиши все, как есть. Никаких гарантий. Да открой пошире капот. Пусть полюбуются на этот двигатель.

Ирвинг смотрел на шефа во все глаза.

— Вы продать его собираетесь или всю жизнь хотите не расставаться с этим автомобилем? Да ни один нормальный человек не купит его, заглянув под капот.

Хенникат тяжело опустился на стул. Он чувствовал, как по его лицу струился пот. Он открыл левый нижний ящик стола и извлек флажку виски. Отвинтив крышку, он сделал большой глоток. Потом взглянул в обеспокоенное лицо помощника.

— Что происходит? — спросил он чужим, тонким голосом. — Что это со мной; Ирв? Ирв, болван... как я, по-твоему, нормально выгляжу?

Ирвинг осторожно поинтересовался:

— Что вы ели на обед?

Гарвей задумался на мгновение и жестом исключил любую связь с едой. Потом овладел своим лицом, выдвинул челюсть, расхохотался с напускной храбростью и потянулся к телефону.

— Пустяки, — уверенно заявил он и набрал номер. — Это... это все внушение или что-то в этом роде. Это все из-за старого болвана с его «фордом». Послушай, Ирв, он действительно тронутый! Притащился сюда с этой историей про заколдованный автомобиль...

Он услышал, как сняли трубку.

— Дорогая! — сказал он. — Это вечно любящий! Послушай, детка... я насчет вечера... да, я подзадержусь. Я говорил тебе, что у нас учет товаров, разве нет?

Свободной рукой он чертил в воздухе фигуру старика и «форд».

— Конечно, у нас инвентаризация, — продолжил он, — и я собираюсь... — Он вдруг замолчал. Его лицо вновь побелело, и на лбу выступил пот, струйками стекая по щекам. — Собственно говоря, дорогая, — услышал он свой голос, — я собирался перекинуться в покер с ребятами после того, как закроюсь сегодня. И когда месяц назад я сказал тебе, что провожу учет, на самом деле я тоже играл в покер!

Он миготом оторвал трубку ото рта, словно это было какое-то животное, тянущееся к его горлу. Он вздохнул, сглотнул слюну и снова взял трубку.

— Дорогая, — сказал он слабым голосом, — дорогая, детка, мне кажется, что я заболел. То, что я только что сказал тебе... понимаешь, детка... это была шутка... я хотел сказать...

И у него вновь вырвались слова:

— Я опять собираюсь играть с ребятами в покер! — Гарвей швырнул трубку и оттолкнул от себя телефон. Он повернулся и широкими глазами смотрел на Ирвинга.

— Что происходит, Ирв? Какого черта со мной происходит? Я не контролирую то, что говорю. Я потерял контроль над...

Он замолчал, достал платок и вытер лицо. Потом поднялся, пересек комнату и выглянул во двор. Там, сам по себе, чуть в стороне от других машин, стоял «форд». Гарвей смотрел на него не отрываясь, потом обратился к помощнику.

— Ирв, — напряженно сказал он. — Меня постигло бедствие! Этот старый гусь... тот придурок, о котором я рассказывал, он сказал,

что «форд» заколдован — и он был прав! Понимаешь, Ирв? Кто бы ни владел «фордом», ему *приходится говорить правду!*

Гарвей вцепился себе в волосы и дергал их во все стороны. Его голова качалась вперед и назад, а в голосе слышалась мука.

— Ирв, придурок... до тебя дошло? Можешь ли ты вообразить что-нибудь ужаснее?

Он оставил в покое волосы и начал бить себя в грудь.

— Мне! Гарвею Хенникату! Отныне и до тех пор, пока я владею этим автомобилем, — мне придется продолжать говорить правду!

Прошло три дня. Это были самые длинные дни, которые когда-либо в своей жизни проводил Гарвей Хенникат. Клиенты приходили и уходили, а Гарвей смотрел, как они уходят, ломая руки и таская себя за волосы или просто сидя в своей уютной конторе, физически неспособный вымолвить хоть слово — наедине с самим собой составляющий одну из традиционных хвalebных речей. Ирвинг, которого он засадил за изготовление вывесок, принес большое их количество и довольно-таки уныло расставил в конторе. Он указал на них и взглянул на Гарвея, который сидел, схватившись за голову.

— Я закончил вывески, босс, — сказал он. Гарвей раздвинул два пальца, чтобы открыть глаз. Он небрежно кивнул и снова закрыл лицо.

Ирвинг откашлялся.

— Вы хотите, чтобы я поместил их на машины, или сами их читать будете?

Снова Гарвей посмотрел сквозь пальцы на таблички. «Без гарантий», «В плохом состоянии», «Не рекомендуем» — гласили надписи.

Ирв покачал головой. В его голосе слышалось уныние.

— Раньше я слышал о низком давлении, босс... но, я думаю, будем откровенны, это не давление.

Гарвей кивнул и застонал.

— Ирв, придурок, — сказал он голосом медсестры, — ты знаешь, что моя жена со мной не разговаривает? Молчит вот уже три дня.

— Это не только ваши проблемы, босс. Вам известно, что за три дня мы не продали ни одного автомобиля? — Он шагнул ближе и продолжил: — Та старушка, которая приходила вчера днем и хотела купить старый «остин»? Босс, прошу вас не нервничать! Разве можно начинать продажу автомобиля с сообщения о том, что будь эта машина постарше на год, то Моисей мог бы пересечь в ней Красное море? — Ирв покачал головой. — Мне кажется... всякой честности есть предел, шеф!

Гарвей кивнул в знак согласия.

— Раньше я тоже так думал! — сказал он.

Ирв фыркнул, переместил вес на другую ногу, откусил кончик дорогой сигары и приготовился к схватке иного рода.

— Босс, — начал он слегка изменившимся голосом. — Мне бы не хотелось причинять вам беспокойство. Но... понимаете, речь идет о моей прибавке.

Гарвей закрыл глаза.

— О прибавке?

Ирв кивнул.

— Сегодня ровно полгода. То есть... я не собираюсь вас разорять, но вы обещали. Вы сказали, что если через полгода я продам три машины...

Гарвей повернулся в крутящемся кресле, мечтательно посмотрел в окно, но когда почувствовал другой голос, поднимающийся в нем в точности так, как это было последние три дня, его глаза вылезли из орбит. Он попытался сомкнуть губы и задушить приближающиеся слова, но это было ему не по силам.

— Ирвинг, — услышал он свой голос, — в тот день, когда ты получишь прибавку, на Фиджи ударит мороз!

Слова невозможно было остановить, хотя Гарвей делал сильное, почти нечеловеческое усилие остановить их путем экстренного извлечения виски из нижнего ящика стола. Но даже в тот момент, когда он откупоривал бутылку, слова лились из него подобно лаве из огнедышащего вулкана.

— Любой деревенский олух начинал и заканчивал работу здесь на одном и том же жаловании! Просто я морочу им голову прибавкой до тех пор, пока они не поумнеют!

Гарвей хотел извиниться, сказать, что он не хотел этого говорить, что Ирвинг дорог ему как сын и прибавку он действительно получит, как только все придет в нормальное русло, но вместо этого прозвучал самый настоящий приговор.

— Выбить из меня деньги для тебя будет не легче, чем налить раскаленное масло в уши ягуару! — вот что он сказал.

Гарвей поднял бутылку, словно она весила тонну, выпил, поборол тошноту и сказал напряженно и тихо:

— Ирв, придурок, эти слова причинили мне больше боли, чем тебе.

Ирвинг распрямил свои худые костлявые плечи, обошел вокруг стола и сунул кулак в лицо бывшего шефа.

— Наказание, — сказал он твердым, высоким и визгливым голосом. — А это причинит мне больше боли, чем вам.

С этими словами он подпрыгнул, и Гарвей следил за тем, как его рука приближалась, пока не достигла его челюсти. Какой-то частичкой уставшего и потускневшего сознания он почувствовал удивление, что худенький маленький Ирвинг мог нанести такой сильный удар. С этой мыслью он завалился назад и приземлился на пол.

Ирвинг подобрал таблички «В плохом состоянии» и «Не рекомендуем», положил их Гарвею на грудь, точно похоронный венок, и, с чувством выполненного долга, тихо удалился.

Поздно ночью, по словам Хенниката, он сидел на ступеньках конторы, печально созерцая свои машины, в частности «форд» модели А. Тот походил на железного изгоя, чьи древние фары зловеще глядели на Гарвея. Ночной бриз играл флажками и вывеской, дразня Гарвея их брэнчанием и бессмысленностью.

Через северные ворота зашел джентльмен с брюшком, остановился и осмотрел машины. В старые добрые времена Гарвей уже был бы на ногах, пожимал бы его руку и начинал первую стадию атаки, прежде чем предполагаемый покупатель успеет сделать три вдоха. Но в тот вечер Гарвей медленно встал, гостеприимно махнул рукой и прислонился к будке, в то время как мужчина посмотрел на него и направился в его сторону.

Его звали Лютер Гримбли. Он носил разновидность фрака, глаза его были маленькими, как у птицы. К тому же, у него во рту была сигара, очевидно, выполняя роль реквизита, во всяком случае, он словно родился с сигарой во рту. Он мрачно кивнул Гарвею в ответ и покосился на «форд». Вне всякого сомнения, он принадлежал к такому типу покупателей, кого Гарвей называл «мыслителями», и жаждал вступить в битву воли и хитрости, как и сам Гарвей. Это было совершенно очевидно, судя по тому, с каким безразличным видом мистер Гримбли изучал «форд», одновременно наблюдая за лицом Гарвея.

Гарвей, со своей стороны увидев, что этот человек готов к схватке, заставил себя пойти ему навстречу. Он откопал часть своего обаяния, зажег сигару, сдвинул шляпу на затылке на целый дюйм, и в эту минуту выглядел, как всегда.

— Что вас заинтересовало сегодня? — спросил он.

Гримбли не выпускал сигару изо рта.

— Лютер Гримбли, вот моя карточка, — представился он и одновременно вручил свою карточку. — Честный Лютер Гримбли, тридцать лет в политике, готовлюсь к перевыборам, являюсь членом городского управления от тринадцатого городского участка. Возможно, вы слышали обо мне.

Все это он произнес на одном дыхании. Гарвей взял карточку и прочитал ее.

— Очень рад! — сказал он. — Что-нибудь... — Он сглотнул. — Неплохой «форд». Красивый, не так ли?

Тут Гарвей мысленно присел, ожидая приступа упрямой честности, готовой опровергнуть его слова, но голос молчал. И, впервые за несколько дней, он почувствовал, как в нем поднимается надежда.

Гримбли вынул сигару, оторвал несколько листов табака и изящно очистил от них подушечки пальцев.

— Как сказать, — заявил он, наполовину прикрыв глаза. — «Форд» можно назвать красивым, приняв дюжину таблеток аспирина и закрыв глаза, но в холодном неоновом свете, сынок... — Он покачал головой и показал на машину. — Это же развалюха! В каком она состоянии?

Гарвей хихикнул низким голосом и собрался ответить цитатой из Библии, которой он обычно отвечал на этот вопрос, и еще одним изречением, которое придумал сам полгода тому назад, но услышал свой голос: «Коробка треснула!»

Гарвей вздрогнул, крепче закурил сигару и отвернулся в сторону, проклиная себя, честность, заколдованную машину и все остальное.

Бровь Гримбли поползла вверх.

— Разбит блок, так ты сказал, сынок?

Гарвей устало кивнул и прекратил борьбу.

— Коробка треснула!

— Что еще?

Гарвей посмотрел на колеса.

— Резина стерлась на нет. — Он пнул колесо.

Гримбли подошел к «форду» и тоже пнул колесо.

— Так и есть, — сказал он. Гримбли состроил гримасу и почесал подбородок. — Видимо, машина много лет была в работе.

Затем он поспешно и хитро посмотрел на Гарвея.

— Впрочем, не очень много.

Гарвей почувствовал, что тоска и слова поднимаются в нем.

— Много? Да этой машине пришлось одолжить время, чтобы жить дальше.

Гримбли потыкал языком в щеку и мягко постучал по крылу «форда». Искоса он смотрел за Гарвеем.

— Сколько он стоит? — спросил он и, поспешно сменив тон, добавил: — Я имею в виду, для олуха, которому потребовалась действительно негодная машина для розыгрыша или чего-то в этом роде.

Он покусил небольшой кусок сигары, выплюнул его и снова обошел автомобиль. Затем низко и протяжно свистнул, втянул щеки и снова похлопал крыло автомобиля.

— Может быть, пятьдесят долларов?

Глаза Гарвея остекленели.

— Пятьдесят?

— Ну, хорошо, — сказал Гримбли, — может быть, шестьдесят?

— А почему не тридцать? — сказал Гарвей. — Вы не понимаете, ведь так? Это плохая машина. Негодная.

Гарвею очень хотелось, чтобы его язык прирос и он мог закрыть рот. Он был осужден, проклят и запрограммирован, поэтому уже повернулся, чтобы идти и прекратить этот никчемный разговор. Он был совсем не готов к реакции Гримбли, поскольку маленький толстяк

установился на него и захохотал. Он ржал во все горло до тех пор, пока не потерял над собой контроль. Гримбли стоял и хохотал до слез.

— Ах ты, мошенник! Ты — хитрый сукин сын.

Гарвей к этому моменту тоже засмеялся. Он и сам толком не знал почему. Возможно, он почувствовал облегчение, может, расслабился, но он присоединился к смеху Гримбли и хохотал до визга.

— А разве это не правда? — визжал он. — Разве это не самая настоящая правда?

Гримбли вытер глаза и постепенно перестал смеяться, но он все еще качал головой с удивленным восхищением.

— Я повидал много приемов, ей-богу! Все виды приемов. — Он подмигнул Гарвею и толкнул его в грудь. — Но ты — умный маленький пончик, ты... это старый английский прием, не так ли? Старая уловка! Ты — ловкий мошенник!

Он снова засмеялся и вернул сигару назад.

— Ты знал, что «форд» мне нужен, правда, чертяка! — Он снова пихнул Гарвея. — Ты знал, что я хочу его. Послушай, что я тебе скажу. — Тут он вынул сигару и продолжил: — Даю тебе за него двадцать пять долларов, главным образом из-за того, что это неплохая политика — водить старые автомобили. Люди не поймут, что ты таким образом на них наживаешься! — Он опять установился на «форд». — Пусть будет двадцать два с половиной. Я не замечал вмятину на крыле. — Он вернул сигару в рот, скосил глаза и взглянул на Гарвея.

— По рукам? — спросил он. — Двадцать два с половиной доллара, машину и никакого мошенничества.

Выражение экстаза на лице Гарвея медленно исчезло, и он почувствовал, что холодеет.

— Никакого мошенничества, — слабо проговорил он.

Тона Гарвея было достаточно для Гримбли. Снова его язык исследовал рот, он взглянул на Гарвея, потом на машину.

— Лучше бы ты показал товар, мошенник. Показывая внутренности. Я хочу видеть то, что покупаю!

Гарвей отвернулся и закрыл глаза.

— Двадцать два с половиной доллара, и машина как есть и... и...

— И — что?

Гарвей повернулся к нему, его голос звучал, как у призрака.

— Она заколдована, — тихо произнес он.

Гримбли вытащил сигару изо рта, установился на Гарвея, и снова раздался его визгливый, бесконтрольный смех.

— Заколдована! — вопил он. — Эта проклятая машина заколдована!

Он едва сдерживался и стоял, обхватив свое пузо, покачиваясь, задыхаясь, согнувшись пополам в истерике, повторял снова и снова:

— Заколдована! Проклятая машина заколдована!

Наконец он остановился, вытер глаза и вернул сигару на прежнее место.

— Значит, заколдована! Клянусь богом, ты — самый ловкий мошенник пятидесяти штатов! Ты обязан заняться политикой.

Он снова хохотнул.

— Заколдована, — он снова вытер глаза, и смех звучал в его голосе, когда он спросил: — Каким образом она заколдована?

Гарвей закатил глаза и слушал свой голос:

— Кто бы ни владел машиной, ему приходится говорить правду!

Ну, черт возьми, наконец-то это сказано.

Теперь это его не беспокоило. Сатана, сидящий в нем и помешанный на честности, заставил его признаться. Слово «правда» произвело большой эффект на мистера Гримбли. Словно Гарвей сказал «оспа», «сифилис» или «черная чума». Он сделал низкий и долгий выдох и вынул сигару изо рта.

— Приходится говорить правду? — переспросил он, произнеся слово «правда» как богохульство.

Гарвей подтвердил.

— Всю правду. Единственный путь избежать этого — продать машину.

И Гримбли снова посмотрел на Гарвея и в который раз покосился на «форд». Он прошел несколько шагов в сторону и показал на «додж» 1935 года с откидным сиденьем.

— Как насчет этой детки? — поинтересовался он тоном опытного, умеющего сбить цену покупателю. Гарвей тяжело вздохнул.

— Это не детка! Это прапрапрадедушка. Причем без коробки передач, без заднего конца и оси. Она изношенная.

Сразу после того, как он это произнес, его плечи поднялись, а лицо, обычно румяное, стало белее мела. Глаза Гримбли сверкали. Он стоял у пропасти обширного и странного знания и с готовностью постигал его. Он приблизился к Гарвею и тихо сказал:

— Вот в чем дело. Тебе пришлось сказать правду?

Гримбли покачал головой.

— Вот она! Вот где собака зарыта. Ты вынужден говорить правду!

Гарвей улыбнулся такой улыбкой, которую на лице ребенка может вызвать отравление газом. Он сделал добродушный жест в сторону машины.

— Так как насчет «форда»? — спросил он. — Несмотря на то, что машина заколдована, она... она здорово поддерживает разговор.

Гримбли вскинул мясистую руку.

— Для кого-нибудь так и есть, — уверенно заявил он, — но только не для старого честного Лютера Гримбли. Дружище, я занимаюсь политикой, и когда ты говоришь, что мне придется начать все время говорить правду... — Тут у него дернулась нижняя челюсть, и на лице выразился страх. — Святый Боже!

Он снова посмотрел на «форд».

— Ты хоть что-нибудь понимаешь? Я бы не смог произнести ни одну политическую речь! Я уже не смог бы работать для кабинета. Старому честному Лютеру Гримбли... старый честный Лютер Гримбли засох бы на корню.

Он аккуратно потушил сигарету, отскоблил пепел и положил ее в карман. Махнув рукой, он направился к выходу.

— До встречи, дружище! — бросил он через плечо.

— Эй! — крикнул Гарвей.

Гримбли остановился и повернулся к нему. Гарвей показал на «форд».

— Вы можете что-то посоветовать?

Гримбли на минуту задумался.

— Посоветовать? Только одно. Почему бы вам не повеситься?

Он повернулся и пошел.

Гарвей оперся на «форд», глядел на ноги и чувствовал, как депрессия, точно мешок с песком, давит ему на плечи. Он совершил медленный, бесцельный переход к конторе. Едва он туда вошел, как в дверях появился Ирвинг.

Он молча прошел в угол и вынул кисть из бадьи, которая там стояла.

— Я вернулся за этим.

Гарвей молча кивнул и сел за стол.

— Это мое, — сказал Ирвинг, защищаясь.

Гарвей пожал плечами и безучастно смотрел на него.

— Я рад за тебя. — Он повернулся на стуле и посмотрел в окно.

— Я уподобился Данте в аду, — риторически заявил он. — Я во всем похож на приятеля Данте — осужден, проклят, разорен!

Он вновь повернулся к Ирвингу.

— Придурок... Один человек! Один олух! Один абсолютный идиот, который может купить кота в мешке! Или парень, который принесет пользу, если будет говорить правду. Ирвинг, неужели в этом городе нет такого придурка? А во всей стране?

Ирвинг смотрел на него безо всякой симпатии.

— Вы спрашиваете меня? Да у вас железные нервы. Меня спрашиваете о простофилях? После того, как я служил вам верой и правдой, выполняя самую черную работу и врал для вас? У вас даже хватает совести сидеть там и разговаривать со мной. Мой старик говорит, что вы — сукин сын! И знаете что, Хенникат? — Тут он ударил своим маленьким кулаком по столу. — Мой старик прав!

И он для пущей внушительности еще раз ударил по столу. Именно в этот момент на глаза Гарвея попала газета. Он дотянулся до нее и развернул, чтобы прочитать заголовки. Он долго смотрел на них, затем положил газету и забарабанил пальцами по столу.

— И более того, — продолжал орать Ирвинг, — мой старик сказал, что готов за два цента прийти сюда и так двинуть вам по башке, что долго не забудете! И, кроме того, муж моей сестры собирается сходить сегодня вечером к юристу, и мне очень хочется попросить его рассказать обо всем этом и, по-возможности, возбудить против вас уголовное дело за вовлечение в незаконные дела несовершеннолетнего!

Голова Гарвея все ниже склонялась над газетой. Ничто не указывало на то, что он слушал монолог Ирвинга, чья речь его даже не тронула.

Ирв ударил по столу своим костлявым кулаком.

— Когда я подумаю... Когда я вспоминаю о тех ужасных вещах, которые вы заставляли меня делать? Вроде продажи того ужасного катафалка двадцать восьмого года выпуска, когда мне пришлось выдать его за личную машину Бейба Рута!

Он покачал головой, думая о гнусности своих прошлых прегрешений, но глаза Гарвея Хенниката были по-прежнему прикованы к газете. Он что-то беззвучно читал и потом очень медленно взглянул в лицо Ирвинга.

— А почему бы и нет? — прошептал он. — А, Ирвинг, почему бы и нет?

Ирвинг взволнованно выпятил челюсть.

— Что «почему бы и нет»? — спросил он.

Гарвей хлопнул газетой.

— Почему бы не продать «форд» ему?

— Хватит о «нем»! — заорал Ирв. — Как насчет моих прав? Как насчет моего выходного пособия? Как насчет трудового стажа?

Гарвей взял в руки телефонный справочник и начал листать страницы. Он быстро взглянул на Ирва.

— Ирв, придурок... Я нанесу удар за демократию! Я не знаю, как я это сделаю, но я это сделаю. Ты и я, болван! — сказал он, листая справочник. — Ты и я. Этот момент войдет в историю наряду с походом Вашингтона, высадкой в Нормандии и отменой восемнадцатой поправки к Конституции!

Ирвинг уставился на него и спросил, смягчившись:

— Что?

— Именно, — сказал Гарвей. — И ты мне поможешь.

Он сгреб телефон и подвинул к себе. Набирая номер, он поглядывал на Ирвинга.

— Иди на улицу и вытри пыль с того «паккарда», у которого в подшипниках опилки.

— Чек, босс, — сказал Ирвинг и, резко повернувшись, пошел к двери.

Гарвей Хенникат снова функционировал. По телефону говорил великий человек. Ирвинг слышал голос, звучавший с прежней уверенностью, с великолепием человека, действительно однажды про-

давшего лилипуту грузовик с брезентовым верхом вместе с письменной гарантией того, что он будет ежегодно вырастать на дюйм с четвертью только из-за того, что ему придется тянуться до педалей.

Было восемь утра, когда длинный сверкающий черный лимузин подъехал к складу подержанных автомобилей. Гарвей, услышав, что кто-то подъехал, вышел из конторы и пошел навстречу лимузину. Он немедленно заметил, что его вел шофер с телосложением Микки Харгиты.

На заднем сиденье неподвижно сидел человек, съежившись и скрывая лицо за воротником. Но открылась передняя дверь, и из автомобиля вышел маленький энергичный человек с хищным лицом. Он многозначительно кивнул Гарвею, оглядел машины и, подняв бровь, показал на «форд».

— Я полагаю, это та машина.

Гарвей кивнул.

— Эта детка.

— Детка?

— Это американское выражение, — объяснил Гарвей. — Мы все называем детками.

Он посмотрел на черный лимузин за спиной маленького человека.

— Вы катайтесь на очень недурной машинке. Не собираетесь продать ее, а?

Маленький человек решительно покачал головой.

— Меня интересует так называемая модель А, о которой мы говорили по телефону.

Гарвей улыбнулся ему. Затем подмигнул, толкнул мужчину в грудь и спросил:

— Я уговорил вас, не так ли? — Он ткнул пальцем в сторону «форда». — Разве это не сенсация? Вы берете машину в свою страну и объясняете там, что на таких моделях ездят капиталисты. — И он сунул локоть под ребро маленькому человеку. — Разве это не стоит шести фунтов?

Маленький человек отряхнул пиджак, отступил на шаг назад и обзирал Гарвея наполовину с ужасом, наполовину с любопытным, клиническим интересом.

— Как мы будем использовать этот автомобиль, это уже наше дело, если только нас устроят условия. Вы сказали, что он стоит триста долларов?

Гарвей заметил, что тот уже готов был лезть в карман за кошельком.

— Триста долларов стоит обычная машина, — поспешно пояснил Гарвей.

Он чувствовал, что его глаза вылезают из орбит, поскольку маленький человек копался в бумажнике и начал извлекать купюры.

— Втулки колес — высшего сорта — это двадцать долларов. Ко-

ленчатый вал, учитывая, что вы им пользоваться не будете, я уступаю за двенадцать долларов. — Его напрактикованный глаз буравил модель А. — Специальное оконное стекло, — тут он почувствовал, как правда поднимается в нем, и сказал по этому поводу: — Конечно, оно может разбиться.

— Может разбиться? — переспросил маленький человек.

— Его можно разбить, вот что я имею в виду, — пояснил Гарвей и, решив, что лучшей частью доблести является осторожность, он молча извлек и разложил какие-то бумаги на капоте неслыханно старого «джордана-8».

— Вам достаточно поставить вот здесь свою подпись, — сказал Гарвей, доставая ручку. — Перемена владельца, название, условия продажи. В трех экземплярах каждый, я пометил крестиком, где вы должны расписаться.

Человечек собрал бумаги и отнес их в черный лимузин. Он поступал в заднее окно, оттуда появилась большая толстая рука и, взяв бумаги, скрылась в автомобиле. Послышался приглушенный вопрос на чужом языке. Мужчина повернулся и спросил:

— Мой... мой хозяин спрашивает, даете ли вы вместе с машиной гарантии?

И снова Гарвей почувствовал ледяной холод. Снова наступал момент, когда он должен был сказать правду. Гарвей слабо улыбнулся. Откашлялся. Запыхтел. Промямлил мотивчик из «Чучел и куколок». Широко глянул через плечо, надеясь увидеть Ирвинга и сменить тему. Но вопрос висел над ним, как дамоклов меч. Гарвей очень хорошо осознавал, что просто откладывает заключительную схватку. Он должен был идти до конца и сделал это.

— Машина заколдована, — произнес он глухим и пустым голосом.

Маленький человек смотрел на него, подняв бровь.

— Заколдована?

Гарвей махом развеял его подозрения:

— Заколдована. По-настоящему заколдована. Я хочу сказать, что это как... ну, словом, заколдована! И этого нельзя сказать ни об одной другой машине, которую вы когда-либо видели!

Гарвей говорил, подбадриваемый правдой, побуждаемый честностью, а его абсолютное отчаяние придавало его голосу лирические нотки.

— Послушай, что я скажу тебе, приятель, — говорил он, подходя к мужчине, чтобы воткнуть в него указательный палец. — Многие из этих машин давно отработали свое. Давным-давно. А несколько из них — брак первого сорта. Некоторые машины я прячу за конторой в закамуфлированном виде, поскольку это и вовсе монстры. — Он повернулся и театрально показал на модель А. — Но эта машина, я говорю о «форде», — она абсолютно заколдована!

Переводчик, или кто он там был, повернулся и что-то сказал заднему сиденью и через мгновение получил бумаги от человека, сидящего там. Он передал их Гарвею.

— Вот, — сказал он. — Все подписано.

Он посмотрел на «форд» через плечо Гарвея.

— Я полагаю, в машине есть горячее?

— Горячее? — Гарвей скроил гримасу. — Вы имеете в виду...

— Бензин, — перебил маленький человечек. — Бак залит?

— Залит под горлышко, — заверил Гарвей. — Вы можете ехать, дружище, прямо сейчас.

Мужчина удовлетворенно кивнул, сделал знак шоферу, и тот вышел из лимузина. Гарвей повернулся, щелкнул каблуками и, вальсируя, направился к конторе, точно отяжелевший танцор балета. Он одним прыжком преодолел четыре ступеньки, прошел в контору, схватил помощника за уши и запечатлел у него на лбу сочный поцелуй. Он раскрыл бумаги и изучил их. В первый раз он почувствовал невероятную легкость ума и тела, словно с него только что сняли гипсовую форму.

Ирвинг был испуган, даже потрясен, когда смотрел через открытую дверь на отъезжающий лимузин.

— Вы знаете, что это такое, босс? Они называют это «ЗИС». Это русское слово.

Гарвей пнул корзинку для бумаг с искренней животной радостью.

— Вот именно, — сказал он.

Гарвея несло. Вскочив на стол, потревожив кипу бумаг и перевернув чернильницу, он сказал:

— Ирвинг, придурок, это самый счастливый день в моей жизни!

Ирвинг перестал его слушать. Он квадратными глазами смотрел сквозь открытую дверь на первую модель «форда», пыхтящую мимо него.

— Босс, босс, вы его продали! — шептал он.

Оторвавшись от двери, он уставился на Гарвея, потом его взгляд скользнул вниз на газету, по-прежнему лежавшую на столе. Заголовок гласил: «Визит Хрущева в ООН».

— Хрущев, — он едва осознал это. — Никита Хрущев.

Он неуверенно шагнул к столу, на котором в луже чернил и груды разорванных бумаг, точно дикий божок, стоял Гарвей. Ирвинг взирал на него с почтением и благоговением.

— Так вот кому вы продали машину, босс. Никите Хрущеву.

Гарвей протянул регистрационные бумаги и указал на подпись.

— Ирвинг, придурок, — тоном сенатора говорил он, — отныне и навсегда, если этот кусок сала вздумает отмалчиваться, вся правда выйдет наружу!

— Босс, — шептал Ирв, чувствуя себя, будто в парламенте, — босс, как вам удалось сделать это?

Гарвей опустил бумаги, положил их на стол, в стороне от чернильной лужи. На минуту задумался и заговорил.

— Сообразительность, Ирв, — мягко сказал он. — Воля. Решительность. Упорство. Патриотизм. Отрешенность. Решительность. — Он зажег сигару. — И, кроме того, тот факт, что мне пришлось бы совершить самоубийство, скажи я правду еще хоть раз!

Он вынул сигару изо рта и изучал ее на расстоянии вытянутой руки.

— Знаешь, что я им сказал, Ирв? Я сказал им, что это настоящая сенсация, если они купят «форд» и выставят на обозрение этот самый затрапезный автомобиль, когда-либо выпущенный с конвейера в Детройте. Пропаганда! Вот приманка. Показать москвичам то, на чем ездит средний американец, или то, во что они, по мнению Никиты, должны поверить.

Лицо Ирвинга вытянулось, глаза сузились.

— Босс, — сказал он. — Это не патриотично.

Гарвей взирал на него с Олимпа правоты и набожного усердия.

— Ирвинг, — терпеливо сказал он. — я сказал им, что они могут выдать ее за машину, на которой ездят американцы, но это не значит, что это у них выйдет. Когда толстяк захочет этим заняться, это выйдет наружу.

Он мягко хихикнул, слез со стола, взял телефон, посмотрел на него с минуту и начал набирать номер.

— Ирвинг, — бросил он через плечо помощнику, который стоял, как пилигрим, увидевший мираж. — Ирвинг, выйди и закрой капот «эссекса», а если кто-то пройдет от него на расстоянии десяти футов, связывай их. Скажешь, что машина принадлежала женщине, которая выиграла ее по лотерее во время конвенции ДАР* в Бостоне. А использовала она ее раз в году как платформу для парадов 4 июля.

Глаза Ирва блестели от почти полного слез обожания и восхищения.

— Правильно, босс, — отчеканил он. — Я займусь этим.

Он повернулся и вышел, а до Гарвея донесся голос телефонистки.

— Да, мадам, — сказал он, жуя сигару. — Думаю, мне потребуются информация. Это правильно... Я говорю о том, если американский гражданин узнал действительно важную новость... я имею в виду, если она касается политики США... мне известно, что отныне и навсегда тот толстяк за океаном будет говорить только правду. Я хочу знать, можете ли вы соединить меня с Джеком Кеннеди?

Он откинулся назад, продолжая счастливо жевать сигару, и в этот момент над притихшим гаражом раздался звук, точно рожок, зовущий армию на битву. Это Ирвинг захлопнул капот «эссекса».

По словам Гарвея Хенниката, он был очень доволен.

---

* ДАР — женская организация «Дочери Американской Революции».

УБЕЖИЩЕ

Снаружи был летний вечер. Свет из окон домов, расположенных по обеим сторонам улицы, падал на широкие листья дубов и кленов. Ветерок доносил шум телевизоров, передававших вестерны, детские голоса, просящие попить, и нестройное бречание на пианино.

Ужин в доме доктора Стоктона был съеден, и его жена Грейс вносила праздничный торт. Гости поднялись из-за стола, захлопали, кто-то присвистнул, а кто-то запел «Happy birthday to you»*. Остальные подхватили эту песенку.

Билл Стоктон от смущения покрылся румянцем, опустил голову, протестуяще вытянул руку, но, в глубине души, он был невероятно счастлив.

Марти Вайс, маленький смуглый впечатлительный человек, владелец обувного магазина на Корт-Стрит, поднялся и провозгласил:

— Речь, док. Давайте произнесем речь!

Билл Стоктон снова вспыхнул.

— Увольте, пожалуйста, вы — сумасшедшие. Этот неожиданный ужин — все, что может вынести мое сердце. Вы хотите потерять своего домашнего лечащего врача?

Раздался смех, потом Джерри Харлоу, высокий крупный мужчина, однокашник Билла по колледжу, встал и поднял стакан.

— Прежде чем Билл задует свечи, — заявил он, — я хочу предложить тост, поскольку ни один день рождения не обходится без традиционного послеобеденного обращения.

Жена Марти Ребекка попыталась усадить его, дергая за пиджак. Харлоу дотянулся до нее и одарил влажным смачным поцелуем, и все завизжали от смеха. Затем он снова поднял стакан, рукой отмахнулся от Грейс, заявившей, что Билл сначала должен задуть свечи, и обратился к присутствующим.

— Возвращаясь вплотную к нашей теме — чествованию мистера Вильяма Стоктона, который стал на год старше и признает, что ему больше двадцати одного года.

Все снова рассмеялись, а Грейс потянулась обнять своего мужа. Харлоу повернулся к Биллу Стоктому и улыбнулся. В его улыбке было что-то особенное, поскольку все замолчали.

— Мы организовали эту неожиданную вечеринку, Билл, как очень слабое напоминание о том, что на этой самой улице, именно в этом городе тебя очень любят. Здесь нет ни одного человека, который не звонил бы по ночам как сумасшедший из-за больного ребенка или из-за серьезного ухудшения самочувствия, которое на проверку оказывалось обычным несварением желудка. И ты приходишь сонный,

---

* Песня, исполняемая в честь именинника в англоязычных странах.

не успев разлепить глаза, со своим допотопным докторским чемоданчиком, не колеблясь ни секунды. И, поскольку эти случаи никогда не появляются в графе оказанных услуг, многие сердца стали биться спокойней, и ты облегчил больше боли, чем я хотел бы испытать.

Он улыбнулся, подмигнул людям, с вниманием его слушающим.

— И нет в этой комнате ни одного человека, — продолжал он, — который не должен был бы тебе огромный счет за многие месяцы и, я думаю, должен и сейчас.

Все рассмеялись, и Марти Вайс постучал вилкой по рюмке.

— А как насчет стука по ночам? — сказал он. — Мы должны ему и за это.

Джерри Харлоу присоединился к общему смеху и поднял руки.

— О, да, — с улыбкой сказал он. — Хороший доктор должен иметь бомбоубежище. Я думаю, мы простим его за то, что он принимает дальновидные меры, хоть это и сушая мука для всей улицы. Вагонетки с бетоном, стук по ночам и все остальное.

Гости снова рассмеялись, а Билл Стоктон лукаво оглядел их с ножом в руке.

— Вот что я вам всем скажу, — начал он. — Вы не получите торта, пока не кончите болтовню.

— Почему это, Билли? — мягко увещевая, сказала его жена.

— Билл прав, — вставил Марти. — Продолжай, Джерри, пока мы еще трезвые и можем есть.

Харлоу снова поднял свой бокал с вином.

— Тут я и закончу. Когда Грейс сказала, что у тебя день рождения, мы решили все взять в свои руки. И, как маленькому человеку со стороны, дай мне закончить вот так. Выпьем за доктора Вильяма Стоктона, которого я знаю уже больше двадцати лет. За все хорошее, что он сделал людям, за то, что ему сорок четыре года, и за то, чтобы он прожил еще сорок четыре года и оставался таким, каким был всегда. С днем рождения, старый ублюдок!

Он сделал большой глоток, и Ребекка Вайс неожиданно разрыдалась.

— О, боже мой, — вставил Марти. — Речь подходит к концу, начинаются слезы моей женушки.

Билл Стоктон задул свечи и посмотрел насмешливо-сардонически.

— Я не виню ее. Во-первых, неожиданная вечеринка, а я их терпеть не могу, а затем — сентиментальная речь.

Он повернулся к Харлоу, протянул ему руку и продолжил:

— Говоря между нами и Американской Медицинской Ассоциацией, вы — приятные соседи, независимо от того, платите по счетам или нет.

Он повернулся, оглядел всех присутствующих и поднял свой стакан.

— Позвольте мне произнести ответный тост, друзья. За моих соседей, с благодарностью за то, что вы таковыми являетесь.

— Аминь, — прошептал Марти Вайс и обратился к своей жене. — И если ты снова заплачешь, я тебя выпорю.

Он придвинулся и поцеловал ее, а Стоктон начал резать торт.

— Эй, пап!

В гостиную вошел сын Стоктона. Это был двенадцатилетний паренек, уменьшенный вариант отца.

— Телевизор погас.

Стоктон тревожно махнул рукой.

— Вот те раз, кризис, кризис! Как бы мир выжил без «Неприкосновенных» и «Сбора черники»?

— Показывали «Стальной час», — серьезно продолжал мальчик, — потом фильм прервали и сделали какое-то дурацкое объявление. Что-то насчет...

Он продолжал говорить, но голос его потонул в смехе Марты Харлоу, которую рассмешило замечание Ребекки. Зато Марти Вайс, ближе всех находившийся к мальчику, стал серьезным.

— Замолчите все! — сказал он резко. Потом обратился к мальчику: — Что ты сказал, Пол?

— По телеку сказали настроить приемники на радиостанцию «Конелрад». Что это значит? Имеет ли это какое-нибудь отношение к...

Он замолчал. Установилась тишина.

— Ты что-нибудь перепутал, Пол, — тихо сказал его отец.

Мальчик покачал головой.

— Я все понял правильно, пап. Именно так они и сказали. Найти канал «Конелрад». И все отключилось.

Джерри Харлоу задыхался.

Всхлипнула женщина. Они вбежали в зал за доктором. Тот включил портативный приемник и мрачно смотрел на него. Через минуту раздался голос диктора.

— Прямое сообщение из Вашингтона, Округ Колумбия. Повторяем. Четыре минуты назад Президент сделал следующее заявление. Цитирую: «В одиннадцать часов четыре минуты по восточному стандартному времени дальние радиолокационные и баллистические станции подтвердили показания локаторов о неидентифицированных летающих объектах, летящих в юго-западном направлении. На какое-то время в интересах безопасности мы объявляем Желтую Тревогу, поскольку до сих пор нам не удалось определить природу этих объектов».

Последовало секундное молчание, и Грейс схватила доктора за руку. Другой рукой она прижала к себе Пола.

Ребекка Вайс заплакала, а Марти стоял с побелевшим лицом.

Диктор продолжал:

— Комитет Гражданской Обороны предлагает вам немедленно пройти в убежище, если оно у вас готово. Если у вас нет убежища, используйте время на то, чтобы перенести запас еды и питья, лекарств и личных вещей в ближайшее соседнее бомбоубежище. Держите двери и окна закрытыми. Мы повторяем. Если вы у себя дома, готовьте убежища и подвалы...

Диктор продолжал говорить, повторяя невероятный пролог неопишуемого ужаса.

Они смотрели на радио и в разные мгновения думали о своем.

Малышка! — думала Ребекка Вайс. — Крошка, спящая в доме напротив. Ей ведь только четыре месяца. А они только сегодня утром смеялись над этим. Марти сказал, что им следует отправить ее в Вассар*, и она все утро хихикала от этих слов. Отправить ее в Вассар. И с жестокой мукой она неожиданно осознала, что у них не будет ребенка. Эта малютка, вокруг которой они строили свою жизнь, прекратит свое существование.

Не верится, думал Марти. Он покачал головой. Он отвергал это. Этого просто не может быть. Это — рассказ из журнала или кино. На вечеринке был ленивый разговор. Был памфлет, забытый на пороге каким-то олухом, но это не происходило, этого не могло происходить. Только все это время он знал, что так оно и было. Все было правдой. Все происходило в действительности.

Я хочу заплакать, думалось Джерри Харлоу, я хочу заплакать. Я чувствую, как слезы подступают, но я не должен плакать, ведь я мужчина. Но страховки... страховые претензии. Мой Бог, их будет неисчислимое количество! Он может разориться! Это как шутка. Холодная, бессмысленная шутка. Юмор в психушке. Бешеный счет, который дополнит землетрясение. Конечно, он разорен. Мир превратится в джунгли. А он будет банкротом.

Розы, вдруг вспомнила Марта, его жена. Великолепные «Американские Красавицы»*, за которыми она так любовно и старательно ухаживала. В этом году они расцвели так восхитительно. Какие они были красивые. Затем она сжала кулаки и ногтями впилась в подушечки пальцев, презируя себя за эту мысль. А как же дети? Что будет с Анной и Чарли? Как может мать думать о розах, когда по радио объявили смерть? Она крепко зажмурила глаза, пытаясь отогнать все это, но, открыв их, она увидела то же самое. Подкатила тошнота, она почувствовала себя больной и покрылась испариной.

Боль, подумал доктор. Неопишуемая боль. Он помнил, как читал про Хиросиму. Случаи ожогов. Отравление радиационными осадками. Рубцы, агония тела, вызывающая долгий стон над умирающим

---

* Престижный женский колледж.

** Сорт роз.

городом. Он вспомнил утверждения японских врачей, что это ни с чем нельзя сравнить. Это было слишком внезапно, слишком неожиданно, агония по массовой шкале. Эта нависшая над ними беда накрыла все улицы, города и штаты; миллионы и миллионы людей были обречены; убийство готовилось в масштабе, по сравнению с которым взрыв в Хиросиме — ничто.

И каждый стоял так со своими сокровенными мыслями, в то время как голос диктора, дрожащий от едва уловимого напряжения, продолжал снова и снова повторять заученным и бесстрастным голосом — хорошо отрепетированный обряд современного Пола Ревира. Неважно, приземлятся две ракеты на море или одна — на земле, противоположный берег был далеко. Они все были обречены. Выхода не было. Не было и защиты. Смерть летела к ним через снега Аляски, и все, что можно было сделать, это лишь объявить о ее приближении.

Они в панике выбежали из дома Стоктонов. У них не было планов спасения, они безумно мчались к своим домам. Затем взревела сирена. Ее жуткий звук разорвал летнюю ночь, связав их мысли, и держал в оцепенении до тех пор, пока они снова не смогли освободиться и бежать домой.

И каждый из них, безумно бежавших через улицу и по тротуарам, через лужайки, был одним сознанием. Улица каким-то образом изменилась. В ней не было ничего знакомого. Точно каждый из них отсутствовал сотни лет и неожиданно вернулся. Это было обширное незнакомое место.

А сирена продолжала посылать свою визгливую волну в летнюю ночь.

Билл Стоктон принес приемник на кухню, где Грейс наполняла водой кувшин.

— Говорит радиостанция «Конелрад». Слушайте экстренный выпуск. Вы можете найти нашу волну на 6.40 или 12.40 частотах вашей шкалы. Оставьте радиоприемник включенным на этой частоте. Мы повторяем заявление нашего Президента. Мы находимся в состоянии Желтой Тревоги. Если вы приготовили бомбоубежище, немедленно спускайтесь туда. Если у вас нет бомбоубежища, потратьте какое-то время на то, чтобы перенести запас еды и питья, лекарств и личных вещей в ближайшее бомбоубежище. Держите двери и окна закрытыми. Мы повторяем. Если вы сейчас находитесь дома, немедленно спускайтесь в подвал или бомбоубежище.

Вода капала из крана. Давление становилось слабее каждую минуту. Пол пронесся по кухне с корзиной, полной консервов, и спустился по ступенькам в подвал.

Билл вслед за ним вошел на кухню и взял с пола два бидона с водой.

— Возьми кувшины и наполняй их, сколько сможешь, Грейс, — кратко сказал он. — Я собираюсь включить в убежище генератор, если электростанция выйдет из строя.

Он посмотрел на флюоресцентный свет над раковиной. Тот начал тускнеть. Стоктон помрачнел.

— Это может случиться в любую минуту, — сказал он.

— В кране почти кончилась вода, — сказала Грейс замирающим голосом.

— Это потому, что все в этом городе делают то же, что и мы. Продолжай, пока вода не кончится.

Он повернулся к двери подвала.

— Вот, — сказала Грейс. — Захвати этот кувшин, он полный.

Грейс начала доставать из раковины тяжелый кувшин. Он выскользнул у нее из рук, грохнувшись об пол, по всей комнате разлетелось стекло.

Грейс всхлипнула один раз и сунула себе в рот кулак, чтобы это не повторилось. На какую-то одну секунду она почувствовала, что впадает в истерику. Ей хотелось закричать, бездумно убежать куда-нибудь, все равно куда, потерять сознание, чтобы освободиться от того кошмара, который происходил в кухне.

Билл Стоктон обнял ее и крепко стиснул. Его голос был мягким, но он вовсе не походил на его собственный.

— Полегче, дорогая, полегче. — Он указал на разбитый кувшин. — Можно подумать, ты пролила духи, которые обошлись нам по сто долларов за унцию.

Он взглянул на кувшин у его ног.

— Может быть, через час это будет дороже, — задумчиво сказал он.

Из подвала вышел Пол.

— Что еще, пап?

— Все консервы внизу?

— Все, что я смог отыскать.

— Как там с компотами? — ровным голосом спросила его Грейс.

— Я их тоже туда отнес, — сказал Пол.

— Возьми в спальне мой чемоданчик, — сказал доктор Стоктон, — и тоже отнеси его вниз.

— Как насчет книг и личных вещей?

Когда Грейс заговорила, ее голос сорвался. Слова были напряженными, и говорила она намного громче, чем обычно. Пол не слышал, чтобы она говорила так громко и такие слова.

— Черт подери! Твой отец сказал тебе принести его чемодан!..

Мальчик порывисто вздохнул. Перед ним стояла его мать, но это была не она. Голос тоже был не ее. Выражение лица было чужим. Мальчик испуганно всхлипнул.

— Все в порядке, — мягко сказал Стоктон, выталкивая мальчика. — Мы просто напуганы, Пол. И сами на себя не похожи. Иди, сынок.

Затем он обратился к жене:

— Нам потребуются книги, Грейс. одному Богу известно, сколько мы просидим там внизу. — Затем мягко, почти умоляя, добавил: — Дорогая, постарайся взять себя в руки. Сейчас это важнее всего.

Он с минуту понаблюдал за ней, потом пошел к серванту слева от раковины.

— Как насчет лампочек? Где ты их держишь?

Грейс показала на верхнюю полку в серванте и закусил губу.

— У нас они кончились. Я вчера последнюю ввинтила. Собираюсь купить еще в магазине. Их продают в...

Она облокотилась на раковину, и по ее щекам покатились слезы.

— О, боже мой! Я говорю как идиотка. Торговля в магазине! Мир скоро взорвется, а я говорю о продаже в магазине! — сказала она.

Стоктон коснулся ее лица.

— Это не имеет никакого значения, — сказал он ей тихо. — Можешь говорить любую чушь, Грейс. Только не паникуй. Сейчас это самое важное. — Он крепко сжал ей руку.

— Мы не должны поддаваться панике, — повторил он.

— Сколько у нас времени?

— Об этом не сообщают. Но помню, что читал о том, что после первой тревоги до взрыва от пятнадцати минут до часа.

Глаза Грейс вылезли из орбит.

— Пятнадцать минут?..

Он покачал головой.

— Это всего лишь мои предположения. Я не знаю наверное. И не думаю, что кто-нибудь точно знает о времени взрыва.

Он вошел в гостиную.

— Продолжай заниматься водой, — сказал он ей через плечо.

По лестнице в коридоре спускался Пол. Он нес стопку книг и журналов, поверх которой лежал медицинский чемоданчик его отца.

— Я все взял, пап.

— Давай-ка я помогу тебе, — сказал Стоктон и взял его ношу.

Пол повернулся и пошел к двери.

— Пол! — крикнул вслед ему отец. — Ты с ума сошел? Оставайся здесь,

— Там мой велик, — сказал мальчик.

— Тебе он не понадобится. Спускайся в убежище.

— Но если бомба взорвется, то все сгорит. Я знаю, пап. Я это читал. Если это водородная бомба, ничего не останется.

Журналы упали из рук доктора. Он подошел к сыну и сгреб его за плечи. В его голосе была свирепость.

— Даже не думай об этом! Не позволяй себе об этом думать и при

матери ничего такого не говори! Она рассчитывает на нас, ведь мы — мужчины.

Он отпустил мальчика, мягко сжав его напоследок.

— Собственно говоря... собственно говоря, мы можем быть вне опасной зоны. Мы можем быть в двух и трех сотнях миль от того места, где упадет бомба. Мы даже можем не узнать о том, что она упала.

— Пап, — перебил Пол. — Мы в сорока милях от Нью-Йорка. Если бомба водородная, — он посмотрел отцу в глаза, — мы узнаем об этом.

Стоктон уставился на свою копию, переполненный любовью и гордостью.

— Если мы узнаем, — тихо ответил он, — значит, узнаем, вот и все. Но сейчас наша задача — остаться в живых, а ты можешь погибнуть, если будешь бегать по двору в поисках велосипеда.

Грейс из кухни позвала тонким дрожащим голосом:

— Билл?

Затем появилась в дверях гостиной.

— Билли, вода кончилась.

— Это неважно, — сказал Стоктон. — Думаю, мы достаточно ее набрали. Захвати с собой кувшин, Грейс. Я и Пол принесем остальное.

Они перенесли кувшин и остальные вещи вниз в подвал, в дальнем конце которого находилось убежище. Грейс поставила кувшин и осмотрелась. Койки, полки, нагруженные консервами, стопки книг и журналов, медицинское оборудование. Неожиданно все их существование было сжато до размеров этой крошечной комнаты, забитой вещами, полчаса назад не имевших значения. Полчаса назад! Грейс вдруг вспомнила, что за тридцать минут на Земле все перевернулось с ног на голову. Все ценности, убеждения и критерии прекратили свое существование или приобрели значение, равное жизни или смерти.

Стоктон остановился посередине лестницы.

— Я забыл, — сказал он. — В гараже есть бак с бензином. Там пять баллонов. Пол, беги туда и принеси его. Он нужен нам для генератора.

— Хорошо, папа.

Стоктон быстро глянул сквозь подвал на открытую дверь убежища. Грейс сидела на одной из коек, глядя в никуда. Он секунду помедлил, заторопился в кухню, взял два или три оставшихся кувшина и понес в подвал.

Когда он вошел в убежище, Грейс подняла голову. Она шептала:

— Билл... Билл, это так невероятно. Мы, должно быть, спим. Такого не может быть.

Стоктон опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои.

— Я только что говорил Полу, — сказал он ей. — Если это ракета, то она не обязательно упадет возле нас. И, если она не упадет...

Грейс освободила руки.

— Но если долетит, — сказала она. — Если она поразит Нью-Йорк, то и нам достанется. Отравляющие вещества, радиация — все это мы почувствуем на собственной шкуре.

— Мы будем в убежище, Грейс, — убеждал доктор. — Даже если нам не повезет, мы выживем. У нас достаточно еды и питья, чтобы протянуть по меньшей мере три недели, а, может, и дольше, если будем разумно ими пользоваться.

Грейс тупо смотрела на него.

— А что потом? — тихо спросила она. — Что потом, Билли? Мы выберемся отсюда, как суслики, чтобы на цыпочках пробираться через руины наверх. Нас будут ждать руины, развалины и трупы наших друзей...

Она замолчала и уставилась в пол. Когда она снова посмотрела ему в глаза, на ее лице было другое выражение — страшнее, чем паника, более сильное, чем страх. Это было выражение смирения и униженной покорности.

— Почему так необходимо, чтобы мы выжили? — безучастно спросила она. — Что в этом хорошего, Билл? Не будет ли быстрее и лучше, если мы просто...

Слова повисли в воздухе. Потом раздался голос Пола:

— Я принес бензин. Наверх вам больше ничего не нужно?

— Неси бак, Пол, — отозвался отец и тихо обратился к Грейс. В первый раз его голос задрожал: — Вот почему мы обязаны выжить. Это главная причина.

Они услышали шаги сына.

— Ему в наследство могут достаться руины, но ему двенадцать лет. Это не только наше выживание, Грейс. Конечно, мы можем расстаться с жизнью. Просто бросить ее на обочину как бак для мусора. — Его голос звучал высоко. — Ему двенадцать лет. Слишком рано, черт возьми, чтобы говорить о его смерти, когда он, собственно, и не жил.

В дверях появился Пол с баком бензина.

— Поставь его рядом с генератором, — сказал Стоктон, выходя из комнаты. — Я поднимусь и принесу еще воды.

Он поднялся по ступенькам в кухню и взял последний кувшин с водой. Он уже собирался отнести его в убежище, когда услышал стук в кухонную дверь. Между занавесками он увидел лицо Джерри Харлоу.

Стоктон открыл входную дверь. Харлоу стоял снаружи с какой-то неестественной, точно нарисованной улыбкой. Голос его был напряженным.

— Как дела, Билл? — поинтересовался он.

— Собираю запас воды, думаю, и ты должен сейчас этим заниматься.

Харлоу был явно не в своей тарелке.

— Мы набрали около тридцати баллонов, и вода кончилась, — сказал он, и его лицо исказилось. — У вас тоже кончилась вода, Билл?

Стоктон кивнул.

— Тебе лучше идти домой, Джерри. Спускайся в свое убежище... — Он облилиз губы и поправился: — в твой подвал. Я на твоём месте заколотил бы окна и, если есть замазка, укрепил бы углы.

Харлоу вертел галстук.

— У нас нет подвала, Билл, — с кривой усмешкой сказал он. — Помнишь? Преимущество современной архитектуры. У нас самый новый дом на нашей улице. Всецело служит человеку, с головы до пят.

Его голос дрожал.

— Любое чудо современной техники принято во внимание... кроме одного, о котором они забыли... — Он опустил глаза и смотрел себе на ноги. — ...того, которое приближается сейчас к нам.

Он медленно поднял глаза и сглотнул слюну.

— Билл, — шепотом сказал он, — могу я привести сюда Марту и детей?

Стоктон окаменел. Его охватила злость.

— Сюда?

Харлоу горячо закивал.

— Мы сидим там, как на ладони. Как на ладони. У нас совсем нет защиты.

Стоктон задумался на мгновение и отвернулся.

— Можете воспользоваться нашим подвалом.

Харлоу схватил его за руки.

— Вашим подвалом? — скептически спросил он. — А как насчет вашего убежища? Черт возьми, Билл, это единственное место, где можно выжить. Мы должны попасть туда!

Стоктон посмотрел на него, и злость, которая была лишь смутным негодованием, вновь поднялась в нем. Он с трудом сдерживался и удивлялся, как это знакомое лицо, когда-то приятное и мальчишеское, могло в минуту стать для него неприятным.

— У меня нет места, Джерри, — сказал он. — У меня не хватает ни места, ни еды, ни питья. Убежище рассчитано на троих человек.

— Мы принесем свою воду, — горячо заверил Харлоу, — и свою собственную еду. Мы будем спать вповалку, если это потребуется.

Его голос дрогнул.

— Пожалуйста, Билл...

Он смотрел в бесстрастное лицо Стоктона.

— Билл, мы должны воспользоваться твоим убежищем! — крик-

нул он. — Я должен сохранить свою семью! Мы не будем ничего у тебя брать. Ты понимаешь? Мы принесем все с собой.

Стоктон посмотрел Харлоу на руки, потом на лицо.

— А как насчет своего собственного воздуха? Ты принесешь с собой воздух? Там комната — три на три.

Руки Харлоу опустились.

— Тогда позволь нам провести там первые сорок восемь часов. Потом мы уйдем. Честное слово, Билл. В любом случае мы уйдем.

Стоктон ощутил тяжесть кувшина. Он знал, что с этим тянуть не стоит. Его голос резал воздух, как скальпель.

— Когда эта дверь закрывается, Джерри, ее уже нельзя открывать. Она закрывается и запирается. Будет радиация, и бог знает, что еще. — Он почувствовал, как ярость в нем растет. — Мне очень жаль, Джерри. Бог свидетель, мне очень жаль. Но я приготовил его для МОЕЙ семьи.

Он повернулся и пошел к подвалу. Джерри кричал ему вслед.

— А что будет с моей? Что делать нам? Трястись на крыльце, пока мы не станем пеплом?

Стоктон не оборачивался.

— Это не мое дело. В данный момент я должен заботиться о своей семье.

Он начал спускаться. Харлоу побежал за ним и схватил его за руки.

— Я не хочу смотреть, как моя семья умрет в мучениях. — По лицу Джерри катились слезы. — Ты понимаешь, Билл? Я так не могу!

Он тряс Стоктона и безвольно плакал, повторяя: «Я так не могу».

Стоктон попытался освободиться, кувшин выпал из его рук, но не разбился, покотившись вниз по ступенькам квартала. Медленно спустившись, доктор поднял его.

— Прости, — услышал он голос Харлоу. — Пожалуйста, прости меня, Билл.

Стоктон обернулся, чтобы взглянуть наверх. «О Господи, — думал он. — Вот стоит мой друг. Мой друг». В эту минуту его злость возвратилась. Он обратился к фигуре, стоящей над ним.

— Я все время вам всем говорил. Стройте убежище. Готовьтесь. Забудьте игры в карты и пикники ради нескольких часов в неделю и признайте, что самое худшее возможно. — Он покачал головой. — Но ты не стал слушать меня, Джерри. Никто из вас не хотел меня слушать. Построить убежище значило признать время, в котором мы живем, и ни один из вас не отважился использовать этот шанс.

Он на мгновение закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Но теперь, Джерри, ты должен посмотреть реальности в лицо.

Стоктон в последний раз посмотрел на испуганное лицо человека на ступенях.

— Теперь ты ждешь помощи, Джерри? Проси ее у Бога, а не у меня. — Он опять покачал головой.

Он пошел через подвал по направлению к убежищу.

Открылась входная дверь, и через коридор в зал поспешно прошли Ребекка и Марти Вайс. Женщина держала на руках ребенка и ни на шаг не отставала от мужа.

— Билл, — позвал Марти. — Билл, где ты?

— Они уже в убежище! — истерически крикнула Ребекка. — Я говорила тебе, что они будут в убежище! Они заперлись там.

В кухне появился Джерри Харлоу.

— Это бесполезно, — сказал он. — Он никого туда не впустит!

Маленькое смуглое лицо Марти исказилось от страха.

— Ему придется впустить нас! — Он показал на Ребекку и дочь. — В нашем подвале нет даже окон, и нам нечем заделать проемы.

Он начал проталкиваться мимо Харлоу.

— Где он? Внизу? Он в убежище?

Марти прошел через столовую в кухню, увидел открытую дверь погреба и заговорил:

— Билл? Билл, это Марти. С нами малышка.

Он спустился, повторил:

— Билл? Билл?

Свет в погребе начал тускнеть, и Марти прошел погреб до самой двери убежища, теперь закрытой.

Позади него в темноте раздался голос его жены.

— Марти? Марти? Где ты? Свет погас. Марти, пожалуйста, вернись за нами.

Ребенок захныкал, и снова завывла сирена.

Марти ударил по двери убежища.

— Билл, пожалуйста, Билл...пусти нас!

Из-за двери раздался приглушенный голос Стоктона.

— Марти, если бы я мог, то впустил бы. Понимаешь? Я открыл бы, если это не подвергало бы опасности жизнь моей семьи. Клянусь тебе, впустил бы.

Последние слова потонули в звуке sireны и в резком крике ребенка.

Марти охватила паника, он обеими руками заколотил в дверь.

— Билл, — кричал он. — Ты обязан впустить нас! У нас нет времени! Пожалуйста, Билл!

В убежище загудел генератор, и две большие лампы, по 100 ватт каждая, осветили его.

Билл Стоктон прислонился к железной двери и закрыл глаза. Он качал головой.

— Я не могу, Марти. Не стой там и не проси. Я не могу. — Он плотно сомкнул губы, его голос дрогнул. — Не могу и не впущу.

Марти Вайс понял, что дверь останется закрытой. Он обернулся и

посмотрел на фигуру, стоящую на ступеньках. Он почувствовал прилив нежности. Любви. И потери, в этот момент окончательной и бесповоротной. Он повернулся и глянул на закрытую дверь.

— Мне жаль тебя, Билл, — тихо, но отчетливо сказал он. — Правда. Ты выживешь. Ты переживешь все это. — Он заговорил громче: — Но на твоих руках будет кровь. Ты слышишь меня, Билл? На твоих руках будет кровь.

Стоктон смотрел на жену. Та пыталась что-то ему сказать, но не смогла. Стоктон слышал шаги Марти Вайса, уходящего по подвалу к ступенькам. Руки доктора дрожали, и ему пришлось сжать их, чтобы унять дрожь.

— Ничего не поделаешь, — шептал он. — Или мы, или они. Всю мою жизнь... всю мою жизнь я был занят одним делом. Прекращал страдания. Облегчал боль. Лечил. Но теперь другие правила. Правила, время и место. Теперь, Грейс, у нас одна цель — выжить. Остальное не имеет смысла. И мы не можем допустить, чтобы это имело значение.

Он резко повернулся к двери.

— Марти! Джерри! — заорал он. — Все вы! Каждый! Убирайтесь отсюда! Не стойте в моем доме!

Он услышал, что за его спиной плачет его сын.

— Черт возьми! Черт возьми! Если на моих руках и есть кровь, вы сами в этом виноваты!

Тут его охватила дрожь. Усталость мгновенно поразила его. Он чувствовал, что больше не в силах стоять, и сел на кровать.

Где-то вдали звучала сирена. Билл Стоктон закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Но сирена выла, и он чувствовал сильную боль.

Перед домом Стоктонов собрались соседи. Кто-то принес портативный приемник, и голос диктора тревожно сопровождал шепотом задаваемые вопросы и всхлипы детей и женщин.

Харлоу вышел от Стоктонов и стоял на крыльце. За ним появились Марти Вайс и его жена.

Марта Харлоу, крепко держа детей за руки, протолкнулась сквозь толпу.

— Джерри, — донеслось до крыльца, — что произошло?

Харлоу покачал головой.

— Ничего особенного. Я думаю, нам лучше разойтись по домам и укреплять погреб.

— Это безумие! — сказал кто-то из мужчин. — На это нет времени. У Билла самое приспособленное место, где будет толк.

Какая-то женщина зарыдала.

— Бомба может упасть в любую минуту! — Ее голос был безумным. — Я знаю, она упадет в любую минуту!

— Говорит радиостанция «Конелрад», — говорили по радио. — Говорит радиостанция «Конелрад». Мы по-прежнему в состоянии

Желтой Тревоги! Если вы — государственный служащий или работник отряда спецназначения, а также сотрудник ГО, вам необходимо немедленно явиться на свой пост. Если вы государственный служащий или работник...

Дальнейшее потонуло в потоке голосов.

Крупный, дородный мужчина, живший на углу, пошел на крыльцо Стоктонов. У него на пути стоял Джерри Харлоу.

— Не тратьте время, — сказал Харлоу. — Он никого не впустит.

Мужчина беспомощно повернулся к своей жене, стоящей у самого крыльца.

— Что мы будем делать? — сказала она панически. — Что же нам делать?

— Может, нам выбрать чей-нибудь погреб и начать там работать? — предложил Марти Вайс. — Принести туда все наши запасы — еду, воду и прочее.

— Это несправедливо, — сказала Марта Харлоу и указала на дом Стоктона. — Он там внизу, в бомбоубежище. В абсолютной безопасности. А наши дети должны ждать, когда упадет бомба!

Ее девятилетняя дочь начала плакать, и Марта, обняв ее, опустилась на колени.

Крупный мужчина на ступеньках крыльца обернулся и посмотрел на соседей.

— Я думаю, будет лучше спуститься в погреб и ломать дверь!

В неожиданной тишине вновь раздался вой сирены, и десять или двенадцать человек теснее прижались друг к другу.

Из толпы вышел другой мужчина.

— Гендерсон прав, — сказал он. — Нет времени на споры и прочее. Мы должны спуститься и войти в убежище!

Ему ответил дружный хор голосов. Гендерсон спустился с крыльца и пошел через двор к гаражу. Харлоу крикнул ему вслед:

— Одну минуту! — Он сбежал по ступенькам. — Черт возьми! Подождите! Все мы там не уместимся! Нелепо и пытаться.

Раздался скорбный голос Марти Вайса:

— Почему бы нам не бросить жребий и не выбрать одну семью?

— Какая разница? Он никого не впустит, — отозвался Харлоу.

Гендерсон потерял уверенность в себе.

— Мы можем спуститься туда и сказать ему, что против него вся улица. Это нам по силам.

И слова его были встречены одобрительными возгласами. К Гендерсону протолкался Харлоу.

— Какого черта нам это даст? Повторяю вам. Даже если мы высадим дверь, места на всех не хватит. Мы все пропадем ни за что.

Миссис Гендерсон сказала:

— Если это поможет спасти хотя бы одного из наших детей, я буду считать это важным.

И снова все согласились.

— Джерри, — обратился Марти Вайс. — Ты знаешь его лучше, чем любой из нас. Ты его лучший друг. Почему бы тебе снова не спуститься туда? Попробуй его уговорить. Умоляй его. Скажи ему, пусть выберет одну семью — бросит жребий или что-нибудь в этом роде.

Гендерсон большими шагами приблизился к Марти.

— Одну семью, ты о своей говоришь, Вайс, не так ли?

Марти повернулся к нему.

— Ну а почему бы и нет? Почему, черт возьми, и нет? У нас трехмесячный ребенок...

— Какая разница? — вступилась жена Гендерсона. — Разве его жизнь имеет большую ценность, чем жизнь наших детей?

Марти Вайс обратился к ней.

— Этого я не говорил. Если вы собираетесь спорить о том, кто более достоин жить...

— Почему бы тебе не заткнуться, Вайс? — крикнул Гендерсон и в диком, безумном гневе обратился к остальным: — Вот что выходит, когда здесь селятся иностранцы. Настырные, загребушие полукровки!

Лицо Марти побелело.

— Ты — идиот с мусором вместо мозгов, ты... Всегда найдется один такой гнилой, безмозглый кретин, которому вдруг захочется стать большим начальником и решать, какое происхождение модно в этом году...

Сзади к нему обратился мужчина.

— Так и есть, Вайс. Если мы начнем искать того, кого признать негодным, то ты и твоя семья будут первыми в списке!

— О, Марти! — зарыдала Ребекка, чувствуя, как на нее накатывает страх иного рода.

Вайс оттолкнул ее сдерживающие руки и начал проталкиваться сквозь людей к тому, кто это сказал. Джерри Харлоу встал между ними.

Он напряженно произнес:

— Продолжайте, вы, оба! Просто продолжайте, и мы обойдемся без бомбы. Мы сможем поубивать друг друга.

— Марти! — Ребекка в темноте подошла к крыльцу. — Пожалуйста, сходи туда еще раз. Попроси его.

Марти ответил ей:

— Я уже просил его. Это бесполезно!

Снова раздался звук сирены, на этот раз ближе, и далеко вдали ночное небо пронзил луч прожектора. Приемник вновь заработал, и они еще раз услышали объявление Желтой Тревоги.

— Мамочка! Мамочка! — дрожащим голосом сказала маленькая девочка. — Я не хочу умирать! Мама, я не хочу умирать!

Гендерсон посмотрел на ребенка и пошел к гаражу. Один за другим за ним последовали все соседи.

— Спустишь туда и заставлю его открыть дверь, — говорил он по пути. — Мне нет дела до того, что вы все думаете. Больше нам ничего не остается.

— Он прав, — поддержал его другой мужчина. — Давайте так и сделаем!

Они уже не шли. Теперь они бежали и толкались, объединенные одним делом. И Джерри Харлоу, смотревший, как они проносятся мимо, неожиданно подметил, что в лунном свете их лица были похожие — дикими глазами, жесткими, мрачно сжатыми ртами, их объединяла аура свирепости.

Они пробежали через гараж, и Гендерсон пинком раскрыв дверь, ведущую в погреб. Они продирались через нее как толпа фанатиков.

Гендерсон двинул кулаком в дверь убежища.

— Билл? Билл Стоктон! Тут ждет компания твоих друзей, которые хотят остаться в живых. Сейчас ты можешь открыть дверь, поговорить с нами и решить, сколько человек из нас поместится в убежище, но если ты продолжишь делать то, что делаешь, мы просто ворвемся внутрь!

Все одобрительно загомонили.

В убежище Грейс Стоктон обняла своего сына и крепко прижала к себе. Стоктон стоял близко к двери, впервые чувствуя себя неуверенным и испуганным. Тут снова раздались удары в дверь. Теперь к Гендерсону присоединились остальные соседи.

— Давай, открывай, Стоктон! — раздалось за дверью.

Потом послышался знакомый голос Джерри Харлоу.

— Билл, это я, Джерри. Они говорят дело.

Стоктон облизнулся.

— И я здесь говорю дело! Я уже говорил тебе, Джерри, вы тратите свое время. Вы тратите время, которое можно потратить на что-то другое, например, на обсуждение того, как вам лучше выжить.

Тяжелый кулак Гендерсона вновь ударил по двери, обитой металлом. Гендерсон обернулся к своим соседям.

— Почему бы нам не найти какой-нибудь таран?

— Верно, — отозвался другой голос. — Мы можем дойти до Беннет Авеню. У Фина Клайна в подвале целая куча толстенных досок. Я сам их видел.

Вмешался женский протестующий голос, какой-то неприятный и безобразный.

— Он тоже начнет действовать, — сказала она. — А кто собирается спасти его? В ту минуту, когда мы придем туда, все те люди узнают, что на нашей улице есть убежище. Нам придется драться с целой толпой. С целой толпой посторонних.

— Конечно, — согласился Гендерсон. — А какое они имеют право приходить сюда? Это не ИХ улица. Это не их убежище.

Джерри Харлоу наблюдал то за одним, то за другим силуэтом и дивился той больной логике, которая завладела ими всеми.

— Так значит, это наше убежище, да? — свирепо крикнул он. — А на соседней улице — другое государство! Разделяй и властвуй! Вы идиоты. Вы богом проклятые дураки! Вы все больные — все вы!

— Может быть, ты не хочешь жить, — крикнула Ребекка Вайс, — может быть, тебе все равно, Джерри!

— Мне не все равно, — ответил ей Харлоу. — Поверь, мне не все равно. Мне тоже хочется встретить завтрашнее утро. Но вы превратились в толпу. А у толпы нет мозгов, и вы это подтверждаете. Именно это вы и доказываете — что у вас нет мозгов.

Гендерсон сказал резко и громко:

— Говорю я вам, давайте искать таран. — Этот крик выражал всеобщее настроение. — А Клайну мы велим держать язык за зубами!

— Я согласен с Джерри, — неуверенно и робко сказал Марти Вайс. — Давайте возьмем себя в руки. Давайте остановимся и задумаемся хоть на минуту.

Гендерсон повернулся лицом к хрупкой фигуре Марти.

— Никому нет дела до того, что думаешь ты, — выдавил он. — Ты и тебе подобные. Я думал, мы выяснили это наверху. Мне кажется, первое, что следует сделать, это вышибить тебя отсюда!

Он двинулся на Марти и с силой двух сотен фунтов напал на него. Его кулак двинул Марти по скуле. Тот упал навзничь на женщину, потом натолкнулся на ребенка и наконец приземлился на спину. Его жена вскрикнула и заспешила к нему. В темноте раздавались голоса, эхо вторило испуганным и злобным крикам, которые перекрывались истерически криком смертельно напуганного ребенка.

— Идемте, — возвестил бычий голос сквозь шум. — Давайте найдем что-нибудь, чтобы сломать эту дверь!

Они были толпой и двигались как толпа. Страх стал бешенством. Паника обернулась решимостью. Они вырвались из погреба на улицу. Каждый желал не отстать от соседа. Каждый был доволен, что лидером был кто-то другой. И пока они дико рвались вниз по улице, голос диктора тонкой угрожающей иглой пронзал их сознание, не оставляя следа.

— Нас вновь попросили напомнить населению о необходимости сохранять спокойствие. Очистите улицы. Это крайне необходимо. Населению необходимо очистить улицы. Делается все возможное в плане безопасности, но продвижение войск затруднено. Спецмашины Гражданской Обороны должны иметь свободу маневра. Поэтому мы еще раз напоминаем вам о необходимости очистить улицы. Очистите улицы!

Но толпа продолжала двигаться. Слова до них не доходили. Случай был экстремальный, но радио сделало его сухой казенщиной.

И пяти минут не прошло, как они уже вернулись к дому Стоктона. Они вшестером несли длинную доску. Проноса ее через гараж, они разбили смотровое окно в двери. Потом они разбили вход в подвал. И, пройдя через него, они начали бить по железной двери убежища. Дверь была толстой, но не настолько, чтобы выдержать доску. Вес доски и людей продавил в ней вмятину, а затем пробил ее.

Сразу появилась первая дыра, за ней появились другие, а несколько секунд спустя верхняя петля не выдержала и дверь начала гнуться.

Внутри Билл Стоктон пытался с помощью стула, генератора и кроватей забаррикадировать дверь. Но сокрушительные удары повторялись, и баррикада рассыпалась.

В конце концов дверь подалась и рухнула в убежище. Финальный удар был настолько стремительным, что доска и люди, державшие ее, рухнули в убежище, при этом угол доски ударил доктора в голову, оставив глубокую царапину на виске.

Тут все замолчали, и в этой неожиданной тишине раздался долгий и протяжный вой сирены. Звук постепенно сник, и тогда они услышали голос диктора.

— Говорит радиостанция «Конелрад». Говорит радиостанция «Конелрад». Президент США только что заявил, что ранее не опознанные летающие объекты опознаны как спутники. Повторяем. Вражеские ракеты не приближаются. Повторяем. Вражеские ракеты не приближаются. Объекты идентифицированы как спутники. Это мирные спутники, и население вне опасности. Повторяем. Население вне опасности. Желтая Тревога отменяется. Это не вражеская атака.

Диктор продолжал говорить, но слова до них не доходили. Постепенно они обрели для них смысл. И тогда мужчины посмотрели на своих жен и медленно обняли их. Дети спрятали лица в юбках матерей.

Смешались всхлипы и бормотание молитв. В домах и на улицах снова включился свет, и все посмотрели друг на друга.

— Слава Богу, — голос Ребекки Вайс прозвучал молитвой за всех. — Слава Богу!

Они прижалась к Марти, только смутно осознавая, что его губа разорвана и из нее сочится кровь.

— Аминь, — сказал Марти. — Аминь.

Гендерсон смотрел на свои руки так, точно никогда раньше их не видел. Затем он слотнул слюну и обратился к Марти.

— Эй, Марти, — мягко сказал он. На его лице была вымученная улыбка. — Марти, я просто чокнулся. Ты ведь понимаешь, не так ли? Я просто свихнулся. Я не думал того, что говорил.

Его голос дрогнул.

— Мы все были... мы все были так напуганы. Мы были сбиты с толку.

Он беспомощно взмахнул руками.

— Ну да это и не удивительно, ведь так? Я имею в виду... Ну, вы можете понять, почему мы так погорячились.

Раздались возгласы одобрения, и люди закивали, но они все еще были в состоянии шока.

Джерри Харлоу спустился со ступенек и вышел на середину погребка.

— Я не думаю, что Марти затаил на тебя обиду. — Он повернулся к Стоктону, в молчании стоявшему в дверях убежища. — Да и Билл, я надеюсь, простит нам это, — продолжал Харлоу, показывая на обломки и мусор вокруг себя. — Мы заплатим тебе за ущерб, Билл.

Марти Вайс вытер кровь с губы.

— Давайте устроим всеобщую вечеринку или что-то в этом роде завтра вечером, — предложил он. — Большой праздник! Что вы об этом думаете? Как в старые добрые времена!

Люди смотрели на него.

— Чтобы все мы могли вернуться в нормальное состояние, — продолжал Вайс. — Что скажешь, Билл?

Все повернулись к доктору Стоктону, в молчании смотревшему на них.

Харлоу выдавил из себя смех.

— Эй, Билл! Я же сказал, что мы возместим весь ущерб. Если хочешь, я дам тебе расписку.

Стоктон молча переступил через разбитую дверь и вышел в подвал. Он осмотрелся, словно искал кого-то глазами. Проходя мимо знакомых лиц, он почувствовал пульсацию в виске. Они смотрели, как он шел к ступенькам.

— Билл, — прошептал Харлоу. — Эй, Билл?

Стоктон повернулся к нему.

— И это все искупает? — сказал он. — И это все искупает.

Он взглянул на Марти.

— Марти, — сказал он, — ты хочешь устроить всеобщую вечеринку и желаешь, чтобы все стало по-прежнему. А вот Фрэнк Гендерсон, вон там. Он желает, чтобы мы все поскорей забыли. Отнесли все за счет испуга. И ты, Джерри, заплатишь за ущерб, да? Ты даже дашь расписку. Ты согласен компенсировать ущерб.

Харлоу медленно кивал. Стоктон осмотрел комнату.

— У кого-нибудь из вас есть хотя бы слабое представление о том, каков реальный ущерб? — Он помедлил. — Послушайте, что я вам скажу. Ущерб намного значительней разбитой двери. И более глубок, чем синяки на лице Марти. И вам не компенсировать их всеобщей вечеринкой, даже если задать сто вечеринок, хоть триста шестьдесят пять!

Он увидел, что из убежища вышла его жена, потом сын Пол. Они вместе с остальными смотрели на него тем же вопросительным, уставшим и каким-то замороженным взглядом. Стоктон облокотился о перила.

— Те разрушения, которые я имею в виду, это отброшенные нами частицы нас самих. Внешний лоск — внешний лоск, который мы сорвали с себя собственными руками. Ненависть, о существовании которой мы и не подозревали, вырвалась наружу. Но, боже мой, как быстро она вырвалась! И как быстро мы стали животными! Все мы!

Он показал на себя.

— Я тоже. Может быть, я был хуже всех в этой компании. Не знаю.

Он помедлил с минуту и огляделся.

— Не думаю, что все будет по-старому. По крайней мере, не в этой жизни. И если, прости меня бог, бомба упадет, мы помиримся до того, как начнем страдать. Я надеюсь, что, если бомба должна убивать, калечить и рушить, жертвами будут человеческие существа, а не настоящие дикие звери, готовые разорвать соседей, если им в нагладу обещана жизнь.

Он покачал головой и очень медленно повернулся, чтобы взглянуть в кухню.

— Вот какой ущерб я имел в виду, — говорил он, поднимаясь по ступенькам. — Стоит взглянуть на нас в зеркало и увидеть, что у нас под кожей, и неожиданно понять, что там у нас... мы — отвратительная раса.

Он поднялся по ступенькам, а Грейс, крепко обнимая Пола, последовала за ним мимо притихших соседей.

Молчание длилось долго, но постепенно люди по двое и по трое стали выбираться из подвала и, пройдя через гараж, выходили на улицу.

Ярко горели фонари, возшла луна, полная и высокая. Радиоприемник был включен, передавали легкую музыку. Телепередачи снова вызывали смех охмуренной аудитории. Заплакал ребенок, но его укачали и успокоили. Вовсю стрекотали цикады. Где-то вдали квакали лягушки. Дул мягкий ветерок, листья качались и шуршали, отбрасывая на тротуар пересекающиеся тени.

Билл Стоктон стоял в столовой. У его ног валялись остатки праздничного торта. В кусках глазури лежало несколько раздавленных свечей. И он подумал, что выжить надо ради человечности... что человечество должно оставаться цивилизованным.

Забавно, думал он, проходя мимо разбросанной, опрокинутой мебели, действительно, очень забавно, как такая простая вещь могла не прийти ему в голову.

Он взял жену и сына за руку, и они втроем стали подниматься в спальню.

Ночь кончилась.

РАЗБОРКА С РЭНКОМ МАК-ГРЮ

Из салуна вышли два ковбоя, спустились по трём ступенькам крыльца и остановились там, глядя вверх по главной улице. Один из них сплюнул коричневой жидкостью и вытер небритый подбородок.

— Его до сих пор нет, — объявил он.

Его товарищ достал карманные часы и открыл крышку.

— Он будет. Он знает, что его ждет.

С этими словами он захлопнул крышку и сунул часы обратно в карман кожаного жилета.

Первый ковбой покосился на солнце.

— Сегодня утром его пристрелят, — кратко сказал он. — В этом можно не сомневаться.

Его приятель проворчал что-то в знак одобрения и посмотрел, как его друг отпил коричневой жидкости.

— Что это у тебя? — спросил он.

— Пиво от Херши, — ответил его товарищ. — Но это проклятое пойло выдохлось и невкусное.

Послышался отдаленный рев. Сначала это были далекие раскаты, но постепенно шум нарастал и перешел в пронзительный визг. Из-за угла появился красный «ягуар», его хромированные колеса крутились по пыли и с воем выразили протест, когда машина повернулась более резко, вырывая на Мэйн-Стрит, и устремилась к салуну. Когда водитель еще раз резко нажал на тормоза, машина подняла тонны пыли и остановилась в футах от крыльца салуна. Она стояла там, точно привязанный красный зверь. Лошадь, притороченная к крыльцу, посмотрела на водителя, фыркнула и отвернулась.

Рэнк Мак-Грю осторожно вылез с переднего сиденья, стряхнул пыль с бежевых джинсов и белой шелковой рубашки, поправил черно-желтый галстук и аккуратно опустил поля шляпы. Он пинком закрыл дверь машины и стал подниматься по ступенькам салуна.

— Добрый день, мистер Мак-Грю, — сказал один из ковбоев.

— Привет, — ответил Рэнк, схватившись за перила крыльца, поскольку одна его нога подвернулась, и он сразу же потерял равновесие.

Рэнк носил единственные в своем роде высокие ботинки. Их секрет был в том, что внутри подъем был два дюйма высотой, да и каблук увеличивал рост на три дюйма. Это придавало Рэнку лишних пять дюймов росту.

Дверь салуна открылась, и появился Сай Блэттсбург. Это был лысый, опрятный человек в мокрой от пота спортивной рубашке. Он с беспокойством посмотрел на ручные часы, затем обратился к Рэнку:

— Ты опоздал на один час пятнадцать минут, Рэнк. — В его голосе слышался скрытый гнев. — К этому времени мы должны были уже отснять всю сцену.

Рэнк пожал подбитыми плечами и через вращающиеся двери про-

шел мимо него в весьма правдоподобный салун. Ожидющие там съемочная группа и статисты встретили его появление облегченно-настороженно.

Сай Блэттсбург, двадцать лет нянчившийся с подобными звездами, проследовал в салун за своим подопечным.

— Грим, — сказал он, суется вокруг «звезды».

В поле зрения появился гример. Заставив себя блаженно улыбнуться «ковбою», он указал на табуретку перед гримировальным столиком.

— Пожалуйста сюда, мистер Мак-Грю, — любезно сказал он.

Рэнк опустился на табуретку и оглядел свое отражение.

— Постарайтесь все сделать побыстрее, — сказал режиссер, причем его губы подрагивали. — Мы потеряли много времени, Рэнк.

Тот резко повернулся, выбив пудреницу из рук гримера.

— Не доставай меня, Сай, — мгновенно взбесившись, сказал он. — Ты знаешь, как на меня влияют эмоциональные сцены прямо перед съемкой!

Режиссер улыбнулся и закрыл глаза, потом похлопал звезду по подбитым плечам.

— Рэнк, малыш, не волнуйся. Мы попробуем побыстрее отснять эту сцену. С чего нам лучше начать, а? О'кей, малыш. Со сцены номер семьдесят один.

Он щелкнул пальцами, и помощница режиссера подала ему сценарий.

— Вот она, вот здесь, — сказал он, открывая нужную страницу.

Рэнк вяло протянул руку, и Блэттсбург вручил ему сценарий. Он бегло просмотрел его и вернул назад.

— Прочитай мне это, — сказал он.

Блэттсбург откашлялся. Когда он взял сценарий, его руки заметно дрожали.

— Помещение салуна, — начал он. — Камера выхватывает лица двух негодяев у бара. Входит Рэнк Мак-Грю. Подходит к стойке. Смотрит по сторонам.

Рэнк оттолкнул руку гримера и медленно повернулся к режиссеру лицом.

— Смотрит по сторонам? Ты что, думаешь, у меня голова на шарнирах?

Тут он выхватил сценарий у режиссера из рук.

— Вот что я скажу тебе, Сай, — заявил он. — Когда ковбой заходит в бар, он идет в дальний угол. Заказывает выпивку. Смотрит на рюмку. Потом прямо перед собой. Он не глазеет по сторонам.

С этими словами Рэнк, белый под гримом, повернулся к зеркалу. Его губы дрожали. Огромные голубые глаза затуманились, подобно глазам лидера-второкурсника из какого-нибудь колледжа, у которого только что помяли мегафон.

Сай Блэттсбург снова закрыл глаза. Ему слишком хорошо были знакомы выражение этого лица и тон голоса. Они не обещали ничего хорошего ни для кадра, ни для всего съемочного дня.

— Хорошо, Рэнк, — мягко сказал он. — Мы сделаем по-твоему. Как тебе хочется. — Сай облизнулся. — Давайте начинать?

— Одну минутку, — сказал Рэнк, наполовину прикрыв глаза, что, как выяснилось, было особенной личной привычкой. — Минуточку. Мой желудок меня убьет. Эти сцены... — Он говорил, массируя живот. — ...эти несчастные эмоциональные сцены...

Он показал на большую закрытую коробку рядом с ним. На ней изящным почерком была выведена надпись «Рэнк Мак-Грю». Под именем были нарисованы две звезды. Реквизитор открыл ее и начал рыться в ее содержимом. Тут были пузырьки с лекарствами, таблетки, ингаляторы и большая куча открыток с автографами. На них Рэнк крутил шестизарядный револьвер. Реквизитор извлек пузырек с пилюлями и поставил на гримировальный столик. Рэнк отвинтил крышку, достал две пилюли и проглотил их. Потом с минуту сидел неподвижно. Пример все это время терпеливо ждал. Рэнк открыл глаза и кивнул, и гример продолжил ритуал. Пятьдесят с лишним человек начали тихо готовить помещение. Оператор проверил угол камеры, кивнул механику, и все в ожидании повернулись к Саю..

Тот проверил угол камеры и крикнул:

— Вторая бригада свободна! Рэнк остается здесь.

Дублер Рэнка покинул свое место у вращающихся дверей, и Сай обратился к Рэнку.

— Все готово, Рэнк, малыш, — неуверенно сказал он. — Мы снимем тебя, как ты хочешь.

Рэнк Мак-Грю медленно встал и стоял, глядя в зеркало. Гример делал последние прикосновения пуховкой. Костюмер оправил его кожаный жилет. Рэнк, все еще глядя на себя, взбил волосы, щелкнул пальцами и ткнул пальцем в плечо. Костюмер увеличил подбивку на дюйм. Снова Рэнк посмотрел в зеркало и снова щелкнул пальцами.

— Кобура, — сжато напомнил он.

Примчался реквизитор и начал укреплять кобуру.

Рэнк проверил ее, опустив руку и посмотрев на нее.

— Опусть еще на дюйм, — приказал он.

Реквизитор немедленно подчинился, отпуская пояс на одно деление, в то время как Рэнк снова смотрел на себя в зеркале, крутил головой, чтобы осмотреть себя под разными ракурсами. Он отошел от зеркала, потом приблизился к нему, держа руки разведенными так, как любой владелец быстрого пистолета от начала времен.

Можно мимоходом отметить, что в истории был такой момент, когда действительно существовали мастера пострелять. Это было пестрое скопище жестких усов, с помощью лошади и ружья пробивавших себе дорогу через тогдашний Новый Запад. После них оста-

лась уйма легенд и ловких проделок. Смелые и рискованные, они были жестокими и неотесанными бандитами с лужеными глотками, в равной степени ловкие и верные там, где дело касалось стрельбы. Это всего лишь логическая гипотеза, но если бы на том свете ковбой смотрели телевизор, и эти избранные увидели, как небрежно ворошат их имена и подвиги, да еще каждую неделю их заново убивают разъезжающие на «ягуарах» львы Голливуда, ничего не смыслящие в оружии и лошадях, то они наверняка перевернулись бы в своих гробах или, хлеще того, восстали бы из них.

Сказанное, разумеется, не относилось к Рэнку Мак-Грю. Он самодовольно направился к двери, только раз или два потеряв равновесие, поскольку его ботинки сбились влево, почти как девятилетний ребенок, надевший материнские туфли на шпильках.

Мак-Грю дошел до хлопающих дверей, опустил раздутые плечи, щелкнул пальцами и произнес: «Револьвер». Несомненно, это был последний пункт его подготовки, и происходил он всегда в одно и то же время. Бутафор бросил Рэнку заранее приготовленный потертый револьвер, тот ловко поймал его, повертел на указательном пальце правой руки и перебросил его в левую с той же ловкостью. Затем он перебросил его через плечо и подставил правую руку сзади, чтобы поймать его. Потрепанный шестизарядник не был знаком с этим планом. Он легко перелетел через Рэнка, через оператора, через стойку и разбил зеркало бара на миллион кусочков.

Сай Блэттсбург плотно закрыл глаза и вытер пот с лица. С большим трудом он произнес низким беспечным голосом:

— Готовьте зал. Мы подождем, когда вставят новое зеркало.

Он извлек пятидолларовую бумажку и вручил оператору.

Теперь его убыток составлял 435 долларов за трехгодичный период съемок сериала с Рэнком в главной роли. За сто восемнадцать отснятых фильмов это был сорок четвертый раз, когда Рэнк разбивал зеркало в баре.

Двадцать минут спустя все было готово, и в баре снова висело зеркало. Блэттсбург стоял возле камеры.

— Хорошо, — сказал он. — Приготовиться. Съемка!

Камера тихо заработала. Послышалось ржанье лошади, и в бар вошел Рэнк Мак-Грю с обычной напудренной элегантностью, неопределенно ухмыляясь.

У стойки стояли два «плохих парня» и со страхом наблюдали, как он приближается. Подойдя к стойке, он хлопнул по ней ладонью.

— Виски, — сказал он, причем его голос звучал на октаву ниже Джонни Вайсмюллера*. И, если походка была походкой ребенка на шпильках, то его приказной тон принадлежал зеленому юнцу в самой середине ломки голоса.

---

* Наиболее известный исполнитель роли Тарзана.

Бармен извлек с полки бутылку и пустил ее по стойке. Рэнк бес-
печно вытянул руку и слегка удивился, когда бутылка устремилась
мимо него и разбилась о стену, где стойка кончалась.

Сай Блэттсбург вдавил оба больших пальца себе в глаза и раска-
чивался с минуты.

— Стоп, — наконец сказал он.

Съемочная группа выражала удивление.

Рэнк всегда упускал хотя бы одну бутылку, но обычно это случа-
лось в конце дня, когда он устал.

В его ухмылке появилось раздражение, когда он погрозил паль-
цем бармену.

— Ладно, парень, — в его голосе была угроза, — еще один такой
гэг, и ты будешь потрошить цыплят на рынке!

Он повернулся к режиссеру.

— Он наклеил туда английскую этикетку, Сай! — Он специально
крутнул бутылку.

Бармен уставился на «плохих ребят».

— Английская этикетка? — удивленно спросил он, — Этому пар-
ню нужна перчатка для кетча.

Великолепно себя контролируя, Блэттсбург сказал:

— Хорошо. Давайте попробуем еще раз. По местам, пожалуйста.

— Кадр семьдесят три, дубль второй, — сказал кто-то.

Снова бармен толкнул бутылку. На этот раз она медленно про-
ехала по стойке и замерла на расстоянии руки.

Губы Рэнка скривились в одной из самых лучших его усмешек.
Он дотянулся до бутылки, взял ее, отбил горло о стойку и жадно
припал к острым краям. Бросил бутылку через плечо, исследовал
языком один зуб и довольно-таки медленно достал изо рта бутафор-
ское стекло. Бросив его бармену, он снова ухмыльнулся.

Опершись о стойку, он играл плечами и осматривал «плохих ре-
бят». Заодно он сверился со своим отражением в зеркале и сдвинул
шляпу на дюйм вправо.

— Парни, вы, наверное, уже знаете, что я — шериф, — заявил он
голосом Бута Хилла.

Оба «злодея» были потрясены.

— Мы слышали об этом, — вступил в разговор один из них, боясь
посмотреть в глаза шерифа Мак-Грю.

— Мы слышали об этом, — повторил другой.

Рэнк, приподняв бровь, смотрел то на одного, то на другого.

— И сдается мне, вам известно, что я узнал, будто Джесси
Джеймс будет здесь, чтобы бросить мне вызов.

Первый ковбой кивнул, и его голос дрогнул.

— Я тоже знаю это, — испуганно сказал он.

— И я, — добавил его компаньон.

Рэнк помолчал с минуту, то усмехаясь, то глядя серьезно.

— Зато я знаю еще кое-что. Например, что вы знаете Джесси Джеймса, а я собираюсь дождаться его здесь.

Оба «головореза» обменялись испуганными взглядами, а то, как они косились в сторону двери, выдавало в них третьеразрядных бойцов.

Рэнк снова презрительно улыбнулся.

— Представляю, как обманул вас, — торжественно сказал он. — Джесси уже здесь, не так ли?

— Шериф... — умолял хозяин. — Шериф Мак-Грю... пожалуйста, без убийств в моем заведении!

Рэнк поднял руку, чтобы все замолчали.

— Я не буду его убивать, — мягко сказал он. — Я собираюсь его слегка покалечить. Просто смою с него румянец.

Первый «плохой парень» сглотнул слюну.

— Джесси Джеймсу это не понравится, — с дрожью проговорил он.

На улице раздался стук копыт, скрип седла, и кто-то поднялся по ступенькам.

Вращающиеся двери раскрылись и пропустили Джеймса — воплощение Зла. Черные усы, черные брюки и рубашка, черные перчатки и черный шарф, а на голове — черная шляпа.

Его ухмылка походила на ухмылку Рэнка, но ей не хватало апломба, присущего шерифу.

Он с кошачьей грацией прошел по салуну, держа опущенные руки чуть в стороне от тела.

— Ты шериф Мак-Грю, не так ли? — сказал он, широко расставив ноги, продолжая держать руки разведенными.

Рэнк усмехнулся, хихикнул, хрюкнул и наконец, тяжело вздохнув, сказал:

— Да.

— Шериф, ты сделал свой последний вдох. — С этими словами Джесси начал доставать револьвер. Фальшивая пуля исторгла фальшивую кровь из его руки, за которую он схватился, а его револьвер отлетел в сторону. Бутафор выпустил дым из патронника пистолета с холостым патроном.

Сай Блэттсбург одобрительно кивнул. Два ковбоя у стойки отреагировали с неподдельным ужасом. Массовка, сидящая за столами, вскочила на ноги и попыталась к стене.

Рэнк Мак-Грю в это время с усилием вытаскивал револьвер из кобуры. Наконец тот появился на свет божий, выскользнул из его руки, пролетел у Рэнка над плечом, над оператором, над стойкой, а потом разбил зеркало на миллион кусочков. Сай Блэттсбург выглядел так, словно ему только что сообщили, будто он обручился с ящерицей. Он раскрыв рот и испустил звериный рык, звук сродни рыданию-протесту.

Когда он взял себя в руки, он четко произнес: «Стоп!»

Потом он повернулся к оператору и хихикнул, а затем сел и завыл.

И так продолжалось весь день. Они снимали, как Рэнк боролся с Джесси, пока тот не откинулся назад, двинув при этом шерифу по губе. Дублер занял место Рэнка, чтобы получить удар и приземлиться на переворачивающийся стол. Было что-то исключительное в том, как Рэнк швырнул Джесси через стойку, тот разбил полку, полную бутылок, потом должен был влезть на стойку и с нее прыгнуть на приближающегося Рэнка. Дублер снова вовремя принял удар на себя, чтобы ощутить тяжесть летящего на него Джеймса.

Ближе к вечеру Рэнк начал выдавать признаки усталости от четырехчасового боя. Сквозь пудру на лице проступил пот, а у его дублера была порвана рубашка, подбит левый глаз и вывернуты суставы трех пальцев.

Рэнк похлопал его по плечу, когда он проходил мимо.

— Неплохо смотришься, — бодро сказал он, словно Бенгал Лансер обратился к убитому барабанщику.

— Да, сэр, мистер Мак-Грю, — сказал дублер разбитыми губами.

Сай Блэттсбург сверил часы и вышел на середину комнаты.

— О'кей, ребята, — сказал он. — Сцена убийства. Рэнк стоит у стойки, Джесси лежит вон там. Рэнк думает, что он без сознания. Джесси поднимает с пола револьвер и стреляет тому в спину.

Актер, игравший Джесси, был озадачен.

— В спину? — переспросил он.

— Ну да, — подтвердил Сай.

— Я не хочу спорить с тобой, Сай, — сказал актер, — но Джесси Джеймс так не делал. Везде, где я читал о нем, говорится, что он сражался честно. Почему я не могу окликнуть его?

Верхняя губа Рэнка презрительно скривилась.

— Оно еще думает, — сказал он с уничтожающим сарказмом. — Оно еще думает: «Окликнуть его». Предупредить самый быстрый пистолет Запада об опасности!

Рэнк шагнул к актеру и начал тыкать его пальцем в грудь.

— Ты воюешь с Рэнком Мак-Грю, — прорычал он. — А когда против тебя Рэнк Мак-Грю, приходится вести нечистую игру или умереть. А теперь займемся съемкой, и кончай спорить!

Актер посмотрел на Сая, и тот приложил палец к губам.

Когда актер проходил мимо него, Сай сказал:

— Джесси так не поступил бы, но Рэнк смог бы. — Последнее он говорил шепотом.

И снова статисты сели за столы. Джеймс улегся на помеченном мелом месте, а Рэнк встал у стойки спиной к противнику. Реквизитор поставил перед ним бутылку, и Рэнк понюхал ее содержимое. Его верхняя губа скривилась.

— Я же говорил тебе — имбирного пива! — завопил он. — А это проклятая кока-кола.

Реквизитор с беспокойством смотрел на режиссера.

— Но она похожа на виски, мистер Мак-Грю, и...

Вопль Рэнка прервал его.

— Сай! Либо ты расстреляешь этого придурка, либо поставишь его на место. Одно из двух!

Сай вышел вперед. Он мягко сказал реквизитору:

— Мистер Мак-Грю предпочитает имбирное пиво.

Тот испустил глубокий вздох.

— Слушаю, сэр, мистер Мак-Грю.

Джесси Джеймс, лежа на полу, прошептал режиссеру:

— Мне плевать, что он говорит. Джеймс никому не стрелял в спину.

Сай заскрежетал зубами.

— Да, но это может сделать Рэнк. Он кого угодно пристрелит. Поэтому сделай одолжение, сыграй это так, как просит Рэнк, иначе нам не закончить этот чертов фильм.

— Хорошо. Вы — босс, но я прямо вижу, как Джеймс переворачивается в гробу. Я не имею в виду — один раз. Я говорю о четырехстах оборотах в минуту.

Блэттсбург кивнул и пожал плечами.

— Ладно, ребята, — крикнул он. — Давайте доделаем это. Кадр девяносто три, дубль первый.

Камера загудела, и Блэттсбург крикнул:

— Снимаем!

Рэнк дотянулся до бутылки, отбил горлышко, подержал ее и глянул в зеркало. Он видел отражения статистов, оператора, режиссера и, естественно, свое собственное. Он приложил разбитое горлышко ко рту и сделал большой глоток. Его глаза вылезли из орбит. Он задохся, судорожно глотнул воздух и схватился за горло.

— Ты, ублюдок! Это же виски! Настоящий виски!

Он снова взглянул в зеркало. Теперь он вздохнул не от того, что льющаяся в него жидкость обожгла ему горло. В зеркале отражался он сам. Он и два незнакомца. Два грязного вида ковбоя, стоящие за его спиной.

Одна из здешних девиц сидела с посетителями за столом, но это была не та длинноногая блондинка, которую он видел там раньше. Это была жирная, унылая, неряшливая красотка, которой не стукнуло еще и пятидесяти пяти.

Рэнк открывал и закрывал глаза, начал говорить что-то бармену, когда до него дошло, что и этот джентльмен изменился. Он больше не был жирным, лысым и рыхлым мужчиной. Это был худой парень с куриной грудью, низенький, с волосами на прямой пробор. Он вопросительно посмотрел на Рэнка.

Тот, спотыкаясь, пятился от стойки, глядя вверх. В импровизированном салуне не было настоящего потолка, были просто поперечные балки, на которых сидели осветители. Теперь балок не было, а был плоский старый потолок.

Шериф пятился до самых дверей. Он вышел на воздух и пошел по улице, где навстречу ему, задыхаясь, бежал старик. Рэнк никогда раньше его не видел.

— Шериф, — прохрипел седой восьмидесятилетний старец. — Джесси ищет тебя! Он уже близко!

— Идиот! — завизжал в ответ Рэнк. — Он уже искал меня в семьдесят третьем кадре! Черт возьми, мой агент это узнает. Директор студии еще пожалеет об этом!

Рэнк ударил себя в грудь.

— Только попробуйте заставить меня повторить съемки. Парень, послушай, что я хочу сказать!

Он ткнул старика в грудь, и тут у него перехватило дыхание еще до того, как он открыл рот. К нему иноходью приближалась лошадь. На ней сидел высокий худой мужчина в черном костюме, широкополая шляпа затеняла его ястребиное лицо.

Любой грамотный школьник с Запада в ту же минуту умер бы от сердечной недостаточности, поскольку это был Джесси Джеймс. Не актер, а настоящий Джесси Джеймс.

Лошадь остановилась в пяти футах от того места, где стоял Рэнк, всадник спешился, посмотрел в оба конца улицы и тогда медленно приблизился к шерифу.

Тот к этому времени понял, что сидит на ступеньках, не способный двигаться.

Высокий смуглый ковбой встал над ним и пристально посмотрел на него.

— Меня зовут Джесси Джеймс, — сказал он низким голосом. — Я говорю — настоящий Джеймс, а не та свиная туша, которая меня изображает.

Тишина, за исключением звука капель пота, стекающих по носу и подбородку Рэнка и падающих в пыль. Наконец он поднял голову, его глаза были пусты.

— Хватит, а? — спросил он. — Может, остановимся? — В его голосе слышались слезы. — Пожалуйста, кто-нибудь, прекратите это!

Но ничего не произошло. Призрак под черной шляпой не исчезал. Пример не подошел к нему вытереть пот с лица. Дублеры, готовые оградить его от малейшей неприятности, куда-то делись. Шериф Мак-Грю был совсем один.

— Я ишу в городе шерифа, — сказал Джесси. — Приятель по имени Мак-Грю. Рэнк Мак-Грю.

Рэнк очень медленно надвинул шляпу на лицо и левой рукой показал в нижний конец улицы.

— Там, — заявил он.

— Так это не ты, а? — спросил Джесси.

Рэнк покачал головой и продолжал показывать вниз по улице, но Джесси вдруг ударил его по руке и, схватив за грудки, рывком поста-

вил на ноги. Держа его одной рукой, он ткнул в блестящий значок, украшавший костюм Рэнка, и обвиняюще посмотрел в бледное, потное лицо коротышки.

Рэнк сглотнул слюну и, дико озираясь, начал снимать значок.

— Где тот парень, который одолжил мне его? — слабо спросил он.

Джесси остановил его и притянул поближе.

— Думаю, нам лучше поговорить с тобой, шериф. Не знаю, долго ли, но мы поговорим.

Он медленно отпустил Рэнка и продолжал смотреть на него.

— Говорят, ты крутой, — произнес он. — Но выглядишь ты не очень-то круто. Знаешь, на кого ты похож?

— Я плохо себя чувствую, — тоненьким голоском ответил Рэнк.

Джесси кивнул.

— Ты похож на слюнтю.

Он подождал и отступил назад.

— Ты не оскорблен? — спросил он.

Шериф Мак-Грю ответил ему слабой улыбкой типа «когда мне позволят совершить самоубийство?».

Джесси пожал плечами.

— Пошли, — сказал он. — Сначала выпьем, а потом поговорим.

Последовала многозначительная пауза.

— А потом раскроем карты.

Он подталкивал Рэнка на ступеньках и на крыльце. Очутившись внутри салуна, он направил его к стойке.

— Два виски, — сказал Джесси. — И оставь бутылки.

Хозяин пустил первую бутылку, и Джесси ударил по ней рукой, как Рой Мак-Миллан. Вторую бутылку Рэнк остановил с большим трудом обеими руками. Он по привычке хотел отбить горлышко о стойку. Пять раз он ударил бутылкой, но без видимых результатов. Она была сделана из более твердого материала, чем тот, к которому Рэнк привык. На шестой раз, однако, ему удалось разбить ее, а на седьмой он взбесился от того, что в его руках остались лишь пробка и осколок стекла. Остальные осколки валялись в луже у его ног.

Рэнк виновато взглянул на Джесси, который смотрел на него, как ученый на жука под микроскопом.

— Слюнтяй, — сказал он с отвращением.

Джеймс приложил бутылку к губам и сделал долгий глоток. Потом он швырнул бутылку через плечо и отыскал в жилете кисет и сигаретную бумагу. Он открыл его и умело высыпал нужное количество табака на бумагу, скрутил ее в аккуратный цилиндр, облизал с одного конца, снова скрутил ее. Потом, поймав тесемку от кисета зубами, он затянул его. Прodelав это, он прилепил сигарету к нижней губе, чиркнул большой деревянной спичкой по ногтю большого пальца и прикурил.

Все то же самое он бросил Рэнку: кисет, бумагу, спичку. Тот

сразу же начал развязывать кисет зубами, веревка застряла между коренными зубами, отчего Рэнк чихнул, и ценою долгих ухищрений ему удалось высыпать на бумагу крошечную горку табака. Потом он скрутил ее, спрессовал, примял, лизнул и сунул сигарету в рот. Тут только до него дошло, что весь табак высыпался с другого конца. Он пристыженно и с большим трудом выдернул веревку из зубов, потом задумался, что ему делать с бумагой, торчащей во рту.

Джесси решил это за него. Он вытащил ее у Рэнка изо рта и выбросил, потом грустно взглянул на него, покачал головой и сказал:

— Ты ничего не можешь делать нормально, Мак-Грю?

Он глубоко и роскошно затянулся, а потом выпустил дым в левый глаз Рэнка. После секундного ожидания реакции, а ее не последовало, если не считать слезинки, скатившейся по щеке Рэнка, он снова покачал головой.

— Ты не оскорблен? — спросил он.

Рэнк улыбнулся ему и откашлялся кусочками махорки.

— Тебя ничем нельзя оскорбить? — спросил Джесси Джеймс. — Ты самый уравновешенный пижон, какого я когда-либо видел.

Он снова выпустил дым.

— Однако у меня больше нет времени для общения. Я полагаю, самое время для встречи умов.

Он сделал один шаг в сторону от стойки, и люди за столиком немедленно ринулись по углам.

«Как в кино», — подумал Рэнк. Потом ему пришло в голову, что этого не могло происходить. В конце концов он проснется. Но пропустить не удалось, и события развивались дальше.

Джесси Джеймс кивнул в сторону посетителей.

— Как ты думаешь, шериф, почему они уносят ноги?

Рэнк слотнул.

— Наверное, бар закрывается. — С этими словами он неловко повернулся.

— Да, пора закрываться!

Он снова слотнул, подмигнул, улыбнулся, а потом какой-то подпрыгивающей походкой устремился к двери.

— Было чертовски приятно встретиться с вами, мистер Джесси... Джеймс.

— Шериф! — сказал Джесси. — Замри!

Эти слова, словно лассо, обвились вокруг ног Рэнка и крепко держали его. Он медленно повернулся к Джесси, тот ногой придвинул к себе стул.

— Ты ведь не собираешься уходить, а, шериф? — спросил он усевшись. — Я говорю, ты ведь не хотел просто выйти на улицу и уйти, не так ли?

Рэнк улыбался ему, как деревенский идиот.

— Нет, — ответил он. — Я просто хотел посмотреть, нет ли дождя.

Он очень артистично повернулся к двери, посмотрел на небо и обратился к ковбою.

— Нет, дождя нет, — уверенно заявил он.

Джесси рассмеялся и отодвинул стул назад.

— А знаешь, что я подумал? Я было подумал, что ты хочешь меня надуть. Как тогда, когда плохой парень целился тебе в спину, а ты прошел через вращающиеся двери в салун и выбил у него ружье одной из створок.

— Это было на открытии сезона в прошлом году, — вставил Рэнк.

— А помнишь банду конокрадов, которая собиралась напасть на тебя? Десять или двенадцать человек?

На Рэнка нахлынули неожиданные воспоминания, и он ответил, улынувшись:

— Их было тринадцать. За этот фильм меня выдвинули на соискание премии «Эмми».

Джесси кивнул и мрачно сказал:

— Тогда ты стрелял с бедра и грохнул на пол люстру. — Он покачал головой. — Была неплохая перестрелка, шериф.

Рэнк затосковал.

— На следующей неделе было еще круче. Помню конокрада по имени Мак-Ности. Я выбил стакан у него из рук, пуля срикошетила и ранила его сообщника, который был на крыльце. В тот день я получил тринадцать тысяч писем.

Джесси снова кивнул.

— Готов поручиться за это. Действительно, так оно и было. Просто нельзя не восхищаться человеком с такими талантами.

Затем он снова засмеялся, хрипло хохотнул, а затем расхохотался в полную силу.

И снова Рэнк улыбнулся в ответ. Жалкой и вымученной улыбкой.

— А дело в том, шериф, — продолжил Джесси Джеймс, — дело в том, что я не думаю, чтобы ты хоть раз в жизни выстрелил из настоящего револьвера. Или ударил кого-нибудь в драке. А может быть, и сам был избит.

Он подался вперед.

— Скажи мне правду, шериф. Ты когда-нибудь ездил верхом?

Рэнк откашлялся.

— По случаю.

— На настоящей лошади?

— Ну, — замаялся Рэнк, почесываясь. — У меня началась аллергия — крапивница.

— Крапивница?

Рэнк с помощью серии экстравагантных жестов изобразил страдания от зуда.

— Чесотка, понимаете? От кошек у меня то же самое.

Джесси выпрямился.

— Так ты не едешь верхом, — сказал он, — не стреляешь и не дерешься. Ты просто разгуливаешь повсюду с важным видом, носишь фальшивый значок и делаешь вид, что убиваешь парней вроде меня.

— О, я бы так не сказал, — произнес Рэнк. — Был эпизод, когда мы отпустили одного парня из банды Джесси. Это был... это был сложный замысел. — Он подошел к Джесси Джеймсу и придвинул свой стул ближе к нему. — Кажется, у него была сестра, которая училась в школе. Она пришла навестить его в тот день, когда его хотели повесить. Она обратилась ко мне, и я проследил, чтобы ему дали условный срок.

Джесси без улыбки смотрел на Рэнка.

— Мне это известно, — ответил он. — Но мне известно и то, как ты поймал его. Прыгнул с восьмисотфутового утеса на спину его коня, когда он расслабился.

Он покачал головой.

— А теперь пошли, шериф. Ты когда-нибудь прыгал с высоты восьмисот футов? На спину лошади?

Рэнк побледнел.

— Я... я боюсь высоты, — пролепетал он.

Джесси кивнул.

— Ну вот. Понимаешь, шериф, мы все собрались и решили — мой брат Фрэнк и я, наш приятель Кидд, парни Далтоны, Сэм Старр. В общем, нас было много, и мы единогласно решили, шериф, что ты не заботился о нашем добром имени. Мы провели наверху маленькие выборы, поэтому я здесь, чтобы удалить блеск с твоих кальсон.

Рэнк уставился на него.

— Как это? — промямлил он.

— Так ты не понял? Мы каждую неделю смотрим, как ты кого-то убиваешь, кого-то ловишь, гоняешься за конокрадами, но всегда выигрываешь. Ты самый удачливый парень, который когда-либо спустился в долину. Поэтому я и мои друзья — ну, словом, мы решили, что самое время, чтобы ты проиграл!

Рэнк с большим трудом сглотнул.

— Неплохая идея. Я должен обсудить это с режиссером.

В его голосе послышалась надежда.

Джесси покачал головой.

— На это нет времени, — твердо сказал он. — На мой взгляд, если ты собираешься проигрывать, то это должно быть прямо сейчас.

Он медленно поднялся и отпихнул стул в сторону.

— Но послушай, шериф, что я хочу сделать. Я собираюсь поступить с тобой намного честнее, чем ты поступал с нами. Ты и я, и никаких, как ты их называешь? Дублеров.

Он показал на улицу.

— Прямо на главной улице, ты и я.

Рэнк слабо ткнул себя в грудь.

— Я? — спросил он.

— Прямо на улице, — продолжал Джесси. — Я пойду по одной стороне улицы, а ты — по другой.

Рэнк несколько потерянно отмахнулся.

— Это уже было в одном фильме. Вы не смотрели «Перестрелку в исправном загоне»?

Джесси Джеймс сплюнул.

— Паршивец, — сказал он, точно судья, выносящий приговор.

— Вам не доводилось его посмотреть? — Рэнк откашлялся и сложил пальцы вместе. — Я всегда считал, что, снимая вестерн...

Джесси поднял его со стула и твердо поставил на ноги.

— Пошли, шериф, — сказал он, подталкивая его к выходу.

Рэнк проковылял через дверь салуна, сопровождаемый Джесси и толпой. Это, должно быть, конец кошмара, думал он. Скоро он проснется в своем «ягуаре». Прямо на том месте, где припарковал его, возле крыльца. Но «ягуара», разумеется, не было.

Джесси толкнул его и указал на один конец улицы.

— Зайди за тот угол, — приказал он, — а я зайду за тот.

Он ткнул большим пальцем под плечом.

— Я дам тебе сделать первое движение. По-моему, честней не бывает, шериф, ведь так?

— О господи, нет, — ответил Рэнк. — Действительно, нет. Вообще ничего.

Тут он озабоченно посмотрел на ручные часы.

— Как насчет завтрашнего дня, в это же время?

На этот раз Джесси толкнул его с большей силой, и Рэнк свалился со своих высоких каблучков, стукнувшись при падении коленками.

— Сегодня! — приказал Джесси. — Прямо сейчас!

Рэнк продолжал сидеть в пыли. Он имел веские причины считать, что больше не встанет, не одолеет без посторонней помощи длинное расстояние до того места, где он в последний раз вдохнет и выдохнет. Но, используя какие-то скрытые ресурсы, он поднялся и удивился, осознав, что идет в конец улицы. В действительности его ноги были словно мешки с цементом, а сердце билось так громко, что он был уверен, что его удары слышал даже Джеймс. И он был абсолютно уверен, что, очутившись за углом, он найдет способ убраться ко всем чертям.

Минуту спустя его планы вылетели в трубу. За углом все было огорожено колючей проволокой. Там было просто некуда идти. Рэнк выглянул из-за угла и увидел, как Джесси приближается к нему. Сейчас он был в нескольких сотнях футов.

— Дублер! — шептал Рэнк. — О, где же ты, дублер?

Потом неожиданно он осознал, что сделал большой шаг из-за угла. По ощущению это было все равно, что встать под холодный душ. Но под воздействием какого-то импульса он пошел навстречу Джесси. Раньше он проделывал это сотни раз, но все было по-другому,

добро каждый раз побеждало, поскольку у зла, с которым он боролся, одна рука была связана. Кроме того, он заметил, что не может идти с важным видом, хотя чванство было одним из отличительных признаков Рэнка Мак-Грю. Ни один другой актер, ни Вайет Ирп, ни Паладин, ни Маршал Диллон*, не умели так вышагивать, как Рэнк Мак-Грю в его высоких ботинках.

Сквозь пыль, пот и слепящее солнце Рэнк мог видеть Джесси, приближающегося к нему. Теперь их, возможно, разделяли двадцать футов.

— Иди вперед! — пригласил Джесси. — Подходи!

Рэнк положительно был подавлен. Его импульс пропал, и он начал давать задний ход.

— Считаю до трех, — сказал Джесси.

— Это смешно, — ответил Рэнк, продолжая пятиться. — Так не делается.

— Один, — язвительно сказал Джесси.

Руки Рэнка вспотели.

— Более чем в ста эпизодах Рэнка не застрелили и даже не ранили, — горестно сказал Рэнк.

— Два... — Голос Джесси напоминал погребальный звон.

— Я даже отказывался от работы в этих сериях, — сказал Рэнк, наткнувшись на черный катафалк, в который была впряжена лошадь. — Я не взялся бы за них, если бы не пришлось платить неустойку.

— Три!

Рэнк быстро глянул через плечо на то, что преградило ему путь. Увидев катафалк, он покрылся испариной.

— Неустойка плюс тот факт, что главный герой был назван моим именем.

— Подойди! — сказал Джесси. — Прямо сейчас!

— Боже мой! — вскрикнул Рэнк Мак-Грю. — Что вы собираетесь сделать с юностью Америки?

Он прикрыл глаза и двумя руками стал искать револьвер в кобуре, серьезно ожидая горячего свистящего удара пули в живот. Он услышал вздох толпы, и, продолжая доставать револьвер, вскинул взгляд на Джесси. Тот целился в него из шестизарядного револьвера.

Джесси покачал головой.

— Так я и думал, — разочарованно сказал он. — Этот парень и помаду достать не может.

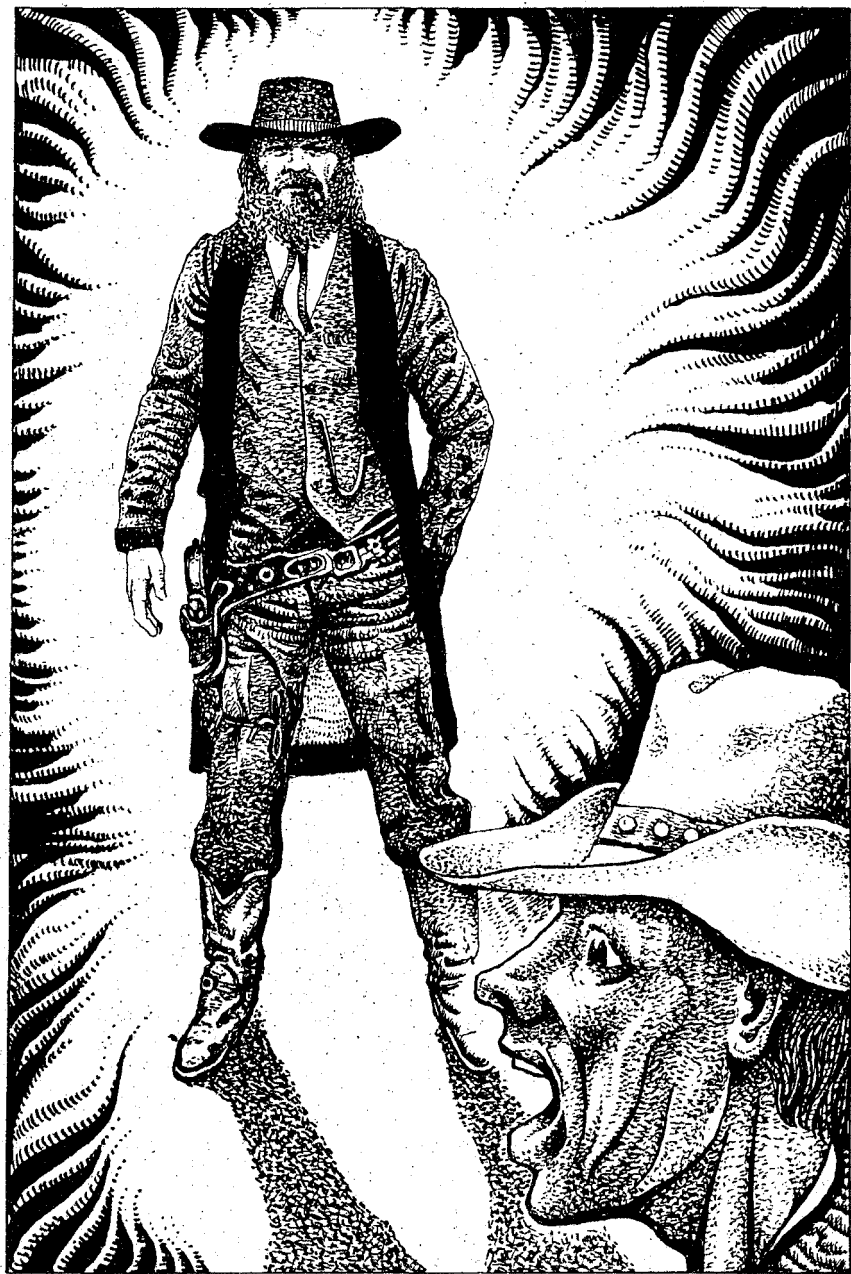
Рэнк плакал.

— Джесси. — Он умоляюще протянул руку, и револьвер болтался у него на пальце. — Джесси, дай мне передышку. Пожалуйста, дай мне передышку, Джесси!

Он опустился на колени, тихо плача.

---

* Герои известных ковбойских телесериалов.

— Джесси... Я слишком молод, чтобы умирать. У меня есть мать, Джесси. У меня есть очаровательная маленькая старая мама, которая находится на моем иждивении.

Он бросил свое оружие в пыль и подтолкнул его к Джесси.

— Вот... возьми. — На рукоятке настоящая жемчужина. Ее прислал клуб его поклонников из Бронкса. — Возьми все, Джесси, возьми все.

Джесси холодно смотрел на него.

— Ты говоришь, что тебя выдвинули на соискание «Эмми»? Парень, выше головы не прыгнешь.

Рэнк почувствовал прилив надежды, поскольку ни одна пуля не попала в его тело.

— Что скажешь, Джесси? — упрашивал он. — Дай мне шанс. Я сделаю все, что ты скажешь. Все на свете. Я серьезно — все. Только скажи, и я сделаю это.

Револьвер в руках Джесси опустился. Он задумчиво посмотрел на Рэнка.

— Все? — переспросил он.

— Только скажи!

Джесси задумался и почесал подбородок.

— Шериф, — тихо произнес он. — Возможно, мы заключим сделку. Он поковырял языком в зубе.

— Я просто не уверен, что это именно то, что нужно, но я обдумую.

Рэнк затаил дыхание.

— Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что не собираешься меня убивать?

Джесси Джеймс покачал головой.

— Нет, но вот что я собираюсь сделать. Я присмотрю за тем, чтобы ты играл намного лучше. — Он показал на небо. — Может быть, мы все там — трупы, но мы все чувствуем.

И он снова достал курительные принадлежности. По дороге с площади он ловко и грациозно скрутил сигарету. Только один раз он остановился и взглянул на Рэнка.

— Я все это обдумую, — сказал он и зажег сигарету. — Я все это обдумую на досуге.

С этими словами он исчез на глазах у Рэнка Мак-Грю.

— Джесси! — крикнул Рэнк. — Джесси...

— Джесси! — крикнул Рэнк, и съемочная группа озадаченно посмотрела на него.

Рэнк стоял у стойки и смотрел на свое отражение в зеркале. Он мог видеть осветителей наверху, а у себя за спиной — Сая Блэттсбурга и оператора.

Сай спешил к нему с тревогой в глазах.

— Ты в порядке, Рэнк?

— Да, — слабо отозвался тот. — Да, я в порядке, но куда вы все уходили?

Он осмотрелся.

Режиссер обменялся взглядами со своей группой. Голос свой он контролировал как никогда.

— Куда мы уходили? Мы были здесь, Рэнк. Мы все время были здесь. Ты уверен, что с тобой все нормально?

Рэнк сглотнул.

— Уверен... уверен, что со мной все прекрасно — просто чудесно.

Он оглядел декорации.

— Ладно, — продолжил Рэнк. — Давайте займемся делом. Кадр 113. Джесси на полу.

Он озадаченно вздохнул. Усилием воли он заставил себя оглянуться в ту сторону, где лежал жалкий эрзац Джесси.

— Ты думаешь, что он без сознания, — подсказал Сай, — и он пытается выстрелить тебе в спину. Ты падаешь на пол, переворачиваешься с револьвером в руке, который ты выхватил из кобуры.

В этот момент кто-то просигналил в его «ягуаре».

— Вас хотят видеть, мистер Мак-Грю, — сказали снаружи. — Этот человек уверяет, что он ваш агент.

Рэнк заволновался:

— Мой агент?

Сай Блэттсбург закрыл глаза и досчитал до пяти.

— Послушай, Рэнк, — с легкой дрожью в голосе сказал он. — Я не знаю, в чем там дело. Поэтому выйди и поговори с агентом. Узнай, что ему нужно, чего хочешь ты, и что мы можем снимать.

Рэнк в трансе вышел из салуна и как вкопанный остановился на верхней ступеньке крыльца. Словно ничего и не было, у крыльца был припаркован красный «ягуар». Бычьи рога на капоте напоминали о реальной жизни идола старых и молодых, но возле автомобиля стоял призрак. Это был настоящий Джесси Джеймс. На нем были бермуды, итальянская шелковая рубашка из ткани, имитирующей газету, и розовато-лиловый берет. Он по-прежнему курил самокрутку, но использовал мундштук. Джесси сделал глубокую затяжку, стряхнул пепел и подмигнул Рэнку, который стоял наполовину оцепенелый от страха, наполовину в подступающей коме.

— Как поживаешь, шериф? — тепло обратился к нему ковбой. — Ты говорил — все. Все, что я скажу. Так вот, из фильма в фильм я буду возле тебя и прослежу, чтобы ты больше не задевал чужих чувств.

Он вытащил изо рта мундштук и задумчиво осмотрел его, затем поднял голову и улыбнулся.

— Ну, а теперь слушай меня внимательно. В этой самой сцене парень, который играет меня, в спину тебе не стреляет. Он потерял много крови и слабее марихуаны. Однако у него хватает сил поднять-

ся и выбросить тебя в окно. После этого он смывается. — Он вставил мундштук обратно. — Врубился, шериф?

Рэнк смотрел на него во все глаза.

— Выбрасывает меня из окна? Рэнка Мак-Грю?

Глаза Джесси сузились в щелочки еще почище, чем смотровая щель танка «Марс III». Его зрачки уподобились боеголовкам атомного оружия.

— Ты меня слышал, шериф, — сказал он. — Вышвыривает тебя в окно и смывается.

Рэнк испустил глубокий вздох, повернулся и вошел в салун.

До Джесси донеслись гул голосов и пронзительный вопль Сая Блэттсбурга. Люди бормотали:

— Он что, не в своем уме? Что делает Джесси Джеймс?

Джесси улыбнулся, вынул сигарету из мундштука и раздавил окурок подошвой мокасин из патентованной кожи.

Внутри раздался другой голос.

— Кадр сто тринадцать, дубль первый.

Послышались звуки борьбы, и Рэнк Мак-Грю вылетел в окно, разбив его на сотни осколков. Джесси подошел к нему и постоял над ним, а потом пошел к «ягуару» и взял с переднего сиденья листки бумаги.

— Я прочитал то, что вы снимаете на следующей неделе, шериф. Ты будешь снимать те кадры, в которых с помощью подставки от лампы выбиваешь револьвер из рук Фрэнка Джеймса с высоты четвертого этажа, находясь на целых полквартала в стороне от него.

Рэнк медленно и болезненно поднялся на ноги.

— Тебе не нравится? — мягко спросил он.

— Отвратительно, — сказал Джесси. — Я думаю, Фрэнк тебя должен у слышать, он поворачивается, стреляет с бедра и выбивает лампу из твоих рук.

Джесси открыл дверцу и жестом приказал ему сесть на переднее сиденье, включил зажигание и дал газу. Машина развернулась, замерла и с ревом устремила в перед.

Голос Джесси слышался сквозь рев двигателя.

— Ну, а через две недели, — сказал он, — я думаю, пора дать отдохнуть Саму Старру. Он хороший парень, ужасно добр к своей матушке. — Последние слова потонули в реве двигателя, и машина исчезла в клубах пыли.

Поскольку ничто в мире не постоянно, кроме смерти и налогов, да и они так или иначе изменяются, мы имеем основания считать, что гордые всадники в ковбойском раю обрели душевное равновесие. Джесси Джеймс справился со своей задачей, а Рэнк Мак-Грю, бывший ранее шарлатаном, стал честным гражданином в полном смысле этого слова, согласно традициям, правде и предшественникам.

НОЧЬ СМирЕНИЯ

Близилося Рождество. В этом не было никакого сомнения. Атмосфера праздника наполнила воздух, как аромат клена — приятный, сладкий и очень стойкий. Для завершения рождественских покупок оставался только один день. Это обстоятельство било по сознанию населения, как прокламация о введении военного положения.

«Еще один день для совершения рождественских покупок!» Этот боевой клич огромной распродажи служил предупреждением, что сегодня, 24 декабря 1961 года от рождества Христова, у них есть лишь несколько часов для того, чтобы открыть кошельки и усталыми пальцами взяться за свои, напоминающие собачьи уши, кредитные карточки.

«Еще один день для совершения рождественских покупок!» Этот лозунг, собранный из блестящих букв, растянулся через весь торговый зал универмага Уимбла. Мистер Уолтер Данди, управляющий несколькими отделов, бросил взгляд на этот лозунг, совершая обход по своему этажу и постоянно внимательно наблюдая за организованной суматохой вокруг себя.

Это был лысеющий маленький человек, склонный к полноте, на вид ему можно было дать чуть больше пятидесяти. Его суждения были так же быстры, как и движения. Он сразу замечал магазинного вора, неплатежеспособного покупателя и чумазого малыша, сломавшего механическую игрушку (кстати сказать, его ненавидели все дети, независимо от возраста), — одним-единственным всеобъемлющим взглядом. Он сразу выявлял плохих продавцов, для этого ему было достаточно услышать первые два предложения, с которыми те обращались к покупателю.

В этот предпраздничный день мистер Данди шел по проходам «Уимбла», чеканя приказы и шелкая пальцами, одним словом, управляя толпой в эти последние моменты святочной суеты. Он одарял бледными улыбками спешащих мамаш и их плачущих малышей и давал краткие и точные указания по всем и любым вопросам относительно того, где хранятся товары, где находится какой отдел; кроме того, ему было известно точное время доставки всех товаров дороже 25 долларов, независимо от того, на какую сумму их стоимость превышала вышеназванную. Проходя мимо отделения дамских сумочек в Отделе Игрушек, он заметил, что место Санта Клауса пустует. Одна из его редких маленьких бровей образовала дугу над голубым глазом, это означало, что его беспокойство возрастает. На стуле висела записка. «Санта Клаус вернется в 6 часов», — прочитал Данди.

Большие часы на западной стене показывали шесть тридцать пять. Санта Клаус опаздывал на тридцать пять минут. Зло, зарождающееся в хорошо округленном чреве мистера Данди, слегка пощипало его печень. Он отрыгнул и почувствовал, как разгорается в нем злость, словно маленькое пламя, раздуваемое мехами. Этот прокля-

тый Санта Клаус позорил магазин. Как там его зовут — Корвин? Этот проклятый Корвин был самым независимым Санта Клаусом, которого они когда-либо нанимали. Только вчера Данди видел, что он прикладывается к фляжке и довольно громко фыркает прямо среди группы девочек из отряда скаутов. Мистер Данди послал ему ледяной взгляд, остановивший пьянку Корвина на середине.

Мистер Данди был знаменит своими ледяными взглядами. Будучи молодым парнем, более тридцати лет назад, он учился в военном училище и стал старшим сержантом на четвертом курсе. Он был единственным из солдат-атеистов, достигшим такого высокого звания, и все это — только благодаря ледяным взглядам, которые он пронес через всю свою профессиональную карьеру. Это компенсировало то, что он был похож на бутылку кока-колы и его рост чуть превышал 160 сантиметров.

Сейчас он был подавлен, поскольку его ярость не находила выхода, поэтому он шарил глазами по магазину, пока не заметил, что мисс Вилси из отдела бижутерии прихорашивается перед зеркалом. Он подкрался к ней, заморозил ее своим взглядом и проговорил:

— Вам больше нечем заняться, мисс Вилси? Готовитесь к конкурсу красоты? Вас ждут покупатели. Извольте заняться ими!

Он достаточно долго ждал, пока краска схлынет с лица девушки, когда та заспешила на свое место за прилавком. Затем он снова посмотрел на стул Санта Клауса, рядом с которым никого не было, и проклял отсутствующего Корвина, опоздавшего уже на тридцать восемь минут.

Генри Корвин сидел в баре, одетый в изъеденный молюю костюм Санта Клауса, в котором утонуло его хрупкое тело. Потерявшие цвет усы свешивались с потёртого банта, как салфетка, закрывающая грудь. Его остроконечная шапочка со снежком на конце свешивалась на глаза. Он взял уже восьмой стакан дешевой хлебной водки, сдул снежок в сторону и мастерски поднес стакан ко рту, выпив одним глотком. Он взглянул на часы над баром и отметил, что обе стрелки соединились. Сказать точно, где они были, он не мог, но чувствовал, что время движется. Слишком быстро.

Неожиданно увидев себя в зеркале, он решил, что недостаточно пьян, поскольку карикатурен. Костюм Санта Клауса, взятый им напрокат, видел если не лучшие дни, то, по крайней мере, вообще очень много дней. Он был сшит из тонкой фланели, латанной и перелатанной. Он полинял и стал болезненно розового цвета, а кайма из белого «меха» напоминала коробочки хлопчатника, пораженные долгоносиком. Шапочка была мала ему на несколько размеров и в действительности являлась переделанной погребальной феской, с которой удалили украшение. Лицо, смотрящее на него, обладало мягкими добрыми глазами и теплой улыбкой, слегка искривленной. Уголки рта поднимались, и хотелось улыбаться в ответ.

Корвина это лицо оставило безразличным. Он едва его замечал. В

данную минуту его больше занимал костюм, украшенный крошечными пятнами краски, пятнами от мороженого недельной давности и абсолютно новыми дырами, размер которых позволял видеть подушки, которые Корвин привязал к своему единственному пиджаку. Он оторвал глаза от отражения и показал на пустой стакан.

Бармен подошел к нему и сказал:

— Ты просил меня сообщить тебе, когда будет полседьмого. Сейчас полседьмого.

Корвин улыбнулся и кивнул.

— Так оно и есть, — согласился он.

Бармен поковырял в зубе.

— Что теперь будет? Ты превратишься в северного оленя?

Корвин снова улыбнулся:

— Если бы это было так. — Он поднял пустой стакан. — Еще один глоток, а?

Бармен налил еще один стакан.

— Это девять выпивок и сэндвич. Четыре доллара восемьдесят центов.

Корвин достал единственный пятидолларовый банкнот и положил на стойку. Он хотел поднести стакан ко рту. Как только он это сделал, он заметил два личика, глядящих на него через замерзшее стекло входной двери. Большие глаза смотрели на него с восхищенным вниманием и с дух захватывающим поклонением — глаза каждого ребенка, который искренне верит, что Северный Полюс существует, что северный олень действительно приземляется на крыши и что чудеса взаправду спускаются по трубам. Даже такие дети с грязной 118-й улицы, где в холодных и неприглядных комнатах ютятся пуэрториканцы, верят во все это, чтобы потом понять, что бедность одинакова и на экзотических островах, и в каньонах, находящихся от них за тысячу километров.

Корвину пришлось тоже смотреть на эти мордашки, и он улыбнулся. Они походили на слегка запачканных херувимов со старой помпатовой рождественской открытки. Они разволновались от того, что человек в красном костюме смотрел на них.

Корвин повернулся к ним спиной и быстро выпил содержимое стакана. Он подождал с минуту и снова посмотрел на дверь. Два носика, прижатых к стеклу, неожиданно исчезли. Но, прежде чем уйти, они помахали Санта Клаусу, а он помахал им в ответ.

Корвин задумчиво посмотрел в пустой стакан.

— Почему, по-твоему, не существует настоящего Санта Клауса? — спросил он частично у стакана, частично у бармена.

Тот устало оторвался от протирания рюмок и спросил:

— Как ты сказал?

— Почему не существует настоящего Санта Клауса для таких детей? — повторил Корвин и головой указал на дверь.

Бармен пожал плечами.

— Какого черта, Корвин, я что, по-твоему, философ? — Он долго смотрел на Генри. — Ты знаешь, в чем твоя проблема? Ты позволил этому одурманивающему красному костюму засесть в твоей голове!

С этими словами он взял пятидолларовую банкноту, покрутил кассовый аппарат и положил сдачу перед Корвином.

Тот посмотрел на монеты и криво улынулся.

— Выпей флип, двойной или обычный.

— Какого черта, Корвин, тут тебе не Монте-Карло. Давай проваливай!

Генри неуверенно поднялся, проверяя тяжелые ноги. Затем с удовольствием отметил, что они слушаются, прошел через бар к выходу и попал в холодный снежный вечер. Он застегнул верхнюю пуговицу своего тонкого фланелевого костюма, еще ниже натянул шапочку. Подставил голову ледяному ветру и начал переходить улицу.

Мимо него с гудением промчался огромный «кадиллак», на нем лежала елка, чьи лапы свисали с машины. Краснолицый злой шофер прокричал ему что-то, когда «кадиллак» мчался мимо. Корвин только улынулся и продолжил свой путь, чувствуя влажные холодные хлопья на разгоряченном лице. Он споткнулся о противоположный тротуар и потянулся к фонарному столбу в нескольких футах от него.

Его руки не поймали ничего, кроме снежинок, и он полетел вперед, приземлившись в сугроб рядом с мусорным баком. С большим трудом ему удалось сесть. И тут он осознал, что перед ним стоят четыре ножки в лохмотьях. Он поднял глаза и увидел двух маленьких тощих пуэрториканцев, смотрящих на него. Их лица были темными на фоне снега.

— Санта Клаус, — затаив дыхание, проговорила маленькая девочка. — Я хочу куклку и игрушечный домик.

Молчавший маленький мальчик толкнул ее локтем.

— И ружье, — торопливо продолжила она, — отряд солдат, форт и еще велосипед.

Корвин взглянул в их лица. Даже их возбуждение, их достоиние — общий для всех детей предрождественский вид, не могли скрыть их худобу так же, как обаяние и доброта не скрывали того, что пальтишки были слишком малы им и сшиты из ткани недостаточно толстой для такой погоды.

Потом Генри Корвин начал плакать. Алкоголь раскрыл все шлюзы, и из него лились не слезы, а разочарование, невзгоды и неудачи двадцати лет; боль ограничений ежегодного Санта Клауса в побитом молбю костюме, раздающего чудеса, которые ему не принадлежали, изображавшего то, что являлось лишь притворством.

Генри Корвин дотянулся до них и прижал их к себе, пряча лицо то в одном, то в другом пальтишке. По его щекам катились слезы, и их невозможно было остановить.

Два маленьких существа смотрели на него. Им казалось неверо-

ятным, что этот бог в красном, владеющий игрушками и удивительными чудесами, может сидеть на обочине и плакать в точности, как они.

— *Porque Santa Claus esta llorando?** — прошептала девочка брату.

Он ответил ей по-английски.

— Я не знаю, почему он плачет. Может быть, мы задели его чувства.

Они смотрели на него, пока его рыдания не утихли и он не отпустил их. С трудом поднявшись на ноги, он пошел прочь от этих существ; этот худой оборванный человек с заплаканным лицом выглядел так, точно верил, что виноват во всем том зле, которое творится вокруг.

Час спустя, когда мистер Данди увидел Корвина, входящего через служебный вход, он испытал то извращенное удовольствие, которое присуще злым людям. Он нашел человека, на котором мог дать выход своей ярости, ярости к этому времени почти затухшей. Он дождался, пока Корвин не приблизился, барабана сложенными вместе за спиной пальцами, и затем очень ловко схватил за руку проходящего мимо Санта Клауса.

— Корвин, — процедил он, — ты опоздал почти на два часа! А теперь иди на место и погляди, сможешь ли ты удержать многих детей от убеждения в том, что только *там нет* Санта Клауса, и только тот, что в нашем магазине, — олух, скачущий по барам! Ты будешь более на месте, если станешь изображать красноногого северного оленя Рудольфа!

Он толкнул Корвина.

— Давай, займись этим, Санта Клаус!

Последние слова прозвучали, как ругательство.

Генри Корвин понуро улыбнулся и отправился к своему стулу. По пути он остановился у электрических поездов и понаблюдал за двумя цветными мальчиками. Те смотрели на поезда, словно это была лекция чудес. Генри подмигнул им, подошел к пульту управления и стал нажимать кнопки.

Три поезда отправились в путь одновременно, скользя по рельсам, пересекая мосты, сквозь туннели, мимо станций. Оттуда выходили маленькие человечки и взмахивали фонариками или бросали мешки с почтой; в общем, делали дюжины удивительных вещей, которые делают игрушечные железнодорожники. Но через несколько мгновений выяснилось, что склад ума у Генри Корвина был явно не технический. Два маленьких мальчика с возрастающим беспокойством переглянулись, когда «Юнион Пэсифик Флайер» и «Сивли Во Сэпплай» устремились по рельсам навстречу друг другу.

---

* Почему Санта Клаус плачет?

Генри Корвин поспешно нажал еще на несколько кнопок, но столкновение было неизбежным. Два поезда столкнулись лоб в лоб. От удара помялись поезда, погнулись рельсы и разлетелись игрушечные человечки.

Вместо того, чтобы оставить все как есть, Корвин нажал еще две кнопки и этим довершил разрушения. Он перевел рельсы, отчего тяжело нагруженный товарный поезд взгромоздился на первые два. Игрушечные поезда взлетели на воздух; мосты рухнули, и, когда шум утих, Корвин увидел двух маленьких мальчиков, во все глаза смотревших на него.

Мальчик постарше посмотрел на своего приятеля, затем опять на Корвина.

— А как у тебя насчет строительных наборов? — спросил он.

Корвин несколько печально покачал головой:

— Почти так же.

Он взъерошил их головы, затем перелез через бархатный канат, натянутый вокруг его стула.

Там скопилось много ожидающих детей и посматривающих на часы мамаш. Они устремились вперед, как только слегка потертый рождественский дед взгромоздился на свой трон. Он сидел там с минуту, закрывая глаза всякий раз, как комната начинала вращаться вокруг него. Рождественские украшения и цветные огни вращались и вращались, точно он кружился на карусели. Он попытался сосредоточиться на лицах детей, проходящих мимо него; попытался улыбнуться и махнул им рукой. Потом снова закрыл глаза и почувствовал, что его тошнит. Когда он открыл глаза, перед ним был смутный образ маленькой горгульи*, которую подталкивала к нему грудастая кривлявая женщина с плечами Тони Галенто.

— Иди к нему, Вилли, — гсворила она хриплым голосом, — заберись к нему на колени. Он тебя не обидит, правда, Санта Клаус? Иди к нему, Вилли, и скажи ему, что ты хочешь.

С этими словами она снова подтолкнула семилетнего ребенка к Санта Клаусу. Корвин приподнялся, неуверенно качнулся и протянул руку.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил Корвин и громко икнул. Он наклонился в сторону, попытался схватиться за ручку своего «трона» и свалился на пол прямо к ногам ребенка. Он сидел там, улыбаясь какой-то жалкой улыбкой, не способный подняться или сделать что-либо еще.

Маленькая горгулья взглянула на Корвина и громким голосом, подобным мамашину, крикнула:

— Эй, мама! Санта Клаус налился!

---

* Горгулья — выступающая водосточная труба в виде фантастической фигуры в готической архитектуре.

Горгульина мамаша немедленно заорала:

— У вас железные нервы! Вам должно быть стыдно!

Корвин сидел там и только кивал.

— Мадам, — сказал он очень тихо, — мне действительно стыдно.

— Пойдем, Вилли, — она схватила мальчика за руку. — Я думаю, это не причинит тебе психической травмы.

Глянув через плечо на Корвина, она прошептала:

— Алкаш!

Люди, слыша ее голос, останавливались и смотрели.

Мистер Данди заторопился по проходу к секции игрушек. Он бросил всеобъемлющий взгляд, сменил обычный голос на елейный, как любой управляющий в дурном расположении духа.

— Что-то случилось, мадам?

— Случилось, — прорычала в ответ женщина. — Ничего особенного, кроме того, что я в последний раз что-то покупаю в этом магазине. Вы нанимаете Санта Клаусов в канавах!

Она показала на Корвина, пытавшегося встать на ноги. Тот сделал неуверенный шаг к бронзовому шесту, одному из четырех, на которых держался бархатный канат.

— Мадам, — очень мягко сказал он, — пожалуйста. Это Рождество.

Лицо женщины перекошилось в свете неоновой надписи, которая гласила: «Мир на Земле всем людям доброй воли!». Она походила на Злую Ведьму с Севера и в то же время на женский вариант Эбинизера Скруджа.

— Не травите душу, — кротко ответила она. — Пойдем, Вилли.

Она натолкнулась на двух покупателей, отпихнула их с дороги и потащила ребенка по проходу.

Данди повернулся и взглянул на Корвина, потом на продавцов и покупателей, столпившихся в отделе.

— Все в порядке! — мрачно сказал он. — По местам! Все по местам!

Он направился к Корвину и остановился у бархатного каната. Его тонкие губы скривились, когда он пальцем поманил к себе Корвина.

— Слушаю, мистер Данди?

— Вот что я хочу тебе сообщить, мистер Рождество-маленькая сучка, — сказал ему Данди. — Поскольку до закрытия — один час тридцать минут, я с большим удовольствием сообщаю, что магазин больше не нуждается в твоих услугах. Иными словами, ты получил то, что заслуживал. А теперь убирайся отсюда!

Он повернулся к матерям и детям, блаженно улыбаясь.

— Ну что, дети, — фонтанировал он, — свободные лилипуты! Подходите все в отдел сладостей. Идите все за карамельками!

Он улыбнулся, подмигнул, благожелательно посмотрел на расстроенных детей и раздраженных матерей, уходящих от понурившегося Санта Клауса.

Корвин смотрел в пол, чувствуя взгляды детей, и, повернувшись, направился в бытовку.

— Один совет, — сказал ему Данди. — Будет лучше, если ты вернешь этот потрепанный красный костюм туда, где ты его взял, прежде чем налечьешь и порвешь его окончательно.

Корвин остановился и посмотрел на искаженное злобой лицо.

— Большое спасибо, мистер Данди, — тихо сказал он. — Что касается моего пьянства, оно непростительно, примите мои искренние извинения. В последнее время я заметил, что у меня мало выбора для выражения эмоций. Я могу либо пить... или же я плачу. А пьянство менее заметно.

Он помедлил и бросил взгляд на пустое место Санта Клауса.

— Но что касается моего неподчинения, — он покачал головой, — я не был груб и с той жирной дамой. Я хотел ей осторожно дать понять, что Рождество — это не беготня по всему магазину и не расталкивание людей, стоящих на пути, кроме того, не стоит кричать «обман!», когда нужно раскрыть кошелек. Я только пытался сказать ей, что Рождество — это нечто совсем другое. Оно богаче и прекрасней, правдивей и... нужно делать поправку на терпение, любовь, милосердие и сострадание.

Он глянул на застывшую маску, которая заменяла лицо управляющему.

— Все это я бы сказал ей, — мягко добавил он, — если бы она дала мне эту возможность.

— Да ты — философ! — холодно ответил мистер Данди. — Что до твоего последнего слова, возможно, ты можешь сказать нам, как мы можем пользоваться твоими святочными стандартами, которые ты столь грациозно и самозабвенно обосновал для нас?

На лице Корвина не было ни тени улыбки. Он покачал головой и пожал узкими плечами.

— Не знаю, как объяснить это, — тихо сказал он. — Я не могу ответить на этот вопрос. Все, что я знаю, это то, что я — побежденный стареющий и бесполезный пережиток иного времени. Что я живу в грязном меблированном доме на улице, полной детей, для которых Рождество — это день, когда не надо идти в школу. И ничего больше. Моя улица, мистер Данди, полна потрепанных людей. Единственное, что попадает на Рождество в их дымоходы — это еще большая бедность.

Он криво улыбнулся и посмотрел на свой мешковатый красный костюм.

— Вот еще одна причина, по которой я пью. Поэтому, проходя мимо многоквартирных домов, я думаю, что они — Северный полюс, а дети — эльфы, а я — настоящий Санта Клаус, несущий мешок удивительных подарков для них всех.

Он показал на линялый ватный «мех» вокруг шеи.

— Я хочу, мистер Данди, — сказал он, отвернувшись. — Я хочу,

чтобы только на одно Рождество... только одно... я мог увидеть их неимущих, оборванных, ни на что не надеющихся и ни о чем не мечтающих... только один раз... мне бы хотелось увидеть, как смирение будет царствовать на Земле.

Кривая усмешка появилась снова, когда он посмотрел на свои костлявые руки, потом на мистера Данди.

— Вот почему я пью, мистер Данди, и вот почему я плачу.

Он испустил глубокий вздох, странная кривая усмешка застыла на его лице. Повернувшись, он проталкивался по проходу мимо перешептывающихся продавщиц и усталых покупателей, смотревших на этот символ Рождества, который был намного более усталым, чем они.

Генри Корвин шел по авеню мимо 104-й улицы. Он чувствовал холодный снег у себя на лице и отрешенно смотрел на праздничные окна магазинов, мимо которых шел. Когда он дошел до угла, то направился к салуну, идя очень медленно, спрятав руки под мышками. Он свернул за угол и пошел по переулку к задней двери бара, и именно тогда до него донесся этот звук.

Это был странный звук. Бубенчики или что-то в этом духе. Но очень странный. Какой-то приглушенный и неясный. Он остановился и посмотрел на небо. Затем улыбнулся самому себе и покачал головой, уверяя себя, что бубенчики, или что там еще, возникли в его собственном сознании, в усталом, одурманенном виски сознании. Но через секунду он снова услышал бубенчики, на этот раз более продолжительно и громче.

Корвин остановился возле грузовой платформы для оптовой продажи мяса. Он снова с интересом посмотрел в небо. Кошка, вдруг выпрыгнувшая из-за бочки и с воем промчавшаяся мимо него по снегу, заставила его вздрогнуть. Она побежала к другой платформе на противоположной стороне, перепрыгнула через мусорный бак и уронила мешок, почему-то лежавший поверх мусора. Потом она исчезла в темноте.

Мешок упал Корвину под ноги, и из него высыпалось несколько мягких консервных банок. Корвин нагнулся, поправил мешок и засунул банки назад. Затем он перекинул мешок через плечо и понес их к платформе. На полпути туда он снова услышал колокольчики. На этот раз четче и намного ближе.

И снова он остановился и широко открытыми глазами посмотрел на небо. К звуку колокольчиков присоединился еще один. Корвин не мог описать его, но мысленно отметил, что он походил на удары маленьких копыт. Он очень медленно уронил мешок с плеч, тот упал еще раз, и его содержимое высыпалось на землю. Корвин посмотрел на него, моргнул, потер глаза и смотрел не отрываясь.

Из мешка выглядывали кабина грузовика и нога, и рука куклы. Было очевидно, что в мешке полным-полно игрушек. Он упал на

колени и стал рыться в мешке, достав по очереди грузовик, куклу, игрушечный домик, коробку с надписью «Электропоезд», и остановился, поняв, что в мешке лежат только игрушки. Он удивленно вскрикнул и торопливо побросал игрушки назад в мешок. Он перебросил его через плечо и медленно побежал к улице, спотыкаясь и останавливаясь, чтобы поднять упавшую игрушку. Он почувствовал, как слова kloкотали в нем и наконец вырвались наружу.

— Эй! — крикнул он, поворачивая на 111-ую улицу. — Эй, люди! Эй, дети — Веселого Рождества!

Миссия на 104-й улице была большим неприглядным и скучным местом, гнетущим глаз и умерщвляющим душу. Ее главная комната представляла собой прямоугольник, почти лишенный мебели. Здесь рядами стояли неудобные скамьи с прямыми спинками, а в дальнем конце стоял орган и было небольшое возвышение. Большие лозунги с поучениями типа «Возлюби ближнего своего», «Вера, Надежда и Любовь», «Что посеешь, то и пожнешь» покрывали стены.

Около двух десятков стариков сидели на скамьях. Скамейки были широко расставлены по залу. Некоторые из присутствующих держали дешевые чашки, наполненные дрянным кофе. Они сжимали их руками и наслаждались теплом, давая пару подниматься к их заросшим щетиной лицам.

Они носили печать старости и бедности, отчаянные одинокие старики, чья жизнь как-то быстро и неприметно превратилась в фальшивые зубы, дрянной кофе и эту неприглядную комнату, где продавали религию и жидкую кашу в обмен на последние остатки достоинства.

Миссию возглавляла сестра Флоренс Хорвей. После двадцати четырех лет она начала сливаться со стенами, скамьями и жалкой атмосферой. Это была высокая угрюмая старая дева, в уголках ее рта пролегли глубокие складки. Она с какой-то отчаянной силой била по клавишам, громко, но плохо играя мрачный рождественский хорал, в котором была если не музыка, то дух.

С улицы ворвался старик и начал шептать что-то старику, сидящему на последней скамье. Через мгновение все присутствующие начали перешептываться и показывать на дверь. Сестра Флоренс заметила волнение и попыталась заглушить его, играя еще громче, но к этому времени все были на ногах, громко разговаривали и жестикулировали. Наконец сестра Флоренс взяла нестройный аккорд, поднялась и посмотрела на стариков.

— В чем дело? — раздраженно спросила она. — Что за шум? Что за суета?

Старик, первым сообщивший новость, снял шапку и нервно мял ее в руке.

— Сестра Флоренс, — робко сказал он, — я ни капли в рот не взял с прошлого четверга, и это — истинная правда! Но я клянусь вам, что

видел это собственными глазами — по улице идет Санта Клаус и раздает всем то, что они желают!

Послышались приглушенные восклицания другого старика. Тусклые и печальные глаза засверкали. Уставшие старые лица оживились, а голоса заполнили комнату.

— Санта Клаус!

— Он идет сюда!

— И он несет нам все, что мы пожелаем!

Дверь, ведущая на улицу, распахнулась, и в миссию вошел Генри Корвин. Его лицо было красным, глаза сияли, а на плече был мешок, в котором виднелись ярко упакованные вещи.

Корвин поставил его на пол, взглянул на стариков, сияя глазами, и сделал типичный для Санта Клауса жест — приложил палец к носу. Потом с улыбкой осмотрел комнату и булькающим от возбуждения голосом сказал:

— Джентльмены, сегодня — канун Рождества, и моя задача — сделать праздник веселым. Что хочется вам?

С этими словами он указал на одного из стариков. Тощий маленький беззубый старичок удивленно показал на себя.

— Мне? — спросил он хрипло и облизал губы. — Я мечтаю о новой трубке.

Старичок затаил дыхание.

Корвин не глядя залез в мешок и извлек округлую пеньковую трубку.

Послышались возгласы удивления, когда старик взял ее дрожащими руками и молча уставился на нее.

Корвин обратился к другому старику.

— Как насчет вас?

Этот старичок несколько раз открывал и закрывал рот, прежде чем смог проговорить дребезжащим голосом.

— Может быть, может быть, шерстяной свитер?

Корвин сделал широкий театральный жест. Он возвестил:

— Шерстяной свитер у вас будет.

Когда его рука уже была в мешке, он поинтересовался:

— Ваш размер?

Старик вскинул тощие руки с голубой сеточкой вен.

— Какая разница?

Из мешка появился свитер с высоким воротом, и старики столпились вокруг Корвина. В их слабых голосах слышалась надежда.

— Может, еще один свитер?

— Как насчет курительного табака?

— Пачка сигарет!

— Новые туфли!

— А можно смокинг?

И каждый раз Корвин находил желаемое, просто засунув руку в

мешок. Он не видел сестру Флоренс, злобно смотревшую на него из толпы. Потом она протолкалась к Корвину.

— А теперь объясните, в чем дело, — язвительно спросила она. — Что за мысль прийти сюда и прервать музыкальную службу в канун Рождества?

Корвин громко засмеялся и захлопал в ладоши.

— Моя дорогая сестра Флоренс, не проси у меня объяснений. Я не могу это объяснить. Я в такой же тьме, как все остальные, но у меня здесь есть сумка Санта Клауса, которая каждому дает то, о чем он мечтает под Рождество. И пока сумка отдает, я достаю из нее подарки!

Его глаза увлажнились, когда он снова полез в мешок.

— Ты хочешь новое платье, сестра Флоренс?

Худая костлявая женщина неодобрительно повернулась на каблуках, но не раньше, чем успела увидеть огромную нарядную коробку, которую Корвин достал из мешка.

И снова раздались возгласы стариков, мягкие, жалобные, настойчивые, и следующие пять минут Корвин только и делал, что доставал вещи из мешка. Это длилось до тех пор, пока комната не стала походить на магазин в день учета.

Корвин не видел, как сестра Флоренс привела полицейского. В дверях она указала на Корвина, и полицейский протолкался к нему. Дойдя до Санта Клауса, он завис над ним, как символ всех законов и порядков мира. Он опустил руку на плечо Корвина.

— Это Корвин, не так ли? — спросил он.

Корвин встал и улыбнулся так широко, что у него заболела челюсть.

— Генри Корвин, сержант, — ответил он и засмеялся от восхищения. — По крайней мере, был Корвином. Возможно, сейчас это Санта Клаус или Рождественский дед — я не знаю.

Полицейский решительно взглянул на него и понюхал воздух.

— Ты пьян, Корвин, не так ли?

Корвин снова засмеялся, и его смех был настолько восхитительно богатым, победным и заразительным, что все старики присоединились к нему.

— Пьян?! — кричал Корвин. — Разумеется, я пьян! Естественно, что я пьян! Я пьян Святочным духом! Я отравлен чудом кануна Рождества! Я опьянел от радости и восхищения! Да, сержант, во имя Господа, я пьян!

Беззубый старик тревожно осмотрелся:

— Так что он пил?

Полицейский поднял руки и в наступившей тишине многозначительно пнул мешок.

— Мы можем быстро уладить все это, Корвин, — сказал он. — Ты просто покажи мне чек на эти вещи.

Улыбка Корвина стала чуть унылой.

— Чек? — спросил он и сглотнул слюну.

— Чек!

Старики улыбались друг другу, кивали и перемигивались, потом с улыбкой надежды повернулись к Санта Клаусу.

Но Корвин не кивнул. Он с трудом сглотнул и покачал головой.

— Чека нет, а? — спросил полицейский.

— Чека нет, — прошептал Корвин.

Полицейский фыркнул и снова пнул мешок.

— Ладно, — сказал он, — соберите все украденные вещи и сложите их в кучу вон там. Я прослежу, чтобы их описали, но после того, как узнаю, где он их взял. — Он обратился к Корвину: — Ладно, Санта, а теперь ты и я совершим маленькое путешествие в полицейский участок.

Он сгреб локоть Корвина и потащил его к выходу.

Корвин бросил через плечо последний взгляд на стариков. Каждый складывал свой подарок в кучу на полу. Они делали это тихо, без жалоб и без признаков разочарования. Словно они уже привыкли к тому, что чудеса были хрупкими и бьющимися. Всю свою жизнь они потратили на иллюзии, а сейчас происходило то же самое.

Сестра Флоренс села за орган и прокричала название следующего хора.

— Раз, два, три, — проскрипела она, затем дала смертельный бой музыке, в то время как старики пели надтреснутыми, печальными тоненькими голосами. То и дело каждый из них бросал тоскливый взгляд на пенковую трубку или вязаный свитер, которые лежали в куче других подарков, недостижимые для них.

В маленькой комнате для задержанных, куда полисмен Флаэрти привел задержанного вместе с мешком, тихо сидел Корвин. Он смотрел в пол. Быстрые шаги снаружи показались ему знакомыми. Он знал того, кому они принадлежали, и, разумеется, в комнату влетел Уолтер Данди.

У него был вид удовлетворенной свирепости. Он проворно потирал руки, как счастливый экзекутор.

— А, — пробормотал он, — вот он.

Он указал на Корвина.

— А вот и мы. — Он жестом обвел комнату и указал на мешок.

— А вот и это! А вы, мистер Корвин, мой тоскливый Санта Клаус, вы скоро отправитесь вверх по реке*.

Он с надеждой в голосе обратился к Флаэрти.

— Как вы думаете, лет десять он получит?

Офицер был угрюм.

— Это выглядит нехорошо, Корвин, — сказал он. — Конечно, они могут убавить срок на несколько месяцев, если ты скажешь, где оставшаяся добыча.

---

* Имеется в виду река Гудзон, в верховьях которой находится тюрьма.

Он глянул на Данди и головой указал на Корвина.

— Он раздавал вещи два с половиной часа. У него, должно быть, целый склад.

Корвин сначала посмотрел на Данди, потом на полицейского, потом — на мешок.

— Я рад, что вы принесли это, — сказал он. — Но здесь есть маленькое различие.

Данди скривил губы.

— Послушай, ты, допотопный Робин Гуд, — оптовая кража товаров на тысячи долларов не «маленькое различие»!

Он подошел к мешку и начал открывать его.

— Хотя я могу сказать, Корвин, что вся эта история для меня — не новость! Я отлично разбираюсь в человеческой натуре.

Он засунул руку в мешок и начал перебирать вещи, которые там находились — пакеты с мусором, жестяные консервные банки, разбитые бутылки и, наконец, черную кошку огромного размера. Она выскочила из сумки и с воем выбежала из комнаты.

— Я чувствовал криминальный блеск в твоих глазах, — продолжал Данди, вытирая томатную пасту с манжета. — С самого первого раза я обратил на тебя внимание! Я профессионально изучаю человеческие пороки. И я уверяю вас...

Вдруг Данди замолчал и глянул на кучу мусора, которую устроил на полу. Совершенно неожиданно он понял, что он ворошил. Он удивленно уставился на мешок. Полицейский Флаэрти делал то же.

Корвин ответил легкой улыбкой. Он показал на мешок.

— Мистер Данди, — мягко сказал он, — вы в некотором роде затронули эту проблему. — Он снова показал на мешок. — Кажется, что он не решил, что вам дать: подарки или мусор.

Лицо Флаэрти побелело, и он, как рыба, открывал и закрывал рот, прежде чем смог произнести хоть слово.

— Ну... ну... — мямлил он, — из него сыпались подарки, когда я его видел. — Он обратился к Данди: — Что бы они ни пожелали, Корвин доставал это, и это не были консервные банки! Это были подарки. Игрушки. Все очень дорогие. Вы тоже можете подтвердить это, Корвин.

Корвин улыбнулся.

— О, я охотно это подтверждаю. Когда я хотел достать какую-нибудь вещь, мешок ее выдавал. — Он задумчиво почесал челюсть. — Мне кажется, что суть нашей проблемы в том, что мы имеем дело с очень необычным мешком.

Данди взмахом руки заставил его замолчать.

— Мой вам совет, Корвин. Соберите весь этот хлам и убирайтесь отсюда.

Корвин пожал плечами, подошел к мешку и начал складывать мусор обратно.

А тем временем Данди взялся за полицейского.

— А вы, Флаэрти, — укоризненно сказал он, — называете себя полицейским! Ну, я полагаю, это ваша прямая обязанность — отличить мешок с мусором и дорогие украденные подарки.

У полицейского отвисла челюсть.

— Вы можете поверить мне, мистер Данди, — жалобно сказал он, — это так, как считает Корвин, мы имеем дело с чем-то... с чем-то сверхъестественным.

Данди покачал головой.

— Вы знаете... вы меня удивляете, мистер Флаэрти. Вы действительно меня удивляете. Иными словами, все, что нам нужно, это попросить Корвина сделать для нас маленький фокус-покус. Сказано — сделано! — Он посмотрел на потолок. — Ну, давай, Корвин. Я хочу бутылку бренди из сбора 1903 года.

Он с отвращением вскинул руки и закрыл глаза.

Корвин был на полпути к двери. Он помедлил, задумчиво улыбнулся, затем кивнул.

— 1903 года. Хорошее вино. — Он полез в мешок и поставил на скамью подарочную упаковку. Затем перекинул мешок через плечо и вышел из комнаты.

Данди открыл глаза, достал сигарету, показал ей на Флаэрти.

— Ну, а что до вас, сержант Флаэрти...

Он резко замолчал, заметив ярко упакованную бутылку.

Полицейский подошел к ней и дрожащими руками достал большую бутылку. С нее свешивалась подарочная открытка. Его голос дрожал, когда он прочел надпись на ней: «Веселого Рождества, мистер Данди!»

Пробка неожиданно и необъяснимо выскочила из бутылки, и полицейский сел на скамью, так как ноги его больше не слушались.

Данди, разинув рот, смотрел на бутылку.

Наконец полицейский взял ее, вытер горлышко и протянул ему со словами:

— После вас, мистер Данди.

Данди сделал пару неуверенных шагов к Флаэрти. Он принял бутылку и поднес ее ко рту, потом протянул полицейскому. Двое мужчин сидели бок о бок, по очереди прикладываясь к бутылке, отдавая должное необычному подарку, который оба считали плодом своего воображения так же, как и неожиданное тепло, проникающее в их желудки. Но сидеть они сидели. И пили, это уж точно. И правдоподобная жидкость из воображаемой бутылки была самым вкусным бренди, которое они когда-либо пили.

Легкие снежинки мягко опускались в свете фонаря на углу улицы, где сидел Корвин, держа мешок между ногами. Люди приходили и уходили. Но приходили они с пустыми руками, а уходили с любыми

небольшими вещами, о которых просили. Старик нес смокинг. Иммигрантка, закутанная в шаль, с печальным лицом, с любовью смотрела на ботинки, украшенные мехом, которые она сжимала в руках, уходя прочь. Два маленьких пуэрториканца нагрузили свои подарки в новенькую тележку и, лопоча, как бельчата, бежали через сугробы. Глаза их сияли.

Безработный с воспаленными веками счастливо вцепился в переносной телевизор. А люди все приходили и уходили — маленькая негритянка, едва умеющая ходить; восьмидесятилетний старик, когда-то первый парень со шхуны, которая уже двадцать лет не выходила в море; слепой церковный певчий, который невидящими глазами смотрел в снежную ночь, тихо плача, когда его два соседа несли к нему в квартиру новый орган.

Голос Корвина перекрывал шум машин, а его руки так и летали в мешок и обратно.

— Счастливого Рождества... Счастливого Рождества... Счастливого Рождества... Вот свитер для вас. Что тебе нужно, милая, — игрушку? Вот, держи. Электрический поезд? У меня их полным-полно. Смокинг? Сколько угодно. Чего тебе хочется, дорогая? Куколку? А какие волосы тебе нравятся больше всего? Тебе блондинку, брюнетку, шатенку или с волосами, как твои?

И снова появлялись подарки, и Генри Корвин чувствовал радость и удовлетворение, ранее ему незнакомое. Колокола на далекой колокольне пробили двенадцать, когда Генри Корвин понял, что большинство людей исчезло, и у его ног безвольно лежал пустой мешок.

Беззубый старичок, надевший смокинг поверх своего драного пальто, глянул туда, откуда шел звук.

— Это Рождество, Генри, — мягко сказал он. — Мир на Земле всем людям доброй воли.

Маленький пуэрториканец выстраивал солдатиков на тротуаре прямо на снегу, он улыбнулся Санта Клаусу, сидящему на тротуаре.

— Благослови их, Господь, — прошептал он, — каждого.

Корвин улыбнулся и почувствовал влагу на щеках, которая не была снегом. Он с улыбкой коснулся мешка.

— Всем веселого Рождества.

Он поднялся и посмотрел на старика около себя. Потом поправил фальшивую бороду и пошел по улице.

Старик тронул его за руку.

— Эй, Санта! А для *тебя* ничего нет к этому Рождеству?

— Для меня? — тихо сказал Корвин. — О, да у меня в жизни не было такого хорошего Рождества.

— Но ведь ты ничего не получил? — настаивал старик. Он показал пустой мешок. — Совсем ничего не осталось?

Корвин потрогал фальшивые усы.

— Ты что-нибудь можешь придумать? Я не знаю, чего мне хочется.

Он глянул на пустой мешок.

— Думаю, что одного мне хотелось всегда. Стать величайшим дарителем всех времен. В какой-то мере я достиг этого сегодня.

Он медленно шел по заснеженному тротуару.

— Хотя, если бы у меня была возможность выбора... любая возможность, — он помедлил и оглянулся на старика, — я бы тогда загадал вот что: я хочу, чтобы так было каждый год.

Он подмигнул и улыбнулся.

— Ну, это был бы настоящий подарок, не так ли?

Старик улыбнулся в ответ.

— Господь благословит вас, — проговорил Корвин, — и веселого Рождества!

— И тебе, Генри, и тебе, — отозвался старик.

Генри Корвин медленно шел по улице, чувствуя неожиданную пустоту, — мрак, словно он прошел землю света только для того, чтобы попасть в темницу. Он не ведал, почему остановился, но затем понял, что стоит у входа в аллею. Он глянул туда и, затаив дыхание, смотрел не отрываясь.

Его сознание, логика, понимание возможного и невозможного в один короткий миг сказали ему, что это лишь видение, вдобавок к ночи иллюзий. Но это было.

Далеко в конце аллеи стояла упряжка, в которую были запряжены восемь маленьких оленят. И еще более удивительно, рядом стоял и курил трубку маленький эльф.

Корвин вдавил большие пальцы в глаза и сильно потер их, но когда он посмотрел снова, ничего не изменилось.

— Мы уже давно ждем, Санта Клаус, — сказал эльф и выпустил дым.

Корвин покачал головой. Ему хотелось лечь в снег и заснуть. Все это казалось выдумкой, в этом не было никакого сомнения. Он глупо улыбнулся и, хихикнув, указал на трубку.

— Из-за этого вы не растете.

Затем он снова хихикнул и решил, что ложиться спать нет смысла, поскольку было очевидно, что он именно это и делал — спал.

В голосе маленького эльфа слышалось легкое нетерпение.

— Ты слышал меня? Я сказал, что мы долго ждали, Санта Клаус.

Корвин переварил это, медленно поднял правую руку и показал на себя.

Эльф кивнул.

— Впереди у нас — год тяжелой работы, мы будем готовиться к следующему Рождеству, поэтому помни!

Генри Корвин медленно вошел в аллею и, как во сне, сел в маленькие сани.

Патрульный Патрик Дж. Флаэрти и Уолтер Данди рука об руку спустились по ступеням полицейского участка, не чувствуя огорчения. Они остановились у первой ступеньки.

— Вы домой, сержант Флаэрти? — спросил Данди.

Флаэрти улыбнулся ему в ответ, глядя тусклыми глазами.

— Иду домой, мистер Данди. А вы?

— Иду домой, сержант Флаэрти. Это самое лучшее Рождество в моей жизни.

Послышался какой-то звук, и оба они посмотрели в ночное небо. Данди вздрогнул.

— Фла... Фла... Флаэрти? Я могу поклясться, что... — Он посмотрел на полицейского, который моргал и тер глаза.

— Вы это видели?

Патрик кивнул.

— Думаю, да.

— Что именно вы видели?

— Мистер Данди, я думаю, мне не стоит вам этого говорить. Вы подадите на меня рапорт за то, что я пью на посту.

— Валяйте, — настаивал Данди. — Так что вы видели?

— Мистер Данди... это был Корвин! Такой же, как всегда... в санях с оленями... он сидел рядом с эльфом и ехал прямо на небо!

Он закрыл глаза и испустил глубокий вздох.

— Я говорил о его размерах, не так ли, мистер Данди?

Данди кивнул.

— Да, о размерах.

Его голос казался тонким и напряженным. Он повернулся к долговязому копу*.

— Послушайте, что я вам скажу. Вам лучше идти ко мне домой. Мы сварим себе кофе, и мы нальем туда виски, и мы будем...

Его голос дрогнул, когда он уставился на снежное небо, и когда он оглянулся на Флаэрти, на его лице была какая-то ослепительная улыбка.

— И мы возблагодарим Господа за чудеса, сержант Флаэрти. Вот что мы сделаем. Мы возблагодарим Господа за чудеса.

Рука об руку двое мужчин шли в ночи, и, перекрывая затихающий звук маленьких колокольчиков, раздался глубокий перезвон церковных колоколов. В этот момент они вступили в следующий день. Удивительный день. Самый восхитительный день из всех восхитительных дней — день Рождества.

---

* Коп — распространенное прозвище американских полицейских.

ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

«Секрет настоящего художника, — много лет назад говорил ей старый учитель, — заключается не в том, чтобы перенести краску на холст, а в том, чтобы передать эмоции, используя масло и кисть как разновидность нервных каналов».

Норма Смит взглянула из окна на гигантское солнце, потом — на холст, закрепленный на мольберте, который она установила возле окна. Она пыталась нарисовать солнце, и физически ей это удалось — огромный желто-белый круг, накрывший, казалось, полнеба. И уже можно было определить его неровные края. Оно было обрамлено огромными движущимися протуберанцами. Это движение можно было увидеть на ее полотне, но жара, — невыносимая, испепеляющая жара, накатывавшаяся волнами и жарившая город снаружи, не поддавалась кисти и не могла быть описана. Она ни на что не походила. И не имела прецедентов. Эта длительная, нарастающая и губительная жара подобно невидимому огню путешествовала по улицам.

Девушка положила кисть и медленно прошла через комнату к маленькому холодильнику. Она достала молочную бутылку, полную воды, и аккуратно отлила в стакан. Сделав глоток, девушка почувствовала холодную жидкость, влившуюся в нее. За последние несколько недель простое питье вызывало очень специфическую реакцию. Она действительно не могла припомнить, чтобы хоть раз она чувствовала воду. Раньше она испытывала сначала жажду, потом облегчение; но теперь даже глоток чего-нибудь холодного сам по себе был событием. Она поставила бутылку назад в холодильник и быстро взглянула на часы, стоящие в книжном шкафу. Они показывали 11.45. До девушки донеслись шаги. Кто-то спускался по ступенькам, и она медленно подошла к двери, открыла ее и вышла в коридор.

Маленькая четырехлетняя девочка рассудительно смотрела на нее, потом глаза остановились на ее стакане с водой. Норма села на колени и приложила стакан к губам ребенка.

— Съези! — вмешался мужской голос. — Не пей у леди воду.

Норма взглянула на высокого, мокрого от пота мужчину в расстегнутой спортивной рубашке.

— Все нормально, мистер Шустер, — сказала Норма. — У меня ее много.

— Ни у кого ее нет в большом количестве. — Мужчина дошел до нижней ступеньки и подвинул девочку в сторону. — Такого понятия как «много» больше не существует. — Он взял девочку за руку и повел к двери напротив. — Миссис Бронсон, мы уже едем, — проговорил он, постукав в дверь.

Миссис Бронсон открыла дверь и вышла в холл. Это была женщи-

на средних лет в тонком домашнем халате. Ее лицо блестело от пота. Выглядела она неряшливо и уныло, хотя Норма могла вспомнить, что не так уж давно это была очаровательная, довольно красивая женщина, да и выглядела она намного моложе своих лет. Теперь ее лицо было усталым, волосы растрепались и не были уложены в прическу.

— У вас есть газ? — спросила миссис Бронсон ровным утомленным голосом.

Высокий мужчина кивнул.

— У меня двенадцать баллонов. Я посчитал, что его хватит, по крайней мере, до Буффало.

— Куда вы едете? — спросила Норма.

По ступенькам спускалась жена высокого мужчины.

— Мы пытаемся добраться до Торонто, — ответила она. — У мистера Шустера там живет двоюродный брат.

Миссис Бронсон погладила девочку по голове, потом вытерла пот с маленького пылающего лица.

— Не думаю, что это мудро — так поступать. Автострады забиты. По радио говорят, что они стоят бампер к бамперу. Даже невзирая на нехватку газа и все остальное...

Шустер перебил ее:

— Я знаю, — кротко сказал он, — но в любом случае мы должны попытаться. — Он облизнул губы. — Мы просто хотели попрощаться с вами, миссис Бронсон. Мы наслаждались жизнью здесь. Вы были очень добры. — Потом как-то обеспокоенно он обратился к своей жене: — Пойдем, дорогая.

С этими словами он поднял единственный чемодан и, держа ребенка за руку, начал спускаться вниз по ступенькам. Жена пошла за ними.

— Удачи вам! — крикнула им вслед миссис Бронсон. — Безопасного путешествия!

— До свидания, миссис Бронсон, — отозвался женский голос.

Входная дверь открылась и закрылась. Миссис Бронсон долго смотрела вниз, потом повернулась к Норме.

— Теперь мы остались вдвоем, — мягко сказала она.

— Они последние жильцы? — спросила Норма, показывая на ступеньки.

— Последние. Во всем доме нет никого, кроме тебя и меня.

Из квартиры миссис Бронсон вышел мужчина. В его руках была сумка с инструментами.

— Вода снова бежит, миссис Бронсон, — сказал он. — Я не могу дать гарантию, как долго она будет, но какое-то время она не причинит вам беспокойства.

Он быстро взглянул на Норму и нервно показал на сумку.

— Вы можете заплатить наличными? — спросил он.

— У меня есть счет в банке, — ответила миссис Бронсон.

Слесарю было не по себе.

— Мой шеф велел мне брать только наличными. — Он извиняюще улыбнулся Норме. — Мы работаем двадцать четыре часа в сутки. В городе каждые полторы минуты ломается холодильник. Все пытаются делать лед, а когда ток отключают каждые два часа, машины не выдерживают.

С видимым усилием он снова посмотрел на миссис Бронсон.

— Насчет этого счета, миссис Бронсон...

— Сколько я вам должна?

Мужчина смотрел на свои инструменты и низким голосом проговорил:

— Я должен взять с вас сто долларов.

Он печально покачал головой.

Спокойный голос миссис Бронсон не мог скрыть ее ужаса:

— Сто долларов? За пятнадцатиминутную работу?

Мужчина кивнул с несчастным видом.

— За пятнадцатиминутную работу. Остальные конторы просят по двести и по триста за такую работу. Так длится уже месяц. С тех пор, как... — Он глянул на улицу через окно коридора. — С тех пор, как это произошло.

Последовало тревожное молчание, и наконец миссис Бронсон сняла обручальное кольцо.

— У меня больше не осталось денег, — тихо сказала она, — но это золото, оно дорого стоит.

Она протянула ему кольцо.

Мастер не мог посмотреть ей в глаза. Он сделал быстрое судорожное движение, которое нельзя было принять ни за согласие, ни за отрицание. Он посмотрел на кольцо и покачал головой.

• — Идите и продайте его, — отвернувшись, сказал он. — Я не принимаю женские обручальные кольца.

Он подошел к ступенькам.

— До свидания, миссис Бронсон. Удачи вам. — Он помедлил на ступеньке.

Над ним в окне виднелось желто-белое солнце. Теперь оно светило постоянно, но теперь оно было злом, которое нельзя более игнорировать.

— Я собираюсь попытаться вывезти свою семью сегодня вечером, — сказал мастер, глядя в окно. — Поедем на север. В Канаду, если получится. Говорят, там холоднее. — Он обернулся и посмотрел на двух женщин. — Не то, чтобы это что-то изменило, — просто попытка оттянуть... оттянуть это.

Он улыбнулся, но улыбка вышла кривой.

— Как и то, что все стремятся установить холодильники и конди-

ционеры. — Он покачал головой. — Все ерунда. Просто попытка оттянуть это, вот и все.

Он начал медленно спускаться, его широкие плечи сутулились.

— О Господи. — Донеслось до них, когда он дошел до площадки и продолжил спуск. — Господи, как жарко!

Его шаги пересекли нижний вестибюль.

Норма облокотилась о стену возле двери.

— Что теперь будет? — спросила она.

Домовладелица пожала плечами.

— Я не знаю. По радио я слышала, что они будут включать воду только на один час в день. О времени сообщат дополнительно.

Она вдруг взглянула на Норму.

— А ты не собираешься уезжать? — выпалила она.

Норма покачала головой.

— Нет, уезжать я не собираюсь.

Она выдавила из себя улыбку, затем повернулась и пошла в свою комнату, оставив дверь открытой.

Другая женщина вошла за ней. Норма подошла к окну. Солнце обдало ее жарой и странным, почти злобным светом. Он изменил целый город. Улицы, дома и магазины приняли тошнотворный устричный цвет. Воздух был тяжелым и сырым.

Норма чувствовала, как пот бежит по спине и ногам.

— Я продолжаю придерживать эту дурацкой мысли, — проговорила художница, — этой дурацкой мысли, что я проснусь, и ничего этого не будет. Я проснусь в холодной кровати, и на улице будет ночь, и ветер будет шуметь в ветвях, на тротуаре будут тени, а в небе будет светить луна.

Она повернула лицо и выглянула в окно. Это было равноценно тому, чтобы стоять перед открытой печью. Волны жары ударили ее, проникали в ее поры, проталкивались в ее тело.

— И шум движения, — более мягким голосом продолжала она, — автомобили, мусорные ящики, бутылки молока, голоса.

Она подняла руки и потянула за шнур от подъемных жалюзи. Дощечки сомкнулись, и комната погрузилась в тень, но жара осталась. Норма закрыла глаза. Потом задумчиво сказала:

— Не странно ли это... не странно ли, что многие вещи мы принимали как должное, — она помолчала, — когда имели их?

Руки миссис Бронсон походили на двух нервных порхающих птичек.

— По радио выступал ученый, — сказала она, заставив себя говорить. — Я слышала его сегодня утром. Он сказал, что будет еще жарче. С каждым днем. Что сейчас мы очень близко от Солнца. И что поэтому... вот почему мы...

Ее голос смолк. Она не могла заставить себя произнести это. Ей не

хотелось говорить это вслух. А слово звучало «погибнем». Но, сказанное или нет, оно висело там, в горячем воздухе.

Ровно четыре с половиной недели назад Земля неожиданно и необъяснимо изменила свою эллиптическую орбиту и устремилась по той, которая постепенно, секунда за секундой, день за днем приближалась к Солнцу.

В полночь было так же жарко, как и днем, и почти так же светло. Больше не было ночи и темноты. Все маленькие человеческие предметы роскоши — кондиционеры, холодильники и вентиляторы перестали быть таковыми. Это были жалкие и панические средства временного выживания.

Нью-Йорк уподобился огромному больному высыхающему животному, чьи жизненные силы сгорали. Он очистил себя от обитателей. Они двигались на север в Канаду в безнадежной гонке с солнцем, которое уже начало обгонять их. Это был мир жары. Каждый день солнце становилось больше и больше, жара нарастала день за днем, пока термометры не закипали; дыхание, движение и разговоры были полны скуки. Это был мир бесконечного зенита.

На следующий день Норма тяжело поднималась по ступенькам с сумкой, полной продуктов. Консервная банка и пучок вялой моркови лежали на самом верху. Она остановилась на площадке между двумя этажами и перевела дух. Ее легкое ситцевое платье прилипло к ней, как мокрая перчатка.

— Норма? — раздался голос миссис Бронсон. — Это ты, дорогая?

— Да, миссис Бронсон, — слабым задыхающимся голосом сказала девушка.

Она снова начала подниматься, а ее квартирная хозяйка вышла из своей комнаты и взглянула на сумку.

— Магазин был открыт?

— Норма улыбнулась.

— Широко. Думаю, за всю свою жизнь я в первый раз пожалела, что родилась женщиной. — Она поставила сумку на пол. — Вот все, на что у меня хватило сил. Там не было никого из персонала. Просто куча народа, хватающего все, что под руку подвернется.

Она снова улыбнулась и подняла сумку.

— По крайней мере, мы не умрем с голода, а на дне есть три банки фруктового сока.

Миссис Бронсон прошла за ней в ее комнату.

— Фруктовый сок! — Она захлопала в ладоши, как маленький ребенок, в ее голосе слышалось возбуждение. — О, Норма... может, откроем одну из них прямо сейчас?

Норма повернулась к ней, мягко улынулась и погладила ее по щеке.

— Конечно, откроем.

Она начала освобождать сумку, в то время как вторая женщина открывала и закрывала ящики кухонного стола.

— Где открывашка?

Норма показала на самый дальний ящик слева.

— Вон там, миссис Бронсон.

Руки женщины дрожали от волнения, когда она открыла ящик, перерыла его внутренности и наконец достала открывашку. Она донесла ее до Нормы и резко выхватила банку из рук девушки. А затем дрожащими руками она пыталась воткнуть ее в крышку, тяжело и отрывисто дыша. Банка и крышка упали на пол. Она упала на четвереньки, испустив подобный детскому вопль, затем неожиданно закусила губу и закрыла глаза.

— О, Боже мой! — прошептала она. — Я веду себя, как какое-то животное. О, Норма... извини...

Норма села на колени подле нее, подняла банку и открывашку.

— Вы ведете себя как испуганная женщина, — тихо сказала она. — Посмотрели бы вы, миссис Бронсон, на меня в магазине. Я бегала по проходам. Я имею в виду, действительно *бегала*. Туда и сюда, разбрасывая продукты, хватая и выбрасывая продукты и снова хватая.

Она улынулась, покачала головой и встала на ноги.

— И при всем этом, — продолжила она, — я была самой тихой в этом магазине. Одна женщина стояла в самом центре него и плакала. В точности как маленький ребенок, умоляя, чтобы кто-нибудь помог ей.

Норма снова покачала головой, стараясь вычеркнуть эту сцену из памяти.

Маленький радиоприемник на столе неожиданно ожил. Через мгновение раздался голос диктора. Он был глубокий и звучный, но звучал как-то странно.

— Леди и джентльмены, — сказал голос, — говорит радиостанция WNYG. Мы останемся в эфире в течение часа, чтобы сообщить вам текущие новости и дать совет относительно движения. Сначала бюллетень из Министерства Гражданской Обороны. Для транспортных средств, движущихся на север и восток из Нью-Йорка, рекомендуется избегать автострады до дальнейших распоряжений. Движение на Бульваре у Федерального парка и на Бульваре Развлечений, а также на Федеральной Магистральной Нью-Йорка по направлению на север растянулось на пятьдесят миль из-за огромного скопления автомобилей, стоящих бампер к бамперу. Пожалуйста, держитесь в стороне от автострад до дальнейших распоряжений.

Последовала пауза, и голос заговорил другим тоном.

— А теперь сообщение о сегодняшней погоде из Метеоцентра. Температура в одиннадцать часов по Восточному Стандартному времени составила сто семнадцать градусов*. Влажность девяносто семь процентов. Барометр без изменений. Прогноз погоды на завтра. — Снова диктор замолчал, его интонация изменилась: — Прогноз погоды на завтра.

В течение следующей долгой паузы Норма и миссис Бронсон смотрели на приемник. Голос диктора зазвучал снова.

— Жарко. Еще жарче, чем сегодня.

По радио кто-то заговорил шепотом.

— Мне плевать, — отчетливо сказал диктор. — Какого черта они считают, что могут кого-то обмануть своими чепуховыми прогнозами!.. Леди и джентльмены, — продолжил он со странным смехом в голосе, — завтра вы можете готовить яичницу прямо на тротуаре, разогревать суп в океане и дочерна загореть в проклятой тени!

На этот раз шепот был более быстрым и громким, и диктор, очевидно, среагировал на него.

— О какой панике вы говорите? — выпалил он. — Черт возьми, там некому паниковать!

Раздался мрачный смех.

— Леди и джентльмены, — продолжил голос. — Мне сказали, что мое отступление от текста может вызвать панику. Но я уверен, что вас не наберется и дюжины во всем городе. Я хочу начать особое соревнование. Все, до кого доходит мой голос, могут отломить верхнюю часть термометров и прислать их мне. Я вышлю им книжку своего собственного сочинения о том, как сохранить тепло ночью, когда нет солнца. А теперь я, может быть, смогу найти для вас парочку настоящих кассовых шуток. Как насчет хорошего холодного пива? Это было бы великолепно!

Голос зазвучал чуть тише.

— Оставь меня, — сказал он, — ты слышишь меня? Черт подери, отстань. Уходи отсюда!

Последовал более неистовый шепот, затем — мертвая тишина, затем раздался звук царапающей пластинку иголки и послышалась танцевальная музыка.

Две женщины обменялись взглядами.

— Слышите? — сказала Норма, начав открывать банку с грейпфрутовым соком. — Не вы одна боитесь.

Она растегнула верхнюю пуговицу платья, взяла с полки два стакана и налила в них сок. Один стакан она протянула миссис Бронсон, которая смотрела на него, но не пила.

---

* Имеется в виду температурная шкала Фаренгейта. 117 градусов по Фаренгейту соответствуют 52 градусам по Цельсию.

— Пейте, дорогая, — мягко сказала девушка, — это грейпфрутовый сок.

Женщина посмотрела в пол и очень медленно поставила стакан на стол.

— Я не могу, — сказала она. — Я не могу жить за твой счет, Норма. Это понадобится тебе самой.

Девушка быстро подошла к ней и крепко взяла ее за плечи.

— Нам придется начать жить за счет друг друга. — Она взяла стакан и вручила его домохозяйке, подмигнула ей и взяла собственный стакан. — Он ждет вас.

Миссис Бронсон сделала героическую попытку улыбнуться и тоже подмигнуть, но, когда она поднесла стакан к губам, ей пришлось подавить рыдания, а сделав глоток, она чуть не заткнула себе рот.

Музыка по радио резко прекратилась, и маленький вентилятор перестал вращаться то вправо, то влево, его лопасти останавливались, как уставший, старый аэроплан.

— Ток опять отключили, — тихо сказала Норма.

Ее подруга кивнула.

— Каждый день ток есть только в течение нескольких часов. А что, если... — начала она и отвернулась.

— Что? — мягко спросила Норма.

— А что, если он отключится навсегда? У нас будет, как в печке, так же, как и теперь, так же нестерпимо жарко и даже еще хуже.

Она закрыла рот рукой.

— Норма, будет еще хуже.

Девушка не отвечала ей. Миссис Бронсон сделала еще один глоток и поставила стакан. Она бесцельно бродила по комнате, глядя на картины вдоль стен. И было что-то безнадежное в ее круглом, вспотевшем лице, а в глазах был такой страх, что Норме захотелось обнять ее.

— Норма, — сказала хозяйка, рассматривая картину.

Девушка подошла к ней.

— Нарисуй сегодня что-нибудь другое. Например, пейзаж с водопадом и деревья, гнущиеся на ветру. Нарисуй что-нибудь... что-нибудь холодное.

Неожиданно ее лицо перекосилось от злости. Она схватила картину, подняла ее и швырнула на пол.

— К черту, Норма! — закричала она. — Не рисуй больше солнце!

Она опустилась на колени и начала плакать.

Норма взглянула на разорванный холст, лежащий перед ней. Это была картина, над которой она работала — частично законченная работа, изображавшая улицу, над которой висело жаркое солнце. Неровный разрыв через все полотно придавал картине странный сюрреалистический вид, что-то от Сальвадора Дали.

Рыдания женщины постепенно утихли, но она стояла на коленях, опустив голову.

Девушка мягко тронула ее за плечо:

— Завтра, — негромко сказала она. — Завтра я попробую нарисовать водопад.

Миссис Бронсон дотянулась до руки девушки и крепко держала ее. Она покачала головой, хриплым шепотом она сказала:

— О, прости меня, Норма. Моя дорогая девочка, прости меня Бога ради. Было бы намного лучше, если бы...

— Если что?

— Если бы я должна была просто умереть, — она взглянула Норме в лицо. — Было бы лучше для *тебя*.

Норма опустила на колени и взяла постаревшее лицо в свои руки.

— Никогда больше не говорите этого, миссис Бронсон. Ради Бога, не говорите этого! Мы нужны друг другу. Мы отчаянно нуждаемся друг в друге.

Миссис Бронсон щекой прижалась к руке Нормы и медленно встала.

По ступенькам поднялся полицейский и появился в дверях. Его рубашка была расстегнута. Рукава были отрезаны по локоть и размохрились. Он посмотрел на Норму и ее соседку и вытер пот с загорелого лица.

— Вздании находитесь только вы? — спросил он.

— Только я и мисс Смит, — ответила женщина.

— Вы слушали радио? — спросил коп.

— Оно у нас все время включено, — отозвалась домовладелица и обратилась к художнице: — Норма, дорогая, какую станцию мы слушали...

Полицейский перебил.

— Это не имеет значения. В эфире их осталось две или три, а завтра не будет ни одной. Дело вот в чем — мы пытались сделать объявление для всех, кто еще остался в городе.

Он смотрел то на одну, то на другую женщину, очевидно, не хотел говорить дальше.

— Завтра в городе не будет полицейских. Нас распускают. Больше половины полицейских уже покинули город. Несколько добровольцев остались для того, чтобы сообщить всем о том... — Он увидел, что страх закрался в глаза миссис Бронсон, и постарался говорить ровным голосом. — Отныне самое лучшее, что следует вам сделать, — это держать свои двери закрытыми. Любой нехороший человек, любой шизик или маньяк будет свободно рыскать по улицам. Это опасно, потому что держите двери на замке.

Он взглянул на них и мысленно отметил, что Норма была из них двоих сильнее и на нее можно было положиться.

— У вас есть здесь какое-нибудь оружие, мисс? — обратился он к ней.

— Нет, у меня ничего нет.

Коп подумал о чем-то с минуту, затем расстегнул кобуру и достал револьвер 45 калибра. Он дал его Норме.

— Будьте осторожней. Он заряжен. — Он выдавил улыбку для домохозяйки. — Желаю вам удачи.

Он развернулся и начал спускаться по ступенькам, миссис Бронсон пошла за ним.

— Мистер, — сказала она дрожащим голосом, — мистер, что с нами будет?

Коп повернулся к ней на середине лестницы. Его лицо было усталым и истощенным.

— Вы этого не знаете? — тихо спросил он. — Просто будет все жарче и жарче, потом, может быть, через два дня, — он пожал плечами, — в крайнем случае, через четыре или пять будет такая жара, которую не перенести.

Он глянул через плечо домовладелицы на Норму, стоящую в дверях с револьвером в руке. Его рот образовал жуткую прямую линию.

— Тогда поступайте как вам угодно, леди.

Мужчина повернулся и продолжил спуск.

Это было на следующий день или ночь. Свет снова отключили, и часы остановились, поэтому нормальное измерение времени прекратилось. Болезненный белый свет заливал улицы, и время покорибилось от жары.

Норма в комбинации лежала на тахте, чувствуя волны жары, точно тяжелые шерстяные одеяла, давившие на нее. Точно кто-то толкал ее в чан с кипящей грязью, силой забывая грязь в рот, глаза, в нос, постепенно погружая ее туда. Раздираемая кошмарами сна и действительности, она застонала. Через мгновение она открыла глаза, чувствуя тупую, пульсирующую боль в виске.

Она заставила себя встать, чувствуя ту же тяжесть, и пошла к холодильнику. Она открыла дверь, взяла молочную бутылку, полную воды, и налила себе стакан. Она медленно пила ее, идя через всю комнату к окну. Когда она задела подоконник, у нее перехватило дыхание. Будто она коснулась раскаленной стали. Она сунула пальцы в рот и облизнула, потом вылила на них несколько капель. Она прислушалась, но была полная тишина. В конце концов она пересекла комнату, открыла дверь и вышла в коридор. Постучав в дверь домовладелицы, она позвала:

— Миссис Бронсон? — Ответа не было. — Миссис Бронсон?

За дверью раздались медленные шаги, потом звук снимаемой двер-

ной цепочки. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, и миссис Бронсон выглянула в коридор.

— Вы в порядке? — спросила Норма.

Женщина погремела цепочкой и открыла дверь.

Ее лицо было изможденным и больным, а глаза блестели от слез.

— Я в порядке, — сказала она. — Было так тихо. Я ничего не слышала.

Она вышла в коридор и посмотрела вниз.

— Который теперь час?

Норма посмотрела на часы и потрясла кистью.

— Они остановились. Я не знаю, сколько сейчас времени. Я даже не знаю, день сейчас или ночь.

— Я думаю, сейчас около трех часов дня, — сказала миссис Бронсон. — Я чувствую, что сейчас три часа дня.

Она покачала головой.

— Думаю, так и есть.

Она плотно закрыла глаза.

— Я немного полежала, — продолжила она. — Я пыталась закрыть шторы, чтобы сделать тень, но когда они закрыты, очень душно.

Она уныло улыбнулась.

— Думаю, это что-то психологическое. Я уверена, нет никакой разницы, что на улице, что дома.

На крыше раздался звук разбитого стекла и громкий глухой звук удара.

Руки миссис Бронсон вцепились в Норму.

— Что это было? — прошептала она.

— Что-то... что-то упало.

— О, нет... это был кто-то.

Норма посмотрела на ступеньки, ведущие на последний этаж.

— Вы заперли дверь на чердак? — прошептала она, чувствуя, как ужас надвигается на нее.

— Да, — поспешно ответила миссис Бронсон, потом закрыла себе рот рукой. — Нет, — поправила она себя и бешено покачала головой. — Я не знаю. Я не помню. Я думала, что закрыла.

Дверь над ними распахнулась, и Норма больше не прислушивалась. Она взяла соседку за руку и втащила ее к себе в комнату, хлопнула и закрыла дверь. Обе женщины едва дышали, услышав, что кто-то спускается вниз. Шаги остановились за дверью.

Миссис Бронсон повернулась к Норме. Она открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но девушка зажала ей рот и глазами приказала молчать.

В коридоре послышалось какое-то движение, кто-то приблизился к двери.

— Эй, — раздался мужской голос. — Кто там? Там кто-нибудь есть?

Норма почувствовала, как все ее мышцы сжались. Ни одна из женщин не раскрыла рот.

— Выходите, — сказал голос. — Я знаю, что вы там. Выходите и проявите гостеприимство.

В голосе слышалось нетерпение.

— Открывайте, я не могу торчать здесь весь день. Или вы выйдите, или я войду!

Норма, все еще держа руку у рта хозяйки, отчаянно оглядела комнату. Увидев на столике револьвер копа, она подошла и взяла его. Она подошла к двери и прижала оружие к замочной скважине. Она взвела курок и повернулась лицом к двери.

— Вы слышали? — спросила она громко. — Это револьвер. А теперь убирайтесь отсюда. Идите вниз и выйдите через входную дверь. Оставьте нас.

За дверью послышалось тяжелое дыхание. Человек за дверью обдумывал сказанное.

— О'кей, дорогая, — наконец произнес он. — Я никогда не спорю с леди, у которой есть револьвер.

Затем послышались шаркающие шаги на лестнице, ведущей вниз, и Норма быстро подошла к окну и, вытянув шею, наблюдала за входной дверью внизу. Она ждала, но из дома никто не вышел.

— Мне кажется, он не спускался, — начала она говорить и, услышав звук ключей, быстро повернулась и увидела, что миссис Бронсон открывает дверь.

— Миссис Бронсон! — крикнула она. — Подожд...

Дверь распахнулась, за дверью стоял мужчина — громадный, грузный гигант в разорванной нижней рубашке. Его лицо и тело были грязными. Миссис Бронсон завизжала и попыталась бежать мимо него. Он схватил ее за руку и швырнул в сторону.

Норма подняла револьвер, вцепившись в него, пытаясь нащупать курок. Мужчина бросился на нее, выбил револьвер и ударил ее по лицу. Боль от удара оглушила девушку. Мужчина пнул револьвер в угол, подошел к нему и поставил на него ногу. Он стоял так, тяжело дыша, глядя то на одну, то на другую женщину.

— Ненормальные бабы! Слишком жарко, чтобы играть в игры. Черт возьми, слишком жарко!

Он наклонился, поднял оружие и осмотрел комнату. Увидев холодильник, он подошел к нему. В нем осталась одна бутылка с водой, и он с облегчением улыбнулся, взяв ее. Он закинул голову назад и пил, а вода стекала с уголков его рта и капала на пол перед ним. Когда он все выпил, он бросил бутылку в угол, где она разбилась с невообразимо громким звуком.

Он медленно шел через комнату, все еще держа револьвер, и увидел картины, которые внимательно рассматривал. Он взглянул на Норму и показал на одну из картин.

— Ты рисовала? — спросил он.

Та кивнула, не отваживаясь говорить.

— Ты хорошо рисуешь, — сказал мужчина. — Ты действительно здорово рисуешь. Моя жена тоже рисовала.

От миссис Бронсон исходил ужас.

— Пожалуйста, — стонала она, — пожалуйста, оставьте нас. Мы не сделали ничего плохого. Пожалуйста...

Мужчина устался на нее, словно голос ее долетал издалека. Он повернулся, снова посмотрел на картины, потом — на револьвер, точно впервые его увидел. Очень медленно он опустил его, пока револьвер не начал свободно висеть на его пальце, а потом бросил на пол. Его рот перекосялся, а глаза сузились. Он подошел к тахте и сел на нее.

— Моя жена, — начал он, — моя жена рожала. Она лежала в больнице. И тогда случилось это. — Он показал в окно. — Она была... она была такая слабая, как маленький ребенок.

Он вытянул руки, словно желая подобрать нужные слова.

— Она не вынесла этой жары. Они пытались держать ее в прохладе... но она не могла переносить жару. Ребенок прожил чуть больше часа, и тогда... и тогда она тоже умерла.

Его голова опустилась, потом он снова посмотрел на них, в его глазах стояли слезы.

— Я не... я не взломщик. Я порядочный человек. Клянусь вам, я — порядочный человек. Все это просто... ну, эта жара. Эта ужасная жара. И весь день с самого утра я ходил по улицам, пытаюсь найти воду.

Его глаза молили о понимании, и, невзирая на пыль и пот, его лицо неожиданно стало молодым и испуганным.

— Я не хотел вас обидеть, честно. Я бы не причинил вам вреда. Вы не поверите! — Он засмеялся. — Я вас испугался. Я так же боялся вас, как вы — меня.

Он поднялся с тахты и пошел через комнату, наступив на бутылочные осколки. Он посмотрел на них.

— Я... я прошу прощения за это, — сказал он. — Я просто чокнулся. Мне очень хотелось пить.

Он пошел к двери мимо миссис Бронсон. Он протянул ей руку. Это был жест молбы.

— Пожалуйста... пожалуйста, извините. Вы ведь простите меня?

Он подошел к двери и облокотился о косяк, по лицу струился пот.

— Почему это не кончается? — сказал он низким голосом, почти неразборчиво. — Почему мы просто... почему мы не можем просто сгореть?

Он повернулся к ним.

— Как мне хочется, чтобы все кончилось. Больше нам ничего не остается, кроме как пережить конец.

Он вышел.

Когда Норма услышала, как хлопнула входная дверь, она подошла к миссис Бронсон, помогла ей подняться и обхватила ее голову руками, поглаживая ее, как мать.

— У меня есть сюрприз для вас, — сказала она. — Миссис Бронсон, слышите, у меня для вас сюрприз.

Она прошла через всю комнату и вытащила из общей кучи какую-то картину. Она развернула ее и держала впереди себя. Это был изготовленный на скорую руку вид на водопад, явный набросок, сделанный с отчаянием.

Миссис Бронсон долго смотрела на картину и медленно улыбнулась.

— Это замечательно, Норма. Я видела подобные водопады. Один такой находится около Итаки, в штате Нью-Йорк. Это самый высокий водопад в той части страны, мне нравится его звучание.

Она подошла к рисунку и прикоснулась к нему.

— Это чистая вода, льющаяся со скал, это чудесная чистая вода.

Вдруг она замолчала и взглянула на девушку. Ее глаза были широко раскрыты.

— Ты слышала его? — спросила она.

Норма уставилась на нее.

— Ты слышишь ее журчание, Норма? О, это восхитительный звук. Она такая... такая холодная. Такая чистая.

Она продолжала слушать, идя через комнату к окну.

— О, Норма, — сказала она, ее улыбка стала вялой и сонной, — это замечательно. Это просто великолепно. О, да мы прямо сейчас можем искупаться!

— Миссис Бронсон, — потрясенно сказала Норма.

— Давай искупаемся, Норма, у подножия водопада. Я делала так, когда была молодой. Просто сидела там, а вода падала на меня. О, вода просто чудесна, — бормотала она, прислонив лицо к пылающему стеклу. — О, восхитительная вода... хорошая прохладная вода... просто изумительная.

Белые горячие лучи солнца вцепились ей в лицо, и она стала медленно оседать, оставив на стекле кусочек кожи, и тихо свернулась на полу.

Норма наклонилась над ней.

— Миссис Бронсон? — позвала она. — Миссис Бронсон?

Норма заплакала.

— О, миссис Бронсон...

Это случилось вскоре. Окна дома начали трескаться и разлетаться вдребезги. Солнце теперь закрыло собой все небо — огромный горящий потолок, безжалостно давящий.

Норма попыталась взять пистолет, но рукоятка была слишком горячей. Тогда она легла посередине комнаты и наблюдала за краской, стекающей с холстов; медленные ручейки жирной краски походили на миниатюрные потоки лавы. Через мгновение они вспыхнули, огонь нервными, голодными языками лизал полотно.

Норма не чувствовала боли, когда в конце концов это произошло. Она не сознавала, что на ней загорелась комбинация или что жидкость бежала из ее глаз. Она была лишеной жизни вещью в самом центре ада, и внутри нее не осталось ничего для того, чтобы испустить крик, — ни в сознании, ни в горле.

Затем здание взорвалось, и огромное солнце поглотило весь город.

Было темно и холодно, и жгучий лед толстым слоем лежал в углах окна. Тонкогубый доктор, чей воротник был высоко поднят, сел возле кровати и потрогал лоб девушки. Он повернулся к миссис Бронсон, стоящей в дверях.

— Она уже выходит из кризиса, — тихо сказал он. Затем снова повернулся к кровати.

— Мисс Смит? — Последовала пауза. — Мисс Смит?

Норма открыла глаза и взглянула на него.

— Да, — прошептала она.

— У вас была очень высокая температура, но теперь, я думаю, кризис миновал.

— Температура?

К кровати подошла миссис Бронсон.

— Ты задала нам задачу, детка, так тяжело ты болела. Но теперь ты обязательно поправишься. — Она с надеждой улыбнулась доктору. — Не так ли, доктор? Ведь она обязательно поправится?

Доктор не улыбался в ответ.

— Конечно, — тихо сказал он.

Затем он поднялся и сделал знак миссис Бронсон. Он плотнее подоткнул одеяла, взял свою сумку и пошел в коридор, где его дожидалась миссис Бронсон.

На лестничной площадке свистел холодный ветер, и через окно с сильными порывами ветра влетали большие хлопья.

— Я надеюсь, что она выздоровеет, — сказал доктор женщине. — Просто пусть она спит столько, сколько сможет.

Он посмотрел на свою сумку. Потом уныло сказал:

— Если бы я мог оставить ей что-нибудь, но лекарства у меня

давно кончились. — Он посмотрел на окно над площадкой. — Боюсь, что не смогу больше прийти. Завтра я собираюсь попробовать отправить свою семью на юг. У моего друга есть личный самолет.

Голос домовладелицы был тихим и печальным:

— По радио... по радио я слышала, что в Майами чуть-чуть теплее.

Доктор только взглянул на нее.

— Так говорят.

После этого он взглянул на покрытое льдом окно.

— Но мы только оттягивали это. Вот что мы делаем. Все, как напуганные зайцы, бегут на юг, а по сообщениям уже через неделю там тоже все покроет снегом.

Через приоткрытую дверь до миссис Бронсон долетел голос диктора.

— Это рекомендуемые вам маршруты, — сказал диктор. — Из Министерства гражданской обороны. Водителям рекомендуется избегать автострад по всем дорогам, ведущим на юг и запад от Нью-Йорка. Повторяем наш совет: не пользуйтесь автострадами!

Доктор взял свою сумку и начал спускаться.

— Сегодня утром выступал ученый, — сказала женщина, идя рядом. — Он пытался объяснить, что произошло. Как Земля изменила орбиту и стала удаляться от Солнца. Он сказал, что... — Ее голос стал напряженным. — Он сказал, что через одну-две недели, в крайнем случае, через три — больше не будет Солнца и что все мы... — Она крепко сцепила руки. — Мы все замерзнем.

Доктор попытался улыбнуться ей, но на его лице ничего не выразилось. Он был изможденным и старым, губы его посинели. Повязав шарф и надев теплые перчатки, он начал спускаться дальше.

Миссис Бронсон наблюдала за ним, пока он не скрылся за поворотом, и вернулась к Норме.

— Я видела такой ужасный сон, — сказала Норма. Глаза ее были полузакрыты. — Такой страшный сон, миссис Бронсон.

Женщина пододвинула стул поближе к кровати.

— Как будто все время день. Светило... светило полуночное солнце, и вообще не наступала ночь. Вообще не было ночи.

Теперь ее глаза были широко открыты, и она улыбалась.

— Разве это не здорово, миссис Бронсон, когда темно и прохладно?

Женщина посмотрела на бледное лицо и медленно кивнула.

— Да, моя дорогая, — мягко сказала она, — это здорово.

На улице снег шел сильнее и сильнее, а на термометре лопнуло стекло. Ртуть опустилась на самое дно, и ей больше некуда было падать. И очень медленно ночь и мороз протягивали ледяные пальцы, чтобы нащупать пульс города, а затем остановить его.

СКАЧОК РИПА ВАН ВИНКЛЯ

Рельсы «Юнион Пасифик» походили на змей-близнецов, ползущих к югу от невадской линии в обширные знойные долины пустыни Мохаве. И раз в день, когда знаменитый поезд «Сент-Луи-Сити» грохотал мимо остроконечных вулканических гор, мимо далеких и пустынных зубчатых скал, мимо мертвого моря золы и ломких креозотовых кустарников, это было вторжение странного анахронизма. Ревущая сила дизеля расталкивала ветры пустыни. Поезд мчался мимо белых и безводных песков древнего мира, словно опасаясь быть схваченным острыми крошащимися отрогами скал, окружавших великую квадратную пустыню. И однажды... только однажды... случилось невозможное: стальной рельс, связывающий поезд с землей, был поврежден. Слишком поздно гигантские колеса послали протестующие искры и агонизирующий вопль металла, пытаясь остановить то, что не могло быть остановлено — пятидесятитонный локомотив, движущийся со скоростью девяносто миль в час. Он, громыхая, сошел с рельсов и врезался в песчаную насыпь с оглушительным ревом, раскатом, потрясшим эту тихую пустыню. Вагоны последовали за ним, как кошмары, громоздящиеся один на другой, потом кровавая бойня затихла. «Сент-Луи-Сити» был умирающим металлическим зверем с пятнадцатью разбитыми позвонками, растянувшимися на песке.

Фургон поднимался по холму в сторону пустынного уступа. Он стонал и хрипел от жары, а за ним следовал «седан». Когда фургон достиг уступа и пропустил «седан», который остановился в нескольких сотнях футов, тогда фургон дал задний ход и подкатил ко входу в пещеру. Двое мужчин вышли из фургона, двое — из «седана». На всех были комбинезоны без номеров, и все четверо встретились у задней дверцы фургона. Они походили на штаб из четырех генералов, собравшихся вместе, чтобы обсудить сражение — потные, смертельно усталые, но победившие.

То, чего они только что добились, действительно было победой. Это была операция, требовавшая точности секундомера, верного расчета времени, логики и силы полновесного вторжения. Случившееся превзошло их самые смелые надежды. Ведь в фургоне лежало два миллиона долларов в золотых слитках, аккуратно уложенных в тяжелые неподвижные горки.

Высокий мужчина с худым лицом и спокойными умными глазами походил на профессора из какого-нибудь колледжа. Его звали Фэрвэлл, и он имел докторскую степень по химии и физике. Его специализацией были ядовитые газы. Он повернулся к остальным и, в знак одобрения, поднял большой палец.

— Недурно сработано, джентльмены, — сказал он со слабой

улыбкой. Его взгляд медленно двигался вправо и влево, следя за лицами трех остальных.

Рядом с ним стоял Ирб, почти такой же высокий, как Фэрвэлл, с худыми покатыми плечами и бледным, не поддающимся описанию лицом, возможно, выглядевший моложе своих лет. Он был специалистом в области механики. Он мог собрать что угодно, наладить что угодно и управлять любым механизмом. С пытливым взором и пальцами хирурга, он нежно ласкал путаницу приборов, моторов, колес и цилиндров и с мягкостью добивался того, что они начинали работать.

Возле него стоял Брукс. Широкий и плотный, лысоватый мужчина с заразной улыбкой и техасским акцентом, он знал о баллистике намного больше любого смертного. Кто-то сказал, что его мозги были сделаны из пороха, так как он был прирожденным гением там, где дело касалось огнестрельного, да и любого другого оружия.

А справа от него стоял Де Круз — маленький, подвижный, красивый. Копна нечесаных черных волос свешивалась над глубоко посаженными зоркими темными глазами. Де Круз был экспертом по разрушению. Это был гений уничтожения. Он работал с любыми материалами и мог взорвать все, что угодно.

Двумя часами раньше эти четверо, удивительно сочетая талант, расчет и технику, совершили ограбление, не имевшее аналогов в истории преступлений. Де Круз зарыл в землю пять блоков тола, по фунту в каждом, благодаря чему рельсы были повреждены и поезд потерпел крушение. Ирб почти в одиночку собрал два передвижных механизма из частей двенадцати других, причем их родословную проследить было невозможно. Брукс создал гранаты, а Фэрвэлл создал усыпляющий газ. И ровно через тридцать минут все пассажиры поезда уснули, причем оба машиниста — навсегда. Тогда эти четверо побежали к вагону, в котором в сейфе с закручивающейся крышкой лежали мешки со слитками. И снова талант Де Круза помог взорвать замки, а слитки перекочевали в фургон. Для них было естественным забыть о существовании мертвых машинистов и двадцати с лишним тяжело раненых пассажиров, оставленных ими на произвол судьбы. Единственной истиной, в которую они верили и отдавали должное, была целесообразность.

Де Круз побежал к задней двери фургона и начал подталкивать сокровища к краю.

— Птички в клетке, — сказал Ирб и улыбнулся, направившись в пещеру с одним из мешков во слитками.

Брукс поднял другой мешок со слитками и пощупал их руками.

— Мы уже все сделали, — сказал он, — но до сих пор ничего не потратили.

Де Круз остановился и задумчиво кивнул.

— Брукс прав. Два миллиона золотом, а на мне до сих пор — рабочие штаны, да и денег у меня — один доллар двадцать центов.

Фэрвэлл кивнул и подмигнул им.

— Это в нынешнем году, сеньор Де Круз. Сегодня мы займемся этим, — он показал на фургон и кивком головы указал на вход в пещеру, — но завтра! Завтра, джентльмены, мы будем богаты, как Крез! Как Мидас! Рокфеллер и Морган в одном лице!

Он похлопал по мешкам.

— Безупречность, господа! Вот как вы поработали. Безупречно.

Брукс засмеялся.

— Люди! Посмотрели бы вы на того машиниста, когда он жал на тормоза! Он выглядел так, словно настал конец света.

— Почему бы нет? — сказал Де Круз. Его голос был резким, глаза сверкали. Он гордо ткнул себя в грудь. — Когда я взрываю рельсы, они взлетают на воздух.

Брукс посмотрел на него. В его взгляде сквозила укоренившаяся антипатия и нескрываемое презрение.

— Отыщи мне литейный цех, Де Круз, и я отолью для тебя медаль.

В черных глазах Де Круза была ответная ненависть.

— Ты-то что беспокоишься, Брукс? Между прочим, это было чертовски тяжело — разомкнуть рельсы. Ты бы это лучше сделал?

Фэрвэлл, который был катализатором этой группы, смотрел то на одного, то на другого. Он взмахом руки приказал Де Крузу вернуться в фургон.

— Может быть, сейчас мы займемся делом? — сказал он. — У нас расписана каждая минута, и я хочу придерживаться нашего плана.

Они продолжили перетаскивать золото из фургона в пещеру. Было мучительно жарко, а десятидюймовые бруски были очень тяжелыми, и фургон пустел медленно.

— Народ! — сказал Брукс, заходя в пещеру с последним мешком. Он положил его на самый верх рядом с ямой, которую они приготовили много дней назад. — Да, маленький тяжелый ублюдок, чувствуй себя как дома.

К нему подошел Ирб.

— Да, один миллион, девять сотен и восемь тысяч долларов... все, как он говорил, — он указал на Фэрвэлла. — Все сработано, как вы сказали — вагон, полный золота, крушение поезда, газ усыпил всех, кроме нас, — с этими словами он посмотрел на противогаз, висевший у него на поясе.

Фэрвэлл кивнул.

— Кроме нас, мистер Ирб. Мы не должны были спать. Мы должны были обогащаться.

— Хорошо, джентльмены, золото в пещере. Следующим пунктом мы уничтожаем фургон, а мистер Ирб запакует машину в брезент.

Он прошел в дальний угол пещеры. Там находились четыре стеклянные коробки, по форме напоминавшие гробы, поставленные в ряд. Фэрвэлл потрогал крышку одного из «гробов» и одобрительно кивнул.

— А теперь, — прошептал он, — немного сопротивления — настоящая кульминация — крайняя изобретательность.

Трое стояли в тени за его спиной:

— Одно дело, — послышался тихий голос ученого, — остановить поезд на его пути из Лос-Анджелеса в Форт Нокс и выкрасть его груз. И совсем другое дело — остаться на свободе, чтобы его потратить.

Де Круз шлепнулся в грязь.

— Когда? Когда мы его потратим? — спросил он.

— А вам это неизвестно, сеньор Де Круз? — В голосе Фэрвэлла слышалось легкое неодобрение. — А я-то думал, что этот пункт плана предельно ясен.

Де Круз встал и подошел к стеклянным саркофагам. Он с явным отвращением смотрел на них.

— Рипы Ван Винкли, — сказал он, — вот мы кто.

Он обратился к остальным:

— Мы с вами — четыре Рипа Ван Винкля. Я не уверен...

Его перебил Фэрвэлл:

— В чем вы сомневаетесь, мистер Де Круз?

— В необходимости залечь в спячку, мистер Фэрвэлл. В этих стеклянных гробах, во сне. Я хочу знать, на что я иду.

Фэрвэлл улыбнулся ему:

— Вы хотите знать, на что вы идете. Я очень точно вам это объяснял.

Он повернулся, включая в разговор двух остальных.

— Мы все погрузимся в состояние приостановленного развития. Затянувшегося... отдыха, мистер Де Круз. А когда мы проснемся, — он показал на яму и золото, сложенное рядом с ней, — только тогда мы возьмем свое золото и насладимся им.

Де Круз отвернулся от саркофага и встал к нему лицом.

— Я думаю, каждый должен получить свою долю и попытаться счастья!

Брукс достал огромный нож, который сверкал в тишине.

— Это ты так думаешь, Де Круз. — Его голос был едва слышен. — Но мы с этим не согласны. Мы согласны с тем, что мы должны спрятать золото здесь и сделать то, что скажет нам Фэрвэлл. До сих пор он не ошибался. Ни разу. И с поездом, и с золотом, и с газом — со всем. Все было точно так, как он обещал. И вся наша работа заключалась в том, чтобы переступить через спящих людей и ворочать судьбой, словно это пакет кукурузных хлопьев.

— Покончим с этим, — сказал Ирб.

— Разумеется, покончим, — возбужденно воскликнул Де Круз, — но как быть с этим?

Он хлопнул ладонью по крышке одного из саркофагов.

— Никто из вас не имеет ничего против того, что мы будем беззащитны и заперты здесь?

Брукс медленно двинулся к Де Крузу, нож все еще был у него в руке.

— Нет, мистер Де Круз, — мягко сказал он. — Никто из нас не возражает.

Они смотрели друг другу в глаза, и в этот момент борьбы именно Де Круз дрогнул и отвернулся.

— Как долго, Фэрвэлл? — спросил он другим тоном. — Когда мы все нажмем кнопку, и выйдет газ, и начнется это... это приостановленное развитие? Как долго?

— Как долго? — мягко спросил его Фэрвэлл. — Я не знаю точно. Я только могу предполагать, что мы все проснемся в пределах одного часа, не больше.

Он посмотрел вниз на длинный ряд мешков.

— Я бы сказал, примерно сто лет от сегодняшнего дня. — Он обвел присутствующих взглядом. — Сто лет, джентльмены, и мы снова будем на земле.

Повернувшись, он пошел к яме, затем посмотрел на золотые слитки и добавил:

— Как богачи, во всяком случае, — продолжал он, — как очень богатые люди.

У Де Круза дрожали губы.

— Через сто лет, — он закрыл глаза. — В точности как Рип Ван Винкль.

Весь остаток дня ушел на то, чтобы перенести золото в яму и засыпать землей. Последняя упаковка тола ушла на взрыв, который разрушил фургон. «Седан» вкатили в пещеру, покрыли маслом и завернули в брезент. А потом Фэрвэлл закрыл гигантскую стальную дверь, закрывавшую пещеру с внешней стороны и ничем не отличавшуюся от скал вокруг нее. Четверо сообщников стояли в тусклом свете ламп, установленных в пещере, их глаза были прикованы к четырем большим коробкам, ожидавшим их с тихим гостеприимством. По сигналу Фэрвэлла каждый забрался в свою коробку, закрыл крышку и заперся изнутри.

— Хорошо, джентльмены, — произнес Фэрвэлл по внутренней системе, связующей все саркофаги. — Прежде всего я хочу проверить, слышите ли вы меня. Постучите по боковой стенке, когда я назову ваше имя.

Последовала пауза.

— Де Круз?

Тот шевельнул дрожащей рукой и постучал по боковому стеклу.

— Ирб?

Из саркофага последнего послышался приглушенный стук.

— Брукс?

Тот, улыбаясь, постучал пальцами по стеклу и отдал салют.

Фонари слабо мерцали, и комната наполнилась оранжевой мглой, которая предшествовала наступлению полной темноты.

Голос Фэрвэлла был холодным и неторопливым.

— Сейчас я хочу последовательно и точно сообщить, что произойдет, — сказал он, его голос был глухим. — Во-первых, проверьте воздушные клапаны, расположенные справа вверх. Вы видите их там?

Каждый взглянул вверх.

— Хорошо, — продолжал голос Фэрвэлла. — Красная стрелка должна быть повернута к надписи «закрыто и загерметизировано». Теперь вы медленно считаете до десяти. Когда дойдете до десяти, дотянитесь левой рукой до углубления у вас над головой. Там есть маленькая зеленая кнопка. Вы все уже нашли.

В других трех саркофагах зашевелились.

— Вы должны нажать кнопку. Когда вы сделаете это, вы услышите слабый шипящий звук. Это газ начнет заполнять саркофаги. Сделайте три легких вдоха, затем долгий, глубокий. Через секунду на вас накатит тяжелое чувство сонливости. Не боритесь с этим. Просто продолжайте ровно дышать и сохраняйте спокойствие. Неплохо посчитать назад от двадцати. Это займет ваш ум и удержит вас от любого случайного движения. К тому времени, когда вы дойдете до восьми или семи, вы потеряете сознание.

Последовала еще одна пауза.

— Хорошо, — продолжал Фэрвэлл, — сначала проверьте воздушные клапаны, джентльмены.

Остальные последовали его инструкциям, и потом три пары глаз повернулись, насколько возможно, к первому саркофагу.

— Сейчас начинайте счет, — скомандовал Фэрвэлл, — и на счете «десять» откройте газ.

Губы четырех мужчин начали двигаться, когда они начали финальный отсчет, затем очень медленно в каждый «гроб» начал струиться белый молочный газ, пока тела внутри не пропали из вида.

— Спокойной ночи, джентльмены, — Фэрвэлл говорил с трудом и нечетко, — приятных сновидений и хорошего сна. Увидимся... в следующем веке.

Его голос ослаб.

— В следующем столетии, джентльмены.

Не было больше ни одного шороха, ни одного звука. Лампы в пещере вспыхнули и погасли, и больше не стало ничего, кроме темноты. Внутри стеклянных саркофагов глубоко и ровно дышали четверо мужчин, не осознавая тишину и темноту, безразличные сейчас и ко времени, проходящему над пещерой, расположенной в девяносто милях от поезда, потерпевшего крушение в пустыне Мохаве.

Прошло время. Разбитый остов фургона покраснел от ржавчины, развалился на маленькие куски металла, которые смешались с песком и были поглощены им. Дули ветра, солнце пересекало небо день за днем. Время бежало неумолимо, пока не настал момент, когда маленький рычажок внутри первого «гроба» щелкнул и крышка начала открываться.

Фэрвэлл открыл глаза. С минуту он выглядел озабоченным, постепенно его лицо прояснилось. Его тело казалось тяжелым и окоченевшим, ему понадобилось какое-то время, чтобы освоиться со своим телом. Тогда он очень медленно сел и дотянулся до фонаря. Он устроил эту систему с помощью нескольких батарей его собственного изобретения, встроенных в сваренный ящик, сделанный из стали и магния. Когда он нажал кнопку, луч света ударил в потолок пещеры. Внизу послышались движения, и раскрылись еще два саркофага, Де Круз и Брукс сели в своих «гробах». Последний остался закрытым.

Де Круз выбрался из саркофага, его ноги были деревянными и чужими. В его голосе билась дрожь:

— Не получилось...

Он пощупал лицо, потом начал поднимать и опускать руки.

— У нас нет бород, — сказал он, — у нас даже ногти не выросли.

Он обвиняюще посмотрел на Фэрвэлла.

— Хей! Мистер Умник с большими мозгами и готовыми ответами на любой вопрос — почему это не сработало?

— Должно было получиться, — сказал ученый. — Это доказательство — для дураков. Все функции остановились — ни бороды, ни ногти расти не могли. Говорю вам, все получилось. Иначе быть не могло.

Де Круз пересек темную пещеру и потрогал стены.

Он нашел гигантский рычаг в скале. Послышался скрежет ржавых цепей, и через мгновение стальная перегородка покатила по рельсам. В пещеру ворвался ослепительный свет, и трое мужчин зажмурились. Не скоро их глаза привыкли к солнечному свету. Потом Де Круз вышел на широкий уступ и посмотрел на горизонт.

— Посмотрите — там эта дурацкая автострада, — сказал он дрожащим голосом. — Она не изменилась. Она ни черта не изменилась.

Он повернулся на каблуках и схватил Фэрвэлла за ворот рубахи.

— Мистер Умник! Большие Мозги! Значит, вместо ста лет прошел какой-то час, и нас все еще ищут. И все это золото в пещере является мертвым грузом, поскольку все, кому не лень, будут его искать.

Фэрвэлл вырвался из его рук и повернулся лицом к пещере.

— Ирб, — сказал он. — Мы забыли Ирба.

Они побежали к четвертому саркофагу. Фэрвэлл первым увидел, что произошло. Он поднял большой кусок скалы и осмотрел его. Затем поднял голову и посмотрел на потолок, потом — на трещину в стеклянной крышке саркофага.

— Вот в чем причина, — мягко сказал он. — Камень разбил стекло, и газ улетучился.

Он посмотрел на скелет, лежавший в стеклянном гробу.

— Господин Ирб доказал мою правоту, джентльмены. Он определенно доказал мою правоту... дорогой ценой.

Брукс и Де Круз смотрели на останки Ирба. Ни один из них не проронил ни слова. Потом последний спросил:

— Сколько времени... сколько нужно, — он показал в сторону скелета, — сколько нужно времени, чтобы труп разложился?

Фэрвэлл взмахнул рукой.

— Год или сто лет.

Он посмотрел на вход в пещеру.

— По моим предположениям сейчас 2061 год.

Трое вышли на солнечный свет.

— Теперь следующий пункт, — быстро сказал Де Круз. — Мы перенесем золото в машину и отвезем в первый попавшийся город. Либо мы найдем скупщика, либо мы переплавим его.

Он взглянул на ученого.

— Мы планировали это, не так ли?

Фэрвэлл смотрел на него, на его руки. В этом взгляде было что-то такое, что заставило того опустить руки по швам.

— Мистер Де Круз, почему бывает так, — спросил первый, — что жадные люди не умеют мечтать и они начисто лишены воображения, они самые глупые?

Де Круз закусил губу.

— Послушайте, Фэрвэлл...

Тот кивнул головой в сторону горизонта и перебил его:

— Впервые, впервые, Де Круз, за всю историю человечества мы взяли сто лет и положили в карман пиджака. Мы взяли лицензию на жизнь и пережили ее. Мы уже получили свой кусок пирога, но нам досталось еще по куску.

Он говорил тихо и задумчиво.

— Это настоящее приключение. Несмотря на то, что ты слегка к нему равнодушен, это действительно приключение. Это — мир, которого мы раньше не видели. Новый, волнующий, только что с иголки, и мы войдем в него.

Лицо слушавшего исказилось.

— Но с золотом, Фэрвэлл, — сказал он, — с золотом стоимостью в два миллиона. Вот как мы вступим в этот мир.

— Конечно, — тихо согласился ученый. — Конечно.

Он продолжал смотреть через пустыню.

— Хотелось бы знать, что это за мир.

Он повернулся и медленно пошел через уступ, сознавая важность момента, чувствуя переизбыток от сознания, шептавшего ему, что из всех живущих только они смогли победить время.

Де Круз пошел за ним и начал откапывать золото. Всякий раз, как ему попадался слиток, он вскрикивал от радости и возбуждения. Брукс помогал ему, и оба они разделяли энтузиазм, продолжая копать.

Но для Фэрвэлла золото потеряло значимость. Он смотрел, как они откапывают его и вытирают масло с машины. Все напряглись, когда Де Круз сел на водительское место и повернул ключ зажигания. Двигатель взревел. Он работал так, точно машина была припаркована час назад, это было запоздалой оценкой умения Ирба. Но Фэрвэлл лишь отдаленно слышал работу двигателя и почти не осознавал, что в машину грузится золото. Его занимало то, что лежало за пустыней — спрятанный новый мир, ждущий первооткрывателей.

Де Круз отключил зажигание и спросил:

— Все готово?

Фэрвэлл ответил вопросом на вопрос:

— Все загружено?

Де Круз кивнул.

— Машина готова. — Он отвернулся, в его глазах таилась какая-то хитрость.

— Может быть, — сказал он, не глядя на остальных, — мне стоит поездить на ней туда-сюда? Проверить, все ли в порядке?

Брукс, голый по пояс, по нему струился пот, шагнул к машине.

— Да ты самый хитрый парнишка, который когда-либо спускался с гор! Ты хочешь совершить небольшую прогулку, а? — передразнил он. — И проверить, в порядке ли машина. Только ты и золото. Да я тебе не доверил бы золото, даже если оно было бы зубом во рту твоей матери. Нет, дружище, когда мы двинемся отсюда, мы двинемся вместе.

Сказав это, он обратился к ученому:

— Где фляга? Мы должны ее наполнить.

Фэрвэлл показал на флягу, находившуюся в ста метрах в стороне.

— Вон там, где мы похоронили Ирба, — сказал он.

Брукс кивнул и пошел через песок туда, где рядом со свежевырытой могилой стояла фляга.

Де Круз наблюдал за ним, сузив глаза. Он очень осторожно и незаметно повернул ключ зажигания и завел двигатель.

Фэрвэлл закрывал вход в пещеру, когда он заметил машину, несущуюся через уступ. Брукс увидел ее в ту же секунду, и его первоначальное удивление сменилось диким страхом, когда он увидел возле себя машину, несущуюся на него, как бешеный зверь.

— Де Круз! — взвизгнул он. — Де Круз! Ты, проклятый ублюдок!

Тот продолжал смотреть перед собой через лобовое стекло. Он видел панический прыжок в сторону, который совершил Брукс, но слишком поздно. Он услышал удар по металлу, ощутил толчок, треск костей. Одновременно с этим до него донесся крик покаленного

человека. Он пустил машину вперед, держа ногу на акселераторе. Потом он оглянулся через плечо и увидел тело Брукса, лежащего лицом вниз в ста футах позади него. Он убрал ногу с акселератора и нажал на тормоза.

Ничего не случилось. У Де Круза сжалось горло, когда он понял, что край уступа был в нескольких ярдах от него. Он снова затормозил и в отчаянии прибег к крайней мере. Слишком поздно. Машина была обречена, до того как она должна была перевалить через край уступа, оставалось несколько секунд.

Де Крузу удалось открыть дверь и выпрыгнуть из машины. Удар сбил его дыхание, и он почувствовал песок во рту. Одновременно с этим он услышал звук разбившейся о скалы машины в сотне футов внизу.

Де Круз поднялся и подошел к краю уступа. Он смотрел на машину, которая теперь походила на игрушку, сломанную ребенком в приступе гнева. Он оглянулся на Фэрвэлла, стоявшего над искалеченным телом Брукса. Их глаза встретились, и ученый подошел к нему.

— Де Круз... Де Круз, зачем ты это сделал? — Он посмотрел на машину, лежавшую на боку, и снова оглянулся на мертвеца.

— Почему? — прошептал он. — Скажи, почему?

— Брукс погиб случайно... разве ты не видел?

— Почему произошло несчастье? Зачем ты сделал это?

Де Круз небрежно кивнул на машину.

— Это в мои планы не входило. Я хотел гибели Брукса, а не автомобиля.

Потом с вызовом в голосе произнес:

— Мертвый груз, Фэрвэлл, слишком много мертвого груза.

Он улыбнулся, и уголки его рта поползли вверх, Фэрвэлл увидел злость в его глазах. Он вспомнил, когда тот к ним присоединился. Это был единственный человек, умеющий выжидать, подумал он. Но он вспомнил слишком поздно. Он снова посмотрел на тело Брукса, наполовину засыпанное песком, его ноги торчали оттуда под невообразимым углом.

Слишком поздно для Брукса. И снова он взглянул в темные глаза, которые продолжали с вызовом смотреть на него. Может быть, слишком поздно и для самого себя. Он намеренно повернулся и пошел обратно к пещере.

— Я продолжаю вас недооценивать, Де Круз, — сказал он на ходу.

— Фэрвэлл! — крикнул ему Де Круз.

Тот остановился, не оборачиваясь.

— Теперь сделаем по-моему, а? Возьмем все, что сможем, и сложим в два рюкзака, потом доберемся до дороги.

Первый молчал с минуту и взвешивал. Затем пожал плечами.

— В данный момент у нас нет другого выбора.

Он подумал о машине далеко внизу в ущелье, потом засмеялся.
— Это очевидно, — хихикнул он. — Обычная, идиотская, до смешного ясная вещь.

Он снова засмеялся и продолжал трясти головой, и Де Круз озабоченно смотрел на него.

— Даже если бы она была на ходу, — объяснил он, — даже если бы ты не разбил ее, — он махнул в сторону ущелья. — Номерным знакам — сто лет. Нас сцапали бы в тот же момент, как мы выехали бы на шоссе.

Он снова хихикнул, на этот раз мягче, и посмотрел на раскаленное солнце.

— Возьмем, что сможем, но пешком идти будет очень жарко. Очень жарко.

Он улыбнулся Де Крузу.

— Вы совершенно правы, мистер Де Круз. А сейчас лучше добраться до шоссе.

Четыре часа они спускались вниз по песчаным склонам холма, к шоссе. Они шли молча, каждый нес рюкзак, полный золотых слитков, каждый чувствовал палящее солнце. Только к обеду они добрались до автострады № 91. Она пересекала равнины Озера Иванпа к западу и к востоку. Путники помедлили на одной из ее обочин, потом Фэрвэлл показал на восток. Они выше подняли рюкзаки и пошли по обочине.

Часом позже Фэрвэлл поднял руку и, сутулясь, остановился. На его лице была маска боли и смертельной одышки.

— Подождите, Де Круз, — сказал он, тяжело дыша. — Я должен отдохнуть.

Его спутник взглянул на него и улыбнулся. Все, что требовало силы, воли, решительности и жизнерадостности — вот что он понимал и мог побороть. Это был молодой зверь без единого уязвимого места.

— Как дела, Фэрвэлл? — спросил он с загадочной улыбкой. Тот кивнул, не желая говорить, его глаза блестели от перенапряжения.

— Судя по карте, до следующего города двадцать восемь миль. С такой скоростью мы не доберемся туда и завтра к полудню.

Де Круз продолжал улыбаться.

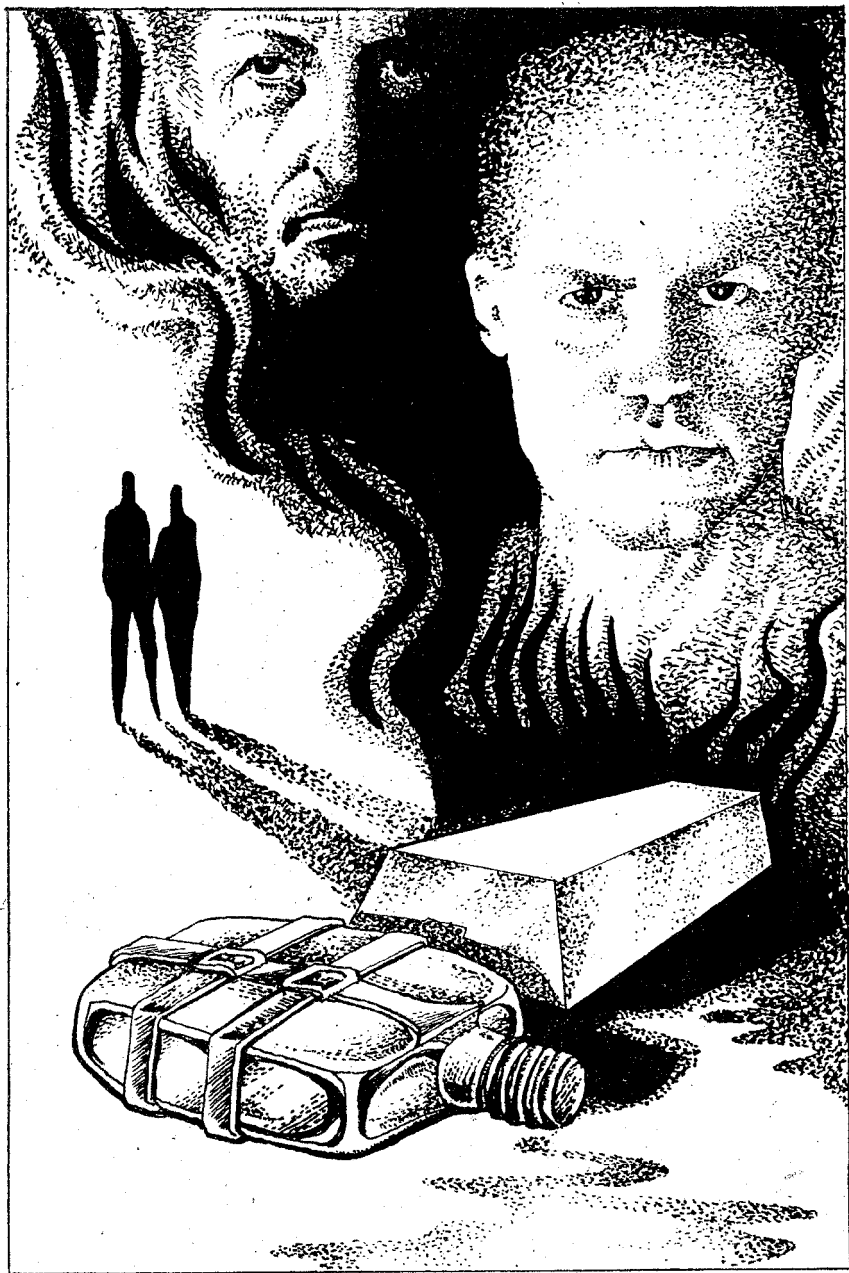
— При такой скорости вы никогда не дойдете туда. Я говорил, что тебе лучше остаться и стеречь золото. Я говорил тебе, Фэрвэлл.

На этот раз улыбнулся ученый.

— О да, вы говорили, мистер Де Круз. — Его улыбка теперь была кривой. — Но я не думаю, что я снова увидел бы тебя. Думаю, я бы там умер.

Он посмотрел на бесконечное полотно дороги и сузил глаза.

— До сих пор нам не попалась ни одна машина, — задумчиво сказал он. — Не было ни одной машины.

Он пробежал глазами по дальним горам, и в его лицо закрался страх.

— Я не подумал об этом. Я даже не подумал об этом. Так же, как с номерными знаками. Что, если...

— Что, если что? — Де Круз говорил тише.

Ученый смотрел на него.

— Что случилось за эти последние сто лет, Де Круз? А что, если была война? Что, если русские сбросили бомбу? Вдруг это шоссе ведет...

Он не договорил.

Он просто сел на песчаную обочину дороги, снял рюкзак, посмотрел в одну сторону, потом в другую, словно пытаясь стряхнуть тяжесть жары и отчаянной усталости.

Де Круз подошел к нему поближе.

— Ведет к чему? — сказал он, в его голосе был страх.

Ученый прикрыл глаза.

— Ведет в никуда. Вообще никуда не ведет. Возможно, впереди нет никакого города. И людей там наверняка тоже нет.

Он начал смеяться, бесконтрольно качаясь, потом он упал на бок и лежал, продолжая смеяться.

Де Круз схватил его и тряхнул.

— Хватит, Фэрвэлл! — напряженно сказал он. — Говорю тебе, хватит!

Фэрвэлл взглянул в темное, потное лицо, близкое к истерике, и покачал головой.

— Ты — испуганный маленький человечек, правда, Де Круз? Ты всегда был трусливым маленьким человечком. Но не твой страх беспокоит меня. Из-за своей жадности ты не ценишь иронии. Совсем не ценишь. И не будет ли это высшей иронией — идти до тех пор, пока наши сердца не закипят, таща на себе все это золото?

Он резко замолчал, поскольку тишину пустыни разорвал отдаленный гул. Он был таким слабым, что ученый сначала подумал, что звук возник в его воображении. Но гул нарастал и зазвучал в полную силу. Де Круз тоже услышал его, и оба путника посмотрели на небо. Сначала они увидели пятнышко, которое постепенно обрело форму — через ясное небо пустыни летел реактивный самолет, оставляя длинный белый хвост. Затем он исчез в дали.

На этот раз смеялся Де Круз.

— Мир существует, Фэрвэлл, — победоносно сказал он. — Вот доказательство. И это значит, что впереди есть город. И мы попадем туда, дружище. Мы вступим в него. Идем, Фэрвэлл, пошевеливайся.

Он вернулся за своим рюкзаком, поднял его на плечо, достал фляжку, отвинтил крышку и долго пил, вода стекала по его подбородку, а он продолжал жадно поглощать воду. На самом пике своего удовольствия он взглянул на Фэрвэлла и улыбнулся.

Рука Фэрвэлла покоилась на поясе, но теперь он смотрел вниз на маленькую цепь, на которой ничего не было.

Он взглянул на Де Круза. Его голос дрогнул.

— Я потерял флягу, — сообщил он. — Должно быть, я оставил ее на том месте, где мы в последний раз делали привал. У меня нет воды.

Он пытался говорить ровным голосом, на его лице ничего не было, но никакое притворство, хотя и скрытое, не могло обмануть реальность.

Он знал это, и слабая улыбка, появившаяся на лице Де Круза, показала ему, что тот прекрасно это сознавал.

Де Круз поднял рюкзак повыше.

— Какая трагедия, мистер Фэрвэлл, — сказал он с усмешкой. — Это самая печальная история, которую я услышал за сегодняшний день.

Ученый облизал губы.

— Мне нужна вода, Де Круз. Я очень хочу пить.

Преувеличенная заинтересованность появилась на лице последнего.

— Вода, мистер Фэрвэлл? — Он оглянулся, как это делают плохие актеры. — Ну, мне кажется, что где-то поблизости должна быть вода, которую вы можете использовать.

Он посмотрел на свою флягу, словно играя какой-то фарс.

— О, да вот же она, вода, мистер Фэрвэлл.

Сквозь пылающий воздух он смотрел на опаленное лицо старого человека.

— Один глоток — один слиток. Вот цена.

— Вы сошли с ума, — ответил тот. — Вы выжили из своего проклятого ума.

— Один глоток — один слиток. — Де Круз больше не улыбался. Это были условия, которые он диктовал.

Фэрвэлл посмотрел на него, затем медленно достал из рюкзака один слиток и бросил его на дорогу.

— Я продолжаю недооценивать вас, Де Круз. Да вы — предприниматель, — сказал он.

Тот пожал плечами, отвинтил крышку и подал ему флягу.

— Разве это не так? — спросил он.

Фэрвэлл начал пить, но через пару глотков Де Круз отодвинул от него флягу.

— Один глоток — один слиток, — повторил он. — Это будет сегодняшней ценой. Завтра цена может подскочить. Я еще не справлялся на рынке. Но сегодня вода и золото пойдут один к одному. Пошли, Фэрвэлл! — Последние слова он сказал другим тоном, как человек, взявший власть в свои руки.

Он сунул слиток в свой рюкзак, резко повернулся и пошел по шоссе. Он мог видеть через плечо, как ученый с трудом встал на ноги

и потащил рюкзак по дороге, точно непокорный избалованный ребенок, вынужденный идти за старшим.

В четыре часа дня старик почувствовал, что не может дышать. Его сердце, точно кусок свинца, билось о ребра спереди и сзади. Полуденное солнце было жарким и настойчивым, медленно снижаясь к дальней цепи гор.

Де Круз, на несколько ярдов опережавший его, повернулся к нему с улыбкой. Его голос был невыносим для ученого. В нем было разъедающее презрение, невыносимое превосходство сильного, подавлявшего слабого.

— В чем дело, Фэрвэлл? — спросил сильнейший. — Уже выдохся? Черт, нам идти еще четыре-пять часов.

Слабый остановился и покачал головой. Его губы потрескались, и для него было пыткой прикоснуться к ним даже кончиком языка.

— Стой, — невнятно проговорил он. — Я должен отдохнуть. Я хочу пить, Де Круз... Не могу без воды.

Он качался на ногах, его глаза ввалились.

Де Круз улыбнулся ему. Настал такой момент, когда и для него золото действительно перестало что-то значить. Противопоставление лидера и ведомого теперь диктовали не мозги, а элементарные частицы. Он стоял возле старика, наслаждаясь его агонией.

— У меня осталась четверть фляжки. — После этих слов он поднял ее и отпил. — Это хорошо. Очень хорошо.

Вода стекала с уголков его рта.

Фэрвэлл протянул дрожащую руку.

— Пожалуйста, Де Круз, — говорил он потрескавшимися губами, слова искажались от боли, которую они ему причиняли. — Пожалуйста, помоги мне.

Тот намеренно поднял флягу.

— Цена сегодня несколько изменилась. За один глоток — два слитка.

Ноги подвели Фэрвэлла, и тот встал на колени.

Медленно, болезненно он снял рюкзак и большим усилием воли высыпал золотые слитки. Их оставалось четыре. Он был не в состоянии поднять сразу два слитка, поэтому он пополз, толкая их к другому человеку. Де Круз легко их поднял и положил в свой рюкзак.

Их вес порвал рюкзак сбоку, но Де Круз этого не видел. Он осмотрел разбухший рюкзак, потом взглянул на Фэрвэлла. В усталых глазах он увидел ненависть, и это доставило ему извращенное удовольствие.

— Ты злишься, Фэрвэлл? — спросил он. — Уж не злитесь ли вы?

Тот молчал. Очень медленно он свернул свой рюкзак толстыми, потными пальцами и сел на него, тяжело дыша, вдохи и выдохи были импульсами перетрудившихся легких, сдавленных до невероятной боли.

Они проспали ночь и в семь утра снова пустились в путь. Выносили-

вость Де Круза не убывала, и он намеренно шел слишком быстро для своего спутника, шатавшегося и спотыкавшегося на каждом шагу.

Де Круз несколько раз останавливался и с улыбкой смотрел через плечо. Дважды он пил, делая это напоказ, и когда второй догонял его, он закрывал крышку и прибавлял шаг.

Его спутник походил на привидение, мертвые, тусклые глаза на грязном, покрытом песком лице, губы и кожа потрескались, как старые заплаты.

В полдень солнце превратилось в палящую массу, и старик вдруг побелел и упал на колени. Де Круз подождал его, но понял, что на этот раз старик не поднимется. Он приблизился к нему и толкнул его ногой.

— Фэрвэлл, — позвал он.

Последовало молчание. Старик походил на мертвеца.

— Пошли, Фэрвэлл. Нам осталось несколько миль.

Человек на земле застонал. Он поднял голову, не открывая глаз, его рот был раскрыт, и язык болтался.

— Нет. — Его голос походил на стон животного. — Нет, — снова сказал он. — Я больше не могу идти. Мне нужна вода.

Де Круз хихикнул и вручил ему флягу.

— Один глоток, мистер Фэрвэлл, один глоток.

Руки старика дрожали, когда он схватил ее и поднес ко рту. Он слышал плеск воды, и все его инстинкты, все его стремления — единственный ключ к выживанию — были вложены в это движение, когда он поднес флягу ко рту. Де Круз быстро и тяжело опустил руку и отнял у него фляжку. Ее верхушка ударила по нижней губе, полилась кровь, и он удивленно взглянул наверх.

— Мы не обговорили условия, — проговорил Де Круз, буравя его глазами. — Сегодня цены снова поднялись.

Глаза Фэрвэлла почти закрылись, когда он болезненно снял с шеи рюкзак и уронил его на землю. Он пнул его.

Де Круз хохотнул и сел на колени, чтобы взять его. Делая это, он поставил свой рюкзак на шоссе, и один из слитков выпал, когда тот перевернулся. Он сидел спиной к Фэрвэллу, собирая золото.

Старик наблюдал за ним, удивляясь, что может чувствовать ненависть в такую минуту, что он вообще может что-то чувствовать кроме страданий. Однако ненависть помогла ему осознать, что это его последняя минута, последняя возможность.

Он видел широкую спину Де Круза, ненавидя его молодость, его мышцы, игравшие под рубашкой, ненавидя его за то, что тот победит, а он, Фэрвэлл, умрет. Он чувствовал, как в нем просыпается злость, и на одно мгновение почувствовал силу и решимость. Его пальцы сжали золотой слиток, и он медленно поднял его. Потом, встав на ноги, каким-то чудом ухитрился поднять его еще выше. И в тот момент, когда Де Круз взглянул вверх, он шагнул к нему. Фэрвэлл отпустил слиток и ударил Де Круза по виску.

Де Круз коротко выдохнул и упал навзничь. Снова старик поднял слиток и уронил его на обращенное к нему лицо противника. На этот раз череп убитого с треском вдавился внутрь. И через заливавшую лицо кровь глаза покойника смотрели в небо. В них застыло последнее чувство, которое пережил этот человек. Удивление. Крайнее удивление.

К убийце вернулась слабость. Он стоял там, шатаясь, ноги его напоминали два резиновых шланга, а тело — сплошной синяк. Он повернулся и пошел к фляжке, лежащей на боку. Вода вылилась в песок. Фляга была пуста.

Старик заплакал, слезы текли по его грязному обросшему лицу. Он упал на колени, его плечи вздрагивали, а пальцы ласкали пустую фляжку, словно он мог что-то из нее выжать.

Через какое-то время он поднялся на ноги, посмотрел на золотые слитки, разбросанные вокруг, и покачал головой. Это были бессмысленные груды мертвого груза. Но он знал, что это — все, что у него осталось.

Он сел и попытался бороться с ними, пытаясь собрать, потом начал толкать их к рюкзакам. Но сил в нем больше не было, и ему стоило нечеловеческих усилий поднять один слиток, который он прижал к телу обеими руками. Его он и понес по шоссе, — шатающаяся фигура человека, который движется благодаря рефлексу и больше ничему. В горле и во рту у него не осталось больше жидкости, и каждый вдох причинял ему боль, пронзавшую все тело. Но он шел и продолжал идти до вечера.

Он потерял сознание и не знал, что при падении ударился щекой о скалу. Он лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как на него нахлынуло сонное удовлетворение. Затем с силой открыл глаза, услышав звук. Сначала это был неясный дальний звук, потом он начал походить на шум мотора.

Он попытался пошевелить руками и ногами, но они его не слушались. Он хотел повернуть голову, но сумел только скосить глаза. Боковым зрением он видел приближение какого-то механизма — низко посаженный металлический предмет, летевший к нему и снизившийся. Шум двигателя сразу смолк.

Он услышал шаги на шоссе и взглянул вверх. Над ним стоял мужчина в одежде свободного покроя, но он был виден нечетко, как бы в тумане; и Фэрвэлл не мог справиться с распухшим языком и потрепавшимися губами. Он ужаснулся, когда понял, что молчит. Но потом раздался голос. Он напоминал по звучанию медленно останавливающуюся пластинку. Слова были гротескными и почти бесформенными, но он говорил.

— Мистер... мистер... здесь золото. Это настоящее золото. Я отдам его вам, если вы довезете меня до города. Если вы дадите мне воды. Я должен попить.

Он рывком руки указал туда, где в футе от него лежал последний золотой слиток.

— Золото, — снова говорил голос. — Это настоящее золото. И вы можете получить его. Я отдам его вам. Я отдам его вам.

Пальцы конвульсивно сжались и неожиданно разжались. Человек на земле вздрогнул и затих.

Мужчина опустился на колени и прислушался к ударам сердца. Когда он поднялся, то покачал головой.

— Бедный старик, — сказал он. — Интересно, как он сюда попал? Откуда он взялся?

Женщина в машине привстала и посмотрела на мертвеца.

— Кто это, Джо? — спросила она. — Что с ним случилось?

Мужчина вернулся в аппарат и занял водительское место.

— Какой-то бродяга — вот кто. Теперь он мертв.

Женщина взглянула на слиток в руке мужа.

— Что это?

— Золото. Он так сказал. Хотел дать его мне, если я отвезу его в город.

— Золото? — Женщина сморщила нос. — Что же он мог делать с этим золотом?

Мужчина пожал плечами.

— Не знаю. Спятил, я думаю. Каждый, кто прогуливается по пустыне в это время суток, должен сойти с ума.

Он покачал головой и поднял слиток.

— Можешь себе представить? Предлагал его так, точно оно имеет какую-то ценность.

— Но когда-то оно было в цене, правда? Разве люди не использовали его вместо денег?

Мужчина открыл дверь.

— Конечно, приблизительно сто лет тому назад или вроде того, до того, как был найден способ его производства.

Он взглянул на тусклый тяжелый металл и бросил его на обочину. Дверь закрылась.

— Когда мы доберемся до города, мы направим сюда полицию, и они заберут его.

Он нажал кнопку на пульте, поставив автоматический контроль за дорогой, потом через плечо взглянул на тело Фэрвэлла, напоминавшее пугало, упавшее от ветра.

— Бедный старик, — сказал он задумчиво, когда механизм медленно поехал вперед. — Интересно, откуда он тут взялся?

Мужчина сложил руки за голову и закрыл глаза.

Женщина нажала другую кнопку, и верх закрыло стеклянной крышкой, преграждавшей доступ жару. Машина поехала по шоссе и через минуту исчезла.

Полицейский вертолет прибыл через пятнадцать минут, покружил над телом и сел. Двое полицейских подошли к телу Фэрвэлла, мягко положили его на носилки и отнесли в вертолет. Старший офицер записал подробности в маленьком блокноте.

— Неопознанный мужской труп. По возрасту примерно шестидесяти лет. Умер от перегрева и истощения.

Три неровные линии в полицейском блокноте — и мистер Фэрвэлл, доктор физических и химических наук, был занесен в список мертвых.

Неделю спустя был найден труп Де Круза, почти разложившийся, а вскоре — тело Брукса и скелет Ирба.

Все четверо мужчин были загадкой, и их тела были преданы земле неопознанными и неоплаканными. Золото осталось лежать там, где оно было, разбросанное по пустыне и сложенное на заднем сиденье развалившегося древнего «седана». Вскоре его поглотила растительность, оно заросло шалфеем, полынью, другими сорняками и вечными кактусами.

Как и господа Фэрвэлл, Ирб, Брукс и Де Круз, оно не имело никакой цены. Совсем никакой.

СУДНАЯ НОЧЬ

Беззвучно подкравшись, злобный морской туман непостижимо быстро окутывал медленно движущийся корабль своими непроницаемыми клубами. Временами эти влажные витки размыкались, обнажая фрагменты плывущего судна для наблюдателя, который отсутствовал. Потом ползущий корабль снова скрывался, словно ощущая свой путь через вечность. Потому что объятия тумана были не только смутными, они были бесконечными. Это судно было скорее частью тумана, чем реальным кораблем из стали и других материалов. Правда, это происходило в военное время, когда осторожность зачастую вынуждала шкипера применять в опасных водах особый стиль навигации. И все же это мог быть корабль, никогда не существовавший ранее и которого не будет в будущем, если принять во внимание то, как неохотно туман позволял увидеть самые незначительные его детали.

Одинокий корабль, плывущий и плывущий в никуда.

Таким он казался высокому мужчине с бледным лицом, который стоял у влажного от тумана борта, запуская длинные пальцы в светлые волосы, повторяя тихо и медленно какие-то слова. Так же, как корабль ощупью искал свой путь через вечность, мужчина пытался вытянуть из памяти воспоминания о прошлом, которые помогут ему сориентироваться в настоящем и позволят оценить будущее.

Несмотря на то, что ему было лишь немного за тридцать, его явно что-то терзало, и впечатление это усиливалось морщинами на лице и на лбу. Хотя он походил на мореплавателя, но был определенно незнаком с обстановкой вокруг. В бесцветных глазах было замешательство, когда он изучал открытую палубу за коротким рядом кабин. Ему стоило труда прочитать название на спасательной шлюпке, свисающей со шлюпбалки. Только приглушенный шум двигателя задел соответствующую струнку его человеческой натуры, да и это было слишком смутно.

Теперь он повторял имя, в такт пульсирующим ударам мотора: «Куртис Лансер — Куртис Лансер — Куртис Лансер». Это было его имя; он знал, что так должно было быть, поскольку это была единственная мысль, прорывавшаяся в его ищущем уме. Но имя было правильным лишь наполовину, как и особый шум мотора, который он узнал, поскольку тот напомнил ему более привычный звук, который он был неспособен связать с чем-то определенным.

— Куртис Лансер.

Имя подходило, потому что не могло не подойти. И теперь он мог прочитать другое имя на спасательной шлюпке: «Королева Глазго». Значит, он, Куртис Лансер, находится на борту «Королевы Глазго», грузового судна, пробивающегося через туман. Судна водоизмещением около пяти тонн, вчера вышедшего из Ливерпуля, направляющегося в Нью-Йорк. Все это промелькнуло в уме Лансера неожиданно и автоматически, и одновременно с его губ сорвался короткий смешок.

Лансер был одинок, очень одинок, в известном смысле, здесь, на незнакомом корабле, хватаясь за малейший проблеск того, что, как он знал, лежит впереди. Но он был не в самом плохом положении, по крайней мере, не хуже самой «Королевы Глазго». Она тоже была одна и в действительно серьезной ситуации, поскольку отбилась от своего конвоя. Лансер понял это по уменьшенной скорости корабля и по полному отсутствию предупредительных свистков из окружавшего тумана и с самой «Королевы».

Первый смешок Лансера был гортанным и нервным. Теперь смех звучал легче и уверенней. Румб он находил достаточно хорошо и мог нанести свой маршрут на карту, возможно, даже точнее, чем сам корабль. Тому приходилось иметь дело с туманом, а Лансеру — только с людьми. До сих пор он избегал встреч с пассажирами, чтобы они ничего не могли узнать о нем. Вот как мало он узнал; теперь же он считал, что, если он сам не знал своего секрета, он, конечно, не мог его выдать.

Возможно, наоборот, он мог узнать что-то у тех людей, что позволят ему отыскать дорогу к себе, с которой он сбился. Те пассажиры станут его охраной, встретившись с ними, он мог вернуться к здравому смыслу, так же как «Королева Глазго» стремилась найти другие

корабли, которые она потеряла, и обрести таким образом безопасность.

— Я — Куртис Лансер, — слова четко слетали с его губ. — Я — пассажир «Королевы Глазго», идущей в Нью-Йорк. Моя каюта номер... — Он пошарил в кармане пиджака, достал ключ и взглянул на него: — двадцать восемь. Если вы хотите задать мне вопросы...

Он резко смолк, поскольку дверь открылась, отбросив на палубу полоску света. Из нее вышел стюард в униформе и быстро закрыл дверь, соблюдая правила светомаскировки. Он повернулся, увидел, что Лансер смотрит на него, и слегка поклонился.

— Скоро кончат накрывать ужин, — сказал стюард. — Вам лучше спуститься вниз, если вы будете ужинать.

Стюард пошел вдоль палубы, а Лансер вошел внутрь. Он пережил успех, не сказав ни одного слова. Прежде он сразу бы отвернулся к борту, чтобы избежать взгляда стюарда или кого-нибудь еще; он смутно мог вспомнить, что делал так раньше до этой стадии путешествия. Теперь он обрел присутствие духа, ранее утраченное. Однако он все еще был в замешательстве относительно того, кем же он был на самом деле, почему он был на этом судне и больше всего: что за опасность, терзавшая его ум так же неотступно, как равномерные удары моторов, лежала впереди.

На борту пробили склянки, и в звуке слышалась знакомая нота, придавшая Лансеру новую уверенность. Он узнал сходной трап и пошел по нему в скромный обеденный салон, небольшую комнату с импровизированной стойкой в одном конце и несколькими столиками в другом. За ними ужинали несколько пассажиров, разговаривая приглушенными напряженными голосами. Большинство уже поужинали, и, видимо, дым их сигар и сигарет придавал комнате дымный вид, напоминавший о тумане снаружи.

Какой-то человек, как фигура из грез, поднялся из-за стола и прощаркал к Лансеру. Из расплывчатого пятна его лицо стало унылой физиономией с высоко вздернутым носом и несколько залысым лбом. Его возраст приближался к пятидесяти, и он дружелюбно спросил:

— Вы — Куртис Лансер, не так ли?

— Да, — твердо, как на палубе, подтвердил он. — Я — Куртис Лансер.

— Меня зовут Джерри Поттер, — сообщил лысоватый человек. — Мы ждали вас к ужину. Ваше имя мы видели в списке эконома, и, знаете, представляли, как вы выглядите.

Он проводил Лансера к столу, за которым сидели другие пассажиры, и Куртис сел на стул, предложенный ему Поттером. Последовала процедура знакомства, во время которой Поттер представил всех. Там была жена Джерри, привлекательная для своих лет женщина с вынужденно скромной улыбкой, которая выдавала в ней бывшую певицу из шоу, все еще пытающуюся играть свою роль. За ней сидел

майор Деверо, мужчина с широким мясистым лицом, чья спина и плечи были в военном пиджаке прямыми, как шомпол. Майор грубо представил миссис Деверо, изможденную, усталую седую женщину, которая совсем не улыбалась. Последней была Барбара Стэйли, девушка, которой едва минуло двадцать лет, изо всех сил пытавшаяся скрыть свое волнение, которое другими пряталось под изысканными улыбками. Как и волосы, глаза девушки были темно-коричневыми, и, когда она встретила взгляд Лансера, в них загорелась искра надежды. Казалось, она хочет задать ему какой-то вопрос, но потом подавила свое любопытство быстрой, почти извиняющейся улыбкой.

У локтя Лансера возник стюард и вежливо спросил: «Вы будете ужинать, сэр?»

Ответ Лансера: «Спасибо, нет» — вызвал другой вопрос:

— Может, вы хотите десерт?

Тон Куртиса был слегка раздраженным:

— Нет, нет, я уже сказал вам, что не буду есть никакого десерта...

Тут он вдруг замолчал и озадаченно взглянул на стюарда. И этот человек, и сама ситуация были каким-то образом ему знакомы.

— Мы все это говорили раньше, — сказал он, растянув губы в ровной улыбке. — Теперь ваша очередь спросить, не хочу ли я кофе. Тогда я смогу ответить «Да», в том смысле, что действительно хочу.

— Я как раз собирался спросить вас об этом, — поспешно ответил стюард. — Ваш кофе будет прямо сейчас, сэр.

Для Куртиса все это было отголоском прошлого. Остальные пассажиры не поняли, насколько серьезен был Лансер, поэтому все вежливо улыбнулись над тем, что, по их мнению, соответствовало его представлению о шутке. Это растопило лед и позволило Барбаре спросить:

— Вы едете домой, мистер Лансер, или из дома?

Именно этот вопрос Куртис задавал себе там, в тумане. Вся смутная неопределенность, сочетание знакомого и чуждого могут закончиться только тогда, когда он узнает, куда он в действительности едет и почему. Домой! Слово вызвало в нем умственное смятение, но он почувствовал, что девушка смотрит на него, гадая, почему он не отвечает. Это значило, что и остальные тоже удивляются, почему он молчит. Мучимый этой дилеммой, он услышал механически слетевшие с его губ слова, вдруг осознав, что это — правда:

— Я покинул дом.

Глаза Барбары пристально его изучали. Могла ли она разгадать секрет, над которым он все еще бился? Знала ли она, кто он такой и причину его присутствия здесь? Или то, что он видел в этих темных задумчивых глазах, было чистым сочувствием? Пока он обдумывал эти вопросы, произнося их в такт гулу моторов, эта проблема была устранена, когда миссис Деверо сказала:

— Мы тоже удаляемся от дома. Майор возглавит военную миссию в Вашингтоне.

— Вот мое место назначения, — сказал Поттер Лансеру. — Вашингтон. Еду вместе с Министерством военной промышленности. Миссис Поттер едет в Чикаго, там она будет жить. Мы уже все перезнакомились. — Поттер обвел остальных пассажиров жестом. — Кроме вас, мистер Лансер.

Лансер ответил застывшим поклоном:

— Думаю, я должен чувствовать себя польщенным.

— Да, — подтвердил Поттер. — Я очень хорошо распознаю людей, когда их вижу, знаете, это часть моей работы, и я бы сказал, что вы преподаете языки, скажем, в Оксфорде или любом другом университете.

Поттер выстрелил вслепую и не ошибся. Это вызвало у Лансера определенные воспоминания о счастливейшем времени до второй мировой войны, в которую, по его ощущениям, его втянули, однако он чувствовал, что это было каким-то подвохом, которого он не понимал.

— Да, я преподавал языки, — медленно ответил он, — но не в Оксфорде.

— Тогда где же вы работали? — поинтересовался Поттер.

— Во Франкфурте, в Германии.

— Франкфурт, Германия! — повторила миссис Поттер, в ее голосе послышался ужас. — Но какие языки вы преподавали?

— Например, английский.

— О, — миссис Поттер облегченно вздохнула. Он был уверен, что и другие разделяли это чувство. — Вы были «обменным»* профессором?

— Да, можно назвать и так.

Вернулся стюард с кофе, и мысли Лансера, успокоенные было слабым воспоминанием о прошлом, вновь помутились в условиях неизбежного настоящего. Лицо стюарда, выплывшее из туманных очертаний, так отпечаталось в сознании Лансера, что заполонило его.

— Я видел вас раньше; — начал он, — но где?

— Я не знаю, сэр, — ответил стюард, — если только вы не путешествовали на этой калоше раньше. Только одни и те же пассажиры встречаются у нас не часто.

И, судя по обветшалому, запущенному состоянию так называемого салона, было удивительно, что на борту «Королевы Глазго» вообще были пассажиры. Но время было военное, и люди пользовались любой возможностью, чтобы добраться до места назначения. Лансер не только осознал этот факт; он понял, что это относилось к нему так же, как и к другим пассажирам.

---

* До второй мировой войны в Европе существовала практика обмена преподавательским составом.

Кроме того, стюард противоречил сам себе. Его лицо было не единственным знакомым Лансеру. Такими же знакомыми были лица людей, сидящих за столом. Куртис был уверен, что видел их всех раньше, не один раз, а часто. И где же еще, как не на этом затерявшемся в Атлантическом тумане судне, он мог видеть их всех?

Полуприкрыв глаза, он слушал гул голосов:

— Вот идет капитан Уиллоби.

В сознании Лансера пронесся образ. Открыв глаза, он увидел живое его воплощение.

Седому морскому волку с узкими, черными как уголь глазами под густыми бровями было за шестьдесят. Он носил свободную форму, которая ощутимо натянулась, когда он плюхнул свое грузное тело на стул во главе стола. Таким был капитан Уиллоби, в точности, каким знал его Лансер. Его громкий голос тоже был частью ожидаемого им впечатления.

— Сожалею, что не смог прийти к ужину, — сказал капитан. — Там снаружи — сильный туман, — поэтому я не уходил с мостика и мне туда прислали пару сэндвичей. — Он обратился к стюарду. — Теперь у меня есть время на кофе.

Майор Деверо небрежно спросил:

— Есть ли какой-нибудь шанс разыскать остаток конвоя, капитан?

— Только не в этом тумане. Фактически, нечего и пытаться. Я решил, что нам стоит идти самим по себе.

Лансер, слушавший капитана, наклонив голову, прокомментировал:

— Я бы сказал, именно это вы и делаете, корабль набирает скорость.

Уиллоби резко взглянул на Лансера и обратился к остальным.

— Не думаю, что встречал этого пассажира.

— Позвольте мне, — вставил Поттер, — представить вам до сих пор отсутствовавшего джентльмена, Куртиса Лансера. Или, точнее, профессора Лансера.

Уиллоби кивнул в знак знакомства.

— Чуткое у вас ухо, мистер Лансер, если вы заметили постепенное ускорение моторов. У вас был морской опыт?

— Да, особенно по части моторов.

И снова Лансер возвратился к прежним временам, которые теперь были понятней; но он был не способен заполнить пробел между теми днями и настоящим.

Еще несколько подсказок, и он, может быть, восполнит его. Каждое утверждение, срывавшееся с его губ, само по себе было жизненной связкой.

Теперь нарастающие удары мотора заметили и другие пассажиры. Миссис Деверо быстро спросила, пытаясь скрыть свою нервность:

— Может, лучше не отрываться от конвоя, капитан? А что, если на нас нападет целая группа, пока мы одни?

Капитану хотелось избавиться от вопросов, но на них ответил Лансер:

— Никакая «группа» не может напасть на одиночный корабль, миссис Деверо, — тон Лансера был уверенным. — Принцип атаки подводной лодки — это нападение на конвой.

Все остальные уставились на него, и самыми пронзительными были сузившиеся глаза капитана. Потом он мягко произнес:

— Этот джентльмен абсолютно прав. Главная опасность — в том, что какая-нибудь подлодка идет по нашему следу.

— Приятно слышать, — сказал Деверо. — У нас больше шансов устоять против одной лодки, чем против двадцати.

— И все же одной торпеды будет достаточно, — возразил Поттер. — Это как удар в спину — атака подлодки. Лучше бы за нами гнался карманный линкор. Это, по крайней мере, то, что видишь!

— Вы увидите подводную лодку, — заверил их Лансер, — поскольку она всплывет. На такое грузовое судно они не станут тратить торпеды, они могут просто обстрелять нас из пушки с расстояния тысячи метров.

Если какое-то лицо вдруг помрачнело, так это лицо капитана Уиллоби. Старый морской волк пристально осмотрел Лансера и прямо сказал:

— Вы говорите как командир подлодки, господин Лансер.

Тот поставил свою чашку с такой силой, что разбил и ее и блюдце на кусочки, разлив при этом остатки кофе.

Стюард мгновенно собрал осколки и застелил пятно салфеткой. Болтливый мистер Поттер тут же сострил насчет Лансера.

— Мистер Лансер знает Германию и ее народ, — пояснил он капитану. — Он — оксфордский профессор, преподававший в Гейдельберге.

— Нет, нет, — перебила его миссис Поттер. — Он не упоминал Гейдельберга, он сказал...

— Я слышал, что сказал мистер Лансер, — огрызнулся ее муж, — и как только я увидел его, я сразу узнал в нем профессора из Оксфорда. Самое главное, что он преподавал английский, где бы он ни работал.

Лансер вновь запустил руки в волосы, глядя куда-то вдаль. Может быть, он походил на профессора, но каким-то образом он знал, что им не был. Он все еще жаждал определиться, подобно тому, как «Королева Глазго» преодолевала пространство в поисках безопасности.

Лица вокруг него. Он помнил, что много раз видел их раньше. Моторы работали на самой большой скорости, и вскоре они не выдержат. Эти удары вызвали далекое эхо, словно что-то из другого мира — мира Лансера.

Он покинул стол капитана и шел с Поттером, представлявшим его другим пассажирам, все из которых казались знакомыми. Но, как это ни странно, он мог слышать разговор за столиком, который он только что оставил.

— Этот Лансер, — говорил майор Деверо. — Я вычислил в нем гунна, как только он вошел. Англичанин, преподающий немецкий! Ей-богу, он скорее немец, пытающийся говорить по-английски.

— Тогда зачем он путешествует на этом корабле? — спросила его жена.

— Я знаю зачем! — воскликнула миссис Поттер. — Он — шпион!

Все засмеялись, и Поттер оглянулся, выяснить, в чем дело. Он решил, что это не имеет значения, поскольку все поздравляли миссис Поттер с удачным высказыванием. Тогда капитан Уиллоби закрыл тему.

— Сомневаюсь, что среди нас может быть шпион, миссис Поттер, — сказал он ей. — Мы проверяли всех наших пассажиров на благонадежность. Однако я поговорю с ним попозже.

Это вызвало внутреннюю улыбку у Лансера. Так, значит, капитан поговорит с ним позже. Лансер слово в слово знал, что будет сказано, так как почему-то пережил все это раньше. С этой мыслью он вновь упал духом. Потом словно в отдалении он услышал нежный голос, которого ждал. Он раздался за столом капитана:

— Я уверена, что среди нас нет шпионов, капитан Уиллоби. Всем спокойной ночи.

Голос принадлежал Барбаре Стейнли. Он задел первую человеческую струнку, которую Лансер чувствовал до сих пор на этом корабле, где все было против него, где он все же должен был выполнить некую миссию, которой он не мог постичь.

Лансер отвернулся от Поттера, который теперь разговаривал с барменом, чье лицо он видел прежде тысячи раз. Он прошел мимо столов, где сидели пассажиры, чьи имена, лица, даже жесты были знакомы ему более, чем его собственные. Он поднялся по знакомому трапу и через дверь вышел на палубу. Снова он был снаружи, на своем месте у борта, вокруг него был туман, сквозь который «Королева Глазго» не скользила, а буквально тряслась на полной скорости сильно перегруженных моторов. Корабль искал брешь в этой непроглядной завесе к миру снаружи, а Лансер в свою очередь искал щель, которая позволит ему заглянуть внутрь себя.

Такая возможность появилась, когда открылась та же дверь. Снова и снова он видел выходящего оттуда стюарда, быстро закрывавшего ее и проходившего мимо, объявляя, что ужин накрыт. Это служило для него сигналом, что придется пройти через этот заведенный порядок снова. Но теперь вместо стюарда появилась Барбара Стейнли. Когда она зябко закуталась в пиджак, Лансер мягко сказал: «Мисс Стейнли!»

Услышав голос, она обернулась. Несмотря на темень возле перил, она, должно быть, узнала его, поскольку подошла прямо к нему и положила свою руку возле него. Потом с легкой дрожью она воскликнула:

— Я чувствую озноб — какой-то мистический! Должно быть, из-за тумана, он такой, такой злобещий. Туман вызывает озноб, правда?

— Да, — согласился он. — Позвольте мне задать вам один вопрос, мисс Стейнли. Мы встречались раньше, не так ли?

— О, нет. Мы не смогли встретиться, пока не поднялись на борт.

— Тогда вы меня забудете, но мне казалось, что я хорошо вас помню. Как и всех остальных, — добавил он.

— Остальных?

— Да. Всех, сидящих внизу. Я вижу их снова и снова. — Лансер запустил пальцы в волосы, сильно сжал голову. — Поскольку я снова с ними проживаю одни и те же события, как и раньше.

— Я знаю это чувство, — с сочувствием сказала она. — Оно появляется у меня время от времени, но ненадолго. Сейчас вы это не испытываете?

— Нет, сейчас нет, — голос Лансера звенел. — Это совсем другое. Это... — Он помолчал, не находя слов, и тут туман поднялся. — Это, как брешь в тумане, моменты, когда вы видите ясно только затем, чтобы он снова вас окутал. Вы ведь понимаете, правда?

— Думаю, да. Расскажите мне все, что вы помните с самого начала, когда вы оказались на этом корабле.

— Эта часть непонятна. Я не могу вспомнить, когда и как я сюда попал. Я словно проснулся и оказался на палубе, стоя у борта. Дверь открылась, вышел стюард, и я пошел в салон.

— Да, мы видели, как вы сели за стол.

— Но я имею в виду — каждый вечер. Это происходит снова, снова и снова. Всегда одинаково, и я удивляюсь, гадая, кто я такой.

— По крайней мере, вы знаете, как вас зовут. Вы — Курт Лансер, бывший профессор из Франкфурта в Германии, где вы преподавали английский.

— Это не совсем так. Тогда я был всего лишь Куртом Лансером. Школьным учителем, преподававшим английский наряду с другими предметами. Понимаете, я родился во Франкфурте и там же получил образование. В школе я хорошо учился, поэтому я стал преподавателем.

— Но вы упоминали об обмене профессорами...

— Эта мысль принадлежала мистеру Поттеру, а я просто не стал спорить с ним. В каком-то смысле меня обменяли. Из Франкфурта я был послан в Гамбург, где учил английскому офицеров германского флота. Когда разразилась война, я стал...

Он замолчал, закрыл глаза, и его лицо помрачнело. Барбара сказала мягко, но откровенно:

— Не пытайтесь вспомнить все прямо сейчас. Возможно, если бы вы чуть-чуть поспали...

— Сон мне не поможет. — Голос Лансера был напряженным, и его словам вторило эхо из ледящего тумана. — Я чувствую себя, как в кошмаре. Я знаю, что там ждет несчастье. — Он простер руку в тонкий туман. — Несчастье и смерть. За нами крадутся. Там есть подводная лодка. Я знаю это — я знаю это!

Произнеся эти слова, он почувствовал руку Барбары, покоящуюся на его руке, — единственное человеческое прикосновение с начала этого странного, но очень знакомого эпизода. Потом этого прикосновения, как и голоса девушки, не стало. Лансер повернулся и увидел старшего помощника капитана.

— Капитан вами доволен, — сказал офицер. — Он хотел бы видеть вас у себя в каюте. Для очень короткого разговора.

Лансер пошел за ним без возражений, опять точно зная, что произойдет. Когда они дошли до каюты капитана, тот ожидал их у себя. Он жестом пригласил Лансера сесть на стул, а офицера оставил стоять.

— Это мистер Дэнбьюри, мой помощник, — представил его капитан. — Не могли бы вы ответить на мои вопросы?

— Спрашивайте, что вам угодно, капитан.

— Прежде всего я попрошу вас показать мне ваш паспорт.

Лансер сунул руку во внутренний карман и поискал то, чего там не было, как он и думал. Затем, словно отрепетировав, он ответил:

— Боюсь, что не прихватил свой бумажник. Он, должно быть, в моей каюте.

— Мы проверим это позднее, — решил капитан. — А тем временем, нет ли чего такого, что вы желаете сообщить нам?

— Я не многое могу рассказать, — признался Лансер, — так как не много помню. Я не могу вспомнить, как попал на этот корабль. Помню только несвязные странные вещи, словно они много раз происходили раньше.

— За столом, господин Лансер, вы выказали хорошее практическое знание германских подлодок. Это не тревожит вашу память?

— Хотелось бы, — искренне ответил он, — но нет. Я, должно быть, говорил о событиях, о которых где-то слышал.

— Только что на палубе, — вставил Дэнбьюри, — я слышал, как вы сказали, что за нами крадутся, что в тумане скрывается подлодка.

— Я говорил это? — изумление Лансера было неподдельным. — Да, я мог сказать такое. В конце концов, в этих водах вероятней всего есть подлодки.

— Мы говорили о них за ужином, — сообщил капитан помощнику. — Это могло встревожить мистера Лансера, как это обеспокоило других пассажиров. Возможно, нам лучше отложить наш разговор, господин Лансер. Вам необходимо поспать. Мистер Дэнбьюри проводит вас до каюты. Спокойной ночи, сэр.

На этот раз он не спорил о необходимости сна. Он последовал за Дэнбьюри, и когда они дошли до каюты, начал рыться в своем багаже, бормоча что-то о своем паспорте. Он каким-то образом опять узнал, что его не окажется и не может быть там. Он случайно достал фуражку и бросил ее на скамью, где она была поднята и осмотрена Дэнбьюри.

— О, да это же фуражка немецкого морского офицера! — воскликнул тот. Он вертел ее в руках, рассматривая эмблему. — Фуражка командира подлодки. Где, как вам удалось взять это?

— Взять это, — медленно произнес Лансер. — Думаю, так я и поступил. Должно быть, захватил ее случайно.

— Вы имеете в виду, вроде военного сувенира?

— О, да. Просто иным возможным путем она попасть ко мне не могла.

Помощнику и в голову не пришло, что Лансер подавлял свои собственные сомнения, желая отбросить какую-то абсолютную, безжалостную правду, которая сжимала его невидимыми щупальцами, более сильными, чем хватка тумана. Но Дэнбьюри начал теперь испытывать неподдельную жалость к Лансеру. Он принял его за человека, прошедшего через какое-то ужасное испытание, ведь он повидал много таких случаев среди переживших торпедную атаку. Он знал, что даже малейший намек на какую-то новую опасность мог взбудоражить их умы.

— Я взгляну на ваш паспорт завтра, господин Лансер, — сказал помощник капитана. — Просто так заведено, поскольку ваше имя не зарегистрировано. А что до этого — (он бросил фуражку на койку) — будем надеяться, что мы соберем немало таких сувениров, плавающих где-нибудь в океане.

Дэнбьюри с поклоном удалился, и, когда за ним закрылась дверь, Курт поднял немецкую фуражку. Он отвернул внутреннюю тесьму и увидел слова, четко написанные чернилами.

«Курт Лансер — Капитан-лейтенант.
Kriegsmarine»

Теперь Лансер был совершенно подавлен. Фуражка упала из его нервных пальцев. Он вышел из каюты и механически пошел по коридорам, по трапам, шаги его звучали в такт ударам мотора.

Даже корабельные колокола показались ему стекляшками, когда он слышал, как они отбивали время.

Он дошел до салуна, в котором был один бармен, поприветствовавший его, и, когда Лансер показал ему на бутылку, толкнул ее ему. Налив себе, Курт спросил:

— Где остальные пассажиры?

— Легли спать, — ответил тот. — Уже за полночь, но я не закрываюсь допоздна. Если, ну, возможно, кто-то не сможет сегодня заснуть, то люди смогут прийти сюда, как это сделали вы, сэр.

Лансер не слушал. Он смотрел на часы, висевшие над стойкой. Увидев, что они показывали десять минут первого, он медленно пробормотал:

— До часу пятнадцати остался час и пять минут хода.

Бармен озадаченно смотрел на него. Тот выпил рюмку и налил другую. Он думал о каюте, пытаясь сконцентрироваться на фуражке, которую нашел там, и понять, что же в действительности она значила. Снова он глухо пробормотал:

— Курт Лансер — капитан...

Еще один взгляд на часы. Сколько времени и как часто он смотрел на часы, он не заметил. Время имело значение, и оно двигалось быстро. Позже Лансер заявил:

— Без десяти час. Идти меньше, чем полчаса. Эти моторы, с ними что-то неладное. Они сильно перегружены.

— Они всегда так звучат, — отозвался бармен, — на этой старой калоше.

Лансер продолжал слушать, как уходит время. Старпом остановился возле бара и крикнул через дверь в камбуз:

— Чашку кофе на мостик! Я подожду здесь.

— Пять минут второго, — бормотал Лансер. — Всего десять минут, — он резко замолчал и повернулся к Дэнбьюри: — Они останавливают моторы! — вспылил он. — Почему?

— Обычная проверка, — объяснил Дэнбьюри. — Мы думали...

— Вы не думали! Это было бы безрассудно, останавливать их сейчас, пустить корабль дрейфовать в водах, напичканных подлодками, в то время как мы абсолютно незащитны. Моторы встали!

— Их починят, — успокоил Дэнбьюри. — Туман поднимается, и мы очень скоро снова тронемся в путь.

— Туман поднимается! — эхом отозвался Лансер. — Этого еще нам не хватало! Мы не тронемся в путь — никогда. Мы будем дрейфовать до часу пятнадцати!

— Именно это он и твердит весь вечер, — сообщил бармен старпому, — до часу пятнадцати, словно должно что-то произойти.

— Да, в час пятнадцать, — теперь Лансер говорил это старпому. — Разве вы не знаете, что подлодка кралась за нами несколько часов и нагоняет нас, ведь наши моторы встали. Разве вы не знаете, что командир подлодки хорошо понимает значение этих звуков, как и я.

— Успокойтесь, Лансер, — ворчал Дэнбьюри. — Практически все наши пассажиры воображают подобные вещи. У вас расшатаны нервы.

— Меня мучает знание. Я знаю, что подлодка уже всплывает у нас перед носом. Мы будем атакованы, и у нас не будет шансов удара, если вы не заведете моторы и не включите их на всю мощь.

— В данный момент это невозможно, мистер Лансер.

— Тогда вы должны предупредить пассажиров. Посадить их в спасательные шлюпки.

— Что, если нам подождать десять минут, — предложил Дэнбьюри. — Когда все будет позади, вы сами поймете, какими глупыми были ваши страхи.

Те минуты проходили быстро. Лансер хотел действовать, но словно приклеился к стулу. Все вокруг него казалось нереальным, но за всю свою жизнь Лансер ни в чем не был так уверен, как в том, что должно было произойти.

За всю свою жизнь!

Могло ли все это быть его жизнью, это странное существование, в котором он не мог действовать самостоятельно? Почему он должен быть зависимым от Дэнбьюри и других, действовавших для него? Почему он должен слушать их пустые фразы, когда он заранее знал глупости, которые они скажут? Пока он обдумывал эти вопросы, пришло время для действия. Часы показывали четверть второго.

Как подтверждение его слов, раздался нарастающий вой, становясь все громче и громче, и закончился гигантским разрывом. Корабль трянуло от этого взрыва. Вражеский стрелок добился прямого попадания в дрейфующую «Королеву Глазго».

На мгновение Дэнбьюри застыл, не в силах поверить. Затем он помчался на палубу, за ним бежал стюард и шеф-повар с камбуза. Он дал волю своим ногам. Когда они выбежали на палубу, сквозь рассеивающийся туман с воем пронесся второй снаряд, сотрясая судно другим разрушительным ударом.

Пассажиры панически выбегали из кают, и Лансер видел лица, с которыми он был так хорошо знаком. Там были: Деверо, захваченный врасплох мрачной неопределенностью; Поттер, настолько встревоженный, что его сразу парализовало; их жены, обе сильно напуганные. Другие пассажиры образовали безумную толпу, в то время как палубу залил свет прожектора с подлодки, чей серый корпус был едва различим в тумане.

Вспышка пламени с дальнобойной пушки дала знать, что другой опустошительный снаряд послан в цель с расстояния тысячу ярдов, как и предсказывал Лансер. Удар пришелся ниже ватерлинии, и «Королева Глазго» покачнулась, как раненое существо. Пассажиры в страхе помчались назад в свои каюты, думая обрести там безопасность, когда Лансер возвысил голос до рева:

— Садитесь в спасательные шлюпки! Это ваш единственный шанс. Не возвращайтесь в каюты!

Никому не нужный крик. Сам Лансер был не в состоянии действовать и одновременно чувствовал невосприимчивость к будущей опасности, о которой он почему-то знал. Едва только люди достигли столь плохо выбранного укрытия, как следующий снаряд превратил надпалубные сооружения в бесформенную массу.

Не все жертвы были заблокированы или убиты в своих каютах. Каким-то чудом из-под обломков выбрались несколько человек. Среди них была Барбара Стейнли, и он бросился вперед, крича и показывая ей на спасательную шлюпку, ту самую, которую он заметил, когда впервые оказался на этом корабле.

Она не видела Лансера, и его крики потонули в очередном взрыве, попавшем в мостик и уничтожившем его, разбросав куски металла.

Но девушка осталась невредимой, поскольку ее втащили в частично спущенную шлюпку, которая была ниже перил, когда стальной душ поливал палубу. Теперь Лансер мог ясно видеть подлодку, он добежал до носа тонущего корабля и вызывающе погрозил в свете прожектора. И снова последовал удар, и снова ниже палуб. Командир подлодки наслаждался жестокой забавой и теперь расправлялся с судном. Лансер поспешно бросился назад вдоль борта и панически махнул, чтобы спасательная шлюпка, в которой была Барбара, отплывала как можно дальше, прежде чем безжалостный капитан подлодки потопит ее.

К счастью, туман вновь стал сгущаться, и шлюпка скрылась в этой своевременной завесе. Так же пропала из вида подлодка, но Лансер все еще сохранил присутствие духа. В странном порыве он устремился через разбитые вдребезги переходы в свою каюту № 28, которая была целой. На койке, там, где он ее уронил, лежала фуражка, принадлежащая германскому морскому офицеру, чье имя по какой-то странной причуде совпадало с его собственным.

Когда Лансер поднял фуражку, последний сотрясающий взрыв потряс «Королеву Глазо». Казалось, корабль буквально развалился на части, поскольку стена распалась и на Лансера бросился морской зеленый монстр.

Потом он чувствовал и глотал соленую воду, которая била его, заполняла легкие и полностью поглотила его. Он колотил руками, пытаясь освободиться, когда до его сознания донесся звук дробы, затемняя все его предыдущие воспоминания.

Тогда весь водный кошмар кончился, и каюта вернулась в норму. Дробь оказалась чьим-то стуком в дверь, и он встал, чтобы ответить на стук. Он надел немецкую морскую фуражку, готовый встретиться с Дэнбьюри или еще кем-то. Каюта странно уменьшилась, но он не видел этого, пока не открыл дверь.

Вместо Дэнбьюри он увидел матроса в немецкой военной форме, который отдал салют и обратился к нему по-немецки:

— Герр капитан. — Затем был быстрый доклад: — Сообщение от лейтенанта Мюллера. Мы нагнали вражеское судно и готовы всплыть, как вы приказывали.

Лансер глянул на наручные часы. Он моргнул, увидев золотые нашивки на рукаве, и понял, что на нем офицерский пиджак вместо обычного. Время тоже озадачивало. Был час ночи, а ведь он был уве-

рен, что не так давно его очень точные часы показывали четверть второго.

Он удивленно пробормотал:

— Один час. Осталось пятнадцать минут.

Это освободило ум Лансера от сумасшедшего путаного сновидения, которое встревожило краткий сон, в котором он пребывал, когда прибыло донесение Мюллера. Он присоединился к Мюллеру, широколицему тихому мужчине, который был старше Лансера, но был лишен той решимости, благодаря которой Курт поднялся до ранга капитана. Они вдвоем поднялись в боевую рубку, когда подлодка всплыла.

Там Мюллер определил контуры старого судна, дрейфующего в лунном свете, окрасившем ржавый корпус в серебристый цвет, который отражался клубами окружавшего тумана.

— «Королева Глазго», пять тысяч тонн, — прочел Мюллер. — Это корабль, за которым мы гнались, после того как он отбился от конвоя. Вы были правы, капитан, моторы перегружены и им пришлось остановиться, как вы предсказывали. Мы на расстоянии в одну тысячу метров, которое вы определили.

Лансер взглянул на палубную пушку и увидел, что расчет готов. Он взглянул на часы, посмотрел на минутную стрелку, проходящую последнюю минуту перед пятнадцатой. Лансер поднял руку, готовый дать сигнал мужчинам, державшим прожектор.

Потом он сказал Мюллеру.

— Несколько точных попаданий, и для этого корабля все будет кончено.

— Почему бы не дать предупредительный выстрел, капитан? — предположил Мюллер. — И потом немного подождать.

— Предупреждать? Зачем? И чего ждать?

— На том судне есть пассажиры, среди них — женщины.

— У пассажиров нет прав на борту и меньше всего — у женщин.

— Но они — живые существа, как и мы. Да и команда — тоже.

— Поэтому они должны попытаться счастья, как и мы.

— Но не тогда, когда в этом нет необходимости, — умолял Мюллер. — Мы ведь можем им дать шанс сесть в шлюпки.

— Пока их радист не передаст в эфир их местоположение, а заодно и наше? Чувствительность начала размягчать ваши мозги, Мюллер.

Взгляд Лансера выхолодил его бесцветные глаза и сделал их твердыми, как лед. Он взглянул на часы и дождался последние несколько секунд. Ровно в час пятнадцать он поднял палец, и луч прожектора прорезал полосу через ночь, остановившись на дрейфующей «Королеве». Когда командир дал команду «Огонь!», палубная пушка бухнула и первый снаряд полетел точно в цель.

С той минуты судно подверглось эффективному, превосходно

рассчитанному обстрелу, который быстро притопил его нос. По палубе обреченного корабля суматошно бегали маленькие фигурки, исчезая среди разрушаемых надстроек, кроме одного человека, который задержался у тонущего носа, погрозил кулаком в луч прожектора и побежал в укрытие. Когда судно наконец пошло ко дну, капитан приказал прощальным лучом по поверхности и велел оружейному расчету приготовиться.

— Они спустили шлюпку с правого борта, — сказал он Мюллеру. — Если мы увидим ее, то не пожалеем еще одного снаряда.

— Вы хотите сказать, что желаете еще больше смертей?

— Я хочу сказать, что намереваюсь закончить нашу миссию.

Он смотрел в бинокль, но клубы тумана закружили вновь, покрыв даже то место, где затонула «Королева Глазго». Лансер обратился к Мюллеру.

— Спускаемся. Мы должны погрузиться и продолжить наш курс.

В своей командирской каюте он кратко записал детали бойни и довольно прислушался к моторам погружавшейся лодки. Подписав доклад, он с тихим смешком обратился к Мюллеру.

— Жаль, что у меня больше не было места для рапорта, лейтенант, — сказал он. — Я бы мог добавить, что вы — старая баба.

— Поскольку я не считаю, что убивать людей без предупреждения правильно?

— Это, лейтенант, вопрос международного закона.

— Может быть, этим управляет закон повыше, капитан. Нас может ожидать особый круг ада. Возможно, нам придется испытать ту же агонию, которую пережили эти запертые и утонувшие жертвы, прежде чем наконец умерли.

— Согласен. Это может случиться с каждым из нас — один раз.

— Я говорю не об одном разе. Я подразумеваю несчетное количество раз через всю вечность.

— Вы говорите, как глупый мистик, лейтенант.

— Мы сможем бесконечно предупреждать их, но никогда не сможем спасти.

Лансер рассмеялся:

— Я рискну. Идите и немного поспите, Мюллер. Думаю, вам это необходимо.

Лансер поднялся, похлопал Мюллера между лопатками. В этот момент вся комната задрожала, и до них донесся приглушенный взрыв, напоминающий разрыв снаряда. Лансер зло прорычал:

— Глубинная бомба! Эсминцы конвоя! Значит, радист все же передал нашу позицию! Теперь понимаете, Мюллер, почему наше дело — убивать, как вы это называете, а не жалеть? Где же сейчас ваш высший закон?

Последовало еще несколько разрывов. Глубинные бомбы доходили все ближе. Лансер опустил лодку ниже, используя все известные ему уловки, чтобы избежать надвигающейся гибели, но безрезультатно.

татно. Один ужасный удар заставил задрожать обшивку судна, огни погасли, и моторы вышли из строя. Другой взрыв, еще ближе — и корпус не выдержал. Внутри на Лансера хлынул тот же самый зеленый потоп, наводнивший ранее каюту № 28. Лансер испытывал агонию, задыхался, как раньше, и умирал той же безнадежной смертью.

И потом:

Зеленая вода стала густым туманом. Вместо воды вокруг он почувствовал влажный борт, с которого поднял руку и запустил в светлые волосы.

Он пытался сориентироваться в этой бесконечно повторяющейся сцене, и проговорил имя, лишь наполовину знакомое ему, но лучше других подходящее к этой новой обстановке. Куртис Лансер — имя пассажира «Королевы Глазго», поскольку именно это название он прочел на спасательной шлюпке, свешивающейся со шлюпбалки. Открылась дверь, и появился стюард. Он обратился к Лансеру:

— Скоро кончат накрывать ужин.

— Да, — Лансер так часто проходил через это, но все еще удивлялся, какое имел к этому отношение. Состояние казалось бесконечным, частью умственно однообразного труда, так скрыто нереального, что могло быть только реальностью, которую он когда-то знал или будет знать, возможно, навсегда и навечно!

И все же время шло. В смысле скучного счета — минут, часов, лет. Прошло каких-то двадцать лет, и гигантский лайнер прокладывал свой курс сквозь скрытые туманом воды, испуская пронзительный предупредительный сигнал другим судам. Это было в той же части Атлантического океана, где во время войны, отбившись от конвоя, грузовое судно «Королева Глазго» было потоплено выследившей его германской подлодкой.

Теперь в конвоях нет необходимости. Как непохоже быстрое скольжение могучего корабля, громко возвещающего о себе, на безнадежный пульсирующий ход сбившегося с пути судна! Это было так явно для женщины, стоявшей у борта на носу корабля и вглядывавшейся в клубящийся туман.

Время пошало Барбару Стейнли. Напряженное, нервное выражение ее лица не являлось признаком возраста. Его вызвало воспоминание об ужасной ночи в этих самых водах, когда, находясь в безопасности в спасательной шлюпке, она видела, как тонет корабль, унося с собой в океанские глубины ее мертвых и умирающих товарищей. Сегодня вечером почти против своей воли она вышла на палубу лайнера, привлеченная сюда воспоминанием о той, другой туманной ночи.

Теперь Барбара наблюдала, как распадается туманная завеса. В клубах тумана она увидела сцену гибели, которая без ее воли отложилась в ее памяти. Там, такой же реальный, как в ту последнюю ночь, появился разбитый корпус «Королевы Глазго», зарывшейся носом перед последним долгим погружением. А на палубе призрачного

судна стоял человек и панически приказывал шлюпке убираться по-дальше. Его имя шептала она теперь: «Куртис Лансер».

Вахтенные не видели этот корабль-призрак из прошлого, даже не смотря на то, что он принадлежал настоящему и будущему. Но взгляд Барбары сквозь завесу времени был не единственным. Когда она от-вернулась от борта, рядом стоял мужчина, смотревший в сгущающийся туман. Тихим голосом Барбара спросила:

— Вы видели то судно — вон там?

— Да, — последовал серьезный ответ. — Это была «Королева Глазго».

— И вы видели мужчину, который предупреждал нас взмахом руки?

— Да. Это Курт Лансер, командир подлодки, обстрелявшей «Королеву».

В течение всех предшествующих лет Барбара Стейнли наполовину верила в возможность такого ответа. Несмотря на то, что это могло показаться невероятным, только так можно было объяснить присутствие Лансера на борту «Королевы Глазго» и те факты, которые он знал. Теперь, взглядевшись в широкое лицо серьезного мужчины, она вдруг спросила:

— Но откуда вы знаете все это о Курте Лансере?

— Потому что я был его старшим помощником. Меня зовут Ханс Мюллер. Когда мы следили за судном из боевой рубки, я каким-то образом предсказал судьбу Лансера. Меньше чем через час наша подлодка была потоплена взрывом глубинной бомбы с британского эсминца. Курт Лансер знал, что погибнет, как его жертвы, но думал, что только один раз. Но снова и снова я оказывался на судне вроде этого, и видел, как он тонет вместе с «Королевой».

— Призрак несчастного человека, навеки связанный с призраком несчастного корабля, — печально прошептала Барбара.

Она пристально всматривалась в сгущающийся туман, рисуя страшную сцену, увиденную там.

— Да, Курт Лансер был одинок в ту ночь, как и сегодня.

Туман сомкнулся снова, но Барбара все еще смотрела в его клубы, а потом опять обратилась к человеку возле нее.

— Но скажите мне, Мюллер, если вашу подлодку забросали глубинными бомбами, как кто-нибудь смог выжить? Как вы оказались здесь?

Ответа не было. Барбара обернулась, глядя широко раскрытыми, удивленными глазами. Возле нее никого не было. Она стояла одна под нечеткими из-за тумана огнями, освещавшими широкий открытый участок палубы стремительного лайнера. Как во сне, Барбара Стейнли вернулась в свою каюту.

ПРОКЛЯТЬЕ СЕМИ БАШЕН

На фоне вечернего неба хмурые зубчатые стены и высокие строения Семи Башен являли собой странную фантастическую картину гигантского замка, вырванного из своего исторического окружения и подвергшегося современными переделкам. Высоко в небе реактивные самолеты оставляли длинные змеевидные хвосты над древней цитаделью, заходящее солнце окрасило их в золотисто-малиновый цвет, и они походили на полосы, оставленные кистью художника. В сгущающейся тьме через олений парк мимо тенистых очертаний живых изгородей и величавых тисов приближались огни машин, повторявших изгибы дороги, ведущей к серому каменному зданию.

Ров с водой окружал эти могучие бастионы, создавая иллюзию того, что замок плавает на поверхности темного лесного пруда. В самом центре огромной раскинувшейся постройки были мощные ворота. С них тянулся откидной мост, точно язык великана, высунутый из разверзшегося рта. Над ним большие железные прутья поднятой решетки походили на гигантские зубы, готовые разорвать непрошенных посетителей, если те попытаются проникнуть во внутренний двор.

Но в этот вечер гости не были непрошеными. В отличие от тяжелооруженных всадников, когда-то приезжавших в замок на боевых конях, сегодняшние гости направили в затаившуюся утробу замка свои автомобили — с откидным верхом, спортивные «station wagon». Они припарковали свои машины в том самом месте, где раньше привязывали коней, везущих связанных и беззащитных пленников. Как и те средневековые узники, некоторые из вновь пришедших были слегка встревожены, покинув свои машины.

Перенестись на шесть веков назад было сродни шоку для тех, кто впервые ощущал это. Но для остальных, гостивших здесь и раньше, это было только началом забавы. Они тоже были ошеломлены при первой поездке сюда, а теперь брали реванш, видя других в подобном положении.

Пол Корлей, у которого в лондонских кругах была репутация шутника, был постоянным посетителем, любившим бомбардировать новичков своими остротами. С абсолютно серьезным выражением на круглом, как луна, лице он приблизился к крепко сбитому австралийцу с квадратным подбородком по имени Гордон Вудроу и серьезно заявил:

— Вам повезло, Вудроу, что вы не сбили оленя, когда ехали через парк. В старые времена вам отрезали бы уши и дважды выжгли клеймо за подобное оскорбление.

Хэлен Лоулэнд, эффектная блондинка с живыми манерами, услышала слова Корлея, когда выходила из нанятого лимузина.

— Не верьте ничему, что вам скажет Пол, мистер Вудроу, — сказала она. — Нам повезло, что мы приглашены в Семь Башен на одну из пирушек в старинном стиле.

— А вам, Хэлен, повезло больше всех, — отозвался Корлей. — Если бы первый Сью Дюбуа не сделал эти ворота достаточно широкими для всадников, чтобы скакать по двое в ряд, ваш наемный тарантас растерял бы, проезжая через них, все свои крылья.

Гордон Вудроу, поджав губы в сдержанном нетерпении, ждал, когда Корлей договорит. Потом задал быстрый вопрос:

— Вы сказали «пирушка», мисс Лоулэнд. Я думал, нас пригласили сюда принять участие в охоте за привидениями, или меня дезинформировали?

Оба, и Хэлен, и Корлей, быстро приложили палец к губам.

— Никогда не используйте это слово, — вполголоса сказал Корлей. — Вы не охотитесь за привидениями в Семи Башнях. Они охотятся за вами. Фактически, лучше не упоминайте привидений, пока они не будут представлены должным образом. Вас может услышать кто-нибудь там, наверху!

По могильному тону Корлея Вудроу решил, что тот имеет в виду возвышающиеся над ними башни и каких-то обитающих там призрачных созданий, особенно когда Пол, произнеся это, указал вверх. Когда австралиец осмотрел центральную башню, его взгляд опустился ниже, и он понял, о чем говорил Корлей. Стоя на балконе с железными прутьями, выходящем на внутренний двор, прибывших оглядывал худой мужчина с изможденным бледным лицом. На балконе в былые дни выходили прежние владельцы замка, чтобы оценить добычу, которую привозили из набегов их приспешники. Осовремененной версией этих феодальных баронов был благородный Джеймс Бойс, нынешний владелец Семи Башен и прямой потомок прежнего Сью Дюбуа.

Вместо того, чтобы надеть на лицо маску злобного презрения, в подобающей его предкам манере, Бойс приветствовал каждого искренней обезоруживающей улыбкой, которая обличала в нем жертву, а не охотника. Презрение появилось на губах Гордона Вудроу, когда дородный австралиец сравнил мощь Семи Башен с незначительным телосложением их владельца.

— Он напоминает сухую сердцевину грецкого ореха, — прокомментировал Вудроу, — которая болтается в чрезмерно большой скорлупе.

— Таков наш Джимми-бой, — хихикнул Корлей. — Даже я не смог бы уколоть его лучше.

Прибыли еще две дюжины гостей, теперь некоторые автомобили уезжали, среди них нанятый Хэлен лимузин, возвращавшийся в Лондон.

Слуги, одетые в линялые, древние ливреи, несли багаж мимо комнаты охранников, где сторож нажал кнопку электрического мотора, опустившего решетку современным тросом и отрезавшего остальной мир.

— Наши машины надежно припаркованы на ночь, — тем же загробным тоном сказал Корлей. — Так же, как и мы, некоторое время спустя, надеюсь.

Джеймс Бойс спустился с балкона поприветствовать своих гостей, когда они вошли в огромный зал. После этой формальности их проводили в предназначенные им комнаты. Провожатыми были слуги. Они проходили мимо комнат, увешанных тяжелыми древними гобеленами, по коридорам, вдоль которых стояли полированные доспехи, вверх по огромным лестницам, прямым и винтовым, в коридоры, поворачивавшие под разными углами, образуя путаницу переходов на других этажах.

Несмотря на то, что было еще светло, косые лучи заходящего солнца потускнели из-за узких окон и витражей, придавая былую мрачность обстановке замка. Несмотря на знакомство с этими сценами, Хэлен вновь была захвачена их странными чарами. Это в какой-то мере было из-за того действия, которое оказала окружающая обстановка на подругу Хэлен, Кинтию Гиффорд, темноглазую брюнетку, приехавшую вместе с ней из Лондона. Кинтии, игравшей главные роли в телеверсиях первых британских драм, очень хотелось посетить Семь Башен, но к этому времени впечатление, полученное ей, было более чем сильным. Оно было леденящим.

— Я прямо замерзла, когда проходила мимо тех доспехов, — призналась Кинтия. — Они казались такими холодными. Мне казалось, что внутри них скрючились какие-то чудища.

— Не считая того, что внутри доспехов невозможно скрючиться, — поправила Хэлен.

— Возможно, я не смогу, — ответила Кинтия, — но это не значит, что чудища не могут. — Кинтия внезапно смолкла и показала на провожавшего их слугу, который как раз скрючился. Но он только наклонился, чтобы открыть дверь. Он с поклоном проводил Хэлен в комнату с высоким потолком и массивной мебелью, среди которой выделялась высокая кровать с пологом на четырех столбиках; все едва различимое в умирающем свете дня, льющемся из глубоко посаженного окна в боковой стене.

— Это моя постоянная комната, — объявила Хэлен, — и мне она нравится. Я приезжаю сюда для лечения отдыхом, если ты этого не знаешь. Она успокаивает, расслабляет, располагает к неге и находится далеко от города. Нигде я не высыпаюсь так, как здесь.

Слуга в лирее включал электрические лампочки, и, хотя их было слишком мало, чтобы ярко осветить комнату, они создавали ощущение уюта.

— Вот почему я привезла тебя сюда, Кинтия, — продолжила Хэлен своим изменчивым, но выразительным голосом. — Я чувствовала, что это успокоит твои расшатанные нервы. Твоя комната за углом в следующем коридоре. Тебе она понравится.

Хэлен махнула слуге, который должен был проводить Кинтию в коридор и за угол. Хэлен дала последний совет.

— Оставь на ночь свет в своей комнате, Кинтия. Я всегда так делаю, чтобы найти дорогу назад. Позднее здесь будет очень, очень темно.

Вскоре Кинтия оказалась в комнате, очень похожей на комнату Хэлен. Это больше всего понравилось девушке. Она переоделась в вечернее платье, вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Завернула за угол и пошла, ориентируясь на тусклый свет из комнаты Хэлен, у которой дверь была открыта. Хэлен тоже оделась к ужину, и они спустились вместе. Все остальные гости уже собрались, и их повели в огромный банкетный зал, занимавший весь нижний этаж башни Тюдоров. Банкетный зал, общая площадь которого была 500 квадратных футов, в высоту достигал двух этажей, позволяя соорудить балкон, где менестрели и музыканты устраивали долгие представления, руководимые шутами в средневековых шапочках с бубенчиками.

Сам ужин был обильным, но очень современным, за исключением нескольких специальных деликатесов и редких вин, принадлежавших родовым подвалам Дюбуа. Гости сидели за Т-образным столом, во главе которого лицом к балкону для музыкантов восседал Джеймс Бойс. Справа от него был пожилой человек с напряженным лицом и осторожными манерами. Это был Кирилл Моркрофт, бывший профессор из Кембриджа и известный историк, чьи работы вызывали в литературных кругах шумное одобрение.

Слева от Бойса сидел Гордон Вудроу, который тоже считался особым почетным гостем. Очевидно, австралиец стал лучше относиться к хозяину, поскольку оба разговаривали очень дружески; факт, отмеченный Корлеем и вполголоса сообщенный им Хэлен, бывшей его соседкой по столу. Кое-что, однако, произвело на них еще более сильное впечатление. Когда Бойс и Вудроу сидели бок о бок, между ними проявлялось определенное сходство, но, что до их комплекции, перевес был на стороне австралийца.

Из этих двоих Бойс, без сомнения, был моложе, но выглядел старше Вудроу. Несмотря на свою красоту, Бойс имел слишком потрепанный вид для человека, которому едва перевалило за тридцать. Возможно, годы, которые он провел как убежденный холостяк и неисправимый повеса, взяли свое. Его лицо обрюзгло, появилось брюшко, волосы истончились и поредели. Его глаза были тусклыми и задумчивыми, свет в них зажигался только тогда, когда что-то особенно интересное выбивало его из обычного настроения. В противоположность старообразным чертам и болезненной бледности Бойса, Вудроу имел твердый, резко очерченный профиль и смуглую кожу, выдававшую в нем завзятого любителя свежего воздуха. Только резкие морщины на высоком лбу и седые пряди в черных волосах говорили, что ему около сорока пяти, поскольку он все еще выказывал задор

юности. В продолжении ужина Вудроу становился более оживленным, в то время как Бойс по контрасту приходил в уныние. После последнего блюда гостям подали кофе в старинном сервизе и крепкие напитки из затянутых паутиной бутылок. Пока они пили, слуги удалились. Настал час для послеобеденной речи, и Джеймс Бойс довольно неохотно поднялся.

— Многие из вас, — медленно начал он, — удивляются, как мне удастся содержать Семь Башен на широкую ногу. Откровенно говоря, это мне не по карману. Кроме нескольких рабочих, которые содержат замок в порядке, здесь есть только несколько старых слуг, отказавшихся уехать. Все остальные, как музыканты, так и слуги, были либо наняты, либо добровольно вызвались помогать сегодня.

Тогда почему я остался здесь? Почему я не даю замку прийти в полное разорение? Потому, — голос Бойса стал глухим, — что, как последний прямой потомок старого Сью Дюбуа, я под проклятьем, которое следует за мной, куда бы я ни шел, оно может даже притянуть меня в Семь Башен.

Когда Бойс помедлил, горящие факелы, вставленные в скобы в стене, замерцали, отбрасывая причудливые тени через банкетный стол. Факелы зажгли, чтобы воспроизвести старинную атмосферу, кроме того, чтобы дополнить неяркий электрический свет. Теперь, когда стала кончаться смола, свет начал колыхаться. Гости заволновались. Бойс, однако, этого не заметил.

— Говорят, Семь Башен полны привидений, — продолжал Бойс, — как и многие другие баронские владения. Возможно, привидения существуют только в воображении тех, кто считает, что видит их; никто не слышал, чтобы они причинили кому-нибудь вред. Но в действительности они выполняют гибельную миссию. Когда они по-настоящему появляются — это предвестие настоящей беды, немедленной смерти владельца Семи Башен, каковым в данный момент являюсь я. По этой причине я передал Семь Башен Лиге Охраны Исторических Достопримечательностей. В будущем, если привидения доведут кого-то до смерти, то это буду не я, а директор Лиги, который является моим старым и уважаемым другом, сидящим справа профессором Кириллом Моркрофтом.

Пожилой историк принял похвалу с сухой улыбкой, а среди гостей пронесся гул интереса. Тогда Бойс повернулся, чтобы представить Гордона Вудроу.

— Все это будет особенно интересно для нашего мало известного гостя слева, — сказал он. — Он специально приехал из Австралии, чтобы посетить английские замки и погрузиться в их традиции. Когда он узнал, что время от времени я устраиваю вечеринки здесь, в Семи Башнях, то захотел получить приглашение через «Мидлэнд Истейтс энд Хаум финансиз лимитид». Поскольку они держат закладную на Семь Башен, я был, так сказать, вынужден провести еще одну вече-

ринку, которая, должен откровенно признать, проводится на их средства. Следовательно, это прощальная пирушка, но я, как всегда, хотел, чтобы все рассказали о том необычном, что может сегодня произойти.

Когда Бойс сел, Моркрофт прокомментировал:

— Мистер Бойс имеет в виду, что вы все — подопытные кролики. Гости, незнакомые с этим местом, могут быть более восприимчивы к влиянию, чем те, кто уже привык к здешнему окружению. Все, что вы сумеете заметить, может иметь значение для тех, кто проводит изыскания по истории традиций этого замка.

— В качестве подопытного кролика, — заявил Вудроу сильным, вызывающим голосом, — скажу, что я австралийской породы и могу пнуть, как большой кенгуру. Тащите ваших привидений, и я загоню их туда, где им положено быть!

Презрение Вудроу к привидениям придало смелости другим гостям. Когда они встали из-за стола, на Бойса посыпались вопросы, на которые он не захотел отвечать, оправдывая себя.

— Я не стану вдаваться в детали, — настаивал он. — Я могу оказать на вас влияние. Поговорите с профессором Моркрофтом в библиотеке. Он знает о замке больше меня. А теперь, с вашего позволения, я бы хотел лечь пораньше. Это был очень утомительный день.

Большинство гостей последовало за Кириллом Моркрофтом в библиотеку, комнату с закоулками, альковами, которые были буквально уставлены редкими томами, имеющими отношение к геральдике, родословной и семейным традициям. Там профессор сделал ученый доклад о Семи Башнях, упомянув, что первоначально они были саксонскими укреплениями, которые захватили норманны. Те, в свою очередь, добавили огромную угловую башню, которая называлась у них Главной. Наконец, в течение следующего века, были добавлены еще две башни.

Башня Тюдоров, считал Моркрофт, была седьмой и последней, но задолго до ее появления была перестроена первая саксонская башня. Две другие фигурировали в войне Роз, когда был уничтожен почти весь замок. Начиная со строительства башни Тюдоров, замок сильно разросся, и многие окна были заменены узкими бойницами в стенах, когда-то используемыми лучниками. Но Моркрофт постоянно высмеивал все, что относилось к привидениям замка.

— Завтра, — обещал он, — мы сможем поговорить о них. Привидения лучше обсуждать при свете дня. Семь Башен пронизаны традициями, а они порождают легенды. Вот и все, что я могу сказать прямо сейчас.

— И все, что я могу сказать прямо сейчас, это то, что я устала, — сказала Хэлен Кинтии.

— Ты имеешь в виду усталость от этих разговоров о привидениях?

— Просто устала. Я поднимусь в свою комнату и немного посплю.

— Хорошая идея, — согласилась Кинтия. — Я с тобой.

Кинтия не добавила, что ей хотелось избежать возможности совершить этот долгий переход одной. Некоторые гости, очевидно, чувствовали то же самое, поскольку наверх они отправились группой.

Обитые гобеленами спальни были теперь темными, а их стены были словно населены скрывающимися тенями. В слабом электрическом освещении длинного холла казалось, что доспехи колеблются, как живые фигуры, отражая тени проходящих гостей. В неверном свете портреты в полный рост, глядящие вниз из своих рам, превратились в реальные лица. Когда возле ступенек они расстались с остальными, Кинтия прошептала Хэлен:

— Я боюсь оглянуться. Подожду минутку. Послушай!

Сзади раздался повторный шепот: «Послушай!».

— Обычное эхо, — с улыбкой сказала Хэлен. — Но ты права, Кинтия. Здесь лучше не оглядываться. Это беда нашего Джимми. Его разум так затерялся в прошлом, что он боится смотреть в будущее.

К тому моменту они дошли до комнаты Хэлен, где открытая дверь все еще отбрасывала гостеприимную полосу света в коридор.

— Я подожду, пока ты дойдешь до угла, — сказала Хэлен. — Помни: нельзя оглядываться. Ты будешь в полном порядке, когда доберешься до своей комнаты.

Когда Кинтия завернула за угол, Хэлен закрыла свою дверь. Теперь Кинтия оказалась в трудном положении, которого не предусмотрела. Она не тушила свет в своей комнате, но забыла оставить дверь открытой, как это сделала Хэлен. Кинтия продвигалась вдоль абсолютно темного прохода, чувствуя, как плотная давящая темнота сжимается позади нее. Она лихорадочно пыталась отыскать свою дверь, но не могла. Близкая к истерике, она хотела позвать на помощь, но неожиданное воспоминание заморозило ее губы.

То произнесенное шепотом: «Послушай!». Возможно, это была дразнящая реальность, а не просто эхо. Ее крик вызвал бы ответные крики жутких обитателей этих темных коридоров.

Застывшая в бездействии Кинтия почти ощущала хватку невидимых рук. Она была готова броситься вдоль коридора в еще больший мрак, лишь бы избежать сводящей с ума удушающей пелены.

Но, когда Кинтия сдалась под всеохватными чарами самовнушенного ужаса, она увидела нечто, давшее ей слабый проблеск надежды.

Издали в дальнем конце коридора появился огонек. Постепенно он стал светящимся кругом, который приобрел овальную форму. Когда он увеличился, его верхние края стали расплывчатыми. К тому времени Кинтия поняла, что свет приближается и принимает человеческий облик, поскольку показались голова и плечи пожилого мужчины, чьи ниспадающие волосы и белая борода ярко выделялись в окружающем полумраке. Почтенная фигура медленно и торжественно

но приближалась, и девушка разглядела бородатого мужчину, одетого в древнюю тунику и вышитый военный плащ. Одежда напоминала форму, которую носили слуги в банкетном зале, но была более элегантной. Этот факт в совокупности с презрительной осанкой бородача навел Кинтию на мысль, что перед ней — смотритель замка.

В свечении, залившим проход, она увидела дверь своей комнаты справа от себя. Нашупав ручку, она нажала на нее, а потом повернулась, чтобы поговорить с бородатым смотрителем, в этот момент проходившем мимо.

— Спасибо, что принесли свет, — начала она. — Я бы никогда не отыскала свою комнату.

Девушка осеклась, увидев лицо мужчины с близкого расстояния. Освещенные снизу его черты были далеко не добрыми, а, напротив, холодными и жестокими. Его глядящие прямо вперед глаза глубоко западали под косматыми бровями, в то время как профиль, резко очерченный под белой бородой, был таким же жестким, как взгляд. Кинтию поразило то, что он был так поглощен какой-то целью, что совсем не заметил ее, как не услышал и слов признательности.

Глядя на идущую вдоль прохода фигуру, Кинтия, окаменев, чувствовала поток ветра, следующий за ним.

Девушка открыла дверь своей комнаты и заглянула в нее, думая, что сквозняк мог идти оттуда. Когда она вновь выглянула в коридор, бородатого мужчины не было, хотя Кинтия не понимала, как он мог дойти до угла так быстро. Впрочем, она и не пыталась понять; вместо этого она вошла в свою комнату, закрыла дверь и заперлась, в надежде преградить доступ охватившим ее воображаемым ужасам.

Спальня с ее массивной мебелью и крепкими стенами была крепостью против страха, маленьким бастионом внутри гигантского замка. Девушка приблизилась к глубоко посаженному в стену окну и долго вдыхала свежий воздух. Однако ей было непонятно, как отсюда мог проникать ветерок, ведь ночь была такая тихая. Слишком уставшая, чтобы удивляться дальше, она выбросила это из головы, выключила свет и легла в постель.

Какой бы ни была миссия или задача бородатого мужчины, прошедшего мимо комнаты Кинтии, сегодня вечером он совершал большой обход. Две других девушки, Джэнис Пэтерсхэм и Дэлла Велдон, поднимались по лестнице, когда почувствовали сквознячок. Джэнис вдруг воскликнула: «Посмотри вон туда!».

Дэлла взглянула и увидела бородатого мужчину, который поворачивал в то, что оказалось освещенным проходом. В следующее мгновение он скрылся, а когда они дошли до угла, его уже не было видно. Больше всего Джэнис и Дэллу озадачило то, что свет тоже исчез. Но, поскольку их комнаты были на следующем этаже, они не

стали наблюдать дальше. Вместо этого они пошли наверх. Внизу большинство гостей разошлись, оставив только Кирилла Моркрофта и Гордона Вудроу в библиотеке. Там профессор раскладывал старые записи и древние чертежи на огромном столе. Все это относилось к Семи Башням и другим замкам центральной Англии, предмету, в котором гость из Австралии был очень заинтересован.

— Нельзя полностью доверять этим старинным документам, — предупредил Моркрофт. — Описание одного замка зачастую относится к другому. Планы навесных башен и ворот для вылазок могли быть не доведенными до конца. Часто их даже фальсифицировали, чтобы в феодальные времена ввести в заблуждение соседних баронов.

— Из ваших слов, — говорил Гордон Вудроу, — я понял, что лорды Семи Башен были такими же плохими, как любые феодалы.

— Они были еще хуже, — отозвался Моркрофт. — Они были как дикари.

— Вы несколько преувеличиваете, — сказал Вудроу, — если вспомнить тех дикарей, с которыми я встречался в Северном Борнео, например, охотников за головами.

— Иные древние саксы были такими же жестокими, как они.

— Но Дюбуа были норманнами, не так ли?

— Изначально да, но они роднились с саксами, соединив изощренную родовую жестокость с их крайне дикими натурами. Уничтожение враждебного рода, даже путем вероломства, было для них ничто. Вот почему Семь Башен обросли мрачными легендами. Позвольте я приведу вам пример.

Моркрофт подошел к полке и начал просматривать толстые пергаментные фолианты, когда Вудроу вдруг спросил:

— Что это?

Моркрофт оторвал взгляд от книги, но не услышал ничего.

— Напоминает звон оружия, — сказал Вудроу. — Неторопливые шаги воинов. Может быть, вы услышите их, если подойдете сюда.

Моркрофт подошел к гостю, стоявшему возле двери. Несколько мгновений оба провели в полном молчании. Потом Моркрофт кивнул.

— Теперь я это слышу, — сказал он. — Пойдемте посмотрим, что там.

Крадучись, оба собеседника вышли в огромный холл, чтобы услышать, как звук затих. В холл вели с полдюжины проходов, и шаги могли удалиться в любом направлении. Вудроу, такой же настороженный, как при выслеживании добычи в дебрях Борнео, поманил Моркрофта в маленькую приемную.

— Эта комната — неплохой резонатор, — прошептал Вудроу, — если мы услышим их слова, мы сможем выяснить, откуда они доносятся.

Они действительно услышали и определили, что бряцанье доносится из коридора, идущего вдоль банкетного зала. Звук был достаточно зловещим, чтобы отпугнуть почти любого, но только не эту пару охотников за привидениями. Они поспешили в тот коридор, дошли до угла и остановились. Здесь его пересекал еще один коридор, и Вудроу, напряженно слушая, уловил слабое бряцанье за закрытой дверью справа.

— Это там, Моркрофт.

Они вместе распахнули дверь и ворвались в освещенную комнату, где им навстречу бросились двое других мужчин. Эта пара была вооружена, но не мечами. Их импровизированным оружием были два бильiardных кия. Комната оказалась бильiardной, и нападающие потревожили Пола Корлея и его друга Джеффа Обри в самом разгаре игры.

— Что это, Корлей? — спросил Моркрофт. — Еще одна ваша шутка?

— Мне сдается, что шутник — вы, — парировал тот, — ворвавшись к нам в таком неприглядном виде.

Вудроу разрядил ситуацию, рассказав, как он и Моркрофт выслеживали бряцающий звук и были введены в заблуждение стуком бильiardных шаров. Моркрофт все еще думал, что Корлей дурачит их, хотя Джефф Обри поручился за то, что он и Корлей играли в бильiard и ничего больше. Потом Корлей сам выдвинул идею.

— Если вы, приятели, действительно охотились на привидений, — сказал он, — тогда зачем мы теряем время? Давайте займемся охотой.

Несколько минут спустя они растянулись по огромному холлу, прислушиваясь к иллюзорным шагам. Вудроу услышал звук снова и позвал остальных. Шаги сошлись со всех точек в оружейном зале. Там Корлей прошел вдоль ряда доспехов, поднимая забрало каждого шлема, чтобы убедиться, что внутри никого нет.

Доспехи были пустыми, но Корлей установил один факт. Звук закрывающихся забрал в точности походил на шаги призрачных ходячих. Это подтвердилось, когда из более далекого прохода снова слышались тяжелые шаги. На сей раз их слышали все, и четверо мужчин пустились в погоню, надеясь заблокировать невидимую процессию.

В чем-то они просчитались, поскольку, когда они вновь встретились возле караульного помещения, шаги удалились в направлении банкетного зала. Охотники вернулись назад, и Обри добежал до затканной гобеленами комнаты как раз в ту минуту, когда шаги начали спуск по лестнице, находящейся за этой комнатой. Он крикнул остальных, и Корлей добежал туда другим путем, очутившись под лестницей как раз для того, чтобы услышать шаги, удаляющиеся вверх, над своей головой.

Корлей крикнул об этом Вудроу, а тот передал новость Моркрофту. Профессор взлетел вверх по спиральной лестнице, ведущей в крыло, где жила прислуга, и побежал навстречу приближающимся шагам. Но, прежде чем он достиг их, он услышал, как они изменили направление в темноте. Из того коридора, куда свернул призрачный отряд, шаги поднялись по другой лестнице и стихли где-то на следующем этаже.

Когда четверо запыхавшихся охотников вернулись в библиотеку, весь смысл погони дошел до Корлея и его друга Обри. Они начали гадать, что бы они предприняли, если бы догнали марширующих призраков. Моркрофт освободил их от решения этой задачи. Он рассказал, что еще никто не видел шагающих духов, хотя многие люди годами слышали их ритмичные шаги.

В доказательство своих слов Моркрофт достал план этажей замка, на который были нанесены цветные точки, обозначающие точное место и дату сообщения о подобных шагах. Вудроу больше других заинтересовался картой, но после краткого обзора он разочарованно пожал плечами и сказал:

— Большинство мест, где мы сегодня слышали шаги, уже отмечены в плане.

— Но не в их обычном порядке, — напомнил ему профессор. — До сегодняшнего дня о них сообщали неточно и упоминали единичные случаи. Проследив за нашими сегодняшними перемещениями, мы можем определить весь путь мистической процессии.

— В таком случае, мы выполнили свою миссию, — решил Корлей. — Давайте назовем ночь ночью и дадим возможность этим ребятам продолжать в том же духе.

Двое ушли из библиотеки, но Моркрофт и Вудроу продолжили обзор в течение следующего часа. Наконец огни в библиотеке погасли, и Семь Башен погрузились в полный мрак, подобные затаившемуся зверю под черным пологом звездного неба.

В течение следующих часов было тихо, пока мягкий рассвет не охватил сцену. С луга донеслась песня жаворонка, которой ответила песня дрозда из леса. Величественные лебеди сидели на широком участке рва под Норманнской сторожевой башней и безмятежно скользили по стеклянной поверхности воды. Даже олень не побоялся высунуть нос из укрывавшего его леса и пощипать траву на лужайке.

Тот, кто видел замок в эти часы, получал о нем самое лучшее представление. Солнечный свет не был достаточно силен, чтобы высветить развалившиеся части укреплений и ржавые цепи откидного моста, который сам по себе нуждался в ремонте. Да и современные пристройки к Семи Башням не демонстрировали своего унылого облика. Действительно, трудно было отличить старое от нового, за исключением глубоко посаженных окон, одно из которых обозначало комнату, в которой спала Хэлен Лоулэнд.

Повисшая над Семи Башнями тишина, казалось, заполонила эту комнату. Обычно Хэлен спала в такой обстановке до полудня, но сегодня ее вдруг разбудил странный гул, который перешел в резкие удары молотком и тяжелый грохот. Когда Хэлен собралась выскочить из кровати, она не смогла этого сделать, потому что испугалась угрожающих ей в полутьме фигур. Затем с облегчением рассмеялась.

Эти ужасающие взгляд силуэты вернулись в свои обычные пропорции, когда девушка моргнула и потерла глаза. Ими оказались вычурные стулья, столы, другая массивная мебель, придававшая старым комнатам сверхъестественный вид. Но это не объясняло того грохота, который разбудил девушку и продолжался за дверью. Очевидно, трудились несколько плотников, поскольку Хэлен слышала грохот падающих досок, скрежет пил, резавших дерево, стук молотков, прибавляющих доски на место. Когда пилы молчали или резкий удар молотка возмещал об очередной прибитой доске, раздавались хриплые голоса.

— Вот и еще одна для Старого Бородача, — говорил грубый низкий голос. — Торопитесь, теперь нам нужно еще пять!

Пила разогналась до воя. Сухой треск показал, что еще одна доска распилена. Подтверждая это, голос сказал:

— Ну, вот и следующая. Эта — номер девять.

Пилы и молотки принялись за работу, быстро завершая ее. Судя по звукам, результатом ее должна была стать грубо сколоченная лестница.

— Десять, и одиннадцать, и двенадцать.

Сжав руками пульсирующие виски, Хэлен гадала, отчего у нее раскалывается голова: из-за поздней вечеринки, раннего пробуждения или от непрерывного воя пилы и стука молотков. И — когда голоса разразились громким, презрительным смехом, хором повторяя: «Всего тринадцать для Старого Бородача!» — Хэлен не могла больше этого терпеть. Она выскочила из старинной кровати, нашла свой халат, завернулась в него и, обходя мебель, дошла до двери.

К ее удивлению, плотники ушли и прихватили с собой инструменты вместе с плодом своего труда. Там, где Хэлен думала увидеть подобие лестницы, оказался лишь тусклый коридор, пустой в обоих направлениях. На полу в любом случае должны были остаться опилки, но там ничего не было.

Озадаченная всем этим, Хэлен вернулась в постель, но ее сон часто прерывался. В короткие промежутки ей казалось, что она слышит вой пилы и стук молотков, крики, но в конце концов она проснулась и увидела, что уже день. На верхних ветках деревьев без умолку щебетали птицы, а наручные часы Хэлен показывали половину одиннадцатого.

Она оделась и спустилась вниз. Пройдя сквозь огромный банкетный зал, который в противоположность вчерашней ночи был единст-

венной неосвещенной комнатой, девушка вошла в уютную, но просторную столовую. Перед готическим окном с витражами, изображавшими щиты предков Бойса, дюжина гостей была занята копченой рыбой, почками, оладьями и яйцами за буфетным столом.

Среди них была Кинтия, и девушки обменялись улыбками, когда Хэлен проходила мимо. Вооружившись подносом, Хэлен села за круглый стол возле большого окна. Стоя возле него и поглядывая через ров на всхолмленную равнину и далекие деревья, Джеймс Бойс болтал с Кириллом Моркрофтом и Гордоном Вудроу.

Бойс стряхнул с себя отвратительное настроение предыдущего вечера, на лице заиграл румянец, а улыбка была искренней. Видимо, облегчение, вызванное предстоящей продажей Семи Башен, заставляло его забыть прошлое. Бойс был готов к шуткам, когда к ним присоединился Пол Корлей.

— Ну что, начнем выдумывать то, что случилось этой ночью? — спросил он. — Или дождемся, когда остальные с криками сбегут вниз, преследуемые привидениями?

— Давайте сначала расскажем все наши приключения, — предложила Хэлен, — чтобы настроиться на что-то мрачное. Тогда мы можем отправиться будить остальных и узнать, сколько из них мертвы в кроватях.

— В Семи Башнях действительно нет ничего страшного, — сказал хозяин, словно желая убедить самого себя. — Мои предки видели призраков, поскольку проводили долгие зимние вечера рядом с мерцающим светом. У них не было ничего, кроме слабого света свечи, чтобы охотиться на воображаемых созданий в полумраке.

— А что ты скажешь о людях, которые что-то слышали? — спросила Хэлен. — Как ты объяснишь это?

— Это объясняется еще проще, — ответил тот с широкой улыбкой. — В темноте любой незначительный звук становится громким.

— Я говорю о раннем утре.

— Когда ты еще спишь, но уже наполовину проснулась?

— Когда я бодрствовала, как сейчас, — с жаром сказала Хэлен. — Я всегда гостила в одной и той же комнате в Семи Башнях, и первое время я испытывала страх, но затем с этим справилась. И вот сегодня, — она замолчала и посмотрела на Корлея. — Вы ведь не воплощали сегодня одну из ваших проделок, не так ли, Пол?

Тот покачал головой, и Хэлен продолжила:

— Нет, это не было ни розыгрышем, ни призраком. — Она снова говорила с Бойсом. — Я слышала ваших плотников. Но почему они взялись за работу в такую рань?

Несмотря на яркий солнечный свет, лицо Бойса побелело. У него дрогнул голос, когда он спросил: «Какие плотники?»

— О, разве в замке не работают плотники?

— У меня не было ни одного плотника в течение последних двух недель.

— Значит, они пришли сами по себе, — сказала Хэлен. — Они пилили и стучали возле моей двери, делали какую-то лестницу. Я даже слышала, как они считали ступеньки, их было тринадцать. — Хэлен кивнула, припоминая. — И они делали их для кого-то по имени Старый Бородач!

Лицо Бойса было белым, как мел, солнечный свет подчеркивал эту бледность. Его кофейная чашка дрожала на блюде, когда он ставил его на стол.

Хэлен видела, какой эффект произвело произнесенное ею имя, и она пожалела о своих словах. Что хуже всего, что в этот неловкий момент к ним приблизилась Кинтия и услышала последние слова подруги.

— Старый Бородач! — повторила она. — Какое величественное имя! О, оно подходит тому смотриталю, или кем он является, которого я встретила прошлой ночью возле своей комнаты. У него белая борода и длинные волосы...

Глухой голос хозяина перебил ее:

— Этот бородатый мужчина пришел с дальнего конца коридора?

— Да, — подтвердила та. — И я видела его очень ясно. Я даже рассмотрела на свету его старинную униформу.

— Но в том коридоре нет освещения.

В медленных словах Бойса билось крайнее отчаяние, подобное погребальному звону.

— Но я видела его ясно, — он, должно быть, нес свет с собой... ой, нет, у него не было свечи... свечение просто двигалось вместе с ним!

Кинтия была в шоке, в панике и крикнула:

— Должно быть, я видела привидение!

— Привидение! — хором повторили Джэнис Пэтерсхэм и Дэлла Велдон, только что присоединившиеся к группе. Дэлла воскликнула:

— О, мы тоже видели того бородача!

Владелец Семи Башен без слов быстро повернулся и пробежал через банкетный зал. Остальные ошеломленно молчали, пока не хлопнула дверь. Тогда Моркрофт воскликнул:

— Мы должны остановить его!

Кто-то побежал за Джеймсом, а остальные через старые ворота для вылазок добрались до заржавевшего моста, пересекающего угол рва. Но, прежде чем они успели перехватить Бойса, его красный автомобиль с откидным верхом с ревом пронесся под решеткой и через мост.

Согнувшись, как гонщик, Джеймс на большой скорости вел машину, пока зеленый массив оленьего парка не поглотил несущуюся красную полосу.

На лужайке гости собрались вокруг Кирилла Моркрофта, спрашивая, куда мог поехать Джеймс и в чем, собственно, дело.

— Вероятно, он уехал в Ярвик, — сказал профессор. — Встретиться со своим адвокатом и убедиться, что замок действительно продан.

— Судя по тому, как он ехал, — заметил Корлей, — ему повезет, если он туда доберется. можно подумать, за ним по пятам неслись черти.

— Возможно, что неслись, — сухо ответил Моркрофт. — Для знакомого Семь Башен нет разницы между дьяволом и Старым Бородачом.

Это вызвало озадаченные взгляды у Кинтии и других гостей, видевших сияющую бородастую фигуру.

Моркрофт предложил всем перейти в библиотеку, где обещал объяснить происходящее надлежащим образом. Поэтому четверть часа спустя все общество собралось в библиотеке.

— До этой минуты, — начал историк, — я не имел права обсуждать проклятые Семь Башен. Моей целью здесь было высмеивать и развенчивать старые предрассудки. Но так как призраки действительно разгуливали по замку и были представлены все предзнаменования, я все объясню.

— Проклятье восходит к XV веку, к моменту окончания войн Роз. Сэр Реджинальд Дюбуа, перестроивший Семь Башен, открыто поддерживал Йорков, но секретно помогал Ланкастерам. Среди последних об этом знал сэр Седрик Шейпли, когда-то смертельно враждовавший с сэром Реджинальдом Дюбуа.

После битвы, в которой Ланкастеры потерпели поражение, говорили, что сэр Седрик и остатки его охраны помчались в Семь Башен в надежде, что сэр Реджинальд укроет его, если приверженцы Йорков станут обыскивать замок. Позже сэр Реджинальд уверял, что они до него не доскакали, очевидно, нарвавшись на засаду. Достоверен тот факт, что сэра Седрика и его людей больше никто не видел.

— А как поступили его друзья? — спросил Вудроу.

— Они ничего не могли поделать, поскольку не было доказательств. Но, спустя какое-то время, сэра Реджинальда стали подозревать, так как люди слышали шаги вооруженных воинов в коридорах Семь Башен. Предполагали, что это призраки Шейпли и его людей!

— А сэр Реджинальд когда-нибудь слышал эти шаги?

— Определенно слышал, — Моркрофт листал страницы толстого фолианта, — как и его потомки в последующие годы, наряду с посторонними людьми, как мы прошлой ночью. Однако, очень вероятно, что совесть сэра Реджинальда была нечиста, так как его свели с ума эти призрачные шаги. Его враги поклялись, что они поймают и повесят Старого Бородача, как презрительно звали сэра Реджинальда. Им это не удалось, но, когда он был на пороге смерти, по замку раздались новые звуки. Работа плотников, готовящих тринадцать ступенек виллицы для Старого Бородача.

Хэлен Лоулэнд, пораженная ужасом, смотрела на профессора.

— По традиции, — продолжил историк. — Сэр Реджинальд перед смертью признался в тайной вине своему наследнику. С той поры мрачная тайна переходила к каждому новому владельцу замка. Когда он должен умереть, дух Старого Бородача мрачно ходит по коридорам, а крики плотников, строящих для него виселицу, являют угрозу смерти.

— А что было сделано, чтобы снять проклятье? — спросил Вудроу.

— Некоторые отказывались от своих наследственных прав, чтобы избежать проклятья, — объяснял Моркрофт. — Одна ветвь сменила фамилию, и они звались Бойсами, но, как нам известно, это мало помогло. Первый Бойс, объявив Семь Башен своей собственностью по закону, узнал эту тайну и понял, что наследует также и проклятье. С той поры все пошло по-старому.

— А вдруг с хозяином случится что-то прежде, чем он поведает наследнику об этой тайне? — спросил Пол Корлей.

— Проклятье само заботится об этом, — объяснил профессор. — Кто бы ни владел замком, он имеет одно преимущество, или — наоборот. Он заранее знает, когда придет его черед, и поступает соответственно. Дух старого Бородача и призраки-плотники, строящие для него невидимый эшафот, заботятся о том, чтобы он все узнал.

— И Джимми получил такое предупреждение сегодня утром! — заключил Корлей. — По тому, как он гнал, верней всего, что он пропустит тот крутой поворот на ярвикский мост. Если пропустит, то никому не сможет передать свою тайну.

— Ему хочется, чтобы она умерла вместе с ним, — тихо сказал Моркрофт. — Насколько видно из записей, он последний в роду Бойсов. Вот почему он решил национализировать Семь Башен и избежать проклятья. Но оно захватило его.

Гордон Вудроу хмыкнул, чтобы показать, как мало он верит в суеверные традиции. Хриплым голосом он спросил:

— Что понятно в этом проклятье? Какое отношение имеет к этой странной загадке сам замок?

— Предполагают, что в замке есть потайная комната, — объяснил Моркрофт, — содержащая полный ответ. Но я изучил все планы реконструкций замка и дополнительных построек, начиная с XV века, и не могу найти никакой зацепки, никакого упоминания о ее существовании, кроме слухов.

— Но, если она существует, Джим Бойс должен об этом знать.

— Да, но ему бы пришлось давать клятву, что он не расскажет об этом никому, кроме наследника.

— Кто-нибудь пробовал найти потайную комнату?

— Да. Около ста лет тому назад группа гостей прошла через замок, пока хозяин отсутствовал. Они вешали полотенца на каждое окно, к которому подходили, собираясь проверить их позднее снаружи. Окно без полотенца должно было выдать эту комнату.

— Но была ли она найдена?

— Нет. Когда они все еще развешивали полотенца, вернулся хозяин и велел им покинуть замок.

Вудроу медленно провел рукой по загорелому подбородку и понимающе кивнул другим гостям.

— Знаете ли вы, — сказал он с легкой усмешкой, — что это неплохая идея? Если наш Джимми так боится семейного заклатья, почему не освободить его от беспокойства. Мы сами можем проделать фокус с полотенцами, прежде чем он вернется из Ярвика. Может быть, мы найдем эту комнату.

Идея со сверхъестественной силой охватила всех присутствующих. К этому времени все остальные гости спустились вниз, и две дюжины добровольцев взялись за дело. Вудроу разбил их на группы, которые направились в разные концы замка. В пустой караульной комнате Корлей нашел ключи с бирками, обозначающими те комнаты, которые они отпирали. Некоторые из них отмыкали шкафы для белья, где наряду с полотенцами были простыни и наволочки.

Это был по-настоящему всеобщий порыв к раскрытию тайны, однако выполнить задачу было непросто. В отдаленных углах замка были сотни комнат, включая боковые закоулки и тупиковые коридоры. В каждом из них имелось от одного до двенадцати окон, в зависимости от размера комнат. Поэтому добровольцам предстояло много работы.

Вудроу решил подняться на Норманнскую башню, по пути вывешивая полотенца из бойниц. Хэлен несла еще один ворох белья и, когда через люк они выбрались на смотровую площадку и окружающий ее парапет, Вудроу захотелось сделать несколько снимков. Пока он был занят этим, к ним присоединился Моркрофт, улыбаясь, словно он не совершал утомительного подъема. Профессор был необыкновенно подвижен.

Парапет вокруг башни имел возвышения, или зубцы, с узкими промежутками между ними. Сквозь эти амбразуры древние лучники посылали стрелы из своих арбалетов. Когда Вудроу облокотился на один зубец, направив фотоаппарат на дальние пейзажи, зубец отвалился. Хэлен крикнула, чтобы он был осторожнее, но мускулистый австралиец уже обрел равновесие. Потом он дерзко перегнулся через парапет, где амбразура расширилась, чтобы посмотреть на камни, упавшие в воду далеко внизу.

— Этот ров, должно быть, очень глубокий, — между делом заметил он. — К тому же мутный и с быстрым течением.

— Он вытекает из реки, — объяснил Моркрофт. — Старые записи сообщают, что был построен специальный канал, чтобы заполнить ров.

— Да, теперь я могу видеть, куда он ведет.

Вудроу облокотился на другой зубец, чтобы посмотреть вниз. Моркрофт вовремя оттащил его назад и очень кстати, поскольку другой зубец отправился в мутные воды рва.

— Благодарю, — сказал Вудроу, словно ему регулярно спасали жизнь. — Должен признать, что отсюда — прекрасный вид.

— Поскольку это самая высокая башня, с нее открывается великолепный вид, — ответил Моркрофт. — Вам он покажется еще лучше, если вы будете смотреть вверх из рва.

— Неплохой прием, профессор, — усмехнулся Вудроу, — но не беспокойтесь обо мне. Я лазил по уступам на высоте в тысячу футов и устойчив, как кошка. Но я не могу тратить время на снимки. Мне нужно спуститься и посмотреть, как идут поиски.

Он помолчал, потом продолжил:

— Не могли бы вы последить за дорогой на случай, если появится машина Бойса?

Моркрофт и Хэлен согласились. Следующий час Хэлен провела очень интересно, поскольку профессор углубился в историю этой части Англии. Профессор показал остатки леса, в котором обитали разбойники, проследил путь реки через дальние поля сражений и определил холм, на котором древние друиды совершали свои языческие обряды. Хэлен была так захвачена этими рассказами, что ни она, ни Моркрофт не заметили приближавшуюся машину, въехавшую в ворота оленьего парка.

Хэлен в панике сбежала по ступенькам башни, Моркрофт — за ней. Когда она пробежала по темным коридорам нижних этажей, у нее вылетело из головы, что тут обитают привидения, и она крикнула всем побыстрее вывешивать последние полотенца, поскольку возвращается Бойс. Хэлен добежала до центральной лужайки, прежде чем прибыла машина хозяина. Взглянув вверх, она увидела нечто интригующее.

Полотенца, простыни и занавески свисали с каждого окна не только на фасаде здания, но и с боковых стен, насколько Хэлен могла их видеть. Внутренние бастионы замка тоже были увешены этими сигналами. Добровольцы Вудроу проделали огромную работу, и теперь из замка спешили люди, чтобы полюбоваться на плоды своих трудов.

Единственным человеком, которому не понравился вид замка, был его владелец. Его машина пронеслась по оленьему парку и остановилась, не доезжая откидного моста. Бойс выскочил из машины с красным от ярости лицом. Для него эти клочки белья были неприятельскими знаменами, глумившимися над его достоинством. Бойс махнул нескольким садовникам, до сих пор не видевшим, что происходит в замке. Он велел им идти наверх и снять белье с окон. Затем он позвал прислугу и велел делать то же самое. Пока развевающиеся знамена постепенно исчезали, Бойс грозно вышел из замка, чтобы отругать робких гостей, испуганно толпившихся на лужайке.

Хэлен отметила, что среди них не было Вудроу. Это не имело значения для Бойса, поскольку он видел зачинщика в Корлее.

— Твоя последняя шутка зашла слишком далеко! — Бойс откровенно кричал. — Я бы никогда не пригласил тебя сюда. Можешь убираться — и больше не приезжать. И захвати с собой эту разношерстную неблагоприятную толпу!

— Хорошо, Джимми, — вежливо ответил тот. Потом обратился к молчавшим гостям: — Нам всем лучше убраться, прежде чем появится констебль и оштрафует нас за то, что припарковались во дворе замка.

Пока машина за машиной покидали замок, Бойс, скрестив руки, наблюдал их отъезд. Единственным оставшимся человеком был Кирилл Моркрофт. Он жестом остановил Хэлен Лоуленд и ее подругу Кинтию Гиффорд.

— Слишком плохо, что так вышло, — спокойно сказал Моркрофт. — Но, когда наш Джимми перестанет злиться, ему понадобится кто-то, кто поможет решить проблему призраков, а вы это можете. Вот вы, — он обращался к Кинтии, — видели Старого Бородача. А вы, — он говорил Хэлен, — слышали плотников-призраков.

— А я, — сказал мужской голос за его спиной, — помогал ловить марширующих духов. Может, и мне стоит остаться?

Это был Гордон Вудроу, более самоуверенный, чем всегда. Он широко и надменно улыбался, его улыбка свидетельствовала о том, что он готов бросить вызов любому, кто возразит ему. Теперь, когда Корлей принял его вину на себя, у Бойса не было причин подозревать Вудроу. Взглянув на замок, где половина импровизированных знамен была снята с окон, Бойс вернулся к нескольким оставшимся гостям.

— Теперь, — сказал он, — я, по крайней мере, с людьми, которым доверяю. Давайте войдем и обсудим все.

Они пошли в библиотеку, где началась эта безумная затея, и Хэлен почувствовала себя двучичной. Она гадала, кому же из спутников можно доверять. В таком настроении она обратилась к Бойсу.

— Послушай, Джимми, поскольку остальные уехали, мы с Кинтией тоже покинем замок, как только сможем заказать машину, которая довезет нас до Лондона.

— Я собираюсь позвонить в Ярвик своему адвокату, — ответил тот, — и заодно попрошу его заказать машину оттуда.

Бойс ушел звонить. Пока его не было, Хэлен обратилась к Вудроу, глядя на него обвиняющими глазами.

— Где вы были, когда всем велели убираться?

— Делал обход, — тихо ответил тот, — и фотографировал замок под разными углами.

Он достал из кармана несколько пленок и вручил их Моркрофту.

— Отпечатайте их, — продолжал он, — и добавьте к архиву Семи Башен. Они определенно докажут то, что я видел во время обхода.

— А что вы видели? — живо спросил историк.

— Полотенца, свисавшие с каждого окна. Я осмотрел каждую

секцию замка, делая снимки. Ни одно из окон не может принадлежать потайной комнате.

— Хорошо, — кивнул профессор. — Это поможет успокоить страхи Бойса. Но я не стану говорить с ним о проклятье, пока он не успокоится.

Хэлен решила поддержать политику Моркрофта, поскольку тот казался искренне заинтересованным в благосостоянии Бойса. С приближением вечера Бойс стал проявлять нетерпение, гадая, почему до сих пор не приехал из Ярвика его адвокат и не привез от финансовой корпорации последние бумаги. Хэлен тоже была раздосадована, поскольку нанятая машина не прибыла. Вудроу, как обычно сдержанный и самоуверенный, уговорил Бойса поиграть в билиард. Хэлен и Кинтия следили за поединком, сидя рядом, пока нетерпение Бойса не достигло высшей точки.

— Я пойду поговорю с прислугой, — решил он, — и велю им приготовить ужин. Мы не можем ждать весь вечер, когда появится мой адвокат, а пока его нет, мы не узнаем, когда придет ваша машина.

Когда Бойс ушел, Вудроу поставил кий на место и предложил:

— Давайте втроем поднимемся на Норманнскую башню и посмотрим на закат. Я могу сделать несколько цветных фотографий.

— Только без меня, — вздрогнув, сказала Кинтия. — Уже темно, а я не хочу снова встретиться со Старым Бородачом.

— Пойдем в библиотеку и поговорим с профессором Моркрофтом, — предложила Хэлен.

Вудроу перекинул ремень фотоаппарата через плечо и один отправился к величественной башне. Путь, которым он шел, был тем самым, по которому девушки поднимались прошлой ночью. Вудроу прошел мимо двери Хэлен, возле которой невидимые плотники соорудали виселицу. Дошел до того места, где Кинтия видела бродившего Бородача, и прошел в дальний конец коридора, откуда появился светящийся дух. Там, в сгущающейся тьме, Вудроу поднялся на следующий этаж, где, как проследил Моркрофт, затихли шаги невидимых воинов.

Затем, вместо того, чтобы продолжить подъем на главную башню, он задержался возле арочного прохода, соединявшего две части замка. Повсюду была прочная кладка плотно уложенных камней. Вудроу присоединил вспышку к фотоаппарату, сделал снимок арки с близкого расстояния. Потом снял арку под другим углом. После этого он начал ощупывать все щели, словно надеясь отыскать что-то.

• Когда Вудроу присел в окружающем мраке, его чуткий слух, привычный определять тихие звуки в джунглях, уловил легкое движение в проходе рядом с ним. Он повернулся и увидел во мраке белое лицо, чьи губы скривила мрачная вызывающая усмешка. Вудроу хрипло засмеялся.

— Привет, — сказал он. — Я даже ожидал встретить вас здесь.

Это был не призрак. Это был Джеймс Бойс. Его нездоровая улыбка была вынужденной, однако он вернул ее, не скрывая презрения.

— Это вы организовали их на проделку с окнами, — обвинил он его. — Непохуже на Пола Корлея безропотно принять на себя вину, поэтому в конце концов я понял, что он кого-то покрывает. Кроме Моркрофта, вы — единственный мужчина, оставшийся здесь и пытавшийся обмануть меня. Вы, с вашим ледяным хладнокровием и этим фотоаппаратом. Теперь отвечайте, что вы хотите найти?

— Потайную комнату, — прямо ответил австралиец. — Она без окон, значит, должна быть в самих стенах замка. Все представления призраков начинались здесь, значит, это то самое место.

Под аркой раздался глухой смешок Бойса.

— А вдруг я вам скажу, что этой комнаты не существует?

— Я вам не поверю, Бойс, — тихо ответил Вудроу. — Я бы стал разбирать замок камень за камнем, начиная с этого места.

— Неплохая идея, Вудроу, — саркастически заметил Бойс. — Почему бы вам не поговорить с группой финансистов из «Мидлэнд», прежде чем они отдадут замок Лиге Охраны?

— Уже поговорил. И вместо Лиги они отдали замок мне. Вот почему ваш адвокат не привез последние бумаги.

Глаза Бойса превратились в щелочки, пока он отыскивал слова.

— Вы не можете, — нет, они не смеют допустить этого. Никто не имеет права предавать секрет Семи Башен, принадлежащий только потомкам Сью Дюбуа.

— Никто не предаст его, — холодно ответил Вудроу. — Я просто потратил часть миллионов, заработанных на каучуковых плантациях Борнео, чтобы выкупить «Мидлэнд Истейтс энд Хоум Финансиз» и потребовать мое фамильное наследство.

— Ваше фамильное наследство?

— Да. Знаете, Бойсы не единственные потомки Сью Дюбуа, которые изменили свое имя. Одна ветвь приняла фамилию Вуд, простой перевод французского слова *dois**. Один из них женился на девушке из семьи Роу, и фамилия стала Вуд-Роу. Когда последующие поколения эмигрировали в Австралию, где двойные имена не были так популярны, как здесь, фамилию упростили в Вудроу.

— Тогда вы действительно мой дальний кузен — претендент на Семь Башен.

— Более того, кузен Джим, — резко вставил Вудроу, — у меня есть документы, доказывающие, что одно поколение назад замок должен был перейти к семье Вудроу, а не к тому Бойсу, который позже оставил его вам. Я — настоящий владелец Семи Башен.

Бойс, чьи глаза все еще были сужены, а вынужденная улыбка — напряженной, понял, что Вудроу, должно быть, говорит правду.

---

* *Dois (фр.)* — лес.

— Поэтому вы видите, — усмехнулся Вудроу, — по идее, это я должен давать ответ на загадку Семи Башен и правдивую историю семейного проклятья, а не вы. Но вместо того, чтобы вышвырнуть вас как узурпатора, я желаю дать вам возможность выполнить обет, который вы давали, когда вас посветили в тайну Семи Башен, а именно: передать его полноправному потомку Сью Дюбуа.

Побелевшие губы Джеймса плотно сжались, словно выражая безоговорочный отказ.

— Сейчас или позднее, кузен Джим, — сказал Вудроу. — Если вы не раскроете мне этот секрет, я не дам клятву хранить его, когда сам до всего доберусь.

— Хорошо, кузен Гордон, — неожиданно ответил Бойс. — Вы выиграли. Но, если вы просите об этом, знайте о том, что должно действительно потрясти вас.

— Я привык к потрясениям, кузен Джим. Я встречался с охотниками за головами, помните? И они получили надлежащее наказание.

— Не забывайте, что с семейной тайной переходит и проклятье.

— И проклятье станет моим, а не вашим, — Вудроу хохотнул. — Я помогаю вам избавиться от него, кузен Джим.

— Что ж, очень хорошо, — сказал Бойс. — У вас есть фонарик?

Вудроу достал фонарик и включил его. Бойс велел ему осветить боковую стену арки. На свету Бойс потрогал щели кончиками пальцев и отыскал щель между двумя нужными камнями. Их соединял скрытый механизм, который требовал усиленного давления, и вслед за этим раздался приглушенный щелчок. Бойс помедлил, достал фонарь и сказал.

— Теперь вы попробуйте открыть его, Вудроу, то есть кузен Гордон.

Вудроу повторил поиски Бойса и был вознагражден тем же щелчком. Бойс напряженно сказал ему:

— Теперь постепенно давите на кирпичи.

Вудроу надавил. Вертикальный участок крепкой стены подался вниз, внутрь, обнажая неровные края, где камни подходили друг к другу безупречно. Пяти футов в высоту и трех в ширину, камень образовывал толстую плиту и управлялся скрытым противовесом внизу. Наконец плита легла горизонтально, и Вудроу удерживал ее в таком положении давлением вытянутой руки. Конец плиты лег на широкий камень, обозначавший начало крутой лестницы, вырубленной в самой стене замка.

— Я был уверен, что это здесь, — удовлетворенно заверил Вудроу. — Именно здесь старая Саксонская Башня соединяется с Главной Норманнской. Стены здесь должны быть двойной толщины.

Он вошел в отверстие, где опущенная плита образовала навесной мост к нижней ступеньке. Затем с улыбкой вернулся назад.

— После вас, кузен Джим, — пригласил он.

Ответная улыбка Бойса была горькой, словно тот понял, что Вудроу ему не доверяет. Повинуясь, Бойс пересек пятифутовый мост, чтобы заверить Вудроу в том, что он прочный и безопасный. Тот последовал за ним и протиснулся рядом.

— Поднимитесь на одну ступеньку, — скомандовал Бойс, — и смотрите через мое плечо. Вы увидите, как легко управлять входом с этой стороны.

Вудроу двинулся наверх, и Бойс последовал за ним, чтобы освободить плиту от своего веса. Каменная преграда медленно поднялась сама по себе достаточно высоко, чтобы Бойс подтолкнул ее вверх, и заняла свое место в стене. Когда плита закрыла вход, раздался щелчок, но с их стороны между стеной и ее верхним краем осталось широкое расстояние.

— Вы просто вставляете туда пальцы и тянете вниз, — вполголоса сказал Бойс. — Плита снова опустится. Иначе быть не может.

Вудроу кивнул и осветил верх плиты.

— Хорошо. Теперь идемте.

Он резко смолк. В этих каменных пределах его произнесенные обычным тоном слова звучали как крик. Ему пришлось говорить шепотом, как и Бойсу.

— Теперь идемте наверх. Я хочу видеть потайную комнату.

Бойс включил свой фонарик и осветил путь себе и Вудроу, идущему за ним по пятам. Лестница резко окончилась под каменным потолком, представлявшим другую плиту. Эта плита отличалась от нижней. Она не имела петель, а просто скользила горизонтально, как выдвижной ящик. Ее механизм был исправным, поскольку она бесшумно скользнула в стену, открывая над ней черную брешь.

— Эта плита открывается только снизу, — напряженным шепотом сообщил Бойс. — Когда она закрыта, ее конец находится под вертикальной стеной, поэтому сверху ее открыть невозможно. Приготовьтесь к худшему.

В шепоте Бойса слышалась дрожь, по мнению Вудроу, вызванная абсолютным страхом. Бойс поднялся, и Вудроу вместе с ним. Затем оба кузена встали бок о бок, освещая фонариками ужасное зрелище.

Разбросанные по полу квадратной с каменными стенами комнаты, повсюду лежали фигуры, частично одетые в доспехи, как йомены*, приготовившиеся к последнему штурму врага.

Вокруг валялись шлемы и латные рукавицы, которые они еще не надели, поэтому головы и руки воинов, которых было около дюжины, были на виду.

---

* Фермеры средней руки, призывавшиеся на военную службу.

Эти головы были оскаленными черепами. Руки стали костями, некоторые все еще сжимали эфесы ржавых мечей, сломанных и затупившихся, лежавших теперь возле своих беспомощных владельцев. Только один воин был в полном вооружении, но забрало шлема было частично приподнято, и из побелевшего черепа на пришельцев глянули пустые глазницы, как темные орбиты. На эту фигуру Бойс показал сразу.

— Сэр Седрик Шейпли, — шепот Бойса был полон ужаса. — И его преданные воины. Наш общий предок сэр Реджинальд Дюбуа укрывал их здесь от врагов на тот случай, если те станут обыскивать замок. Он задвинул каменную плиту снизу, а потом ему было удобно забыть вернуться и открыть ее.

Вудроу хладнокровно осматривал лежащие фигуры. Их сломанные, затупившиеся мечи свидетельствовали о том, что их употребляли как рычаги, когда они пытались открыть плиту, не пускавшую их, прежде чем за ними пришла смерть. Возможно, они уже были ослаблены голодом, когда нехватка воздуха вызвала удушье, поскольку они умерли в почетном карауле, собравшись по призыву своего вождя.

— Души этих людей, — продолжал Бойс тихим голосом, — и есть те призраки, которые маршируют с той поры по замку. Они, должно быть, дали последнюю клятву отомстить за себя после смерти, после того как не смогли сделать это при жизни, поскольку довели сэра Реджинальда до сумасшествия и гибели. Он смог заточить их тела, но не их души.

Вудроу искоса посмотрел на Бойса и увидел, что его глаза почти закрыты, а лицо бледнее обычного. Вудроу тихо нацелил объектив на ужасную сцену смерти, случившуюся несколько веков назад, и сделал снимок. Затем спросил:

— Как часто вы приходили сюда, кузен Джим?

— Только один раз, — ответил тот. — Когда мне передали секрет. Одного раза было достаточно, но я обещал передать его, когда придет назначенный срок. Только что я это сделал.

— Но вы бы предпочли, чтобы тайна умерла вместе с вами?

— Абсолютно, и это было бы именно так, если бы вы не настаивали на ее раскрытии. Помните, вестники смерти уже появлялись. Старый Бородач разгуливал здесь прошлой ночью, а невидимые плотники строили утром виселицу.

— И вы действительно верите во всю эту чепуху?

— Да. Чем еще можно объяснить странные вещи, которые происходили?

— Воображением. Людям легко верить в то, что они видят и слышат что-то в старом замке. А насчет этого... — Вудроу махнул на скелеты в доспехах. — Сэр Реджинальд Дюбуа смело избавился от своего врага тихим дешевым способом, о котором никто не догадался.

Просто позже он свихнулся и раскрыл свою тайну. С тех самых пор в это верят наивные наследники. Теперь, поскольку Семь Башен переходят ко мне, — продолжил он, — я выброшу этот хлам и сделаю из Семи Башен достопримечательность с очень хорошей приманкой — потайной комнатой. Поэтому идемте, кузен Джим, а то на меня может накатить рассеянность и я задвину плиту, оставив вас наедине с сэром Седриком и его развеселыми компаньонами.

Вудроу уже спускался по каменным ступенькам. Бойс в панике бросился за ним, и Вудроу снял его со вспышкой, запечатлев весь ужас, отраженный на его лице. Пока Бойс моргал и тер глаза, Вудроу связвил:

— Если не доверяете мне, задвигайте плиту сами.

Бойс подчинился и поспешил вниз к Вудроу, который уже приближался к нижней плите и готов был сунуть пальцы между ее верхним краем и стеной. Верхний край плиты был ниже его плеч, поэтому он сделал шаг вниз и готов был сделать другой, когда Бойс позвал его хриплым шепотом:

— Вудроу! Ни шагу дальше!

— Что вы имеете в виду? — огрызнулся тот. — Вы мне угрожаете?

— Я вас предупреждаю! Не делайте следующего шага.

— Теперь я — владелец этого замка, — сердито ответил Вудроу, — и я намерен...

Вудроу неожиданно начал дико ловить воздух, отыскивая отверстие для пальцев в стене напротив. Но пальцы не могли выдержать веса его дородного тела, сорвавшегося в отвесную шахту.

Из шестидесятифутовой ямы раздался предсмертный крик, превратившийся один раз, потом снова, и затем стихший, поскольку при падении Вудроу ударился о выступающие острые камни. Прыгающая полоска света от его фонарика сопровождала его падение. Затем внизу раздался далекий всплеск, и свет потух.

Стоя на последней ступеньке, Бойс посветил вниз. Он увидел отвратительный круговорот в том месте, где канал от реки втекал под замок и вытекал в ров. Когда тело не появилось на поверхности, Бойс понял, что эти водовороты унесли его по течению. Страшнее самого падения были острые скалы, оставленные сэром Реджинальдом Дюбуа или одним из его злых потомков для любого любопытного, чтобы, увидев секретную комнату, он рухнул в открытую шахту. Острые выступы усеяли всю шахту, так что избежать их было невозможно.

Бойс собирался показать Вудроу шахту смерти на обратном пути, но новый владелец не пожелал ждать, чтобы узнать еще одну тайну замка. Теперь Бойс молча открыл со ступенек каменный блок и вышел в коридор, где закрыл проход. Дойдя до первого этажа и никого

там не встретив, он вышел во двор. Прибыли адвокат Бойса из Ярвика, и, кроме того, заказанная для девушек машина. Однако Кинтия и Хэлен все еще были там, глядя на Главную Норманнскую башню, резко выделявшуюся на фоне угасавшего заката.

Они крикнули Гордону Вудроу, что уезжают, но не получили ответа. Это заставило стоявшего рядом Кирилла Моркрофта обеспокоенно покачать головой. Когда Бойс приблизился, Моркрофт сказал ему:

— Вудроу сказал девушкам, что собирается фотографировать закат с башни. Когда он поднимался туда днем, он упорно опирался о качающиеся зубцы. Если он вновь прибеж к той безрассудной затее, то есть шанс, что мы отыщем его во рву. И, мне кажется, стоит начать поиски прямо сейчас.

Бойс сразу согласился.

— Я позову слуг, — сказал он.

Они нашли тело Вудроу несколько часов спустя, при свете автомобильных фар и мощных электрических ламп. Оно было возле выходного отверстия из рва, куда его прибило сильное течение. Судя по синякам на голове и вывихнутым конечностям, решили, что он ударился о какой-то внешний бастион гигантской башни во время своего долгого падения.

Во время дознания, проходившего в Ярвике, был вынесен вердикт, свидетельствующий смерть от несчастного случая. Показания, данные Хэлен, Кинтией и профессором, были подтверждены присутствием фотоаппарата возле тела. Исследования пленки показали, что он сделал всего четыре снимка. Вода размыва негативы, поэтому они походили на расплывшиеся пятна, но казалось очевидным, что Вудроу фотографировал заход солнца и, видимо, слишком сильно оперся о зубец.

Никто не спрашивал Джеймса Бойса, где он находился, пока Вудроу был наверху. Ведь Бойс много потерял со смертью Вудроу. Выяснилось, что тот предложил за Семь Башен намного больше, чем Лига Охраны Исторических Достопримечательностей. Из-за смерти Вудроу продажа была аннулирована, и Лига приобрела замок за первоначальную цену.

Теперь посетители Семи Башен найдут здесь национальный музей, попечителем которого является Кирилл Моркрофт. Он знает все об истории Семи Башен и может проследить генеалогию его владельцев от самого Сью Дюбуа до нынешних дней. Моркрофт убежден, что Джеймс Бойс избежал проклятья, поскольку никогда не был настоящим владельцем Семи Башен. Это звание принадлежало Гордону Вудроу и по праву наследства и по праву покупки в то время, когда в последний раз появился Старый Бородач и призрачные плотники соорудили невидимый эшафот. Поэтому они предвещали смерть Вудроу.

Теперь, раз Семь Башен перешли из наследственной линии, проклятье было снято, Бородач больше не появлялся, да и невидимых плотников не было слышно. Но в иные ночи, когда кругом очень тихо, можно слышать шаги невидимых воинов. Моркрофт всегда их слушает, поскольку — ему нравится это рассказывать — один раз он проследил этих марширующих духов до начального пункта в надежде отыскать потайную комнату.

Но теперь историк оставил эти поиски. Среди его ценных бумаг есть серия снимков, сделанных Вудроу за несколько часов до смерти. Эти снимки показывают свисающие с каждого окна замка полотенца, наволочки или простыни, обозначив каждую комнату замка.

Поэтому, какие бы сомнения не окружали Семь Башен, Кирилл Моркрофт определенно уверен в двух вещах: первая, что Гордон Вудроу упал с парапета Норманнской Сторожевой Башни; вторая — в замке нет потайной комнаты.

МСТЯЩИЙ ДУХ

Когда Хэнк Доусон ехал на своей допотопной машине по дороге, огибавшей гору Лысого Орла, все, что он мог видеть на месте Приятной Фермы, были унылые черные руины. Прекрасная старая ферма, возможно, чрезмерно большая и довольно-таки разбросанная, насколько помнил Хэнк, но хорошо построенная в доброй традиции севера Новой Англии с гранитным фундаментом и прочными каменными трубами. Кроме них ничего не осталось.

Как раз около четырех месяцев назад случился пожар, в одну из тех бурных весенних ночей, когда над горными пиками сверкали молнии и гремели раскаты грома вместе с дикими ветрами, рёвевшими в ущельях. Тогда, в самой гуще этого ужаса, на фоне ночного неба загорелся гигантский факел, подняв жителей тихого городка Хилидейл, выславших свои дряхлые противопожарные машины на место происшествия, куда они прибыли слишком поздно, чтобы чем-то помочь.

Ведь до Приятной Фермы, расположенной на плодородном уступе, было трудно добраться, а противопожарные средства не могли погасить такой взрыв. Раздуваемое сильным ветром пламя перекинулось на огромный амбар, поэтому он тоже полностью сгорел, за исключением старого фундамента.

В то время и здание фермы и амбар были пусты. Пит Райэрли, их хозяин, выращивал скот с компаньоном из Бостона, Ллойдом Проктором, но незадолго до пожара они продали все стадо и переоборудовали ферму в антикварный магазин. Тот тоже погиб в огне, но Пит

Райэрли все еще пытался получить страховку, которая бы устроила Ллойда Проктора, вложившего в дело все свои деньги. Хэнк Доусон, облеченный правами шерифа, занимался делами подобного рода. Сегодня Хэнк получил сообщение от Джанет Райэрли, жены Пита, которая теперь жила на Ферме Каменистого Ручья, ниже по склону от сгоревшей фермы. В своей записке она сообщила, что ей немедленно нужно поговорить с Хэнком, поэтому ближе к заходу солнца он выбрал дорогу Лысого Орла. Теперь, когда сгущались сумерки, поднялся ветер, и, вместо того чтобы объехать коттедж сзади, Хэнк остановил машину на дороге и пошел вверх по тропинке, сокращая путь.

В квадратном коттедже тускло горел свет, особенно яркий на темном фоне неба. Хэнк едва смог различить очертания сарая за ним из-за зарослей вечнозеленых растений, поднимающихся по склону. Это деревья колыхались в усиливающемся ветре, каждое из них качалось по-особому, словно ряд призрачных танцоров, черных на фоне неба. Хэнк помедлил и крикнул, перекрывая ветер:

— Эй, там, Джанет!

Ответом был глухой, злой лай собаки. Это, должно быть, Герцог, датский дог Ллойда Проктора, живший на Приятной Ферме, пока тот не уехал покупать древности. Тогда он поместил Герцога в собачий питомник в Новом Виндзоре. Джанет неплохо придумала забрать пса назад для охраны.

Хэнк позвал снова. Дверь открылась, и он увидел Джанет, которая махала ему одной рукой, а другой — держала Герцога за ошейник. Когда Хэнк вошел, Герцог зарычал, но Джанет прервала рычание командой, и огромный пес подчинился. Джанет, которой скоро должно было исполниться тридцать, была маленького роста, но, несмотря на это, сильной, судя по тому, как она сдерживала Герцога. На ее лице играл здоровый румянец от постоянного пребывания на свежем воздухе, ее большие карие глаза над острым носиком-пеньком были так же выразительны, как хорошо сформированные губы. Когда она заговорила, на них заиграла улыбка:

— Ты, наверное, психолог, Хэнк.

— Психолог? — удивленно нахмурился Хэнк. — С чего это?

— Я имею в виду, что ты читаешь мысли на расстоянии. Я хотела попросить тебя прийти сюда и побыть здесь несколько часов в первую ветреную ночь, но в записке этого не сообщила. Потом, час спустя, поднимается ветер и приходит не кто иной, как старый добрый Хэнк Доусон, человек, которого я хотела увидеть.

— Кстати, я как раз заметил, что ветер усиливается, когда решил прогуляться сюда. Скажи, что случилось?

— Раз уж ты психолог, Хэнк, не приходилось ли тебе видеть духов?

— Не знаю, но не возражаю против того, что их могли видеть другие.

— Возможно, ты увидишь одного сегодня ночью. Подожди, пока я

сварю кофе. Если Герцог забеспокоится, ты поймешь, что призрак рядом. Он всегда слышит его первым.

Пока готовился кофе, Хэнк положил в огонь дрова и начал прислушиваться к различным звукам. Он слушал, как в трубе гудит ветер, отметил низкий стон из угла, но Джанет посмеялась над этим, сказав, что это ветки царапают крышу. Хэнк затронул интересовавшую его тему.

— Расскажи мне о Ллоиде Прокторе. Как он стал компаньоном Пита?

— Это давняя история, — устало ответила она. — Пит сообщает свои грандиозные идеи людям и находит желающих субсидировать их. Все идет прекрасно, пока не кончатся деньги. Тогда Пит обвиняет их, а они — его. Ты знаешь, как Пит бахвалится и дурачит людей. Он обещал мне чудесный дом, если я выйду за него. Теперь посмотри, где я живу.

— Ты о Приятной Ферме?

— О чем же еще? Мы не могли сами вести хозяйство, пока в ферму кто-нибудь не вложит деньги. Потом она сгорела, и мы доказались до этого маленького коттеджа.

Джанет ненадолго задумалась, потом менее критично заговорила о муже.

— Может быть, идеи Пита не были слишком хорошими, — продолжала она. — Но его вкладчики тоже были хороши. Они выходили из дела, все, кроме Ллойда Проктора.

— Ты хочешь сказать, что Проктор был лучше остальных?

— Какое-то время. Ллойд вложил все деньги в обновление фермы и на покупку стада. Он дал Питу наличные авансом, чтобы платить нанятым работникам и оплачивать счета сразу по их получении.

— Так почему им не повезло?

— Потому что они взялись за дело с очень большим размахом. Ллойд постоянно предпринимал долгие поездки на Запад, скупая скот быстрее, чем Пит продавал уже выращенный скот. Поэтому Питу пришлось нанять еще больше людей, чтобы обслуживать ферму, и докупить оборудования. Это сделало расходы большими, чем доходы. Поэтому они погорели.

— Понимаю. А что насчет древностей?

— Они собирались заниматься этим между делом. Затычка, как называл это Ллойд, покупая древности и отправляя их на ферму до той поры, пока амбар не будет переоборудован в магазин. Потом его уничтожил огонь.

— А где в это время был Пит?

— Работал на ферме, планируя перемены, пока Ллойд не захотелось, чтобы он поехал во Флориду выкупать право на владение каким-то земельным участком. Поэтому Пита здесь не было, а я в ту грозовую ночь навещала друзей в Нью-Йорке.

— А где они оба сейчас?

— Пит — во Флориде, завершает дело с участком, в то время как Ллойд подыскивает продавцов на разных территориях. Ллойд шлет чеки, которых хватает на покрытие здешних расходов, поэтому я просто отмечаю время до приезда Пита.

Джанет налила кофе, и они потягивали его, когда ветер поднялся до дикого порыва, сотрясшего окна так, что, казалось, задрожал весь коттедж. Затем жуткий рев уменьшился до странного, жалобного сто-на, вызвавшего ответный вой Герцога. Когда ветер вновь поднялся, пес взял на несколько тонов выше, словно аккомпанируя.

Из ночной дали раздался длинный рыдающий звук. Это было больше, чем просто ветер, поскольку Хэнк Доусон, знакомый с гроза-ми в этом районе, никогда раньше не слышал этого звука. Это был такой далекий призыв, что он мог донестись из другого мира; колодя-щий, жуткий стон, оставивший колющую дрожь в спине.

У Герцога встали торчком уши, вздыбилась шерсть, спина выгну-лась, и каждый его мускул напрягся. В его визге была смесь вызова и страха. В нем он, должно быть, узнал призыв, поскольку вскочил и начал красться к двери, словно его тянуло туда против воли. Затем, следуя какому-то безумному порыву, дог начал царапать дверь.

Хэнк Доусон поставил недопитую чашку и обеими руками вце-пился в ручки кресла. Его глаза были так же неподвижны, как глаза пса, и он напряг слух в надежде услышать повторение зова. Джанет подошла к двери, взяла Герцога за ошейник и сказала Хэнку:

— Вот об этом звуке я и говорила. Я знала, что Герцог первым услышит его. Так, пойдем. — В голосе женщины было что-то мрач-ное. — Герцог и я покажем тебе, что будет дальше.

Они вышли в ночь, где ветер достиг пяти баллов, что часто случа-лось во время этих неожиданных горных штормов. Теперь светила луна, но ее свет был мерцающим из-за несущихся облаков. Хэнк не мог больше расслышать странный вой в шуме и реве ветра, но крик, должно быть, достиг ультразвукового уровня, который все еще мог слышать пес, поскольку тот пытался вырваться и забежать за угол коттеджа.

Джанет немного ослабила поводок и дала ему завернуть за угол. Однако пес все еще слышал странный звук, поскольку еще сильнее стремился за ним. Свободной рукой Джанет показала в сторону бе-лых очертаний сарая.

— Вот откуда идет звук, — прокричала она, перекрывая шум ветра. — Вот куда всегда стремится Герцог.

— Так почему ты его не пускаешь? — спросил Хэнк.

— Не сейчас. Поймешь почему, если будешь смотреть на дверь сарая.

Они медленно двигались к сараю, подчиняясь настойчивым рыв-кам дога. Тогда, словно приведенная в действие благодаря их прибли-

жению, дверь сарая широко распахнулась. Пес встал на дыбы, и его вой стал наполовину визгом, наполовину рыком, так что Джанет едва удавалось удерживать собаку на поводке. Теперь пес обезумел от желания добраться до двери, где продолжало твориться что-то немислимое.

Это было что-то сверхъестественное. Едва дверь открылась, как начала закрываться снова, затем поколебалась и застыла ровно посередине. Ветер стих, и Хэнк пробормотал достаточно громко, чтобы его услышала Джанет.

— Странно дует ветер.

— Это не просто ветер. — Голос женщины, несмотря на хрипоту, был наполнен страхом. — Это всегда происходит одинаково, Хэнк, словно манит тебя. И есть что-то надвигающееся из ночи, что невозможно увидеть, но в то же время это ощущаешь...

Сейчас Хэнк очень остро чувствовал это. Он был уверен, что видел неясную человеческую фигуру, возникшую возле бешено качающейся двери, словно стараясь удержать ее на полпути. Потом он подумал, что очертания могли быть вызваны тенями качающихся веток, пропускавших неяркий лунный свет над сараем. Вдруг, совершенно четко, очертания вытянулись и оказались дверным проемом, контрастирующим с внутренним пространством сарая.

К этому времени Хэнк включил фонарик и направил луч света на дверь, надеясь увидеть там кого-нибудь. Но с расстояния более чем в пятьдесят футов луч высветил внутренность сарая, и, прежде чем Хэнк смог подойти ближе, дверь закрылась с выразительным хлопком, словно кто-то внутри сарая пытался избежать света.

Именно в этот момент Герцог вырвался. Он буквально летел к сараю и, хотя Джанет сдерживала его и мешала ему бежать, дог тащил ее за собой, когда она возбужденно сказала Хэнку:

— Он всегда делает так, когда дверь захлопнется, он, видимо, видит, как что-то входит в сарай, потому что я только что видела это сама — что-то вроде руки.

Хэнк сам видел это: плечо, рука и кисть скользнули вниз сквозь хлопающую дверь раньше того неожиданного удара. Это тоже могло быть иллюзией, поскольку гонимые ветром облака сгущались, изменяя лунный свет в смесь серого и черного. Но Хэнк не хотел сдерживать пса, совсем напротив. Шериф устремился вперед, доставая револьвер из кобуры, и крикнул: «Отпусти пса!».

Джанет освободила пса, и тот бросился, словно молния, гигантскими прыжками достиг сарая, обогнав Хэнка. Джанет, отставшая от них, крикнула:

— Смотри на дверь, Хэнк, смотри на дверь!

Одновременно со словами дверь распахнулась, словно сама по се-

бе, и Герцог стрелой ворвался внутрь, дверь тотчас же захлопнулась, словно прикрытая невидимой рукой. Добежав туда, Хэнк взялся за ручку и сильно рванул, поняв, что щеколда опущена. Несколько быстрых рывков, и дверь распахнулась. Хэнк чуть не растянулся. Он обрел равновесие и зло устремился в сарай, следом туда вбежала Джанет. Взмахнув пистолетом и посветив фонарем, он прорычал:

— Эй, ты, не двигайся! Руки вверх — именем закона!

Приказ был отдан в никуда. Фонарик Хэнка осветил внутренность сарая, комнату площадью в двенадцать квадратных футов и восемь футов в высоту, содержащую разнообразные инструменты, косу, тачку, садовый шланг, груды коробок, наполненных разным добром, плюс массу пустых бутылок.

Здесь не спрятался бы даже карлик, но справа имелся небольшой закуток еще с одной дверью. Там на задних лапах стоял Герцог. Он царапал дверь, скулил, почти лаял, пытаясь попасть туда.

Когда Хэнк двинулся в том направлении, дверь вдруг распахнулась, почти ударив его. Хэнк решил, что дог открыл ее лапами, поскольку, когда он направлялся туда, дверь опять закрылась. Но ветер все еще выл, и Хэнк почувствовал за стеной сквозняк, поэтому он понял, что дверь открылась и захлопнулась от ветра. Во всяком случае, она захлопнулась неплотно. Ударившись об косяк, она слегка приоткрылась, и Хэнк в этот момент схватился за нее, широко распахнул и протиснулся внутрь.

Хэнк оказался с пистолетом и фонариком в узкой пристройке с низким потолком, которая оказалась ни чем иным, как мастерской с верстаком.

Вместе с ним там был пес. Он очень громко лаял и, видимо, был разочарован не меньше Хэнка, не найдя там никого. Мастерская не только была такой же пустой, как сарай; в ней едва поместились Хэнк и пес.

В дальнем конце, однако, была другая дверь, которая, по всей видимости, вела на улицу. Хэнк попытался открыть ее, а Герцог лаем выразил одобрение, но дверь не поддавалась. К тому времени пришла Джанет, взяла пса за ошейник и успокоила его, а Хэнк нашел, что дверь закручена болтами.

— Ты не откроешь ее, — сказала она Хэнку. — Дверь даже не шевельнется, поскольку она не только закручена болтами, но и заколочена гвоздями.

Хэнк согласился с этим, но Герцог вновь заскулил и продолжал царапать дверь, затем начал толкать там, где были петли, и несколько раз пролаял.

— Бесполезно, Герцог, — сказал Хэнк, исследуя петли и осветив их. — Они стоят крепко.

Затем, обратившись к Джанет, он добавил:

— Послушай, как ветер громыкает незакрепленными досками в этом сарае.

— Но это не ветер, Хэнк! — воскликнула Джанет. — Это Герцог!

Она была права. Дог толкал лапой ослабевшую доску возле двери. Хэнк попытался отодрать ее пальцами, потом взял с верстака старую стамеску. Доска подалась внутрь вместе с еще тремя досками, образовав дверь в стене. Там оказалась пустота.

— Я думала, что ты нашел потайную дверь в стене, ведущую на улицу, — сказала Джанет. — Это объяснило бы происходящие здесь события. Но это всего лишь шкаф для инструментов.

Его содержимое состояло из тяжелого молотка, покрытого ржавчиной, садовой лопаты, пары новых рабочих ботинок с засохшей на них грязью и испачканного грязью комбинезона, висевшего на гвозде. Герцог понюхал эти вещи, отрывисто залаял, его лай напоминал тот вой, который он издал возле заколоченной двери. Хэнк спросил:

— Кому принадлежит все это?

— Наверное, кому-то из рабочих с фермы, — ответила та, — или же Ллоиду Проктору. Он командовал во время постройки коттеджа.

Хэнк оставил вещи на месте и плотно закрыл отверстие. Он направился к входной двери сарая, а за ним шла Джанет и вела пса. Они обошли здание, и Хэнк проверил заднюю дверь с улицы. Она была плотно закрыта и заколочена гвоздями. Герцог пытался помочь, царапая дверь.

— Теперь пес хочет войти, — заметил Хэнк. — Он все еще стремится к тем инструментам. Судя по этой высокой траве, заднюю дверь не открывали в течение многих месяцев.

Она завершили обход сарая, и Хэнк осмотрел запор на входной двери. Он обнаружил, что она слегка выступала, находясь на месте, но не настолько, чтобы открыться самой. Хэнк спросил:

— Как это ты оставила сегодня вечером сарай незакрытым?

— Я не оставляла его открытым, — ответила она. — Каждый день, до наступления темноты, я его проверяю. Думаю, кто-то мог пробраться и открыть его, но такого не бывало, кроме как в ветреные ночи.

— Так ты думаешь, дверь открыл ветер?

— Я не знаю. — Снова поднялся ветер, едва Джанет произнесла это, да такой сильный, что их едва не выдуло из-под навеса. — Что ты хочешь делать? — спросила она. — Стоять поблизости и ждать, что будет дальше?

— Нет, — громко ответил шериф. — Пойдем в дом.

Вскоре они снова сидели перед камином, а Герцог устроился, положив морду между лапами, и тихо заснул, пока Джанет разогревала кофе.

— Видишь? — спросила она. — Герцог знает, что сегодня этого больше не будет, даже несмотря на то, что ветер задул сильнее. Он только слышит тот странный звук после наступления темноты, и это всегда манит его к сараю, в ту самую мастерскую.

Хэнк поскреб подбородок:

— Как часто это случалось?

— Думаю, три раза, — подсчитала она. — Точно, сегодня в четвертый раз. В первый раз это как бы испугало меня, поскольку я поклялась бы, что там кто-то крался. Поэтому у меня много времени ушло на то, чтобы выяснить, что там никого нет.

Тогда, естественно, я приписала это ветру. Поэтому во второй раз я уже не боялась. Я была осторожна и полагалась на пса главным образом потому, что мне не хотелось, чтобы он взбесился и убежал куда-нибудь. Поэтому я смеялась надо всем этим, считая, что во всем виноват ветер, даже в том, что щекотла открылась, в том, что сквозняк распахнул внутреннюю дверь.

— Но в третий раз, — Джанет вздрогнула, и чашка задрожала, когда она опускала ее, — ну, я просто остолбенела. Это все равно, что снова просматривать какой-нибудь фильм или видеть один и тот же дурной сон. То, каким образом дверь открывалась и закрывалась, чуть не заставило меня побежать. Вот почему я отправила тебе записку, Хэнк. Я просто не смогла бы перенести это в очередную ветреную ночь.

— И каждый раз это было в точности, как сейчас? — размышлял Хэнк.

— Почти все было так, — ответила женщина, — кроме твоего присутствия и того шкафа для инструментов, который мы обнаружили.

Он допил кофе и проговорил:

— Ну, раз ты так уверена, что ничего не случится, я поеду. Но я зайду завтра и осматрю сарай при свете дня.

За ночь ветер утих. Около полудня на следующий день Хэнк Доусон подъехал к коттеджу Каменистого Ручья по дороге, огибавшей сарай. Хэнк вел машину, более новую, чем его собственная, а с ним был вежливый седой мужчина, которого он представил Джанет Рай-эрли, когда она встретила их на крыльце.

— Это Джон Химмар, — сказал Хэнк, — агент по возмещению ущерба Пожарной Страховой Компании США. Он хочет оценить ущерб. Я подумал, что ему потребуется осмотреть мебель в коттедже, чтобы получить представление, какой была остальная.

— Очень хорошо, — согласилась Джанет. Она обратилась к страховому агенту: — Понимаете, мистер Химмар, мы обставили коттедж мебелью с фермы, чтобы освободить место для древностей. Вы можете все осмотреть в коттедже, а также коробки в сарае, но самым ценным был антиквариат.

— Так я и думал, — отозвался тот. — Что вы можете сообщить мне об антиквариате?

— Очень мало. Многие древности были оставлены в том самом виде, как были присланы сюда. Пит не хотел их открывать до тех пор, пока не появится его партнер Ллойд, чтобы они могли просмотреть их вместе. Но они оба были в отъезде, когда случился пожар.

Химмар решил, что ему, во всяком случае, придется осмотреть коттедж. В его машине были еще двое мужчин, оба — оценщики, и он велел им сфотографировать упаковки в сарае, а затем отправиться на Приятную Ферму и сделать абсолютно новую серию снимков, изображающих руины, какими они выглядели сейчас. Тем временем Химмар и Хэнк пошли в коттедж с Джанет.

Пока Химмар описывал мебель, которую он там увидел, Джанет вспомнила и описала вещи, которые все еще были на ферме, когда она сгорела. Хэнк тоже оказался полезен, поскольку в прежние времена он бывал на ферме и был способен подтвердить наличие некоторых предметов, которые вспоминала хозяйка. Потом они все вышли к сараю и проверили коробки, содержащие лампы, картины, предметы домашнего обихода, зимнюю одежду, сервизы, которыми Джанет очень дорожила.

— Мы собирались жить в коттедже, — объяснила она, — и постепенно превратить ферму в магазин антиквариата. Но наверху было так много места, что, мне кажется, мы потеряли втрое больше, чем то, что мы спасли, забрав сюда. Ты так не думаешь, Хэнк?

— Нет, — поправил тот. — Я бы сказал, вы потеряли больше в четыре-пять раз.

— Будем считать, что в пять, — удовлетворенно сказал Химмар. — Я почти уверен, миссис Райэрли, что мы смогли бы возместить ущерб вашему мужу в том, что касается фермы и мебели. Но он требует вдвое больше из-за антиквариата.

— И правильно делает! — с жаром подтвердила женщина. — Пит часто говорил мне, что он платил бы намного больше страховки, чем была ему нужна, лишь бы позволить себе улучшения и ценности. Когда начали поступать древности, он радовался, что так хорошо застрахован, но еще был обеспокоен, что не застраховался на большую сумму.

— Я понимаю, — сочувственно сказал Химмар. — Мы выплачивали подобные страховки и раньше. Но, не имея описи, мы нуждаемся по крайней мере в каких-то доказательствах.

— Спросите об этом Ллойда Проктора. Он партнер Пита...

— Я знаю. Все это предусмотрено страховым полисом, допускающим ущерб без индивидуального владения. Но, поскольку полис выписан на имя Пита Райэрли, мы должны собрать доказательства ущерба. Как он ведет дела с Ллойдом Проктором — это его дело, а не наше.

— Так, что я должна сказать Питу, когда он даст о себе знать?

— Попросите его собрать у Проктора все данные, ведь у того наверняка есть перечень купленных вещей и мест, где он их купил. Тогда мы сможем проверить это и честно все уладить, возможно даже, выплатим страховку целиком.

Химмар снова ушел в коттедж оформлять свой доклад, и Джанет ушла вместе с ним, в то время как Хэнк осмотрел все в сарае, а также снаружи, надеясь найти объяснение призрачному гостю вчерашнего вечера. Едва Химмар дописал доклад, как звук автомобильного рожка возвестил о том, что его помощники вернулись после осмотра развалин фермы. И, таким образом, все четверо мужчин уселись в машину. Расставаясь, Химмар вежливо сказал:

— Спасибо, что уделили нам так много времени, миссис Райэрли. Я только надеюсь, что это пойдет впрок, как и должно быть. Но помните, — страховой агент добавил это очень ясно: — мы все еще нуждаемся в том доказательстве.

Джанет кивнула, стоя рядом с Герцогом, который вел себя сегодня очень дружелюбно, даже приветствовал незнакомцев, как официальный встречающий. Хэнк взглянул на собаку, хихикнул, дотянулся до бардачка и протянул в окно длинный кожаный ремень.

— Вот подарок для Герцога, — сказал он. — Он поможет тебе лучше контролировать его по ночам. Но, если он услышит шум возле сарая, отпусти его. Пусть доберется туда как можно скорей. Он может даже встретить духа.

Следующие несколько дней держалась мягкая погода, не считая легких заморозков, придавших бледный оттенок северным лесам. Каждый день Джанет спускалась на почту с Герцогом на новом поводке. От Пита, находившегося во Флориде, не было ни строчки, но однажды Джанет получила конверт с маркой города Андалусии, находившегося в Новой Англии. В нем был чек на 100 долларов, подписанный Ллойдом Проктором, с запиской следующего содержания: «Это для покрытия расходов на ферме. Надеюсь, этого хватит, пока дела не пойдут на лад. Ллойд Проктор».

В сумерки Джанет несла блюда из сарая в коттедж, когда заметила, что темнеющие ветки деревьев качаются. Высоко над горой собиравшись грозовые облака, но Джанет решила, что они движутся в другом направлении. После наступления темноты несколько порывов ветра вызвали настороженный вой у Герцога, но ветер ослаб, когда большой пес ошестинился и заворчал.

— Что это? — спросила Джанет. — Снова Хэнк поднимается по тропинке?

Но Хэнк не позвал ее. Не слышала она и отдаленного жуткого крика, встревожившего Герцога в прошлых случаях. Но, раз пес почувал что-то, Джанет смело прицепила новый поводок и вывела Гер-

цога на свежий воздух. Он мгновенно устремился к углу дома, потом — в сторону сарая. Сейчас он не скулил и не выл. Он пришел в неопишемую ярость. Джанет решила, что это шанс объяснить чудеса, происходящие в сарае. Но ей не хотелось попасть в историю, да и Герцогу не следовало давать много свободы, чтобы слушал ее команды. Новый поводок прекрасно сработал, и каблучки Джанет зарылись в дерн. Герцог встал на задние лапы, точно осаженный жеребец. Он выл от ярости, его клыки блеснули в лунном свете, пробивавшемся сквозь облака. Как прежде, дверь сарая качалась; но сегодня она ясно различила съездившуюся перед ней фигуру. Рычание пса перешло в хриплый лай, фигура устремилась в дверной проем, закрывая дверь за собой. Джанет ослабила повод.

— Вперед! — скомандовала она. — Вперед, Герцог, вперед!

Когда пес прыгнул, дверь захлопнулась, потом распахнулась, и пес ринулся внутрь, его хозяйка — за ним. Дверь в маленькую мастерскую тоже захлопнулась, но в ту же секунду пес открыл ее лапами и с ворчаньем ворвался туда. Джанет вошла внутрь с фонариком и услышала безумный крик мужчины:

— Убери его от меня — убери его от меня — скорее!

Огромные лапы дога вдавились в плечи мужчины, прижав его к верстаку, в то время как пес пытался достать его горло.

— Фу, Герцог, фу!

Каким-то чудом Джанет поймала свободный конец поводка, намотала его на руку с возможной силой и потащила пса за собой. Она вывела его в сарай, привязала поводок к крючку на стене и вернулась в мастерскую. Там, тяжело опустившись на скамью, с накинутым на плечи пальто, сидел Пит Райерли, ее муж. Обычно красивое, его лицо осунулось за недели, которые прошли с тех пор, как она его видела. Оно было скорее желтым, нежели загорелым на флоридском солнце. Его вынужденная улыбка стала нервной гримасой.

— Боже мой, Пит! — воскликнула Джанет. — Ты же знаешь, что Герцог никогда не причинит тебе зла...

Нетерпеливое рычание показало, что Герцог не согласен. Джанет приказала: «Тихо!» — и, когда пес выразил свой последний протест, Пит встал на ноги.

— В коттедже есть еще кто-нибудь, Джанет?

— Нет. Может зайти Хэнк Доусон. — Она отметила, что поднимающийся ветер уже утих. — Но для него уже слишком поздно.

— Тогда пошли в коттедж. Но держи эту скотину подальше от меня. Он стал таким злобным, что только Ллойд Проктор мог справиться с ним. Вот почему Ллойд пришлось отправить его в питомник перед отъездом.

В коттедже Джанет закрыла дога в спальне и принесла Питу другой костюм, чтобы тот сменил изорванный псом.

— Если бы ты пришел обычным путем, — сказала она мужу, — все было бы в порядке. Когда Герцог почуял тебя, видимо, он принял тебя за вора.

— Ты хочешь сказать, что тут были воры?

— Не совсем, — ответила жена, заметив волнение в его голосе. Потом, подумав, что упоминание о привидениях действительно может потрясти его, она добавила:

— Хэнк считает, что дверь сарая хлопала на ветру. Во всяком случае, это испугало собаку.

— Напугать эту бестию чего-нибудь да стоит, — фыркнул Пит. Затем обеспокоенно спросил: — Так ты пускала кого-то в сарай?

— Только страховых агентов. Они были весьма деликатны. Обещали выплатить страховку целиком, если ты предоставишь доказательства ущерба.

— Если бы только Ллойд прислал список древностей! — воскликнул Пит. — Когда он в последний раз дал о себе знать?

— Да прямо сегодня! Он прислал чек и милую записку. Вот, прочти.

Пит прочитал записку, потом ознакомился со штампом.

— Он у меня в кармане, Джанет! — воскликнул он. — Завтра отправь Ллоиду заказное письмо в Андалусию, на Главн~~ый~~ почтамт, до востребования. Попроси его выслать этот список и объясни, зачем он нужен. Я не могу написать ему сам, ведь все думают, что я во Флориде, кроме того, если я упомяну о страховке, он решит, что у меня проблемы с ее получением.

Если же это будет исходить от тебя, он решит, что это просто формальность.

Пит переоделся в другой костюм, потом обратился к жене:

— Я бы хотел остаться на ночь, но я не могу никому дать о себе знать. Страховым агентам захочется поговорить со мной, а у меня в городе несколько долгов. Если ты сумеешь получить эту страховку, все будет как по маслу. Моя машина за коттеджем, поэтому держи пса внутри, пока я не посигналю, что уехал.

Прошло целых десять минут, прежде чем прозвучал сигнал, и Джанет гадала, почему он так долго добирался до машины. Но Герцог вел себя спокойно, когда Джанет освободила его, поэтому на сегодня волнения закончились.

Назавтра Джанет пошла в Хиллдейл и отправила заказное письмо в Андалусию на имя Ллойда Проктора. Когда она вышла с почты, ей попался Хэнк Доусон и его старшая дочь Кинтия. Полушутя Хэнк спросил:

— Хоть один призрак посетил сегодня гору?

— Нет, только ветер, — ответила она, — и он не был настолько сильным, чтобы обращать на него внимание. Кстати, я написала Ллоиду Проктору, чтобы он прислал тот список.

— Очень хорошо! — ответил Хэнк. — Будем надеяться, ты его получишь.

Джанет действительно его получила. Пять дней спустя пришел плотный конверт, в котором были отпечатанные на машинке листы со сделанными от руки замечаниями и подписью Ллойда Проктора. В нем было двенадцать наименований с датами, указанием места покупки, наряду с ее стоимостью.

Пока Джанет изучала список, Герцог начал лаять. Минуту спустя она узнала грохот старой машины Хэнка, подъезжающей к задней стене коттеджа. Она поспешила ему навстречу, размахивая списком и крича:

— Вот он, Хэнк! Как раз такой, о каком просила страховая компания.

Длинное лицо Хэнка имело мрачное выражение, которое уменьшило радость Джанет.

— У меня сообщение от Химмара, — начал он. — Они пытались отыскать Ллойда с помощью страховых компаний по всей стране, теперь у них есть о нем сообщение. Он дурачил агентов по продаже недвижимого имущества дутыми земельными участками. Проктор заставляет их поднять цену за право торговать землей во Флориде с пяти сотен до тысячи; потом он обещает список предполагаемых клиентов. Но он едет своей дорогой и никогда ничего не присылает.

— Ты хочешь сказать, что Ллойд поступал так с землей, которую должен был купить ему Пит?

— Это правильно, но Проктор не покупал никакой земли. Однако не беспокойся о Пите. Он чист. Я думаю, неплохо съездить в Бостон и поговорить об этом с Химмаром, особенно теперь, когда у тебя есть этот список. Кинтия повезет меня на своей новой машине, поэтому ты можешь поехать вместе с нами и остаться с ней.

— Неплохая идея, — сказала Джанет, — но как быть с Герцогом?

— Мы будем проезжать Новый Виндзор, поэтому можем оставить его в питомнике и забрать на обратном пути. Есть еще кое-что, о чем ты должна знать. Это касается общения на расстоянии.

— Ты говоришь о телепатии?

— Вот именно. Кажется, мистер Химмар познакомился с родителями Ллойда в Бостоне. Миссис Проктор, это мать Ллойда, видит сны о своем сыне. Он снится ей и говорит, что тонет или что-то такое. Ей придется сказать правду, что ее сын Ллойд все еще жив. Поэтому ты должна поговорить с ней.

Они добрались до Бостона на следующий день, и Джанет представила список мистеру Химмару в страховую компанию. Страховой агент похвалил Джанет за то, что она достала список так быстро, он обнаружил, что подпись Ллойда совпадала с теми образцами, которые фигурировали в деле. Но он ясно дал понять, что придется сделать полную проверку у всех торговцев антиквариатом, упомянутых

в списке. Те махинации с недвижимостью, в которых был замешан Ллойд Проктор, определенно внесли его имя в черный список.

В тот вечер они посетили дом Проктора под Бостоном и познакомились с Губертом Проктором, отцом Ллойда, добрым седым джентльменом, который внимательно выслушал все, что Джанет пришлось сообщить о его сыне. Джанет была по-настоящему рада, что могла рассказать о том, как Ллойд выполнял свои деловые обязательства, быстро и целиком. Она подчеркнула, что Ллойд продолжал присылать чеки даже после того, как его партнерство с Питом потерпело крах. Все это обрадовало Губерта Проктора, но ненадолго, поскольку, когда Джанет закончила, он обеспокоенно заметил:

— Факт остается фактом: вы не видели моего сына последние четыре месяца. В действительности никто, на самом деле знавший Ллойда, не видел его все это время. Именно тогда его мать начала видеть эти повторяющиеся сны, в которых он тонет и зовет на помощь. Сегодня моя жена весь день отдыхала, поэтому, мне кажется, есть смысл встретиться с ней и послушать то, что она может рассказать.

Миссис Проктор оказалась тихой женщиной с печальным лицом, которая слабо улыбалась, когда муж повторял об ее сыне хорошие вещи, сказанные Джанет. Хэнк Доусон и его дочь Кинтия тоже проявили к ней настоящую симпатию, поэтому миссис Проктор недолго позволила упрасивать себя поведать о своих снах. Рассказывая, она смотрела вдаль.

— Ночь за ночью я видела своего сына и слышала его голос. Сон всегда начинается с зова из темноты. Слова «мама, мама» вонзаются мне вот сюда. — Она прижала руки к сердцу, но глаза ее по-прежнему смотрели вдаль. — Потом я вижу его лицо, лицо Ллойда, плывущее в темноте, он смотрит на меня с поднятыми руками, ожидая помощи.

Словно в трансе, женщина посмотрела вверх и подняла свои руки в призыве, который только что описала. В маленькой гостиной установилась полнейшая и напряженная тишина, мистер Проктор и его посетители сидели и слушали. Потом миссис Проктор опустила руки и голову, но глаза ее были по-прежнему расширены, когда она продолжала:

— Затем постепенно чернота переходит в рябь на пруду. Я вижу Ллойда, глядящего из воды вверх из глубины этих мутных вод. Я слышу, как он говорит: «Мама, мама, вокруг меня одна вода», — и я вижу его дорогое лицо, уходящее в черноту. Всегда на какое-то мгновение остаются руки, но затем и они скрываются под водой, оставляя только белую рябь, которая стихает, стихает, стихает, и опять видна только чернота.

Голос миссис Проктор потонул в хрипе. Вдруг она села прямо на своем стуле с мучительным воплем: «Ллойд, Ллойд!» Губерт Проктор

в одно мгновение оказался рядом с женой, успокаивая ее словами: «Проснись, проснись, моя дорогая, это все сон», — и минуту спустя миссис Проктор, моргая, смотрела на людей, с которыми только что познакомилась, гадая, не только кто они такие, но и настоящие ли они.

— Вот так это всегда происходит, — серьезно объявил мистер Проктор. — Все эти месяцы моя жена снова и снова переживала это ощущение, слышала, как наш сын зовет не только о помощи, но и об отмщении. Поэтому я искренне верю, что эти сны отражают страдания Ллойда, когда он встретил мучительную смерть.

В последующей тишине Джанет расслышала свой вопрос:

— Видела ли миссис Проктор подобные сны раньше?

— Много лет назад я начала видеть другие сны, — миссис Проктор отвечала сама, и ее глаза были полны слез. — Мне всегда снился Ллойд, когда его не было дома. Иногда ему было больно, и я слышала, как он кричит от боли. А иногда он был счастлив и кричал от безумной радости. И всегда (ее голос дрогнул)... И всегда...

— Мы вскоре получали весточку от сына, — договорил мистер Проктор. — Однажды он написал, что получил рану; потом выиграл премию в колледже. Неизменно сны его матери находились в соответствии с тем, что в действительности переживал Ллойд. Это случилось в течение многих лет, поэтому, когда моя жена увидела этот сон, мы знали, что он вещий. Его повторение подтверждает это. Теперь вы понимаете, почему я знаю, что наш сын мертв. Вы сказали, что получали от него известия, молодая леди, — Губерт Проктор обратился к Джанет, — но, тем не менее, вы его не видели. Я гадал, почему он кричал о мести, ведь он не мстительный по натуре. Но раз мы услышали о том, что его совесть чиста, я полагаю, умирая, он попытался оградить свое доброе имя, как сделал бы и при жизни.

На следующий день по дороге на север Хэнк Доусон остановился в Новом Виндзоре и забрал Герцога. Когда они проезжали Ущелье — Подкову, Хэнк бросил опытный взгляд на облако над горой Лысого Орла.

— Я отвезу Кинтию домой, — сказал Хэнк, — и мы поедem наверх, в коттедж. Если разразится буря, я останусь с тобой до тех пор, пока она не окончится.

Джанет была рада человеческой компании. Неосвященный коттедж съехался, как затаившийся зверь, в то время как сарай был светлым и походил на призрак под качающимися деревьями, которые нависали над ним, как чудовища. Хэнк убедился, что дверь сарая была закрыта на щеколду, потом прошел до коттеджа. Они включили огни, зажгли камин и сварили кофе. Потом Хэнк серьезно сказал:

— Теперь нам ничего не остается, кроме как дожидаться призрака.

— Ты думаешь, это действительно призрак? — изумленно спросила Джанет. — Мстящий дух, возможно, дух Ллойда Проктора?

— Ты слышала о свершенных преступлениях, — ответил шериф. — Ты видела это прошлой ночью, когда сон воплотился.

— Но, если Ллойд был убит четыре месяца назад, как он мог посылать чеки, письма и список древностей? А как насчет сообщений тех агентов, которые утверждают, что совсем недавно Ллойд их надул?

— Подписи и почерк можно подделать. Можно легко прикинуться кем-то, если ты не пытаешься надуть людей, которые этого человека знают. Хороший парень не станет ни с того ни с сего обманщиком. Но кто-то мог сделать вид, будто он им стал. Послушай, Джанет, ты выходила к сараю три раза до меня. Каждый раз ты что-то видела, но никого не находила. И мы вдвоем тоже никого не нашли. Но, если бы кто-нибудь прятался в этом сарае, не смог ли бы Герцог поймать его?

— Уверена, что смог бы, и теперь я могу сказать почему.

Джанет вспомнила ту самую ночь, когда Герцог действительно кое-кого поймал — ее собственного мужа, Пита. Одно это, казалось, доказывало, что нечто невидимое и неуловимое, по крайней мере, дух, фигурировало в других случаях. До сих пор она не говорила о визите Пита, поскольку знала, что он не хотел огласки. Теперь, в свете того, что она знала, она собралась выпалить правду. Но Хэнк не дал ей на это времени.

— Ты можешь не рассказывать мне, почему ты так уверена, — сказал Хэнк. — Я знаю. После того, что мы услышали прошлым вечером, я гадаю, куда приведет этот след. Но я знаю, где он начнется — в сарае — сегодня ночью!

Ответом ему были стон ветра и вой Герцога. Пес ошетинился, как и раньше; его уши уловили ультразвук, недоступный ни одному человеку. Огромный пес поднялся и медленно двинулся в сторону двери, воем показав, что узнает этот плачущий призыв.

Хэнк поднялся:

— Пойдем.

Они вышли. Сегодня их приближение к сараю было уверенней, быстрее, чем раньше, когда они увидели, что закрытая на щеколду дверь раскрылась сама по себе. Они были ближе, когда она распахнулась в первый раз, словно передавая приглашение от невидимого обитателя. Герцог издал смешанный вой и лай и бросился вперед. На этот раз Хэнк не колебался. Перекрывая ужасный ветер, он прокричал:

— Пусти его! — И когда Джанет сделала это, он добавил: — А теперь пойдем!

Едва они двинулись, дверь распахнулась. Там, в затемненном проеме виднелась белая фигура, была видна ее человеческая форма, но через миг ее не стало. За ней бросился спущенный с поводка Герцог. Хэнк и Джанет не отставали от него и успели увидеть, как широ-

ко распахнулась дверь в мастерскую и снова показался тот призрак. Затем Герцог проследовал в дальний угол мастерской, где поднял свои большие лапы на высоту плеч и оперся ими о заколоченную дверь. Там, в свете фонарика Хэнка, Джанет увидела, как огромный пес прижал в углу свою добычу, как уже делал однажды ночью.

Но в собачьем лае не было ярости, он выл от радости. Человек, которого он поймал, похлопывал его, гладил его голову и передние лапы. Герцог же лизал лицо, которое Джанет видела так отчетливо, что помимо воли вскрикнула:

— Ллойд Проктор!

Затем, к удивлению Джанет, она увидела голову дога сквозь руку, которая его гладила! Мгновение спустя рука исчезла, а фигура Ллойда, еще смутно различимая, начала распадаться. Последним исчезло его лицо, доброе, красивое лицо, которое Джанет узнала, несмотря на его мертвенную бледность. Потом это видение тоже растворилось, и пес остался один, царапая заколоченную дверь и горестно завывая, словно тоскуя по прикосновению исчезнувшей руки.

Хэнк увидел достаточно; чтобы поверить. Он стоял рядом с Джанет, ласкавшей пса, который устроил свою голову в ее руках, словно потерял одного друга и нашел другого. Затем Хэнк проверил дверь, она по-прежнему была заколочена. Джанет тихо сказала:

— Я видела его, Хэнк. Так же ясно, как и тебя. Это был Ллойд Проктор или его дух.

— Я тоже его видел, Джанет, — проговорил Хэнк. — И я слышал, как ты назвала его имя. Но я в любом случае узнал бы его, после того как увидел его отца. Ллойд был для него вестником смерти. — Хэнк помолчал, затем мрачно повторил: — Вестником смерти.

Они помолчали. Ветер стихал, словно выполнил свою миссию. Хэнк сказал с чувством:

— Ллойд Проктор был убит прямо здесь, на этом самом месте. Знаешь, откуда мне известно? Я покажу тебе.

Он взял стамеску и открыл шкаф для инструментов:

— Посмотри!

Секунду спустя он обозревал пустоту и был так озадачен, словно вновь увидел призрак.

— Где те вещи, которые здесь были? — спросил он. — Кто их взял?

— Я не знаю наверняка, — глухо ответила Джанет, — но я могу высказать предположение?

— Да, это очень важно.

— Здесь был Пит, — она говорила холодным безразличным тоном. — Пит Райэрли, мой муж. Герцог поймал его здесь, в сарае. Вот откуда я знаю, что здесь можно поймать живых людей, но не духов. Он за чем-то приезжал, поскольку, когда он вышел из коттеджа, прошло по

крайней мере десять минут, прежде чем я услышала, как отъехала его машина. Тогда я гадала, что ему было нужно, теперь же я уверена, что он приезжал за теми инструментами и вещами, которые мы здесь нашли. Мне следовало рассказать об этом раньше, Хэнк.

— И я должен что-то тебе сообщить, Джанет. Помнишь тот день, когда я привез сюда Химмара и он отправил тех двоих на ферму сделать фотографии? Это были не страховые агенты, Джанет, это были полицейские детективы. Пока мы были в коттедже, они забрали все эти вещи из шкафа для инструментов и вместо того, чтобы ехать на ферму, они вернулись в Хиллдейл. Там они купили дубликаты этих вещей и одежды и позаботились о том, чтобы они походили на настоящие. Вернувшись сюда, они поместили их в шкаф.

— А куда делись настоящие вещи?

— Их отправили на экспертизу. Я считал, что они могут дать какую-то информацию, но относительно пожара. Я подозревал поджог, но не убийство. Но анализ показал, что ржавчина на молотке на самом деле оказалась кровью, кровь была и на комбинезоне. На лопате и ботинках был особый сорт глины, стало ясно, что кто-то что-то копал.

— Поэтому, кто бы ни взял это подложные инструменты, ясно, что он хочет их скрыть, — сказала Джанет. В ее голосе была горечь. — Должно быть, это Пит, ведь он сказал мне, куда написать Ллойд, и он был уверен что тот ответит. Видимо, он сам получил это письмо под именем Ллойда, затем ответил на него и прислал список.

— Давай закроем коттедж, — предложил Хэнк, — возьмем с собой Герцога ко мне в Хиллдейл, и ты поживешь там с Кинтией и со мной, пока мы не закончим это дело.

Пока они добирались до Хиллдейла, выяснилось еще несколько фактов.

— Либо Ллойд был здесь в коттедже, либо Пит заманил его, — сказал Хэнк. — В любом случае Пит нашел Ллойда в мастерской. Он ударил его тем молотком, потом отнес куда-то тело и зарыл его.

— Там, где есть глубокая черная вода, — прошептала Джанет.

— Когда Ллойд был убит, — продолжал Хэнк, — он, видимо, позвал Герцога. Может быть, это Пит послал Герцога в питомник, поэтому Ллойд решил, что он где-то рядом. В любом случае, с той поры Герцог слышал этот смертный призыв.

— И всегда в ветреную ночь.

— Подобную той, когда свершилось убийство. Прошлая весна была ветреной, особенно в ту ночь, когда сгорела ферма. Пит представил дело так, будто огонь добрался до амбара, чтобы получить страховку и за него.

Хэнк молча размышлял, пока они не добрались до его дома в Хиллдейле. Затем он кратко суммировал:

— В своей работе я проверяю подозрения и нахожу доказательств

ва. В этом случае мы можем найти их двумя способами. Первый, это попросить страховых агентов проверить прошлое Пита, а не Ллойда. Другой — хорошо поискать источник воды, поскольку Пит не мог далеко оттащить тело. Ллойд тогда еще мог быть жив. Это совпало бы со сном матери о том, что Ллойд утонул.

В ту же ночь Хэнк позвонил по межгороду Химмару и сообщил ему все новости. В течение следующей недели Химмар собрал нужные сведения. Телефонные разговоры с продавцами древностей показали, что в указанные в списке дни они продавали что-нибудь человеку, который назывался Ллойдом Проктором, но подробное описание его относилось к Питу Райэрли. То же самое касалось и надувательств с земельными участками. Одураченные люди называли преступником Ллойда Проктора, но, когда им предъявляли фотографии Проктора и Райэрли, они немедленно указывали на последнего.

Было ясно, что Пит начал обманывать Проктора с самого начала, изобретая несуществующие расходы по ферме, потом скупая древности под именем Проктора, тайно их продавая и отправляя на Приятную Ферму подделки. Возможно, он убил Ллойда, чтобы тот не узнал слишком много. Потом, действуя от имени Ллойда, чью подпись он так превосходно подделывал, он продолжал оставаться в выигрыше, если бы не афера с земельными участками, очерняя имя своей несчастной жертвы. Тем временем Хэнк Доусон отыскал в Новом Виндзоре специалиста по подземным водам. Этот человек работал по принципу «водяной ведьмы», как говорили люди, используя похожий на вилку огромный прут, преимущественно ивовый, для того чтобы найти источник подземной воды. Он взял в ладони концы раздвоенного прута так, чтобы ствол смотрел прямо вперед. Потом двинулся от разрушенного здания Приятной Фермы через окружавшее ее поле, густо заросшее травами и сорняками.

— Я в этом не разбираюсь, — сказал Хэнк Джанет, когда они шли за ним. — Но этот приятель клянется, что у него чутье, заставляющее прут работать на него. Но я думаю, что в этом есть что-то психологическое, как в появлении духов. Так к кому нам с тобой обратиться?

Временами лозоискатель останавливался, когда конец ивового прута наклонялся вниз, показывая наличие воды. Но всегда это было недолго или случайно, пока ближе к вечеру он не дошел до низкого места в четверти мили от разрушенной фермы, недалеко от коттеджа на Каменистом ручье.

Там ивовый прут повел себя однозначно. Несмотря на попытки лозоискателя контролировать его, прут медленно опустился, игнорируя усилие мускулистых рук и пальцев лозоискателя выправить его. Даже скептики в толпе наблюдателей были потрясены, поскольку его лицо исказилось от сопротивления, которое он оказывал пруту.

Но боролся ли он с какой-то невидимой силой или со своим собственным подсознанием, опускавшийся прут победил. После того, как он показал прямо вниз, лозоискатель сказал:

— Копайте здесь — и очень глубоко.

Они копали, пока не стемнело, и в процессе работы добрались до глинистой почвы, той самой, которая засохла на ботинках и на лопате, найденных в шкафу для инструментов. Хэнк потребовал, чтобы принесли прожекторы, и в их свете работа была продолжена. Потом земля начала крошиться, словно в воронку, и камни, падая вниз, вызывали всплески. Хэнк велел работавшим копать осторожнее, и вскоре они отрыли колодец, заброшенный, возможно, много лет назад.

Как бы там ни было, теперь он был наполнен водой, и Хэнк заметил, что он, вероятно, отмечен на карте. Эта карта во время пожара находилась на ферме, и Джанет знала почему. Если Пит утопил здесь тело Ллойда и зарыл колодец, ему не было нужно, чтобы колодец нашли. Летом все заросло травой, не оставившей и следа.

Но ивовый прут отыскал колодец, и не только его. Когда колодец проверили, нашлось тело, которое они искали. У Джанет было слишком плохо на душе, чтобы находиться здесь, пока они пытались опознать разложившиеся останки Ллойда Проктора, что вскоре и было сделано по кольцу с монограммой, которое было у него на руке.

Так странный крик, долетающий с ночным ветром, часто повторяющийся сон, в котором мать видела тонущего сына, стал доказательством мстящего духа.

Отмщение вскоре настигло Пита Райэрли. Поскольку он был обвинен в убийстве, его стали разыскивать. Не имея возможности снять деньги с банковского счета Ллойда, он был лишен необходимых ему средств. Он был вынужден прибегнуть к мелким кражам и глупым грабёжам, скрываясь от закона.

Однажды ночью он был замечен в украденном им автомобиле. Последовала погоня, и он выехал на боковую дорогу, в надежде оторваться от преследовавшей его полицейской машины; но она не отставала. Когда Райэрли доехал до знака, обозначавшего тупик, он не остановился. Вместо этого он разбил заграждение и нашел свою смерть на острых скалах глубокого ущелья. Возможно, он принял белый предупредительный знак за обращенное кверху лицо в колодце или спутал вой полицейской сирены с тем страшным звуком, который доносил ночной ветер.

Как бы там ни было, без сомнения Пита Райэрли довел до смерти мстящий дух его жертвы, Ллойда Проктора.

СУНДУК МЕРТВЕЦА

Если бы Лью Бартон не мечтал когда-нибудь стать хозяином замка в заливе Гудзон, ему не довелось бы увидеть гигантский череп, обрекший его на странное приключение.

Лью работал на танкере «Восточные штаты», совершавшем постоянные, неторопливые рейсы вверх по реке из Нью-Йорка в Олбани. На длинной открытой палубе «Плавучего Пузыря», окрещенного так матросами, было жарко, поэтому они предпочитали сидеть в трюме и играть в карты. Все матросы, кроме Лью Бартона. Он предпочитал стоять на носу и наблюдать вечно меняющуюся панораму от гранитных столбов до возвышенностей и дальшие.

Что интересовало Лью, так это дома и владения высоко в горах, порой напоминающие европейские замки, перенесенные в Америку. Взглянув случайно на пустынный холмик или возвышающийся утес, Лью начинал рисовать в своем воображении дом, который ему хотелось бы там построить. Но гигантский череп не был такой мечтой, хотя частично являлся иллюзией, покорной настроению реки.

Был жаркий день бабьего лета, когда танкер обогнул излучину и попал в тень, образовавшую низкими раскаленными облаками; неожиданный ветер вспенил воду. В одно мгновение горы превратились в коричневых монстров, чьи очертания казались в два раза больше обычного. В этот миг облака неожиданно разомкнулись, и поток солнечного света хлынул через образовавшуюся щель. Этот луч высветил возвышающийся купол и обратил его в огромное подобие человеческого черепа!

Прикованный взор Лью видел каждую деталь, выгравированную светло-серым и черным. Выступающую челюсть черепа окружали пенные волны. Над ней были неровные зубы, широкий их улыбающийся ряд. Два соответствующих пятна формировали нос; выше и намного дальше друг от друга находились глазницы. Выступ скалы над ними казался лбом, который был отрублен, поэтому макушка не была округлой.

Со всей яростью налетел речной шторм, и Лью помчался по палубе, подгоняемый потоками дождя. Он спустился в трюм мокрее водяной крысы, к удивлению игравшего в карты экипажа. Но образ гигантского черепа накрепко засел у него в голове. Лью чувствовал себя так, словно его взгляд, пробившийся сквозь запретный покров, сделал его жертвой праведного гнева короля штормов.

Часто искал Лью этот череп, но безрезультатно. Поднимаясь вверх по Гудзону, он редко видел это место в то же время и при тех же обстоятельствах. Смена времен года тоже многое меняла. Летом горы были зелеными, и большинство из них теряло свой шероховатый вид. Зимой же, когда они были белыми, река была скована льдом, поэтому Лью вообще не плавал.

После того, как Лью перестал ходить на танкерах и устроился в компанию «Уилтонские Баржи», плавать он стал реже, но это ни к чему не привело. Каждый раз, когда они приближались к возможно-му месту, разражался шторм. После того, как им удавалось пробиться сквозь него и видимость улучшалась, Лью попадались неровные утесы и возвышающиеся горы, но ни одна из них не имела форму или пропорции черепа.

Позднее Лью начал водить пассажирские суда вверх и вниз по реке Гудзон, через Баржевый Канал, пересекающий Нью-Йорк, в озеро Эри. Зимой он водил такие суда во Флориду и вскоре решил, что ему больше не хочется иметь замок на реке Гудзон, а хочется стать владельцем пассажирского парохода. Но ему были нужны деньги на накладные расходы, ремонт, пошлину и другие траты.

Однако Лью все еще помнил огромный белый череп и продолжал выискивать его, хоть и безрезультатно. К этому времени он знал почти все особенности ландшафта вдоль Гудзона, расспросил об истории, но никто даже не слышал об огромной мертвой голове, смотрящей вниз на реку перед тем, как разразиться шторму.

Однажды осенью Лью Бартон познакомился с Крейгом Джентри, приятным молодым человеком со средствами, позволявшими ему подолгу околачиваться на теплоходе «Вилли Нилли», который возил людей на север и на юг. Частенько Крейг был за шкипера, и Лью — за всю команду. Таким образом Лью как-то остановился в крошечной манхэттэнской квартирке своего приятеля и обнаружил, что она переполнена грудami бумаг, вытащенными из поддюжины коробок разного размера. Показав на эту груду рукой, Крейг сказал:

— Мы начинаем охоту за сокровищами, Лью. Я оплачу расходы, и то, что мы найдем, мы разделим пополам. Это может отнять у нас несколько лет...

— А за чьими сокровищами мы будем охотиться?

— Капитана Кидда. Я собрал все факты, касающиеся его жизни. Он прятал сокровища в Новой Англии, в Лонг Айленде, на Багамах, на Гудзоне...

— Не бери это во внимание, Крейг. Я проверил слухи о сокровищах, якобы спрятанных им на Гудзоне. Все они либо ложные, либо уже найдены. Так что я не буду в этом участвовать.

— Я могу выбросить из списков гудзонские сокровища, но не тебя. И вот почему.

Крейг продолжил исчерпывающей ученой диссертацией о привычках и уловках пресловутого капитана Вильяма Кидда, обращаясь к документальным отчетам и даже предъявляя вещественные доказательства.

— Многие пираты любили убивать своих ничего не подозревающих попутчиков и хоронить вместе с награбленным, — вещал Крейг, — чтобы их дух отпугивал охотников за сокровищами. Но

Кидд пошел дальше их по этому страшному пути. Он обычно убивал людей ударом по голове, причем использовал для этого ведра, лопаты, кирки, что попадало под руку. Он хоронил тело, но голову забирал с собой.

— Это показывают летописи? — спросил Лью. — В чем выражался его замысел?

— Потому что духи, не пугавшие людей, зачастую сами приводили их на место преступления. Говорят, будто Кидд любил повторять, что только голове мертвеца известно, где лежат сокровища, ибо она содержала мозги, которые это знали.

Поэтому он и хранил черепа своих жертв, следуя своей теории о том, что тело привлечет к себе потревоженный, бессмысленный дух, не способный выполнять функцию провожатого.

— Кидд сам себя обманывал этой безумной идеей.

— Напротив, Кидд намного опередил свое время, — не согласился Крейг. — Я глубоко изучил физические явления, особенно буйство духов, когда слышны странные звуки, летают предметы и необъяснимая жестокость может причинить увечье или смерть исследователям. Я считаю, что они имеют место благодаря присутствию стихийных, заблуждающихся земных духов.

— А как это поможет нашим поискам?

— Очень эффективно. Самой последней жертвой Кидда, похороненной вместе с сокровищами, был Джек Брок, приятель боцмана с корабля Кидда. Вот... — Крейг с гордостью открыл плоскую, окованную медью коробку, длина, ширина и высота которой равнялись примерно футу, и достал оттуда какой-то предмет. — Вот он, череп Джеда Брока. Его принесли на суд над Киддом в Лондоне, но не признали вещественным доказательством, хотя он неплохо сохранился.

Лью Бартон смотрел на череп, как на лягушку. Он взял его и, держа на расстоянии вытянутой руки, рассматривал, прищурив глаза. Потом он спросил:

— А ты уверен, что этот череп принадлежал кому-то из людей Кидда?

— Абсолютно, — ответил Крейг — Смотри: макушка сплющена, видишь? Это от удара мотыгой Кидда.

— Я видел этот череп раньше, — заявил Лью. — Мы не станем исключать из списка Гудзонские Возвышенности. Вместо этого прежде всего мы направимся туда. Я расскажу тебе, в чем дело.

Лью подробно описал, как он увидел огромный череп и как с тех пор безрезультатно пытался увидеть его благодаря приметам местности. Его рассказ был таким же причудливым, как и все то, что говорил о капитане Кидде и друге боцмана Джеде Броке Крейг. Однако Крейг не только поверил этому рассказу, но и воодушевился, слушая его.

— Это похоже на Кидда! — воскликнул он. — Его карты были

фальшивыми, его зашифрованные записки — уловкой. Он даже прятал часть своих сокровищ на виду, ту часть, которую он хотел отдать в руки своих преследователей, давая им понять, будто это все, что у него есть. Вместо карты сокровищ Кидд сделал этот череп похожим на тот, который стережет его сокровища. Тебе здорово повезло, Лью, что ты увидел тот же череп.

— Значит, ты считаешь, что именно там Кидд спрятал все свое добро?

— Конечно. Как раз позади того плоского места, которое ты увидел на утесе. Возьмем с собой череп Джеда и поищем сокровища в твоём.

— Не называй его моим до тех пор, пока мы его не найдем, — мрачно заметил Лью.

Они отправились на поиски в пассажирском теплоходе Крейга. Лью мог определить отрезок реки примерно в 12 миль, где он предположительно видел примету. Они много раз проплыли по нему, но были разочарованы. Время года совпадало, но ни один холм не подходил к описанию Лью.

— Я проплывал здесь много раз, — говорил Лью, — и всегда мечтал сам быть шкипером, чтобы попытаться счастья еще раз. Теперь у меня есть эта возможность, но мне не везет.

— Мы продолжим наши попытки, — заверил Крейг. — Чем труднее найти это место, тем яснее мы видим, каким ловкачом был Кидд. Есть вероятность, что он укрыл свои сокровища здесь. Большинство его вахтенных журналов начинаются с подробного описания погодных условий, а это совпадает с тем, что твою гору можно увидеть только при определенных условиях.

В течение трех дней они плавали вверх и вниз на том отрезке реки, пробуя разные углы, разворачиваясь в разных местах, пока однажды днем Лью не показал на высокий хребет, расположенный у самой воды, и не воскликнул: «Штормовые облака! Потопляйся, Крейг!»

Крейг дал полный вперед, они проехали это место и устремились в канал как раз тогда, когда высокие облака расступились перед надвигающимся штормом. Сверкая на солнце, показался огромный череп. Оскаленные зубы, провалившийся нос, потемневшие глазницы формировали тысячефутовый обман, плоский верх которого искажал контур округлой вершины. Голова мертвого гиганта была точной копией того черепа, который Крейг достал из коробки и держал для сравнения на расстоянии руки — череп Джеда Брока, друга боцмана!

В следующую секунду над утесом разразился шквал, и судно подбрасывало, как пробку, на вспенившихся волнах, которые, казалось, поднялись с самого дна реки. Никогда, даже во время океанских рейсов «Вилли Нилли» не выпадало такого испытания. Но Крейгу удалось повернуть его и ввести в тихую бухточку, ставшую им убежищем. Там, после окончания шторма, он и Лью танцевали от радости.

Затем они достали топографическую карту и отыскиали возвышающийся утес, столь быстро раскрывший свой секрет. Он назывался Круглым Холмом, и, несмотря на то, что на полпути к вершине он был окружен шоссеиной дорогой, его нависающий уступ был очень крут для подъема. Самым лучшим способом добраться до вершины было обойти гору по задней дороге, называвшейся Еловой Тропой, или идти вверх вдоль ручья к Высокому Хребту, прямо позади Круглого Холма.

Они привезли с собой одежду для пеших прогулок, поэтому оделись и отправились на берег, прихватив с собой сумки и снаряжение. Дошли до старой таверны на реке, на полпути между редко используемым местом высадки с его потрепанным причалом и железнодорожными рельсами, что находилась выше по берегу. Они поужинали в гостинице и остановились там на ночлег, чтобы создать впечатление, будто они действительно путешественники, заинтересованные в прогулках по тропинкам местного значения.

Следующее утро выдалось туманным, поэтому у них не было никакой возможности выехать на реку, чтобы снова взглянуть на голову великана. Во всяком случае, они весьма стремились к своей новой цели, поэтому отправились на прогулку, нагруженные снаряжением, включавшем квадратную коробку с драгоценным черепом. Подъем отнял у них больше времени, поскольку день шел на убыль, когда они наконец миновали маленький поток, служивший истоком Белого Ручья, и выбрались на Высокий Хребет. Над последним бугром они продолжили путь к выступу, который так напоминал сплюснутый череп Джеда Брока.

Уступ был совершенно гладкий и плоский, он образовывал практически твердое каменное основание. С него открывался замечательный вид на Гудзон, но теперь они зашли далеко назад от края, чтобы замечать составные детали черепа. Да и они, по мнению Крейга, не имели значения. Он был более заинтересован в исследовании хребта за ними. Но все, что им удалось найти, была грубая земля, выступающие скалы и тощие кусты, скучное окончание поисков сокровищ.

С наступлением темноты они установили небольшую палатку позади ровного уступа и попытались заснуть, положив коробку с черепом между собой. На взморье слышались приглушенные раскаты грома, и вспышки молний несли в себе угрозу.

— Мне совсем не по душе буря в таком месте, — сказал Лью. — Мы с тобой на самом верху, где собираются разряды. Прямо в ущелье Короля Штормов. Прежде чем с нами все будет кончено, нас ждет тяжелая ночь.

— Даже, может быть, тяжелее, чем ты думаешь, — добавил Крейг. Затем загадочно произнес: — Когда имеешь дело со стихийным, всегда будишь его элементы.

— Ты имеешь в виду, что наличие у нас черепа Джеда должно вызвать бурю?

— Но он уже вызвал бурю на реке, ведь так? Шквал чуть не утопил нас.

— Ну да, но ведь шторм должен был начаться после появления большого черепа.

— Вот именно, Лью. Они взаимосвязаны. И шторма теперь нельзя избежать.

Лью не был согласен с мнением Крейга, которое, как он начинал думать, было таким же странным, как и все, что касалось капитана Кидда. Но вместо продолжения спора он только сказал:

— В любом случае, Крейг, мы продержимся сегодня, чтобы продолжить поиски завтра!

Они действительно продержались почти до заката, когда Король Штормов разразился дикой яростью. Хлещущий ветер сорвал их крошечную палатку, и в следующее мгновение Лью и Крейг прижались к скалам, завернувшись в свои одеяла и пончо, в то время как молнии расщепляли деревья в каких-нибудь ста ярдах от них, а гром гремел сильнее обычного. Им удалось получить частичное убежище среди кустов, где они поддерживали разодранную палатку под ужасным ливнем.

Затем, когда они совсем потеряли надежду и никакие ужасы не могли быть страшнее грохотавшей над ними бури, наступил перелом, причем такой, что вновь возродил их надежды, но, вместе с тем, внушил им новый страх. Из-за хребта, позади края той площадки, на которой они сидели на корточках, они увидели неповоротливую фигуру, карабкающуюся наверх, словно вырастая из-под земли. Крейг принял ее за медведя, но Лью прошептал: «Это человеческая фигура, но вместе с тем не человеческая!»

Человеческая по виду, да, поскольку вспышка молнии высветила грузную фигуру, одетую в наряд старого моряка. Хотя была она и нечеловеческой, поскольку в свете молний они могли видеть сквозь это неуклюжее тело деревья над хребтом!

Редко духи показываются людям в подобных обстоятельствах. Дух, видимый в свете дня, являет собой довольно пугающее зрелище, но в этой черной как смоль темноте, заливаемой потоками дождя, его повторяющееся появление среди слепящих вспышек света было выше разумного восприятия. С каждой вспышкой фигура была все ближе и ближе. Зато когда становилось темно, вместо того чтобы окутаться люминисцирующим сиянием, призрак исчезал, для того чтобы появиться снова со следующей вспышкой.

Затем, когда ужасная фигура поднялась во весь рост, ее руки вытянулись в угрожающем жесте, словно готовясь схватить испуганных людей, в то время как раскаты грома грохотали, как колокол рока. Во время вспышки, озарившей все небо, друзья увидели самое ужасное из всего, что им пришлось пережить за всю бурю.

Дух горного хребта не имел головы! Это зрелище и более стойкого человека заставило бы сбежать, не думая о последствиях, что в дан-

ных обстоятельствах значило бы падение вниз со скалы навстречу судьбе. И в самом деле, оба, и Лью и Крейг, вскочили на ноги, готовые удрать, когда они поняли мрачную, ужасную взаимосвязь с недостающей головой. Для них это имело эффект обратный тому, который ожидал капитан Кидд. Вид безголового духа расшевелил их онемевшие чувства и внушил им, что это тот самый момент, о котором они мечтали.

— Это Джед Брок! — закричал Крейг. — Он пришел не за нами, а за своей головой!

— Так давай отдадим ее ему! — Лью неистово бросился к куче коробок. Открыл крышку и наклонил коробку. — Вот она!

Крейг поймав выкатившийся череп, на долю секунды удержал его в равновесии, в тот момент сверкнула молния, и они увидели страшную фигуру, готовую к последнему прыжку. В этот миг Крейг со всей силой бросил череп в сверхъестественный силуэт, успевшей к этому времени обрести плоть.

Самое странное случилось после. Череп ударился в полете о фигуру, потом отлетел вниз. В то же мгновение материализовавшаяся фигура исчезла. Это произошло одновременно со вспышкой молнии. Когда она погасла, призрака не было, череп тоже исчез. Оба пропали, как неожиданный оглушительный удар грома, раздавшийся в момент их совместного исчезновения!

Лью и Крейг стояли, прижавшись друг к другу, в то время как вспышки уменьшались, а удары грома затихали, словно буря катилась вниз по Гудзону. Ливень уменьшился до морозящего дождика, буря ослабевала, словно ее миссия была завершена. При редких вспышках они больше не видели пропавшего призрака. На небе пробивалась полоска рассвета, и дневной свет вселил в путешественников ту уверенность, которую они чувствовали ночь назад.

Череп, духа или не духа, который Крейг бросил в полном отчаянии, не мог улететь далеко. Склон за бугром был усеян слишком многочисленными кустами, корнями и скалами, чтобы он мог скатиться и попасть в Белый Ручей. Но, когда друзья дошли до того места, где череп словно ударился о что-то твердое, даже следа не осталось от этого отвратительного предмета.

Не мог ли дух Джеда забрать его и удалиться с ним? Если так, то не было причин считать, что он ушел далеко. Обдумывая это, Лью осмотрел начало склона и воскликнул:

— Смотри!

Из-за сильного дождя по склону стекали небольшие ручьи, некоторые сливались, образовывали лужи. Но один крошечный ручеек стекал в какую-то расщелину, из которой он не появлялся.

— Череп! — воскликнул Крейг. — Он закатился туда!

Они вдвоем срыли скалу и нашли полость. С помощью захваченных с собой киркоматыги и лопаты они лихорадочно долбили рыхлую

землю, с трудом извлекая камни. Наконёц кирка ударилась о металл, о заржавевшую крышку железного сундука! Когда они откапывали сундук, чтобы высвободить его от корней, оббивших его за много лет, они наткнулись на кости человеческого скелета, все, кроме черепа.

Но когда им удалось выволочь тяжелый сундук из щели, какой-то предмет освободился от двух камней, державших его, и скатился в яму, чтобы присоединиться к останкам. Этот катящийся предмет, который они приняли за живое существо, оказался недостающим черепом Джеда Брока, в конце концов воссоединившимся с телом, которому он когда-то принадлежал.

Металлический сундук, когда его открыли, действительно оказался сундуком убитого. Имя Джеда Брока было начертано на внутренней части крышки. Капитан Кидд, скупой до последней степени, использовал для хранения сокровищ сундук своей жертвы, возможно, веря в то, что это заставит безголовый дух Джеда обитать поблизости.

В сундуке Лью и Крейг нашли испанские дублоны, британские соверены, французские луидоры и другие монеты, которые по теперешним ценам на золото стоили тысячи долларов, с добавкой за редкость этих монет. Здесь были и драгоценности, награбленные Киддом в Индийском океане; в целом находка сулила обоим кладоискателям несколько новых пассажирских теплоходов и даже замок на берегу Гудзона.

Но это было уже после того, как они притащили находку к подножию горы и погрузили на «Вилли Нилли» сокровище и свое снаряжение. Только тогда они поняли, как им повезло. Когда Крейг вывел судно в реку и повел его вверх по реке, он показал на возвышающийся выступ Круглого Холма и проговорил:

— Я правильно развернул судно. Кидд увидел гору, выглядевшую, как череп, вот он и похоронил свои сокровища на вершине, после того, как Джек помог ему втащить его на гору.

— Если Кидд решил, что гора похожа на череп, — отозвался Лью, рассматривавший гору, — то у него действительно было дикое, фантастическое воображение.

— Не более дикое, чем у тебя. Ведь ты видел оскаленный рот, нос, глаза и даже приплюснутую макушку. Ты же мне их указал.

— Да. Но когда Кидд приехал сюда, их здесь не было. Взгляни.

Когда Крейг поднял голову, Лью продолжил:

— Теперь я знаю, почему я не мог увидеть череп не под тем углом и не с того расстояния. Когда гора приближается, то теряет этот эффект. Вот он, рот — видишь, что это такое?

— Да ведь это... — от удивления Крейг заикался, — да ведь это столбы от старого причала, окна таверны и старые здания возле нее. Они появились здесь сто пятьдесят лет назад, много лет спустя после появления Кидда в этих краях!

— Правильно. Нос появился еще позже, — хихикнул Лью. — Это два туннеля, пробитых в горе, там, где ее пересекает железная дорога.

Крайне изумленный, Крейг взглянул еще выше и воскликнул.

— А эти глаза — это же часть шоссе, огибающего гору. Это же места для стоянки автомобилей, построенные для того, чтобы туристы могли полюбоваться видом на реку!

— А еще выше, — добавил Лью, — находится то плоское место, которое мы приняли за естественное. Просто здесь убрали лишнюю землю и сделали прочное основание для нового радиомаяка. Это было несколько лет назад, а вот и новая карта. На ней обозначена и Сигнальная Башня-2, только ее еще не построили.

— Пароходы — железные дороги — автомобили — самолеты, — перечислял Крейг по порядку, — да о них и не мечтали, когда капитан Кидд приплыл сюда со своими сокровищами. Что за воображение он имел!

— Может быть, он просто мечтал о будущем, — размышлял Лью, — как мы мечтали о прошлом. В любом случае, сокровища Кидда теперь наши.

— Спасибо Джеду Броку, — напомнил Крейг. — Ведь мы отправились в путь с черепом мертвеца, помнишь?

— Да, — согласился Лью Бартон, — и мы возвращаемся домой с сундуком мертвеца.

ДОМ НА ПЛОЩАДИ

Команда охотников за привидениями Брюса Барлоу и Джеффа Шелби работала по высшему пилотажу. Они забавлялись и получали выгоду от своей второй специальности, которой овладели, будучи студентами колледжа на Восточном побережье. Во время летних каникул они посетили таверну «Черный лебедь», бывшую когда-то ночным пристанищем для почтовых дилижансов между Нью-Йорком и Монреалем.

Новый владелец отреставрировал ее для современных туристов, но никто не желал останавливаться там из-за странных стонов, раздававшихся по ночам. Их связывали с хозяином гостиницы, убитым много лет назад. Но Брюс и Джефф охотно там остановились за вознаграждение с целью расколдовать гостиницу.

В конце концов они выяснили, что звуки идут с чердака, но там они нашли только старые бутылки, запасные оконные рамы и старинную вывеску: «Гостиница «Хиджби», Дж.Л.Хиджби, владелец». Так звали убитого хозяина. И охотники за привидениями разложили свои раскладушки, стараясь не потревожить при этом бутылки и старин-

ную вывеску, прикрепленную к шесту, прислоненному к покатой крыше чердака.

Через несколько часов Брюса и Джеффа разбудили стоны. Оба сразу включили свои фонарики и воскликнули: «Хиджби!» Но они имели в виду не дух убиенного хозяина, они говорили о вывеске, на которой значилось его имя. Шест когда-то висел над входом в таверну, вывеска прикреплялась петлями. С годами они ослабели, и ветер, проникающий через щель, раскачивал вывеску, производя при этом громкие скрипы, которые на чердаке звучали менее странно, чем внизу.

Это решило вопрос о призраке в гостинице, а Брюсу и Джеффу неплохо заплатили за работу. Тем летом они «расчистили» от привидений еще несколько мест, но более трудное дело им досталось на следующий сезон. Это случилось, когда они исследовали дряхлый особняк, в котором в определенные моменты появлялась лужа крови в углу зала, где один человек застрелил другого насмерть во время ссоры из-за карточного долга.

Хранитель ознакомил охотников с комнатой, точно указав место, где появлялось странное пятно. В доказательство того, что это не было выдумкой, он показал фотографии. Лужа имела 18 дюймов в диаметре и всегда находилась по крайней мере на расстоянии фута от угла комнаты.

— Никогда не знаешь, когда она снова появится, — сетовал хранитель. — Когда-нибудь ясным утром ты вступишь, а оно тут как тут. И всегда в сухую погоду

— Что бывает накануне ночью? — спросил Брюс. — Слышны ли странные звуки?

— Насколько я знаю, нет, — ответил смотритель. — Все, что видели люди, была кровь и больше ничего. Все выбегали страшно испуганными.

— Мы не выбежим, — заверил Брюс. — Никакому духу нас не одурачить.

Они наблюдали за углом комнаты в течение недели. На третью и четвертую ночь лил дождь, затем погода улучшилась. Пятая ночь прошла без происшествий, а на шестой день Брюс сказал Джеффу.

— Посмотри туда!

Из-под плинтуса медленно появилась струйка, постепенно формируя красноватую лужу. Они наблюдали за ней следующие несколько часов, делая снимки в процессе наблюдения. Наконец красноватая жидкость перестала течь, и между стеной и лужей образовалось пространство в фут шириной. Брюс осматривал след, оставшийся на полу от струйки, и обнаружил чешуйки тоньше бумаги.

— Это кусочки засохших листьев, — объявил он. — Должно быть, они влетели в какую-то щель в крыше, а затем свалились внутрь стены.

— Капли дождя, прошедшего несколько дней тому назад, тоже попали между стенами, — добавил Джефф, — но листья впитывали

воду, пока не пропитались. Тогда вода начала стекать вниз и просочилась в комнату.

— Давай проверим пол с помощью уровня, — предложил Брюс. — Готов спорить, что вот тут есть углубление, которое настолько незначительно, что невооруженным глазом его не увидеть.

Брюс был прав. Уровень показал, что пол был чуть-чуть неровным, этого было достаточно, чтобы лужа появлялась довольно далеко от стены, не оставляя никакого намека на источник ее появления. Кроме того, охотники за привидениями взяли пробы предполагаемой крови, прежде чем лужа высохла, чего до них никто не делал. Химический анализ показал, что красный оттенок вода приобретала из-за разложения сухих листьев.

Год за годом охотники за привидениями занимались этой увлекательной работой, одерживая все большие и большие победы, пополняя свой послужной список. Некоторые из дел были простыми на удивление, почти смехотворно простыми. Таким был случай со старым домом в Нью-Йорке, в Гринвич Виллидж, где подвал и первый этаж были переоборудованы в двухэтажную квартиру с внутренней лестницей и огромной гостиной. По вечерам, во время ужина, канделябр начинал колыхаться, а зажженные свечи гасли.

Один местный историк связал колеблющиеся огни со старой датской легендой, насчитывающей пару сотен лет и включающей черную магию, но Брюс и Джефф нашли более современное решение. Они поняли, что дрожание канделябра вызывала вибрация дома, расположенного в одном квартале от линии метро. Когда северная электричка набирала определенную скорость, ее вибрация совпадала с частотой колебания дома, а результатом явилось появление «духов».

Таковыми же интригующими были и странные огоньки, что плясали в окнах заброшенного здания деревенской школы в Вермонте. Объяснялось это тем, что там обитает дух человека, совершившего самоубийство после попытки поджечь здание. Дух появлялся время от времени, но к тому моменту, когда за дело взялись Джефф и Брюс, это стало повторяться каждую ночь.

Охотники обнаружили, что колдовские огоньки были отраженным светом фар машин, сворачивавших на редко используемую дорогу с новой автострады. Только машины с включенным дальним светом могли их вызывать. Остальные автомобили проезжали незамеченными благодаря высокому бордюру.

Иногда в этой работе появлялся элемент опасности, например, когда друзья обследовали старые карьеры или бродили по лесам и болотам, где встречались змеи и дикие животные. Кроме того, Брюс и Джефф допускали возможность встретить опасность в лице человека, браконьера, самогонщика или беглого заключенного. Помимо камер, фонариков, компаса и другого оборудования Брюс всегда носил длинную дубину с рукояткой в виде лампочки. Палка, которую его дядя

привез с востока, носила прозвище «адвокат из Пенанга», поскольку в этом селении в споре побеждал тот, кто ловко орудовал подобной дубинкой. Джефф, бывший хорошим стрелком, на всякий случай не расставался с автоматическим пистолетом 32 калибра.

Дубинка Брюса здорово пригодилась во время обследования летнего коттеджа, который оставили разборчивые жильцы из-за страшных звуков, раздававшихся в закрытой кладовой. Открыв дверь, приятели были сметены черной тучей, вырвавшейся наружу со всей силой и яростью торнадо. Но Брюс, готовый ко всему, ударил дубинкой в самый центр ее, и она рассыпалась на куски.

Ужасная туча оказалась стайей летучих мышей, что перезимовали в кладовке и несли всю ответственность за странные звуки. Если бы Брюс промедлил хоть на секунду, они могли быть сильно поцарапанными и искусанными крылатой ордой, которую выпустили на свет. Вместо этого они очистили коттедж от незваных гостей, а заодно и от сплетен о призраках.

Очередь Джеффа настала в следующем сезоне, когда они охотились на привидений в старой мельнице, которую предполагаемый покупатель хотел превратить в сельское кафе-кондитерскую. Вместе со стенами и вздохами привидений иногда слышались медленные шаги вниз по старой лестнице, находившейся в углу здания. К тому же, никто не видел фигуру призрака, которому они принадлежали, и сама его невидимость делала этот случай еще более сверхъестественным.

Это отняло не больше времени, чем объяснение более привычных звуков. Стоны объяснялись ветхим состоянием бревен и балок, вздохи были эхом напора воды на мельничный лоток. Но Брюс и Джефф наблюдали за ступеньками, чьи очертания были видны в тусклом свете, когда на лестнице слышались шаги вниз, медленные и равномерные.

Этого неспешного, невидимого приближения было бы достаточно, чтобы спугнуть любого, но Брюс слепо включился в борьбу, начав хлестать дубинкой воображаемого противника, однако Джефф неожиданно приказал:

— Прекращай! Этим займусь я!

Потом, нажав кнопку своего фонарика, Джефф высветил лестницу 4-мя ступеньками ниже и вслепую выстрелил туда, где должна была находиться невидимая фигура. Раздался еще один шаг, что-то упало, и фонарик Джеффа высветил вполне мертвого призрака в виде огромной крысы.

Именно она издавала эти необычные звуки. Каждую ночь крыса нагло спускалась по лестнице, всем своим весом бухаясь на каждую ступеньку. Угол служил репродуктором, который усиливал выразительные шлепки, пока они не достигали пропорций осторожных шагов человека, которые принимали за что-то сверхъестественное.

Наметанный взгляд Джеффа и его еще более развитая проницательность позволили ему догадаться об истине.

Охотники за привидениями посоветовали, чтобы днем бригада рабочих укрепила здание, чтобы избавиться от скрипов, и чтобы сильные кошки сторожили помещения по ночам на тот случай, если там поселится другая крыса, завладевшая жилищем убитого грызуна, столько лет притворявшегося призраком. Результат не замедлил сказаться, а команда Брюса Барлоу и Джеффа Шелби неплохо заработала за избавление от кошмара.

Разница между Брюсом и Джеффом в течение тех лет, что они проработали вместе, заметно возросла. В значительной степени это было благодаря росту их успеха. Брюс становился все смелее и все более презирал «духов», в то время как Джефф избрал научный и аналитический подход. В результате они угождали обоим типам клиентов — и верящим в привидения, и скептикам. Как это ни странно, профессии, которые они выбрали после окончания колледжа, имели явное отношение к их увлечению. Брюс стал учителем физкультуры и тренером по атлетике в школе для мальчиков, в то время как Джефф продолжил научное образование и защитил докторскую степень по философии.

Каждое лето они встречались и с удовольствием «очищали» от привидений определенное количество домов, хотя их подходы к решению проблем отличались между собой. Брюс больше, чем когда-либо, желал сразу же взяться за дело на основе метода проб и ошибок, а Джефф, наоборот, настаивал на предварительном обзоре научного типа. Брюс усердно возражал.

— Если бы я дожидался, пока ты проанализируешь все эти случаи, — говорил он приятелю, — мы бы никогда не доискались до правильных объяснений так называемых призраков. Это относится к тем нескольким случаям, когда мы не нашли ответ.

— Возможно, — задумчиво отвечал его товарищ, — некоторые из этих случаев были не так просты, как тебе кажется.

— Ты хочешь сказать, что начинаешь ВЕРИТЬ в привидения? — спросил Брюс. — Ты свихнулся! Во всяком случае, давай не будем вспоминать о наших промахах. Чего нам хочется, так это такой же работенки, какую мы только что закончили.

Брюс имел ввиду «заколдованное» горное ущелье неподалеку от Нью-Йорка рядом со знаменитой Сонной Ложиной, где появился Всадник без Головы. Светящаяся, манящая фигура виднелась под ржавым мостом, и владелец ущелья установил большие автоматические прожекторы, чтобы поймать привидение. Но призрак всегда ускользал при первом луче света, каждый раз одерживая новую победу предрассудков над наукой.

Когда Брюс и Джефф взялись за это дело, они сразу разобрали прожекторы. Вместо них они заняли наблюдательные посты на том

месте, где обычно появлялся дух, и при первом появлении голубого мерцания сфотографировали это явление с близкого расстояния в инфракрасном излучении. Проявленные снимки показали, что это болотный газ, придававший жизнеподобное мерцание фосфоресцирующему пеньку. Проекторы сами портили свою работу, заливая слабое мерцание ярким светом.

Друзья приехали в Нью-Йорк и сполна получили плату и премию от владельца расколдованного ущелья. Было начало сентября, у Брюса оставалась последняя неделя до завершения отпуска, поэтому он предложил потратить время с выгодой.

— Одна женщина из Сонной Лощины сказала мне, что, если мы хотим встретить дом, по-настоящему заколдованный, нам следует поискать его на площади Редгейт, прямо здесь, в Манхэттене. Она жила по соседству и знает точно.

— Хорошо, — согласился Джефф. — Давай поедem и посмотрим.

В конце концов, они отыскали Редгейт-Сквер, расположенную в глухом конце безлюдной улочки, идущей от Ист-Ривер. Четвертый дом справа под номером 306 резко выделялся на общем фоне. Весь его фасад выглядел запущенным, кирпичная кладка — бесцветной, оконные накаты — угрюмыми и тусклыми. Его центральные ворота были расположены под углом к шаткому железному забору, сильно заржавевшему. Низкий балкон, выступающий со второго этажа, придавал ему странный вид.

На воротах была табличка:

ДЛЯ ПРОДАЖИ ИЛИ СДАЧИ ВНАЕМ
ДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО
А. ДЖ. ВИТТАКЕРА

Они сверили адрес, и Брюс остановил такси взмахом дубинки. Десять минут спустя они говорили с мистером Виттакером в конторе, являвшейся настоящей движимостью. Это был тихий, пожилой человек, на сухом лице которого появилась улыбка при вопросе о доме 306 на Редгейт-Сквер.

— Охотники за привидениями? — спросил Виттакер. — Ну что ж, я согласен на ваши обычные условия, если вы неделю проживете в том доме.

Виттакер откопал большой пакет из нижнего ящика, выбил из него пыль и начал:

— Секретная документация по № 306. Частенько я хотел избавиться от нее, но всегда знал, что все эти сведения когда-нибудь мне пригодятся.

Из пакета владелец извлек документы, дающие право собственности, о сдаче внаем, планы этажей, фотографии, письма, другие бумаги. Затем он продолжил:

— Одним из прежних владельцев был Говард Глендон, он жил там со своим дядей и очень сильным слугой по имени Крэндолл. Временами дядя впадал в безумие, вернее, становился буйным, и его приходилось держать в задней комнате четвертого этажа. Иногда его видели в окнах или слышали, как он слоняется по дому. Только Крэндоллу было по силам с ним справиться. Позже Глендон продал дом, и, по его словам, увез дядю за границу. Но, в действительности, никто не видел, как дядя покидал дом.

Виттакер выбрал старую фотографию, на которой был изображен балкон второго этажа дома № 306. На ней из окна смотрел человек, выглядывавая из-за железной перекладины, явно разозленный на фотографа, который щелкнул его, пользуясь случаем. Взгляд его был одержим яростью, а губы исказились от бешеного рычания. Пока Брюс рассматривал эти безумные черты лица, пытаясь их запомнить, Виттакер сказал:

— Это дядя Глендона в хорошем расположении духа, иначе они спрятали бы его в спальне на четвертом этаже.

Джефф забеспокоился, но Брюс был очень заинтересован. Он резко спросил:

— Вы считаете, что дядя там умер?

— Возможно, — ответил владелец, — поскольку все безобразия начали твориться именно в той спальне на последнем этаже. После отъезда Глендона в доме поселилась семья Роуланд, но они с радостью покинули дом. У них были проблемы с прислугой, а в то время без нее нельзя было обойтись.

— Кто поселился после них? — поинтересовался Брюс.

— Несколько семей. — Владелец показал несколько договоров о сдаче внаем. — Они все тут записаны, но у них у всех были проблемы со слугами. Некоторые из них запирали четвертый этаж и позволяли слугам жить на третьем, но те слышали, как над ними что-то движется, что было ничуть не лучше, чем жить там.

Наконец пришел черед семьи Эмурстс. У них было пять дочерей и три служанки, которые работали у них в течение многих лет и согласились принять эту странную ситуацию. Одна горничная, Дэлла, поселилась в спальне на четвертом этаже. Она жаловалась на плохое самочувствие, но решила пересилить себя, поскольку одна из дочерей выходила замуж. Вечером того дня, когда состоялся свадебный обед, Дэлла с криком сбежала по ступенькам, абсолютно невменяемая. Ее немедленно поместили в больницу, где любое упоминание о ее комнате вызывало у нее истерику. Два дня спустя она умерла. С тех пор никто не осмеливался спать там.

— Джефф и я не возражаем, — безразлично сказал Брюс. — Давайте отправимся туда прямо сейчас. Чем скорее мы приступим к делу, тем лучше.

Вскоре они с багажом прибыли в нужный им дом, готовые захватить его. На сей раз Джефф Шелби чувствовал себя молчаливым и

нежеланным партнером в предстоящей охоте, полностью руководимой Брюсом Барлоу.

С той минуты, когда ржавые ворота застонали на петлях и шаги гудким эхом отдались по каменным плитам, Джефф почувствовал, что их присутствие нежелательно в этом особенно мрачном заповеднике. Балкон походил на вздернутый подбородок какого-то ужасного создания, готового жадно поглотить беспомощную молитву, поскольку его навес скрывал из виду остальные балконы. Когда ржавый замок тяжелой входной двери отказался подчиниться ключу Виттакера, Джефф с трудом поборол желание повернуться и убежать. Только мысль о Брюсе удержала его от этого трусливого поступка.

Наконец дверь открылась, и они вошли в длинный низкий холл с мрачной заставленной комнатой для приема гостей. Коридор вел в столовую, обшитую дубом. Джефф отметил преобладающий затхлый запах, добавляющийся к общему нездоровому впечатлению, и прокомментировал:

— Сыровато здесь, не правда ли?

— Сыро? — переспросил хозяин. — О, да это самый сухой дом в квартале. На стенах нет ни следа плесени. А эти полы? Здесь нет ни одной кривой доски.

В доказательство он громко потопал вдоль коридора:

— Посмотрите на мебель, она в отличном состоянии.

— И все же здесь, кажется, есть плесень.

— Но почему, Джефф? — спросил Брюс. — Опять твоё воображение?

Это успокоило Шелби, но, когда они дошли до кухни, он подозрительно покосился на старинный подъемный механизм в углу, служивший кухонным лифтом для подачи еды и питья наверх. Брюс заметил взгляд Джеффа.

— Скелетов тут нет, — со смехом сказал он, — но мы можем проверить по пути все шкафы.

Они поднялись на второй этаж в главную гостиную, которая действительно была странной, поскольку многочисленные стулья и кушетки были покрыты белыми простынями. Это придавало им вид привидений, несмотря на сильное полуденное солнце. Джефф остановился у того самого окна, которое было на фотографии, и выглянул из него в точности, как дядя Глендона. В ту же минуту он подумал, не могло ли что-нибудь в доме придать ему, дикий вид, поскольку Джефф вдруг проникся недоверием ко всему, что находилось за его спиной, включая его давнего друга Брюса Барлоу и вежливого, любезного мистера Виттакера. Джефф вздрогнул и, повернувшись назад, отметил, что его компаньоны даже не смотрят в его сторону.

Брюс раскрыл чемодан и начал выкладывать оборудование на стол, который он освободил специально для этой цели. Там были кинокамеры, другое оптическое оборудование, железные измерительные ленты, клубок веревок, а также несколько свинцовых грузил.

— Мы проверяем толщину стен, — пояснил Брюс мистеру Виттакеру, — и пользуемся веревкой с грузилом как отвесом, чтобы проверить, действительно ли печные трубы вертикальны. А вот наш давний друг, который дает возможность выявить дефекты пола.

Брюс искоса взглянул на товарища:

— Помнишь старый дом с лужей крови, Джефф?

Тот кивнул. Брюс достал комплект маленьких пустых шариков и баночку с ртутью, а также две пары ботинок с мягкой подошвой.

— Мы наполняем шарики ртутью, — объяснил Брюс Виттакеру, — и устанавливаем их в разных углах. Если движется нечто более солидное, чем привидение, дрожание ртути укажет на это. Тогда Джефф и я надеваем эти ботинки и незаметно подходим туда. Ртуть к тому же хорошо улавливает колебания. Именно таким образом мы высладили духа подземки в Гринвич Виллидж. Помнишь тот случай, Джефф?

Он вспомнил и вздрогнул, но не от воспоминаний. Это было вызвано атмосферой в гостиной этого дома.

— Здесь холодно, — пожаловался он. — Ужасно холодно. Нельзя ли развести огонь в камине?

— Конечно, — отозвался хозяин, — однако я не ощущаю холода.

— Я тоже, — вставил Брюс, доставая термометр из сумки, — более того, температура не уменьшилась ни на градус с тех пор, как мы вошли сюда. Я проверил ее в холле, и она осталась прежней.

Джефф решил отказаться от огня, и они продолжили путешествие по дому. Третий этаж в основном состоял из спален, то же относилось и к четвертому. Брюсу показалось, что на третьем этаже не так холодно, как на втором, но последний этаж был действительно зловещим. Туда вела лестница, расположенная в заднем углу дома на третьем этаже, потом сворачивала и вела в самый центр четвертого этажа. Впереди были две спальни с разделявшей их продольной стеной, так что каждая спальня имела по одному большому окну на фасаде. Но сзади все было устроено по-другому. Из-за черной лестницы пространство для спален было ограниченным, поэтому они располагались анфиладой. Первая комната была квадратной формы, в ней не было окон, только фрамуга над дверью пропускала свет и воздух из коридора. В дальнем углу этой внешней спальни была дверь, ведущая во внутреннюю спальню, тоже квадратной формы, с небольшим окном, выходящим во внутренний дворик.

В каждой комнате стояли койка, стол и стул. Но самой зловещей, несмотря на окно, была внутренняя комната, поскольку именно там появления привидений доводили людей до сумасшествия и смерти. Брюс осмотрел окно, обратив внимание на тяжелые рамы и глубокие дыры в дереве под металлической арматурой.

— Была ли когда-то на этом окне решетка? — спросил он владельца.

— Верно, — ответил тот. — Решетку сняли после того, как Глендон продал дом и уехал.

Брюс просунул в окно голову и плечи, окно было достаточно широким. Он вернулся в комнату и велел Джеффу проделать то же самое. Тот подчинился и отметил про себя, что стена очень ровная и нет никаких шансов залезть в окно со двора, причем окна разных этажей находились не на одной прямой и были расположены достаточно далеко друг от друга. И снова у Джеффа возникло ощущение близкой опасности за спиной, но теперь оно было сильнее, чем в гостиной двумя этажами ниже, поскольку угроза упасть вниз была настоящей. Джефф резко откинул голову и плечи обратно в комнату.

И снова остальные не заметили его реакции. Брюс планировал операцию, которая предстояла ему с Джеффом, в то время как Виттакер слушал, одобрительно кивая.

— Мы начнем прямо здесь, в этой комнате, в полночь, — начал Брюс, — так как это начало отсчета. Я буду спать здесь, а Джефф поселится во внешней спальне. Я получу факты из собственного опыта, и Джефф может подтвердить их.

Тот подумал, как он сможет быть свидетелем, если его нервное состояние не изменится. Однако продолжал хранить сдержанное молчание.

— А как насчет остальной части дома? — спросил Виттакер.

— Мы будем следить за домом до 12 часов, — ответил Брюс. — Сделаем то, что Джефф называет предварительным осмотром. Не думаю, что нам придется продолжать эти поиски, если мы покончим с духом здесь, наверху.

— В доме нет электричества, — вспомнил Виттакер, — и потребуется несколько дней, чтобы включить...

— К тому времени оно нам уже не понадобится, — перебил Брюс с самоуверенной улыбкой. — В любом случае, привиденческий бум начался в эпоху газовых рожков, когда люди обходились без электричества.

Владелец ушел, пообещав прислать охотникам за привидениями ужин из ближайшего ресторана. Брюс и Джефф тут же провели заседание штаба на втором этаже в гостиной, где оставили свое оборудование, и первым делом разожгли огонь в камине, как хотел этого Джефф. Но даже это ободряющее пламя не уменьшило его озноба. Джефф обрадовался, когда Брюс предложил осмотреть дом сначала при утихающем свете дня, потом при помощи мощных фонариков.

Когда принесли ужин, они поели в мрачной, обшитой дубовыми панелями столовой. Снова поднялись в гостиную, где при свете факелов зафиксировали при окончательном анализе свои достижения, оказавшиеся весьма незначительными. Когда они прислушивались к подозрительным звукам, все, что доносилось до них, это резкие звуки такси на площади. Затем, когда приблизилась полночь, Брюс поднял свою дубинку с каминной решетки и сказал:

— Приближается час атаки, Джефф. Пойдем.

— Да, пошли, — выпалил Джефф, — но не наверх. Пошли вниз и на улицу. Назад за своими вещами мы можем прийти и завтра.

На лице Брюса при свете факела набежала тень злости.

— Ты хочешь сказать, что действительно решил отказаться, Джефф?

— Да. Это место достало меня, Брюс. Тут все неправильно. Ни скрипов, ни звуков, ничего из обычного набора, вместо этого дом наполнен какой-то околдовывающей силой.

— Мне приходилось слышать от тебя подобное и раньше, но ты всегда менял свою точку зрения, прежде чем мы завершали работу.

— Да, я чувствовал это везде, — признал Джефф, — но сила, или что это было, казалось, рассеивалась. Здесь она собирается и становится сильнее. Послушай, Брюс, некоторые из тех мест были в какой-то степени заколдованными. Иными словами, каждый дом, каждое болото, любое место могут быть заколдованы. Но ты знаешь, и я знаю, что это относится к определенным моментам. Влияние, или что это такое, не настолько сильно, чтобы причинить тебе вред, если ты видишь его насквозь, как прежде было с нами. Но этот дом насыщен этим, нагружен, как платформа мыслительной взрывчатки. В физических лабораториях делали тесты, доказывающие, что мысли могут накапливаться, как тучи, и поражать физическим ударом.

— А ты знаешь, что я думаю об этих тестах? — спросил Брюс со странной улыбкой на лице. — Все они — чушь, и чушь собачья. Кстати, о чуши, нас ждут наверху. Так что пошли.

Они поднялись на четвертый этаж, обходя шарики со ртутью и автоматическую камеру, которую установили на последнем пролете, просто на случай, если кто-то захочет пробраться в спальни. Они вошли в спальню и зажгли фонарики. Брюс закрыл дверь коридора, запер ее, но фрамугу оставил открытой.

— Если что-то сюда проберется, ты первым услышишь это, — сказал Брюс. — Тогда дай мне об этом знать.

— Здесь ничего не будет пробираться, — возразил Джефф. — Опасность там внутри, Брюс. Давай сдвинем наши кровати вместе, чтобы встретить ее вдвоем.

— Нет, это невозможно, Джефф. Я сплю здесь один, и дверь между нами будет закрытой.

Брюс посветил фонариком во внутреннюю спальню и повернулся, чтобы закрыть дверь, когда увидел, что друг следует за ним.

— А вдруг что-то произойдет здесь? — спросил он. — Что тогда?

— Ничего не случится, — отрезал Брюс. — Поскольку это невозможно.

— Не говори так, Брюс. Где есть привидения, там всегда что-нибудь происходит. Представь, ты что-то услышишь. Как это уже было в других местах.

— Если я что-то услышу, — вставил Брюс, усаживаясь на кровать, — то дам тебе знать. Я ударю вот так по стене.

Брюс ударил по стене тяжелым набалдашником как раз там, где находилась кровать Джеффа.

— А если ты что-то увидишь? — настаивал Джефф, стоя на пороге. — Как ты дашь об этом знать?

— Двумя ударами, вот так. — Брюс дважды стукнул дубинкой. — Если вообще я что-то увижу. Давай укладываться и спать.

— Вдруг еще что-то случится? — не унимался Джефф. — Вдруг это влияние настоящее?

— Ладно, ладно, — снисходительно перебил Брюс. — В этом случае я стукну три раза, — он соответственно постучал по стене, — ну, закрывай дверь, и будем считать, что сейчас ночь. Утром мы посмеемся над этой ерундой. Самой большой трудностью будет получить плату с хозяина.

Странно, но Джеффу стало легче, когда он закрыл связывающую их дверь и лег на кровать во внешней комнате. Он чувствовал себя так, словно с него сняли огромную тяжесть. Зато он стал больше беспокоиться о товарище, который был равнодушен к психическим впечатлениям. Даже эта внешняя спальня подавляюще действовала на Джеффа, однако он чувствовал, что может справиться с этим.

Джефф положил свой фонарик и пистолет на стул подле кровати, решив, что лучше иметь их под рукой, поскольку ему хотелось допустить, что все страхи были психические, а не умственные. Он напряженно прислушивался к звукам во внутренней комнате; потом ему пришло на ум, что стена слишком толстая, чтобы он мог слышать что-либо, кроме дубинки Брюса. Наконец в полной тишине и абсолютной темноте спальни Джеффу удалось заснуть.

Джефф не мог сказать, сколько времени прошло, но он проснулся совершенно неожиданно, гадая, где находится и как сюда попал. Теперь его действительно бил озноб, поскольку, несмотря на тепло в комнате, он был в ледяном поту. Постепенно вспоминая события предыдущего дня и узнав мрачное окружение, он понял, что ждал, ждал и ждал чего-то, ибо в этой тишине что-то обязано было произойти.

Это случилось, и резкий звук окончательно вернул его к реальности.

Бух!

Звук был резким, из-за стены над головой Джеффа, сигнал, который обещал дать Брюс. Теперь Джефф прислушивался к этому сам, не в состоянии двигаться. Что-то еще должно было случиться, в этом он не сомневался. И это пришло.

Бух! Бух!

Двойной удар заставил Джеффа вскочить в кровати. Значит,

Брюс что-то увидел там в спальне! А здесь по-прежнему темно. Он вскочил с кровати и остановился, зная, что это еще не все.

Бух! Бух! Бух!

Одновременно с ударами тяжелой трости Джефф схватил свой фонарик и пистолет и направился к двери. Он нашел ручку, открыл дверь и ворвался в другую комнату, где остановился. Включив фонарик, он осветил комнату и ногтем большого пальца снял предохранитель пистолета.

Потом коротко и нервно хохотнул над своей глупостью.

Там был Брюс, удобно расположившийся в кровати, трость стояла у стены там, где он ее оставил. Сквозь маленькое окошко пробивался слабый дневной свет. Возможно, Брюс заметил это и постучал, чтобы разбудить друга и дать ему знать, что ночное дежурство уже кончилось. И все же не походило, что он мог поставить трость так далеко. Двух ударов было бы достаточно, чтобы дать понять, что он видит что-то, а именно рассвет. Может быть, Брюс проснулся только наполовину, постучал и снова погрузился в сон, во всяком случае, бояться было нечего. Джефф подошел к кровати и сказал:

— Сдается мне, ты был прав, Брюс. Не о чем беспокоиться.

Он замолчал, осознав, что Брюс смотрит вверх. Но, невзирая на открытие глаза, он не бодрствовал. В свете раннего дня Джефф был поражен ужасом, взглянув в эти широкие застывшие зрачки и окружавшие их белки. Он прижал руку ко лбу Брюса, наклонился, чтобы послушать сердце. Лоб был холодным, сердце не билось. Брюс Барлоу был мертв.

Вне себя Джефф выбежал из внутренней комнаты, нашел ключ в двери и повернул его. Он бросился вниз, давя шарики с ртутью, и, пробегая, уронил автоматическую камеру. Он достиг входной двери, открыл ее. Пробежав через весь сквер, он попал в круглосуточную закусочную, откуда начал как безумный названивать в ближайшую больницу. Прибыла машина скорой помощи, но бесполезно. Брюс Барлоу умер из-за сердечной недостаточности. А за все те годы, что Джефф знал его, тот ни разу не пожаловался на сердце. У Джеффа было только одно объяснение этой смерти.

Вызывающее дрожь, неотвязное, подавляющее ощущение, которое Джефф пережил в том доме и ухитрился постепенно стряхнуть с себя, должно быть, захватило Брюса врасплох со смертельным результатом.

Только Джефф, стойко перенесший все прежние приключения, мог определить существование невидимого ужаса, который исходил, казалось, от стен этого дома, ужаса, словно вобравшего в себя убийственную силу, дабы излить ее на всякого, кто осмелится бросить ей вызов!

После дознания дом закрыли. Годами он оставался незанятым, все более и более ветшая. В течение всех этих лет Джефф Шелби старался забыть о той трагедии, которая унесла жизнь его лучшего

друга Брюса Барлоу. Но часто он просыпался по ночам, вспоминая ужасную темноту, и снова слышал те панические удары.

Слышал ли их Джефф Шелби в действительности? Этот вопрос он задавал не только себе, но и людям, занимающимся психологией. Они пришли к следующему заключению.

Возможно, Брюс слышал какие-то странные звуки, потом увидел необычную фигуру и наконец почувствовал, что вступил в смертельную схватку с какой-то неизвестной силой. Он вспомнил о сигналах и дал их, но слишком поздно. К тому времени сила полностью материализовалась из нереальности в реальность, из этого следует, что потом она вернулась в нереальность и была поглощена окружающими стенами.

Эта теория граничила со сверхъестественным. Те, кто придерживался обычного взгляда, считали, что Брюс во сне перенес инфаркт. Это создало иллюзии в его воображении — слуховые, визуальные и ощущение надвигающейся опасности. В отчаянии он мысленно передал обещанные удары как единственный возможный контакт своему другу. Уже настроенный на эту волну, Джефф уловил эти телепатические вспышки и поверил, что удары были реальными, какими они до некоторой степени и были для столь чувствительного ума.

Несколько лет спустя у этого случая были трагические последствия. Находясь в увольнении, два матроса попали в заброшенный дом на Рэдгейт-Сквер и стали искать место для ночлега. Естественно, они выбрали место, где, по их мнению, их вряд ли найдут и прогонят. Им оказалась внутренняя спальня в глубине четвертого этажа. Там они сдвинули кровати и погрузились в сон.

На следующее утро одного матроса нашли мертвым во внутреннем дворе. Второго подобрали на улице в полной невменяемости. Из Нью-Йорка вызвали Джеффа Шелби, чтобы он дал показания в пользу обвиненного матроса. Он так и сделал. В один из моментов просветления выживший матрос был в состоянии рассказать, что произошло с ним и с его товарищем.

Вот что он поведал:

— Я проснулся. Что-то приближалось к моему другу. Я не знаю, что это было, но он крикнул: «Я слышу это! Я вижу это! Оно схватило меня!» И тогда он вырвался из этого кошмара, убегая к окну, хватая руками воображаемую решетку, да только ее там не было, и он вывалился в окно. Но тьма все еще была здесь, поворачиваясь, чтобы идти на меня, и я не стал ее дожидаться. Тьма настигла меня в дверях, но я рванулся от этой силы и выбежал в коридор, потом вниз и на улицу...

Услышав это, Джефф Шелби подумал, что и он мог пережить это, если бы тоже спал во внутренней спальне, как собирался. В случае с охотниками за привидениями тьма, убившая Брюса Барлоу, нашла свою добычу и растворилась, прежде чем другая жертва вошла в спальню.

ЗАГАДКА ГРОБНИЦЫ

Пассажирский лайнер «Странник» как раз обогнул Дельфиний Мыс, когда Ирэн Морроу в первый раз увидела Клифф Айлэнд. Ее брат Рой показал, как он появляется в поле зрения, и Ирэн воскликнула:

— Какая красота! Это очень, очень здорово!

Вид действительно был великолепным: группа серых крутых обрывов возвышалась, как стены и башни заколдованного дворца, плывущего по чистому голубому небу. Когда лайнер повернул к востоку от острова, гранитные вершины заблистали в свете заходящего солнца, словно на страницах волшебной сказки.

Когда судно подошло ближе, остров, казалось, увеличился в размере, создавая другую удивительную иллюзию. Неожиданно темный мыс закрыл солнечный свет, и вода скрылась под пеленой мрака, разреженного только известковой белой пеной волн, разбиравшихся о холодные серые камни внизу. В одно мгновение сияние исчезло, и остров стал дряхлым и отталкивающим. Перемена поразила Ирэн, поскольку она повторяла свои слова с энтузиазмом, заставляя себя умерять их:

— Это очень, очень красиво! Но, вместе с тем, странно и нечисто.

В каком-то смысле перемена была жуткой. «Странник», казалось, разобьется о скалы. Но Джерри Лейн, молодой шкипер, умело направил судно в порт, почти задевая коварные буруны.

Прямо впереди Ирэн увидела трещину в скалистой стене. Она расширилась, и поток света хлынул через зазубренную брешь, возвращая угрюмым черным утесам их сверкающее обличие.

— Мы идем в Миддл Харбор, — крикнул Рой, перекрывая шум волн. — Не позволяй Джерри испугать тебя. Он и в самом деле знает этот пролив.

Пролив, о котором говорил Рой, вился между высокими утесами. После смены света и тени, лайнер вошел в удобную бухту, где несколько дюжин быстроходных катеров и пароходов были пришвартованы вместе с опрятными рыболовецкими шхунами и пестрой командой выдавших виды рыбацких лодок.

С короткого пирса выдавался трап, вниз, к бую, где прибывшее судно могло пришвартоваться независимо от прилива или отлива, который в этой части побережья Новой Англии был очень силен.

Вскоре Ирэн и Рой оказались со своим багажом на берегу. Нес его долговязый мужчина с таким же бугристым лицом, как утесы острова. Он отнес сумки к выдавшей виды машине, настолько старой, что сразу было понятно: ее владелец был одним из давних поселенцев. На ней была яркая надпись:

ДЖ. КУППИ
ТАКСИ

Поселение возле причала было сочетанием рыбацких и туристских лачуг с почтой, несколькими магазинами и ресторанчиками, где готовили блюда из даров моря. Но на склонах холма над причалом были многочисленные коттеджи постройки начала XX века. К ним вели извилистые дорожки и тропинки с высеченными в скалах ступенями. Они были здесь самыми короткими дорогами. Тут Рой отвел сестру на самый край пирса и показал на уступ на самом верху. На этой доминирующей высоте Ирэн разглядела новое, «с иголочки», ранчо, краснеющее в солнечном свете.

— Вот что я хотел тебе показать, — сказал Рой. — Это и есть наше жилище. Самое современное строение на всем Клифф Айлэнде с лучшим видом.

Одухотворенное лицо девушки озарила благодарная улыбка. Она уже собиралась сказать, что место — отличное и это видно даже на расстоянии, когда Куппи погрузил в машину последнюю сумку. Поэтому они заспешили к древней машине.

— Куда вас отвезти, мистер Морроу?

— На скалу-башню, — ответил Рой. — Мы живем там на новом ранчо.

Мистер Куппи словно окаменел за рулем. Потом медленно повернул худую красную шею и долго смотрел на пассажиров блестящими, как у индюка, глазами. Затем сделал такое движение, словно собрался выйти и выгрузить багаж. Потом, не сказав ни слова, уставился прямо перед собой, завел старый двигатель и повел машину в гору.

Вид постепенно становился все более красивым, пока они поднимались по извилистой дороге. Миддл Харбор являла собой постоянно меняющуюся картину. Сквозь расщелины между скалами виднелся океан. На самой вершине острова было плато, гладкое, как блюдце, и океан был виден с четырех сторон, с заливом на западе, усеянном островками. В той стороне заходящее солнце сочетало малиновый, золотой и пурпурный цвет в одном величественном аккорде.

Такси живо понеслось вверх по выходящему склону, проехало участок голой каменной земли, свернуло в сторону от густого хвойного леса, со скрипом проехало четверть мили по дорожке и остановилось на задворках дома.

Вместо того, чтобы воспользоваться въездом, шофер остановился на дороге, выгрузил багаж и, пока пассажиры выходили из автомобиля, сказал:

— Один доллар.

Когда Рой вручил ему деньги, он сел в машину и проговорил:

— Я должен как можно скорее вернуться в порт. Туда входит «Графиня».

С этими словами он развернул автомобиль и помчался вниз, а Ирэн поинтересовалась, кто такая графиня.

— Это судно, — объяснил Рой. — Пароход с материка. Но он приходит не раньше девяти часов. Не понимаю, что случилось с Куппи.

— А я понимаю, — произнес бодрый голос за их спинами. Ирэн повернулась и увидела веселого молодого человека с копной светлых волос.

— Я наблюдал из нашей башни из слоновой кости и ожидал увидеть нечто подобное.

— Это Алан Блаунт, — представил его Рой. — Он помогает мне изучать морские окаменелости. Продолжай, Алан. Почему Куппи не стал относить наши вещи?

— Потому что никто на Клифф Айленде ногой не ступит на пагубную землю, окружающую скалу-башню. Дорога — разграничительная линия. Вы увидите людей, гуляющих на другой стороне с таким видом, будто мы им говорим: «Гуляйте на своей стороне, а эта — табу». Идиотское суеверие, вот и все.

Ирэн улыбнулась, вспомнив много мест, где она бывала. Там существовали странные обычаи и дикие предрассудки, но они ее не волновали. Кроме того, она не хотела, чтобы на острове ей докучали визитеры. Сюда она приехала по заданию своей компании, «Международной Металлургической Ассоциации». До этого она совершила поездку по Южной Америке, и ей поручили перевести и сократить все доклады дочерних компаний с испанского и португальского на английский, и у нее было работы по крайней мере на два месяца.

Рой, профессор биологии в федеральном университете, слышал об удивительном ранчо и снял его на то время, пока изучает ископаемые. Поэтому Ирэн решила свою работу сделать там. Ей понравился дом, когда через заднюю дверь они вошли в современную кухню, где Рой жестом указал на две спальни справа и сказал:

— Это холостяцкие покои для Алана и меня. А ты, сестренка, будешь хозяйкой левого крыла. Оно планировалось как гараж, но на Клифф Айленде ни у кого нет машины, иначе Куппи разорится. Поэтому хозяева превратили его в студию с застекленной дверью. Иди посмотри!

Эта комната сразу стала комнатой грез. Из этого окна-двери она видела весь залив с безграничным океаном позади, в то время как через боковое окно был виден хвойный лес и полоса скал подле вьющейся дороги.

Каждое утро Алан и Рой уходили рано, а Ирэн начинала работу над переводами, временами откладывая работу, чтобы посмотреть из большого окна на вид столь же разнообразный, сколь и красивый, поскольку настроения океана и облаков часто сменялись. А иногда

Ирэн погружалась в мечты, когда настоящее блекло и все казалось таким далеким, как безграничное море. И всякий раз она возвращалась к настоящему из-за того, что чувствовала, как за ней следят чьи-то глаза и кто-то подкрадывается сзади.

Тогда девушка ускользала от этого наваждения, часто с невольным визгом. Вокруг себя она видела подплывающие языки мрака, которые постепенно таяли. После таких переживаний Ирэн почувствовала тягу к человеческому общению. Тот факт, что островитяне считали этот уступ табу, наградил дом некоей силой. Ирэн мчалась к задней дорожке. Там она чувствовала себя в безопасности, хотя рядом никого не было.

Временами она успокаивалась, совершая прогулки к еловой роще с красивыми деревьями, удивительно зелеными, в сравнении с остальным серым ландшафтом плато. В ярком солнечном свете на вечнозеленых растениях отдыхал глаз. В пасмурные дни или при сочных оттенках раннего захода роща становилась темно-зеленой и поглощала собой страхи Ирэн.

Скалы за рощей были типичным образчиком островной обветшалости. В ста футах справа от рощи несколько сотен тяжелых камней было сложено в кучу по крайней мере 30 футов в поперечнике и 15 футов в высоту. Этот холм интересовал Ирэн, поскольку был рукотворным. Она проходила возле него ближе к вечеру, когда срезала дорогу к тропинке, ведущей в порт. Там она встречала Роя и Алана, когда они приплывали на «Страннике». Нередко она заглядывала на биржу труда, где пыталась найти женщину для помощи по дому, но стоило ей заикнуться о скале-башне, как под рукой никого не оказывалось.

Иногда Ирэн и Алан ели рыбу в каком-нибудь ресторане. Почти всегда они поднимались на гору в такси Куппи, но однажды весь океан стал массой белых валов, образованных низким цепляющимся туманом, крадущимся к отвесным стенам острова. К тому времени, пока Ирэн добралась до порта, она могла различать только суда береговой охраны, стоящие там на якоре. Оттуда громкоговоритель называл имена и давал информацию о судах, находившихся в открытом море. Одно объявление гласило: «Мисс Морроу — Мисс Ирэн Морроу — сообщение со «Странника» — он застрял из-за тумана в Порт Кизрион — вернется в Миддл Харбор завтра».

Ирэн пообедала одна в ресторанчике на причале и задержалась допоздна в надежде на то, что туман рассеется, но видимость ухудшилась ненадолго. Она нашла Куппи, который спал в своей машине, разбудила его, и они отправились наверх, причем Куппи вел машину на самой низкой скорости. Девушка решила, что самое время получить из первых рук информацию о табу скалы.

— Я не буду просить вас довезти меня до самых дверей, — начала

она, — но я хочу знать, почему жители острова не ходят на скалу-башню.

— Ну, на скалу наложено заклятие, — ответил Куппи. — Какое-то заклинание, до сих пор не снятое. Люди видели там странные существа, которые превращаются в гигантских мышей.

— Если вы о вампирах, — парировала она, — то это чужь. Я видела летучих мышей-вампиров в Южной Америке, но они нападают только на скот, вот и все.

В этот момент в свете ярких фар появилась летящая фигура. Ее крылья, вырисовываясь в тумане, напоминали лапы мамонта. Расптаные нервы Ирэн были так натянуты, что она взвизгнула, но, чтобы не показывать свою слабость, уменьшила крик до «И-и-и-к!» Ответное «И-и-и-к!» донеслось от странной твари, которая мгновенно исчезла, оставив только белесый вихрь тумана. Ирэн решила, что это была обычная летучая мышь, чьи пропорции туман увеличил до гигантских размеров. Когда они подъехали к ранчо, Куппи предложил:

— Послушайте, мисс Морроу, я разверну машину так, что свет фар осветит вам дорогу к дому, чтобы ничто не могло приблизиться в темноте...

— Вы о вампире? — встала Ирэн. — Типа того, которого мы только что видели?

— Я не уверен, что мы его видели, — ответил Куппи. — Самое страшное, что люди здесь видят — это желтые глаза. Они появляются из той еловой рощи. — Он жестом указал на зловещую тьму справа. — Но послушайте, мисс, если вы, добравшись до ранчо, плотно запрете окна и двери, ничто к вам не сможет подкрасться, даже туман. Вот все, что я могу вам сказать.

Куппи осветил фарами дорогу к дому, и Ирэн пошла по ней. Едва она очутилась внутри, Куппи отключил фары, очевидно, считая, что из-за тумана их свет был слишком слабым. Затем отправился вниз по дороге, и Ирэн вошла в студию-гараж, откуда взглянула в сторону еловой рощи, гадая, увидит ли желтые глаза. И тут она неожиданно их увидела. Маленькие желтые шарики сверкали из клубов тумана, словно удаляясь. Ирэн было интересно, видит ли их Куппи из своей машины. Потом, когда ее нервы были уже на пределе, она расхохоталась истерично, но радостно.

Эти желтые глаза были задними фарами машины Куппи. Их красные стекла разбились много лет назад, остались только яркие лампочки, как желтые глаза. Ирэн решила, что, когда Куппи ехал мимо рощи, именно тогда впервые показали тусклые задние фары, повернувшись под новым углом.

Ирэн очень хотелось, чтобы эта душераздирающая ночь закончилась, вместо этого она только начиналась. Когда она открыла входную дверь, чтобы впустить воздух, в комнату ворвался туман. Когда она захлопнула дверь, он спрессовался и стал походить на живое су-

щество. В нем была притягательная сила, создававшая фантомы. Глядя из окна, она увидела фигуры, напоминавшие летящих вампиров. Она бегала, закрывая окна и запирая двери, пока не рухнула в большое кресло в гостиной, истощенная физически и морально. Все лампы горели, но она все еще боялась, пока не заснула так крепко, что, когда проснулась, вскочила дрожа.

Все огни еще горели, но их свет поглотил ослепительный день. На Ирэн смотрели не призрачные, а настоящие лица, принадлежавшие ее брату Рою и Алану, его ассистенту. Было утро, туман рассеялся, и они вернулись на «Страннике». Когда Ирэн рассказала, что произошло, они закивали.

Их собственная работа была настолько напряженной и ограничивающей бортом «Странника», что рассказы Ирэн об угнетенном состоянии и плывущей тьме поразили их и заставили считать результатом ее напряженной дневной работы и отсутствия общения. Одна ночь в одиночестве сняла ее копившееся нервное напряжение. Теперь Рой и Алан решили остаться дома. Вечером они гуляли с Ирэн, рассматривали созвездия, в свете которых земные заботы казались незначительными.

На следующий день Рою пришла в голову другая идея. Он сказал сестре:

— Мы с Аланом поговорили и хотим, чтобы ты поехала с нами в порт Киэрион. Пока мы будем изучать морские звезды вместо небесных, ты можешь отправиться в библиотеку и порыться в истории Клифф Айлэнда. За этой чепухой, касающейся скалы-башни, может что-то скрываться, так что давай докопаемся до самого дна.

Порт Киэрион в большой степени походил на Миддл Харбор.

Там Ирэн увидела «Графиню», похожую на бочку, — маленький двухпалубный пароход. С его борта сходили туристы. «Графиня» только что вернулась из утренней поездки к островам Рыбацкого Залива, самым дальним из которых был Клифф Айлэнд.

В библиотеке Ирэн сказала, что ее интересует Клифф Айлэнд, осторожно умалчивая, какая именно его часть и что ей особенно интересна его история. Ко времени встречи с Роем и Аланом за ужином в одном из больших портовых ресторанов, Ирэн была уже хорошо ознакомлена с этой темой. Но она подождала момента, когда «Странник» устремился через залитый лунным светом залив, назад к их пристанищу, с Джерри Лейном у руля. Тогда она уселась в кубрике с Роем и Аланом и начала рассказ:

— Очевидно, этот остров был заселен французами в начале 1600-х, — говорила Ирэн, — и они удерживали его вплоть до 1715 года.

— Это не удивительно, — вставил Рой. — У них было много внешних постов, которые они охраняли от британцев.

— В этом случае они их действительно удерживали, — сообщила девушка. — Утесы были фортами, французские крестьяне выращивали зерновые на плато, растили скот, но рыболовство резко сократилось, когда Миддл Харбор захватили англичане. Поэтому около 1700 года для захвата власти сюда был послан французский пират. Лезанг, так звали нового коменданта, прибыл в Миддл Харбор на корабле «Приключение». Первое, что он сделал, это построил цитадель на высоком краю плато, прямо там, где мы с вами живем. Вот почему это место называется скала-башня. Он всегда зажигал маяк на вершине, которую называли Кэп Бек, или Мыс Ключ, известный теперь как Сигнальный.

— Я знаю Сигнальный Мыс, — сказал Рой. — Мы покажем его тебе, когда будем неподалеку. Но продолжай рассказ, сестра.

— Прибытие «Приключения» вызвало огромную радость, — продолжала она. — Но радость омрачилась, поскольку правление Лезанга стало тиранией. Он и его жестокая команда совершали убийства, пытали беззащитных пленников и внесли ужас в жизнь острова. Наконец пришли англичане, разбомбили цитадель и захватили остров. Население уплыло прочь, и прошли годы, прежде чем остров снова заселили.

— А что случилось с комендантом Лезангом? — спросил Рой.

— Он исчез, — пояснила Ирэн. — Сбежал на лодке в другой порт. Согласно еще одной версии, он был убит во время атаки. Говорят даже, что его убили раньше, но его дух вернулся и командовал во время штурма башни.

— Это может быть основой для слухов о вампирах, — согласился Рой. — В старых архивах ты ничего такого не встречала?

— Да. В тумане видели странные желтые глаза. Какое-то ужасное чудовище нападало на людей и перерезало им горло. Несколько человек исчезли подобно Лезангу.

— Совсем исчезли? Бесследно?

— В некоторых случаях — да. Но далеко в море находили их плывущие тела, а в других — трупы были в глубокой яме, над которой и была построена старая башня.

— Которая теперь служит местом погребов, — мрачно заметил Рой. — Не удивительно, что это место действует тебе на нервы. Я не могу винить людей за их нежелание приближаться к этому месту.

— Теперь я уверена, что смогу с этим справиться, — твердо сказала девушка. — Я хохотала от души, когда эти глаза оказались задними фарами такси. Однако, возьмите себя в руки, я собираюсь рассказать вам самую страшную легенду из всех. Когда начинается полнолуние, в Миддл Харбор входит «Приключение». Тогда все эти силы всюду расползаются.

— Ты имеешь в виду, все, о чем рассказывала?

— И более того: как только появляется корабль-призрак, обязательно возникает и дух Лезанга. Эта легенда никак не умирает.

— Забавно, — вставил Алан. — Мы говорили в Миддл Харбор со множеством людей, но никто не рассказывал о подобных вещах.

— Потому что это — последнее место, где говорят о подобных вещах, — объяснила Ирэн. — Мисс Лэйм, библиотекарь, рассказывала, что островитяне уверены, будто это повредит туристскому бизнесу, поэтому они даже запретили все почтовые открытки, имеющие отношение к этим вещам. Они были популярны лет двадцать назад, и мисс Лэйм указала мне магазинчик, где продолжается тайная торговля ими. Там я и купила несколько штук.

Торжествуя, Ирэн достала пачку открыток, которые были внимательно рассмотрены Роем и Аланом. На первой была скала-башня в ее запущенном состоянии, на другой мастерски была изображена цитадель Лезанга. Другая открытка называлась «Заколдованная роща», на ней виднелся еловый лес. Еще одна открытка была озаглавлена «Древнескандинавские развалины». Следующая изображала Сигнальный Мыс во всем блеске, где крупным планом был снят высокий уступ, с которого свешивались тысячи летучих мышей. Это открытка называлась «Поселения летучих мышей на Клифф Айлэнде».

— Согласно данным книги из библиотеки, — заявила Ирэн, — те гнездовья дано очищены. Теперь местные жители делают вид, будто никогда о них не слышали.

— Некоторые особи наверняка выжили, — профессионально заметил Рой. — Ты видела одну той ночью, но Куппи в это не верит.

Теперь они проплывали мимо «Графини», возвращавшейся с вечерней экскурсии, а впереди лежал Клифф Айлэнд, более странный, чем когда-либо, хотя Ирэн была готова увидеть его мрачные вершины более уверенная в себе. Рой показал ей Сигнальный Мыс, и Ирэн поняла, что старый маяк находился очень близко от скалы-башни, но выдавался под другим углом к дороге, поэтому она его никогда не видела. Тут она вспомнила об открытке, которую приберегла напоследок. Достав ее, она сказала:

— А вот и старый корабль «Приключение», входящий в Миддл Харбор. Его нарисовали на фоне фотографии острова, пытаясь достичь призрачного впечатления.

Они показали эту открытку Джерри, и тот определил этот корабль как французский парусник XIX века, поскольку корабль имел три высокие мачты с квадратной оснасткой и высокую корму. Но юный шкипер добавил, что этот рисунок больше походит на рисунок из старинной книги и что, разумеется, это не корабль-призрак, входящий в пролив Клифф Айлэнда, что неправильно было показано на комбинированном фото.

Когда они наконец прибыли в Миддл Харбор и встали на якорь, Джерри спустился в кабину, высунул оттуда голову и улыбнулся Ирэн.

— Я слышал, что вам нужна компания в доме? Я думаю, что могу

вам помочь, — сказал он. С этими словами он достал рыже-белую кошку и вручил Ирэн, причем первая мурлыкала.

— Ее зовут Джинджер, она залезла в трюм в Порт Кларион. Может быть, она будет более счастлива у вас, на скале-башне, чем плавающая на «Страннике».

Ирэн поблагодарила его от всей души и отнесла довольную Джинджер в автомобиль Куппи. Тот, увидев кошку, сказал Ирэн:

— Кошка может вам понадобиться в доме. Похоже, она — неплохая охотница на мышей.

— У этой кошки, — ответила та, — пока не прожиты девять жизней, столько, сколько игроков в бейсбольной команде. Поэтому она охотится не на крыс, а на летучих мышей. Я могу натравить ее на такую мышь, которую мы с вами, мистер Куппи, однажды видели в тумане.

Это привело к тому, что таксист заткнулся. Следующие несколько дней все было спокойно. Потом, однажды тихим вечером, когда Рой и Алан играли в кости в гостиной, а Ирэн погрузилась в свои переводы, случилось новое происшествие. Ирэн отпустила Джинджер одну, и поскольку та не вернулась, девушка вышла через заднюю дверь, прихватив длинный фонарик с пятью батарейками, и отправилась на поиски любимицы.

Сильным лучом фонаря Ирэн осветила Джинджер, вприпрыжку скачущую к еловой роще. Ирэн позвала ее и выключила свет, когда увидела, что кошка возвращается к ней. Ее светлая шкурка придавала ей необычный вид в лунном свете, проглядывавшем сквозь тонкую вуаль облаков. Ирэн смотрела прямо на черную рощу, потом она увидела нечто, заставившее ее усмехнуться. Потом неожиданно она осклась и застыла на месте.

Те самые желтые глаза направлялись прямо из рощи! Смех Ирэн, вызванный воспоминанием о задних фарах такси Куппи, смолк, когда она сообразила, что никакого такси поблизости не было. Глаза увеличились, когда Ирэн нагнулась за кошкой. Затем они совсем приблизились к ней, и она дико замахала фонариком, чтобы отогнать злобно царапающуюся фурию, свирепо набросившуюся на нее из темноты. Наполовину задушенная этим существом, продолжая молотить фонарем, она ринулась к дому, откуда на ее визг вышли Рой и Алан. Они вышли из задней двери как раз в тот момент, когда Ирэн в последний раз взмахнула своей импровизированной дубинкой, а потом упала к брату на руки, все еще прижимая Джинджер. Друзья угадали, что это был за монстр, когда он улетал прочь.

Это был гигантский филин, самый большой из всех, кого они когда-либо видели.

В гостиной, пока Ирэн смазывала свою поцарапанную шею и кисти, Джинджер признательно крутилась вокруг нее. С деланным смехом девушка произнесла:

— Вот частичное объяснение легенды о вампирах.

— Счастье, что сова не обладает ловкостью кошки, — сказал Рой, — учитывая, что такой филин может унести шимпанзе, кошка для него — не тяжесть.

В течение последующей недели Ирэн нашла новый подход, помогавший ей работать и сохранить бодрость. Она прерывала чары прошлого, болтая с кошкой. Для разнообразия предпринимала короткие прогулки по полям. Вскоре она нашла отличное место на Сигнальном Мысе, с которого открывался лучший вид на острове.

В этом уступе было странное очарование. Часто, приближаясь к нему, она слышала зовущие голоса: «Ирэн! Ирэн!» Она улыбалась, узнавая крики чаек, парящих над морем. К этому времени слышала эхо «Ирэн! Ирэн!» и смотрела прямо вниз на ревущий прибой в ста футах внизу. Наклонясь еще больше, она могла видеть узкую полосу каменистого пляжа, где разбивались упорные буруны, пенясь и отступая после каждого поражения.

Когда Ирэн привыкла к этой сцене, стала для нее еще более приятательной. Ее словно магнитом тянуло к краю уступа, и она больше не боялась. И однажды, когда она смотрела вниз, весь мир поблек, кроме этого захватывающего шума далеко внизу. Полузакрыв глаза, Ирэн почувствовала, что наклоняется дальше, дальше и дальше, пока сзади не раздался голос:

— Вы будете в большей безопасности, если отступите назад.

Ирэн обернулась с испуганным криком. Она почти оступилась на краю, но говорящий предвидел это, его быстрая рука схватила Ирэн железной хваткой, и он сильным рывком оттащил ее на 12 футов от предательского края, прежде чем она взглянула в его серьезное, но вместе с тем доброе лицо. Ирэн с удивлением отметила, что мужчина был весьма пожилым, несмотря на удивительную силу и юношескую энергию. Она смутно вспомнила, что видела его внизу, в порту.

— Я доктор Фельтон, — сказал он. — Работаю на острове. На этой неделе мне выделили неплохой подержанный автомобиль, фургон. Единственную машину на острове, кроме такси.

Ирэн увидела машину, когда они ушли с Сигнального Мыса и отправились к скале-башне. Она была припаркована там, где всегда останавливался Куппи.

— Я использую ее как карету «скорой помощи», — объяснил доктор Фельтон, — но в вашем случае она бы не пригодилась. С этих скал долго лететь вниз.

— Я знаю, — Ирэн кивнула. — Мне не следовало так приближаться к краю. Но как вы узнали, что я в опасности?

— Я приходил сюда каждый день, — ответил доктор, — проводить больного фермера на окраине острова. Каждый день я возвращался в одно и то же время и видел, как вы смотрите через край. Вы все время придвигались ближе к краю. Это мне не нравилось.

Они дошли до входной двери ранчо.

— Может, зайдете? — сказала она и, когда доктор кивнул, радостно воскликнула: — О, да вы — единственный человек на острове, который не боится ходить сюда.

— Я не островитянин, — ответил доктор. — Я вышел на пенсию несколько лет назад, и приходской совет назначил меня здешним врачом. Но я все знаю о скале-башне.

Его серые глаза сузились, но остались такими же добрыми.

— А возможно, я не все о ней слышал. Вы можете рассказать мне больше.

Ирэн села в большое кресло и начала ласкать Джинджер, которая, мурлыча, устроилась у нее на коленях. Несмотря на то, что ей хотелось говорить, Ирэн спросила:

— О чем?

— Ну, например, о царапинах у вас на шее и на руках, — предложил доктор Фельтон. — Вы получили их, разумеется, не от этого дружелюбного зверька.

— Это сова, — сообщила Ирэн, — огромная сова, от которой я спасала Джинджер. Я видела огромные желтые глаза, надвигающиеся на меня из леса.

— И еще раньше вы слышали об этих глазах. Вы, должно быть, испугались?

— Да, — ответила девушка, благодарная доктору за понимание. — А однажды я видела еще и летучую мышь. Днем я видела плывущую тьму, а ночью — клубящийся туман, но теперь такие вещи на меня не действуют...

— Кроме прогулок на утес. У других людей тоже была такая тяга.

— Вы хотите сказать, в этом есть что-то сверхъестественное?

— Я хочу сказать: не пугайтесь, что бы ни случилось. Вам не случалось видеть оснащенный корабль, входящий в залив в полнолуние? Вроде корабля-призрака?

— Нет, но я слышала об этом, — призналась Ирэн, — и мне известно, что это значит. Доктор, действительно что-то есть в этой легенде о вампирах и французе по имени Лезанг, жившем более двухсот лет назад и, тем не менее...

— И, тем не менее, все еще, может быть, живом? — Доктор Фельтон медленно покачал головой. — Трудно сказать, где кончается легенда и начинаются факты. Вы — разумная молодая леди, и я могу сказать вам следующее: я был во многих частях света и везде встречал те же табу, те же предрассудки, необъяснимые случаи, столь часто объясняемые одними и теми же причинами, и, возможно, от этого у них так много общего. На Клифф Айлэнде было много странных смертей.

— Я знаю, — согласилась она. — Некоторые случаи упоминались в старой книге из библиотеки в Порт Кирион.

— Я говорю не о том, что есть в старых книгах, — продолжал доктор. — Я о том, что в последние годы писали газеты. Одну женщину нашли мертвой в заколдованной еловой роще, она была ужасно исцарапана. Из вашего собственного опыта вы можете предположить, что виновна сова, но я думаю, что ее раны были намного серьезней тех, что может нанести любая сова.

В трех разных случаях люди упали со скал, один из них — как раз с того самого места, где вы были сегодня. Во всех случаях их привело к смерти какое-то злое, необъяснимое влияние. Люди видели гигантских летучих мышей, а не маленьких, казавшихся большими. А некоторые просто исчезли с острова.

Становилось поздно, и доктор заметил, что Ирэн нервничала, становилась беспокойной. Он спросил, в чем дело, и, когда она сказала, что должна встретить Роя и Алана, предложил подвести ее на причал в своей машине. Ирэн согласилась и, когда приплыл «Странник», представила Роя и Алана доктору. А потом они вместе поужинали в ресторане на свежем воздухе, куда долетали брызги от катеров.

Но их разговор, не похожий на принятую на причале веселую болтовню, касался очень серьезных дел. Многое, включая легенды острова и разговоры о вампирах, было весьма интригующим, но, вместе с тем, становилось еще более жутким, чем больше они это обсуждали. Когда доктор узнал, что в Южной Америке Ирэн видела летучих мышей-вампиров, он улыбнулся.

— Так вот где вы узнали, что вампиры растворяются в черных пятнах или в тумане, — сказал он. — Это значит, что все могло быть игрой вашего воображения. Однако, я чувствую, вампиры влияют на вас, и после первого провала они прибегли к незнакомым вам методам.

— Вы имеете в виду то, что манит меня к Сигнальному Мысу, чтобы столкнуться?

— Не столкнуться, а держать вас там, в колебании между «стой» и «иди», говоря современным языком. Невидимое создание — им может быть пресловутый Лезанг — ждал темноты, когда его сила достигает максимума. Затем он мог материализоваться в твердое тело и убить вас, как подобает вампиру. После этого он бросает вас вниз и зарабатывает алиби.

Рой энергично возразил:

— Да что вы, доктор! Только не говорите нам, что вампиры нуждаются в алиби.

— Разумеется, оно им необходимо, — продолжал тот более серьезно. — Как может чудовище вроде Лезанга продолжать свою жизнь, я бы даже сказал, существование, если только мы о нем не знаем? Еще в средние века простодушные крестьяне узнавали таких созданий и продолжали избавляться от них. А сегодня мы даем дурацкие объяснения. Мы виним летучих мышей, разбитые фары, свиные гла-

за, а не зловещее влияние вампира, которым они являются на самом деле!

Доктор Фельтон помолчал, чтобы его спокойное утверждение усвоилось, затем обратился к Ирэн и мягко сказал:

— Поскольку вы поддались влиянию вампира, он дожидается, чтобы сделать вас следующей жертвой. Мы должны быть готовы к этому удару.

— Это значит, что я — подопытный кролик, — сказала Ирэн.

— Вы — удивительный подопытный кролик, который может снять заклятье трех веков и все же остаться невредимым, если мы примем необходимые меры предосторожности. Поверьте мне, мисс Морроу, — в серых глазах доктора была искренность, — если бы я мог сам быть приманкой в этом эксперименте, я был бы очень рад. Вы знаете, как много жизней унесено. Могу заверить вас, что, если мы раз и навсегда не остановим это дьявольское создание, опасности подвергнется еще больше людей. Вы понимаете?

— Понимаю. Если, по вашим словам, вампир на меня влияет, я должна быть больше всех заинтересованной в том, чтобы остановить это навсегда. Но сначала я должна увидеть корабль.

— Это было бы кстати, — кивнул доктор. — Настоящий или воображаемый корабль покажет, когда вампир решит, что вы готовы стать жертвой.

Рой и Алан с того вечера держались скалы-башни. Иногда один из них выходил в море, но другой всегда был поблизости. Вечера оба коротали на ранчо, помогая девушке готовить ужин, поскольку там она неотлучно ждала корабль-призрак, который, по крайней мере, в ее воображении, становился вполне реальным.

Временами Ирэн выходила под сияющий лунный свет и гуляла, доходя до Сигнального Мыса. Она выходила одна, чтобы не рисковать снятием заклятья. Рой и Алан наблюдали из окна студии, готовые выбежать, если она слишком приблизится к краю утеса или если ей будет угрожать любая другая опасность. Но девушка всегда была осторожна и вскоре возвращалась в дом.

Потом пришел вечер, осветивший небо полной луной. Ожидания Ирэн — или это были страхи? — достигли высшей точки, когда Куппи привез Джерри Лэйна, у которого было сообщение для Роя.

— Поступило предупреждение о тумане, — говорил шкипер. — Думаю, вам это важно знать, если вы едете в Порт Квирион. Единственная возможность попасть туда, это отправиться в путь прямо сейчас.

— Никто туда не поедет, — ответил Рой, — отправляя такси вниз и пошли играть в карты.

— Потому что ты останешься у нас на всю ночь, Джерри, — добавил Алан. — И уж поскольку ты здесь, ты поможешь нам следить за вампирами. Когда туман, они любят околачиваться поблизости.

Воспоминание заставило Ирэн вздрогнуть. Потом она решила, что, если туман сгустится, она никогда не увидит корабль-призрак.

— Я в последний раз выйду посмотреть на лунный свет, — сказала Ирэн трем мужчинам. — Не беспокойтесь. Я вернусь.

— Уж лучше вернись, — ответил Рой, — и, в любом случае, мы наблюдаем за тобой.

Полная луна поднялась достаточно высоко над мгlistым горизонтом, ясно осветила залив вплоть до маленьких лодок, несмотря на сгушавшийся над морем туман, чьи странные проделки наблюдала Ирэн. В широкой полосе света, идущей от луны через плещущие волны к подножию Сигнального Мыса, Ирэн увидела белую лавину, которая раздулась как пузырь и плыла вперед. За ней следовала другая, потом третья; по мере их приближения к берегу они стали белыми парусами полностью оснащенного корабля!

Это действительно был корабль, поскольку Ирэн видела под парусами темноватую линию, которая поднималась с одного конца, а с другого шла к длинному носу. Это не могло быть иллюзией, — Ирэн видела каждую деталь старой квадратной оснастки судна, на котором Лезанг с командой головорезов приплыл в Миддл Харбор три века назад!

Ирэн хотелось бежать обратно в дом и рассказать об этом остальным, но она не могла оторвать глаз от фантастического зрелища, боясь упустить его. В быстром порыве, сознавая, что она делает, она медленно и упорно пошла к краю утеса. Она знала, что это заставит Роя и Алана бежать ради ее спасения: Но, прежде чем они прибежали, корабль с парусами достиг пролива и скрылся из вида в его расселине.

— Я видела «Приключение»! — воскликнула Ирэн, когда они оттащили ее от края. — Подождите его — вы увидите, как он входит в гавань через пролив.

Но корабль не спешил показываться снова, и теперь, гонимый ветром, который сам не мог проникнуть в расщелину, с моря в залив ворвался густой туман. В тот миг, когда Ирэн показала на нос и фок «Приключения», вместе с ним в залив вошел туман; корабль был окутан им настолько, что только Ирэн смогла разглядеть его.

— Вот он, — сказала Ирэн. — Я видела достаточно для того, чтобы судить.

— А мы видели достаточно, для того, чтобы верить тебе, сестренка, — отозвался Рой. — Давайте вернемся в дом.

— Был ли это корабль или нет, — добавил Алан, — будем сегодня наheckу.

Полчаса спустя на своем автомобиле подъехал доктор Фельтон и остановился у ранчо. Он с энтузиазмом воспринял сообщение Ирэн о виденном ей корабле-призраке и одобрил то, что она находится под защитой трех мужчин.

— Я иду проведать своего пациента, — сообщил доктор, уходя. — Мне нет необходимости заезжать на обратном пути, Вы прекрасно контролируете ситуацию.

Спустя час Ирэн пошла в студию и постаралась расслабиться. Она несколько раз судорожно просыпалась, и всякий раз взгляд в большое окно говорил ей, что лунный свет все еще ясен, хотя над уступом медленно поднимался туман. Раз десять Ирэн проверяла боковое окно, закрыты ли его металлические створки. Не считая слабого тумана, все было видно как днем, только картина была бесцветной.

Еловые лапы слились в одно сплошное пятно, но под ним Ирэн видела прямые, словно карандашом нарисованные стволы. В лунном свете каменистая почва приобрела серебристый оттенок. Особенно серебрилась груда камней, образующих неудавшуюся насыпь, которая, согласно одной легенде, была руинами башни, построенной викингами во время их первого визита в Америку.

Либо клубы тумана вызвали иллюзию движения на серебристой картине, либо Ирэн снова привиделись темные пятна, но ей показалось, что от насыпи к роше что-то скользнуло. Потом она снова взглянула на темные деревья, зачарованные лунным светом, и вокруг нее поблек весь мир, поскольку она была заворожена появившимися из тьмы блестящими желтыми глазами.

Эти глаза увеличивались, подпрыгивая и зависая выше деревьев. Потом Ирэн ужаснулась, когда увидела, что они принадлежат гигантскому созданию с распростертыми руками, очертаниями напоминавшему летучую мышь, но действовавшему, как человек. Ведь, вместо того, чтобы лететь, оно приближалось огромными скачками, пока не закрыло все окно.

Ирэн положила руки на подоконник и оказалась лицом к лицу с чудовищем из мрака. Это было лицо человека, темно-желтое, сохшееся, как скорлупа сухого кокоса, с длиннющими острыми зубами, торчащими из безгубого рта, над которым располагался огромный нос. Руки этого существа царапали стекло справа и слева от лица. Они напоминали когти, которые, подобно лицу, обладали человеческими пропорциями.

Загипнотизированная этим взглядом, Ирэн не могла ни двигаться, ни даже думать. Она походила на испуганную птичку, прикованную к месту взглядом змеи, ведь на таком близком расстоянии горящие желтые глаза были еще страшней, чем их видела Ирэн в самых страшных и диких снах. Плотное закрытое окно было единственной гарантией ее безопасности, но, как видела Ирэн, оно начало поддаваться.

Острые пальцы работали, подобно ножам, между секциями металлических рам. Сначала длинные ногти, потом тонкие концы пальцев, потом жесткие руки набирали силу хватки. Безгубый рот

показался еще ужаснее, когда раздался звон и стало ясно, что стекло падает с рамы, гнувшейся, как картон.

С окном было покончено, и мерзкое создание влезло в комнату, по очереди просовывая в окно голову, руки и ноги. Более жутким, чем зрелище, был трупный запах разложения, с удушающей остротой распространившийся по комнате, перехватив дыхание девушки, когда она тщетно попыталась завизжать. Затем вампир набросился на нее, его острые когти вцепились в ее шею, широко раскрытые клыки словно готовились нанести страшный укус.

Наконец, несмотря на удушье, прикосновение этих ужасных ногтей высвободило голосовые связки жертвы. За ее визгом, эхом отразившемся от стен студии, последовал стук открывающейся двери, и в студию ворвался свет из гостиной. Показались Рой, Алан и Джерри. Они увидели студию, залитую лунным светом из большого окна, на самой середине которой Ирэн боролась с непонятной массой, которая выдала себя, когда жертва попыталась вырваться.

В этот момент на злобном лице отразилось торжество. Послышалось ворчание. Дерзкая тварь швырнула Ирэн из своих отвратительных объятий прямо на ее спасителей. Когда Рой и Алан подхватили девушку, вампир развернулся, прыгнул к окну, скорчился и полез наружу.

Рой жестом показал, чтобы Джерри занялся его сестрой. Затем с поднятым пистолетом выбежал из центрального входа, в то время как Алан, тоже вооруженный, выскочил через боковую дверь. Они увидели, как монстр бухнулся из окна студии, распростер руки-крылья и побежал в сторону леса длинными зигзагообразными прыжками. Они стреляли, и, несмотря на сумасшедший маршрут монстра, Рой, видимо, зацепил его, поскольку тот завалился на бок, снова вскочил и побежал в другую сторону.

Но, прежде чем он добежал до роши, на него из-под деревьев ринулась группа вооруженных людей. Увидев, что его путь отрезан, скачущая тварь устремила к груде камней, куда не достигали выстрелы. Рой и Алан устремились за ним туда, и к ним присоединились люди из роши, возглавляемые доктором Фельтоном, который, очевидно, убедил нескольких фермеров устроить засадку в роше. Но когда они вскарабкались на скалистую насыпь, там не было никаких признаков монстра. Дьявольское создание бесследно исчезло.

Доктор Фельтон был взволнован, и Рой понял, почему.

— Чудовище напало на Ирэн, — сказал он, — но я уверен, что с ней все нормально.

— Все же лучше посмотреть на нее, — был ответ.

Доктор велел своим людям сторожить эту груду камней, пока он сходит в дом с Роем и Аланом. Ирэн была в порядке, но очень бледна,

скорее от испуга, чем от потери крови. Доктор Фельтон с радостью отметил, что она отделалась несколькими царапинами, вампир не успел ее укусить. Врач обработал раны, и Ирэн нашла в себе силы дойти до руин.

По дороге Рой рассказал, что подстрелил вампира, и эта новость обрадовала доктора.

— Когда эти создания принимают человеческий облик, — сказал он, — они временно теряют то, что можно назвать нечеловеческим иммунитетом. Короче говоря, чтобы материализоваться и набрать силу, они становятся уязвимыми. Мне сказали, что им нужно какое-то время, чтобы перейти из одного состояния в другое.

— Тогда куда делся Лезанг, если он не успел дематериализоваться? — спросил Рой.

— Он спустился вниз, под ту скалистую насыпь. Это там, где мы видели его в последний раз.

— Но с чего ему прятаться в древнескандинавских руинах?

— Это не древнескандинавские руины, — вставил Алан, отвечая на вопрос Роя. — Я поговорил с рыбаками на других островах и узнал, что некоторые их предки жили во времена Лезанга. Они сказали, что это крестьяне острова разобрали замок и камень за камнем сложили его на могиле Лезанга. После они разъехались кто куда, невзирая на то, что англичане хотели, чтобы они остались.

— Так Лезанг был здесь похоронен! — воскликнул доктор Фельтон. — Все видели, как внутрь холма заползали змеи и крысы. Мы только что загнали в ловушку существо, которое может извиваться, как любая змея или крыса. Взгляните!

Доктор поднял длинную палку и начал бросать ее вниз под разными углами в руины, тыкал вокруг и находил трещины размером с фут и больше.

— Эта яма в скале, — пояснил он, — соединена с проходами достаточной ширины, по которым монстр может пролезть вниз. Мы найдем его под камнями.

Никто теперь в этом не сомневался. За холмом установили наблюдение и днем и ночью, пока не разошелся туман и с материка смогли привезти на пароме тяжелые механизмы. Тогда они начали откапывать огромный каменный холм. Пока шли работы, прояснились две вещи. Камни действительно были взяты из цитадели Лезанга на скале-башне, поскольку на многих лежащих внизу камнях еще осталась известка. Кроме того, открылся подземный ход, состоящий из хорошо подпертых полостей, извивавшийся вниз, образуя узкий крысиный ход, по которому осмелился бы пройти только вампир. Наконец груды были расчищены, и они добрались до широкого плоского камня с именем «Лавичнак», высеченном на камне. Это было опознавательным знаком для Алана.

— Рыбаки рассказывали мне о Лавичнаках! — вскричал он. — Это семья первоначально владела островом в течение нескольких поколений. Лезанг потребовал, чтобы ему присвоили их титул. Под этой фамилией его и похоронили.

Под плитой был старый склеп семьи Лавичнаков, с большим погребальным помещением с округлым низким сводом. Там они узнали семейные гробы Лавичнаков; разбитые и разбросанные, от них остались только скелеты. Это, видимо, было дело рук узурпатора, поскольку в единственном целом саркофаге лежало нечто, обтянутое кожей, с длинными острыми зубами и желтыми глазами. Это мог быть только Лезанг, вампир. Его руки, похожие на крылья летучей мыши, были сложены, а когти словно сжались в кулак.

Судя по остекленевшим глазам, доктор решил, что существо было захвачено в середине превращения и оказалось неспособно изменить человекоподобную форму, которую временно приняло.

Он нашел рану, нанесенную пулей, и констатировал смерть. Только доктору не хотелось дожидаться следующего полнолуния, чтобы узнать, может ли оно оживить вампира.

В тот день, несколько позже, Морроу покидали Клифф Айлэнд на «Страннике», отправляясь в круиз, который, они надеялись, поможет им забыть недавние горестные события. Алан Блаунт, плывший с ними, что-то тихо говорил Рою, а тот обратился к Ирэн.

— Взгляни на Сигнальный Мыс.

Над ним поднимался дым. Удивившись, девушка воскликнула:

— Боже мой, кто-то разжег старый маяк, тот самый, который...

— Который когда-то возвестил о прибытии Лезанга, — договорил Рой, когда Ирэн заколебалась. — Только в данном случае он означает его отбытие.

— Что ты хочешь этим сказать, Рой?

— Только то, что доктор Фельтон как врач решил сжечь кучу мусора, а вместе с ней и то, что мы обнаружили в старом склепе.

В полуденном небе высоко поднимался дым, образуя густое черное облако, которое приняло странную причудливую форму, напоминающую летучую мышь. Голова этого существа попала в поток бриза и утончилась из-за яркого солнца, светившего сквозь два отверстия. Они походили на два желтых глаза.

Затем иллюзия распалась, как и истаявший дым. Все, что осталось от Лезанга, вампира с Клифф Айлэнда, — это тлеющий маяк на Сигнальном Мысе.

ESCAPE CLAUSE*

Уолтер Бедекер лежал в постели и ожидал врача. На нем был теплый шерстяной купальный халат, надетый поверх теплой шерстяной пижамы, а голова была туго обмотана теплым шерстяным шарфом, завязанным под подбородком огромным бантом. На столике у постели стоял поднос, заставленный всевозможными пузырьками и бутылочками. Тут были таблетки, примочки, антибиотики, аэрозоли от насморка, аэрозоли от ангины, ушные капли, капли от насморка, три коробки бумажных носовых платков и книга, озаглавленная «Как стать счастливым во время болезни». Он лежал, сурово глядя в потолок, но вдруг раздраженно перевел взгляд на дверь, за которой послышались шаги жены.

Этель, его жена, была здорова. Господи, она была здорова! Ну, просто кровь с молоком. Она даже не заблудилась никогда. Но он, Уолтер Бедекер, шел от кризиса к кризису, от болезни к болезни, от мучительной боли к мучительной боли.

Уолтеру Бедекеру было сорок четыре года. Он боялся следующего: смерти, болезни, чужих людей, микробов, сквозняков и так далее. У него был единственный интерес в жизни: Уолтер Бедекер; он был озабочен лишь одним: жизнью и благополучием Уолтера Бедекера; один-единственный вопрос постоянно занимал его: если Уолтер Бедекер умрет, как сможет дальше существовать человечество? Короче, это был маленький человечек с личиком гнома, который имел пунктик относительно болезней примерно так же, как большинство людей имеют пунктик относительно собственной безопасности.

Этель вошла в комнату, пятый раз за последний час, чтобы поправить одеяло и взбить подушку. В течение всей процедуры он не сводил с нее желчного взгляда и молчал. Лишь только когда она помогла ему опустить голову на подушку, он слабо застонал.

— Голова все болит, милый? — спросила Этель.

— Болит, Этель, это не то слово, — проговорил он сквозь сжатые зубы. — Боль — это всего лишь незначительное беспокойство. То, что я испытываю — это сплошное мучение. Настоящая пытка.

Этель отвалилась на сочувственную улыбку. Уолтер, говоря о своих недугах, всегда пользовался исключительно превосходной степенью, и в этом месяце он болел уже пятый раз. Прозвенел дверной звонок, и она не смогла побороть чувства облегчения, на мгновение проступившего на лице. Уолтер отреагировал моментально.

— Не можешь находиться в одной комнате со мной, вот как, —

---

* Escape clause — пункт договора, предусматривающий отказ от взятого обязательства.

заявил он. — Больные люди утомляют, не так ли? — Он повернулся на правый бок и уперся взглядом в стену. — Такова трагедия больного, — сообщил он стене. — Жалость так называемых любимых... как она преходяща!

— Ах, Уолтер... — начала было Этель, но остановилась, безропотно пожала плечами и пошла открывать дверь.

За дверью стоял врач с черным чемоданчиком. Она проводила его наверх.

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем, мистер Бедекер? — поинтересовался врач. Он страшно устал, и у него болели ноги. Он терпеть не мог вызовы на дом, разве что помощь была действительно необходима, но тут был явно не тот случай. Он изо всех сил старался скрыть сквозящую в голосе усталость.

— Как я выгляжу? — пролаял Бедекер.

Врач улыбнулся и сказал:

— Довольно хорошо, на мой взгляд.

Лицо Бедекера перекосилось, словно от недозрелой хурмы, и он с нескрываемой издевкой повторил:

— «Довольно хорошо, на мой взгляд», вот как! Так вот, уверяю вас, доктор, что я чувствую себя вовсе не хорошо. Ни в коей степени не хорошо. Я очень болен. В чем вы вскоре и убедитесь, когда обследуете меня. Но я хочу, чтобы вы сказали мне худшее. Я не желаю, чтобы меня щадили. Я не трус.

— Я уверен в этом. Вытяните руку, мистер Бедекер. Я хочу сначала измерить ваше давление,

Бедекер выпростал из-под одеяла руку с прекрасно развитой для его возраста мускулатурой, и врач раскрыл свой чемоданчик.

Минут через десять он убирал свои принадлежности, а Бедекер мрачно смотрел на него.

— Итак, доктор?

Врач закрыл чемоданчик и, ни слова не говоря, повернулся к Бедекеру.

— Я задал вам вопрос, доктор. Насколько все плохо?

— Ваши дела ни в коей мере не плохи, — ответил врач. — Фактически, они очень хороши. У вас нет температуры. Давление в норме. Дыхание в норме. Сердечная деятельность в норме. Вы не инфицированы. Горло чистое. Носовые проходы чистые. Уши чистые.

— А что вы скажете о болях в боку и спине? Что вы скажете о четырех бессонных ночах? Что вы скажете об *этом*? — с триумфом вскричал Бедекер.

Врач покачал головой.

— Что я скажу об этом? «Это», мистер Бедекер, явления психосоматические!

Глаза Бедекера вылезли из орбит.

— Психосоматические? Вы хотите сказать, что все эти болезни существуют лишь в моем воображении?

— Что-то вроде этого, мистер Бедекер, — спокойно ответил врач. — С вами все в порядке, это действительно так, за исключением недугов, которые вы сами себе придумали. Ваши боли, мистер Бедекер, воображение. Ваша бессонница вызвана нервами и ничем более. Короче, мистер Бедекер, вы очень здоровый человек!

Уолтер Бедекер грустно улыбнулся своей любимой наперстнице, стене справа, и сообщил ей, подчеркнув свои слова движением головы в сторону доктора:

— Видишь? Это врач. Четыре года он учился в медицинском институте. Два года работал интерном*. Два года — практикантом. И кто он такой? Я спрашиваю тебя, кто он такой? — Он сделал паузу и выкрикнул: — Шарлатан!

Доктор выдавил улыбку. Этель на цыпочках приблизилась к нему и шепотом спросила:

— Каков диагноз?

Бедекер завопил:

— Не спрашивай *его*. Этот человек — идиот!

— Уолтер, милый, — терпеливо сказала Этель, — не надо так волноваться.

— Перестань говорить шепотом! — закричал Бедекер. — Вы видите перед собой половину моих несчастий, — обратился он к врачу. — Эта женщина. Эта ужасная женщина, которая целый день чего-то шепчет, чтобы заставить меня поверить, будто я болен, даже когда я здоров. А я болен, — поспешно заверил он доктора. — Я лежу на смертном одре, и кто толкает меня на тот свет? Шарлатан и эта постоянно шепчущая женщина с куриными мозгами!

— Я позвоню завтра, миссис Бедекер, — сказал врач.

— Завтра не будет нужды в звонке, — вмешался Бедекер. — Просто приходите со свидетельством о смерти и прямо тут его заполните.

— Ах, Уолтер... — жалобно простонала Этель.

— Не изводи меня своими крокодильими слезами, идиотка! — закричал на нее Бедекер. — Я даже не могу описать вам, доктор, как она будет рада избавиться от меня!

Врач, спускаясь вниз в сопровождении Этель, уже не улыбался. У двери он остановился и очень внимательно на нее поглядел. В свое время она, должно быть, была очень привлекательной женщиной. Господи, столько лет быть замужем за таким человеком!

— Как он, доктор? — спросила Этель.

— Миссис Бедекер, — сказал врач, — ваш муж — один из самых

---

* Интерн — молодой врач, живущий при больнице.

здоровых моих пациентов. Если бы он захотел вступить в морскую пехоту, я бы дал ему зеленую улицу.

Этель с сомнением покачала головой.

— Он все время болеет. Он не позволяет мне открывать окна. Он говорит, что в каждом кубическом футе воздуха содержится восемь миллионов девятьсот тысяч микробов.

Врач откинул голову и расхохотался.

— Наверное, тут он прав.

Этель обеспокоенно добавила:

— И он только что уволился с работы. Это было пятое место с начала года. Он говорит, что его заставляют работать на сквозняке.

Врач перестал смеяться и поглядел на стоящую перед ним невысокую миловидную женщину.

— Миссис Бедекер, — сказал он мягко, — нет ничего, что я смог бы сделать для вашего мужа. Или любой другой доктор... за исключением, быть может, психиатра.

Этель потрясенно поднесла ладони к губам.

— Психиатра... — повторила она.

Врач кивнул.

— Все его недуги — у него в голове. Этот ужасный страх перед болезнями. Эта боязнь смерти. Полагаю, я слишком упростил все, когда сказал, что он совершенно здоров. Кое-что у него не в порядке. Это постоянное беспокойство о себе — своего рода болезнь. Он всегда был таким напуганным?

— Сколько я его знаю, — ответила Этель. — Когда он ухаживал за мной, то говорил, что у него туберкулез в последней стадии и ему осталось жить какую-нибудь неделю. — Она грустно и задумчиво поглядела в сторону. — Я вышла за него лишь потому, что мне было так жаль его... — она закусила губу. — То есть я хочу сказать...

Врач дотронулся до ее руки.

— Я все понимаю. Я позвоню вам завтра. — Он снова внимательно посмотрел на нее, полез в карман, достал чистый бланк и написал рецепт. — Вот, — сказал он, протягивая листок. — Вы выглядите немного усталой. Это витамины.

Из спальни донесся пронзительный вопль Бедекера:

— Этель! Здесь сквозняки! Я чувствую, что наступает кома!

— Да, милый, — поспешно отозвалась Этель. — Бегу!

— Не забудьте про витамины, — сказал врач, чуть подмигнув при крике Бедекера. — До свидания, миссис Бедекер.

Этель заперла за ним дверь и опрометью бросилась в спальню.

Бедекер лежал в постели, свесив голову с подушки, и слабой рукой делал указующие жесты в сторону окна.

— Этель, — простонал он, — по комнате гуляет холодный ветер!

Окно было приоткрыто примерно на пятую часть дюйма. Она затворила его, и Бедекер чуть приподнялся в постели.

— Знаешь ли ты, сколько микробов содержится в одном кубическом футе воздуха?

Тяжело дыша от быстрой ходьбы, она назвала число и услышала его крик.

— Восемь миллионов девятьсот тысяч! — Он опустил голову на подушку. — Я знаю, ты хочешь, чтобы меня не стало, вот почему ты всюду открываешь окна, но хоть ради соблюдения приличий, Этель, делай это не так откровенно.

Этель поправила его одеяло.

— Врач сказал, что тебе нужен свежий воздух. Он сказал, что здесь слишком душно. — Она дотронулась до его руки, которую он резко отдернул.

И тут он увидел в ее руке рецепт.

— Это что такое? — Он выхватил листок из ее пальцев. — Где ты это взяла? Я не болен, но он дает тебе рецепт на лекарство для меня. Со мной все в порядке, но пока я беспомощно лежу тут, он говорит тебе, что мне осталось жить каких-нибудь двадцать минут. — Он поджал губы, словно старая ханжа. — Не отрицай, Этель. Будь добра, не отрицай. Я почувствовал, что вы сговорились в тот самый момент, когда ты покинула комнату!

Этель закрыла глаза, борясь с схватившей ее слабостью. Потом глубоко вдохнула и сказала:

— Это рецепт на витамины, Уолтер. Для меня.

Бедекера словно гром поразил.

— Витамины? Для тебя. — Он повернулся к стене и кивнул своей старой знакомой. — Я тут лежу, и жизнь уходит из меня, а этот шарлатан выписывает лекарства моей жене. Видишь? Я умираю, а она собирается глотать витамины!

Он зашелся в приступе кашля. Этель попыталась похлопать его по спине, но он отбросил ее руку. Спустя мгновение он повернулся на спину, всем своим видом демонстрируя слабость, покачал головой и закрыл глаза.

— Не обращай внимания, Этель. Иди, куда тебе надо. Дай мне умереть спокойно.

— Хорошо, Уолтер, — мягко согласилась Этель.

— Что? — завопил Бедкер.

На этот раз глаза прикрыла Этель.

— Я хочу сказать, — прошептала она, — что я оставлю тебя в покое, Уолтер, чтобы ты мог немного соснуть.

Какое-то мгновение он неподвижно лежал, потом вдруг вскочил и уселся на краю кровати.

— Я не могу спать! — визгливо закричал он. — Почему вообще человек должен умирать? Я тебя спрашиваю, Этель. Почему человек должен умирать? — Он вскочил на ноги и подошел к окну, выискивая хоть малейшую щель, через которую мог проникнуть воздух. — Мир

существует миллионы миллионов лет, а сколько живет человек? — Он чуть раздвинул большой и указательный пальцы. — Вот столько! Чуть-чуть. Под микроскопом не увидишь. Почему человек не может жить пятьсот лет? Или тысячу лет? Почему он должен умирать чуть ли не в ту самую минуту, когда появляется на свет?

— Я не знаю, милый.

— Само собой. Ладно, иди, куда собиралась, Этель.

— Да, милый. — И она вышла в гостиную с чувством огромного облегчения, которое испытывала всякий раз, когда избавлялась от присутствия Уолтера Бедекера. Сегодняшний день был одним из тяжелейших. Утром он четырежды требовал вызвать врача, затем заставил Этель позвонить в больницу и справиться о наличии у них кислородной палатки: Сразу после ленча он настоял на том, чтобы она вызвала водопроводчика для проверки радиаторов центрального отопления. Водопроводчик прибыл, и Уолтер немедленно дал по нему залп из всех орудий левого борта кровати, ибо тот стучал по трубам и прямо в комнате спускал горячую воду.

— Так вы хотите, чтобы было теплее, мистер Бедекер? — с ликованием в голосе осведомился водопроводчик. — Минут через двадцать температура перевалит за сто градусов. Будет вам тепло!

Разъяренный стуком водопроводчика по трубам, Бедекер закричал:

— Обезьяна! Вон отсюда! Если уж мне суждено умереть, то по крайней мере я хочу умереть в комфорте и покое. Убирайся вон!

Раздражение, которые вызывали у водопроводчика жильцы восьмидесятидвухквартирного дома, обрело конкретную цель.

— Что ж, раз вы собрались помирать, Бедекер, — сказал он, — и вы попадете туда, куда попадете... к тому времени как повысится температура, вы вряд ли ощутите разницу!

Теперь Этель чувствовала результаты обещания водопроводчика. В комнате было душно сверх всякой меры. Она открыла окно гостиной, и прохладный свежий воздух коснулся ее разгоряченного усталого тела. Через дверь спальни до нее доносился продолжавшийся монолог Бедекера.

— Это преступление, что человек живет такой короткий промежуток времени. Просто преступление.

Этель вышла в крохотную кухню, плотно прикрыла дверь и сделала себе чашечку кофе.

Уолтер Бедекер сидел в постели, разглядывая свое отражение в зеркале над туалетным столиком.

— Преступление, — повторил он. — Мне не дано! Мне не дано прожить устраивающее меня число лет. Двести, триста. — Он глубоко вздохнул и покачал головой.

Глубокий, звучный, слегка насмешливый голос произнес:

— Почему не пятьсот и не шестьсот?

Бедекер согласно кивнул.

— Почему бы и нет? Или тысячу. Ну какое нелепое сравнение: жалкая горстка лет — и вечность в гробу под землей. В темноте и холоде!

— Не забудьте и про червей, — отозвался голос.

— Конечно, — согласился Бедекер. И тут глаза его расширились, ибо неожиданно в стоящем у кровати кресле довольно быстро материализовался крупный полный человек в темном костюме. Бедекер сглотнул, протер глаза и уставился на него.

Джентльмен улыбнулся и кивнул головой.

— Я подписываюсь подо всеми вашими словами, мистер Бедекер, — сказал он. — Я полностью с ними согласен.

Бедекер, не сводя с него взгляда, сказал:

— Я в восторге. Но кто вы такой?

— Мое имя Кадваладер, — ответил джентльмен. — По крайней мере, в этом месяце я пользуюсь им. Оно оставляет приятное ощущение на языке.

Бедекер исподтишка оглядел комнату, задержав взгляд на двери и окне, потом быстро глянул под кровать. Потом на толстяка.

— Как вы попали сюда?

— О, я отсюда никогда и не уходил, — ответил Кадваладер. — Я был здесь в течение некоторого времени. — Он слегка подался вперед, как это делает обычно человек, собирающийся начать деловой разговор. — Буду краток, мистер Бедекер, — сказал он. — Вы выглядите как человек, с которым можно заключить сделку. Я буду рад сделать вам предложение. Каждый из нас имеет нечто, нужное другому. Это кажется мне довольно прочной основой для сделки.

Голос Бедекера был холоден.

— Вот как? И что же такое вы имеете, что может заинтересовать меня?

Толстяк улыбнулся, зажег сигарету и удобно откинулся в кресле.

— О, много всякой всячины, мистер Бедекер, — сказал он. — Вы будете удивлены. Много всяких вещей. Разнообразных и достойных восхищения.

Бедекер внимательно поглядел на него. Странное лицо, подумал он. Полное, но не лишенное приятности. Прекрасные белые зубы, хотя в глазах какой-то легкий блеск. Бедекер задумчиво поскреб подбородок.

— Что такое есть у меня, что так сильно заинтересовало вас?

Кадваладер улыбнулся.

— В сущности, очень маленькая штучка, — сказал он. — Менее чем маленькая. Незначительная. Микроскопическая. — Он чуть развел большой и указательный пальцы. — Вот такусенькая.

Глаза их встретились.

— Как бишь вы сказали вас зовут? — спросил Бедекер.

— Что значит имя? — чуть заискивающе отозвался Кадваладер. — Язык... всего лишь раздел семантики. Последовательность слов. Например, чего хотите вы? Вы хотите поиграться с несколькими сотнями лет. Некоторые назвали бы это своего рода бессмертием. Но почему давать этому именно такое определение? Зачем пользоваться такими впечатляющими словами? Давайте назовем это... мы двое... давайте назовем это некоторым дополнительным свободным временем! В конце концов, что такое несколько сотен лет или несколько тысяч лет?

Бедекер сглотнул.

— Несколько... *тысяч*?

— Пять тысяч, десять тысяч... — Кадваладер бросил в прорыв числа, как бывалый торговец подержанными автомобилями вводит в действие тяжелую артиллерию. — Мир будет существовать *ad infinitum*, так что же такое несколько тысяч лет больше или меньше, туда или сюда, плюс или минус?

Бедекер в тревоге поднялся с постели и вперился в лицо толстяка.

— Эта маленькая штучка, мистер Кадваладер, которую я должен буду дать взамен... как вы ее назовете?

Кадваладер слегка подмигнул ему, словно добрый Санта Клаус.

— Как *мы* ее назовем? — поправил он. — Давайте подумаем! Мы можем назвать ее маленьким кусочком вашего естества. Крохотной крупинцей поверхностного слоя вашей структуры. Частицей атома вашей сущности. — Его улыбка становилась все шире, что, впрочем, не отражалось в глазах. — Или же мы можем назвать ее...

— Душой! — с триумфом выкрикнул Бедекер.

Улыбка на лице Кадваладера превратилась в улыбку человека, пребывающего в полном блаженстве.

— Или так, — сказал он мягко. — В конце концов, что это такое? И когда вас не станет спустя тысячи лет, на что она будет вам нужна?

Уолтер Бедекер выпрямился и простер дрожащую руку в сторону мистера Кадваладера.

— *Вы Дьявол!* — объявил он.

Кадваладер слегка согнулся в районе гигантского экватора, имеющего талией, и скромно произнес:

— К вашим услугам. Так как, мистер Бедекер? Почему бы и нет? Своего рода сотрудничество. Вы будете должны мне вашу так называемую душу, а я даю вам бессмертие. Вечную жизнь... или такую долгую, как только пожелаете. И неуязвимость, мистер Бедекер. Подумайте об этом! Абсолютная неуловимость. Ничто не сможет причинить вам ни малейшего вреда!

Бедекер погрузился в размышления.

— Ничто не сможет причинить мне ни малейшего вреда? И я буду жить вечно?

Кадваладер улыбнулся.

— Почему бы нет? Вечно. Опять, мистер Бедекер, вопрос о значении слов. Все ведь относительно. Для вас это будет вечность. Для меня — прогулка до соседнего квартала. Но мы *оба* будем довольны.

Бедекер стоял, весь уйдя в свои мысли. Кадваладер встал и подошел к нему. Его голос был мягок и вежлив, но полон обещания.

— Подумайте, — сказал он. — Жить без страха смерти. Быть неуязвимым. Не бояться болезней. Несчастных случаев. Эпидемий. Войн. Голода. Ничего. Правительства рухнут. Люди умрут. Но Уолтер Бедекер будет жить и жить!

Бедекер, с откинутой головой, с улыбкой, блуждающей по его личику, подошел к зеркалу и вперился в свое отражение.

— Уолтер Бедекер будет жить и жить, — задумчиво повторил он.

Мистер Кадваладер подошел к нему, и его отражение тоже появилось в зеркале.

— Мистер Кадваладер, — сказал Бедекер, — об этой душе... Вы сказали, что я не почувствую ее отсутствия?

— Нет, вы даже и не ощутите, чего лишились.

— И я буду жить и жить, не умирая, сказали вы?

— Точно так.

— Никаких подвохов? — спросил Бедекер. — Никаких скрытых ловушек? Я просто буду жить столько, сколько захочу, и все?

Кадваладер усмехнулся.

— Да. Совершенно верно.

Мистер Кадваладер подошел к креслу и опустился в него. Бедекер оставался у зеркала, рассматривая собственное отражение и водя по нему пальцем.

— А как относительно моей внешности? — поинтересовался он.

— Боюсь, тут я не многое могу сделать, — не подумавши отозвался Кадваладер, но тут же поправился: — То есть я хочу сказать... вы будете выглядеть примерно так же, как сейчас.

— Но через пять сотен лет, — не отставал от него Бедекер, — я не желаю выглядеть, словно высохший старикан.

Кадваладер поднял взгляд к потолку и покачал головой, словно от чудовищности требования.

— Ах, мистер Бедекер, — сказал он, — вы так придиричивы. С вами трудно вести дело. Но, — он махнул рукой, — вы увидите, что я... — он замаялся с извиняющейся улыбкой, подыскивая подходящее слово, — человек... готовый идти на уступки. Мы включим это в договор. Изменения, накладываемые временем на вашу внешность, будут более или менее незначительными.

Бедекер повернулся к нему.

— Кадваладер, я полагаю, мы близки к заключению этой сделки.

Кадваладер потер руки и быстро спрятал их за спину.

— Мистер Бедекер, — радостно заявил он, — вы никогда не пожалеете об этом. До самой смерти!

Бедекер кинул на него быстрый взгляд.

— Которая, — поспешно добавил Кадваладер, — ожидается только через несколько тысяч лет. Однако вот что я должен сообщить, мистер Бедекер...

Бедекер упер в него палец.

— Ага. Тут-то все и раскрывается, а?

— Заверяю вас, это для вашего же блага. — Кадваладер вытащил из кармана большой толстый документ и принялся его перелистывать. — Статья девяносто три, — объявил он, — вот, это здесь. — Он ткнул пальцем в страницу и повернул ее к Бедекеру, чтобы он смог прочесть.

— Что там такое? — тревожно спросил Бедекер. — Прочтите сами.

Толстяк откашлялся.

— По сути это *escape clause*, — сказал он. — *Your escape clause*. В случае же, если представитель первой договаривающейся стороны предъявляет представителю второй договаривающейся стороны уведомление... — забормотал он. — Нет, это слишком скучно. Я объясню вам суть. Если вы когда-либо устанете жить, мистер Бедекер, вы можете воспользоваться данным пунктом, вызвав меня и потребовав... — Он улыбнулся. — Снова вопрос семантики. Окончания жизни? В этом случае я гарантирую вам быстрое и безболезненное... — он пощелкал толстыми пальцами, — отшествие?

У Бедекера приоткрылся рот. Он потянулся за документом. Кадваладер с готовностью протянул его и позволил себе слегка ослабить галстук, наблюдая, как стремительно Бедекер листает страницы. Достав из бокового кармана большой темно-красный платок, он вытер лицо.

— А у вас тут жарковато! — пробормотал он.

Бедекер прочел последнюю страницу и протянул документ толстяку.

— Кажется, все в порядке, мистер Кадваладер, но могу вас заверить, что не отношусь к типу людей, которые рубят сук, на котором сидят. Если вы говорите о бессмертии для меня, то я и *имею в виду* бессмертие! Вам придется очень, очень долго ждать!

Кадваладер слегка согнулся в талии.

— Мистер Бедекер, — сказал он, — никакие другие слова не могли бы обрадовать меня более!

— Что ж, — заявил Бедекер, — в таком случае, по рукам.

На этот раз мистер Кадваладер откровенно потер руки. Глаза его блестели, и Бедекеру даже показалось, что он глядит в два отверстия, за которыми бушует пламя. Но его мысль не задержалась долго на этом, потому что мистер Кадваладер протянул руку и извлек из воздуха большую дымящуюся печать. Затем он широко размахнулся и опустил ее на первую страницу документа. Послышался шипящий

звук, и документ упал на пол, пылая по нижнему краю. Бедекер увидел, что в нижнем правом его углу остался оттиск печати. Он был похож на окружность с рогами посередине. Спустя мгновение огонь погас, и договор лишь слегка дымился. Бедекер нагнулся и поднял его.

— Да, здесь, похоже, все в порядке, — сказал он. — А теперь несколько вопросов, мистер...

Но комната была пуста. Ему показалось, что он слышит отдаленный хохот, но он не был в этом уверен, да и вскоре все стихло. Бедекер тщательно сложил документ и убрал его в ящик туалетного столика. Он улыбнулся своему отражению в зеркале, потом подошел к окну и импульсивным жестом отворил его, впустив в комнату холодный воздух. Он стоял, дыша полной грудью. Никогда в жизни не чувствовал он себя таким свободным, ничем не обремененным и абсолютно здоровым.

Это напомнило Бедекеру о его подносе со всеми этими лекарствами, пузырьками, бутылочками, примочками и книгой «Как стать счастливым во время болезни». Он взял поднос со всем содержимым, швырнул его за окно и довольно улыбнулся несколько секунд спустя, когда услышал, как все это стекло вдребезги разбилось о тротуар четырнадцатую этажами ниже. Повернувшись назад, он остановил взгляд на радиаторах центрального отопления. Горячий воздух дрожал над ними, и они казались кирпично-красными в свете лампы. Он осторожно подошел к ним и очень медленно приблизил руку, пока не почувствовал на ладонях и пальцах тепло. Раскалились докрасна, подумал он. *Раскалились докрасна.*

— Не попробуешь — не узнаешь, — пробормотал он. — Когда, как не сейчас!

Он крепко ухватился обеими ладонями за трубы, слыша шипение обожженной плоти, видя поднимающийся кверху дымок. Но не было никакого ощущения боли. Не было вообще никакого ощущения. Он отнял ладони и поднес их к глазам. Никаких следов. Он снова взглянул на раскаленные докрасна трубы и расхохотался. Продолжая смеяться, он с гордо поднятой головой прошествовал к кровати и плюхнулся в нее. Он услышал, как открылась дверь, и на пороге появилась испуганная Этель.

— Уолтер, — нервно спросила она, — с тобой все в порядке?

— Все ли в порядке? — переспросил он. — Этель, любовь моя, все просто великолепно. Превосходно. Лучше не бывает.

Он встал и подошел к туалетному столику. На нем рядом с набором щеточек лежала пилочка для ногтей. Он взял ее и, счастливо улыбаясь, с размаха всадил себе в ладонь. Этель вскрикнула и привалилась к косяку. Потом очень медленно открыла глаза и увидела улыбку чеширского кота на лице своего мужа. Он демонстрировал ей неповрежденную ладонь.

— Видишь, дорогая? Ладонь быстрее глаза! Не попробуешь — не узнаешь. Гляди же, дорогая... на нового Уолтера Бедекера!

Он снова захохотал, и его бурный, грохочущий, неуправляемый смех заходил туда-сюда по комнате, словно кочет по курятнику. Этель с побелевшим лицом недвижно стояла у двери, думая о том, осмелится ли она выйти из комнаты и подойти к телефону. Или же в любой момент этот сумасшедший, стоящий перед ней, может сделаться буйным. Ее взгляд упал на лежащую на столике пилочку для ногтей. У нее замерло сердце, она до боли прикусила кулак и в ужасе уставилась на Уолтера. Пилочка была в крови.

Все последующие недели Этель Бедекер постоянно мучал вопрос, не предпочла ли бы она прежние дни теперешним. И не было ли непоправимой ошибкой ее замужество. И появление на свет «Новый» Уолтер Бедекер оказался совершенно загадочным человеком. Да, он перестал «болеть» по пять раз в месяц и выкрикивать свои невозможные требования. По сути, он и дома-то теперь бывал изредка. Но его новое поведение просто выбивало из колеи.

Первым сигналом о том, что теперь можно было ожидать от Уолтера, был телефонный звонок от страховой компании, обслуживающей одну строительную фирму. На Уолтера, как оказалось, свалилась стальная двутавровая балка, весящая около двух с половиной тонн. Ее поднимали на цепи на десятый этаж строящегося здания. Цепь оборвалась, балка пролетела триста футов, упала на Уолтера Бедекера и размазала его по тротуару. Десятника, руководившего подъемом, чуть не хватил удар. Когда он оправился, то очень-очень медленно подошел к ужасному месту. Он закрыл ладонью глаза из-за присущего каждому человеку страха от вида изуродованных тел. Чуть-чуть раздвинул сомкнутые пальцы из-за также присущего каждому человеку любопытства при виде чего-то ужасного. Как выяснилось, и то и другое он делал совершенно напрасно, ибо Уолтер Бедекер выполз из-под балки абсолютно целехонький, лишь только одежда кое-где порвалась, да волосы слегка растрепались. Он громогласно объявил десятнику, что пусть тот побыстрее звонит своему адвокату, ибо он намерен затеять грандиознейшую тяжбу, которая прогремит по всему побережью.

Все это было рассказано Этель лишь для того, чтобы сообщить, что звонит представитель страховой компании и что он скоро придет к ним.

В тот же день Уолтер подписал отказ от иска и получил чек на пять тысяч долларов.

Это произошло в среду, а в субботу Уолтер оказался один в кабине автоматического лифта. По какой-то непонятной причине трос оборвался, кабина пролетела две тысячи футов и вдребезги разби-

лась, ударившись о дно шахты. Управляющий услышал крик, бросился в подвал и открыл разбитую дверь. Бедекер лежал среди обломков. Ничего не пострадало, даже его апломб. (Этот случай был улажен за тридцать восемь сотен долларов и сорок два цента.)

Неделю спустя Бедекер стоял перед сталелитейным заводом, когда здание вдруг окуталось дымом. Позже газеты писали, что это был самый сильный пожар за последние двадцать пять лет. По счастью, это случилось после пятичасового гудка, и в развалинах было найдено всего три тела, обгоревших до неузнаваемости. Бедекер был погребен под рухнувшей от огня стеной, но выполз на четвереньках к ногам пожарника, который упал в обморок, увидев его. Вся его одежда полностью сгорела, и это обошлось пожарникам в тридцать девять долларов пятьдесят центов вдобавок к тем десяти тысячам, которые им пришлось уплатить Бедекеру.

В последующие пять недель Бедекер побывал в восьми крупных катастрофах: столкновении метропоездов, перевернувшемся автобусе, пять раз его сбивала машина (и в каждом случае водитель клялся, что Бедекер сам выскакивал перед несущимся автомобилем), потом произошел этот странный случай в ресторане, когда Бедекер заявил, что в тушеном мясе — стекло. Уже после того, как хозяин уплатил Бедекеру двести долларов наличными, официант показал ему стоящий на столе полуобглоданный бокал. Но к тому времени Бедекер был уже далеко, унося в кармане полученные деньги.

Был канун Нового года, и Этель робко предложила Бедекеру сходить или куда-нибудь поужинать, или на концерт, или в ночной клуб. Бедекер стоял у окна спиной к ней и молчал.

— Одиннадцать несчастных случаев, — сказал он наконец. — Одиннадцать несчастных случаев произошло со мной.

Этель, которая в этот момент думала о том, что они уже так долго не танцевали, решила зайти с другой стороны.

— Да, да, дорогой, — сказала она с надеждой. — Тебе надо развеяться. Ты должен постараться не думать об этом.

Бедекер все так же глядел в окно.

— Не кажется ли тебе, Этель, — риторически спросил он, — что в одиннадцати несчастных случаях должен присутствовать какой-то элемент потрясения? Одиннадцать несчастных случаев, а ты *знаешь*, что ничего тебе не грозит?

— Я думаю, да, Уолтер, — бездумно отозвалась Этель, не совсем понимая, о чем он ведет речь.

— Вот-вот, — подхватил Бедекер. — В таких вещах должно быть нечто будоражащее. — Он отошел от окна. — *Так ничего подобного!* Это однообразно. Это абсолютно лишено хоть какого-нибудь возбуждения. Короче, мне это осточертело.

— Уолтер, милый, — мягко сказала Этель, — я полагаю, нам следовало бы поблагодарить Господа за его благоволение к тебе.

— Тебе, Этель, — огрызнулся Бедекер, — следовало бы помолчать. Больше всего на свете ты походишь на маленькую серенькую мышку, выискивающую кусочек сыра.

Она дождалась, когда спадет охвативший ее болезненный озноб, и только после этого сказала:

— Уолтер, ты можешь быть ужасно жесток, ты знаешь это?

Бедекер неприязненно покосился на нее и сказал:

— Этель, пожалуйста, замолчи! — Он принялся мерять комнату шагами, бормоча: — Держу пари, он провел меня! Кадваладер — шадваладер! Что толку во всех этих штучках, если ничего не ощущаешь? Никакого возбуждения!

Этель глядела на него в замешательстве. Да, это был Уолтер Бедекер. Это был ее муж. Но он абсолютно отличался от человека, за которого она выходила, от того ипохондрика, с которым она прожила столько лет.

— Уолтер, — спросила она, — как ты себя чувствуешь?

Бедекер проигнорировал вопрос.

— По крайней мере, когда я так пекся о своем здоровье, — сказал он громко в пространство, — в этом был элемент риска. Но сейчас нет никакого риска. Никакого возбуждения. Ничего!

Он вдруг откинул голову назад, глаза его расширились, и он пробежал мимо жены в ванную. Она услышала, как он выдвигает ящик с медикаментами. Услышала позвякивание пузырьков и баночек.

— Этель? — раздался из ванной голос Бедекера. — У нас есть декстрин?

Этель подошла к ванной.

— Декстрин? — переспросила она.

— Да, да.

Этель через его плечо поглядела на пузырьки, которые он выстроил перед собой. Там были йод, стеклоочиститель и английская соль. В руке Бедекер держал стакан, в который всыпал и влил по изрядной порции из каждого пузырька.

— Декстрин! — нетерпеливо повторил Бедекер.

Этель вышла на кухню и достала банку с декстрином из ящика под подоконником. Она принесла ее Бедекеру, и тот немедленно отвинтил пробку и добавил последний ингредиент в свою дьявольскую смесь, которая запенилась и приобрела горчичный цвет. Бедекер поднял стакан и быстрым движением осушил его до дна. У Этель перехватило дыхание. Бедекер облизнул губы, а потом с несчастным видом поставил стакан на место.

— Видела? — спросил он.

— Что видела? — Голос ее дрожал.

— Видела, что я сейчас выпил? Йод, спирт, английская соль. И что эта смесь сделала со мной, Этель? Я спрашиваю тебя... что эта смесь сделала со мной? Да ничего! Абсолютно ничего. Я выпил яд в

количестве, достаточно, чтобы отравить дюжину людей. А на вкус это как лимонад. *Выдохшийся* лимонад.

Этель прислонилась к косяку. Голос ее прозвучал весьма твердо.

— Уолтер, я хочу знать, что все это значит!

Бедекер поглядел на нее.

— Что все это значит? Ты в самом деле хочешь знать?

Она кивнула.

— Олл райт, — согласился Бедекер. — Я расскажу. Случилось так, что я стал бессмертным. И неуязвимым. Я заключил договор с человеком по имени Кадваладер, который дал мне бессмертие в обмен на мою душу. Более кратко объяснить я вряд ли смогу.

Этель бросила взгляд на свое отражение в зеркале, краем сознания удивившись, что можно выглядеть настолько бледной и испуганной.

— Я хочу, чтобы ты сел, Уолтер, — сказала она, собрав все свои силы. — Я приготовлю тебе чаю, а потом позвоню доктору.

Она повернулась, чтобы уйти, но Уолтер схватил ее за руку и рывком повернул к себе.

— Ты не будешь готовить мне чай, — заявил он. — И не будешь звонить доктору. Будь у тебя хоть какое-нибудь воображение, Этель, ты бы подсказала мне, что я должен сделать, чтобы хоть как-то взбодорить себя. Я попадал в столкновения поездов и автомобилей, в бушующее пламя, только что я выпил яд. Ты *видела*. — Он помолчал и пожал плечами. — Ничего. Абсолютно ничего. Знаешь, о чем я думаю? — Он вышел в гостиную. — Я думаю, Этель, что надо попробовать залезть на крышу и броситься головой вниз! Пролететь четырнадцать этажей, чтобы узнать, что это такое.

Этель тяжело опустилась в кресло, чувствуя, что к глазам подступают слезы.

— Уолтер, пожалуйста... Пожалуйста, ради Бога...

Бедекер направился к двери.

— Этель, дорогая, помолчи.

Она вскочила на ноги и подбежала к двери, схватив его за рукав в тот момент, когда он стал открывать дверь.

— Уолтер, — умоляюще простонала она. — Пожалуйста, Уолтер, ради Бога...

Он отшвырнул ее прочь, прошел по площадке к лестнице, ведущей на крышу, и стал подниматься по ней. Этель бросилась следом, уговаривая, упрямивая, умоляя, но он не слушал ее. На крыше он направился прямо к световому колодцу. Это было большое застекленное квадратное отверстие посреди крыши. По периметру его шло бетонное ограждение высотой не более восьми дюймов. Этель немедленно встала между Уолтером и этим порожек, положив руки ему на плечи.

— Пожалуйста, Уолтер, — умоляюще сказала она. — Пожалуйста, милый...

Бедекер оборвал ее:

— Этель, иди утопись в ванной и оставь меня в покое. Я хочу броситься вниз головой в этот колодец и хочу, чтобы ты убралась с моего пути!

Он шагнул вперед, и она слегка отступила.

— Пожалуйста, милый. — Она все не теряла надежды. — Пожалуйста, пойдем домой. Я напеку тебе картофельных оладий. Помнишь, как ты любил картофельные оладьи?

Бедекер смахнул ее руку со своего плеча и отодвинул Этель в сторону.

— Ты, милая моя, — сказал он, — сама похожа на картофельную оладью. Ты способна возбудить не более, чем картофельная оладья. Ты безвкусна, как картофельная оладья. А теперь я последний раз говорю, чтобы ты убралась с дороги.

Она бросилась к нему, стараясь оттолкнуть от края, и только в последний момент осознала, что больше не стоит на крыше. Что она переступила невысокий порожек, ограждающий световой колодец. В то же мгновение она потеряла равновесие, упала навзничь на стекло, пробила его и полетела вниз, на бетон внутреннего двора. И даже крик ее был тихим жалобным звуком, исторгнутым тихой, достойной жалости женщиной. В нем звучала скорее жалоба, нежели страх. Это был скорее вежливый протест, нежели последний крик женщины, летящей головой вниз навстречу смерти.

Бедекер на цыпочках подошел к краю и заглянул вниз. Сверху вниз на этажах загорались огни, словно на панели идущего вниз лифта. Он поскреб подбородок, вытащил сигарету и зажег ее.

— Интересно, на что это похоже? — задумчиво проговорил он.

Где-то вдалеке послышалась сирена. Голоса выпавших жильцов становились все громче. И вдруг его озарила мысль. Это была изумительная мысль. Мысль, заставившая его прямо-таки задрожать. Он бросился к лестнице, по которой поднимался сюда, промчался по ней, перескакивая через ступеньку, ворвался в квартиру и схватил телефон.

— Соедините меня с полицией, — сказал он в трубку. Спустя мгновение он услышал голос дежурного сержанта. — Алло? Это полиция? Это Уолтер Бедекер. Седьмая улица, 11. Да, верно. Комната 12-Б. Приезжайте сюда немедленно. Нет, со мной ничего. Я только что убил жену. Да, верно. Да, я жду вас здесь. До свидания.

Он положил трубку, с удовольствием затянулся, стряхнул пепел и сказал:

— Что ж, заставим этот старый электрический стул потрудиться!

Процесс «Штат против Уолтера Бедекера» был, по словам окружного прокурора, «событием, так же обреченным на внимание всего города, как в свое время схватки борцов-профессионалов». Судебные

репортеры, зрители и, конечно же, присяжные, казалось, полностью разделяли точку зрения обвинения. В течение трех дней слушаний Штат уверенными шагами продвигался к успеху. Были установлены мотивы преступления (шестеро свидетелей рассказали о ссорах между Уолтером Бедекером и его женой). Была установлена преднамеренность преступления (водопроводчик показал, что слышал по крайней мере дюжину раз, как Уолтер Бедекер угрожал жене). Не было разве что только фотографий, запечатлевших само преступление. (Но по крайней мере десятеро видели, как Бедекер торопливо спустился с крыши и исчез у себя в квартире.)

Короче, накануне вынесения приговора Уолтер Бедекер находился в крайне незавидном положении. Впрочем, этого нельзя было сказать по его виду. Он сидел и, посмеиваясь, поглядывал на судью, свидетелей и обвинение. Будучи допрошенным, он открыто и спокойно признал, что толкнул свою жену с крыши и несколько не раскаивается в содеянном. Что он, не задумываясь, сделал бы это еще раз.

Его защитник, положенный ему по закону, был весьма отчаянный молодой человек, который моментально протестовал при малейшем намеке на провокационный вопрос, который спорил, умолял, а при случае громом обрушивался на суд, который парировал любой словесный удар обвинения и делал это мастерски. Но это был проигранный процесс, и он знал это. Он окончательно понял, насколько безнадежно дело, когда послал своему подзащитному записку с каким-то вопросом и получил ее обратно со следующим ответом: «Пошел к чертям! Уолтер Бедекер». С этого момента адвокату стало ясно, что обычное доверие между защитником и подзащитным в данном случае отсутствует начисто. Более того, это был клиент, все ответы которого, казалось, свидетельствовали о его сговоре с обвинением. Ибо Уолтер Бедекер признавал свою вину каждым словом, каждым жестом и делал это явно намеренно.

Вечером третьего дня слушаний защитник Бедекера отправился в камеру к своему подзащитному. Клиент ужинал и по этой причине не обратил на него ни малейшего внимания. Только лишь принявшись за десерт, маленький человечек вскинул голову, словно только сейчас заметил адвоката; и небрежно кивнул.

— Купер, ищейка, что привело вас сюда в такой поздний час?

Купер уселся и внимательно поглядел на своего клиента.

— Мистер Бедекер, — сказал он мрачно, — вы, может быть, не осознаете, но при тех темпах, какими идет дело, завтра оно попадет к присяжным.

Бедекер кивнул, продолжая поедать мороженое.

— Как вы себя чувствуете, Купер? — поинтересовался он.

Купер дернулся от ярости, но сдержался и поставил рядом с собой чемоданчик.

— Как я себя чувствую? Отвратительно, мистер Бедекер. Я чувствую себя отвратительно с того самого дня, как взял ваше дело. У меня были трудные клиенты, но ни один вам и в подметки не годится.

— Вот как, — равнодушно отозвался Бедекер. — И что вас так беспокоит?

— Меня беспокоит, что все три дня слушаний вы ведете себя, словно человек, не желающий, чтобы его оправдали. Когда я спрашиваю вас о чем-нибудь, вы молчите, словно рыба. Когда вас спрашивает прокурор, вы ведете себя так, словно заключили пари, что он выиграет процесс. — Он подался вперед. — Теперь глядите, Бедекер, какую пользу мы можем из этого извлечь. Если дело перейдет завтра к присяжным, а все к этому и идет, у вас не будет ни малейшего шанса.

Бедекер зажег сигарету и удобно откинулся назад.

— В самом деле? — спросил он.

— В самом деле. Теперь вот что я хочу, чтобы вы сделали завтра!

Он поднял чемоданчик на колени и щелкнул запорами. Он уже вытаскивал какие-то бумаги, когда Бедекер сказал:

— Не стоит беспокоиться, мистер Купер. Право, не стоит. — Он махнул рукой в сторону чемоданчика. — Уберите его.

— Что?

— Уберите его.

Купер посмотрел на него долгим недоверчивым взглядом.

— Бедекер, поняли ли вы то, что я сказал вам? Всего двенадцать часов отделяют вас от обвинительного заключения в убийстве с отягчающими обстоятельствами.

Бедекер улыбнулся.

— А к чему меня приговорят?

— Приговор, — устало сказал Купер, — за убийство с отягчающими обстоятельствами в нашем штате — казнь на электрическом стуле.

— Казнь на электрическом стуле, — задумчиво повторил Бедекер. Он побарабанил пальцами по краю стола, потом принялся разглядывать ногти.

— Бедекер! — закричал Купер, теряя контроль.

— Казнь на электрическом стуле. А если бы я был в Калифорнии?

— Что? — недоуменно спросил Купер.

— Как бы меня попытались убить, живи я в Калифорнии?

— Там высшая мера наказания — газовая камера. Но я совершенно не понимаю...

— А в Канзасе? — перебил Бедекер.

— В Канзасе, — ответил Купер, — вас бы повесили. А теперь я хочу вам кое-что сказать, мистер Бедекер...

Бедекер поднялся и поглядел на адвоката, на лице которого выступила испарина.

— Нет, мистер Купер, — тихо сказал он. — Это я скажу вам кое-что. Все, что они получают, если попытаются посадить меня на электрический стул, это крупный счет за электричество! А теперь спокойной ночи, мистер Купер. До завтра.

Купер глубоко вздохнул. Медленно застегнул запоры чемоданчика и поднялся.

— Не знаю, Бедекер, — сказал он. — Я просто не понимаю вас. Психиатр говорит, что вы в здравом рассудке. Вы говорите, что убили свою жену. Но где-то в глубине я чувствую, что это не так. Поэтому завтра в заключительной речи я собираюсь показать все слабые места обвинения. — Он безнадежно пожал плечами. — Не знаю, что мне удастся, но я сделаю все, что в моих силах.

Он повернулся, подошел к двери и постучал, вызывая охранника. Мгновение спустя они услышали в коридоре его шаги. Охранник отпер дверь, и Купер шагнул за порог.

— Мистер Купер! — догнал его голос Бедекера.

Адвокат обернулся.

Бедекер улыбался ему.

— Мистер Купер, — сказал он, — право, не стоит беспокоиться!

На следующее утро обвинение выступило с самой краткой речью за всю историю штата. Она заняла всего полторы минуты, после чего окружной прокурор с уверенной улыбкой уселся на место. Для заключительной речи поднялся мистер Купер и после десяти секунд заминок разошелся настолько, что у откровенно скучавших присяжных вдруг появился интерес к делу. Даже судья, подперев голову руками, слушал его более внимательно, чем раньше. Один судебный репортер писал впоследствии, что это была чертовски зажигательная речь — одна из лучших речей, когда-либо произнесенных в этом зале.

— Виновен, да, — гремел Купер. — Но действовал преднамеренно? Вряд ли! — Его клиент, утверждал Купер, не тащил жену на крышу силком. Она сама пошла за ним. Ни один свидетель не доказал обратное. Убил ее — да, он сделал это. Столкнул ее в световой колодец — совершенно верно. Никто не спорит. Но было ли это запланировано заранее? Спорный вопрос. Двадцать восемь минут спустя, высветив в своей речи все слабые места обвинения, Купер уселся рядом с Уолтером Бедекером, прислушиваясь к поднимаемому в зале гулу. Бедекер рассеянно улыбнулся ему. Он не слушал. Он был занят тем, что писал в блокноте перечень того, чем он намеревался занять

ся в скором будущем. Купер заглянул ему через плечо. «Прыгнуть на третий* рельс метро». «Встать перед товарным поездом». «Спрятаться на полигоне перед взрывом водородной бомбы». И т.д., и т.п.

Шестьдесят три минуты спустя присяжные вернулись с вердиктом. Уолтера Бедекера подняли на ноги для выслушивания приговора. Он стоял, прислонясь к скамье, ковырял в зубах, зевал и вообще казался человеком, которому все ужасно наскучило. Уолтер Бедекер уделял крайне мало внимания всему, что происходило в зале. Даже сейчас он, похоже, совсем не слушал, что говорил судья. Что-то там о том, что суд склонился к пожизненному заключению. Слова эти абсолютно не затронули его сознания. Купер схватил его, принялся трясти и тискать.

— Пожизненное заключение, старина! — радостно закричал он ему прямо в ухо. — Я знал, что мы добьемся! Я знал наверняка, что мы этого добьемся!

Когда конвоиры выводили Бедекера через боковую дверь, до него начали потихоньку доходить голоса.

— Господи, что за речь!

— Пожизненное заключение... Да это суметь надо!

— Он чертовски везучий человек!

И только когда Бедекера повели по коридору, он осознал, что же произошло. Купер выхлопотал ему пожизненное заключение. Он замер, обернулся в сторону зала и изо всех сил закричал:

— Погодите минутку! ПОГОДИТЕ МИНУТКУ! Меня нельзя сажать пожизненно! Неужели они не понимают? Неужели они не знают, что все это значит? Я не могу просидеть в тюрьме всю жизнь!

Из глаз его полились слезы. Он плакал, когда его сажали в черную тюремную машину. Он плакал, пока его везли, и проплакал весь вечер, сидя в камере.

Когда охранник принес ему ужин, то заметил, что глаза у него покраснели и что он совсем не притрагивается к еде.

— Тебе здорово повезло, Бедекер, — сказал охранник, глядя на него через зарешеченное окошко в двери. — Завтра тебя переведут в исправительный дом. Это будет твоё новое жилище. Это очень далеко от камеры смертников.

Бедекер не отвечал. Он сидел, уставясь на поднос с едой, стоящей у него на коленях, и чувствовал поднимающиеся внутри пузырьки горечи, безнадежности и отчаяния, и он снова всхлипнул.

— Взгляни на это дело вот с какой стороны, — философски заметил охранник. — Что такое жизнь, мистер Бедекер? Сорок лет. Пятьдесят лет. Думай так, и полегчает. — Он пошел по коридору, и Бедекер слышал, как он бормотал: — Вот и все. Сорок, пятьдесят лет. А может, и меньше...

---

* Третий рельс в метро — токовый.

Бедекер поставил поднос на пол и подпер голову руками.

— Сорок, пятьдесят лет, — пробурчал он. — Или шестьдесят, или семьдесят, или сто, или двести.

Числа плавали у него в голове. Пятизначные числа. Шестизначные числа. И он слышал грохочущий голос, исходящий, казалось, ниоткуда.

— В конце концов, что такое несколько сотен лет или несколько тысяч лет? Или пять тысяч, или десять тысяч? Что это значит при существующем положении вещей? — После этих слов послышался смех. Сочный смех. Звучный, громоподобный хохот, исходящий из живота толстого человека.

Уолтер Бедекер поднял взгляд и увидел знакомую тучную фигуру. Кадваладер, одетый в темно-синий костюм, стоял посреди камеры, с усмешкой поглядывая на него. Его белые зубы блестели, глаза были желтыми, словно пламя.

— Мистер Бедекер, — громыхнул он, — только подумайте об этом! Бессмертие... неуязвимость... правительства рухнут, люди умрут! А Уолтер Бедекер будет жить и жить. — Его хохот громом прокатился по камере. — Уолтер Бедекер будет жить и жить. И жить, и жить, и жить.

Бедекер закричал и зарылся лицом в подушку. По камере плыл какой-то запах. Запах чего-то горелого. Серы? Очень возможно.

— Мистер Бедекер? — Голос Кадваладера был теперь мягок, слова словно ложились на бархат. — Как насчет escape clause? Не хотите ли прибегнуть к нему теперь?

Бедекер даже не стал поднимать головы с подушки. Он просто кивнул, и мгновение спустя боль пронзила его грудь, ужасная боль. Он никогда раньше не испытывал такой мучительной боли. Его тело конвульсивно дернулось, и он навзничь упал на пол. Глаза его безжизненно уставились в потолок. Уолтера Бедекера не стало. Та штука, что была его душой, испустила пронзительный крик и забилась в кармане синего костюма, переносимая в иное измерение.

Охранник обнаружил Уолтера Бедекера во время вечернего обхода. Он отпер дверь, вбежал в камеру и пощупал пульс. Потом вызвал тюремного врача и начальника тюрьмы. Это был разрыв сердца, что и было вписано в картонную карточку, вложенную в его документы.

Один из служителей ~~тюремного~~ морга мимоходом обронил какое-то замечание. Что-то там насчет того, что ему ни разу не приходилось видеть выражение такого всеохватывающего страха, как на лице Уолтера Бедекера. А потом труп затащили в холодильник и захлопнули дверь.

ПЕШАЯ ПРОГУЛКА

Его звали Мартин Слоун, и ему было тридцать шесть лет. Он глазел в зеркало над туалетным столиком и который уже раз испытывал удивление от того, что этот высокий привлекательный мужчина в зеркале — он сам, а из головы не выходила мысль, что отражение не имеет никакого отношения к самому человеку. В зеркале был Мартин Слоун: рост шесть футов два дюйма, худое загорелое лицо, прямой нос, квадратная челюсть, в волосах кое-где мелькнет белая ниточка — приятное лицо, что ни говори. Глаза скользнули ниже. Костюм от «Брукс Бразерс», сидящий с элегантно небрежностью, рубашка фирмы Хафэвей, шелковый галстук, массивные золотые часы — и все так к месту, с таким вкусом подобрано!

Он продолжал разглядывать себя, удивляясь тому, как изумительно обличовка может камуфлировать то, что скрывается под ней. Потому что то, что он разглядывал сейчас, было всего лишь камуфляжем. Да, его звали Мартин Слоун, он был членом правления агентства, в котором работал, жил в прекрасной холостяцкой квартире на Парк Авеню* с видом на Шестьдесят Третью, водил красный «мерседес», был сообразителен и предприимчив, короче, как никто другой, являл собой образ преуспевающего молодого человека. Он мог заказать столик во «Френче», называть Джека Глизона по имени, ему было приятно то странное тепло, разливающееся внутри, когда метродотели «Сарди Ист», «Колони» или «Дэнни Хайдвей» называли его по имени и уважительно улыбались при его появлении.

Но вся беда в том, что у Мартина Слоуна была язва в начальной стадии, которая начала медленно, но неуклонно ползти по его организму. Десятки раз на дню его охватывала паника — мучительное, леденящее, перехватывающее дыхание ощущение нерешительности и неуверенности, боязни ошибиться и быть оттертым на задний план; он изо всех сил старался, чтобы голос его звучал твердо, а предлагаемые им решения принимались бесповоротно, хотя где-то в глубине (и чем дальше, тем сильнее) он чувствовал, что все более удаляется от той бутафории, которую смастерил лишь для того, чтобы пускать пыль в глаза шефу, клиентам и коллегам.

Эта язва! Эта проклятая язва. Он снова ощутил ее в себе и собрался, как человек, которому предстоит шагнуть под холодный душ. Она жгла его желудок. Когда боль прошла, он зажег сигарету и ощутил, что весь покрыт потом. Рубашка превратилась в мокрую прилипшую тряпку, спина невыносимо зудела, а ладони были влажными и липкими.

Мартин Слоун подошел к окну и взглянул на Нью-Йорк. По Парк Авеню зажглись огни, и он вспомнил огни родного города. Последнее

* Парк Авеню — аристократический район Нью-Йорка.

время он часто вспоминал город, где родился. Последние несколько месяцев, вернувшись с работы, он подолгу сидел в темной комнате и потягивал неразбавленный скотч. Он вспоминал, как был еще мальчишкой и как все начиналось... Историю тридцатилетнего человека, который бросил мир к своим ногам, но трижды в неделю с трудом удерживался от слез.

Слоун глядел на огни Парк Авеню и вспоминал себя мальчишкой, вспоминал центральную улицу родного города и аптеку, которой владел мистер Уилсон. Случайные, несвязные воспоминания, но они были частью той сладкой горечи, что делала непереносимыми эту комнату, этот скотч, это отражение в зеркале. И снова к глазам подступили слезы, и снова он задвинул их глубоко-глубоко, туда, где жила боль от язвы. Неожиданная мысль пришла ему в голову. Сестра в машину и уехать. Подальше от Нью-Йорка. Подальше от Мэдисон Авеню. Подальше от вульгарного жаргона босса, от налогообложения и «процента телезрителей», фальшивых счетов и трехмиллионных векселей и от этого уродливого фасада дружеских отношений между незнакомыми людьми.

Кто-то невидимый словно похлопал его по плечу и сказал, что сейчас позднее, чем он думает. Он вышел из дома, сел в машину и поехал к Гранд Сентрал Парквэй. Сгорбившись над рулем красного «мерседеса», он спросил себя: «Куда же это, черт возьми, ты направился?» И не слишком удивился, не получив ответа. Ему надо было подумать, вот и все. Он хотел повспоминать. И когда он свернул на Нью-Йорк Фрувэй, у него еще не было определенных намерений. Он просто продолжал мчаться навстречу ночи и только частью сознания удивлялся, насколько прочно засела него в голове аптека старика Уилсона. Эта картинка словно отсылала его мозг назад, чтобы тот высвободил воспоминания о прежних временах. Воспоминания о городке, именуемом Хоумвуд, штат Нью-Йорк, тихом зеленом городке с населением три тысячи человек. Ведя машину, он вспоминал о том, что было маленьким фрагментом его жизни, но Боже, что это был за фрагмент! Прекрасное время, когда он рос. Тихие улочки летними вечерами. Радость парков и спортплощадок. Ничем не ограниченная свобода детства. Воспоминания переплетались у него в голове и наполняли какой-то странной, непередаваемой словами жаждой вернуться... даже не в это место, подсознательно подял он, а в то время. Он хотел снова стать мальчишкой. Да, именно этого он хотел. Он хотел повернуть свою жизнь вспять и отправиться обратно. Он хотел, миновав годы, найти тот, в котором ему было одиннадцать лет.

Мартин Слоун, одетый в костюм от «Брукс Бразерс», мчался в красной спортивной машине в ночь и прочь от Нью-Йорка. Он ехал упрямо и целенаправленно, не зная по сути, куда. Это несколько не походило на поездку на уикенд. Это не был кратковременный отказ от привычного образа жизни. Это был исход. Это был полет. Где-то в

конце длинного шестиполосного шоссе, пролегшего вверх-вниз по холмам штата Нью-Йорк, Мартина Слоуна ждало исцеление.

Он остановился в мотеле около Бингемптона, штат Нью-Йорк, немного поспал и вновь отправился в путь. В девять утра он подъехал к заправочной станции. Он ехал довольно быстро, и резко остановленная машина подняла клубы пыли. Отчасти от постоянной спешки, к которой он привык в Нью-Йорке, отчасти из-за раздражительности, которая копилась все эти дни, а теперь выплеснулась, он нетерпеливо нажал на клаксон. Служитель, молодой парнишка в грубом комбинезоне, оторвался от шины, с которой возился, вытер руки об одежду и вопросительно посмотрел на Мартина.

— Как насчет того, чтобы обслужить? — крикнул ему Мартин.

— Как насчет того, чтобы не так шуметь? — отозвался парнишка.

Мартин прикусил губу и съехал с шоссе, перехватывая рулевое колесо. Он взглянул на приборную панель.

— Прошу прощения, — сказал он мягко.

Парнишка подошел к автомобилю.

— Заправьте его, пожалуйста, — сказал Мартин.

— Сделаем.

— Я попросил прощения, — сказал Мартин.

— Я слышал, — ответил парнишка. — В таких машинах бывает система диагностики, верно?

Мартин кивнул и отдал ему ключи от бензобака. Парнишка подошел к машине сзади и отпер бак.

— Как насчет того, чтобы сменить масло и вообще все подтянуть? — спросил Мартин.

— Сделаем, — отозвался парнишка. — Это займет около часа.

— Что ж, — сказал Мартин, — у меня куча времени.

Он повернулся и увидел на той стороне дороги табличку «Хоумвуд, 1,5 мили».

— Там впереди Хоумвуд, верно? — спросил Мартин.

— Точно, — отозвался парнишка.

— Я когда-то жил там. Вырос, если точнее. Я не был там восемнадцать... нет, двадцать лет.

Он вылез из машины, сунул руку в карман за сигаретами и обнаружил, что у него осталась всего одна. Перед заправкой стоял автомат, торгующий сигаретами. Мартин подошел к нему, купил пачку и вернулся к машине, продолжая говорить.

— Восемнадцать... двадцать лет. А вчера вечером я... я просто сел в машину и поехал. Достиг той точки, что... что надо было сматываться из Нью-Йорка. Еще одна деловая встреча, телефонный звонок, доклад... — он замаялся, и смех его звучал пусто и устало.

— Так вы из Нью-Йорка.

— Точно. Из Нью-Йорка.

— Смотрю я на вас все время, — сказал парнишка. — Едете в деревню, держите не меньше ста миль в час. Остановились на красивый, потом кто-то другой тронется на зеленый чуть раньше — и для вас весь день насмарку. Господи, как можно так жить?

Мартин отвернулся и повертел зеркало заднего вида.

— Да, — сказал он. — Вроде бы притерпишься, а потом наступает июньский вечер — и вдруг срываешься с места. — Он снова взглянул на табличку через дорогу. — Полторы мили, — пробормотал он. — Можно дойти пешком.

— Кому как, — возразил парнишка.

Мартин усмехнулся.

— А нью-йоркским чиновникам из красных спортивных автомобилей?

Парнишка пожал плечами.

— Я вернусь за машиной позднее, — усмехнулся Мартин. — Полторы мили можно пройти пешком!

Он снял пиджак, закинул его за спину и двинулся по дороге на Хоумвуд. Городок лежал всего в полутора милях... и двадцати годах.

Мартин вошел в аптеку и замер у двери в прохладном полумраке. Все было точно так, как он помнил. Узкое высокое помещение со старомодным сатуратором с одной стороны и стойкой — с другой. Деревянная лестница, которая вела с крохотного балкона в маленькую контору. Там, вспомнил Мартин, обычно дремал мистер Уилсон, владелец аптеки. Полный невысокий человек в очках с толстыми стеклами протирал стаканы из-под газировки и улыбнулся Мартину из-за фонтанчика.

— Чего пожелаете? — спросил он.

Мартин взглянул на плакаты на стенах, старомодные светильники под потолком, два больших потолочных вентилятора. Он подошел к стойке и сел. Пять стеклянных кувшинов с дешёвыми леденцами стояли там, где, как он помнил, им полагалось быть.

— Вы все еще делаете шоколадную газировку? — спросил он продавца. — Тройные порции?

Мартин улыбнулся с извиняющимся видом.

— В этой аптеке я провел половину жизни, — сказал он. — Я здесь вырос. И, сколько помню, всегда заказывал одно и то же: газировку с шоколадным мороженым. Мороженого — три ложки. И это стоило десять центов.

Маленький человек посмотрел на него слегка насмешливо, и Мартин взглядел в его лицо.

— Знаете, — сказал он, — мне кажется, что мы знакомы. Мы не могли встречаться раньше?

Продавец пожал плечами.

— Просто у меня такое лицо.

— Это было давно, — сказал Мартин. — Восемнадцать... двадцать лет тому назад. Я тогда уехал. — Он засмеялся зароевшимися вдруг мыслям. — Я не пожалел бы доллара за каждый час, проведенный у этого фонтанчика. От того времени, когда я учился в средней школе, и до третьего курса института. — Он повернулся на крутящемся стуле и поглядел на чистую, залитую солнцем улицу за окном. — Город тоже кажется прежним. — Он повернулся к продавцу. — Знаете, это просто изумительно. Двадцать лет прошло, а все осталось по-старому.

Маленький человек в очках сделал газировку с мороженым и протянул ему.

— С вас дайм*.

Мартин полез в карман, но вдруг рука его замерла.

— Дайм? — спросил он недоверчиво. И поднял большой, щедро наполненный стакан. — Три ложки?

Продавец рассмеялся.

— Мы всегда так готовим.

Мартин рассмеялся в свою очередь.

— Этак вы по миру пойдете. Никто не продает больше газировку за десять центов.

На мгновение повисло молчание, потом продавец сказал:

— Никто? Да откуда же вы?

Мартин принялся за мороженое.

— Из Нью-Йорка, — ответил он между глотками. — Эй, да у вас прекрасное мороженое!

Продавец положил локти на прилавок.

— Вкусно? — спросил он.

— Великолепно. — Мартин dokonчил мороженое и одним глотком расправился с оставшейся газировкой. Потом покачал головой. — Словно никуда и не уезжал. Это было здорово. — Он повернулся и обвел взглядом комнату. — Забавно, — проговорил он. — Как много воспоминаний бывает связано с каким-то местом. Я всегда думал, что, если когда-нибудь вернусь сюда, здесь все будет по-другому.

Аптека глядела на него. Стойка, полки, плакаты и светильники. Вентиляторы. Они глядели на него, словно старые друзья.

— Такое впечатление, — задумчиво проговорил Мартин, — словно... словно я ушел отсюда вчера. — Он поднялся со стула и принялся машинально крутить его туда-сюда. — Словно я ушел отсюда вчера вечером. — Он улыбнулся продавцу. — Я готов поверить, что мистер Уилсон сидит сейчас в конторе и дремлет, как он это делал обычно, пока был жив.

---

* Дайм — 10 центов.

Он не заметил, как вздрогнул при этих словах продавец.

— Это одно из самых ярких моих воспоминаний: старина Уилсон, дремлющий в своем большом удобном кресле за той дверью. Старина Уилсон... да будет земля ему пухом.

Он полез в карман, вытащил доллар и положил на стойку. Продавец удивленно посмотрел на него.

— Это же бак*!

Мартин улыбнулся, щелкнув ногтем по стакану.

— Это, — он обвел комнату взглядом, — и это все — оно стоит того.

Он вышел в знойное лето. Продавец постоял немного, пожал плечами, потом поднял крышку бачка с шоколадным сиропом и заглянул внутрь. Аккуратно закрыл бачок, вышел из-за прилавка, поднялся по лестнице и тихонько постучал в дверь.

— Да? — спросил заспанный голос.

Продавец приоткрыл дверь на несколько дюймов.

— Мистер Уилсон, — сообщил он седовласому старику, сидящему в тяжелом кожаном кресле и открывшему при его появлении один глаз, — шоколадный сироп кончается.

Старик кивнул и закрыл глаз.

— Я скажу, чтобы после обеда привезли.

Мгновение спустя он крепко спал. Продавец спустился вниз. Он взял стакан Мартина Слоуна и стал мыть его. Чудной парень, подумал он. По миру пойдешь, если будешь продавать три ложки мороженого за дайм. Он рассмеялся, протирая стакан. Никто больше не продает тройную порцию мороженого за дайм. Он пожал плечами и поставил чистый стакан. Разные люди встречаются. Очень разные. Но этот парень — он какой-то странный. Было какое-то такое выражение на его лице. Как бы его можно было описать? Он выглядел таким... *счастливым*. Он выглядел счастливым лишь оттого, что оказался в старой темной аптеке. Вошла женщина с рецептом, и продавец выкинул из головы Мартина Слоуна.

Мартин шел по Оук-стрит — улице, на которой он вырос. Улица уходила вдаль. По краям она была обсажена большими широколиственными кленами, отбрасывавшими четкие черные тени на залитый солнечным сиянием асфальт. Большие двухэтажные викторианские дома, стоящие в глубине больших зеленых лужаек, были его старыми друзьями. Он бормотал имена владельцев домов, мимо которых проходил. Ванбурен. Уилкоккс. Эбернети. Он поглядел на ту сторону улицы. Доктор Брэдбери, Мальруни, Грей. Он остановился, прислонясь к дереву. Улица была точно такой, как он ее помнил. Он снова ощутил

---

* Бак — доллар.

сладко-горький приступ ностальгии. Он вспоминал игры, в которые играл с другими ребятами на этой улице. Газеты, которые разносил. Многочисленные падения, когда учился кататься на велосипеде и роликовых коньках. И людей. В голове его теснились имена и лица. Его дом был в конце квартала, и по некоторым причинам он хотел оставить его напоследок. Дом уже виднелся впереди. Большой, белый, с огибающей его полукруглой верандой. С куполами. С металлической фигуркой жокея впереди. Господи, как это все помнится! Все эти мелочи, которые засовываешь в дальний ящик памяти и забываешь. А потом открываешь ящик — и вот они.

— Хай, — сказал тонкий детский голос.

Мартин оглянулся и увидел малыша лет четырех с измазанной вареньем мордашкой, который играл в шарики.

— Хай, — ответил Мартин и присел рядом с ним на корточки.

— Как успехи? — спросил он, показав рукой на шарики.

— Ниче, — отозвался малыш.

Мартин взял один шарик и посмотрел сквозь него.

— Я тоже раньше играл в шарики, — сказал он. — Мы давали им специальные названия. Железные, из подшипников старых автомобилей, мы называли стальками. А те, через которые можно было смотреть — прозрачками. Вы все еще называете их так?

— Конечно, — ответил малыш.

Мартин показал на телефонную будку, исцарапанную тысячами порочинных ножей.

— А вон там мы играли в прятки, — сказал он малышу. Он усмехнулся. — Чертили круг — и кто первый добежит. — Он громко рассмеялся, потому что мысль согрела его. — На этой самой улице каждый вечер мы играли в прятки. А я жил вон в том угловом доме. — Он махнул рукой в сторону дома. — В том большом, белом.

— В слоуновском доме? — спросил малыш.

Глаза Мартина чуть расширились.

— Верно. Вы все еще называете его так?

— Все еще называем его как?

— Слоуновским домом. Моя фамилия Слоун. А зовут меня Мартин. А тебя?

Он протянул малышу руку, но тот отодвинулся и насупился.

— Ты не Мартин Слоун, — сказал он обвиняющим тоном. — Я знаю Мартина Слоуна, и ты — не он.

Мартин рассмеялся.

— Я не Мартин Слоун, вот как? Что ж, посмотрим, что скажут водительские права.

Он полез в нагрудный карман за бумажником. Когда он поднял глаза, малыш со всех ног бежал по улице. Он свернул в ворота дома, стоящего напротив дома Мартина, промчался по лужайке и скрылся за дверью. Мартин медленно поднялся и не спеша пошел дальше. Он

подумал, что много-много лет не ходил так медленно. Дома и лужайки проплывали мимо, и он впитывал их. Он и не хотел спешить. Он не торопясь смаковал окружающий его мир. Вдалеке слышался детский смех и позвякивание колокольчика тележки с мороженым. Все сошлось: вид, звук, настроение. В горле стоял комок.

Он не мог сказать, сколько времени так шел, но вдруг осознал, что стоит в парке. Парк несколько не изменился — как аптека, как дом. По-прежнему стоял павильон с круглой сценой для оркестра. По-прежнему кружилась карусель, полная детишек, и металлическая диссонансирующая механическая музыка гнала ее круг за кругом. Все те же деревянные лошадки, те же тележки с мороженым и леденцы на льняных нитях. И дети. Короткие штанишки и майки с Микки Маусом. Леденцы на палочках, стаканчики с мороженым, смех и хихиканье. Язык детства. Музыка... симфония лета. Звуки кружились вокруг Мартина. Механическая музыка, смех, дети. Снова комок в горле. Снова сладостная горечь. Все это он оставил так далеко, а теперь все это было так близко.

Мимо проходила симпатичная молодая женщина с коляской. Она остановилась, увидев то выражение лица, с которым он глядел на карусель. Она никогда не видела таких лиц. И она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ.

— Прекрасное место, правда? — сказал он.

— Парк? Ну конечно.

Мартин кивнул в сторону карусели.

— Это ведь часть лета, верно? Музыка, карусель...

Женщина рассмеялась.

— И леденцы на нитке, и мороженое, и духовой оркестр.

Улыбка сошла с лица Мартина. Она сменилась выражением напряжения и тоски.

— На свете ничего не может быть лучше, — тихо проговорил он. — Ничего лучше лета и ничего лучше, чем быть ребенком.

Женщина глядела на него. Что-то такое было в этом человеке.

— Вы здешний?

— Был когда-то. Я жил в паре кварталов отсюда. Я помню эту сцену. Боже, еще как помню. Я убежал вечером из дому, лежал на траве, глядел на звезды и слушал музыку. — Голос его чуть зазвенел. — Я играл в футбол на том поле. Третьим базовым. И я вырос на этой карусели. — Он ткнул пальцем в сторону концертного павильона. — А на том столбе я однажды летом вырезал свое имя. Мне было одиннадцать лет, и я вырезал свое имя прямо... — Он замер, глаза его расширились.

На перилах павильона сидел мальчишка и что-то вырезал на столбе перочинным ножом. Мартин Слоун медленно подошел к нему. Он почувствовал волнение, которого никогда не испытывал раньше. Было и жарко, и холодно, и неистово колотилось сердце. Это был и

удар, и удивление, и загадка, которой он не мог разгадать. Он глядел на мальчишку и видел себя двадцать пять лет тому назад. Он глядел на себя самого. Он стоял, качая головой, шурясь от солнца, и вдруг увидел, что мальчишка вырезает на столбе. Неровные буквы складывались в имя: Мартин Слоун. У Мартина остановилось сердце. Он поднял непослушную руку в сторону мальчишки, который только теперь заметил, что на него смотрят.

— Мартин Слоун. Ты *Мартин Слоун*?

Мальчишка испуганно соскочил с перил.

— Да, сэр, но я не хотел ничего такого, честно. Многие вырезают здесь свои имена. Честно. Не я первый...

Мартин шагнул к нему.

— Ты Мартин Слоун. Конечно, ты Мартин Слоун, кем же еще тебе быть. Именно так я и выглядел.

Он не отдавал себе отчета в том, что голос его неожиданно зазвучал громко, и, конечно же, не мог видеть, какое напряжение появилось на его лице. Мальчишка попятился и стрелой метнулся вниз по ступенькам.

— Мартин! — крикнул вдогонку Слоун. — Мартин, пожалуйста... вернись! Пожалуйста, Мартин!

Он кинулся за ним, но мальчишка уже затерялся в многоцветной толпе шортиков, маек с Микки Маусом и хлопчатых платьев матерей.

— Пожалуйста, Мартин! — крикнул вслед ему Слоун в попытке найти его. — Пожалуйста... не бойся. Я не хочу тебе зла. Я просто хотел... я просто хотел спросить тебя кое о чем.

— Я просто хотел рассказать тебе, — сказал он тихо, скорее для себя самого. — Я просто хотел рассказать тебе, как оно все будет.

Он повернулся и снова увидел рядом ту женщину. Он закрыл глаза и в смущении и замешательстве провел рукой по лицу.

— Не знаю, — сказал он. — Я действительно не знаю. — Он открыл глаза и уронил руку. — Если это сон... лучше бы мне проснуться. — Он снова услышал смех, механическую музыку, голоса детей. — Я не хочу, чтобы это оказалось сном, — сказал он. — Господи, как мне не хочется, чтобы это оказалось сном.

Когда он снова взглянул на женщину, в глазах его стояли слезы.

— Я не хочу, чтобы время шло, понимаете? Я хочу, чтобы так было всегда.

Молодая женщина так и не поняла, что такое было в этом человеке, из-за чего она чувствовала жалость к нему. Она хотела помочь, но не знала как. Она глядела, как он повернулся и пошел из парка, и она до самого вечера думала о нем: о странном человеке с напряженным лицом, который был влюблен в парк.

Мартин знал, куда должен теперь пойти. Это было все, что он знал. Кроме того, что с ним произошло нечто странное. Нечто нереальное. Он не был испуган. Просто встревожен. Он вернулся на Оук-стрит и остановился перед своим домом. Он вновь ощутил, как нахлынули на него воспоминания. Он подошел к парадному, поднялся по ступенькам и позвонил. Он весь трепетал, не зная почему. Он услышал приближающиеся шаги. Открылась дверь. Из-за сетки, за-тягивающей дверной проем, на него глядел человек.

— Да? — сказал этот человек.

Мартин Слоун ничего не ответил. На какое-то мгновение он потерял дар речи. Восемнадцать лет назад он присутствовал на кремации отца. Это было дождливым, холодным и ветреным мартовским днем. А теперь он смотрел через дверную сетку на такое знакомое лицо. Квадратная челюсть, глубоко посаженные голубые глаза, прекрасные черты, придающие лицу выражение усмешки и умудренности одновременно. Лицо его отца. Лицо, которое он так любил. И он смотрел на него через дверную сетку.

— Да? — Его отец перестал улыбаться, в голосе прозвучало нетерпение. — Кто вам нужен?

Мартин чуть слышно прошептал:

— Папа!

Из дома послышался голос его матери. Она умерла четырнадцать лет назад, но это несомненно был ее голос.

— Кто там, Роберт?

— Мама? — Голос Мартина прервался. — Это мама?

Глаза Роберта Слоуна сузились, губы сжались.

— Кто вы такой? — спросил он. — И что вам здесь нужно?

Миссис Слоун выглянула из-за плеча мужа, кинула взгляд на его лицо, потом поглядела на Мартина.

— Почему вы оба здесь? — спросил Мартин. — Как вы можете быть здесь?

Удивленная миссис Слоун кинула взгляд на мужа.

— Кто это? — спросила она. И, переведя взгляд на Мартина: — Что вы хотите, молодой человек?

Мартин недоверчиво покачал головой, чувствуя, как каждая его частица рвется к этой паре, стоящей перед ним. Он хотел броситься к ним, коснуться их, прижаться к ним.

— Мама, — сказал он наконец, — ты не узнаешь меня? Я Мартин, мама. Я Мартин.

Глаза женщины расширились.

— Мартин? — Она повернулась к мужу и шепнула: — Это луна-тик или что-то такое.

Роберт Слоун стал закрывать дверь. Мартин нажал на ручку, но она не поддавалась.

— Папа, пожалуйста, подожди минутку. Не бойся меня. Боже,

как вы можете меня бояться? — Он ткнул в себя пальцем, словно в этом жесте заключалась вся логика мира. — Я Мартин, — повторил он. — Разве вы не понимаете? Я Мартин. Я родился здесь.

Он увидел холод на обоих лицах, испуг и недоверие. Он был сейчас словно маленький мальчик. Словно маленький мальчик, который потерялся, потом отыскал дорогу домой, а его не пустили на порог.

— Я же ваш сын, — сказал он. — Неужели вы не узнали меня? Мама, папа... Ну поглядите на меня!

Дверь захлопнулась перед его лицом, и прошло несколько минут, прежде чем он смог спуститься с крыльца. Он остановился и оглянулся на дом. Вопросы теснились в голове, вопросы, не обличенные в форму. Вопросы, что не имели смысла. Бога ради, скажите мне, что здесь случилось? Где я? Когда я? Дома и деревья навалились на него, и он чувствовал, как вокруг него вырастает в небо улица. Господи, как ему не хотелось отсюда уходить. Как ему хотелось снова увидеть родителей. Как ему хотелось поговорить с ними.

Автомобильный клаксон вторгся в его мысли. В соседнем дворе стоял парень, который показался ему знакомым. Он стоял у «родстера»* с откидным сиденьем.

— Хай, — крикнул ему парень.

— Хай, — ответил Мартин и подошел к автомобилю.

— Красавец, верно? — сказал парень. — Первый из этой серии в нашем городе. Отец купил.

— Что? — спросил Мартин.

— Новая машина. — Улыбка устойчиво держалась на лице парня. — Первая из этой серии. Красивая, верно?

Мартин оглядел машину от переднего бампера до задних огней.

— С откидным сиденьем, — тихо сказал он.

Парень вопросительно наклонил голову.

— Само собой. Это же «родстер».

— Я двадцать лет не видел откидного сиденья.

Повисло молчание. Парень изо всех сил старался удержать радостное выражение на лице.

— Откуда вы, мистер? Из Сибири?

Мартин Слоун не ответил ему. Он просто стоял и глядел на «родстер». Первый из этой серии в городе, сказал парень. Первый. С иголочки. Автомобиль 1934 года, и совершенно новехонький.

Был поздний вечер, когда Мартин Слоун вернулся на Оук-стрит и остановился перед своим домом, глядя на неправдоподобно теплые

---

* Родстер — автомобиль с открытым двухместным кузовом и откидным задним сиденьем.

огни, горящие за занавесками. Во тьме миллионом тамбуринов трещали сверчки. В воздухе пахло гиацинтами. Тихо шумели отягощенные листвою деревья, отбрасывающие странные тени на прохладный тротуар. Ощущение лета, так хорошо сохранившееся в памяти.

За этот день Мартин Слоун исходил много улиц, перебрал много версий. И теперь он отчетливо и ясно понимал, что вернулся на двадцать лет назад. Каким-то совершенно невероятным способом он преодолел непреодолимое измерение. Он не испытывал больше ни волнения, ни тревоги. У него появилась цель. У него появилась решимость достичь этой цели. Он собирался заявить свои права на прошлое. Мартин ступил на первую ступеньку лестницы и почувствовал под ногой что-то мягкое. Бейсбольная перчатка. Он поднял ее и надел на руку, расправив на ней карман, как много лет назад. Потом увидел велосипед, лежащий посреди двора. Он звякнул звоночком и, почувствовав, как на его руку легла чужая, заглушил звонок. Он поднял голову и увидел Роберта Слоуна.

— Опять вы здесь? — спросил отец.

— Я не мог не вернуться, пап. Это же мой дом. — Он снял перчатку с руки. — И это мое. Ты купил мне ее на день рождения, когда мне исполнилось одиннадцать.

Глаза его отца сузились.

— А еще ты подарил мне бейсбольный мяч. На нем был автограф Лу Герича.

Его отец долго и задумчиво глядел на него.

— Кто вы? — тихо спросил он. — И что вам надо здесь? — Он чиркнул спичкой, разжег трубку, поднял спичку повыше и, пока горело недолгое пламя, изучающе смотрел на Мартина.

— Я просто хочу отдохнуть, — сказал Мартин. — Я устал от этой гонки. Мое место здесь. Разве ты не понимаешь, папа? Мое место здесь.

Лицо Роберта Слоуна смягчилось. Он был человеком добрым и не лишенным сочувствия. И разве не было в этом незнакомце чего-то такого, что вызывало какое-то странное чувство? Чего-то такого, что было... знакомым, что ли?

— Послушай, сынок, — сказал он. — Наверное, ты болен. Возможно, у тебя какая-нибудь мания или галлюцинации. Я не хочу тебе зла и не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Но лучше тебе отсюда уйти, иначе у тебя *будут* неприятности.

Позади послышался звук открываемой двери, и на крыльцо вышла миссис Слоун.

— С кем это ты там разговариваешь, Роб... — начала она и остановилась, увидав Мартина.

Он взбежал по ступенькам и схватил ее за плечи.

— Мама, — закричал он, — погляди на меня! Погляди на мое лицо. Скажи, скажи же!

Испуганная миссис Слоун попыталась сделать шаг назад.

— Мама! *Погляди на меня.* Пожалуйста! Кто я? Скажи, кто я?

— Я не знаю вас, — сказала миссис Слоун. — Я вас никогда раньше не встречала. Роберт, скажи, чтобы он уходил.

Она повернулась, чтобы уйти, но Мартин снова схватил ее за плечи и повернул к себе.

— У вас есть сын. Его зовут Мартин, верно? Он ходит в эмерсоновскую школу. Каждый август он гостит у тети, на ферме под Буффало, а пару раз мы ездили всей семьей на Саратогу, снимали там коттедж. И еще у меня была сестренка, но она умерла, когда ей был год.

Миссис Слоун глядела на него широко раскрытыми глазами.

— Где сейчас Мартин? — спросила она мужа.

Мартин еще сильнее сжал ее плечи.

— *Мама!* — закричал он. — Я твой сын! Ты должна поверить мне. Я твой сын Мартин. — Он отпустил мать, полез в нагрудный карман за бумажником, вынул его и раскрыл. — Видишь? Видишь? Здесь все мои документы. Прочти их. Ну же, прочти их!

Он все совал ей бумажник, и мать в отчаянии испуга подняла руку и ударила его по щеке, со всей силой. Мартина словно поразил гром. Бумажник выскользнул из пальцев и упал на землю. Он стоял, качая головой, словно не в силах поверить, что ударившая его женщина не осознает той ужасной ошибки, которую только что совершила. Откуда-то издали донеслась механическая музыка. Мартин обернулся и прислушался. Потом медленно сошел со ступенек, прошел мимо отца и вышел из ворот. Чуть постоял, вслушиваясь в механическую музыку. И вдруг побежал на доносящиеся звуки.

— Мартин, — кричал он на бегу. — Мартин! Мартин! Мартин, я хочу поговорить с тобой!

Парк был залит светом гирлянд уличных фонарей и надписей над киосками. Цепочка огоньков круг за кругом бежала над каруселью, и отсветы ложились на лицо Мартина, озирающегося в надежде отыскать одиннадцатилетнего мальчишку в ночи, заполненной детьми. И вдруг он увидел его. Он кружился на карусели.

Мартин бросился к ней, схватился за проплывающий мимо поручень и перебросил тело на кружащуюся платформу. Он спотыкаясь побежал по лабиринту скачущих лошадок, сквозь десятки маленьких личиков, качающихся вверх-вниз.

— Мартин, — крикнул он, ударившись плечом о деревянную лошадку, — Мартин, пожалуйста, мне надо поговорить с тобой!

Мальчишка услышал свое имя, оглянулся через плечо и увидел человека с растрепанными волосами и потным лицом, бегущего к нему. Он соскочил с лошадки, бросил коробку с кукурузными хлопьями и помчался прочь, уворачиваясь от поднимающихся и опускающихся лошадок.

— Мартин! — летел ему вслед голос Слоуна.

Он нагонял мальчика. Он был от него футах в десяти-пятнадцати, но то продолжал бежать.

Все случилось неожиданно. Мартин был от мальчика на расстоянии вытянутой руки. Он потянулся, чтобы схватить его. Мальчик оглянулся через плечо, оступившись поставил ногу за край платформы и полетел вперед головой в кружащееся многоцветное пространство. Его нога попала на выступающую металлическую часть механизма, и его потащило под карусель. Мальчик вскрикнул, и почти в тот же момент служитель (лицо — словно белая маска) дотянулся до рубильника и остановил карусель. Никто не заметил, а позже не вспомнил, что умирающую, диссонирующую механическую музыку пререзали два вскрика. Два. Один — одиннадцатилетнего мальчика, настигнутого кошмаром и потерявшего вслед за этим сознание. Другой — Мартина Слоуна, почувствовавшего мучительную боль, пронзившую правую ногу. Он схватился за нее, чуть не упав. Послышались крики женщин и детей, сбегавшихся к мальчику, зарывшемуся лицом в пыль в нескольких футах от карусели. Люди окружили его. Служитель протолкался сквозь толпу и склонился над мальчиком. Он осторожно поднял его на руки, и тоненький голосок маленькой девочки прорезался сквозь людской гул.

— Посмотрите на его ногу. Посмотрите на его ногу.

Одиннадцатилетнего Мартина Слоуна на руках несли из парка. Покалеченная нога кровоточила. Мартин пытался пробиться сквозь толпу, но мальчика уже унесли. Повисло молчание, потом послышался невнятный шум голосов. Люди начали расходиться по домам. Киоски стали закрываться. Огни начали гаснуть. Мартин остался один. Он прислонился к ограде вокруг карусели и закрыл глаза.

— Я только хотел рассказать, — прошептал он, — я только хотел рассказать тебе, Мартин, что это самое удивительное время в твоей жизни. Не позволяй ничему уходить в прошлое без того, чтобы... без того, чтобы не насладиться этим. Больше не будет каруселей. Не будет леденцов. Не будет духовых оркестров. Я только хотел рассказать тебе, Мартин, что это было чудесное время. Сейчас! Здесь! И все. Это все, что я хотел сказать тебе, Мартин!

Он подошел к карусели и сел на край. Деревянные лошадки безжизненно глядели на него. Запертые киоски слепо глядели на него. Летняя ночь висела над ним, и он был одинок. Он не мог сказать, сколько просидел так, пока не услышал шаги. Он поднял голову и увидел, что его отец идет к нему с той стороны карусели. Роберт Слоун остановился над ним, держа в руках бумажник. Бумажник Мартина.

— Я думаю, вы захотите узнать, — сказал он. — С мальчиком все в порядке. Возможно, он будет прихрамывать, сказал нам доктор, но опасности нет.

Мартин кивнул.

— Я благодарю Господа за это.

— Вы выронили это у дома, — сказал Роберт, протягивая бумажник. — Я заглянул внутрь.

— И?

— Я узнал о вас интересные вещи, — сказал Роберт просто. — Водительское удостоверение, деньги... — Он помолчал. — Похоже, что вы действительно Мартин Слоун. Вам тридцать шесть. Вы живете в Нью-Йорке. — Затем с вопросительными интонациями в голосе: — Так написано в вашем водительском удостоверении, действительно до 1960 года. Этот год наступит через двадцать пять лет. Даты выпуска на деньгах... на монетах... Эти даты еще не наступили.

Мартин глянул отцу в лицо.

— Теперь ты знаешь, верно?

Роберт кивнул.

— Да, я знаю. Я знаю, кто ты, и знаю, что ты проделал длинный путь. Длинный путь... и долгий. Я знаю, зачем и как. А ты?

Мартин покачал головой.

— Но ты должен знать другое, Мартин. То, что случится.

— Да, я это знаю.

— И ты знаешь, когда мы с твоей матерью... когда нас...

Мартин прошептал:

— Да, и это я знаю тоже.

Роберт вынул трубку из рта и долго и пристально поглядел на Мартина.

— Так не говори этого мне. Я предпочитаю не знать. Это часть загадки, которую задает нам жизнь. Я думаю, это всегда должно оставаться загадкой. — Минутная пауза. Потом: — Мартин?

— Да, папа?

Роберт положил руку Мартину на плечо.

— Ты должен уйти отсюда. Тебе нет здесь места. Ты понимаешь?

Мартин кивнул и тихо ответил:

— Я это вижу. Хотя не знаю почему. Почему я не могу остаться?

Роберт улыбнулся.

— Я полагаю, потому, что у нас лишь один шанс, Мартин. Каждому — свое лето. — Голос его был теперь глубок и полон сочувствия. — Маленький мальчик... тот, которого я знаю, тот, чье место здесь по праву. Это его лето, Мартин. Точно так же, как оно было твоим когда-то. — Он покачал головой. — Не заставляй его делиться с тобой.

Мартин поднялся и поглядел в темнеющий парк.

— Там, откуда ты... Там все так плохо? — спросил Роберт.

— Я думаю так, — ответил Мартин. — Я устал от этой гонки,

папа. Я был слаб, но верил, что силен. Я был до смерти напуган... но строил из себя сильного человека. И вдруг я выдохся. Я так устал, пап. Я так устал от этого бега. И однажды... я понял, что должен вернуться. Я должен вернуться, прокатиться на карусели, послушать духовой оркестр, погрызть леденцов. Я должен постоять, перевести дыхание, закрыть глаза, вдохнуть и слушать.

— Я думаю, мы все того хотим, — мягко сказал Роберт. — Но, Мартин, когда ты вернешься назад, может быть, ты увидишь, что и там есть карусели, духовые оркестры и летние ночи. Может, ты просто не туда смотрел? Ты не должен глядеть назад, Мартин. Попробуй глядеть вперед.

Он замолчал. Мартин посмотрел на отца. Он чувствовал любовь к нему, безграничную нежность и единение, более глубокое, нежели единение плоти.

— Может быть, папа, — сказал он. — Может быть. Пока, папа.

Роберт сделал несколько шагов прочь, остановился, постоял немного и повернулся к Мартину.

— Пока... сынок, — сказал он.

Немного погодя он исчез в темноте. Позади Мартина пришла в движение карусель. Не было огней, не было шума, только призрачные фигурки лошадок бежали по кругу. Мартин шагнул на вращающийся круг, поближе к тихому табунку деревянных жеребят с рисованными глазами, бегущих по кругу в ночи. Карусель сделала полный круг и стала останавливаться. На ней никого не было. Мартин Слоун исчез.

Мартин Слоун вошел в аптеку. Это была та самая, которую он помнил мальчишкой, но кроме общей планировки помещения и лесенки, ведущей в контору с крохотного балкончика, она ничем не напоминала место, которое он помнил. Она была светлой, с рядами люминесцентных ламп, с грохочущим блестящим музыкальным автоматом, новехоньким сатуратором, сверкающим хромом. Аптека была полна студентов. Некоторые танцевали, некоторые пили пиво из больших кружек, собравшись в углу у окна. Работал кондиционер, и было довольно прохладно. Мартин прошел сквозь сигаретный дым, сквозь рев рок-н-ролла и смех студентов. Его глаза шарили по сторонам, пытаясь отыскать хоть что-то знакомое. Молодой продавец улыбнулся ему.

— Хай, — сказал он. — Что-нибудь надо?

Мартин уселся на хромированный стул, обтянутый кожей.

— Может, шоколадной газировки? — попросил он парнишку у фонтанчика. — Мороженого — три ложки.

— Три ложки? — повторил продавец. — Конечно, я могу положить вам три ложки. Но это будет дороже. Тридцать пять центов. О'кей?

Мартин грустновато улыбнулся.

— Значит, тридцать пять центов? — Его глаза снова бежали по помещению. — Вы что-нибудь знаете о старом мистере Уилсоне? — спросил он. — Когда-то он владел этой аптекой.

— О, он умер, — ответил продавец. — Давным-давно. Лет пятнадцать, а то и двадцать. Какого мороженого положить? Шоколадного? Ванильного?

Мартин не слышал его.

— Ванильного? — повторил продавец.

— Знаете, я передумал, — сказал Мартин. — Пожалуй, я обойдусь газировкой. — Он стал вставать и покачнулся. Правая нога опять подвела его. — Эти стулья не годятся для калек, — сказал он с грустной усмешкой.

Продавец с интересом взглянул на него.

— Пожалуй. Это вас на войне?

— Что?

— Ваша нога. Это на войне?

— Нет, — ответил Мартин задумчиво. — Когда-то, еще мальчишкой, я упал с карусели. Странный это был случай.

Продавец прищелкнул пальцами.

— Карусель! Слушайте, а я ведь помню карусель! Ее сломали всего несколько лет назад. А жаль. — Он с симпатией улыбнулся Мартину. — Слегка опоздали, а?

— Что? — спросил Мартин.

— Я говорю, слегка опоздали?

Мартин долгим взглядом обвел аптеку.

— Да, — тихо сказал он. — И очень.

Он вышел в жаркий летний день. Жаркий летний день, который в календаре значился как 26 июня 1959 года. Он прошел по центральной улице и вышел за город, держа путь к заправке, где оставил машину, чтобы в ней сменили масло и подтянули все гайки. Так давно это было. Он шел медленно, чуть приволакивая правую ногу, по пыльной обочине скоростного шоссе.

На заправке он заплатил парнишке, сел в машину, развернулся и покатил в сторону Нью-Йорка. Лишь мельком оглянулся он на табличку «Хоумвуд, 1,5 мили». Надпись лгала. Он точно знал это. Хоумвуд был дальше. Много дальше.

Высокий человек в костюме от «Брукс Бразерс», сидящий в красном «мерседесе», крепко сжимая баранку, медленно ехал на юг, к Нью-Йорку. Он не знал толком, что ждет его в конце пути. Но точно знал, что открыл нечто для себя. Хоумвуд. Хоумвуд, штат Нью-Йорк. До него нельзя дойти пешком.

ЛИХОРАДКА

Вот как все было с Франклином Гибсом. У него была тщательно распланированная, четко расписанная маленькая жизнь, которая включала в себя встречи с выпускниками «Киванис» в отеле «Салинас» по четвергам, вечернюю школу при местной церкви по средам, церковь по воскресеньям, работу кассиром в банке и вечер раз в неделю, проводимый с друзьями за игрой в парчези или что-нибудь такое же азартное. Он был толстеньким невысоким человеком средних лет, чьи узкие плечи были постоянно отведены назад на манер плебея из Вест-Пойнта, а выпяченную, словно у голубя, грудь туго облегал жилетка. На лацкане его пиджака был приколот значок в честь десятилетия окончания «Киванис», а чуть выше — другой, за пятнадцатилетнюю службу, врученный ему директором банка. Он жил вдвоем с женой в маленьком домике с двумя спальнями. Домику было лет двадцать, позади него располагался небольшой садик, а впереди рос розовый куст — предмет особой страсти миссис Гибс.

Флора Гибс, вышедшая за Франклина двадцать два года назад, была женщиной угловатой, с висящими, словно мышинные хвостики, прямыми прядками волос и окружностью груди примерно на четверть дюйма меньшей, чем у мужа. Она имела тихий голос, и жизнь свою посвящала тому, чтобы заботиться о Франклине Гибсе, кормить его, развеивать его дурное настроение, удовлетворять его прихоти и смягчать вспышки ярости, охватывающей его при всяких мало-мальских изменениях распорядка их повседневной жизни.

Данное вступление по крайней мере отчасти объясняет бурную реакцию Франклина Гибса на известие, что Флора выиграла приз в радиоконкурсе.

Это было одно из тех сумасшедших неожиданных событий, что вроде бы случайно вдребезги разбивают прозаическую монотонную жизнь. И вот такое событие ворвалось в жизнь Флоры. Она послала на радио письмо, в котором буквально в восемнадцать словах объясняла, почему она предпочитает «готовые бисквиты тетушки Марты» любым другим. Она написала скупой и экономно, ибо сама жила скупой и экономной жизнью, лишенной развлечений и излишней роскоши, жизнью, состоящей из рационально заполненного времени и забот о бюджете, жизнью тусклой, скудной, ничем не примечательной, лишенной (пока она не приняла участия в конкурсе) малейшего намека на какое-то разнообразие, на что-то яркое. И вот пришла телеграмма. Не первая премия, это было бы слишком. (А первой премией были пятьдесят тысяч долларов, и Франклин, поджав губы, сказал, что если бы она как следует постаралась, она получила бы их.) Третья. Бесплатное трехднев-

ное путешествие для двоих в Лас-Вегас. Прекрасный номер в самом дорогом, современном и известном отеле, шоу, экскурсии, изысканная еда плюс самолет в оба конца.

Сообщение о призе упало в жизнь Флоры, словно метеор в безлюдную местность. Франклин был на какое-то мгновение даже ошеломлен тем, как вдруг ожило бесцветное лицо жены. До него постепенно начало доходить, что Флора на самом деле желает посетить Лас-Вегас. За завтраком разыгралась самая настоящая сцена. Франклин весьма недвусмысленно заявил жене, что в Лас-Вегасе играют либо очень богатые, либо очень глупые. Все эти развлечения — не для людей нравственных и уравновешенных, а поскольку уравновешенность и нравственность очень многое значат для мистера Гибса, им следовало бы телеграфировать организаторам конкурса (с оплатой телеграммы получателем, мимоходом заметил он) и ознакомить их со своим решением относительно посещения Лас-Вегаса и, как подчеркнул мистер Гибс, «его крайне сомнительных притонов».

Когда мистер Гибс пришел из банка домой пообедать, столовая была пуста. Флора рыдала в своей комнате. Впервые эта послушная, уступчивая, рабопенная женщина посмела настоять на своем. Она выиграла путешествие в Лас-Вегас, и она отправится туда, с Франклином или без него. Это сообщение было высказано в перерывах между рыданиями и прерываемыми судорожными всхлипами библейскими цитатами типа «куда иголка, туда и нитка», словами, с которыми одна пожилая леди из Ветхого Завета обращается к другой, но вряд ли подходящими в данной ситуации, когда жене надо уговорить мужа отпустить ее в Лас-Вегас. Но что действительно заставило Франклина Гибса пойти на попятный, так это комбинация возможности рассматривать путешествие как чуть растянутый День Поминовения и того факта, что ни за что не надо платить.

Неделю спустя Франклин в своем слегка лоснящемся, облегающем фигуру синем форменном костюме-тройке банковского служащего (с цветком в петлице) и Флора в хлопчатобумажном платье в цветочек с широким зеленым поясом, шляпе с искусственными цветами и огромным пером летели в Лас-Вегас. Флора все шесть с половиной часов полета возбужденно болтала. Франклин раздраженно молчал, изредка вставляя замечания относительно правительства штата, настолько аморального, что оно узаконило азартные игры.

В аэропорте их встретили и на машине отеля отвезли в «Дезерт Фронтир Палас» — безвкусное вытянутое в длину здание, увенчанное обнаженными неоновыми девушками. Всю дорогу до отеля Флора рассказывала шоферу про Эльгин, штат Канзас, — пронзительным голосом, в нелепой манере маленькой девочки. Франклин по-преж-

нему хранил молчание, лишь однажды не удержавшись от замечания относительно платиновой блондинки, прошедшей перед остановившимся на красный свет автомобилем. Что-то насчет того, что она очень типична для города, где вряд ли ценят добродетель.

В их номере был кондиционер: самый современный, очень удобный, весь сияющий хромированными деталями. На столе стояли блюдо с фруктами и ваза с цветами, которые Флора нервно поменяла местами три-четыре раза, не умолкая при этом ни на минуту. Франклин сидел, мрачно читая буклет Торговой Палаты, мысленно отмечая отсутствие некоторых сведений, что говорило не в пользу Лас-Вегаса по сравнению с более солидным, хотя и много меньшим по размерам Эльгином.

Час спустя в дверь номера постучали. Пришли представитель отеля по связям с публикой и фотограф. Представителя отеля звали Марти Любоу, и на лице его сияла профессиональная улыбка, предназначенная для встреч.

— Итак, мистер и миссис Гибс, — сразу от порога начал он. — Как вам номер? Все ли удобно? Не желаете ли чего-нибудь? Могу ли я что-то сделать для вас?

Голос Флоры нервно подрагивал, а руки металась по платью, поправляя его то тут, то там, что-то разглаживая, что-то приглаживая:

— О, здесь чудесно, мистер Любоу. Просто чудесно. Вы заставляете нас чувствовать себя... ну, вы заставляете нас чувствовать себя важными персонами!

Любоу громогласно рассмеялся:

— В конце концов вы и есть важные персоны, миссис Гибс. Не каждый день нам выпадает честь приветствовать победительниц конкурса!

Фотограф за его плечом отвернулся и мрачно прошептал:

— Не каждый — так почти каждый.

Смех Любоу заглушил шепот фотографа, прокатившись по комнате. Смех Любоу был не просто смех. Это было его оружие против любой непредвиденной ситуации.

— Я думаю, — сказал он, — мы сфотографируем вас прямо здесь. Полагаю, если вы встанете в центре комнаты, это будет лучше всего. Верно, Джо?

Фотограф испустил глубокий вздох, который можно было рассматривать и как согласие, и как несогласие. Он вставил в гнездо фотоаппарата лампу-вспышку и прислонился к косяку двери, глядя в видоискатель. Любоу подвел Флору к нужному месту посреди комнаты и приглашающе кивнул Франклину, который по-прежнему мрачно сидел в кресле.

— Вот сюда, к своей любимой женушке, мистер Гибс! — радостно вскричал он.

Франклин испустил вздох, свидетельствующий о его долготерпении, поднялся и встал рядом с женой.

— Прекрасно! — воскликнул Любоу, глядя на них такими восторженными глазами, словно соединить их в центре этой комнаты было для него подвигом, лишь ненамного меньшим, чем покорение в одиночку Матерхорна. — Просто прекрасно! — повторил он. — Ну, Джо, как они?

Фотограф вместо ответа сделал снимок, заставив Флору и Франклина заморгать от вспышки: Флору — с нервной застывшей улыбкой, Франклина — со злобным и вызывающим изгладом. Вновь смех Любоу состряс комнату. Он потрепал Франклина по плечу, пожал ему руку, легонько похлопал Флору по щеке и направился к двери. Фотограф уже открыл ее и как раз выходил в коридор.

— Так значит, в случае чего, только скажите... — начал Любоу.

— «Эльгинский Рожок», мистер Любоу, — остановил его голос Флоры.

Любоу повернулся к ней.

— Что, что?

— Наша городская газета называется «Эльгинский Рожок», — пояснила она.

— Конечно, конечно, миссис Гибс. «Эльгинский Рожок». Мы отошлем туда вашу фотографию. А вы наслаждайтесь, и добро пожаловать в Лас-Вегас и «Дезерт Фронтир Палас».

Он радостно подмигнул Флоре, по-мужски улыбнулся Франклину, и лишь на мгновение был выбит из колеи ледяной злобностью на лице последнего. Однако быстро оправился, помахал рукой и вышел. Его заключительный взрыв смеха был почетным салютом из двадцати одного ружья, который ничего особенного на значил, однако в некотором роде опустил занавес после сцены встречи.

Последующие пятьдесят пять минут потребовались Флоре на то, чтобы уговорить мужа спуститься в игорный зал и *посмотреть*, что это такое. Все это время она убеждала его, что нет ничего безнравственного в том, чтобы посмотреть, как люди играют. А в промежутках между доводами ей приходилось выслушивать воззрения Франклина на достойную жалости слабость людей, тратящих деньги на кости, карты и игральные автоматы. Но в конце концов он все же согласился надеть пиджак своего форменного костюма и дал Флоре увести себя в главное здание отеля, а потом и в игровой зал. Это было роскошное, шумное, полное людей помещение, заставленное столами под зеленым сукном, колесами рулеток, рядами одноруких бандитов. Вдоль всей стены тянулся бар. Зал был полон звуков, которые поднимались от застланного толстым ковром пола, ударялись в шумопоглощающий потолок, гаси-

лись обоими и, тем не менее, все-таки висели в воздухе. Эти звуки были обычными звуками, сопутствующими подобным заведениям. Позвякивание вращающихся рулеток. Звон бокалов. Металлическое «клак-клак-клак» рычагов одноруких бандитов. Сухие голоса крупные, называющих цифры, красное, черное, а поверх всего — людская разноголосица: нервные вскрики выигравших, протестующее ворчанье проигравших. Слившиеся вместе звуки ударили по ушам Флоры и Франклина с силой взрыва, едва они появились в зале и остановились у дверей, в стороне от людской активности, всматриваясь в незнакомый, яркий и шумный новый мир.

Они стояли у дверей, стараясь чувствовать себя непринужденно, впервые в жизни осознав, как они выглядят со стороны: Флора, трепещущая женщина в старомодном платье с корсажем, который только подчеркивал ее плоскогрудость, и Франклин, маленький человечек в костюме 1937 года, с прилизанными волосами, в остроносых ботинках и с чопорным видом уроженца западных штатов, одетый как на парад. Они были в данный момент двумя чуждыми элементами, соединенными вместе чувством неполноценности гораздо сильнее, чем когда-либо в Эльгине.

Они стояли так минут десять, изучая столы, игры, ставки (мелочью и в серебряных долларах): очарованная женщина и чуждый греха мужчина. Глаза Флоры становились шире и шире. Она повернулась к Франклину:

— Здесь есть свое обаяние, в этом зале!

Он поглядел на нее рыбьими глазами, потом задрал кверху нос.

— Обаяние, Флора? Я удивляюсь тебе. Ты знаешь, как я отношусь к азартным играм.

Флора виновато улыбнулась:

— И все же, Франклин, есть некоторое различие...

— Никаких различий. Все эти игры безнравственны. Азартные игры — это азартные игры. Это *твой* праздник, Флора. Но я должен со всей ответственностью повторить то, что говорил неоднократно: азартные игры — это безжалостная трата времени. Слышишь, Флора? Безжалостная трата времени!

У Флоры задрожали губы, и она легонько тронула его руку.

— Пожалуйста, Франклин, — тихо сказала она, — постарайся получить от этого удовольствие. У нас так давно не было праздников. Очень давно. Праздников... или просто времени, проведенного вместе, о котором было бы приятно вспомнить.

Левая бровь Франклина поползла вверх. Голос его зазвучал словно у человека, которому присудили Почетную медаль, но в последний момент сказали, что вышла ошибка.

— Все знают, Флора, — провозгласил он, — что я работаю, не

щая сил, и что у меня так мало времени... — Это было начало специально заготовленной речи, которую он произносил не реже одного раза в месяц. Сперва он несся на всех парусах по знакомому курсу, потом сменил галс, расписывая, как неприятно ему находиться в этом зале с полуголыми девицами и игроками в кости, как вдруг заметил, что Флора не слушает его.

На той стороне зала зажглись огни на одноруком бандите, зазвенел звонок и истерично вскрикнула женщина. Спустя мгновение к ней подошла длинноногая блондинка в узеньких брючках, несшая полную корзину денег, назвала номер автомата служителю и вручила женщине корзину. Друзья тут же окружили ее и повели к бару, радостно гомоя.

Флора подошла к «одноруким бандитам», стоящим вдоль всей стены зала. С того места, откуда она смотрела, это было похоже на лес рук, дергающих рычаги. Раздавалось непрерывное «кляк-кляк-кляк» рычагов, а затем «клик-клик-клик» вращающихся барабанов с рисунками. Вслед за этим слышалось металлическое «уф-ф», за которым иногда следовало позвякивание сыплющихся по металлической трубе серебряных долларов, которые затем всей массой увесисто шмякались в монетоприемник в нижней части аппарата.

Франклин с суровым неодобрением взирал на длинноногую блондинку и не видел, как Флора достала из кошелька никель* и бросила его в прорезь одной из машин. Флора потянулась было к рычагу, но вдруг увидела, что Франклин смотрит на нее. Она вспыхнула, натянуто улыбнулась и умоляюще поглядела на мужа.

— Франклин... это ведь всего-навсего никель.

Его высокий голос царапнул ей душу, словно напильником.

— Всего-навсего никель, Флора? *Всего-навсего* никель! Почему бы тебе не пойти на улицу и не высыпать горсть мелочи под ноги прохожим?

— Франклин, дорогой...

Он подошел к ней поближе. Голос его был тих, но полон с трудом сдерживаемой ярости.

— Олл райт, Флора, мы отправились в Лас-Вегас. Мы потеряли три дня и две ночи. Мы сделали это из-за твоего дурацкого понятия о веселье. К тому же нам это ничего не стоило: Но теперь ты начинаешь тратить деньги. Даже не тратить, Флора. Бросать на ветер. И здесь я вынужден вмешаться. Очевидно, ты недостаточно взрослая...

В глазах Флоры промелькнула боль. На лице проступило нервное выражение, которое Франклин без труда опознал: это была прелюдия к многочасовому заламыванию рук и прерывистым

---

* Никель — 5 центов.

вздохам. Это было единственное оружие Флоры на протяжении многих лет.

— Пожалуйста... пожалуйста, Франклин, не надо сцен, — зашептала она. — Я не буду играть. Я обещаю... — Она посмотрела на автомат, потом обернулась к мужу и безнадежно добавила: — Но ведь никель уже внутри.

Франклин испустил глубокий вздох и возвел глаза к потолку.

— Олл райт, — сказал он. — Бросай его на ветер. Дергай рычаг, делай, что хочешь.

Флора, не сводя глаз с Франклина, дернула рычаг, вслушиваясь в звучание барабанов, механическое «уф-ф» и последующее молчание. Уголки губ Франклина приподнялись в самодовольной усмешке, и на какое-то краткое мгновение Флора возненавидела его. Но затем привычка взяла верх, Флора смиренно взяла мужа под руку и выслушала его пожелание вернуться в номер и переодеться к ужину.

— Боюсь, я не слишком-то везучая, — тихо сказала она.

Он не ответил. У дверей она посмотрела ему в лицо.

— Франклин, это был всего-навсего никель.

— Двадцать таких монет составляют доллар. Флора, и я кручусь день-деньской ради этих долларов!

Он уже готов был открыть дверь, когда какой-то изрядно подвыпивший человек, стоящий у долларовой машины, обернулся и увидел его. Он ухватил Франклина за рукав и поволок к автомату. Франклин отшатнулся, словно его вели к чему-то заразному, но пьяница крепко держал его за рукав, сжимая в другой руке стакан.

— Сюда, старина, — говорил он, — попробуй-ка. — Он поставил стакан и вынул из кармана серебряный доллар. — Давай, не бойся. Я уже полтора часа воюю с этим толстым грабителем! — Он вложил серебряный доллар Франклину в ладонь. — Вперед, старина. Он твой. Поиграй.

Женщина у стойки бара помахала ему рукой.

— Эй, Чарли, — крикнула она, — ты идешь сюда, или мне подойти и оттащить тебя за уши?

— Иду, золотко, иду, — отозвался тот. Потом улыбнулся Франклину, распространяя вокруг себя аромат «Джонни Уокера»*, похлопал его по плечу, взял его руку, все еще сжимающую доллар, и приблизил ее к прорези в верхней части автомата.

Франклин выглядел, словно зверек, угодивший в капкан. Он озираясь по сторонам в поисках выхода, был смущен, испуган, и вообще чувствовал себя не в своей тарелке.

* «Джонни Уокер» — сорт виски.

— Слушайте, — сказал он, — мне вообще не интересно. Пожалуйста... я очень спешу...

Пьяница радостно хмыкнул, когда доллар исчез в прорези, и нетвердой походкой направился к бару.

Франклин посмотрел на автомат. Его первой мыслью было достать серебряный доллар, не пуская его в игру. Он внимательно осмотрел машину. Она была подобна остальным. Большая, с яркими огнями, со стеклянным оконцем посередине, сквозь которое было видно, как много долларов содержится в ее объемистом металлическом нутре. Два ярких огня по бокам оконца имели странное сходство с глазами, а монетоприемник внизу довершал картину огромного неоновых лица. Франклин потянулся к рычагу. Краем глаза он видел, с какой надеждой смотрит на него Флора. Затем, словно решившись на отчаянный шаг, он дернул рычаг и стал смотреть на вращающиеся барабаны, которые остановились один за другим, показав две вишни и лимон. Раздалось громкое металлическое клацканье, а затем звон монет, упавших в монетоприемник. Десять долларов.

Франклин лишь краем сознания услышал радостный вскрик Флоры. Он глядел на монеты. Потом медленно, одну за одной, взял их. Его охватило незнакомое приятное ощущение. Странное возбуждение, какого он никогда не знал раньше. Он увидел свое отражение в какой-то хромированной полосе машины и был удивлен тем, что увидел: раскрасневшееся маленькое лицо с блестящими глазами, перекатывающиеся желваки, поджатые в довольной усмешке губы.

— Франклин, а вот *ты* — везучий!

Он поглядел на Флору, с усилием вернул мрачность лицу и голосу и сказал:

— Теперь, Флора, ты увидишь разницу между нормальным взрослым вдумчивым человеком и здешними дикарями. Мы возьмем эти деньги, отнесем в свой номер и вернемся с ними домой.

— Конечно, милый.

— Эти здешние бабуины выбросили бы их. Они бы незамедлительно сунули их обратно в машину. Но не таковы Гибсы! Гибсы знают цену деньгам! Идем, дорогая, уже поздно. Я должен побриться перед ужином.

И он, не дожидаясь ее, пошел к выходу. Флора шла следом, словно собачонка, на которую не обращают внимания. Гордость появлялась на ее лице всякий раз, когда она смотрела на идущего впереди низенького человечка с выпяченной грудью, который прокладывает путь сквозь толпу с решительностью и силой, которые, казалось, лишний раз подтверждали высокое положение Эльгина, штат Канзас. Они не видели, как пьяница снова подошел к машине и опустил в

прорезь новый доллар. Но Франклин услышал звон монет, скатившихся в монетоприемник.

Он резко обернулся. Он слышал звон монет, но слышал и еще кое-что. Он отчетливо услышал собственное имя. Произнесенное металлическим скрежещущим голосом, но несомненно его имя. Доллары упали в монетоприемник и позвали его: «Франклин». Он нервно поскреб подбородок и обернулся к Флоре.

— Ты что-нибудь слыхала?

— Что, дорогой?

— Это ты произнесла мое имя, Флора?

— Нет, что ты, дорогой.

Франклин снова в недоумении уставился на автомат. Пьяница тем временем пошатываясь прокладывал путь к бару, и машина была свободна.

— Я готов поклясться... — начал было Франклин. Потом замолчал и покачал головой. Снова внимательно поглядел на машину. Она действительно напоминала лицо. Два огня сбоку были глазами, застекленное оконце с серебряными долларами за ним — носом. А щель внизу, куда падали монеты — это был маленький рот с выпяченной нижней губой.

— Слово лицо, — сказал он вслух.

— Что? — спросила Флора.

— Эта дурацкая машина. Она похожа на лицо.

Флора обернулась, непонимающе посмотрела на автомат, повернулась к Франклину.

— Лицо? — переспросила она.

— Не обращай внимания, — сказал Франклин. — Пойдем, приготовимся к ужину.

Всю дорогу до номера Франклин не мог отделаться от мысли, что машина окликнула его. Конечно, он понимал, что это нелепо. Этого не было на самом деле. Это было сочетание голосов, шума и его собственного воображения, впрочем, достаточно реальное, чтобы обратить на себя его внимание, сбить на какой-то момент с толку. Однако случившееся ни в коей степени его не напугало. Его переполняли ощущение собственной силы и уверенность в себе. Он оставил в дураках эту уродливую машину.

Он, Франклин Гибс, вышел на арену один на один против коварного врага, плюнул в лицо безнравственности, повернулся и ушел. Это был триумф сил Добра. Но вот в чем он не хотел себе признаться, брея свое строгое маленькое личико, так это в эфемерности одержанной победы. Слишком быстра была его победа. Слишком мимолетна. Франклин Гибс, хотя он ни за что не сказал бы об этом вслух, жаждал вернуться на арену!

Они поужинали и просмотрели начало шоу. Франклин был раздосадован тем, что официант, не спрашивая, подал ему жареный карто-

фель с луком, а он терпеть не мог лук. Они не досидели до выступления Фрэнка Синатры, потому что вышедший на сцену комик начал сыпать весьма сомнительными шуточками. Флора нервно хихикала над некоторыми из них (не совсем, впрочем, понимая соль), каждый раз с извиняющимся видом поворачиваясь к Франклину. Франклин сидел, словно аршин проглотив, с выражением крайнего неодобрения на лице. Когда же на сцене вторично появились восемь девушек в черных с блестками одеждах, он поднялся, коротко кивнул Флоре и пошел к выходу. Флора беспрекословно последовала за ним.

В десять они легли. Франклин предварительно полностью раскритиковал непристойных комедиантов и грязных уличных шлюшек, становящихся танцовщицами. Потом почистил зубы, выполнил ритуал втирания в волосы специального спиртового состава, изготовленного для него эльгинским аптекарем, отмел робкое предложение Флоры еще разок сходить в игорный зал, просто так, посмотреть, и улегся в постель. Флора, как всегда, почти сразу уснула. Франклин же лежал, заложив руки за голову и вперя взгляд в потолок. Над дверью горел маленький ночничок, разливая по комнате тусклый оранжевый свет. Серебряные доллары лежали столбиком на туалетном столике перед зеркалом. Время от времени взгляд Франклина опускался, останавливаясь на монетах. Потом веки его начали смыкаться, и он почти заснул, как вдруг услышал:

— Франклин!

Это монеты вылетели из машины и позвали его: «Франклин!» И так повторилось еще два раза, пока он не сел в постели, оглядываясь по сторонам. Странный голос. Больше всего, подумал Франклин, похожий на голос робота. Он поглядел на монеты на туалетном столике и был слегка удивлен тем, что столбик вроде бы вырос. Пожалуй, в нем было более десяти монет. Долларов, этак, двадцать. И чем дольше он смотрел, тем выше, казалось, вырастала серебряная башенка.

Франклин встал и подошел к столику. Взял монеты и взвесил их на ладони. Прекрасное ощущение, подумалось ему. Ощущение приятной тяжести в руке. Он бросил взгляд на свое отражение в зеркале, и то, что он увидел, слегка смутило его. На лице Франклина Гибса, который глядел на него, были написаны алчность и жадность, страстная жажда, ничем не прикрытое желание. Это лицо напоминало его собственное только самыми общими чертами.

Проснулась Флора.

— Что-нибудь случилось, дорогой? — спросила она.

— Не случилось ничего, — ответил он, заставляя голос звучать как обычно ровно, — кроме... — Он разжал ладонь. — Это греховные

деньги, Флора. Безнравственно брать их. Деньги, добытые таким путем, не могут пойти на пользу. Я пойду обратно и брошу их в машину. Избавлюсь от них.

Флора уже снова почти спала.

— Олл райт, дорогой, — пробормотала она сквозь сон. — Делай, как считаешь нужным.

К тому времени, как одевшийся Франклин причесывался перед зеркалом, она уже спала.

— Если и есть что-то, в чем я разбираюсь очень хорошо, — сказал он отражению спящей жены, — так это нравственность! И я не позволю, чтобы от нас несло этой заразой. Я вернусь туда и самым решительным образом избавлюсь от этих денег. — Он повернулся к жене. — Спокойной ночи, Флора.

Ответом ему было спокойное размеренное дыхание. Франклин снова повернулся к зеркалу, разгладил пиджак, взял серебряные доллары, улыбнулся им и, чувствуя охватывающее его возбуждение, направился в зал, не знающий сна.

Три часа спустя Франклин стоял перед машиной. Галстук съехал набок, пиджак и рубашка были расстегнуты. Он абсолютно не слышал ни шума в зале, ни музыки. Его не заботил ни внешний вид, ни что-либо другое. Все его существование свелось к простой последовательности действий. Бросить монету. Дернуть рычаг. Посмотреть и подождать. Бросить монету. Дернуть рычаг. Посмотреть и подождать. Смотреть на вращающиеся барабаны, унимая бешено стучащее сердце. Вишни приносят удачу. Лимоны — это смерть. Надписи появляются лишь в нескольких выигрышных комбинациях. Колокольчик пробуждает надежду, но их должно быть три подряд, чтобы получить чего-нибудь стоящее, а вот от слив —ничего хорошего не жди. Он еще не осознавал, что все его тщательно разработанные и продуманные нормы, вся стройная система идеалов, все то, что он отстаивал или, по крайней мере, считал, что отстаивал, было отброшено в сторону за ненадобностью. Что было для него теперь важно, так это вишни, колокольчики, сливы и комбинации, в которых они появлялись, когда останавливались барабаны.

Он все скармливал машине монеты, дергал рычаг, смотрел на появляющиеся рисунки, дергал рычаг и скармливал монеты, и дергал, и скармливал, и дергал. Трижды он подходил к кассе, чтобы разменять деньги, то и дело нервно оглядываясь через плечо, дабы убедиться, что никто не подошел к его машине. И каждый раз, получив серебряные доллары, назад он возвращался буквально бегом, не отдавая себе отчета, что еще двадцать четыре часа назад ничего подобного ему и в голову не могло прийти.

В два утра Франклин Гибс все еще не осознавал, что с ним произошло. Он покрылся липким потом. Вращающиеся барабаны вызывали во всем его теле нервную дрожь. Желудок был абсолютно пуст. Он понимал, что проиграл ужасно много. Сколько точно — он не знал, да и просто не позволял себе думать об этом. С уверенностью он знал лишь одно: что он, Франклин Гибс, не может быть побежден этой мерзкой безнравственной машиной. И кроме того, он хотел обладать серебряными долларами. Отчаянно хотел. Он хотел услышать щелчок механизма, а потом — волнующий звон сталкивающихся между собой монет, потоком льющихся из машины. Он хотел набить ими карманы и ощутить приятную тяжесть. Он хотел сунуть руки в карманы и перебирать монеты потными пальцами.

Поэтому он продолжал играть, и в три тридцать утра Франклин Гибс представлял собой отчаявшегося маленького человечка с одеревеневшей правой рукой, одержимого навязчивой идеей, которая отгораживала его от остального мира и заставляла оставаться у «однорукого бандита» и сыпать в него монеты. Три выигрыша, пять проигрышей. Два выигрыша, три проигрыша. Шесть выигрышей, потом десять проигрышей.

Через полчаса пришла Флора. На лице — смесь сна и заинтересованности. Она проснулась, обнаружила, что постель пуста, и не сразу припомнила разговор с Франклином перед его уходом. Глаза ее расширились, когда она увидела мужа около машины. Она никогда не видела его таким. Костюм его был помят, на рубашке проступали потные пятна, лицо с успевшей вырасти щетиной было белого устричного цвета. Глаза наполнял какой-то непривычный блеск, и они словно смотрели сквозь предмет, а не на него. Флора нервно подошла и услышала его вскрик: «Проклятье!»

Барабаны показывали сливу, лимон и колокольчик. Раздался отчетливый металлический щелчок, означающий проигрыш, и лицо ее мужа исказилось в гримасе.

Флора тихонько коснулась его рукава и сказала:

— Франклин, дорогой, уже поздно.

Он обернулся и уставился на нее, какое-то время не узнавая, роясь в своем сознании, чтобы воссоздать мир, покинутый несколько часов назад, и не представляющий теперь ему реальным.

— Стой здесь, Флора, — сказал он. — Мне нужны серебряные доллары. Никому не позволяй трогать эту машину, поняла?

— Франклин, дорогой... — полетел вслед ему ее голос и пресекся, ибо муж был уже далеко.

Она видела, как он достал из бумажника купюру, подал ее в окошечко и получил взамен тяжелую пригоршню долларов. Потом вернулся, прошел мимо нее и принялся одну за одной кидать монеты в

машину. Он опустил пять долларов, прежде чем Флора снова взяла его за рукав, на этот раз более решительно, не дав бросить очередной доллар.

— Франклин! — голос ее зазвучал более твердо. — Сколько ты проиграл? Ты играл всю ночь?

Его ответ был краток:

— Да.

— Но ведь ты, наверно, проиграл много денег?

— Очень возможно.

Флора облизнула губы и попыталась улыбнуться..

— Но, дорогой, ты не думаешь, что пора остановиться?

Он взглянул на нее, словно она предложила ему выпить банку краски.

— Остановиться? — почти выкрикнул он. — Как я могу остановиться, Флора? Господи, как я могу остановиться? Я проиграл очень много. Проиграл очень много! Погляди! Погляди на это. — Он ткнул пальцем в надпись над машиной: «Специальный приз — 8000 долларов». — Видишь? — сказал он. — Когда она заплатит, ты получишь восемь тысяч долларов! — Он снова повернулся к машине, обращаясь скорее к ней, чем к жене. — А теперь самая пора платить. Если человек стоит здесь достаточно долго, эта штука просто обязана заплатить.

Словно для того, чтобы подтвердить логику своих слов, он сунул в щель новую монету, дернул рычаг и вперил взгляд во вращающиеся барабаны. Вишня и два лимона. Три доллара скатились в монетоприемник. Снова он выиграл меньше, чем проиграл, да еще на глазах у Флоры. Он потерял пять долларов и испытывал то едкое раздражение, что приходит с проигрышем.

— Франклин, дорогой, — начала снова Флора, — ты ведь знаешь, как ты плохо чувствуешь себя по утрам, когда поздно ложишься спать...

Он бешено обернулся к ней и закричал:

— Флора, почему бы тебе не заткнуться?

Она отпрянула с побелевшим лицом. Ее прямо-таки бросило в дрожь со стыда за его дурной характер. Франклин заметил это, и на душе у него полегчало. Он всегда испытывал какое-то извращенное удовольствие, когда кричал на Флору. Она была такой беспрекословной, такой слабой. Словно кусок теста, который месят, мнут, бьют. И она стояла того, чтобы на нее кричали, потому что могла как-то реагировать. В отличие от машины, которая столько времени была его врагом, его мучителем. Ему хотелось ударить машину, расцарапать ее, выбить ее дурацкие глаза, сделать ей больно. Но машина была бесстрашна и неуязвима. В отличие от Флоры. Флоры с ее мышинным личиком. В какой-то момент ему захотелось ударить ее, разбить ее лицо кулаком.

Но кричать на жену и видеть ее реакцию было почти так же приятно.

— Я терпеть не могу гримз вроде тебя, Флора! — закричал он.

На них стали оглядываться.

— Я не могу вынести, когда женщина подглядывает из-за плеча и приносит тебе неудачу.

Он услышал, как всхлипы прервали ее дыхание, и это подбавило масла в бушующий в нем огонь.

— А именно это ты и делаешь, Флора... Ты приносишь мне неудачу. Ты и твой Лас-Вегас. Ты и твой чертов конкурс. Убирайся с глаз моих, поняла? Убирайся сейчас же!

Флора предприняла слабую, жалкую попытку протеста:

— Франклин, пожалуйста, ведь люди смотрят...

— К черту людей! — заорал он. — Плевать на людей! Пусть катятся ко всем чертям!

Он повернулся и вцепился потными руками в машину, плотно сжав губы. На лице его смешались злорадство от преследующих его неудач и лихорадочное выражение, типичное для азартных игроков.

— Вот единственное, что меня интересует, — сказал он. — Эта машина! Эта проклятая машина! — Злость его стала еще сильнее. Неудачи отступили на задний план. Он ударил кулаком по передней панели автомата. — Просто бесчеловечно, как она сперва позволяет тебе немного выиграть, а потом забирает все обратно. Это издевательство. Посулит, поманит. А потом... — Он бросил в щель еще один доллар, обеими руками дернул рычаг. Барабаны показали две сливы и лимон, раздался глухой щелчок, и установилась тишина.

Он больше не видел Флору, не видел людей, собравшихся позади нее. Он не слышал шума вокруг, не видел света люстр, не чувствовал ни покрывшей тело испарины, ни исказившей лицо гримасы. Перед ним стояла машина. Машина с человеческим лицом. Она обобрала его, и он должен был заставить ее заплатить за это. Он должен был отомстить за себя, и единственным доступным ему оружием были серебряные доллары. Он бросал их в прорезь, дергал рычаг, смотрел, слушал, ждал.

Он не видел, как Флора, прижав к лицу носовой платок, выбежала из зала. Он не слышал, как какой-то мужчина в кашемировом спортивном пиджаке громко сказал своей жене, что «маленький человечек просто помешался на этой машине». Подошедший официант спросил, не желает ли он выпить. Он не посмотрел на официанта и не ответил ему. В мире Франклина Гибса остались лишь две вещи: он сам и машина. Все остальное перестало существовать.

Он был маленьким, старомодно одетым человечком с ожесточен-

ным лицом, и он стоял перед машиной, пичкая ее серебряными долларами в надежде, что ее вырвет. Он был теперь законченным наркоманом, глубоко и надежно сидящим на игле, и даже в пять утра, когда зал опустел и в нем никого не осталось, за исключением одного игрока в очко, компании игроков в кости и его самого, он еще не знал, что по всем медицинским меркам сошел с ума.

Из всего, что поддерживало его обычно в жизни: воли, твердолобости, самомнения и предубеждений — сковал он себе доспехи, в которых вышел этим утром на битву с машиной. Бросить монету, дернуть рычаг. Бросить монету, дернуть рычаг. Еще и еще. Не останавливаясь. Не прерывая последовательности ладонь-рука-глаз-ухо. В его жизни наступило новое времяисчисление. Рано или поздно эта машина заплатит. Он положит ее на лопатки. Она признает его превосходство, выплюнув восемь тысяч серебряных долларов. Это единственное, о чем он думал, не видя ни света занимающейся зари, ни чего-либо еще кроме «однорукого бандита», перед которым он стоял лицом к лицу, один-одинешенек во всем мире.

Когда ночной кассир окончил работу, то, пожелав сквозь с трудом удерживаемую зевоту доброго утра сменщику, он обратил его внимание на забавного коротышку, восьмой час стоящего у машины.

— Видал я ребят, попавшихся на крючок, — сказал он, покачав головой, — но это чего-то уж из ряда вон!

И это была эпитафия первой ночи Франклина Гибса в Лас-Вегасе. Но только первой. Полдевятого утра, когда Флора пришла в игорный зал, он все еще был там.

Около одиннадцати у Марти Любоу происходил разговор с менеджером отеля. Они поговорили о проведении парочки новых конкурсов на побережье и рекламной кампании для Сэмми Дэвиса-младшего, который должен был появиться в отеле недели через две, и когда Любоу уже собрался уходить, менеджер спросил его о Франклине Гибсе, о котором ему уже несколько раз говорили. «Агентство ОЗС»* работает в Лас-Вегасе с неимоверной быстротой. Достаточно человеку взять семь взяток подряд за карточным столом, как через пять минут это становится известно всему городу. Стоит кинозвезде закатить скандал бросившему ее любовнику, как через час это уже попадает в колонки хроники. Но даже в городе, полном характеров и карикатур, всегда найдется еще одно свободное место. А маленький человечек с озлобленным лицом в костюме 1937 года устанавливал, похоже,

---

* ОЗС — одна знакомая сказала.

новый рекорд по времени и деньгам, потраченным при игре на одной долларовой машине. Менеджер спросил у Любоу об этом упрямце, и тот со смехом ответил, что если Гибс продержится до шести вечера, то, может быть, будет смысл сфотографировать его. Возможно, «Лайф» этим заинтересуется.

Однако в три часа Любоу, посмотревший на все еще стоящего у машины Франклина, передумал звать фотографа. Одного взгляда на лицо маленького человечка было достаточно, чтобы он набрал номер врача гостиницы и как бы невзначай поинтересовался, сколько времени человек может не спать.

К половине шестого Франклин Гибс истратил три тысячи восьмисот долларов, разменял три чека, осушил стакан апельсинового сока, съел полбутерброда с ветчиной и чуть не подбил глаз жене, когда та, с катящимися по щекам слезами, принялась умолять его вернуться в номер и поспать.

Франклина Гибса буквально засасывало в прорезь для монет стоящей напротив него машины. Ему уже казалось, что всю свою жизнь он тем только и занимался, что опуская монеты и нажимал рычаги. Он не испытывал ни голода, ни жажды. Он осознавал, что страшно устал, что перед глазами все плывет, но не могло быть и речи о том, чтобы сдаться.

Но в девять вечера, когда менеджер отеля сказал, что дал распоряжение кассиру не менять его чеки, а Флора послала телеграмму брату в Айову — путаную и невнятную телеграмму, в которой говорилось о болезни мужа — Франклин Гибс почувствовал, как сердце сдавила ледяная рука. У него оставалось всего три серебряных доллара, и он дошел до того, что принялся уговаривать машину отдать ему его деньги. Эти восемь тысяч долларов были его собственностью, в этом не могло быть никаких сомнений. Так что же случилось с этой машиной? Разве она не знает правила? Он продолжал говорить с ней, убеждать, уговаривать... потный, отупевший, мучимый навязчивой идеей. На часах была ровно двадцать одна минута двенадцатого, когда Франклин Гибс опустил последний доллар. Машина издала какое-то странное жужжание, рычаг остановился на полпути, что-то громко щелкнуло, и рычаг заклинило. Какое-то время Франклин Гибс стоял, словно пораженный громом, не веря своим глазам, а потом до него постепенно начало доходить, что вот сейчас-то, вот в это-то самый момент его и провели. Что он стал жертвой величайшего в мире жульничества. Само собой, это была та самая монета, которая должна была принести ему восьмистысячный выигрыш. Он нисколько в этом не сомневался. На этот раз удача пришла к нему, но эта машина, эта машина с уродливым лицом, машина, которая заманила его, называя по имени, теперь опустилась до самого низкого обмана, отказываясь заплатить.

Франклин почувствовал поднимающуюся откуда-то из самой глубины ярость: слабенький ручеек, который мгновенно превратился во всеокрушающий поток. Ярость, которая кипела, клокотала и бурлила. Ярость, которая щипала его, кусала и рвала на части.

— В чем дело? — закричал он машине. — В чем дело, дрянь поганая? Будь ты проклята. Отдай мой доллар. Он же последний, грязная ты, безмозглая... — У него перехватило дыхание, и он смог лишь тяжело прохрипеть: — Отдай мне мой доллар.

Он ударил машину. Он лягнул ее. Он вцепился в нее. Он принял-ся трясти ее. Два охранника, кассир и помощник менеджера бросились к нему с разных сторон зала, но им удалось справиться с Франклином только после того, как он в кровь разбил суставы на правой руке, сбросил тяжело рухнувшую на пол машину с подставки, кинулся на нее, порезал руки о разбившееся стекло ее «носа» и закапал кровью все вокруг.

Они отвели его в номер: кричащего, плачущего, отбивающегося руками и ногами. Флора бежала следом, плача и ломая руки.

Гостиничный врач промыл и забинтовал Франклину кисть, наложил на предплечье три шва, дал успокоительное. Мужчины раздели его, уложили в постель, постояли, пока он не забылся тяжелым сном. Доктор сказал Флоре, что лучше бы им завтра же отправиться домой, что Франклину следует сразу показаться своему врачу, что он нуждается в длительном лечении. Посоветовал обратиться попозже к психиатру. Флора на все кивала головой, лицо ее было бледным, в глазах стояли слезы. Когда все ушли, она села и стала молча глядеть на мужа.

Где-то в глубинах своего подсознания Франклин Гибс услышал голос, далекий, но отчетливый. Голос сталкивающихся между собой монет. Металлическое, звенящее «Франклин!», выкрикнутое далеко-далеко. Он моментально проснулся и снова услышал свое имя. И снова. Он встал с постели и прошел мимо испуганной жены к двери.

— Франклин! — Это доносилось из коридора. Голос смеялся над ним. Голос издевался над ним. Голос презирал его. Франклин распахнул дверь. В коридоре стояла машина, и ее огни-глаза загорались и гасли.

— Франклин! — позвала она. — Франклин, Франклин, Франклин.

Он закричал и захлопнул дверь.

— Франклин, Франклин, Франклин.

Голос заполнил комнату, и вдруг Гибс увидел отражение машины в зеркале ванной. Он снова закричал, обернулся и увидел машину за креслом. Он попятился, уперся спиной в дверь туалета, принял ее за

путь к спасению и распахнул. В туалете стояла машина, мигая огнями и зовя его по имени. Он отшатнулся, споткнулся и упал, ударившись головой о стол. Из угла комнаты на него глядела машина.

— Франклин, Франклин, Франклин, — позвала она.

Он не мог больше кричать. У него не было на это сил. Ужас охватил его. Молчаливый, безголосый ужас. Он вскочил на ноги и заметался по комнате, натыкаясь то на мебель, то на Флору, которая пыталась удержать его. Потом распахнул дверь в коридор — и увидел усмешку стоящей там машины.

Последнее мгновение жизни Франклина Гибса занял безумный бег через гостиничный номер к окну. Он протаранил стекло и, увлекая за собой осколки, рухнул на бетонную площадку, окружающую бассейн двумя этажами ниже. Он упал на бетон головой вперед, и позвоночник его резко и отчетливо хрустнул. Флора никогда не слышала ничего похожего на этот звук, донесшийся до нее сквозь собственный захлебывающийся крик, вырвавшийся при виде распластанного тела с повернутой под неестественным углом головой.

Никому не разрешили трогать тело. Кто-то, движимый чувством сострадания, прикрыл его одеялом. Заместитель шерифа вызвал скорую помощь, а теперь был занят тем, что освобождал от зевак место вокруг бассейна.

Мистер Любуо с бледным и озабоченным лицом помогал Флоре собраться. Он говорил ей, что на том конце города есть очень хороший небольшой санаторий, что он просто уверен, что там она сможет прийти в себя. Флора сидела на краешке постели, не слыша его нервно прерывающихся слов о том, как все сожалеют о случившемся. Она сидела безвольно и безжизненно, словно в кататоническом ступоре. В голове всплыла мысль, что надо бы послать вторую телеграмму брату Франклина, потом еще одна: что Франклин не верил в страховку, но она оставила их без внимания, позволив себе погрузиться в полнейшее оцепенение. Ей ни о чем не хотелось думать. Она слишком устала.

Внизу, у бассейна, лежало холодное изуродованное тело Франклина Гибса. Высунувшаяся из-под одеяла рука безжизненно покоилась на бетоне. В темном кустарнике послышался какой-то шум. По бетону прокатился серебряный доллар и, покружившись, улегся около ладони Гибса.

Никто из персонала гостиницы не смог объяснить, каким образом невдалеке от бассейна оказался «однорукий бандит», обнаруженный там на следующее утро. Он был в ужасном состоянии: покрытый вмятинами и царапинами, с заклиненным рычагом и выбитым стеклом, но его отправили на фабрику для ремонта, и через неделю-другую он уже снова стоял среди своих собратьев. Тем же утром мальчишка, чистящий бассейн, нашел серебряный доллар и со спокойной сове-

стью сунул его в карман, а Флора Гибс улетела в Эльгин склеивать черепки своей разбитой жизни.

Она зажила молчаливо и тихо, никому не причиняя никаких неудобств. Лишь однажды, год спустя, произошло нечто необычное. Церковь проводила благотворительный базар, и кто-то поставил выдавший виды игровой автомат, который называют обычно «одно-руким бандитом». Трем ее подругам из Женского Союза с трудом удалось успокоить зашедшуюся в крике Флору и отвести ее домой. Весь вечер был испорчен.

КУДА ЭТО ВСЕ ПОДЕВАЛИСЬ?

Ощущение было абсолютно незнакомым. Ничего такого он никогда не испытывал. Он проснулся, но не помнил, чтобы засыпал. И, что озадачило его еще больше, он был не в постели. Он шел по двухполосному шоссе с белой разделительной линией посередине. Он остановился, поглядел на голубое небо, на жаркое утреннее солнце. Огляделся. Сельская местность, высокие, крупнолистные деревья по краям дороги. За деревьями — волны золотистой пшеницы.

Похоже на Огайо, подумал он. Или Индиану. Или север Нью-Йорка. Слова эти вдруг дошли до его сознания. Огайо. Индиана. Нью-Йорк. Он сразу же подумал, что не знает, где находится. Вслед за этим тут же возникла новая мысль: он не знал также и кто он такой! Он оглядел себя, ощупал зеленый комбинезон, тяжелые высокие башмаки, идущую от горла до паха молнию. Ощупал лицо, потом волосы. Инвентаризация. Попытка связать воедино узнанные кусочки. Сориентироваться посредством пальцев. Он почувствовал под пальцами небольшую щетину, прямой, с маленькой ложбинкой на переносице, нос, умеренно густые брови, коротко постриженные волосы. Не наголо, но почти. Он был молод. Сравнительно молод, по крайней мере. И хорошо чувствовал себя. Был здоров. Миротлюбиво настроен. Чертовски озадачен, но не испуган.

Он сошел на обочину, достал сигарету и зажег ее. Он стоял в тени могучего дуба, прислонясь к его стволу. И думал: я не знаю, кто я такой. Я не знаю, где нахожусь. Но сейчас лето, и я за городом, и у меня, возможно, амнезия или что-то наподобие.

Он глубоко и с удовольствием затянулся. Вынул сигарету изо рта, повертел ее в пальцах, разглядывая. С фильтром, кингсайз. В голове всплыли слова: «Винстон» приятен, как и подобает настоящим сигаретам», «Вам многое понравится в «Мальборо», «Вы курите все больше, а удовольствия все меньше?» Последнее относилось к «Кэмэл» —

сигаретам, ради которых стоило пройти лишнюю милю. Он улыбнулся, а потом расхохотался во весь голос. Сила рекламы. Он не знал ни собственного имени, ни местонахождения, но призывы табачных компаний оказались сильнее амнезии. Он перестал смеяться и задумался. Сигареты и реклама означали Америку. Значит, вот он кто такой: американец.

Он выбросил окурок и двинулся дальше. Через несколько сотен ярдов он услышал музыку, доносящуюся из-за ближайшего поворота. Трубы. Потом барабан, а на его фоне — высоко летящее obbligато солирующей трубы. Свинг. Да, именно так. И опять он осознал, что это слово знакомо ему. Свинг. А его он уже мог привязать к определенному времени. Свинг появился в 1930-х. Но эта вещь относилась к более позднему времени. К пятидесятым. К 1950-м. Факты громоздились один на другой. Он почувствовал, что нашел ключ к головоломке и все кусочки встают на свои места, образуя узнаваемую картинку. Даже странно, подумал он, как все оказалось просто. Теперь он знал, что год сейчас — 1959-й. В этом не могло быть никаких сомнений. Тысяча девятьсот пятьдесят девятый.

Он миновал поворот, увидел источник музыки и чуть приостановился, проведя мысленную инвентаризацию того, что знал. Он был американцем, лет ему было двадцать с чем-нибудь, и стояло лето.

Прямо перед ним располагалось кафе: маленькое прямоугольное дощатое строение с табличкой на двери, на которой значилось: ОТКРЫТО. Музыка доносилась именно из этой двери. Он вошел, и у него возникло ощущение чего-то знакомого. Ему определенно приходилось бывать в подобных заведениях. Длинный прилавок, заставленный бутылочками кетчупа и салфетницами; стена за ним, на которой от руки были написаны названия сэндвичей, супов, пирогов и тому подобных вещей. Пара плакатов, на которых девушки в купальниках держали в руках бутылочки кока-колы, а в дальнем углу зала — ящик, в котором он узнал музыкальный автомат.

Он прошел вдоль прилавка, крутанув по пути пару сидений. И увидел открытую дверь на кухню. За дверью виднелась большая плита, на которой стоял кофейник с нахально задранной носиком. Звук попыхивающего кофейника был знакомым и умиротворяющим и навевал ощущение завтрака и утра.

Юноша улыбнулся, словно встретив старых друзей. Нет, даже лучше: *почувствовав* присутствие старых друзей. Он уселся на последний стул, чтобы видеть кухню. Взгляд его бежал полки, заставленные консервами, большой двухдверный холодильник, деревянный разделочный стол, затянутую сеткой дверь во двор. Потом глаза его поднялись выше, к надписям на стене. Денвер-

ский сэндвич. Гамбургер. Чизбургер. Яичница с ветчиной. И снова он столкнулся с необходимостью приводить явно знакомые слова в соответствие с их значениями. Что такое, к примеру, денверский сэндвич? И *pie a la mode*? Спустя несколько мгновений в мозгу возникли образ и вкус. В голову ему пришла странная мысль, что, может быть, он ребенок, который вдруг по каким-то фантастическим причинам в одно мгновение вырос, превратившись во взрослого?

Музыка врывается в мысли, мешая думать.

Он крикнул в кухонную дверь:

— Не слишком ли громко, а?

Молчание. Только музыка в ответ.

Он повысил голос:

— Вам нормально слышно?

Опять никакого ответа. Он подошел к автомату, отодвинул его от стены и нашел в самом низу регулятор громкости. Повернул. Музыка удалилась, в помещении стало тише и уютнее. Он придвинул автомат к стене и снова уселся на свой стул. Взял прислоненное к салфетнице меню и стал читать его, поглядывая временами на кухню. Сквозь стеклянную дверцу плиты виднелись четыре отлично подрумяненных пирога, и опять в нем появилось ощущение чего-то знакомого, доброго, на что и он должен ответить добром.

Он крикнул:

— Пожалуй, я съем яичницу с ветчиной. Только не передерживайте яйца. И кусок шоколадного пирога.

И опять никакого движения на кухне, никакого голоса в ответ.

— Я видел табличку на дороге, что там впереди город. Что за город?

В большом эмалированном кофейнике булькал кофе, в воздухе поднимался парок. Легкий ветерок качал туда-сюда дверь, ведущую во двор, негромко наигрывал музыкальный автомат. Юноша, у которого потихоньку начинало сосать под ложечкой, почувствовал, как в нем поднимается раздражение.

— Эй, — крикнул он, — я ведь вас спрашиваю. Что там за город впереди?

Он какое-то время подождал, но, поскольку ответа опять не было, поднялся со стула, обогнул прилавок, толкнул дверь и прошел на кухню. Она была пуста. Он подошел к задней двери, otvorил ее и вышел наружу. Большой, посыпанный гравием задний двор. Абсолютно пустой, если не считать стоящих в ряд мусорных баков. Один был опрокинут, и по земле было рассыпано его содержимое: разнообразные консервные банки, кофейная гуща, яичная скорлупа, пустые пакетики из-под концентратов, апельсиновые корки, покореженное, почти без спиц, велосипедное колесо, три-четыре

подшивки старых газет. Он шагнул было обратно, как вдруг что-то заставило его замереть. Он снова посмотрел на мусорные баки. Чего-то не хватало. Не было какой-то мелочи, которая непременно должна была присутствовать. Буквально на одно деление качнулась в сторону стрелка внутреннего прибора, измеряющего его уравновешенность и рассудочность. Что-то было не так, но что — он не знал. У него возникло чувство легкой тревоги, которое он постарался загнать вглубь.

Он возвратился на кухню, подошел к кофейнику, понюхал поднимающийся парок и поставил кофейник на разделочный стол. Нашел кружку, налил себе кофе, прислонился к столу и принялся мелкими глотками потягивать ароматную горячую жидкость, наслаждаясь ее вкусом и знакомостью.

Потом вышел в зал, взял из стеклянной емкости большой пончик, запивая его кофе, и стал размышлять. Хозяин этого заведения, думал он, видимо, в подвале. А может, его жена рожает. Или он заболел. Сердце прихватило, или еще чего. Может, стоит порыскать вокруг, поискать дверь в подвал. Он поглядел на кассовый аппарат. Вот идеальная ситуация для грабежа. Или бесплатного обеда. И всего, что только в голову взбредет.

Юноша полез в карман и вытащил пригоршню мелочи и долларовую бумажку.

— Американские деньги, — сказал он вслух. — Все сходится. Никаких сомнений. Я американец. Два полтинника. Четвертак. Дайм. Четыре пенни. И доллар. Это американские деньги.

Он снова вернулся на кухню, пробежал взглядом пакетики с концентратами, узнавая знакомые названия. «Кэмибел». Это тот самый суп, что имеет пятьдесят семь разновидностей? И вновь он задумался над тем, кто он такой и где находится. Над расчлененными *pop sequitur**, проходящими через его сознание, над своим знанием музыки, над своей разговорной речью, над тем, что он так легко прочитал и понял меню. Яичница с ветчиной и шоколадный пирог... понятия, которым он мог поставить в соответствие образ, вкус и запах. А затем на него надвинулись легионы вопросов. Кто же он все-таки такой? Что, черт возьми, он тут делает? И где это «тут»? И почему? Это был большой вопрос. Почему он вдруг проснулся на дороге, не зная, кто он такой? И почему никого нет в кафе? Где владелец, повар, кассир? Почему их нет? И опять внутри завозился червячок задвинутой вглубь тревоги.

Он доел пончик, допил оставшийся кофе и вернулся в зал. Снова обогнул прилавок, бросив на него четвертак. Выходя, остановился и снова оглядел зал. Проклятье, все было так обычно, реально и естественно. Надписи, заведение, запах, интерьер. Он положил ладонь на

---

* *Non sequitur* — вывод, не соответствующий посылке.

ручку двери и распахнул ее. Он уже сделал шаг на улицу, как вдруг неожиданная мысль ошеломила его. Он понял, что было не так у мусорных баков. Он вышел под жаркое солнце, неся с собой свою тревогу.

Он знал, что за мелочи не хватало, и это знание наполнило его холодом и страхом, каких он не испытывал раньше. От пришедшей мысли по коже побежали мурашки. Это было непонятно. Это было ненормально. Это было за пределами логики, которая поддерживала его, давала ответы на вопросы, связывала с реальностью.

Там не было мух.

Он завернул за угол кафе и попал на задний двор. Вот мусорные баки. Тишина, никакого движения и никаких мух.

Он медленно вышел на шоссе. Теперь он знал, что кругом было не так. Деревья были реальны, и шоссе, и кафе, и все, что в нем. Запах кофе был реален, и вкус пончика, и концентраты назывались правильно, и кока-кола поставлялась в бутылках и стояла никель. Все было верно и правильно, и всякая вещь стояла на своем месте. Но все вокруг было безжизненно! Вот что за мелочи не хватало: жизни! С этой мыслью он и прошел мимо надписи, гласившей: «Карлсвилль, 1 миля».

Он вошел в городок, раскинувшийся перед ним, чистый и привлекательный. Небольшая центральная улица кольцом огибала парк. В центре парковой зоны стояла большая школа. На центральной улице располагались магазины, кинотеатр, опять магазины и полицейское отделение. Дальше виднелась церковь, жилые кварталы, а на углу — аптека. Вон книжный магазин, вон кондитерский, бакалейный, перед которым на столбе висела табличка «Остановка автобуса». Городок был спокоен и красив под лучами утреннего солнца. И тих. Не было слышно ни звука.

Он пошел по тротуару, заглядывая в окна. Все магазины были открыты. В булочной были выставлены свежий хлеб и выпечка. В книжном была распродажа по сниженным ценам. На кинотеатре висела большая афиша, изображающая какую-то воздушную баталию. Рядом стояла трехэтажная нотариальная контора, под крышей которой, должно быть, размещалась целая куча адвокатов, нотариусов и торговцев недвижимостью. Чуть дальше — застекленная будка телефона-автомата, а еще дальше — универмаг, служебный вход которого отделяла от улицы загородка из провололочной сетки.

И вновь он задумался над непонятным феноменом. Он видел магазины, парк, автобусную остановку, но нигде не было ни единого человека. Ни души. Он прислонился к стене банка и

медленно повел взглядом по улице, словно надеясь, что сможет увидеть какое-нибудь движение, если будет достаточно внимателен.

Его взгляд следовал по проволочной загородке у служебного входа универмага, когда он увидел девушку. Она сидела в кабине фургона, припаркованного за загородкой, спокойная и безмятежная: первый встреченный им человек. Он торопливо двинулся к ней, чувствуя, как гулко колотится сердце. На полпути остановился. Ладони покрывал липкий пот. Он не знал, то ли ему бежать к ней со всех ног, то ли крикнуть прямо отсюда. Он заставил себя успокоиться и улыбнуться.

— Эй, мисс! Мисс! — Он почувствовал, как голос пошел вверх, и заставил его звучать спокойнее и ровнее. — Мисс, не могли бы вы мне помочь? Вы не знаете, куда все подевались? Такое впечатление, что вокруг никого. Буквально... ни души.

Он двинулся к ней, надеясь, что со стороны его походка не отличается от походки праздного прохожего, отметив про себя, что девушка по-прежнему смотрит прямо на него. Он перешел дорогу, остановился в нескольких шагах от загородки и снова улыбнулся.

— С ума сойти, — сказал он. — Просто с ума сойти. Когда я проснулся утром... — он замолчал, обдумывая свои слова. — Ну, не то, чтобы проснулся. Я... обнаружил, что иду по дороге.

Он шагнул на тротуар, прошел в полуоткрытые ворота и подошел к кабине фургона. Девушка больше не смотрела на него. Она глядела прямо перед собой, и теперь он видел ее профиль. Красивое лицо. Длинные светлые волосы. Но бледновата. Где-то ему приходилось видеть подобные лица — неподвижные, лишенные какого бы то ни было выражения. Спокойные, да, но более чем спокойные. Безжизненные.

— Слушайте, мисс, — сказал он. — Я не хочу вас пугать, но должен же кто-нибудь объяснить мне...

Его пальцы потянули дверцу фургона, и голос прервался: девушка повалилась на бок и упала на тротуар. Раздался громкий металлический удар. Он уставился на ее безмятежное лицо. Потом поднял взгляд. По борту фургона шла надпись «Манекены Резника». Он снова поглядел на ее лицо: деревянное безжизненное лицо с нарисованными щеками и нарисованным ртом, с застывшей полуулыбкой, с глазами, которые были широко открыты и ничего не выражали, ничего не говорили. Глазами, которые выглядели тем, чем и были: дырками на лице манекена. До него дошел комизм ситуации. Он усмехнулся, поскреб челюсть и не торопясь опустил на корточки, упираясь лопатками в борт фургона. Манекен лежал, уставясь в голубое небо и жаркое солнце.

Юноша похлопал по неподатливому деревянному плечу, подмигнул, цокнул языком и сказал:

— Прости, крошка, у меня и в мыслях не было ничего такого. Вообще-то, — он снова похлопал деревянное плечо, — меня всегда тянуло на тихонь. — Он попытался ущипнуть безжизненную щеку. — Понимаешь, о чем я, крошка?

Он поднял манекен и бережно посадил обратно в кабину, одернув платье до приличествующей высоты. Закрыв дверцу и сделал несколько бесцельных шагов. За сетчатыми воротами шла кольцевая центральная улица с маленьким парком посреди. Он подошел к загородке и снова медленно оглядел улицу, задерживая взгляд на каждом магазине, словно предельная концентрация могла помочь ему обнаружить признаки жизни. Но улица была пустыня, магазины безлюдны, и ничто не нарушало тишину. Он обогнул фургон, вошел в служебный вход и оказался в темном складском помещении, в котором штабелями лежали голые манекены. В голове мелькнула мысль: точно такими же штабелями на фотографиях времен второй мировой войны в крематориях концлагерей лежали трупы. Сходство было настолько разительным, что он поспешно выскочил на улицу. Чуть постояв, крикнул в открывшую дверь:

— Эй! Кто-нибудь! Кто-нибудь слышит меня?

Снова подошел к фургону и заглянул в кабину. Ключа зажигания не было. Он подмигнул безжизненному лицу манекена:

— Что скажешь, крошка? Не в курсе, где бы могли быть ключи зажигания, а?

Манекен смотрел прямо перед собой.

И тут он услышал звук. Первый, раздавшийся с тех пор, как он вышел из кафе. Поначалу он не придал ему значения. Он так не вязался с царящей вокруг тишиной. Потом он осознал, что это было такое. Телефонный звонок. Он бросился к загородке, схватился за верхний брус, глаза заметались, отыскивая источник. Вон. Телефон-автомат в парке, всего в нескольких ярдах от дороги. Телефон все еще звонил. Он снова выскочил из ворот и помчался по улице. Подскочил к будке, задыхаясь, ввалился внутрь и, чуть не оборвав провод, сдернул трубку с рычага.

— Алло! Алло! — закричал он срывающимся голосом. — Алло! Девушка! Девушка!

Телефон молчал. Он чуть подождал и повесил трубку. Сунул руку в карман, вытащил дайм. Опустил его в щель телефона и подождал. И впервые за этот день услышал голос. Бесцветный, равнодушно-вежливый голос телефонистки.

— Номер, который вы набрали, — сказал этот голос, — не значится в телефонной книге...

Юноша разозлился.

— Вы что там, свихнулись? Я не набирал никакого номера...

— Пожалуйста, удостоверьтесь, что этот номер правильный, и правильно наберите его.

— Девушка, я ничего не набирал. Телефон зазвонил, и я снял трубку. — Он яростно застучал по рычагу телефона. — Девушка, девушка, выслушайте меня, пожалуйста. Все, что я хочу знать, это где я нахожусь. Понимаете? Где я нахожусь и куда все вокруг подевались. Пожалуйста, послушайте...

Опять голос в трубке, холодный, лишенный выражения, доносящийся, словно с другой планеты.

— Номер, который вы набрали, не значится в телефонной книге. Пожалуйста, удостоверьтесь, что этот номер правильный, и правильно наберите его. — И после долгой паузы: — Это запись.

Юноша повесил трубку. Он как-то вдруг сразу ощутил окружающий его молчащий город, всей кожей почувствовал разлитую кругом тишину, которую еще больше подчеркнул голос в трубке:

— Это запись.

Все это чертовое место было записью. Звуки записали на воск. Декорации — на холст. Расставили по сцене обстановку. Только лишь для вида. Но голос... это была та еще шутка.

Все эти неживые вещи вроде оставленного кофейника, манекена, магазинов... на них можно было посмотреть и пройти мимо. Но человеческий голос... он обязательно должен быть облечен в плоть и кровь. Невыносимо, когда это не так. Слово что-то показали и тут же спрятали. Злость примешалась к той легкой тревоге, что он испытывал ранее. На цепочке качалась телефонная книга. Юноша схватил ее, раскрыл и принялся лихорадочно листать страницы. На него хлынул поток имен. Абель. Бейкер. Ботсфорд. Кайрстейр. Катерс. Сенеда.

— Ну и где вы все? — закричал он. — Куда вы все подевались? И где живете? В этой книге?

Он пролистал страницы. Демпси. Фарверс. Гранниганс. И так далее вплоть до человека по фамилии Зателли, который жил на Первой Северной Улице и чье имя начиналось на А. Юноша разжал пальцы. Книга закачалась на цепочке. Он медленно поднял голову, остановив взгляд на пустынной улице.

— Слушайте, ребята, — тихо сказал он. — а кто присматривает за магазинами? — Окна молча глядели на него. — *Кто присматривает за всеми этими магазинами?*

Он медленно повернулся, положил ладонь на дверь и надавил. Дверь не поддавалась. Он надавил сильнее. Дверь осталась неподвижной. У него мелькнула дикая мысль, что он стал жертвой розыгрыша.

Большого, запутанного и очень несмешного розыгрыша. Он навалился на дверь плечом. Никакого результата.

— Ладно, — закричал он. — Ладно, это очень смешная шутка. Очень смешная. Мне понравился ваш город. Я ценю чувство юмора. Но теперь это уже не смешно. Понимаете? Совсем не смешно. Какой это умник запер меня? — Он принялся колотить в дверь руками и ногами. Крупные капли пота выступили на его лице. Он закрыл глаза и бессильно привалился к стенке. Открыв через какое-то время глаза и бросив случайный взгляд вниз, он увидел, что дверь слегка приоткрылась. Внутрь. Он осторожно потянул ее на себя, и она открылась. Не совсем полностью из-за того, что ему удалось ее погнуть, но почти. Он толкал ее вместо того, чтобы потянуть на себя. Как все просто. Он почувствовал, что ему следовало бы рассмеяться или же извиниться перед кем-нибудь, но конечно же, приносить извинения было некому.

Он вышел из будки и побрел через парк к зданию с большим стеклянным глобусом и вывеской «Полиция». И внутренне улыбнулся. В поисках закона и порядка, подумал он. Но не только закона и порядка. В поисках здравого смысла. Может быть, его удастся найти хотя бы здесь. Когда он был маленьким, мама говорила ему, что, если он потеряется, надо подойти к доброму дяде полисмену и сказать свое имя. Что ж, сейчас он и был маленьким потерявшимся мальчуганом, и подойти было не к кому. Что же касается имени... может быть, кто-нибудь назовет его ему?

Помещение полицейского участка было темным и прохладным. Проходящий от стены до стены барьер делил его пополам. Прямо за барьером было место дежурного, а у стены — стол радиооператора с рацией и микрофоном. Зарешеченная дверь справа вела в изолятор. Он подошел к барьеру, прошел через турникет и направился к микрофону. Взял его в руки, осмотрел аппаратуру и, совершенно неожиданно для себя, словно повинувшись воле тех, кто затеял этот розыгрыш, включил связь с полицейскими машинами.

— Внимание всем. Внимание всем. Неизвестный человек забрался в помещение полицейского участка. Очень подозрительный тип. Вероятно, собирается...

Голос прервался. Там, где было место дежурного, лениво поднимался к потолку дымок. Юноша медленно опустил микрофон и подошел поближе. В пепельнице дымилась большая, на четверть выкуренная сигара. Юноша взял ее, посмотрел и положил обратно. В нем поднялись напряжение, страх, ощущение, что за ним наблюдают. Он резко обернулся, словно надеясь застигнуть врасплох согласную.

Никого. Он толкнул зарешеченную дверь. Она со скрипом отво-

рилась. Юноша вошел в изолятор. В нем было восемь камер, по четыре с каждой стороны коридора, и все они были пусты. С того места, где он стоял, сквозь решетчатую дверь последней камеры была видна раковина. Из крана текла вода. Горячая вода: он видел поднимающийся парок. На полочке лежала влажная бритва и кисточка для бритья, вся в мыльной пене. Он на мгновение прикрыл глаза, потому что это было слишком. Покажите мне домовых, подумал он, привидения или чудовищ. Покажите мне разгуливающих мертвецов. Сыграйте похоронный марш, рвущий покой утра. Но не пугайте меня обыденностью вещей. Не показывайте мне окурки в пепельницах, воду из крана и мыльный крем на кисточке для бритья. Это пугает сильнее призраков.

Он медленно зашел в камеру и приблизился к раковине. Протянув дрожащую руку, коснулся мыльной пены на кисточке. Она была настоящей. Она была теплой. От нее пахло кремом для бритья. Из крана текла вода. Бритва была марки «Жиллет», и он подумал о транслировавшемся по телевидению чемпионате мира, о «Нью-йоркских гигантах», четыре раза подряд обыгравших «Кливлендских индейцев». Но, Господи, это было, наверное, лет десять назад. А может, в прошлом году. А может, этому только предстояло случиться. Потому что теперь у него не было базы, точки отсчета, даты, времени, ориентиров. Он не слышал скрипа медленно закрывающейся двери, пока не увидел ее тень на стене, вырастающую медленно и неотвратимо.

Он всхлипнул и бросился к выходу, проскользнув в самый последний момент. На мгновение схватившись за дверную ручку, он тут же отпрянул и, прислонившись к двери противоположной камеры, уставился на захлопнувшуюся на замок дверь, словно на какую-то ядовитую тварь.

Что-то подсказало ему, что надо бежать. Бежать. Бежать со всех ног. Убираться отсюда. Сматываться. Словно в ухо ему прошептали команду. Последний приказ мозга, из последних сил обороняющегося против осадившего его кошмарного страха, могущего вот-вот ворваться в крепость. Все его инстинкты зывали: спасайся! Рви отсюда к чертовой матери! Беги! Беги! БЕГИ!

Он выскочил наружу и бросился вдоль по заливной солнцем улице, споткнулся о бордюр тротуара и чуть не врезался головой в заборчик вокруг парка, но ухватился за перекладину и устоял. Перемахнул через заборчик и бросился по парку. Бегом, бегом, бегом. На него надвинулось здание школы со стоящей перед ним статуей. Бег взметнул его по ступеням пьедестала, и только тогда он остановился, вцепившись в бронзовую ногу героически глядящего вдаль педагога, скончавшегося в 1911 году, чья фигура высилась над ним темным силуэтом на фоне неба. Крик вырвался из его груди. Он глядел на

Press **period**

Die
The

at
Privat!
RS

окружающий его покой, магазины, кинотеатр и не мог удержать слезы.

— Куда же все подевались? Пожалуйста, Бога ради, скажите мне... куда же все подевались?

Перевалило за полдень. Юноша сидел на бордюре тротуара, глядя на свою тень и другие тени, окружившие его. Навес над магазинной витриной, табличка автобусной остановки, светофор на углу... бесформенные пятна теней, вытянувшихся в ряд по улице. Он медленно поднялся и кинул быстрый взгляд на автобусную остановку в полубезнадежном ожидании увидеть подошедший большой красно-белый автобус, открывающий двери, из которых высыпает толпа людей. Люди. Вот кого он хотел видеть. Живых людей.

Весь день на него наваливалась тишина. Она стала теперь осязаемой, она давила на него, он весь был с ног до головы укутан в нечто обволакивающее, жаркое, шерстяное, вызывающее зуд по всему телу. Если бы он только мог разорвать это нечто и вырваться на волю.

Он медленно побрел по центральной улице: сороковая или пятидесятая прогулка по этой улице за сегодняшний день. Он шел мимо ставших знакомыми магазинов, заглядывал в ставшие знакомыми двери, и все было, как всегда. Прилавки и нетронутые товары.

Он в четвертый раз за сегодняшний день вошел в банк и в четвертый же раз прошел по отсекам кассиров, пригоршнями набирая мелочь и разбрасывая ее вокруг. Он прикурил от стодолларовой купюры и хрипло расхохотался, но, бросив полуобгорелую банкноту на пол, вдруг понял, что больше не сможет смеяться. О'кей, он в состоянии прикурить от сотенной бумажки. И что дальше?

Он вышел из банка, перешел через дорогу и направился к аптеке. На окне висело прилепленное пластырем объявление о распродаже. На церкви ударил колокол, и юноша вздрогнул. На какое-то мгновение он испуганно прижался к стене, но потом понял, что это было такое.

Он зашел в аптеку. Большое квадратное помещение, по периметру которого шли прилавки и полки с образцами товаров. В углу — большой сатуратор. На стене за ним — зеркало и рекламные плакаты мороженого, соков, газировки, прохладительных напитков. Юноша остановился у табачного отдела, выбрал себе самую дорогую сигару, содрал с нее обертку и понюхал.

— Хорошая сигара, вот что нужно этой деревне, — сказал он вслух, идя к сатуратору. — Хорошая сигара. Пара хороших сигар. И хотя бы пара-другая людей, чтобы оценить их.

Он бережно поместил сигару в нагрудный карман и обошел сатуратор. Осмотрел оттуда помещение, пустые кабинки, переключатели музыкальных автоматов около каждой из них. И ощутил безмолвие этого помещения, так не вяжущееся с его обстановкой. Это помещение было создано для активных действий, оно стояло на грани того, чтобы ожить, но не могло переступить эту грань. Около сатуратора стояли бачки с мороженым. Юноша взял ложку, снял с полки под зеркалом стеклянное блюдечко и положил себе двойную порцию мороженого. Полил его сиропом, добавил орехов, положил сверху вишенку и не забыл про взбитые сливки.

Подняв голову, поинтересовался:

— Ну что? Кто-нибудь хочет сандэй*? — Подождал, слушая тишину. — Никто? О'кей.

Он подцепил ложкой изрядный кусок сделанной смеси и сунул в рот. Вкус оказался превосходным. Впервые за этот день он увидел в зеркале свое отражение и не слишком удивился увиденному. Лицо было отдаленно знакомым. Нельзя сказать, чтобы красивое, но и не отталкивающее. И молодое, подумал он. Довольно-таки молодое. Лицо человека, которому еще далеко до тридцати. Лет двадцать пять, двадцать шесть, не больше. Он внимательно оглядел отражение.

— Прости, старина, — сказал он, — но что-то не припомню твоего имени. Лицо вроде знакомое, но имя совершенно вылетело из головы.

Он отправил в рот еще одну ложку мороженого, подержал во рту, пока оно не растаяло, и проглотил, наблюдая за действиями отражения. Потом небрежно махнул рукой в сторону зеркала.

— Я скажу, в чем моя проблема. Мне снится кошмар, а я не могу проснуться. Ты — его часть. Ты, это мороженое и эта сигара. Полицейский участок и телефонная будка... и этот манекен. — Он поглядел на свое мороженое, обвел взглядом аптеку, снова поднял глаза на зеркало.

— Весь этот треклятый город... где бы он ни был... и чем бы он ни был... — Он наклонил голову набок, неожиданно что-то вспомнив, и улыбнулся отражению.

— Я сейчас вспомнил кое-что. Это Скрудж сказал. Помнишь Скруджа, старина... Эбензера Скруджа? Он сказал это призраку, Джекобу Марли. Он сказал: «Ты можешь быть недопереваренным куском мяса. Моей страстью к горчице. Крошкой сыра. Куском недожаренного картофеля. Но от тебя веет могилой больше, чем от самой могилы».

Он положил ложку и отодвинул мороженое.

---

* Сандэй — сливочное мороженое с фруктами, орехами и т.д.

— Понял? Вот кто ты такой. И все кругом. Вы то, что я ел вчера на ужин. — Улыбка сошла с его лица. В голосе появилось напряжение. — Но я вижу все это. Вижу. Как я хочу проснуться. — Он повернулся к пустому помещению. — Если я не могу проснуться, я должен найти кого-нибудь, с кем можно поговорить. Я это должен сделать. Я должен найти кого-нибудь, с кем можно поговорить.

В глаза ему бросился сложенный пополам лист плотной бумаги, стоящий на прилавке. Это было расписание баскетбольных игр карлсвильской средней школы, сообщающее, что 15-го сентября Карлсвиллю играет с «Коринфскими дылдами». 21-го сентября Карлсвиллю предстояло играть против Лидсвиля. В декабре намечались игры еще с шестью-семью средними школами, о чем довольно официально сообщал висящий на стене плакат.

— Я, должно быть, очень впечатлительный человек, — сказал наконец юноша. — Очень, очень впечатлительный. Все верно до последней детали. До последней мелочи.

Он пересек помещение и остановился у книжного отдела с выставленными на вращающихся подставках книгами. Названия замелькали перед глазами, не задерживаясь в голове. Истории про убийства с полураздетыми блондинками на обложках и заглавиями типа «Смерть в публичном доме». Известные романы и сборники юмористических рассказов. Одна из книг называлась «Полностью свихнувшийся». На ее обложке было нарисовано улыбающееся подмигивающее лицо, под которым шли слова: «Альфред Е. Ньюман говорит: «Чтобы я расстроился? Да никогда!» Некоторые книги казались знакомыми. В голове мелькали обрывки сюжетов, персонажи. Он медленно пошел, отстраненно вращая подставки с книгами. Подставки скрипели, перед его глазами проплывали заглавия и рисунки на обложках. И вдруг он увидел название, заставившее его торопливо остановить кружение одной из подставок.

На обложке книги была бескрайняя пустыня с крохотной, почти неразличимой фигуркой человека с воздетыми руками, устремившего взор в небо. На горизонте виднелась горная цепь, из-за вершин которой, казалось, поднимались слова, образующие название книги: «Последний человек на Земле».

Юноша стоял, не в силах отвести взгляд от этих слов, чувствуя, как сливаются воедино заглавие и рисунок на обложке. В этом было что-то важное... что-то очень важное... что-то такое, из-за чего вдруг у него перехватило дыхание, что заставило его резко крутануть подставку и превратить заголовок в размазанную движением полосу.

Но когда вращение замедлилось, обложка снова стала видна ясно и отчетливо. Теперь он видел, что таких книг здесь стояло много. Множество книг повествовало о последнем на Земле человеке. Ше-

ренги крохотных фигурок воздевали руки посреди пустынь, и обложки глядели на юношу с подставки, которая вращалась все медленнее и в конце концов остановилась.

Он попытался, не в силах отвести взгляд от книг, и уперся спиной в дверь. Мельком взглянув в зеркало, он увидел свое отражение: бледный молодой человек, стоящий в дверях антеки, выглядел усталым, одиноким, отчаявшимся и — испуганным.

Он вышел с напускным спокойствием, хотя и мозг, и тело конвульсивно дергались. Сойдя с тротуара, он остановился и, медленно поворачиваясь, в который уже раз оглядел все окрест.

И вдруг закричал:

— Эй! Эй! Эй, кто-нибудь! Кто-нибудь видит меня? Кто-нибудь слышит меня? Эй!

Через мгновение пришел ответ. Глубокий и звучный колокольный звон возвестил о том, что время не стоит на месте. Колокол пробил пять раз и замолк, лишь эхо какое-то время висело в воздухе, но вскоре растаяло и оно. Юноша двинулся по улице мимо ставших знакомыми магазинов, не обращая больше на них никакого внимания. Глаза его были широко открыты, но ничего не видели. Он все думал о заглавии книги «Последний человек на Земле» и чувствовал себя так, словно проталкивал холодный и тяжелый комок непережеванной пищи по сопротивляющемуся пищеводу. «Последний человек на Земле». Название и обложка с холодной и пугающей отчетливостью стояли перед его глазами. Крохотная одинокая фигурка с воздетыми руками посреди пустыни. Нечеткая одинокая фигурка, чья судьба была начертана на фоне неба и цепочки гор: последний человек на Земле. Название и рисунок не выходили у юноши из головы.

Он не замечал, что солнце становилось все менее и менее ярким. Оно готовилось завершить свой сегодняшний путь по небосклону.

Был вечер. Юноша сидел на скамейке в парке, неподалеку от стоящей перед школой статуи. Он играл сам с собой в крестики-нолики, выигрывая игру за игрой и тут же стирая ногой победу, чтобы начать все сначала. Перед этим он съел сэндвич в маленьком ресторанчике. Прошелся по универмагу. Зашел в школу, прошелся по пустым классам и подавил импульсивное желание написать на доске что-нибудь матерное. Сделать что-нибудь такое, что могло бы вызвать чей-то протест, возмущение, негодование. Сорвать окружающие его декорации. Он несколько не сомневался, что все вокруг — лишь декор. Похожий на реальность сон. Если бы он только мог сорвать эти декорации и обнаружить, что они скрывают... увы, это было не в его силах.

На его руке зажглось пятно света. Он недоуменно поднял голову. На улице загорелись фонари. Засветились гирлянды в парке. По всему городу один за другим зажигались огни. Уличные фонари. Витрины магазинов. Мерцающая реклама кинотеатра.

Он поднялся со скамейки и направился к кинотеатру. Остановился у кассы-автомата. Из металлической прорези торчал билет. Он взял его, сунул в нагрудный карман и совсем уже шагнул в дверь, как вдруг его внимание привлекла афиша. На афише крупным планом был изображен летчик ВВС. Повернувшись в профиль к зрителю, он провожал взглядом проносящийся над ним реактивный истребитель.

Юноша шагнул к афише. Руки медленно и бессознательно прошлись по комбинезону. Он чувствовал, что есть какая-то связь между ним и этим летчиком на афише. И вдруг он понял. Они были одинаково одеты. Комбинезоны были почти идентичны. Юноша почувствовал возбуждение. Усталость почти прошла, сменившись радостью и ликованием. Он протянул руку и коснулся афиши. Резко повернулся, бросив взгляд на пустынные улицы, и громко заговорил.

— Я пилот ВВС. Точно. Пилот ВВС. Я пилот ВВС. Все верно! Я вспомнил. Я пилот ВВС. — Это был лишь малюсенький, крохотный клинышек огромного лоскутного одеяла неизвестности, но его он уже мог взять в руки, разглядеть, исследовать. Это был *ключ*. Первый ключ. И пока единственный.

— Я пилот ВВС! — крикнул он. Повернулся, вошел в кинотеатр. — Я пилот ВВС! — Эхо его голоса загрохотало в пустом вестибюле. — Эй, кто там есть, все, кто есть, кто-нибудь... я пилот ВВС! — Последнее он выкрикнул уже в зрительном зале. Слова пролетели над пустыми рядами кресел и ударились в огромный неподвижный белый экран.

Юноша уселся и только тут почувствовал покрывшую лоб испарину. Он достал из кармана платок, развернул его и вытер лицо. Пальцы ощутили щетину, и он подумал о тысячах закрытых дверей своего подсознания, которые вот-вот должен был открыть.

— ВВС, — сказал он, на этот раз тихо. — ВВС. Но что это значит? Что означает «ВВС»? — Он вскинул голову. — Может быть, на город сбросили бомбу? Может ли такое быть? Должно быть так. Бомбу... — Он покачал головой. — Если бы это была бомба, все кругом было бы разрушено. Но все цело. Так как же...

Огни начали меркнуть, и яркий луч, вырвавшийся из кинобудки, осветил белый экран. Раздалась музыка: громкая бравурная маршевая музыка, и на экране бомбардировщик Б-52, пробежал по взлетной полосе, с ревом взмыл в небо. Один за одним стали взлетать другие бомбардировщики, и вот уже звено их летело в вышине, ос-

тавляя за собой белые полосы инверсионных следов. И все это время не переставала греметь музыка.

Юноша вскочил на ноги с широко раскрытыми от изумления глазами. Луч света исчезал в маленьком окошечке высоко над балконом.

— Эй! — закричал он. — Кто показывает кино? Кто-то же должен его показывать! Эй! Вы видите меня? Я здесь!

Он бросился по проходу, пересек вестибюль, взлетел по лестнице и оказался на балконе. Он задевал сидения, падал и наконец, не найдя прохода, полез прямо по креслам к маленькому сияющему окошечку в задней стене. Он сунулся лицом в этот яркий свет и отшатнулся, моментально ослепнув.

Когда к нему вернулась способность видеть, он обнаружил еще одно окошко в стене, правее и выше первого. Он подпрыгнул и на мгновение увидел пустую комнату, огромный кинопроектор и стопки коробок с лентами. Он почти не слышал громких звуков. Он почти не слышал громких великанских голосов, наполнявших зал. Он снова подпрыгнул и в течение краткого мгновения борьбы с тяготением снова увидел пустую комнату и работающий киноаппарат, услышал сквозь стекло слабое гудение.

Приземлившись, он уже знал, что там никого нет. Кинопроектор работал сам по себе. Кино шло само по себе. Кинотеатр был таким же, как и весь город. Машины, вещи, предметы — все здесь было покинуто людьми. Он повернулся, ударился о спинку кресла, потерял равновесие и плашмя рухнул на пол. Луч света менял свою яркость по мере смены эпизодов на экране. В пустом зале гулко отдавались голоса и музыка. Голоса великанов. Музыка оркестра из миллиона музыкантов. И что-то в юноше сломалось. Дверь маленького чуланчика на периферии сознания, куда человек складывает все свои страхи, спеленутые по рукам и ногам, чтобы можно было управлять ими, распахнулась настежь, и ужасное содержимое хлынуло в мозг, нервы и мускулы взбунтовавшимся ночным кошмаром.

Юноша вскочил на ноги, захлебываясь слезами и криком. Он рванулся по проходу, выскочил в дверь и ринулся вниз по лестнице.

Он был на нижних ступеньках, когда увидел человека. Тот спустился навстречу ему по лестнице в дальнем конце вестибюля, которую юноша раньше почему-то не заметил. У юноши не было ни времени, ни желания приглядываться к незнакомцу. Он бросился к нему, краем сознания отметив, что и тот кинулся ему навстречу. В те краткие мгновения, понадобившиеся ему, чтобы пересечь вестибюль, лишь одна мысль была в его голове: не упустить незнакомца, не дать ему скрыться. Следовать за ним всюду, куда бы тот ни пошел. Прочь из этого здания, прочь с этих улиц, прочь из этого города, потому что теперь он знал, что должен уходить отсюда.

И с этой мыслью он с размаха врезался в зеркало. Высокое, в рост человека, зеркало на стене вестибюля. Ударил в него всеми ста семьюдесятью фунтами своего веса. Зеркало словно взорвалось, рассыпавшись на тысячу осколков. Когда к нему вернулась способность соображать, он понял, что лежит на полу и смотрит в те маленькие кусочки зеркала, что еще оставались на стене. В них сто порезанных изумленных юношей глядели на то, что осталось от зеркала. Он поднялся и на заплетающихся ногах, словно пьяница по палубе корабля, плывущего по бурному морю, побрел прочь из кинотеатра.

На улице было темно и туманно. Асфальт был влажен. Уличные фонари, окутанные туманом, напоминали маленькие луны. Юноша побежал по улице. Он запнулся о стойку для велосипедов и плашмя упал на асфальт, но в то же мгновение вскочил на ноги, продолжая свой безумный, слепой, бездумный бег в никуда. У аптеки он споткнулся о бордюр и снова со всего размаха упал лицом на асфальт, лишь на какое-то мгновение удивившись тому, что еще в состоянии чувствовать боль: острую и резкую боль, пронзившую тело. Но только на мгновение. Он уперся ладонями в асфальт, заставляя себя подняться, и опрокинулся навзничь.

Какое-то мгновение он лежал, закрыв глаза. А потом открыл их. Кошмар ломился в его мозг, и ледяной холод разливался по всему телу. Он закричал. И увидел смотрящий на него глаз: огромный, больше человеческого торса. Немигающий холодный глаз смотрел на него, и юноша уже не мог прекратить свой крик. Он вскочил на ноги, бросился в парк и промчался по нему живой сиреной. Вслед ему с витрины окулиста смотрел большой нарисованный глаз: холодный, немигающий и неживой.

Юноша упал, ударившись о фонарь, и вцепился руками в столб. Пальцы нащупали панель с кнопкой, вцепились в нее и, чуть помедлив, начали нажимать. Снова и снова. Надпись над панелью гласила: «Нажмите перед тем, как переходить». Он ничего не знал об этой надписи. Он знал лишь, что должен нажимать эту кнопку, и он нажимал ее снова и снова, а свет светофора на перекрестке становился то красным, то желтым, то зеленым, повинаясь кровотокающим пальцам юноши, который все жал на кнопку и все бормотал что-то полусмысленное:

— Пожалуйста... пожалуйста... кто-нибудь... помогите. Помогите мне кто-нибудь. Пожалуйста. Пожалуйста. О Господи... помогите же мне кто-нибудь! Неужели никто не поможет? Никто не придет... не услышит?..

Комната телеконтроля была темной. В свете небольшого экрана вырисовывались силуэты мужчин в форме. На экране был по пояс виден сержант Майк Феррис, сравнительно молодой человек, в ком-

бизнесоне, который все нажимал и нажимал кнопку справа от экрана. Голос его бормотал в темноте комнаты, умоляя, чтобы кто-нибудь помог, услышал, пришел. Плачущий, молящий, упрасивающий голос человека, чьи тело и мозг обнажены и брошены на плаху, бормотал монотонно и неразборчиво (так слышишь разговор, если приложишь ухо к замочной скважине).

Бригадный генерал поднялся. На лице его было напряжение, вызванное долгим и внимательным наблюдением за экраном. Он был явно недоволен видом и словами сержанта. Голос его тем не менее звучал спокойно и уверенно.

— Олл райт, отключите его и ведите сюда, — скомандовал он.

Подполковник справа от генерала протянул руку, нажал кнопку и произнес в микрофон:

— Выпустите дублера!

Люди, сидевшие в огромном высоком ангаре, вскочили на ноги и побежали к угловатому приземистому металлическому боксу в центре помещения. Распахнулась металлическая дверь. В нее вошли два сержанта и военврач. Провода и датчики были осторожно отсоединены от тела сержанта Ферриса. Врач пощупал его пульс, поднял веко и заглянул в расширенный зрачок. Приложив ухо к груди, послушал гулкие удары уставшего от чрезмерной работы сердца. После этого Ферриса осторожно положили на носилки.

Врач подошел к окруженному свитой генералу, глядящему на лежащее на носилках обессиленное тело.

— Он в полном порядке, сэр. У него было нечто вроде галлюцинаций, но сейчас он вполне вменяем.

Генерал кивнул.

— Я могу поговорить с ним?

Военврач кивнул, и восемь затянутых в форму людей направились к носилкам, цокая подковками башмаков по бетонному полу ангара. На левом плече каждого была эмблема, указывающая на их принадлежность к Подразделению Космических Технологий ВВС США. Они приблизились к носилкам, генерал нагнулся и внимательно посмотрел в лицо сержанта Майка Ферриса.

Глаза Ферриса были теперь открыты. Он повернул голову, встретился взглядом с генералом и слабо улыбнулся. Лицо его было изможденным, бледным, заросшим. На нем отчетливо читались следы мучений, одиночества, страданий, причиненных более чем двумя сотнями часов заключения в металлической коробке. Вот именно так выглядел после шока каждый тяжелораненый, виденный генералом. И хотя он не знал Ферриса... точнее, не знал лично, ибо до того, как дать добро на эксперимент, тщательно изучил все шестьдесят машинописных листов его дела, теперь он чувствовал, что знает его очень хорошо. В течение более чем двух недель он пристально наблюдал за

сержантом по телевизору, изучал его более тщательно, чем когда-либо один человек изучал другого.

Генерал напомнил себе, что сержант заслужил медаль. Он сделал то, чего до него не делал никто. Он оставался в одиночестве в течение двухсот восьмидесяти четырех часов во время инсценированного полета на Луну в коробке размером пять на пять, в которой в точности воспроизводились все условия полета. Датчики и сенсоры передавали информацию о самочувствии «космонавта». Они измеряли его кровяное давление, контролировали сердечную деятельность и интенсивность дыхания. Кроме того, они дали цепную информацию о точке, в которой человек может сломаться, о пределе, после которого он уже не в состоянии выносить одиночество и начинает искать пути борьбы с ним. Это был тот самый момент, когда сержант Феррис начал нажимать сигнальную кнопку.

Генерал заставил себя улыбнуться.

— Ну как вы, сержант? Полегче?

Феррис кивнул.

— Мне уже лучше, сэр, спасибо.

Генерал чуть помедлил, прежде чем задать следующий вопрос.

— Феррис, — спросил он, — что с вами было? Где, вы считали, вы находились?

Феррис устремил взгляд в высокий потолок ангара, вспоминая случившееся.

— В городе, сэр, — ответил он. — В городе, где не было людей. Ни души. Не хотел бы я попасть туда снова. — Он повернул голову в сторону генерала. — Что со мной было, сэр? Я свихнулся?

Генерал кивнул врачу.

Тот негромко сказал:

— Просто нечто вроде кошмара, порожденного одиночеством, сержант. Видите ли, мы можем набить желудок человека концентратами. Мы можем закачивать кислород и удалять отходы жизнедеятельности. Мы можем снабдить человека книгами, чтобы он мог отдохнуть и чем-то занять свободное время.

Стояла тишина, и все смотрели на врача.

— Есть только одно, что мы не в состоянии подменить. И это основная потребность человека. Голод по общению с себе подобными. Это барьер, который мы не можем пока преодолеть. Барьер одиночества.

Четыре человека подняли носилки с Майком Феррисом и понесли их через ангар к гигантской двери. Они вынесли его в ночную тьму к поджидающей машине скорой помощи. Феррис взглянул на висящую в небе огромную луну и подумал, что в

следующий раз все будет на самом деле. Не железная коробка в ангаре, а космический корабль. Но он был слишком усталым, чтобы додумать эту мысль до конца.

Его осторожно подняли и стали задвигать носилки в глубь машины, и в этот момент Феррис совершенно случайно коснулся рукой нагрудного кармана. Там было что-то твердое. Он сунул руку внутрь. Дверца машины захлопнулась, и он остался в тиши и темноте. Заработал мотор, и машина тронулась. Он был слишком усталым, чтобы думать о том, что было в его пальцах, всего в футах от лица.

Всего лишь билет в кино... и только. Билет в маленький кинотеатрик в пустом городе. Билет в кино, подумал он, и этот билет лежал в его кармане. И пока мотор машины убаюкивал его, пока мягкое покачивание не заставило его закрыть глаза, он крепко сжимал билет. Утром надо будет задать кое-кому несколько вопросов. Утром надо будет сложить воедино все эти дичайшие куски сна и реальности. Но это все утром. Сейчас он слишком устал.

МОГУЧИЙ КЕЙСИ

В районе Нью-Йорка, который известен как Бруклин, есть большой, чрезвычайно запущенный, заросший травой и бурьяном стадион, который, когда о нем упоминают (а в наши дни это случается крайне редко), именуют Тиббетс Филд. Когда-то этот стадион был родным домом для команды, известной, как «Бруклинские Доджеры»*: бейсбольной команды высшей лиги, вошедшей впоследствии в Национальную лигу. Как мы уже упоминали, Тиббетс Филд сейчас — это прекраснейший бетон да ряды тухлых скамеек на трибунах, служащих домом лишь теням да воспоминаниям. В его угнетающе пустом гигантском пространстве не заметно никакого движения, лишь высокая трава чуть шелестит: и там, что называлось раньше «инфилд»**, и там, что называлось «аутфилд»***, да ветер свистит сквозь щели щита объявлений у бывшего спортзала и завывает в простейших балках трибун.

В свое время здесь кипели страсти, да и «Бруклинские Доджеры» в свое время гремели. В последние же годы существования команды жители Флэтбут Авеню, отзывались о ней коротко и недвусмысленно: «клячи».

Объяснялось это тем фактом, что игры, проведенные «Доджерами» за пять лет существования, никак нельзя было называть зрелищными. В последний же год, будучи членом Национальной Лиги, они выиграли ровно сорок девять встреч. А к середине августа этого года

---

* В данном случае: ловкачи, финтилы.

** Зона поля у ворот:

*** Дальняя зона поля.

любая группа зрителей более шестидесяти шести человек уже называлась на Тиббет Филд толпой.

После чемпионата того года команда вылетела из лиги. Это событие вряд ли стоило стенаний и горестных воплей, оно лишь подчеркнуло тот факт, что болельщики любят победителей и быстро забывают неудачников. Люди, готовые выложить деньги, предпочитали ехать в центр, на «Поло Граундс», чтобы посмотреть «Гигантов», или трястись через весь город на «Янки Стадиун» и хлопать «Янки», или же провести время в кино или кегельбане. «Доджеры», из сезона в сезон занимающие самые низкие места в турнирной таблице, никому не были интересны. Можно лишь пожалеть о забывчивости энтузиастов бейсбола, поскольку, наверное, лишь очень немногие помнят те чудесные полтора месяца последнего сезона «Бруклинских Доджеров», когда они гремели вовсю. Впрочем, тот сезон они начали вполне обычно. Они начали его как клячи, и каждый болельщик «Доджера» произносил это слово отчетливо и сочно. Однако в течение полутора месяцев энтузиасты бейсбола только о них и говорили. Причиной тому был один вполне конкретный игрок команды.

Было все так: некогда на бейсбольном поле имело место весьма необычное явление. Этим явлением был левша по имени Кейси.

У «Бруклинских Доджеров» был тренировочный день, и Мак-Гэри Лягушачий Рот, тренер команды, стоял на террасе раздевалки, поставив ногу на невысокие перильца и засунув руки в карманы брюк. Тренировочные дни угнетали Мак-Гэри даже больше, чем положение команды в турнирной таблице, а Доджеры находились в самом ее конце или, точнее, низу, и от лидеров их отделяло тридцать одно поражение. Позади него сидел на скамейке Бертрам Бизли, главный тренер. Бизли был маленьким человеком с лицом, напоминающим рентгеновский снимок язвы желудка. Его глаза глубоко уходили в глазницы, а голова глубоко уходила в низкие плечи. Всякий раз, когда он поднимал взгляд, дабы обозреть Мак-Гэри и джентльменов в бейсбольной форме, разминающихся на поле, он выпускал тяжелый вздох, и голова его, казалось, еще глубже уходила в плечи. Впрочем, эти вздохи, пролетев триста футов до центра поля, воспринимались, скорее, как мягкое посапывание. Трое подающих, которых прислал неутомимый рыскающий в поисках игроков Максвел Джеркинс, таковыми только назывались. Лицо одного из них было настолько знакомо, что Мак-Гэри готов был поклясться, что видел, как тот подавал на чемпионате мира 1911 года. Как оказалось потом, Мак-Гэри ошибался. Этот игрок не участвовал в чемпионате 1911 года. Он был племянником того.

Мак-Гэри обозревал разминающихся игроков и массировал сердце. Если смотреть слева направо, то на поле находились: длинный тощий парень в очках со стеклами толщиной не менее трех дюймов; семнадцатилетний толстячок, весящий, навскидку, фунтов, этак, двести восемьдесят при росте пять футов два дюйма; мосластый неук-

люжий фермерский отпрыск, скинувший с ног шиповки, и один из вышеупомянутых «подающих», который, видимо, недавно выкрасил волосы в черный цвет, но краска оказалась нестойкая и теперь под жарким летним солнышком по щекам его стекали темные ручейки. Четверка занималась физической подготовкой. Все давно уже сбилось с ритма, за исключением пожилого подающего, который сидел на земле и вертел в руках перчатку.

Бизли поднялся со скамейки и подошел к Мак-Гэри. Лягушачий Рот обернулся к нему.

— Грандиозные ребята!

— А ты кого ждал? — спросил Бизли, суя в рот сигару. — Национальную сборную? Ты подписал контракт на тренировку худшей команды лиги... — он ткнул пальцем в сторону разминающихся игроков, — и это тот материал, с которым ты всегда имел дело. — Он посмотрел на сломанный нос Лягушачьего Рта и подавил вспышку ярости. — Возможно, Мак-Гэри, если бы ты действительно был тренером, ты смог бы вылепить игроков из такого материала.

Мак-Гэри посмотрел на него взглядом ученого, рассматривающего в микроскоп блоху.

— Я никого не собираюсь лепить, — отчеканил он. — Я не скульптор, а они не пластилин. Ты главный тренер команды. Почему ты не можешь дать мне настоящих игроков?

— А ты бы знал, что с ними делать? — поинтересовался Бизли. — Нас отделяют от четвертого места двадцать проигрышей, и единственное, чем мы можем похвастаться, это тем, что у нашего тренера самый широкий во всей лиге рот. Может, стоит тебе напомнить, что всякий раз, когда «Доджерам» удастся выиграть, все называют это случайностью. Знаешь, дружище, — с угрозой заявил он, — когда окончится срок контракта, я не буду его продлять. — Сигара его погасла, и он достал спички, снова разжег ее, потом поглядел на поле, где разминался подающий. — Как дела у Флетчера?

— Смеешься? — Лягушачий Рот сплюнул на тридцать футов. — На той неделе он сделал четыре подачи и шесть прорывов. Это наш лучший игрок месяца!

Зазвонил телефон, и Бизли подошел к нему.

— Да, — сказал он в трубку. — Что? Кто? — Он прикрыл трубку ладонью и взглянул на Лягушачьего Рта. — Хочешь полюбоваться на подающего? — спросил он.

— Смеешься? — отозвался Мак-Гэри.

Бизли отнял ладонь.

— Присылайте его, — сказал он. Потом повесил трубку и пошел к Лягушачьему Рту. — Он левша.

— Левша, правша, — пожал плечами Мак-Гэри. — Если рук у него больше одной и меньше четырех, мы его берем. — Он поставил ладони рупором ко рту и крикнул: — Эй, Монк!

Принимающий поднялся с корточек.

— Да?

— Флетчер может заканчивать. Сюда скоро прибудет новичок. Поработаешь с ним.

— Лады, — отозвался принимающий. Потом повернулся к подающему. — О'кей, Флетч. Иди отдохни.

Бизли снова уселся на скамейку.

— У тебя есть схема игры на сегодняшний вечер? — спросил тренер.

— Работаю над ней, — откликнулся Лягушачий Рот.

— Кто начинает?

— Ты имеешь в виду подающий? Я как раз перебирал их одного за другим. Кто посвежее, то и постоит за честь родного клуба. — Он снова сплюнул и поставил ногу на перильца, поглядывая на поле. Чуть подумал и крикнул: — Шавэ, хватит уж разминаться.

Он с отвращением поглядел на кончившую прыжки тройцу и сидящего на траве молодого человека, на лице которого проступило облегчение. Шавэ отправил всех четверых с поля и подошел к навесу, изобразив плечами нечто вроде «что-тут-к-черту-сделаешь-с-такими-типами».

Лягушачий Рот вытащил носовой платок и вытер лицо. Потом заметил около раздевалки воткнутую в земле фанерку на палке. На фанерке было написано: «Бруклинские Доджеры»: тренировка». Он отвел назад правую ногу и яростно пнул полетевшую на землю табличку. Потом подошел к линии третьей базы, сорвал травинку и задумчиво сунул ее в рот. Бизли вышел из-под навеса, подошел к Мак-Гэри, опустился рядом с ним на корточки, тоже сорвал травинку и тоже сунул ее в рот. Какое-то время они молчали. Потом Мак-Гэри выплюнул травинку изо рта и повернулся к Бизли.

— Знаешь, что я скажу, Бизли? — произнес он. — Мы настолько глубоко увязли, что у нас теперь играет и первый состав, и запасные, и вообще черт знает кто! И чья это вина?

Бизли выплюнул свою травинку.

— Это ты меня спрашиваешь?

— Только не моя, — поспешно заявил Лягушачий Рот. — Так уж повезло, что я связался с бейсбольной организацией, все богатство которой заключалось в двух силосных ямах и жатке Мак-Кормика. Единственное, что я получаю каждую весну, это пара мешков пшеницы.

— Мак-Гэри, — уничтожающе сказал Бизли, — если бы у тебя был стоящий материал, ты что, действительно знал бы, что с ним делать? Ты ведь не Джо Мак-Карти. Ты даже не половина Джо Мак-Карти.

— Заткнись, — огрызнулся Мак-Гэри. Он отвернулся и принялся разглядывать линию третьей базы, хотя там не было ничего привлекательного. Поэтому он не видел подходящего к ним невысокого седовласого пожилого человека, чем-то похожего на херувима. Пожилой джентльмен подошел поближе и откашлялся.

— Мистер Мак-Гэри? — сказал он. — Я доктор Стилман. Я звонил вам насчет подающего.

Лягушачий Рот медленно обернулся в его сторону и поскреб подбородок с плохо скрываемой неприязнью.

— Олл райт! И в чем шутка, дед? Это вот этот умник подговорил тебя? — Он обернулся к Бэзли. — Это, стало быть, подающий? Смешная шутка. Ну-тка, ну-тка. Смешная шутка.

Доктор Стилман улыбнулся.

— О, нет, я не подающий, — сказал он, — хотя в свое время мне довелось кидать мяч. Конечно, это было еще до войны.

— Ага, — кивнул Лягушачий Рот. — До какой войны? Гражданской? Вы выглядите недостаточно старым для человека, прошедшего зиму в Вэлли Фордж. — Он с интересом взглянул на пожилого джентльмена. — Слушайте... а там действительно было так холодно, как об этом рассказывают?

Стилман вежливо рассмеялся.

— У вас действительно есть чувство юмора, мистер Мак-Гэри. — Он обернулся и указал рукой в сторону раздевалки. — А вот и Кэйси, — сказал он.

Лягушачий Рот без интереса посмотрел туда, куда указывал пожилой джентльмен. Кейси выходил из раздевалки. От шипов на его башмаках до импровизированной бейсбольной шапочки в нем было на глаз шесть футов и шесть дюймов. Кулачищи были размером с пару хороших мускусных дынь каждый. Его плечи, подумал Мак-Гэри, заставляли свернуться от стыда рекламную фотографию Примо Карнеро в «Чарльз Атлас». Короче, Кейси был высок. К тому же и в плечах широк. В общем, он был одним из самых мощных людей, когда-либо виденных Мак-Гэри и Бизли. Он нес свое тело с непринужденной грацией легкоатлета, и единственным диссонансом в общей картине было его лицо, которое можно было бы назвать даже красивым, если бы не отсутствие на нем какого-нибудь выражения. Это было просто лицо. Прекрасные зубы, прямой нос, глубоко посаженные голубые глаза, копна пшеничных волос, выбивающихся из-под шапочки. Но лицо это, подумал Мак-Гэри, выглядело так, будто было нарисованным.

— Так ты левша? — сказал Мак-Гэри. — Олл райт. — Он махнул рукой в сторону поля. — Видишь вон того парня с большой перчаткой? Он именует себя принимающим. Его зовут Монк. Побросай ему.

— Большое спасибо, мистер Мак-Гэри, — монотонно отозвался Кэйси.

Он двинулся по полю. Даже голос, подумал Мак-Гэри. Даже голос. Мертвый. Безжизненный. Он сорвал травинку подлиннее и направился к раздевалке, сопровождаемый Бизли и седовласым джентльменом, чем-то похожим на Чарльза Диккенса. На террасе Мак-Гэри принял излюбленную позу, а Бизли направился в офис, который был его обычным местом, когда команда не играла. Запершись там, он подсчитывал количество проданных билетов и просматривал объявления в «Нью-

Йорк Таймс». Таким образом на террасе раздевалки остались лишь Стилман и Лягушачий Рот, причем пожилой джентльмен разглядывал все вокруг широко раскрытыми глазами, словно школьник, попавший на чугунолитейный завод. Мак-Гэри повернулся к нему.

— Вы его отец?

— Кейси? — уточнил Стилмен. — О, нет. У него нет отца. Полагаю, вы можете называть меня его... создателем, что ли.

Мак-Гэри как-то не очень вник в эти слова.

— Вот как? — рассеянно сказал он. — И сколько ему?

— Сколько ему... — повторил Стилман. — Ну, это немного трудно сказать.

Лягушачий Рот оглянулся на пустую скамейку, изобразив на лице «нет-вы-только-подумайте-с-какими-идиотами-приходится-иметь-дело».

— Ну, это немного трудно сказать, — ядовито повторил он, сопровождая слова соответствующей мимикой.

— Я хочу сказать, — поспешил повторить Стилман, — что в случае Кейси на этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Он существует лишь три недели. Точнее так: он имеет психику и разум двадцатилетнего, но если иметь в виду продолжительность его существования на свете, то это три недели.

На протяжении всей этой речи Лягушачий Рот только озадаченно моргал.

— Вам не тяжело повторить это еще раз?

— Нисколько, — благожелательно отозвался доктор Стилман. — Все очень просто. Видите ли, я сделал Кейси — роботом. — Он вытащил пачку потрепанных бумаг и протянул Мак-Гэри. — Это синька, по которой я работал.

Лягушачий Рот выхватил листы из рук пожилого джентльмена, с размаху швырнул их на скамейку и обхватил голову руками. Проклятый Бизли! Поистине нет таких мерзавцев, которых он не нашел бы, чтобы сделать его жизнь еще более гадостной. Он несколько раз сглотнул, прежде чем заговорить, и когда ему это наконец удалось, собственный голос показался ему совершенно чужим.

— Старина, — сказал он хрипло. — Милый добрый старик. Де-душка с добрыми глазами. Я так счастлив, что он робот. Кем же ему еще быть. — Он похлопал Стилмана по плечу: — Просто замечательный робот. — Он всхлипнул и обернулся назад. — Бизли, ты сволочь и сукин сын! Конечно, робот. — Седовласый джентльмен, раздевалка, этот мерзкий стадион... все поплыло у него перед глазами. Робот!

Лягушачий Рот сошел с террасы, прошел по полю, остановился у линии третьей базы и сунул в рот травинку. Доктор Стилман остановился рядом с ним. Позади Мак-Гэри бросил мяч принимающему, стоящему в доме*. Лягушачий Рот не смотрел на него.

---

* Зона бейсбольного поля.

— Не знаю, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Просто не знаю, что я делаю в бейсболе.

Он без интереса взглянул на Кейси, делающего боковой бросок. В футе от дома мяч резко изменил направление полета и с визгом ударился точнехонько в рукавицу принимающему, словно круглый белый локомотив.

— Этот Бизли, — сказал Лягушачий Рот, глядя в землю. — Этот хмырь имеет столько же прав сидеть в офисе «Доджеров», сколько я в сенате штата Алабама. Этот тип ничтожество, и этим все сказано. Просто ничтожество. Он родился ничтожеством. А сейчас он ничтожество тем более!

Стоящий на холме* Кейси размахнулся и сделал хук**. Мяч белой молнией метнулся к дому, отклонился влево, ударился о землю, отскочил вправо и попал прямо в рукавицу принимающего. Монк круглыми глазами уставился сперва на мяч, потом на подающего, внимательно оглядел мяч, покачал головой и бросил его обратно Кейси.

Лягушачий Рот тем временем продолжал анализ текущего положения дел, он обращался к улыбающемуся доктору Стилману и пустым трибунам.

— У меня бывали плохие команды, — говорил он. — Действительно плохие. Но эта! — Он откусил травинку и выплюнул ее. — Эти парни делают Абнера Дайблзэ преступником! Знаете, где я отыскал последнего нападающего? Он подстригал траву в инфилде, и я обнаружил, что он единственный, кто может добраться от холма до дома менее чем в два приема. Теперь он устроился у меня вторым стартером. Подумайте только!

Он снова взглянул на Кейси. Тот как раз делал прямой бросок. Мяч попал точно в перчатку Монка. Монк стряхнул ее и болезненно затряс кистью. Когда боль утихла, он недоверчиво поглядел на молодого подающего. И тогда, и только тогда с глаз Лягушечьего Рта упала пелена. Он вдруг вспомнил двух своих последних подающих, и брови у него поползли вверх. Монк подошел к нему, придерживая поврежденную руку.

— Видели его? — спросил Монк, недоверчиво покачивая головой. — Этого парня? Бог свидетель, он начинает там, где Феллер закончил! У него и боковой, и хук, и кистевой, и скользящий, и прямой, который чуть не пробил мне ладонь! И точность — как по радару. В жизни не работал с лучшим нападающим!

Лягушачий Рот стоял, словно загипнотизированный, и смотрел на неторопливо идущего к ним Кейси. Монк сунул под мышку перчатку и направился к раздевалке.

— Клянусь, — пробормотал он на ходу, — никогда не видел ничего подобного. Фантастика. Человек не может так подавать!

* Зона бейсбольного поля.

** Короткий левый бросок.

Лягушачий Рот и доктор Стилман переглянулись. Спокойные голубые глаза доктора Стилмана смотрели понимающе. Лягушачий Рот яростно догрызал травинку, не замечая, что уже прихватил четверть дюйма собственного пальца. Опомнившись, он подул на него, помахал им в воздухе и снова сунул в рот. Когда Мак-Гэри повернулся к Стилману, голос его дрожал от возбуждения.

— Слушайте, старина, — сказал Лягушачий Рот, — мне позарез нужен этот парень! Понимаешь? Через четверть часа у меня будет готовый контракт. И никаких разговоров. Ты привел его нам на пробу, поэтому у нас преимущество перед остальными.

— Он робот, ты знаешь, — спокойно начал Стилман.

Лягушачий Рот сгреб его за грудки и зашипел сквозь стиснутые зубы:

— Старина, — сказал он с яростной нежностью, — никогда никому не говорите об этом. Пусть это останется нашей маленькой семейной тайной.

Затем внезапно вспомнив, он дико огляделся, поднял синьки и записал их в карман рубашки. Стилман изучающе посмотрел на него.

— А так разве честно? — сказал он, потирая подбородок.

Лягушачий Рот ущипнул его за щеку и выдохнул:

— Ты славный старикан, и ты выглядишь рисковым малым. Если специальный уполномоченный по бейсболу когда-нибудь пронюхает, что я использовал машину — мне хана! ХАНА. Хана, улавливаешь?

Когда Мак-Гэри взглянул на приближающегося Кейси, на его физиономии появилась гримаса, которая с известной натяжкой могла бы сойти за улыбку.

— Мне нравится твоя манера игры, парень, — сказал Лягушачий Рот. — Давай-ка, двигай в раздевалку и переоденься. — Он повернулся к Стилману. — Он одевается, как люди, так?

— О да, конечно, — ответил Стилман.

— Это хорошо, — одобрил Лягушачий Рот, видимо, вполне удовлетворенный этим фактом. — А теперь мы пойдем в офис Бизли и подпишем контракт. — Он взглянул на рослого подающего и покачал головой: — Если бы ты хоть раз в неделю подавал так, как я видел сегодня, парень, тогда между нами и знаменем ничего не могло бы встать. Разве что у тебя батареи подсели бы или суставы под дождем заржавели. Теперь, что касается ваших прав, мистер Кейси, — вы — подающий номер один «Бруклинских Доджеров»!

Стилман счастливо улыбался, а на бесстрастном лице Кейси не отражалось ничего, непонятно было, доволен он или нет. Лягушачий Рот протопал к раздевалке, перешагивая через три ступеньки, и схватил телефон.

— Офис главного менеджера, — заорал он в трубку.

— Да. — Через мгновение он услышал голос Бизли. — Бизли, — сказал он, — послушай Бизли, я хочу, чтобы ты подписал контракт.

На этого левшу. Его зовут Кейси. Так. Не то слово, Бизли. Фантастически! Немедленно подписывай!

На другом конце провода слышалось сердитое бормотание.

— Кому я сказал! — рявкнул Лягушачий Рот. Он отшвырнул телефон, повернулся и посмотрел на поле.

Стилман и Кейси направлялись в раздевалку, Мак-Гэри задумчиво потер челюсть.

— Робот-шмобот, — сказал он самому себе. — Он владеет и крученым, и настильным, и свечкой, и хуком и запросто может сменить шаг, и, слава те господи, у него две руки!

Он поднял один из окурков Бертрама Бизли, расправил его и, довольный, сунул в рот. Впервые за многие долгие, мрачные месяцы в мозгу Мак-Гэри Лягушачьего Рта замаячило знамя Национальной Лиги. Так, должно быть, чувствовал себя Джон Мак-Гро, когда дебютировал у Уолтера Джонсона или Миллера Хиггинса, после того, как Герман Рут перешел к нему из Бостонских «Ред Соксов»*. Но трепет Мак-Гэри был несколько другого свойства, чем у Марса Джозефа Мак-Карти, когда тощий итальянец по фамилии Ди Маджио мягкой походкой впервые вышел в центр поля. И к надежде, которая зажглась было в груди Лягушачьего Рта, когда он смотрел на вышагивающего к нему по полю здорового левшу с невыразительной физиономией, незримо несущего на своих могучих плечах чаяния «Бруклинских Доджеров» и самого достойного сына миссис Мак-Гэри, примешивалось сомнение.

Спустя 48 часов они играли ночной матч против Сент-Луиса. Раздевалка «Доджеров» была полна гомона, лязга зажимов, хлопанья дверок шкафов и жалобными воплями Бертмана Бизли насчет того, что тренер-де изводит слишком много мази, а та стоит 75 центов за бутылку. Весь этот шум перекрывали смачные проклятия Лягушачьего Рта, который ухитрился быть везде — на каждой скамейке, в каждом углу и в каждом мозгу.

— Монк, как он, не перепутает сигналы? — в четырнадцатый раз донимал он принимающего.

Монк страдательно уставился в потолок и сказал:

— Да, босс. Он их знает.

Лягушачий Рот направился к подающему, который как раз завязывал шнурки.

— Кэйси, — сказал он, вытирая со лба пот, — если ты чего забудешь, сразу кликни Монка и скажи ему. Дошло? — Он вытащил большой носовой платок и вытер бровь, затем достал пиллюлю из бокового кармана и кинул ее в рот. — А самое главное, — предостерег он своего молодого подающего, — не нервничай!

Кейси озадаченно взглянул на него.

— Нервничать? — спросил он.

---

* «Красные носки».

Стилман, который только что вошел в раздевалку, объяснил, улыбаясь:

— Нервничать, Кейси, — чувствовать себя не в своей тарелке. Как если бы один из твоих контактов...

Лягушачий Рот заглушил его:

— Ты знаешь, что такое «нервничать», Кейси? Как если бы ты после двух неудач в девятом, один на переднем крае играешь подающим против Ди Маджио. И вот он выходит на площадку, и он настроен только на победу, и ты это видишь.

Кейси невозмутимо посмотрел на него:

— Это не заставило бы меня нервничать. И я не знаю никого по имени Ди Маджио.

— Он не знает никого по имени Ди Маджио, — серьезно объяснил Лягушачьему Рту Монк.

— Я слышал, что он сказал, — заорал на него Лягушачий Рот. — Не глухой! — Он повернулся к остальным игрокам, посмотрел на часы и рывкнул: — Ладно, парни, давайте дело делать!

Монк взял Кейси за руку, стащил со скамейки и провел через дверь. Когда игроки потянулись из раздевалки, комната вновь наполнилась стуком шипов по цементному полу. Мак-Гэри Лягушачий Рот стоял один посреди раздевалки и чувствовал, как с головы до ног покрывается потом. Он вытащил и без того мокрый платок и снова вытер голову.

— Чертова влажность, — пожаловался он Стилману. — Она просто убивает меня. Никогда так не потел, клянусь богом!

Стилман посмотрел Мак-Гэри под ноги. Лягушачий Рот стоял одной ногой в ведре с водой.

— Мистер Мак-Гэри, — он показал на ведро.

Лягушачий Рот смущенно вытащил ногу и потряс ей. После чего снова извлек бутылочку с пилюлями, засунул две в рот, проглотил и показал пальцами на свой живот.

— Нервы, — извиняющимся тоном пояснил он. — Черт знает что, а не нервы. Я не сплю по ночам. У меня перед глазами так и стоят эти знамена. Большие красные, белые знамена. Я только и могу думать, чтобы побить «Гигантов», а потом в открытой борьбе захватить четыре знамени у «Янки» на мировом первенстве. — Он глубоко вздохнул. — Но до этого мне хотелось бы победить также «Филиппсов», или «Кардов», или «Брезов», или «Цинцинатти»... ~~т~~ в его голос вкралась просительная нотка; — или кого-нибудь еще, если вы поможете!

Доктор Стилман улыбнулся ему:

— Я думаю, что Кейси решит ваши проблемы, мистер Мак-Гэри. Лягушачий Рот смотрел на невысокого седовласого человека.

— Что вы с этого будете иметь? — спросил он. — Какой процент вы хотите?

— Вы имеете в виду Кейси? — сказал Стилман. — Всего лишь научный интерес, и все. Чисто экспериментальный интерес. Я счи-

таю, что Кейси — это своего рода супермен, и мне хотелось бы это доказать. Однажды я построил замечательную экономку, чтобы вести дом. И повариха она была — просто блеск. Я заработал на этом 46 фунтов, прежде чем демонтировал ее. А теперь вот Кейси. С его силой и сноровкой, с его точностью, он, я полагаю, должен стать грандиозным подающим. Но чтобы испытание было но-настоящему серьезным, я должен был пристроить его подающим в самую слабую бейсбольную команду, которую только мог найти.

— Спасибо, доктор Стилман, — произнес Лягушачий Рот. — Я ценю это.

— Не стоит благодарности. А теперь не пойти ли нам на поле?

Лягушачий Рот распахнул перед ним дверь.

— Только после вас, — сказал он.

Доктор Стилман вышел. Лягушачий Рот уже совсем было собрался последовать за ним, как вдруг остановился как вкопанный, одна бровь его задралась.

— Минуточку, черт тебя побери, — заорал он. — Как самой слабой? — Он устремился за стариком. — Вы должно быть, видели команду «Филис» в 1903 году! — завопил он ему вслед.

Судья крикнул: «Игра!» — и третий игрок принял бросок от принимающего, затем, натерев мяч, понес его Кейси на холм, отметив про себя, что этот длиннорукий широкоплечий парень не более оживлен, чем леди сомнительной добродетели в воскресное утро после с толком проведенной длинной субботней ночи. Спустя несколько минут отсутствие живости в характере Кейси совершенно перестало волновать третьего игрока, равно как и четырнадцать тысяч болельщиков, смотрящих игру. Они видели, как левша с тем же бесстрастным выражением на лице отреагировал на знак принимающего, а затем сделал неуловимо быстрый боковой бросок, который заставил весь стадион разинуть рты и оторопеть всю защиту «Сент-Луис Кардиналз».

Бывают быстрые мячи, даже очень быстрые, но никто никогда не видел ничего даже отдаленно похожего на белую молнию, стрелой вылетевшую из левой длани Кейси. Такая вот мысль проскочила в голове игрока команды «Сент-Луис», когда он моргнул при звуке мяча, ударившегося в перчатку ловца, и понял, что подача была сделана, а он ее даже не видел.

Именно этот игрок проигравшей команды Сент-Луиса был первым из двадцати пяти человек, кто испытал на своей шкуре мощь Кейси. Восемнадцать из них были выбиты сразу и только двоим удалось добраться до первой базы, и то, одному только из-за неправильного судейства. К шестой подаче большинство присутствующих на стадионе были на ногах, и до них дошло, что в лице долговязого левши на холме они столкнулись с неким бейсбольным феноменом. А к девятой подаче, когда «Доджеры» выиграли свой первый матч за три недели со счетом 2:0, стадион неистовствовал.

Некоторое безумие наблюдалось и в раздевалке Бруклинского клуба. Уголки губ Мак-Гэри Лягушачьего Рта слегка ползли вверх, образуя гримасу, которую старый тренер объяснил двум озадаченным игрокам, как «улыбку». Последний раз Лягушачий Рот улыбался лет, примерно, шесть тому назад.

Бернард Бизли настолько растрогался, что по такому случаю презентовал Мак-Гэри три новых сигары, причем приличного сорта. Три новых и одна уже немного использованная. Вот как. Но самым заметным, что произошло в раздевалке «Доджеров», было то, что команда вдруг стала выглядеть совершенно по-другому. За какие-то два с половиной часа, она превратилась из сборища неуклюжих посредственностей с налитыми свинцом ногами в энергичных лидеров, в уверенную, слаженную бейсбольную команду. Команду игроков, главным занятием которых было — побеждать. Раздевалка снова наполнилась смехом и солеными шуточками, возбужденные возгласы вырывались из душевых. И это всё происходило в комнате, которая в последние годы была таким же развеселым и располагающим к шуточкам местом, как и похоронная контора.

И вот во время, когда мокрые полотенца летали по комнате, башмаки с шипами сушились на раскрытых дверцах шкафчиков, среди всей этой суматохи один человек оставался безучастным. Это был подающий по имени Кейси. На всю эту суматоху он взирал со слабым интересом, не более того, и был озабочен главным образом расшнуровыванием своих ботинок. Единственный раз, когда он проявил хоть какие-то эмоции, это когда док Барстоу начал массировать ему руку. Он резко вскочил и отдернул ее, чем весьма озадачил Барстоу. Позже тот признался Мак-Гэри, что рука на ощупь больше всего напоминала обрзок стальной трубы. Лягушачий Рот жадно сглотнул и спросил дока, как чувствует себя его жена. Все это произошло ночью первого июля.

Через три недели команда «Бруклинских Доджеров» переместилась с нижней строки таблицы на пятое место в Национальной Лиге. Они выиграли двадцать две встречи подряд, причем семь из них им преподнес на блюде подающий левша по имени Кейси. Две их его игр были «сухими», и заработанное им количество штрафных очков было несомненно самым низким не только в любой лиге, но и вообще в истории бейсбола. Его имя было у всех на языке, его фото красовалось в каждой газете на спортивной страничке, а сумма контрактов выросла настолько, что он мог бы прожить только на доходы от своей физиономии, изображенной на коробках с воздушной кукурузой. И как это бывает в жизни, победа порождает победу. Даже без Кейси «Доджеры» становились страшным и грозным бейсбольным клубом. Слабые и мало результативные игроки, дилетанты с битой, которые в жизни больше, чем 200-ми не бывали, теперь стали неукротимыми мастерами. Другие подающие команды, те, что раньше были либо слишком зелеными, либо казались вышедшими в тираж, с приходом

Кейси начинали выигрывать. И теперь у них был тот спортивный дух, та напористость, та агрессивность, которая необходима, чтобы добиться знамени, и «Доджеры» его добились. Они выглядели чемпионами и играли как чемпионы.

В прессе Мак-Гэри теперь называли не иначе, как «этот верховный стратег» и «генерал бейсбольного поля», а иногда и «самый побеждающий тренер года». Это были те же самые спортивные колонки, которые раньше презрительно отзывались о нем примерно так: «Этот дубоголовый неотесанный мужлан, который обращается с бейсбольным клубом, как бык с креветочным салатом». Команда собирала на одну игру столько болельщиков, сколько раньше могла содрать, дай бог, за целый сезон. Но самым славным, самым обнадеживающим было то, что Кейси, который и был причиной всего этого, похоже, совершенно не ведал усталости, казался абсолютно неуязвимым и не подверженным обычным опасностям, которым подвергаются подающие. У него не было ни нестигания рук, ни расшибленных локтей, ни нарушения координации движений. Ничего такого. Он подавал, как машина, и хотя это тоже внушало некоторое беспокойство, все-таки не слишком бросалось в глаза. Вопросов по этому поводу не возникало. «Доджеры» вышли бы на первое место к середине августа, если бы во время короткой заминки в матче с «Филадельфия Филлис» мяч с линии не попал бы прямо на несколько дюймов выше левого глаза Кейси.

Тупой, болезненный глухой звук прокатился по всему городу, словно удар грома. Мак-Гэри Лягушачий Рот мчался к холму, где лицом вниз лежал его неподражаемый левша, а два парня, которых звали Лэнди и Баннистер, беспомощно топтались, пребывая в состоянии полного затмения. Он несся так, как будто хотел побить мировой рекорд по бегу. Бертрам Бизли, сидящий в тренерской на перевернутом ящике, машинально дожевывал четверть своей сигары, проглотил и повалился на пол в глубоком обмороке.

Игроки окружили Кейси, а доктор Барстоу жестом показал, чтобы принесли носилки. Мак-Гэри схватил его за руку и шептал что-то на ухо, как будто они уже находились в присутствии покойника.

— Он будет жить, док? Он с этим справится?

Врач команды смотрел мрачно.

— Я думаю, нам лучше отправить его в больницу. Посмотрим, что скажут там.

Полкоманды сопровождали носилки, пока их медленно несли через поле. Все это смахивало на похоронную процессию, следующую за недавно умершим главой государства. С Мак-Гэри Лягушачьим Ртом в роли главного плакальщика. Только когда они дошли до края поля, тренер вспомнил, что нужно сходить за новым подающим, нетерпеливым молодым человеком из Южной ассоциации, которого пригласили совсем недавно.

Парень легким шагом шел к насыпи, но, тем не менее, было со-

вершено ясно, что в этот момент ему больше всего хотелось бы снова оказаться в Мемфисе, штат Теннесси, сортируя на ферме белые и черные бобы.

Он взял мяч у второго игрока, натер его, затем спустился вниз за мешком с канифолью. Он натер руки мешком, затем еще раз натер мяч, натер мешок, положил мяч, раскрутил мешок и что было сил бросил его. Как потом выяснилось, это была его лучшая подача в этот вечер. Немного спустя он обошел шесть человек подряд и поразил одного в голову. По счастливой случайности, это был продавец бутербродов с горячими сосисками на открытой трибуне, поэтому никакого вреда, с точки зрения перемещения кого-либо на базе, причинено не было. Некоторое беспокойство вызвала его следующая подача — четвертый отбивающий «Филисов» с ленивой грацией отмахнулся от того, что парень из Мемфиса называл своим «Быстрым мячом». И послал его футов на семьсот выше забора центрального поля, что озадачило людей на базах. Окончательный счет был 13:0 в пользу «Филисов» но Мак-Гэри Лягушачий Рот даже не дождался последнего выхода. После двух выходов из девяти они с Бизли выбрались из парка и поймали такси. Бизли протянул водителю 25 центов и сказал:

— Не обращайтесь внимания на полицейских. Езжайте в больницу.

Водитель посмотрел на двадцатипятицентовик, затем снова на Бизли и сказал:

— Либо вы платите как следует, либо я поеду так, словно везу в машине грудного младенца!

Они прибыли в больницу через двенадцать минут, быстро проскочили мимо репортеров, заполонивших коридор, и лифтом поднялись на тот этаж, куда перед этим был доставлен Кейси. Они успели к самому концу осмотра, чуть не сбив с ног санитаров.

— Болван, — выругался Лягушачий Рот, устремившись к кровати.

Доктор снял стетоскоп и повесил его на шею.

— Вы — отец? — спросил он Мак-Гэри.

— Отец, — сдавленно засмеялся Лягушачий Рот. — Я ближе, чем любой отец.

Только сейчас он наконец заметил, что доктор Стилман спокойно сидел в уголке, лупая глазами, как добрый старый филин, битком набитый мудростью, спрятанной под перьями.

— Видите ли, джентльмены, я не нахожу никакого перелома, — профессиональным голосом заявил врач. — Никакого сотрясения. Рефлексы кажутся нормальными...

Бизли выдохнул. словно мощный порыв северного ветра прокатился по палате:

— Я снова могу дышать, — сообщил он всем.

— А у меня в голове только одно и вертелось, — сказал Лягушачий Рот. — Прощай, Кейси! Прощай, знамя! Прощай, чемпионат! — Он безнадежно покачал головой. — И прощай моя карьера!

Врач взял запястье Кейси и пощупал пульс.

— Да, мистер Кейси, — он лучезарно улыбнулся, глядя в бесстрастное лицо и немигающие глаза, — я полагаю, что ты в хорошей форме. Хотя, скажу тебе, когда я услышал, как мяч ударил тебя в висок, я спрашивал себя, как...

Он неожиданно замолчал. Его пальцы настойчиво шарили по запястью. Глаза широко раскрылись. Через мгновение он приподнял пижаму Кейси и трясущимися пальцами начал ощупывать грудь. Спустя еще мгновение он встал, вынул носовой платок и вытер лицо.

— В чем дело? — нервно спросил Лягушачий Рот. — Что-то не так?

Врач опустил на стул.

— Ничего не случилось, — мягко сказал он. — Ничего. Все прекрасно. Только вот...

— Что «только вот»? — подался вперед Бизли.

Врач показал пальцем на кровать.

— А то, что у этого человека нет пульса вообще. Никакого сердцебиения. — Затем он посмотрел на потолок. — Этот человек, — сказал он, срываясь на фальцет. — Этот человек не живой!

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Потом послышался мягкий звук, когда тело Бизли сползло на пол, и опять — тишина. Первым ее нарушил доктор Стилман.

— Мистер Мак-Гэри, — сказал он спокойно и твердо, — я верю, что сейчас он придет в себя.

Бизли открыл глаза.

— Ну что, Мак-Гэри, псих ненормальный, чего ты еще скажешь?

Лягушачий Рот затравленно оглядел комнату, словно ища еще одну кровать. Он выглядел больным.

— Бизли, — жалобно простонал он. — Вы не сделаете этого. Или Кейси, или все пропало. Боже, какой подающий! Он был единственным из всех найденных мной игроков в бейсбол, который ничего не ел.

Стилман откашлялся и обратился к врачу: — Я думаю, что вам следует знать, прежде чем вы предложите осмотр, что у Кейси нет пульса и сердце не бьется... потому что у него никакого сердца нет. Он — робот!

Раздался звук еще одного падения. Бэртрам Бизли снова хлопнулся в обморок. На этот раз, похоже, надолго.

— Кто? — недоверчиво спросил врач.

— Это правда, — сказал Стилман. — Робот.

Врач ошеломленно уставился на лежащего на кровати Кейси, который ответил ему безмятежным взглядом.

— Вы уверены? — спросил врач очень тихо.

— Ну еще бы. Я сам построил его.

Врач медленно снял пиджак, затем галстук. Он двинулся к кровати, глаза его странно расширились и блеснули.

— Кейси, — заявил он, — вставай и раздевайся. Слышишь меня? Вставай и раздевайся.

Кейси встал и разделся, а двадцать минут спустя врач открыл окно и свесился наружу, чтобы подышать вечерним воздухом. Затем он повернулся, снял с шеи стетоскоп и уложил в свой саквояж. Он забрал с ночного столика аппарат для измерения давления и сунул его туда же. Про себя он отметил, что неплохо бы сделать рентгено-скопию, как только все покинут помещение, но знал, что для этого, в общем-то, нет оснований, потому что все было совершенно очевидно. Человек на кровати вовсе не был человеком. Это был ангел господень или исчадие ада — что угодно, но человеком он никак не был. Врач закурил сигарету и оглядел комнату.

— Учитывая сложившиеся обстоятельства, — сказал он, — боюсь, мне придется поставить в известность уполномоченного по бейсболу. Это единственно возможный этический поступок.

— Что вы считаете этичным в этом деле? — спросил его Мак-Гэри. — Какого рожна вам надо? Вы что, болельщик «Гигантов»?

Врач не ответил. Он сгреб кипу бумажных листов, на которых делал заметки, и запихал их в карман. В уме он пробежал список медицинских обществ и организаций, которые следовало бы проинформировать. Неплохо бы также ввести три-четыре абзаца о первом механическом человеке в монументальный труд, который он пишет для медицинского журнала. Врач вошел в раж. Он прошествовал к двери, неся свой черный саквояж, улыбнулся и вышел. Голова его занята была исключительно мыслями о том, как на все этоотреагирует Американское медицинское общество. Единственным звуком в комнате было теперь тяжелое дыхание Бизли. Потом Мак-Гэри направился к лежащему на кровати Кейси.

— Кейси, — безнадежным голосом сказал он. — Ты не мог бы подвинуться?

Один из интернов в палате для рожениц был скор на ногу, поэтому газета «Дейли Миррор» получила эту информацию раньше других. А две телефонные службы приняли ее двадцать минут спустя, и к шести часам следующего дня весь мир знал о Кейси, механическом человеке. Несколько научных светил были уже на пути из Европы в Америку, а доктора Стилмана и Кейси в номере Нью-Йоркской гостиницы осаждала армия репортеров и фотографов. Трое астронавтов с мыса Канаверал — экипаж легендарной ракеты, сфотографировавшие Луну, с изумлением обнаружили, что сообщение о их подвиге появилось всего лишь на двенадцатой странице вечерних изданий, потому что все первые одиннадцать страниц были посвящены исключительно обещанной уполномоченным по бейсболу пресс-конференции, который объявил, что примет решение по Кейси не позже, чем к ужину.

В 4-30 того же дня уполномоченный сидел за своим столом, постукивая по столешнице кончиком карандаша. Секретарша принесла

— У Бизли, к примеру, и вовсе нет сердца. И не было никогда, — сказал он, — а он владеет сорока процентами клуба.

Комиссар отодвинул от себя бумаги и положил руки на стол. Этот жест символизировал законченность, он как нельзя лучше соответствовал рассудительному тону его голоса:

— Вот так, джентльмены, — объявил он, — у него отсутствует сердце. Это значит, что он не человек, а это грубое нарушение бейсбольного кодекса. Следовательно, он не играет.

Дверь отворилась, и доктор Стилман тихо проскользнул в комнату, как раз вовремя, чтобы расслышать последние слова этого заявления. Он помахал Кейси, и тот помахал ему в ответ. Затем он повернулся к уполномоченному.

— Господин уполномоченный, — сказал он.

Уполномоченный полупривстал и посмотрел на пожилого человека.

— Что еще? — устало спросил он.

Стилман прошел к столу.

— Предположим, — сказал он, — мы бы дали ему сердце? Если это действительно единственная вещь, которая отличает его от нормального человека, я мог бы поработать и снабдить его механическим сердцем.

— Подумать только! — заорал Мак-Гэри на всю комнату.

Бизли медленно поднялся с кушетки и достал сигару. Уполномоченный снова сел и смотрел очень, очень задумчиво.

— Это незаконно. Это совершенно незаконно. — Затем он поднял трубку телефона и попросил врача, который осматривал Кейси и на которого ссылался в отчете в первую очередь. — Доктор, — спросил он, — в отношении дела с Кейси, если бы ему поставили механическое сердце, смогли бы вы классифицировать его как.... что я имею в виду, это.... смогли бы вы назвать его, э... — Затем он поднес трубку к лицу, кивая в нее. — Большое спасибо, доктор.

Уполномоченный через всю комнату посмотрел на Кейси. Уполномоченный стучал карандашом по столу, кривил губы и чмокал. Мак-Гэри достал бутылку с пилюлями и бросил три штуки в рот.

— Хорошо, — объявил наконец уполномоченный. — С сердцем я дам ему временное «добро». До конференции лиги в ноябре. После мы снова вернемся к этому вопросу. Остальные клубы будут орать, как будто речь идет о Джеке-Потрошителе!

Бизли с трудом поднялся, на его лице отразилось огромное облегчение, словно отчаявшийся мореход узрел наконец вдали огонь маяка.

— Тогда все решено, — сказал он. — Нужно, чтобы Кейси стал полноценным человеком, а для этого, в свою очередь, нужна простая... — Он остановился, глядя на Стилмана. — Простая?

— Относительно, — ответил Стилман.

Бизли кивнул.

— Простая операция, чтобы вставить механическое сердце.

Он прошел через всю комнату к двери и открыл ее. Репортеры, крутившиеся около двери, замолчали, как по команде.

— Джентльмены, — обратился к ним Бизли, — вы можете сослаться на меня.

Репортеры гуськом направились к двери и через минуту заполнили комнату.

— Вы можете сослаться на меня, — повторил Бизли, когда в комнате снова установилась тишина. — Могучий Кейси снова будет в строю через сорок восемь часов. — Он бросил еще один вопросительный взгляд на Стилмана. — Сорок восемь часов?

— Примерно, — спокойно сказал Стилман.

Вопросы лупили в Мак-Гэри и Бизли, как молнии в громоотвод, в течение двух следующих за этим заявлением минут вся компания была погребена под ворохом записных книжек и утопла в сигаретном дыму. Затем комната понемногу стала пустеть. Мак-Гэри Лягушачий Рот подобрался поближе к столу, сунул в рот сигару, зажег ее, сделал затяжку, и, держа сигару на отлете, осторожно стряхнул пепел на пол.

— Джентльмены, — объявил он, — как тренер команды «Бруклинских Доджеров», и поскольку я был человеком, открывшим Кейси, хочу сказать вам....

Репортеры быстренько вышли из комнаты, за ними последовал уполномоченный и секретарь, а там и Кейси со Стилманом.

— Мне надлежит сообщить вам, джентльмены, — продолжал Лягушачий Рот, вытирая губы после слова «надлежит» и думая про себя, откуда он взял это слово. — Мне надлежит упомянуть о том, что команда «Бруклинских Доджеров» — это команда, которую так запросто не победишь. У нас и скорость, и выносливость, — тут он вспомнил речь Пэта О'Брайена в фильме Кнута Рокка: — ...сила, напор, выносливость.

Он не заметил, что дверь, хлопнув, закрылась, что в комнате кроме него находился только Бертрам Бизли.

— А с такими данными, — продолжал он голосом из фильма Кнута Рокка, — Знамя Национальной лиги и Мирового чемпионата, и...

— Мак-Гэри, — крикнул ему Бизли. Лягушачий Рот вздрогнул, как будто его внезапно разбудили. Бизли поднялся с кушетки. — И почему ты не сдохнешь? — поинтересовался он и вышел из комнаты, оставив Лягушачьего Рта наедине со своими размышлениями о том, как Пэт О'Брайен развивал эту свою речь в раздевалке во время перерыва в той эпохальной игре с «Гвардейцами Нотр-Дама».

Как Мак-Гэри или Бертрам Бизли провели следующие мучительные двадцать часов, можно только догадываться. Лягушачий Рот опустил свою бутылочку с нервными пилюлями и провел бессонную ночь, расхаживая по гостиничному номеру. Бизли и вовсе мог бы припомнить разве что короткие мгновения между обмороками, которые случались каждый раз, когда звонил телефон.

ему папку с бумагами, и за короткий промежуток времени, пока она открывала дверь, он мог увидеть толпу репортеров в коридоре.

— Что делать с репортерами? — спросила секретарша.

Мак-Гэри Лягушачий Рот, сидевший на стуле рядом со столом, высказал предположение, что можно было бы с ними сделать, или, точнее, что они сами могли бы с собой сделать. Потрясенная секретарша вылетела из комнаты. Уполномоченный откинулся на стуле.

— Вы понимаете, Мак-Гэри, — сказал он, — что я собираюсь предать этот случай огласке. Кейси должен быть отстранен.

Бертрам Бизли, сидевший на кушетке в другом конце комнаты, издал полузадушенный слабый горловой звук, но в обморок не упал.

— Почему? — громко спросил Лягушачий Рот.

Уполномоченный стукнул кулаком по столу.

— Потому что он робот, черт побери, — сказал он в двенадцатый раз за последний час.

Мак-Гэри развел руками.

— Да, он робот, — просто сказал он.

Уполномоченный взял толстенный справочник.

— Статья 6, раздел 2, бейсбольный кодекс, — произнес он. — Цитирую: Команда должна состоять из девяти человек, конец цитаты. Человек, понимаете, Мак-Гэри? Девять ЧЕЛОВЕК. Не роботов.

Послышался слабый надорванный голос Бизли с кушетки.

— Комиссар, — сказал он вяло, — у него человеческие намерения и человеческие цели, он является человеческим существом. — Затем он посмотрел через всю комнату на долговязого подающего, безучастно стоявшего в тени. — Кейси, поговори с ним. Расскажи ему о себе.

Кейси слотнул.

— Что... что я должен сказать? — спросил он нерешительно.

— Смотри, — замахал руками Лягушачий Рот. — Он говорит так же хорошо, как я. И он намного лучше большинства болванов из моей бейсбольной команды!

Кулак уполномоченного в который раз стукнул по столу.

— ОН НЕ ЧЕЛОВЕК!

И снова с кушетки раздался слабый стон отчаяния:

— Каким еще, по-твоему, он должен быть человеком? Чего тебе еще? — спросил главный тренер. — У него есть руки, ноги, лицо. Он разговаривает...

— Но сердца-то у него нет, — закричал уполномоченный. — Он даже сердца не имеет. Как бы он мог быть человеком, если сердца нет?

Голос Мак-Гэри и вовсе упал чуть ли не до тихого стога. Его обладатель был прямо-таки раздавлен неопровержимой логикой и истинной правдой этих аргументов.

На следующий вечер команда готовилась к матчу в раздевалке. Они играли первую серию из пяти игр против команды «Нью-Йоркских Гигантов», и Мак-Гэри уже придумал девять оперативных планов, а потом порвал их все до единого. Теперь он сидел на скамье и смотрел на своих игроков. Те молчали, как будто их ждал по меньшей мере эшафот. Не было слышно ни звука. Временами то та, то другая пара глаз поворачивалась к телефону, висящему на стене. Бизли уже звонил доктору Стилману раз семь за этот вечер и не получил никакого ответа. Теперь он разговаривал по телефону с оператором дальней связи в Нью-Джерси.

— Да, — сказал Бизли, и остальные игроки напряженно слушали.

— Ну, — не выдержал Лягушачий Рот. — Как он?

Бизли покачал головой.

— Я не знаю. Оператор все еще не может пробиться.

Монк, самый лучший принимающий «Доджеров», поднялся со скамьи.

— Может быть, там как раз операция в самом разгаре, — предположил он.

Лягушачий Рот обернулся к нему, свирепо сверкнув глазами.

— Итак, у него операция в самом разгаре! Он что, не может одной рукой снять телефонную трубку? — Он посмотрел на стенные часы, потом утрашающе выпятил челюсть и обвел взглядом скамью с сидящими на ней игроками.

— Мы не можем больше ждать, — заявил он. — Я должен укомплектовать команду на сегодняшнюю игру. Корриган, — сказал он, указывая пальцем на одного из игроков, — сегодня ты будешь подавать. А теперь, все остальные! — Он засунул пальцы в задний карман и стал расхаживать перед ними взад и вперед, подражая Пэту О'Брайену.

— Ну парни, — сказал он жестко. — Ну! — Он перестал расхаживать и направился к двери.

— Там соперник, — провозгласил он, голос его слегка дрожал. — Это «Нью-Йоркские Гиганты». — Он произносил слова так, как если бы они были синонимами социальной опасности.

— И пока мы играем, — голос его снова дрогнул, — на столе лежит большой парень по имени Кейси и борется за жизнь.

Слезы заблестели в глазах Монка, когда этот большой специалист ловить мячи представил себе храброго парня, лежащего на операционном столе. Джипи Резник, третий игрок, уткнулся в носовой платок, словно горький ком застрял у него в горле. Бертрам Бизли всхлипнул, прикинув, сколько зрителей было за шесть недель, пока они играли с Кейси, сделал некоторый прогноз о том, что было бы без Кейси, и всхлипнул еще раз. Мак-Гэри Лягушачий Рот ходил взад-вперед перед строем игроков.

— Я знаю, — заговорил он сладким голосом, в котором чувствовались едва сдерживаемые рыдания. — Я знаю, что последними сло-

вами, перед тем, как нож вошел ему в грудь, были: «Идите, «Доджеры», и победите! Победите ради большого славного парня Кейси!»

Последние слова этой тирады были задушены слезами, хлынувшими из глаз Лягушачьего Рта, и рыданиями, перехватившими ему грудь.

Дверь с улицы в раздевалку открылась, и вошел доктор Стилман, за ним шествовал Кейси. Но внимание всех игроков было приковано к Мак-Гэри, который добрался до грандиозной финальной части своей речи.

— Я еще кое-что хочу сказать вам, ребята! Отныне... — громко завопил он, — отныне здесь всегда будет присутствовать душа. Каждый раз, когда вы поднимаете биту, смотрите туда, где обычно сидел Кейси, — потому что его душа будет поддерживать вас и ободрять, кричать вам: Давайте, «Доджеры», давайте! — Мак-Гэри обернулся и посмотрел на Кейси, который улыбался ему. Лягушачий Рот небрежно кивнул.

— Привет, Кейси, — сказал он и повернулся к команде.

— Теперь я собираюсь еще кое-что сказать вам об этом большом парне. У парня есть сердце. Не такое, как у нас, но этот парняга, который лежит сейчас на операционном столе с дыркой в груди...

Нижняя челюсть Лягушачьего Рта отвисла дюймов на семь, когда он медленно повернулся и посмотрел на Кейси. Но сказать по этому случаю он ничего не успел, потому что команда оттеснила его в сторону. Все бросились к герою, тряся руку, колотя по спине, тормоша и хватая его, каждый хотел крикнуть что-то, и поэтому гам поднялся невообразимый. Лягушачьему Рту потребовалось мгновение, чтобы прийти в себя, после чего он крикнул:

— Ну хватит! Замолчите! Тихо! ТИХО!

Он оттащил игроков от Кейси и наконец пробился к рослому подающему.

— Ну? — спросил он.

Стилман улыбался: — Иди, Кейси. Скажи ему.

Именно в этот момент все в комнате обратили внимание на лицо Кейси. Он улыбался. Это была большая улыбка. Широкая улыбка. Завораживающая улыбка. Она разлилась по всему лицу вверх и вниз. Она светила в его глазах.

— Послушайте, мистер Мак-Гэри, — гордо сказала он и показал пальцем себе на грудь. Лягушачий Рот приложил ухо и услышал устойчивое «тик», «тик», «тик».

Тут Лягушачий Рот отступил назад и взволнованно закричал:

— У тебя появилось сердце.

Реплики игроков слились в восхищенный хор, который Бизли, едва стоящий на ногах от волнения, пытался утихомирить.

— А посмотрите на эту улыбку, — сказал Стилман, перекрывая общий шум. — Это единственное, чего я не смог дать ему раньше, улыбка!

Кейси обнял старика.

— Это здорово. Это просто здорово. Теперь я чувствую себя... чувствую себя... как единое целое!

Команда взревела от переполнявших ее чувств, а Бертрам Бизли взобрался на массажный стол, сложил рупором руки и прокричал:

— Прекрасно, «Доджеры» — на поле. Команда — вперед! Кейси сегодня начинает. Новый Кейси!

Команда шумно выбежала на поле, отбросив Мак-Гэри в сторону и заглушив первую часть его новой речи, которую он начал так:

— Ну, парни! Весело, энергично, напористо... — Ему не удалось закончить речь, потому, что Монк, Резник и Инфилд в едином порыве вынесли его за дверь.

Когда Кейси был объявлен стартером команды «Доджеров» в этой игре, толпа изрыгнула рев, который мог заглушить любой раскат грома из тех, какие когда-либо громыхали здесь или в окрестностях Нью-Йорка. А когда Кейси вышел на поле и направился к насыпи, 75833 человека встали и как один зааплодировали, и только второй игрок, который в это время нес мяч подающему, заметил, что в глазах могучего Кейси были слезы, а выражение его лица такое, что второй игрок остановился. Поистине, он никогда не видел НИКАКОГО выражения на лице Кейси прежде, а сейчас он остановился и потом, когда шел к своей линии, несколько раз оглянулся.

Судья крикнул: «Игра», и Доджеры начали шумно переговариваться, что всегда предшествовало первой подаче. Монк подал сигнал, а затем выставил руку, ожидая мяча. Начинать надо с быстрого мяча, подумал он. Следует дать им понять, против кого они играют, подзадорить их немножко. Ошеломить. Заставить из нервничать. Вот как планировал Монк свою стратегию за площадкой. Такая стратегия и не была особенно необходима, когда подавал Кейси, но всегда неплохо было продемонстрировать с самого начала тяжелую артиллерию! Кейси кивнул, крунулся и бросил. Спустя двенадцать секунд у женщины в квартире на третьем этаже в трех кварталах от стадиона бейсбольным мячом, пролетевшим более семисот футов, было выбито стекло в спальне.

Тем временем толпа на трибунах сидела, молча разинув рты, глядя, как стартер с битой из команды «Нью-Йоркских Гигантов» вразвалочку шел по полю прямо в распростертые объятия товарищей по команде, приветствующих его после такого удачного начала.

Мак-Гэри Лягушачий Рот в этот момент почувствовал, что такого разочарования, какое постигло его только что, он еще раз просто не переживет. Если бы он мог заглянуть в ближайшее будущее, то понял бы, что этот прогноз совершенно ошибочен. Он бы предвосхитил ощущения от подач номер два, три и четыре, после которых первая подача была не более ошарашивающей, чем таблетка аспирина на пустой желудок. А уж как плохо ему стало через сорок пять минут, когда Кейси промазал девять раз, прошел шестерых, сделал две ка-

кие-то совершенно сумасшедшие подачи и пропустил бросок на холм, отчего Мак-Гэри заорал на скамье благим матом:

— Такой поймал бы и паралитик — ветеран Гражданской войны, потерявший руку при Геттисберге.

На седьмой подаче Мак-Гэри Лягушачий Рот в пятый раз прошел по холму и на этот раз не возвращался на тренерскую скамью, пока не сходил к скамейке запасных, чтобы заменить Кейси. Заменой был очень энергичный парень, хотя и несколько нервный, который непрерывно жевал табак и который почувствовал себя очень плохо, потому что, подойдя к третьей линии, от волнения проглотил весь кусок. Надсадно кашляя он взмолился на насыпь и взял мяч у Лягушачьего Рта. Кейси торжественно засунул перчатку в боковой карман и с чувством выполненного долга двинулся к душевым.

За десять минут до полуночи раздевалка опустела. Все игроки, кроме Кейси, вернулись в гостиницу. Бертрам Бизли отбыл еще раньше — шестая подача Кейси уложила его на носилки. В раздевалке находились только тренер, который время от времени по-волчьи взрыкивал и дергал головой назад и вперед, да добродушный седовласый старик, строивший роботов. Кейси вышел из душевой, завернутый в полотенце. Он мягко улыбнулся Лягушачьему Рту, а потом подошел к своему шкафчику и как ни в чем ни бывало начал одеваться.

— Ну, — заорал на него Лягушачий Рот. — Ну? Первую минуту он прямо-таки как богини судьбы, все три вместе взятые, а еще через минуту — кузен каждому «Нью-Йоркскому Гиганту». Это прямо-таки какой-то сосуд скудельный. Дыра-дырища! Ну, ладно, может быть, ты что-нибудь скажешь, Кейси? Может, объяснишь? Мог бы для начала сказать мне, как один человек может пропуделять девять мячей, профукать четыре одиночных, два двойных, тройную и две в собственном доме?

Вопрос остался без ответа. Стилман взглянул на Кейси и очень мягко произнес:

— Сказать ему, Кейси?

Кейси виновато кивнул. Стилман повернулся к Мак-Гэри.

— У Кейси теперь есть сердце, — сказал он спокойно.

Лягушачий Рот вспылал.

— Да? У него есть сердце? Да, я знаю, что он заполучил сердце! Поэтому это не новость, профессор! Объясните мне, в чем дело!

— Дело в том, — сказал Кейси, и это был первый раз, когда он сказал больше трех предложений кряду, с того момента, как Мак-Гэри встретил его. — Дело в том, мистер Мак-Гэри, что я просто не могу выбивать этих бедных ребят. Во мне не было желания делать то... ну, ущемлять их чувства. Я чувствовал — я чувствовал жалость! — Он посмотрел на Стилмана, как бы ища поддержки.

Стилман кивнул.

— Вот что он обрел, мистер Мак-Гэри. Жалость. Посмотрите, как он улыбается.

Кейси согласно кивнул. Он выглядел очень счастливым, а Стилман улыбнулся ему.

— Видите, мистер Мак-Гэри, — продолжал он. — Человек получает сердце, особенно такой, как Кейси, который пробыл здесь не настолько долго, чтобы понять такие вещи, как соперничество, или стремление первенствовать, или эгоизм. Видите, — пожал плечами, — вот что получается в этом случае.

Лягушачий Рот плюхнулся на скамью, открыл бутылку с пилюлями и обнаружил, что она пуста. Он бросил ее через плечо.

— Вот что получается с НИМ, — с горечью сказал он. — Сказать тебе, что со мной случится? Я снова стану тренером девяти развалин, настолько дряхлых, что должен буду натирать их формальдегидом и оживлять в промежутках между подачами. — Он вдруг задумался и посмотрел на Кейси. — Кейси, — спросил он, — а «Бруклинских Доджеров» тебе не жалко?

Кейси снова посмотрел на него с улыбкой.

— Простите, мистер Мак-Гэри, — сказал он. — Дело как раз в том, что я вообще не хочу выбивать парней. Я не хочу, чтобы из-за меня портилась карьера. Доктор Стилман полагает, что теперь мне лучше заняться благотворительной деятельностью. Я хотел бы помогать людям. Правильно, доктор Стилман?

— Правильно, Кейси, — ответил Стилман.

— Вы уходите? — спросил Кейси у Мак-Гэри, когда увидел, что тренер направляется к двери.

Лягушачий Рот повернулся к нему. Усмешка на его лице была усмешкой умирающего человечества.

— Не стоит благодарности, — ответил он.

Он глубоко вздохнул и вышел в темный августовский вечер, а черные заголовки газет на стенде сразу на выходе из стадиона кричали ему: — **МЫ ЖЕ ГОВОРИЛИ!** и — он прочел это по слогам — **«КЕЙСИ БОМБАРДИРОВАЛ ГОРОД С ХОЛМА».**

На углу стоял репортер. Мак-Гэри мало знал этого парня.

— Ну что скажете, мистер Мак-Гэри? — спросил репортер. — Кого вы теперь поставите подающим?

Лягушачий Рот с тоской посмотрел на него.

— Не знаю, — вздохнул он. — Попробую того, другого, и кто поживеет...

Махнув рукой, он прошел мимо репортера и пропал в ночи, человек с перебитым носом и понурыми плечами, которому все казалось, что он слышит шелест знамен в ночном воздухе, но который понял потом, что это были всего-навсего три рубашки на бельевой веревке, натянутой между соседними зданиями.

ЧУДОВИЩА НА УЛИЦЕ КЛЕНОВОЙ

Была суббота, дело близилось к вечеру. Осеннее солнце еще хранило тепло долго не сдававшегося бабьего лета. Жители улицы Кленовой наслаждались задержкой холодов и, кто как мог, пользовались предоставившимся случаем. Взрослые подстригали лужайки перед коттеджами и наводили глянец на автомобили, дети играли на тротуаре в классики. Старый мистер ван Хорн, патриарх улицы, живший бобылем, вытащил на лужайку электропилу и нарезал планки для изгороди. Вывернувшийся из-за угла на своем велосипеде Весельчак Джо был моментально окружен ребятней: шум, гам, крики «Подождите, подождите» тех, кто помчался выпрашивать пятаки у родителей. 4-40 пополудни. Репортаж о футбольном матче, доносящийся из висящего на крыльце чьего-то дома транзистора, смешивался с привычными звуками субботнего октябрьского вечера. 4-40 пополудни. Улица Кленовая доживала последние спокойные мгновения перед появлением чудовищ.

Стив Брэнд, крепко сбитый мужчина лет сорока с небольшим, одетый в моряцкий комбинезон, мыл машину, когда небо прочертила какая-то вспышка. Все находящиеся на улице подняли головы на шипящий звук и увидели ослепительную искорку, перечеркнувшую солнце.

— Что это там? — крикнул Стив своему соседу, Дону Мартину, который в это время заменял спицу на сынишкином велосипеде.

Мартин, как и все на улице, приложил ладонь козырьком к глазам, всматриваясь в небо.

— Похоже на метеор, верно? Но удара вроде не было.

Стив кивнул.

— Нет. Только этот свист, и все.

На крыльце появилась жена Стива.

— Стив! Что там такое?

Стив закрутил вентиль шланга.

— Думаю, что метеор, солнышко. Где-то совсем близко.

— На мой взгляд, даже слишком, — отозвалась жена. — Чересчур близко для меня.

Она повернулась, чтобы возвратиться в дом, и вдруг остановилась в дверях. По всей улице люди замерли, поглядывая на соседей, пока смутное ощущение не переросло в твердую уверенность. Вокруг не было слышно ни звука. Ни единого. Абсолютная тишина. Смолк радиоприемник. Смолкли газонокосилки. Смолкло пощелкивание распылителей, разбрызгивающих вокруг себя струи воды. Полная тишина.

Миссис Шарп (пятьдесят пять лет) сообщила по телефону двоюродной сестре, живущей на другом краю города, рецепт пирога. Сест-

ра как раз просила повторить количество яиц, и тут голос ее пропал прямо на середине фразы. Миссис Шарп, которая была не самой уравновешенной женщиной в городе, в ярости застучала по телефонному рычагу.

Пит ван Хорн отрезал полдоски, и тут его пила встала. Он проверил подводящий разъем, розетку на стене дома и пробки в подвале. Тока не было.

Жена Стива Брэнда, Агнесса, вышла на крыльцо и сообщила, что плита перестала работать. Тока нет, или что-то там еще. Может быть, Стив посмотрит? Стив в данную минуту посмотреть не мог, так как возился со шлангом, который вдруг перестал подавать воду.

На той стороне улицы Чарли Франсуорт, толстый коротышка в кричащей расцветки спортивной гавайке с девушками, несущими на головах корзины ананасов, в ярости выскочил на тротуар, осыпая проклятиями все эти радиозаводы, которые имеют наглость выпускать транзисторы, ломающиеся как раз во время атаки на ворота соперника.

Голоса накладывались на голоса, и вот тишины уже не стало. Была мешанина вопросов и возмущенных протестов, жалоб на недоваренные обеды, недополитые лужайки, недовымытые автомобили, прерванные телефонные разговоры. Не связано ли это с метеором? Это был главный вопрос, вопрос, задаваемый наиболее часто. Пит ван Хорн с досадой отшвырнул ногой шнур электропитания пилы и объявил группе людей, собравшихся около пикапа Стива Брэнда, что намерен отправиться на Беннет Авеню посмотреть, как обстоят дела с электричеством там. Он исчез на заднем дворе, и последний раз его видели направляющимся в сторону заднего двора дома, стоящего позади его собственного.

Стив Брэнд, недоуменно подняв брови, поглядывал, прислонясь к дверце машины, на собравшихся соседей.

— Это просто бессмысленно, — говорил он. — Почему это электричество отключилось так сразу и одновременно с телефоном?

Дон Мартин вытер перемазанные тавотом руки.

— Может, это из-за грозы?

Голос коротышки Чарли был, как всегда, противно высок.

— Это навряд ли, — визгливо возразил он. — Небо голубое, как всегда. Ни облачка. Не было ни молний, ни грома. Ничего. Какая уж тут гроза.

Лицо миссис Шарп избороздили года и, еще в большей степени, невзгоды раннего вдовства.

— Что и говорить, ужасно, когда телефонная компания не в состоянии содержать линию в порядке, — внесла она свою лепту в разговор. — Просто ужасно.

— А что вы скажете про мой транзистор? — перебил Чарли. —

Эти парни из Огайо перехватили мяч у «Южных Методистов» около восемнадцатиярдовой линии. И только они ринулись в атаку, как эта фигура замолчала!

Невнятица голосов, переглядывание, покачивание голов.

Чарли поковырялся в зубах грязным пальцем.

— Стив, — сказал он своим пронзительным голосом. — Почему бы тебе не доехать до полиции?

— Да они решат, что мы свихнулись, — возразил Дон Мартин. — Пустяшная поломка на подстанции, а мы уж и занервничали.

— Это не просто поломка на подстанции, — сказал Стив. — Если бы только это, так транзистор бы работал.

Снова невнятица голосов, согласные кивки.

Стив открыл дверцу пикапа.

— Я еду в город. Надо все выяснить.

Он поудобнее устроил свое грузное тело на переднем сидении, повернул ключ зажигания и нажал стартер. Ни звука. Мотор даже не дернулся. Стив сделал еще пару попыток. Безрезультатно. Остальные молча глядели на него. Он поскреб челюсть.

— Сломалась, что ли? Вроде бы была в полном порядке.

— Может, бензин? — предположил Дон.

Стив покачал головой.

— Только что залил полный бак.

— И что это значит? — спросила миссис Шарп.

Поросычьи глазки Чарли Франсуорта на мгновение широко раскрылись.

— Похоже, что... похоже, что все сразу остановилось. Ты бы лучше дошел до города, Стив.

— Я с тобой, — заявил Дон.

Стив выбрался из пикапа, хлопнул дверцей и повернулся к Дону.

— Вряд ли это метеор, — сказал он. — Метеор не может натворить *такого*. — Он задумчиво поглядел на небо, потом кивнул. — Пошли.

Они стали выбираться из толпы, и тут услышали мальчишеский голос. Голос Томми Бишопы, двенадцати лет.

— Мистер Брэнд! Мистер Мартин! Лучше не ходите!

Стив повернулся к нему.

— Почему это? — спросил он.

— Они не хотят, чтобы мы уходили отсюда, — ответил Томми.

Стив и Дон обменялись взглядами.

— *Кто* не хочет, чтобы мы уходили отсюда? — спросил Стив.

Томми ткнул пальцем в небо.

— Они, — сказал он.

— Они? — переспросил Стив.

— Кто это «они»? — взвизгнул Чарли.

— Те, кто был в этой штуке, которая пролетела над нами, — не колеблясь ответил Томми.

Стив не торопясь подошел к мальчику и остановился около него.

— Что, Томми?

— Те, кто был в этой штуке, которая пролетела над нами, — повторил Томми. — Я не думаю, что они хотят, чтобы мы уходили отсюда.

Стив опустил на корточки.

— Что ты хочешь сказать, Томми? О чем это ты?

— Они не хотят, чтобы мы уходили, поэтому они и выключили все.

— Почему ты так думаешь? — в голосе Стива пробились раздражение. — С чего это тебе в голову пришло *такое*?

Миссис Шарп протолкалась вперед.

— Это самая дичайшая чушь, какую я когда-либо слышала, — объявила она голосом вокзального репродуктора, — из всей той дикой чуши, что мне приводилось слышать!

Томми видел общее нежелание серьезно отнестись к его словам.

— Всегда так бывает, — сказал он, защищаясь. — В любом рассказе про приземление инопланетных кораблей, который я читал!

Чарли Франсуорт ехидно засмеялся.

Миссис Шарп ткнула костлявым пальцем в сторону матери Томми.

— Если бы ты спросила меня, Салли Бишоп, — провозгласила она, — я бы посоветовала тебе отправить своего сыночка в постель. Он то ли начитался комиксов, то ли насмотрелся дурацких фильмов.

Салли Бишоп покраснела и крепко схватила сына за плечи.

— Томми, — сказала она негромко. — Перестань, пожалуйста, говорить такие вещи.

Стив не сводил глаз с Томми.

— Олд райт, Том. Мы скоро вернемся. Сам увидишь. Это был не корабль. Это был просто... метеор или что-то наподобие... — Он обернулся к людям, стараясь наполнить свои слова оптимизмом, которого на самом деле не испытывал. — Никаких сомнений, что он и вызвал аварию на подстанции и все эти штучки. Метеоры делают странные вещи, как и солнечные пятна.

— Верно, — подхватил Дон, словно прочитав его мысли. — Как солнечные пятна. Именно так. Они способны натворить дел с радиоприемом по всему свету. А эта штука прошла совсем рядом... так что

трудно сказать, что она могла надеть. — Он нервно облизнул губы. — Пошли, Стив. Дойдем до города и посмотрим, может, там все в полном порядке.

Они снова начали выбираться из толпы.

— Мистер Брэнд! — Голос Томми был и дерзким, и испуганным одновременно. Он вырвался из рук матери и подбежал к ним. — Пожалуйста, мистер Брэнд, пожалуйста, не ходите.

Люди зашумели, зашевелились, забеспокоились. Было что-то такое в этом парнишке. В напряженном выражении его лица. В словах, которые несли такую силу, уверенность и страх. Сперва этим словам никто не придавал значения, потому что разум и логика не оставляли места космическим кораблям и зеленым человечкам. Но раздражение, замелькавшее в глазах, ворчанье и поджатые губы не имели ничего общего с разумом. Томми принес страхи, которые не следовало бы сюда приносить, а жители улицы Кленовой ничем не отличались от прочих людей. Порядок, рассудок, логику — все смели прочь прочь предположения двенадцатилетнего мальчишки.

— Отшлепайте его, кто-нибудь, — выкрикнул сзади чей-то сердитый голос.

Голос Томми Бишопа звучал по-прежнему храбро. Он прорезал людской шум и поднялся над ним.

— Вам могут просто не дать добраться до города, — заявил мальчуган. — Так бывает во всех рассказах. *Никто* не может уйти. Никто, кроме...

— Кроме кого? — вмешался Стив.

— Кроме тех, кого они посылают вперед себя. Они выглядят совсем как люди. И пока корабль не приземлится...

Его мать схватила его за руку и притянула к себе.

— Томми, — сказала она вполголоса, — пожалуйста... не надо говорить таких вещей.

— Верно, ни к чему ему болтать языком, — снова донесся сзади сердитый голос. — А нам ни к чему его слушать. Более идиотских вещей я в жизни не слышал. Мальчишка пересказывает нам комикс, а мы тут и уши развесили...

Стив обвел взглядом толпу, и голос увял. Страх может кинуть людей в панику, но он же может заставить их подчиняться лидеру, а Стив Брэнд в этот момент и был таким лидером. Коренастый мужчина в моряцком комбинезоне имел на Кленовой улице авторитет.

— Ну давай, Томми, — обратился он к мальчику. — Что это был за рассказ? Что там насчет тех, кого посылают впереди?

— Так они готовили высадку, мистер Брэнд, — сказал Томми. — Они послали четырех людей. Мать, отца и двоих детей, которые были совсем как люди. Только они не были людьми.

Движение в толпе, деланный смех. Люди переглядывались, двое-трое улыбались.

— Что ж, — сказал Стив легким тоном. Однако осторожно подбирая слова. — Полагаю, нам надо поприсмотреться друг к другу и разобраться, кто из нас человек, а кто нет.

Слова его принесли облегчение. Раздался дружный смех. Однако вскоре он умолк. Только Чарли Франсуорт все продолжал гоготать в наступившей тишине, но и он в конце концов замолчал — принялся обводить собравшихся мрачным взглядом. Пятнадцать человек поглядывали друг на друга совершенно изменившимися глазами. Двенадцатилетний мальчуган бросил в землю семя. И что-то выросло из него. Нечто с невидимыми ветвями, которые обвивались вокруг мужчин и женщин и растаскивали их в стороны. Тяжелое недоверие повисло в воздухе.

Вдруг раздался звук заводимого автомобильного мотора, и все головы разом повернулись. На той стороне дороги сидел в своем автомобиле с откидным верхом Нэд Розен и пытался завести машину, но ничего у него не получалось. Звук натужно проворачивающегося двигателя становился все более низким, все более скрежещающим и наконец окончательно смолк. Нэд Розен, мужчина за тридцать с постоянно серьезным лицом, вылез из машины и захлопнул дверцу. Постоял, посмотрел на автомобиль, покачал головой, кинул взгляд на собравшихся людей и зашагал в их сторону.

— Что, Нэд, не заводится? — крикнул ему Дон Мартин.

— Ни в какую, — отозвался Нэд. — Чудно, утром работала, как часы.

Безо всякого предупреждения, сам по себе, автомобиль завелся, выбросив густое облачко выхлопных газов, и тихонько заурчал на холостых оборотах. Нэд Розен ошарашенно оглянулся, и глаза его расширились. Так же неожиданно, как завелся, двигатель захлебнулся и смолк.

— Сама завелась! — возбужденно взвизгнул Чарли Франсуорт.

— Как это могло случиться? — недоуменно спросила миссис Шарп. — Как она могла завестись сама собой?

Салли Бишоп, выпустив руку сына, покачала головой.

— Как это случилось... — начала она и замолчала.

Больше никто не задавал вопросов. Люди молча стояли и смотрели на Нэда Розена, который только переводил взгляд с машины на соседей и обратно. Постояв так, Нэд подошел к машине, оглядел ее и задумчиво почесал затылок.

— Кто-то должен мне это объяснить, — сказал он. — В жизни не видал ничего подобного!

— Он не выходил из дома, когда все смотрели на эту летящую штуковину. Даже и не поинтересовался, — со значением сказал Дон Мартин.

— Пожалуй, стоит задать ему пару вопросов, — важно заявил Чарли Франсуорт. — Я все-таки хочу знать, что здесь происходит.

Послышался хор согласных голосов, и пятнадцать человек дружно направились к дому Нэда Розена. Единство было восстановлено. Теперь у них была цель, было ощущение осмысленной деятельности, было направление действий. Они что-то делали. Не все понимали, что именно, но, по крайней мере, вот стоял у ворот Нэд Розен, и его можно было увидеть, потрогать, спросить. Нэд с нарастающим беспокойством глядел на приближающихся соседей. Они остановились на тротуаре рядом с воротами его дома, изучающе поглядывая на него.

Нэд ткнул пальцем в сторону автомобиля.

— Я знаю об этом не больше вашего! Я пытался завести ее, но она не заводилась. Сами видели. Каждый из вас это видел.

Толпа стояла молча, и это молчание давило на него и внушало тревогу.

— Я ничего не понимаю! — выкрикнул он. — Клянусь... Я ничего не понимаю. Что случилось?

Чарли Франсуорт выступил вперед.

— Может, лучше ты объяснишь это нам, — потребовал он. — На нашей улице ничего не работает. Ничего. Погасли огни, нет электричества, сломалось радио. Не работает ничего, кроме единственной машины... *твоей!*

В толпе послышался гул. Стив Брэнд молча стоял в задних рядах. Происходящее ему не нравилось. Эмоции людей грозили вырваться из-под контроля.

— Давай, Розен, — скомандовал Чарли Франсуорт своим визгливым голосом. — Мы хотим услышать, что тут происходит! И еще хотим услышать твои объяснения насчет машины.

Нэд Розен не был трусом. Он был человеком мирным, не любил насилие и никогда не дрался. Но он терпеть не мог, когда его брали на испуг. Нэд Розен взъярился.

— Ну-ка поспокойнее! — закричал он. — Осадите все назад! Олл райт, моя машина завелась сама собой. Согласен, это странно! Ну так что, меня теперь в тюрьму за это сажать? Я не знаю, почему так случилось. Случилось — и все!

Слова Розена толпу не отрезвили и не успокоили. Люди сбились плотнее, загомонили. Взгляд Нэда, перебегая с лица на лицо, оставался на Стиве. Нэд знал Стива Брэнда. Из всех жителей улицы он казался наиболее обстоятельным. Наиболее умным. Наиболее уважаемым.

— Что происходит, Стив? — спросил он.

— Мы все тут помешались на чудовищах, Нэд, — спокойно ответил Брэнд. — Главная идея, как я понял, заключается в том, что одна из семей, возможно, вовсе не та, за кого себя выдает. Чудовища из

космоса или кто там еще. Нелюди. Пятая колонна из глубин Вселенной. — Он не смог сдержать своего сарказма. — Не знаешь никого здесь, кто бы подходил под это описание?

Глаза Розена сузились.

— В чем дело, ребята? — Он снова обвел взглядом людей. — Это что, шутка такая? — И тут безо всякой видимой причины, безо всякой логики, безо всякого объяснения автомобиль его снова завелся, поработал на холостом ходу, выпустил густое облако дыма из выхлопной трубы и замолк.

Вскрикнула какая-то женщина. Глаза, смотрящие на Розена, сделались холодными и обвиняющими. Он поднялся на ступени крыльца и остановился там, глядя на соседей.

— Вот это вы и собираетесь поставить мне в вину? — спросил он. — То, что мотор заработал, а потом остановился? Да, это действительно случилось. — Нэд медленным взглядом обвел лица соседей. — Я не понимаю, в чем тут дело. Так же, как и вы.

Он видел, что слова его не находят отклика. «Не может быть», — подумал он.

— Слушайте, — сказал он другим тоном. — Вы все знаете меня. Мы живем здесь четыре года. В этом самом доме. Мы ничем не отличаемся от вас! — Он протянул к ним руки. Люди, на которых он глядел, мало походили на тех, с кем он бок о бок прожил четыре года. Словно какой-то художник взял кисть и несколькими мазками изменил характер каждого. — Действительно, — сказал он, — все это как-то... сверхъестественно...

— Что ж, в таком случае, Нэд Розен, — раздался голос миссис Шарп, — может, ты лучше объяснишь нам, почему... — Она замолчала, плотно сжав губы, но на лице ее появилось глубокомысленное и довольное выражение.

— Что объяснить? — недоуменно спросил Нэд Розен.

Стив Брэнд почувствовал приближение настоящей опасности.

— Слушайте, — сказал он, — давайте забудем все эти...

Но Чарли Франсуорт быстро перебил его:

— Нет уж. Пусть она скажет. В чем там дело? Что он должен объяснить?

Миссис Шарп как бы с величайшей неохотой сказала:

— Ну, иногда я ложусь очень поздно. Пару раз... пару раз я вышла на крыльцо и видела Нэда Розена. Было уже почти утро. Он стоял около дома и глядел в небо. — Она обвела взглядом стоящих вокруг людей. — Да, именно так. Он стоял и глядел в небо, словно... словно ждал чего-то. — Она сделала драматическую паузу, чтобы усилить эффект. — Да, словно ждал чего-то!

«Гвоздь в крышку гроба», — подумал Стив Брэнд. Ну есть у человека глупая, вполне рядовая особенность — и этого вполне может оказаться достаточно. Гул толпы стал громче. Лицо Нэда Розена по-

белело. На крыльцо вышла Энн, жена Нэда. Она взглянула на людей, потом быстро — на лицо мужа.

— Что происходит, Нэд?

— Я не знаю, что происходит, — ответил тот. — Я абсолютно без понятия, Энн. Но вот что я скажу тебе. Мне не нравятся эти люди. Мне не нравится то, что они делают. Мне не нравится, что они стоят вот так у меня во дворе. И если хоть один из них сделает хотя бы шаг — я выблю ему зубы. А теперь убирайтесь отсюда вы все! — выкрикнул он. — Убирайтесь отсюда к черту!

— Нэд! — запротестовала Энн.

— Вы слышали меня, — повторил он. — Убирайтесь все отсюда.

Никто не собирался совершать какое-то насилие. Люди повернулись и пошли прочь. Но все они испытывали чувство смутного удовлетворения. В конце концов, теперь у них был противник. Кто-то, кто был не таким, как они. И это их как-то успокаивало. Враг не был больше неопределенным и таинственным. У врага было крыльцо, двор и машина. И он выкрикивал в их адрес угрозы.

Люди медленно шли по улице, забыв на какое-то время, из-за чего, собственно, все началось. Забыв, что не работает телефон, что нет электричества. Забыв даже то, что и двадцати минут не прошло с тех пор, как над их головами пролетел метеор. На время все было забыто, но позднее неприятные вопросы снова стали всплывать в головах людей.

Старик ван Хорн пересек задний двор своего дома, направляясь на Беннет Авеню. Он не вернулся. Что с ним случилось? И это был не единственный вопрос, который задавал себе каждый из тридцати или сорока жителей улицы Кленовой, сидя на своем крылечке, поглядывая, как приходит ночь, и ощущая опасность, которую таила сгущающаяся темнота.

К десяти вечера по всей Кленовой улице зажглись керосиновые лампы. За окнами комнат горели свечи, по улице качались колеблющиеся неверные тени. Группки людей стояли перед домами, задерживаясь поближе к свету, и в ночном теплом воздухе слышались негромкий шелест голосов. Взгляды то и дело останавливались на крыльце Нэда Розена.

Он сидел на перилах террасы, поглядывая на разбросанные во тьме огоньки. Он знал, что окружен, и чувствовал себя обложенным со всех сторон зверем.

Его жена вышла на крыльцо, неся стакан лимонада. Лицо ее было бледным и напряженным. Как и муж, Энн Розен была человеком мягким, не склонным ни к вспыльчивости, ни к какому-либо произволу. Теперь она стояла рядом с мужем на темном крыльце, ощущая подозрительность, распространяющуюся от людей, собравшихся около керосиновых ламп, и думала, что это те самые

люди, которых она принимала в своем доме. Женщины, с которыми она обсуждала фасоны и выкройки. Люди, которые еще утром были соседями и добрыми друзьями. Господи, как все повернулось всего за несколько часов! Наверное, это просто дурной сон, подумала она. Дурной сон, который кончится, когда она проснется. Это не может быть ничем иным.

В доме напротив Мейбл Франсуорт, жена Чарли, покачала головой и с сомнением сказала мужу, который попивал из банки пиво:

— И все-таки, Чарли, мне кажется, зря мы устроили за ними слежку. Он был прав, когда говорил, что он один из наших соседей. Я знаю Энн с тех самых пор, как они приехали сюда. Мы всегда были с ней очень дружны.

Чарли Франсуорт неодобрительно покосился на нее.

— Это ничего не доказывает, — отозвался он. — Любой парень, который глазет по углам в небо... явно с ним что-то не так. Вроде как против правил, что ли. Возможно, при обычных обстоятельствах это и сошло бы ему с рук. Но обстоятельства-то как раз необычные. — Он повернулся и ткнул пальцем в окно. — Взгляни, — сказал он. — Одни свечи и керосиновые лампы. Словно снова настали темные века!

Он был прав. Ночь изменила Кленовую улицу. Подрагивающие огоньки придавали ей непривычный вид. Она сделалась странной, опасной, Кленовая улица. Такое ощущение бывает у человека, возвратившегося домой после долгого отсутствия. Все кругом вроде бы знакомое, но не то же самое. Улица стала другой.

Розены слышали приближающиеся к дому шаги. Нэд вскочил на ноги и выкрикнул в темноту.

— Кто бы ты ни был, стой, где стоишь! Я не хочу неприятностей, но любому, кто ступит на мое крыльцо, их не избежать! — Он увидел, что это был Стив Брэнд, и немного успокоился.

— Нэд... — начал Стив.

Розен перебил его:

— Я уже всем объяснил, что иногда я плохо сплю по ночам. Я встаю, прогуливаюсь и гляжу в небо. Гляжу на звезды.

Стоящая рядом Энн поддержала его:

— Все именно так и обстоит. Знаете, все это происходящее... это что-то вроде помешательства.

Стив Брэнд, стоящий на тротуаре перед воротами, мрачно кивнул.

— Так оно и есть... Помешательство.

Из соседнего двора раздался язвительный голос Чарли Франсуорта.

— Ты бы лучше подумал, с кем разговариваешь, Стив. Пока мы все не выясним, ты и сам на подозрении.

Стив резко обернулся в сторону толстого силуэта, вырисовывавшегося в свете керосиновой лампы.

— Как и ты, Чарли, — крикнул он. — Как и любой из нас!

Из темноты донесся голос миссис Шарп:

— Я бы хотела знать... Что вы намерены делать? Так и будете стоять здесь всю ночь?

— А что еще мы можем сделать? — отозвался Чарли Франсуорт. Он многозначительно посмотрел в сторону дома Розенов. — Кто-то же должен к ним прийти из тех. Обязательно должен.

Это голос Чарли заставил Стива сорваться. Визгливый, словно у поросенка, голос, исходящий из дырки в слоях жира, его идиотская спортивная рубашка и кретинские предрассудки.

— Это *ты* должен кое-что сделать, Чарли, — закричал он. — Ты должен пойти домой и заткнуться!

— Что-то ты чересчур разволновался, Стив, — донесся с соседнего двора голос Чарли. — Я думаю, нам стоит присмотреть и за тобой!

К Стиву подошел Дон Мартин с керосиновой лампой в руке. Вид у него был какой-то неуверенный, словно ему надо было запломбировать дупло зуба, но он боялся, что это будет больно. — Я думаю, сейчас все может проясниться, — сказал он. — Да. Я думаю, все должно сейчас проясниться.

Люди сошли с крылечек, подошли и плотно встали позади Дона, который стоял сейчас прямо напротив Стива.

— Твоя жена много говорила о твоих странностях, Стив, — сказал он.

Рысцей подбежал Чарли Франсуорт.

— Ну-ка, ну-ка. Расскажи, что они говорила, — возбужденно потребовал он.

Стив Брэнд знал, что так оно все и должно было случиться. Он не очень удивился такому повороту, однако ощутил, что внутри поднимается волна ярости.

— Ну, — сказал он, — и что же рассказала моя жена? Выкладывай *все*. — Он обвел взглядом стоящие вокруг темные фигуры. — Давайте перебирать все странности каждого мужчины, женщины или ребенка на этой улице! Не ограничивайтесь мной и Подом. Как насчет того, чтобы сколотить карательный отряд и сжечь на рассвете всех подозрительных? Чего стесняться!

Дон раздраженно запротестовал:

— Незачем так злиться, Стив...

— Пошел ты к черту! — перебил его Стив с холодной спокойной яростью.

Оскорбленный Дон снова перешел в наступление, однако голос его звучал чуть неуверенно и обиженно.

— Так уж вышло, что Агнесса говорила, будто ты часто пропадаешь допоздна в подвале, мастеришь то ли радиоприемник, то ли что-то там еще. Ну так вот, никто из нас никогда не *видел* этого приемника...

— Ну-ка, ну-ка, Стив! — закричал Чарли Франсуорт. — Что это за «приемник» ты мастеришь? Я никогда его не видал. И другие тоже. С кем ты говоришь по нему? И кто говорит с тобой?

Глаза Стива медленно обошли полукружие скрытых во тьме лиц и фигур соседей, сделавшихся его обвинителями.

— Удивляюсь на тебя, Чарли, — сказал он негромко. — В самом деле. С чего этот ты так сразу поглупел? С кем я говорил? Я говорил с космическими чудовищами. Я говорил с трехголовыми зелеными людьми, летающими на кораблях, похожих на метеоры!

Агнесса Брэнд торопливо подошла к мужу и с испугом схватила его за руку.

— Стив! Стив, пожалуйста... — заговорила она. — Это просто любительский приемник, — повернулась она к толпе. — Вот и все. Я сама купила ему книжку. Просто любительский приемник. У многих есть такие. Я могу показать его. Он у нас в подвале.

Стив отвел ее руку.

— Ничего ты им не покажешь, — сказал он. — Если они хотят заглянуть в наш дом, пусть сперва покажут ордер!

Раздался визгливый голос Чарли:

— Слушай, дружище, нельзя...

— Чарли! — зло оборвал его Стив, — прекрати указывать, чего мне можно, а чего нельзя. И хватит разбирать, кто опасен, а кто нет, кто наш, а кто не наш! — Он подошел к воротам, и люди подались назад. — И вы все туда же! — крикнул он в толпу. — Вам только бы кого-нибудь распять... найти козла отпущения... ткнуть пальцем в соседа! — В голосе его и выражении лица чувствовалась сила, и колеблющийся свет свечей и керосиновых ламп подчеркивал это. — И знаете, друзья, что я вам скажу? Кончится тем, что мы живьем сожрем друг друга. Понимаете? Мы живьем сожрем друг друга!

Чарли Франсуорт вдруг выбежал из толпы и схватил его за руку.

— И это не *единственное*, что может с нами случиться, — проговорил он хриплым испуганным голосом. — Гляди!

— О Боже, — выдавил Дон Мартин.

Вскрикнула миссис Шарп. Все глаза повернулись направо, где из тьмы материализовалась какая-то фигура. Звук размеренных шагов становился все громче и громче по мере ее приближения. Салли Бишоп сдавленно вскрикнула и схватила Томми за плечи.

В наступившей тишине прозвенел мальчишеский голос:

— Это чудовище! Это чудовище!

Испуганно вскрикнула какая-то женщина. Обитатели улицы Кленовой стояли словно в столбняке, и нечто неизвестное медленно приближалось к ним. Дон Мартин исчез у себя в доме и через минуту

появился с пистолетом. Он быстро прицелился в направлении приближающейся фигуры. Стив поспешно выхватил оружие из его руки.

— Господи, здесь кто-нибудь в состоянии думать? Когда вы только поумнеете! Что может сделать пистолет против...

Трясущийся от страха Чарли Франсуорт отнял у него пистолет.

— Хватит разговоров, Стив, — заявил он. — Ты нас до могилы доведешь! Ты собираешься позволить всякой пакости преспокойно разгуливать среди нас? Некоторые думают по-другому.

Он вскинул пистолет и нажал на курок. В ночную тишину вторгся оглушительный гром выстрела, подхваченный ночным эхом и его отголосками. В сотне ярдов от них неясная фигура опала, словно белье, сорванное ветром с веревки. Ото всех домов к ней побежали люди.

Стив добежал первым. Он опустился на колени перед убитым, перевернул его и заглянул в лицо. Потом поднял голову и обвел взглядом полукруг смотрящих на него глаз.

— Олл райт, друзья, — сказал он негромко. — Это случилось. Вот вам и первая жертва... Пит ван Хорн!

— Боже! — хрипло выдавил Дон Мартин. — Он же ходил на соседнюю улицу посмотреть, как там с электричеством.

Голос миссис Шарп был гласом оскорбленного правосудия.

— Ты убил его, Чарли! Ты застрелил его!

В свете керосиновой лампы, которую он держал, лицо Чарли Франсуорта напоминало дрожащий и трясущийся кусок теста.

— Я не знал, кто это был, — заговорил он торопливо. — Само собой, я не знал, кто это был. — Слезы текли по его щекам. — Он вышел из темноты... как я мог предположить, кто это такой? — Он обвел людей затравленным взглядом и схватил Стива за руку. Стив умел объяснять. — Стив! — взвизгнул он, — ты ведь знаешь, почему я выстрелил. Откуда мне было знать, чудовище это или кто-то еще?

Стив поглядел на него и не сказал ничего. Чарли рванулся к Дону.

— Мы все боялись одного и того же, — забормотал он. — Одного и того же. Я просто пытался защитить свой дом, вот и все. Слушайте, вы, это все, что я пытался сделать! — Он изо всех сил старался не смотреть на Пита ван Хорна, который не сводил с него мертвых глаз, и на его развороченную грудь. — Откуда мне было знать, что это кто-то знакомый. Богом клянусь, я не знал...

В доме Чарли Франсуорта вспыхнули лампы, заливая ярким светом стоящую на улице толпу. Все как-то сразу почувствовали себя голыми. Люди с глупым видом глядели друг на друга, щурились от света да шевелили губами, словно рыбы.

— Чарли, — провозгласила миссис Шарп голосом судьи, выносящего приговор. — Как это случилось, что только у тебя горит свет?

Нэд Розен согласно кивнул.

— И я хотел бы это знать, — сказал он. Что-то внутри пыталось его остановить, но злость заглушила этот внутренний голос. — Как это вышло, Чарли? Ты вроде бы захвачен врасплох? Тебе нечего сказать? Ты только шлепаешь своими большими жирными губами? Что ж, мы слушаем, Чарли. Мы хотим услышать, почему у тебя горит свет!

И снова хор голосов, которые повторяли этот же вопрос, придавали ему законность, поддерживали.

— В самом деле, Чарли? — спрашивали его голоса. — Как случилось, что только у тебя есть свет? — Вопросы вылетали из темноты и наотмашь хлестали по жирным мокрым щекам.

— Ты так поспешно выстрелил, — снова заговорил Нэд Розен. — И ты так хорошо объяснил, кого нам следует бояться. Так может, тебе *надо* было убить его, Чарли? Может, Пит ван Хорн, упокой, Господи, его душу, хотел нам что-нибудь сказать? Может, он обнаружил что-нибудь и вернулся, чтобы рассказать, кого нам следует остерегаться?

Глаза Чарли сделались маленькими дырочками, источающими страх. Он попятился и уперся спиной в кусты перед домом.

— Не надо, — взмолился он. — Пожалуйста, не надо! — Его пухлые руки пытались говорить за него. Они взлетали вверх в мольбе и в отчаянии падали вниз. Ладони с растопыренными пальцами просили о прощении, о понимании. — Пожалуйста, пожалуйста... Клянусь вам, это не я! Правда, не я.

Камень рассек ему щеку. Он взвизгнул и закрыл лицо руками. Люди стали надвигаться.

— Нет! — заверещал он. — Нет!

Он рванулся через кусты, словно гиппопотам, раздирая одежду, лицо и руки. Жена его бросилась к нему, но кто-то подставил ей подножку, и она упала лицом на тротуар. Еще один камень просвистел в воздухе и ударил бегущего к дому Чарли в затылок. Другой камень разбил фонарь над крыльцом, и стеклянные осколки обрушились Чарли на голову.

— Не я! — закричал он надвигающейся толпе. — Это не я, но я знаю кто, — неожиданно для себя сказал он. И только произнеся это, понял, что сказал единственно правильную в его положении вещь.

Люди остановились, неподвижные, словно статуи, и из темноты раздался голос:

— Олл райт, Чарли. Кто это?

Нелепый толстый человек стоял на крыльце и улыбался сквозь текущие по лицу слезы и кровь.

— Что ж, я скажу вам, — объявил он. — Сейчас я вам скажу это, потому что я знаю, кто это. Я действительно знаю, кто это. Это...

— Не тани, Чарли, — скомандовал голос из толпы. — Укажи нам чудовище.

Дон Мартин протолкался вперед.

— Олл райт, Чарли. Мы слушаем!

Чарли изо всех сил старался что-нибудь придумать. Чье бы имя назвать? Он был словно в дурном сне. Страх бился в голове и мешал думать.

— Это мальчишка! — выкрикнул он. — Вот это кто. Это мальчишка!

Салли Бишоп вскрикнула и обхватила руками Томми, зарывшегося лицом ей в платье.

— Это безумие, — негодуя бросила она повернувшимся к ней людям. — Это безумие. Он же ребенок.

— Но он знал, — возразила миссис Шарп. — Он был единственным, кто знал. Это он все рассказал нам. Откуда он узнал? Как он мог узнать?

Голоса поддержали ее.

— Откуда он знал?

— Кто сказал ему?

— Пусть мальчишка ответит!

Словно лихорадка охватила людей. Какой-то сжигающий тело и душу вирус, перекашивающий лица, заставляющий говорить неожиданные слова, укрепляющий внутренний страх.

Томми вырвался из рук матери и бросился прочь. Кто-то из мужчин метнулся ему наперерез, словно футболист, делающий подкат, но промахнулся. Другой, широко размахнувшись, бросил во тьму камень. Люди кинулись за Томми. В ночи раздавались мужские голоса, женские вскрики. Послышался протестующий голос одного из друзей Томми: единственный разумный голос среди охватившего людей безумия, но люди продолжали бежать по дороге, по тротуарам, по обочинам, слепо выглядывая двенадцатилетнего мальчугана.

А потом в одном из домов зажегся свет: в двухэтажном сером украшенном лепниной доме, принадлежащем Бобу Уиверу. Кто-то крикнул:

— Это не мальчишка. Это Боб Уивер!

На крыльце дома миссис Шарп зажегся фонарь, и Салли Бишоп закричала:

— Это не Боб Уивер! Это миссис Шарп!

— Говорю вам, что это мальчишка! — взвизгнул Чарли.

Огни зажигались и гасли по всей улице. Сама собой заработала чья-то газонокосилка, бешено промчалась по газону, оставляя за со-

бой неровную дорожку выстриженной травы, и врезалась в стену дома.

— Это Чарли! — закричал Дон Мартин. — Он один из них. — И увидел, как в его собственном доме вспыхнул и вновь погас свет.

Люди метались из стороны в сторону, от одного дома к другому. Камень просвистел в воздухе, вслед за ним второй. Вдребезги разбилось стекло. Закричала от боли женщина. Огни вспыхивали и гасли, вспыхивали и гасли. Чарли Франсуорт упал на колени: кусок кирпича пробил двухдюймовую дыру в его черепе. Лежащая навзничь на тротуаре и вопящая от ужаса миссис Шарп вдруг смолкла: опрометью бегущая через дорогу женщина наступила ей на голову острой шпилькой.

С вершины холма в четверти мили от городка улица Кленовая была видна очень хорошо. То тут, то там вспыхивали огни, металась кричащие люди. На улице царил бедлам. День открытых дверей в сумасшедшем доме. Стекла в домах были разбиты, осколки уличных фонарей сыпались на головы детей и женщин. Сами собой заводились газонокосилки и автомобили, включались и выключались радиоприемники. Грохочущая музыка мешалась с криками мольбы и ярости.

На вершине холма стояли у люка космического корабля двое людей, скрытых темнотой, и глядели на Кленовую улицу.

— Понимаете теперь процедуру? — спросил один из них второго. — Достаточно остановить их машины и газонокосилки, отключить радио и телефон. Погрузить их на несколько часов в темноту и смотреть, как развернутся события.

— И везде все происходит одинаково? — спросил второй.

— С незначительными вариациями, — ответил первый. — Они находят самого страшного врага: себя самих. Все, что нам остается, это сидеть в стороне... и смотреть.

— Если я правильно понял, — сказал второй, — это место, эта Кленовая улица, она ведь не одна такая?

Первый покачал головой и рассмеялся.

— Конечно, нет. Их мир состоит из Кленовых улиц, и мы пойдем от одной к другой, позволяя им уничтожать себя. — Он повернулся и пошел по пандусу, ведущему на корабль. — От одной к другой, — повторил он следующему за ним собеседнику. — От одной к другой. — Это было лишь эхо его голоса, потому что обе фигуры исчезли внутри корабля, и мягко скользящая плита закрыла вход.

— От одной к другой, — повторило эхо.

На следующее утро, когда взошло солнце, на улице Кленовой стояла тишина. Большинство домов сгорело. На тротуарах и террасах лежали трупы. Но тишина была полной. В живых не осталось никого. К четырем часам пополудни во всем мире не осталось никого, кто бы встретил рассвет. По крайней мере, людей. А во вторник на следующей неделе на улице Кленовой появились новые жители. Это были представители красивой расы. Их лица говорили о том, что у них прекрасный характер и красивой формы головы. Просто замечательные головы. По две на каждого нового жителя.

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение из забвения. Перевод Г. Барановской	3
Маскарад смерти. Перевод Г. Барановской	10
Дух Тикондероги. Перевод Г. Барановской	19
Там, в прошлом. Перевод Г. Барановской	35
Только правда. Перевод Г. Барановской	56
Убежище. Перевод Г. Барановской	79
Разборка с Рэнком Мак-Грю. Перевод Г. Барановской	100
Ночь смирения. Перевод Г. Барановской	119
Полуночное солнце. Перевод Г. Барановской	138
Скачок Рипа ван Винкля. Перевод Г. Барановской	154
Судная ночь. Перевод Г. Барановской	172
Проклятье семи башен. Перевод Г. Барановской	191
Мстящий дух. Перевод Г. Барановской	218
Сундук мертвеца. Перевод Г. Барановской	239
Дом на площади. Перевод Г. Барановской	247
Загадка гробницы. Перевод Г. Барановской	262
Escape clause. Перевод А. Молокина	281
Пешая прогулка. Перевод А. Молокина	303
Лихорадка. Перевод А. Молокина	321
Куда это все подевались? Перевод А. Молокина	339
Могучий Кейси. Перевод Г. Сугрбовой и А. Молокина	359
Чудовища на улице Кленовой. Перевод А. Молокина	383

Литературно-художественное издание

РОД СЕРЛИНГ

ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Фантастические рассказы

Редактор Н. В. Резанова

Художественный редактор А. В. Гришин

Технический редактор Г. В. Стачева

Корректор И. С. Пигулевская

Подписано к печати 25.12.92. Формат 60х84 1/16. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 27,04. Усл. кр.-отт. 24,65. Тираж 100000 экз. Заказ 3850. С 005.

Набрано и подготовлено к печати в издательстве «Флокс», 603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Нижполиграф», 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

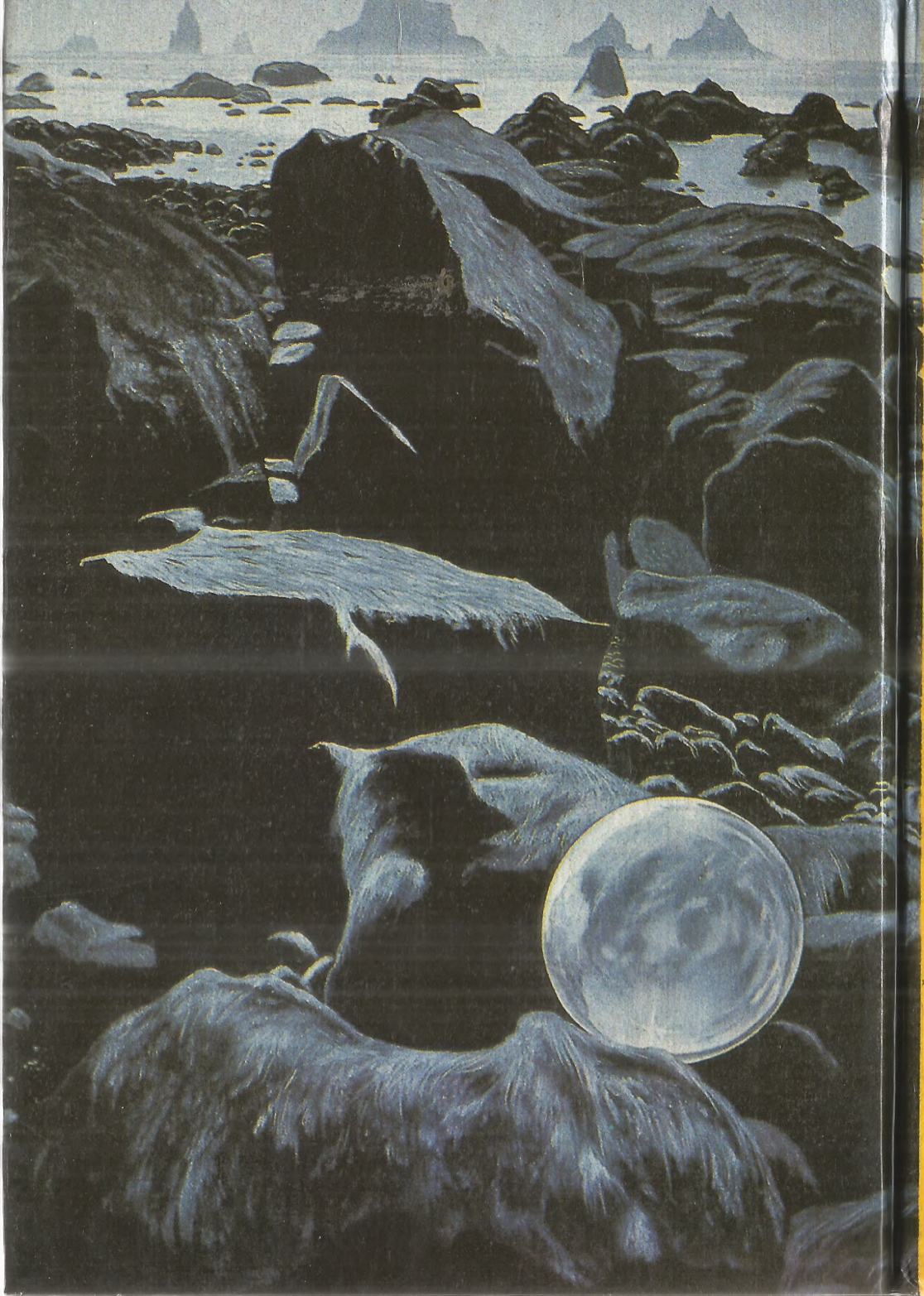

Р. СЕРВИШ

ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

